С. Г. СТРУМИЛИН

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

•

ОЧЕРКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ СССР

•

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

АКАДЕМИК

С. Г. СТРУМИЛИН

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ
4

ОЧЕРКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ СССР

ОТ АВТОРА

После XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза, утвердившего в результате всенародного обсуждения новую Программу КПСС, все яснее становятся наши очередные задачи и ближайшие перспективы на путях построения материально-технической базы коммунизма. Перед каждым из нас, советских экономистов, как и перед всеми другими гражданами СССР, поставлена почетная задача внести и свою посильную лепту активным участием в реализации этой новой и захватывающей Программы действий.

За последние годы, после XX съезда партии, наша страна вступила в новый этап своего коммунистического развития. Уже осуществлен целый ряд важнейших социально-экономических мероприятий и предрешены на ближайшие годы еще более важные достижения и преобразования.

Семилетний план на 1959—1965 гг., открывший перед нами широчайшие перспективы развития народного хозяйства, успешно выполняется и перевыполняется по важнейшим его заданиям. Но еще шире и величественнее задания новой партийной Программы на 10—20 лет вперед. Ее задания во всех отраслях труда, как в области энергетики, комплексной механизации и автоматизации производства, так и в области серьезнейших социально-экономических преобразований, столь величественны, что в результате их осуществления в нашей стране будет в основном построено коммунистическое общество.

Естественно, что в этот исторический период хозяйственного строительства предъявляются новые требования и к экономической науке. Практика ставит перед нею новые неотложные проблемы или требует пересматривать заново старые в меняющихся ежедневно условиях.

Уклоняться от их решения невозможно. И потому все чаще возникают вокруг таких не решенных еще проблем затяжные дискуссии и обсуждения в печати и на собраниях, в комиссиях и на конференциях.

Особенно остро за последние годы обсуждались у нас проблемы, связанные с законом стоимости и практикой ценообразования, проблемы планирования и эффективности капитальных вложений, проблемы новой техники и автоматизации производства, проблемы соревнования с капиталистическими странами. А в связи с заданиями новой Программы КПСС встает во всей конкретности и ряд проблем построения коммунизма. И можно сказать, что в этой области особенно много еще совсем не распаханной наукой целины. Готовых решений по всем вопросам этой области

нет, и тем настоятельнее они требуют коллективного обсуждения не завтра, а сегодня, ибо мы уже сегодня строим коммунизм.

Народная мудрость гласит, что из столкновения мнений родится истина. Внимая этой мудрости, я решил предложить читающей публике и свои отклики на текущие злобы и большие проблемы экономики наших дней. Некоторые разделы предлагаемого труда уже неоднократно появлялись в печати, быстро исчезая с книжного рынка. Но думаю, что книга в целом, в новом, расширенном ее объеме на предложенные темы, найдет своего читателя не только в ученой, но и более широкой рабочей аудитории.

Апрель 1964 г. *С. Струмилин*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

I. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ[1]

1. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ БЫТА

Социалистический город — это последняя ступень обобществления индустриального хозяйства. Он призван революционизировать последний оплот индивидуализма — архаический домашний быт современного производителя — путем индустриализации его домашнего хозяйства.

Такая целевая установка помимо всяких иных мотиваций вытекает уже из требований хозяйственной целесообразности. Во всех областях труда технический прогресс неизменно влечет за собой одни и те же последствия — укрупнение мелкого индивидуального производства, механизацию его, дальнейшую концентрацию в масштабах крупного индустриального производства и затем обобществление. Распыленное индивидуальное производство уступает свои позиции крупному уже потому, что оно менее экономично.

Те же самые тенденции довольно явственно проявляют себя и в области домашнего самообслуживания. «Святость» семейного очага уже тогда сильно дрогнула, когда на место индивидуального печного отопления пришло гораздо более дешевое центральное — водяное и паровое. Но вот с постройкой крупных электроцентралей, дающих в виде *отходов* огромное количество горячей воды и отработанного пара, необходимость использования этих даровых отходов энергии властно диктует идею *теплофикации* городов, т. е. централизацию отопления уже в пределах целых кварталов и даже городов вместо одного дома. Это еще более удешевляет центральное отопление и стало быть еще решительнее упраздняет индивидуальный печной очаг в каждой семье.

Прежде всего в этом процессе изживания домашнего очага в городе выпадает наиболее прожорливая в отношении топлива русская печь, а затем и голландские печи и плиты. Но без печей неосуществимо домашнее хлебопечение и крайне затрудняется, даже при наличии газовых плит, примусов и тому подобных суррогатов очага, домашнее изготовление обедов. И по мере того как в городе вырастают огромные механические хлебозаводы, гигантские фабрики-кухни и общественные столовые, способные не только дешевле, но и вкуснее накормить семью рабочего, чем это под силу рядовой домашней хозяйке,— для домашней стряпни наступают последние дни.

Изучая бюджет времени рабочей семьи, мы уже несколько лет назад установили, что фабрика-кухня на изготовление одного обеда затрачивает труда в 12 раз меньше, чем в домашнем производстве, хлебозавод на выпечку 1 ц хлеба — в 25 раз меньше, а водопровод на доставку 1 гл воды — в 360 раз меньше, чем для этого требуется в домашнем быту при

[1] «Плановое хозяйство», 1930, № 5. Здесь и далее дается первая публикация.

отсутствии водопровода [1]. Эти коэффициенты не только уже сами по себе предрешают грядущие судьбы домашнего хозяйства, но и объясняют, почему водопровод давно уже стоит вне всякой конкуренции с водовозами и водоносами, хлебозавод следует за ним с некоторым отставанием, а фабрика-кухня встречает на своем пути еще довольно успешное сопротивление домашних навыков и семейных традиций.

Особенно ретроградную роль эти традиции играют в области воспитания детей. Семейное воспитание конкурирует с общественным чаще всего во имя якобы наилучшего обеспечения детям материнской любви и заботы. Но ограниченность этой узко эгоистической любви ярче всего проявляется в том, что из любви к детям чадолюбивые мамаши в этом случае обычно действуют им во вред, ибо общество в целом, конечно, способно дать своим детям гораздо больше, чем даже лучшие из матерей, взятые в отдельности. Однако убедить их в этом было бы совершенно безнадежным делом. Материнские инстинкты слепы и глухи ко всякой логической аргументации. Но бесплатная трудовая школа, детский сад, ясли обладают уже сами по себе огромной объективной убедительностью. Дети сами к ним тянутся и тянут за собой матерей.

А общество в целом, беря на свое иждивение воспитание детей от люльки до университета, обеспечивает себе тем самым не только наиболее рациональную подготовку новых кадров труда, но и гораздо более эффективное использование старых. Освобожденные от бесплодной возни на кухне и от индивидуального ухода за своими детьми, миллионы домашних хозяек смогут заняться гораздо более полезным производственным и общественным трудом.

Чтобы оценить масштабы возможной экономии труда за счет обобществления домашнего быта, приведем несколько цифр (см. табл. 1). Бюджеты времени крестьян и рабочих показывают, что только на приготовление пищи, стирку белья и уход за детьми из расчета на душу населения расходуется не менее 700 часов в год. На 158,5 млн. душ наличного населения в стране этот расход составляет до 86 млрд. рабочих часов. Считая в году даже 300 рабочих дней по 10 час., этот труд занял бы все же около 25—30 млн. годовых работников. А в результате обобществления быта нам для той же цели не потребуется и пятой доли этой армии труда. Таким образом мы освободим для более производительного использования не менее 20 млн. годовых работников. Считая по весьма низким нормам 1927/28 г., каждый производственный работник города и деревни на круг повышал наш народный доход минимум на 500 руб. в год. Значит 20 млн. новых работников могли бы повышать его ежедневно по меньшей мере миллиардов на 10. Суммы немалые. Но и предварительные затраты, необходимые для получения этой экономии, нешуточны.

Для социалистического переустройства существующих и строительства новых городов по социалистическому плану потребуются огромные затраты. И в старых городах наличный строительный фонд приходится оценивать по индексу Госплана не ниже 1040 руб. (в ценах 1926/27 г.) из расчета на душу, без коммунального хозяйства. Стройка новых индустриально-аграрных или агро-индустриальных городов при всех преимуществах планового строительства обойдется не дешевле вышеуказанной нормы уже потому, что благоустройство социалистических городов должно быть несравненно сложнее и богаче. Переустройство старых промышленных центров по новому плану тоже едва ли будет много дешевле нового социалистического строительства. Таким образом, социализация быта для всех 160 млн. душ населения СССР потребовала бы от нас и затрат, даже при старых нормах жилищного уплотнения, минимум на 160 млрд. руб. (в старых деньгах), а при некотором совершенно

---

[1] С. Г. Струмилин. Рабочий быт в цифрах. М.— Л., 1926, стр. 29—34.

необходимом в новых условиях расширении душевых норм жилой площади эта сумма может возрасти до 200 млрд. руб. и выше. Осуществление такой грандиозной программы должно быть, разумеется, рассчитано на целый ряд лет.

Это проблема генерального плана народнохозяйственного строительства.

Тем не менее мы и теперь уже ежегодно затрачиваем немалые суммы на городское жилищное строительство, строим новые промышленные центры, агро-индустриальные комбинаты и т. д. Уже в 1929/30 г. на эти цели ассигновано свыше 1 млрд. руб., за следующие 3 года затрачивается по плану не менее 6—7 млрд. Было бы безумным расточительством затрачивать эти огромные суммы по старому индивидуалистическому типу обслуживания домашнего быта трудящихся. Осуществляя индустриализацию страны, мы не строим ведь новых заводов по образцу технически устаревших полукустарных предприятий прошлого века. Но в жилищном строительстве у нас и доныне нередко подсовываются советским рабочим особняки — коттеджи XVIII столетия, рассчитанные по архаической мерке отживающих идеалов мещанства позапрошлого века [1].

Эти идиллические коттеджи несомненно скоро разделят судьбу того хуторского землеустройства, которым у нас кое-где на местах довольно усердно занимались вплоть до момента назревшей возможности сплошной коллективизации целых районов. Все это прежнее землеустройство, ориентировавшееся на установки отрубного расселения, когда нужно было подготовлять устройство крупного коллективного хозяйства, уже пошло насмарку. Выброшенные на ветер труд и деньги вопиют к небу о крайнем головотяпстве недавних организаторов нашего землеустройства. Хотелось бы, чтобы этот горький урок пошел впрок нашим организаторам в области жилищного строительства.

Поймут ли они хоть теперь, что не мещанские коттеджи-особняки являются прямым трактом к социализму?

У нас имеются хозяйственники, которые рассуждают примерно следующим образом: нам нужны прежде всего возможно быстрые темпы индустриализации, поэтому приходится экономить на жилищном строительстве; социалистические города обойдутся нам слишком дорого по сравнению с ныне существующими типами жилищного строительства; мы должны брать курс на облегченное, возможно дешевое, хотя бы и недолговечное строительство, а через несколько лет, когда разбогатеем, тем легче будет выкинуть вон все нынешние дешевенькие коттеджи, бараки и землянки и начать строить уже по новому социалистическому плану.

На первый взгляд в этом рассуждении все выглядит довольно разумно. Но все же оно в корне ошибочно. Нам, конечно, нужно быть весьма экономными во всех отношениях. Допустимы с этой точки зрения и облегченные типы строительства. Недопустимо лишь одно: бесплановое строительство, строительство без надлежащей целевой установки и ясной перспективы на будущее. Так именно без плана и перспективы вырастали до сих пор капиталистические города. Предприятие за предприятием, улица за улицей. Если та или иная из них приводила в тупик, то в связи с вновь возникающими потребностями ее ломали и перестраивали по-новому. Но не так должны строиться наши социалистические города. Расчет на то, что со временем легко будет сломать и выкинуть вон все то, что благодаря нашей непредусмотрительности окажется не на месте в будущем хозяйстве социалистического города,— это не плановый подход, а скорее прямой отказ от всякого планового расчета. Никакой экономии он ни в настоящем, ни в будущем нам не сулит и не чем иным, кроме край-

---

[1] См., например, выступление архитектора Циммера. Против больших городов и домов. «Революция и культура», 1930, № 2.

Таблица 1

Годовые затраты труда в СССР за 1929/30 г.

Исчисление

Статьи бюджета времени	Индустриальное население				Сельскохозяйственное население	Всего		
	рабочие	служащие	прочие группы	итого		млрд. рабочих час.	млн. лет	в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Население (в млн. душ)								
1. Самодеятельное . .	6,16	5,04	5,00	16,2	48,0	—	64,2	40,6
2. Иждивенцы, пенсионеры	9,22	7,06	8,37	24,65	69,7	—	94,3	59,4
Итого (в среднем за год) . .	15,38	12,10	13,37	40,85	117,7	—	158,5	100,0
Затраты труда (в млрд. часов)								
I. Труд производственный и обслуживающий								
1. По найму	11,88	9,72	1,07	22,67	6,40	29,07	9,69	10,0
2. В своем хозяйстве	2,57	1,31	7,80	11,68	103,00	114,68	38,23	39,5
Итого	14,45	11,03	8,87	34,35	109,40	143,75	47,92	49,5
II. Домашний труд								
1. Приготовление пищи								
а) Обед и ужин . .	2,94	3,72	3,24	9,90	27,82	37,72	12,57	13,0
б) Хлебопечение . .	0,54	0,22	0,37	1,13	6,52	7,65	2,55	2,6
в) Водоснабжение .	0,53	0,09	0,31	0,93	11,04	11,97	3,99	4,1
г) Дровоснабжение	0,41	0,42	0,40	1,23	1,30	2,53	0,84	0,9
д) Мытье посуды и пр.	1,79	1,99	1,83	5,61	6,17	11,78	3,93	4,1
Итого	6,21	6,44	6,15	18,80	52,85	71,65	23,88	24,7
2. Уход за одеждой и обувью								
а) Стирка	0,60	0,81	0,68	2,09	6,86	8,95	2,98	3,1
б) Чистка и мелкий ремонт	0,94	1,40	1,14	3,48	9,24	12,72	4,24	4,4
Итого	1,54	2,21	1,82	5,57	16,10	21,67	7,22	7,5
3. Уход за помещением	1,12	1,26	1,16	3,54	12,44	15,98	5,33	5,5
4. Уход за детьми . .	2,09	2,00	1,99	6,08	11,10	17,18	5,73	5,9
5. Уход за собой . .	1,54	1,61	1,53	4,68	15,47	20,15	6,72	6,9
Итого по II	12,50	13,52	12,65	38,67	107,96	146,63	48,88	50,5
Из них поддается обобществлению . . .	7,11	7,26	6,99	21,36	64,64	86,0	28,7	29,6
Всего по I и II	26,95	24,55	21,52	73,02	217,36	290,38	96,8	100,0

ней близорукости или самого беспардонного головотяпства, объяснен быть не может.

Дороже ли нам обойдутся в постройке новые социалистические города по сравнению со старыми капиталистическими — это еще большой воп-

рос. Из расчета на душу обслуживаемого в них населения социалистические города несомненно со временем будут дороже капиталистических. Дороже социалистические города будут лишь потому и постольку, поскольку они будут просторнее старых и обслужат больше потребностей охваченного ими населения. Однако из расчета не на душу, а на одного производственного работника они могут оказаться даже дешевле старых городов.

В самом деле, если вокруг какого-нибудь нового предприятия требуется построить город, то размер этого города определяется не только числом рабочих, на которое рассчитано предприятие, но и коэффициентом их семейности, который зависит от степени обобществления домашнего их быта. В настоящее время из каждой сотни душ городского населения до 60 надо отнести на долю иждивенцев и домашних хозяек. В том числе домашним хозяйством занято не менее 20% населения. Кроме того, по обслуживанию культурных и прочих нужд городского населения перепись 1926 г. учла: на транспорте всякого рода около 4%, торгово-снабженческого персонала — 3,5, по просвещению — 2,5, по здравоохранению — 1,5, по коммунальному хозяйству, зрелищам, советским и всяким иным общественным учреждениям — до 2,5, а всего — не меньше 14%. Таким образом, на производственный труд современный город может выделить не свыше 26%. А в социалистических городах за счет сокращения по меньшей мере раз в пять обобществленного на фабриках-кухнях, хлебозаводах, яслях, детских садах и тому подобных учреждениях труда домашних хозяек этот процент производственного труда может быть повышен до 42 и выше.

Допустим, что мы строим новый металлургический или какой-либо иной завод на 10 тыс. рабочих. Служащих для него потребуется по средним нормам (около 10% от числа рабочих) не свыше 1 тыс. человек. Но прибавляя сюда обслуживающий городские нужды персонал и иждивенцев, мы для жилищного строительства вокруг этого завода получаем следующий расчет общего населения:

	В условиях			
	старого быта		нового быта	
	абс.	в %	абс.	в %
1. **Производственный труд**				
рабочие	10 000	23,6	10 000	38,2
служащие	1000	2,4	1000	3,8
Итого	11 000	26,0	11 000	42,0
2. **Обслуживающий труд**				
культурное обслуживание	5 950	14,0	3 670	14,0
домашний быт	8 500	20,0	1 050	4,0
Итого	14 450	34,0	4 720	18,0
3. **Иждивенцы**	17 000	40,0	10 500	40,0
Всего	42 450	100,0	26 220	100,0

Итак, при одной и той же потребности обслужить жилищами завод с 10 тыс. рабочих при индивидуалистическом типе строительства пришлось бы выстроить город на 42,5 тыс. населения, а при социалистическом — только на 26,2 тыс. душ. По переписи 1926 г. норма жилой площади на 1 жителя в городах не превышала 5,9 м^2 жилой площади (без кухонь, коридоров и пр.) [1].

[1] «Всесоюзная перепись населения 17.XII 1926 г.». Вып. VI. Жилищный фонд СССР. М., 1928, стр. 11.

Стоимость нашего государственного жилстроительства из расчета за 1 м^2 жилой площади, или 7,4 м^3 наружного объема строений, составляла в 1928 г. 152,5 руб., а за 5,9 м^2, т. е. на одного жителя, по этой расценке составила бы не менее 900 руб.[1] Все жилстроительство по заводу на 10 тыс. рабочих, стало быть, обошлось бы в первом случае в 38,2 млн. руб., во втором — 23,6 млн. И экономия от социалистического типа строительства выразилась бы в 14,6 млн. руб., или 38,3%.

Конечно, при расширении нормы обеспечения жилой площади все эти цифры повысились бы, но процент экономии остался бы все тот же. Однако при старом типе строительства и нынешней его дороговизне едва ли возможно было бы проектировать сколько-нибудь значительное расширение этой нормы. А вышеуказанная экономия от социалистического типа стройки все же сулит нам некоторые возможности для такого расширения.

Кроме жилищ, социалистический город придется обеспечить, понятно, достаточно мощным энергетическим центром и прочими учреждениями коммунального обслуживания, причем из расчета на душу их для социалистического быта потребуется значительно больше, чем для старых городов, но обслужить ими в таком городе нужно будет меньшее население, скажем, вместо 42,5 только 26,2 тыс. душ, а потому и в области коммунального строительства из расчета на одну производственную единицу, а не на одну душу, может получиться даже некоторая экономия.

В настоящее время наши коммунальные фонды оцениваются, примерно, в 20% от стоимости всего жилищного фонда городов. Но этот явно недостаточный процент — наследие дореволюционного прошлого. За последние годы наши ежегодные вложения в коммунальные фонды поднялись уже до 35% от вложений в жилищные фонды городов. С переходом к строительству социалистических городов эту норму придется вероятно еще повысить. Но даже если бы мы ее повысили до 80% от стоимости жилфонда, то и это повышение не поглотило бы полностью экономии от сокращения общего объема жилстроительства.

Не следует между прочим забывать, что в наше понятие жилищного строительства включается не только жилая площадь в тесном смысле этого слова, но и всякого рода обслуживающие помещения, т. е. всякого рода конторы, торговые и складские помещения, кухни, передние и пр. Эта добавочная площадь тоже входит в общую цену стройки жилищного строительства, и рационализация ее использования в социалистических городах может составить добавочный резерв возможной экономии. Конкретный размер этой экономии конечно будет всецело определяться теми заданиями, какие будут поставлены планом обобществления быта перед строителями новых социалистических городов. Но наличность больших возможностей для такой экономии неоспорима.

2. ГОРОД ИЛИ ДЕРЕВНЯ?

Для того чтобы запроектировать типовой архитектурный план социалистического города, нужно наметить хотя бы в общем контуре те социальные установки, которым должен удовлетворять такой строительный проект. Полной ясности и договоренности в отношении этих установок у нас еще нет. Случается, что за отсутствием продуманных марксистских установок по этой линии некоторые плановики склонны искать их на первых порах даже «в социалистических утопиях прошлого»[2]. Однако

---

[1] «Стоимость жилищного строительства и ее элементы». М., 1929, стр. 11 и 89; со включением наиболее дешевого частного строительства эта норма, конечно, значительно понизилась бы (с 26,6 до 15,8 руб. за 1 *м*^{3}).

[2] «К проблеме строительства соцгорода». Дискуссия в клубе плановых работников им. Г. М. Кржижановского. М., 1930, стр. 80.

социалистические утопии не могут послужить прочной базой для современных строителей будущего. Такой базой может нам послужить в качестве общих предпосылок лишь марксистско-ленинское учение. А конкретные установки, вытекающие из этих предпосылок для данного момента, нам даст только чуждый всякого утопизма расчет с логарифмической линейкой в руках, расчет стоящего обеими ногами на почве современной нам политической и экономической действительности плановика — социального инженера.

Подходя к проблеме социалистического города как к проблеме индустриализации домашнего хозяйства путем последовательной его механизации, укрупнения и обобществления, мы уже располагаем некоторыми предпосылками для проектировки плана обобществления быта в городах будущего. Но лишь конкретное изучение наличных технико-экономических ресурсов в этой области сможет наметить возможные и необходимые пределы обобществления домашнего быта в данной социальной обстановке. А вместе с этими пределами мы установим и наиболее соответствующий им профиль будущего города и план строительства.

В качестве одной из центральных теоретических предпосылок марксизма в интересующей нас области является известная идея об устранении противоречия между деревней и городом в социалистическом строительстве. Ложно понятая, она приводит некоторых плановиков к постановке проблемы социалистического расселения в форме следующей дилеммы: «Должны ли мы строить города или разгородья? Должны ли мы строить на принципе урбанизации или дезурбанизации?» Причем в дискуссии, имевшей место в Госплане, один из ораторов, ссылаясь на авторитет Маркса и Энгельса, определенно разрешал эту дилемму в пользу дезурбанизации, или «разгораживания» городов. «В последнее время говорят, что мы будем строить города...,— формулировал эту мысль упомянутый оратор.— Однако эта городская постановка является неприемлемой ни по техническим, ни по экономическим соображениям, а тем более с социальной точки зрения» [1].

Основоположники марксизма не примкнули бы, конечно, к такой деревенской постановке вопроса. Мы знаем уже из «Манифеста Коммунистической партии», что даже капиталистические города выполняли по отношению к деревне не только отрицательную роль господства и эксплуатации, но и весьма положительную культурную миссию, вырывая «значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни» [2]. Чуждые всякой народнической идеализации примитивного сельского бытия на лоне природы, отвергая для себя в равной мере и пресловутую «власть земли», как и власть капитала, марксисты ставят эту проблему совсем по-иному. А анализируя тенденции капиталистического развития и прослеживая исторические судьбы того «рычага производства, который вплоть до возникновения крупной индустрии был наиболее могущественным» (мы имеет ввиду разделение труда), Энгельс замечает: «Уже первое крупное разделение труда — отделение города от деревни — обрекло сельское население на тысячелетия отупения, а горожан — на порабощение каждого его специальным ремеслом. Оно уничтожило основу духовного развития одних и физического развития других... Вместе с разделением труда разделяется и сам человек. Развитию одной-единственной деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности. Это калечение человека возрастает в той же мере, в какой растет разделение труда, достигающее своего высшего развития в мануфактуре» [3].

---

[1] «К проблеме строительства соцгорода», стр. 40.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 428.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 303.

Однако дальнейшее развитие капиталистического хозяйства от мануфактуры к крупной машинной индустрии, превращая рабочего в простой «придаток машины», существенно меняет условия разделения труда.

Технический базис крупной промышленности, говоря словами К. Маркса, революционен. «Посредством внедрения машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда. Тем самым она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обусловливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего» [1].

Эту мысль можно дополнить следующими словами В. И. Ленина: «Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах)» [2]. Дело, значит, идет не об уничтожении городов, а об ином расселении обобществленного труда.

Правда, в рамках капитализма старое разделение труда «с его закостеневшими специальностями» все же сохраняется ценою чудовищного образования промышленной резервной армии, т. е. ценою безмерного расточительства рабочей силы. «Но если перемена труда теперь прокладывает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства... Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» [3].

Таковы задачи социализма. После Великой Октябрьской социалистической революции они уже встали в порядок сегодняшнего дня. «Ввиду того,— гласит наша партийная программа,— что противоположность между городом и деревней является одной из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости деревни... ВКП(б) видит в уничтожении этой противоположности одну из коренных задач коммунистического строительства» [4]. Мы должны восстановить *первоначальное многообразие занятий*, разрушенное капиталистическим городом, но не путем разгораживания городов и превращения их в деревню, а синтезом городского и сельского труда на новой, более высокой ступени. Эта задача была непосильна для анархически строящегося капиталистического хозяйства. «Только общество, способное установить гармоническое сочетание своих

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 498.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 74.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 498—499.
[4] «Программа и устав Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». М., 1930, стр. 134.

производительных сил по единому общему плану, может позволить промышленности разместиться во всей стране так, как это наиболее удобно для ее развития и сохранения, а также и для развития прочих элементов производства» [1].

К этим весьма категорическим указаниям Ф. Энгельса можно прибавить еще одно: «...Уничтожение противоположности между городом и деревней не только возможно,— оно стало прямой необходимостью для самого промышленного производства, как и для производства сельскохозяйственного, и, сверх того, оно необходимо в интересах общественной гигиены. Только путем слияния города и деревни можно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы, и только при этом условии массы городского населения, ныне чахнущие, сумеют добиться такого положения, при котором их экскременты будут использованы в качестве удобрения для выращивания растений, вместо того чтобы порождать болезни» [2]. Итак антагонизм между городом и деревней устраняется не превращением города в деревню и не упразднением городов,— исчезнут, по известному прогнозу Энгельса, только «крупные города»,— а соединением города и деревни в целостный агро-индустриальный комбинат.

Предвидение Энгельса о ликвидации или разукрупнении крупных индустриальных центров доныне не находило себе подтверждения в опыте социалистического строительства. Можно сказать даже обратное. И практика СССР, и опыт других стран указывают, что крупные города особенно быстро растут. И это вытекает из экономических преимуществ крупного производства, вокруг которого вырастают обычно и крупнейшие городские центры. Крупное производство рентабельнее мелкого. И потому оно может расти наиболее быстрыми темпами. Но ему требуется много рабочей силы. И оно всемерно привлекает ее и повышенной нормой оплаты труда, и все более притягательными очагами городской культуры. А обильный приток рабочей силы к таким центрам питает дальнейшее расширение в них крупного производства и неудержимый рост их населения. Но с приближением к условиям коммунизма и первыми же решительными победами в нем автоматического производства положение резко изменяется.

Совершенно очевидно, что к массовому внедрению автоматики наиболее подготовлены крупнейшие предприятия массового производства больших городов. С них то и начнется, стало быть, та «научно-техническая революция» в социалистической промышленности с внедрением в нее автоматики, которая, как известно, чревата сокращением рабочей силы в крупном производстве — в десятки раз! Для Запада это страшная угроза. Но и в нашем плановом хозяйстве с его целевой установкой на равномерное размещение производительных сил и крупнейшими сдвигами на Восток с нераспаханной там еще «целиной» всех родов, эта революция означает небывалое еще перераспределение рабочей силы в стране вообще, и прежде всего за счет разукрупнения больших городов. Конечно, и для внедрения автоматики потребуется немало времени. Но можно предвидеть, что уже лет через двадцать автоматика в таких крупных ее центрах, как Москва, повысив объем производства, скажем, раз в пять, сократит потребность в рабочей силе раз в десять. И это ставит перед нами новые проблемы в социалистическом градостроительстве.

Нет никакого сомнения, что излишки рабочего населения крупных городов будут планомерно использованы на новых стройках коммунизма по всей стране. Возникнут сотни новых городов. Но вместе с тем потребуется и реконструкция старых. Крупнейшие из них по населению станут

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 307.
[2] Там же. стр. 307—308.

средними, а средние — небольшими. И в тех, и в других возникнут излишние просторы для насаждения садово-парковых лесополос и расчленения ими нынешних нагромождений из камня и железа яркой зеленью живой природы. И нынешним проектировщикам новых «микрорайонов» в пригородах нашей столицы не мешало бы уже теперь подумать и о контурах грядущей Москвы, из которой можно будет со временем безболезненно выкроить хоть целый десяток самостоятельных городских коммун или городов-садов нового, социалистического типа.

Идея о таком «разгораживании» крупных городов вполне гармонирует с предвидением Энгельса о их грядущей судьбе. В то же время индустриализация сельского хозяйства, комбинируя разные виды труда, преобразует и нынешние деревни по образцу таких новых городских поселений. Соединение города с деревней в таком поселении должно дать, конечно, не электрический, а органический синтез соответствующих видов труда в едином их комбинате. Дело идет не о том, чтобы окружить город кольцом деревень-пригородов, обрабатывающих свои поля, а о том, чтобы и на фабриках и в полях организовать по-новому сменный труд всего населения социалистического города.

Конечно, такая сменность предполагает как предварительную свою предпосылку, соответствующую подготовку кадров. Уже теперь под влиянием современной техники, с одной стороны, и общедоступности для всех школьного образования, с другой, довольно резко стираются грани между квалифицированным и неквалифицированным трудом. Дальнейшие достижения техники, оставляющей на долю рабочего только труд наблюдения и регулирования хода машин, при обязательном для всех прохождении трудовой общеобразовательной школы с политехнической подготовкой, и подавно уничтожат всякий разрыв между обученным и необученным трудом. Понятно, что вытекающая отсюда широкая заменимость в области массового труда за счет совмещения профессий отнюдь еще не исключает определенного разделения общественных функций в общем распределении труда. Нет необходимости, чтобы каждый рабочий смог в любой момент заменить того или иного ученого, мастера, инженера, агронома, врача и т. д. Но предполагается, что во всяком случае каждый из таких мастеров высокой культуры, несомненно, захочет и сможет, в порядке «перемены труда», поработать с охотой в подходящий момент и за станком или на пашне, на самой рядовой работе.

Изучение выявившихся уже в недрах старого общества тенденций к обобществлению домашнего быта в городах и к многообразию сменного труда вместо закостенелой специализации указывает нам пути дальнейшего развития. Без всякой утопической фантастики, следуя велениям самой хозяйственной жизни, мы должны вступить на этот путь, ибо он нам сулит оптимальное использование наших трудовых ресурсов и добавочный за этот счет огромный подъем производительных сил страны.

Еще недавно многим казалось, что задача обобществления быта зреет у нас пока лишь в отношении индустриального городского населения. В условиях распыленного индивидуалистического хозяйства деревни коммунизация быта была бы утопической затеей, если бы машинная техника труда не открывала нам и здесь совершенно новых горизонтов. Внедрение в деревню мощных машинно-тракторных станций неотвратимо влекло за собой общественную обработку полей и создало прочную базу для сплошной коллективизации целых районов. А укрупненное в больших совхозах и колхозах сельское хозяйство повелительно влечет за собой глубокую его интенсификацию и индустриализацию.

Таким образом, и этот факт убеждает нас в том, что вековая противоположность между городом и деревней будет изживаться не путем распыления города на сельские ячейки, а путем неизбежного в условиях индустриализации укрупнения и урбанизации деревни. Урбанизованный

колхоз вокруг мощного энергетического центра, обслуживающего не только полевые работы, но и целый ряд предприятий по первичной переработке сельскохозяйственных продуктов, явится наиболее простой формой агро-индустриального комбината, где население от сезонных полевых работ переходит к сезонной фабричной переработке сельскохозяйственных продуктов, выравнивая путем этих переходов трудовую нагрузку в течение всего года и тем самым обеспечивая оптимальное использование сменного труда. Но и новые, чисто индустриальные центры, возникающие ныне в плановом порядке, несомненно подлежат такому же окружению зоной огородно-садовых и полевых культур не только для того, чтобы обеспечить их населению дешевое и удобное снабжение пищевыми продуктами, но и в целях организации здорового агро-индустриального сменного труда.

Намечая эти встречные процессы индустриализации деревни и аграризации города по типу агро-индустриального комбината, мы не должны, однако, строить каких-либо иллюзий на счет общего масштаба и внешнего облика соответствующих поселений. Мелкие масштабы и сельский облик для таких поселений, если мы захотим им обеспечить максимум жизненных удобств и комфорта при наименьших затратах, совершенно исключены. Кустарные методы и в области обобществления быта, как и во всех других отраслях труда, чересчур расточительны. Элементарные требования экономии предполагают, что все процессы коммунального обслуживания населения нам придется проектировать в масштабах крупного индустриального производства. Но, скажем, фабрику-кухню, рассчитанную на десятки тысяч обедающих, нельзя строить для населения, разбросанного в сотнях деревень на пространстве многих десятков квадратных километров. При современных условиях транспорта и связи эффективная коллективизация быта предполагает бо́льшую концентрацию и компактность расселения обслуживаемого коллектива.

Каковы же те масштабы среднего социалистического города, которые мы можем принять за оптимальные в современных условиях техники?

Эти масштабы определяются, во-первых, общим количеством населения и, во-вторых, густотой его расселения. Количество населения определяется, конечно, наличным по плану масштабом производства для данного комбината. И в этой части задача сводится к определению оптимальных масштабов предприятия в проектируемой сфере производства. Крупное предприятие как в области промышленности, так и в сельском хозяйстве, вообще говоря, много эффективнее мелкого, однако, лишь в известных пределах, за которыми при данном уровне техники дальнейшее укрупнение уже не повышает, а понижает его эффективность. К сожалению, эта проблема у нас еще очень мало изучена. Но уже эмпирически нащупывается, что, скажем, совхоз или колхоз с площадью до 60 тыс. га или завод на 10 тыс. рабочих во всяком случае не выходят еще за пределы рационального укрупнения.

Строятся у нас предприятия и значительно большего масштаба. Например, Челябинский тракторный завод с программой годового производства в 50 тыс. тракторов потребует, по расчету, 15,5 тыс. рабочих и служащих. Мы уже не говорим о таких комбинатах, как Днепровский. Совхоз «Гигант» в Сальском округе охватывает массив в 124 тыс. га. Правда, при зерновом его уклоне и полной механизации этот совхоз поглощает не слишком много труда. В 1929 г. здесь работало всего 771 постоянных и 1600 сезонных рабочих, снявших урожай с 60 тыс. га[1]. Это немного, но все же составляет не менее 25 годовых работников на каждую тысячу га посева зерновых культур. При обработке садово-огородных культур эту

[1] С. П. Мацкевич. Энергетика крупного сельского хозяйства и перспективы электрификации его на Сев. Кавказе. «Плановое хозяйство», 1929, № 10, стр. 231.

норму потребности в рабочей силе пришлось бы повысить раз в 20 из расчета на единицу площади [1].

Агро-индустриальные комбинаты возможны двух типов: с установкой на промышленное производство как главное занятие населения, назовем их промкомбинаты; и с установкой на сельскохозяйственную продукцию как основную их задачу, назовем их агрокомбинатами. В промкомбинатах социалистический город окружается кольцом садов, огородов и полевых культур только в меру потребности самого населения данного города в соответствующих продуктах и рациональном использовании сменного труда. А в агрокомбинатах подсобную роль, наоборот, играют промышленные предприятия, задачей которых, помимо самообслуживания населения, является лишь дополнительная переработка продукции земли на мельницах, сахароварнях, маслобойнях, мясохладобойнях и т. д. для вывоза этой основной продукции на дальние рынки и за границу.

Для агрокомбината при указанной установке и общем масштабе хозяйства в 60 тыс. га общая потребность в производственной рабочей силе на поле определится не ниже 1 тыс. работников; в первичной переработке, по грубой прикидке, пусть будет использовано еще человек 250 — тогда вместе с самообслуживанием и иждивенцами все население такого комбината придется определить при зерновом его уклоне не свыше 4800 душ. Полное обобществление домашнего хозяйства при таком масштабе городского населения едва ли осуществимо. И о нем здесь можно было бы не говорить. Но зерновые фабрики подобного рода возможны лишь в весьма мало населенных восточных районах. На Украине с плотностью сельского населения в 33 души на 1 км^2 или в других, еще более плотно населенных районах, на площади в 60 тыс. га живет теперь уже свыше 19 тыс. душ населения. И если бы мы заняли из них благодаря механизации труда в крупном колхозе только 4800 душ, т. е. едва $^1/_4$, то $^3/_4$ наличного населения вовсе оказались бы без дела. Но в агрокомбинате с площадью в 60 тыс. га не трудно использовать и 20 тыс. населения. Стоит лишь от экстенсивного зернового хозяйства перейти к более трудоемким формам сельского хозяйства с промышленными техническими культурами, мясным и молочным животноводством и т. д. Сама плотность населения диктует нам в каждом районе различные степени интенсификации сельского хозяйства и разные типы агрокомбинатов. Однако уже из сказанного ясно, что жизненным типом агрокомбината будет лишь такой, который объединяет не менее 10—20 тыс. населения. А это уже несомненно достаточный масштаб для рациональной организации городского поселения с обобществлением основных функций домашнего быта.

В отношении промкомбинатов мы уже видели, что завод в 10 тыс. рабочих предполагает постройку социалистического города на 26 тыс. душ. Но в это число еще не включена аграрная зона такого города. Чтобы удовлетворить город с населением до 30 тыс. душ хлебом, овощами и фруктами по фактической норме потребления наиболее обеспеченных групп рабочих и служащих (с бюджетом свыше 1,5 тыс. руб. в год), достаточно окружить его садово-огородной зоной не свыше 1 тыс. га [2] и полевой до 12 тыс. га посевной площади. Рабочей силы для обработки этих площадей в условиях механизации труда нужно до 900 человек [3], а с обслуживающим персоналом и иждивенцами это составит прибавку населения около 2140 человек. И стало быть с этой прибавкой социалистический город при заводе на 10 тыс. рабочих приходится рассчитывать на населе-

---

[1] Л. Е. Минц. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М., 1929, стр. 61.

[2] В том числе под садами — до 500 га, под картофелем — около 300 га, под капустой — 65 га, под огурцами — 16 га, под свеклой и морковью — 15 га, под луком и чесноком — 15 га и т. д.

[3] 320 на огороды, 300 на полевые работы. 180 на садоводство и около 100 на животноводство (молочные фермы).

ние до 28,5 тыс. душ. Конечно, это не предельный размер. Проектируются социалистические города и на 100 тыс. жителей. Но больше этого размера едва ли разумно было бы их строить.

При указанном соотношении промышленного и земледельческого труда в промкомбинате достаточно было бы каждому индустриальному рабочему в случае нужды только на один месяц в году оторваться от станка к плугу, чтобы полностью обслужить все сельскохозяйственные работы. В агрокомбинатах, конечно, получилась бы иная картина. Однако в зависимости от той или иной степени интенсификации и индустриализации труда в таких комбинатах могут получиться различные соотношения. Решающим для определения этих соотношений является конкретный баланс труда, проектируемый для каждого комбината в соответствии с его производственным назначением.

Рациональный баланс труда, обнимающий не только производственный, но и все виды подсобного и обслуживающего труда, является основной предпосылкой проектировки социалистических городов. Только им определяются и общие масштабы строительства и пределы достижимого в данном комбинате использования сменного труда.

3. ТРАНСПОРТНАЯ ПРОБЛЕМА

Очень существенной проблемой в строительстве социалистических городов является проблема их пространственного размещения. Рассматривая социалистический город как производственный комбинат, мы прежде всего должны ставить проблему размещения города как энергетическую проблему оптимальной организации транспортной связи в пределах данного комбината, включая сюда не только его индустриальный центр, но и жилую зону и всю обслуживающую данный город аграрную периферию. При этом в понятие транспорта мы включаем здесь не только уличное передвижение людей и грузов, но и всю ту систему лифтов, трубопроводов и кабельных связей, посредством которой осуществляется в современных городах внутреннее сообщение, канализация, теплофикация, газификация, водоснабжение, пневматическая почта, электроснабжение, телефонная сеть и т. д.

Густота расселения в наших старых городах из расчета на 1 га застроенных владений в среднем колебалась около 50 жителей, в крупных городах она повышалась до 100—150 жителей, в Москве в 1926 г. достигала 160 душ на 1 га. Средний размер владения около 0,2 га, в Москве — 0,4 га, заселенность его в среднем — 10 душ, в Москве — до 70 душ. Средняя этажность жилых домов не свыше 1, 5, в Москве — около 2, 4 этажей. Как видим, от американских небоскребов в 40 и более этажей мы еще весьма далеки.

Очевидно при большей плотности застройки организация внутреннего транспорта, включая все трубопроводы, в новых социалистических городах окажется возможной на более экономических началах, чем в старых городах СССР. Достаточно сказать, что даже весьма крупный социалистический город на 100 тыс. жителей по расчетам Госплана займет под застройку, включая сюда и заводы, и улицы, и площади, и зеленые насаждения, не свыше 1000 га, или 10 км^2. От центра такого города до любой окраины будет не свыше 1,8 км, т. е. 15—20 минут ходьбы. А город в 30 тыс. жителей при такой же плотности расселения уложился бы целиком в квадрат, каждая сторона которого не больше 1,8 км и расстояние от окраин до центра не превышает 9—10 мин. ходьбы. Никаких трамваев и метрополитенов такой город не потребует.

Но оптимальное разрешение транспортной проблемы будущего города требует определенного размещения его частей и в другом отношении. В наивыгоднейшем с точки зрения требований транспорта положении в

отношении всех частей города находится его центр. Это налагает на нас обязанность оптимального использования центра при проектировке плана размещения функционально-различных элементов социалистического города. В центре должны находиться наиболее часто посещаемые, наиболее важные пункты повседневного общения данного трудового коллектива.

Какие же это пункты?

В докапиталистическом городе средневековья такими центральными пунктами были рынок и церковь. Возглавляя рынок, церковь в те времена служила ему не только идеологически своей мещанской моралью, но и практически. Вспомним хоть Ивановское купеческое братство при соответствующей церкви в средневековом Новгороде. Церковь служила здесь рынку не только своими подвалами под товарные склады, но и была центром цеховой корпорации купечества, а также местом хранения торговых мер, взвешивания при сделках серебра, меди, воска взимания торговых пошлин и т. д. Производственный труд осуществлялся индивидуально, каждым у себя дома, и не требовал общения. Мануфактура и капиталистическая фабрика, постепенно обобщая труд, существенно изменили это положение. Но поскольку старые города к этому времени уже сформировались, они обрастали по периферии фабричными пригородами, а в центре по-прежнему господствовал рынок во главе с биржей, оставившей за собой по своей посещаемости далеко позади все храмы отжившего средневековья. В результате получились города не с одним, а с несколькими центрами тяготения, или лучше сказать получилось механическое сращивание нескольких городов с торговым центром в середине и с фабричными центрами тяготения на окраинах этого территориального комплекса городов.

В социалистических городах решающее значение, конечно, приобретают те пункты повседневного общения, вокруг которых организуется коллективный труд. Здесь, казалось бы, только эти очаги коллективного труда и могут стать центрами тяготения в расселении данного коллектива. Рынок при организованном снабжении вообще и общественном питании в частности обречен на неотвратимое угасание. Биржи и храмы в качестве центров человеческого общения и подавно не могут у нас иметь никакого будущего. А фабрики и заводы — эти вырастающие на смену старых храмин гигантские храмы современности — несомненно являются наиболее естественными центрами повседневного трудового общения в городах будущего. Но тут возникает следующая коллизия. Помещая завод в центре социалистического города, мы несомненно сберегаем ежедневно огромную массу трудовой энергии горожан на дорогу из дома к заводу и обратно. Но в настоящее время еще есть заводы, которые полны грохота, грязи, дыма и вредных испарений. Их близость к жилью представляет такую угрозу здоровью, которую трудно окупить какими-либо сбережениями в труде.

Как же быть?

Разрешить эту коллизию можно двумя путями. Либо оздоровить город, вынеся далеко за его черту вредоносный завод, либо обезвредить самый источник зла — завод, оставив его в центре города. Какой же из этих путей мы должны избрать в социалистическом строительстве? Нет никакого сомнения, что нормальным для социалистического общества решением может быть только второе.

Если буржуазия, живущая в центральных частях старых городов, норовила отвести место заводам подальше от центра, на задворках города, то у нее для этого помимо финансовых соображений, связанных с высокой стоимостью земли в центре города, было еще одно решающее основание: буржуа лично отнюдь не обязан был работать на своих заводах. Всякие затраты на оздоровление заводской работы, понижая капиталистическую прибыль, были для него поэтому явно непроизводительными издержками. Но современный хозяин всех фабрик и заводов в СССР — пролетариат —

собственноручно работает на этих заводах. Удалить их подальше от себя куда-то за город он не может, потому что вынужден будет и сам последовать туда за ними для повседневной работы.

Идея оздоровления жизни трудящихся путем удаления заводов подальше от жилья, ограждения их какими-либо зелеными «завесами» и тому подобными паллиативами без радикального оздоровления самих процессов заводского труда — это явно неприемлемая для нас интеллигентски-слащавая маниловщина. Всякий заводской труд может быть при известных затратах настолько обезврежен, чтобы не представлялось особо тягостным пребывание даже на самом заводе, не говоря уже об его окрестностях. Ядовитые газы и загрязненные сточные воды можно химически нейтрализовать, очистить и с выгодой использовать в каком-либо подсобном производстве. Густой дым из фабричных труб прямо вопиет к небу о бесхозяйственно-расточительном использовании топлива. Излишний грохот машин говорит о несовершенстве их конструкции и заведомо бесплодной трате энергии на никому ненужное сотрясение воздуха. Например, клепка вручную или даже пневматиками сопровождается невообразимым грохотом и лязгом, а клепка на гидравлическом прессе и особенно электросварка почти бесшумны и сверх того значительно экономичнее.

Не пора ли нам уже твердо усвоить хотя бы тот элементарный факт, что, скажем, горделиво вздымающиеся у нас к нему фабричные трубы не имеют для этого никаких резонов, ибо давно уже стали символом технической отсталости и самой беспардонной рутины. Мы через них ежегодно выбрасываем буквально на ветер десятки и сотни миллионов рублей. И совершенно напрасно, ибо искусственное горячее дутье вместо естественной тяги в технических топках давно уже доказало свои огромные преимущества. А при искусственном дутье отходящие топочные газы вместе с целыми вагонами уносимой ими драгоценной копоти можно и должно вместо открытых труб прогонять через замкнутую систему трубопроводов с утилизацией и тепла, и копоти, и газов. Точно то же можно сказать про ядовитые газы, металлическую пыль и прочие вредоносные отходы производства. Технически вовсе не представляется неразрешимой или даже очень трудной задачей уловить их системой мощных вытяжных труб и пылесосов и дать им полезное применение. Нужно лишь в плановом порядке поставить эту задачу перед проектирующими организациями и твердо сказать, что отныне мы не потерпим в нашем социалистическом строительстве никакой технической рутины, заведомо влекущей к напрасной растрате здоровья трудящихся и к бесхозяйственному отношению ко всякого рода отходам. Стало быть, не только в интересах здоровья, но и в интересах самого производства наши заводы должны строиться по-новому, так, чтобы из мрачного и смрадного пекла превратить их в светлые и здоровые храмы труда.

Но не удорожит ли излишне такая установка наше индустриальное строительство, в котором мы стремимся догнать и перегнать наших капиталистических соседей? Вопрос совершенно законный. На излишние затраты, ради изящного стиля постройки или тому подобных менее насущных благ, мы пока идти не можем. Едва ли целесообразно было бы также добиваться ныне излишней прочности и долговечности индустриального строительства. Ведь через 20—30 лет технический прогресс несомненно позволит нам с большей выгодой перестроить заново все, что к тому времени подвергнется если не физическому, то моральному изнашиванию. Но нельзя считать излишними те затраты, которые сберегают высшую для нас ценность — здоровье и труд пролетариата, тем более, что эти затраты легче и скорее всего окупаются в наших условиях.

Построить завод за 3—4 км от города — это значит ежедневно терять 30—40 лишних минут днем и вечером на каждого рабочего, а при 10 тыс. рабочих за 30 лет существования завода эта потеря достигнет 900 млн.

час. или, расценивая час хотя бы в 50 коп., не менее 450 млн. руб. А между тем на оздоровление всех процессов труда на таком заводе при его постройке едва ли пришлось бы затрачивать на самый худой конец больше двух-трех десятков миллионов рублей, т. е. неизмеримо меньше.

Итак, за редкими исключениями, основной производственный цикл должен планироваться в самом центре социалистического города. Его следует, конечно, окружить прежде всего полосой зеленых насаждений и площадей, где должны быть размещены дом советов, дворец культуры, втуз и тому подобные общественные учреждения, с одной стороны, а также фабрика-кухня, хлебозавод, механическая прачечная, универмаг, склады и прочие хозяйственные службы — с другой. За этим внутренним кольцом служб размещается уже основное кольцо жилых помещений, т. е. дома со всеми их учреждениями — школьными городками, детскими садами и яслями, общественными столовыми-распределителями и т. д.

Такое размещение гарантирует наименьшие непроизводительные затраты, связанные с повседневным передвижением рабочей силы к месту работы. Причем при небольшом объеме города — от 30 до 60 тыс. жителей — такое размещение позволяет обойтись даже вовсе без трамвая и связанных с ним капитальных затрат. Чтобы понять, какое огромное значение представляет такая возможность, приведем следующие свидетельства.

В Сталинграде, где проектировалась постройка вдоль Волги целой пятизвенной цепи социалистических городов, заводы предположено строить за чертой города. Вследствие этого там встала проблема о ежедневном транспорте к заводам из каждого города до 17 тыс. работников в течение одного часа днем и вечером. «Часовая перевозка 17 тыс. человек,— замечает, однако, объяснительная записка к проекту,— не может быть осуществлена не только автобусами, но даже и трамваями. При емкости единицы из моторного и прицепного вагона в 100 человек будем иметь необходимость в 170 двойных единицах в час, или 3 единицы в минуту. Число — неприемлемое даже при двусторонней кольцевой трамвайной связи».

Какой же выход рекомендует проект? «По всей вероятности,— довольно неуверенно гласит проект,— наиболее приемлемой явится электрифицированная железная дорога. Емкость поезда может быть принята свободно в 1 тыс. человек. В таком случае будем иметь 17 поездов в час, или при двустороннем кольцевом движении по 1 поезду через каждые 7 минут в каждую сторону». К сожалению, автор проекта не поясняет, чем же «в таком случае» будут заняты эти поезда в остальное время суток за исключением тех 2—3 час., когда происходит смена рабочих на заводах. А между тем известно, что электрификация железных дорог окупается только при весьма значительной густоте движения. Неизвестно пока также, во что нам обойдется это несомненно весьма дорогое удовольствие.

С этой же проблемой мы встречаемся и в проекте Великого Запорожья, где подле Днепровской электростанции воздвигается металлургический комбинат на 30 тыс. рабочих. И здесь, говоря словами академика А. В. Щусева, «проблема транспорта есть главная проблема новых городов». Но характерно, откуда вырастают, по Щусеву, основные трудности для разрешения этой проблемы: «Каким образом обезопасить город от вредных газов»,— вопрошает нас этот высоко одаренный строитель. И, к сожалению, отвечает себе совсем не по-инженерски: «Раньше строились рабочие города при самих заводах, теперь нужно их отодвинуть и оградить зеленью». И прав был академик В. Н. Образцов, который немедленно ответил ему на это: «При социалистическом строительстве не может быть такой промышленности, которая выпускает вредные газы (куда бы она их не выпускала), которая бы заставляла рабочих работать во вредных условиях» [1].

[1] «К проблеме социалистических городов», стр. 44, 69.

Прав он в том, что автобусами, как этого хочет акад. Щусев, транспортной проблемы для запорожского комбината нам не разрешить. Для перевозки к заводу 30 тыс. рабочих даже при 4 сменах нужно не менее 250 автобусов в смену. Пуская их даже через одну минуту, на перевозку смены пришлось бы затратить свыше 4 часов. А ведь на одну лишь погрузку и разгрузку автобуса у завода потребуется не менее 1 мин. Значит и здесь придется, вероятно, говорить о доставке рабочих на завод целыми поездами при крайне неравномерной их суточной нагрузке. Но во что же это обойдется и в эксплуатации, и в капитальном строительстве? А между тем из запорожского комбината стоимостью в 600 млн. руб. нетрудно было бы выкроить и два-три города, и, окружив ими соответствующие заводы, вовсе обойтись без местного транспорта. Тем более, что при обслуживании этих заводов гидроэлектрической энергией мы располагаем здесь максимальной возможностью обойтись без того дыма и копоти, от которых прежде всего нужно уберечь жилища рабочих.

Повседневная доставка рабочей силы к месту работы в крупных промкомбинатах является одной из труднейших задач местного транспорта. Завод на 10 тыс. рабочих при постройке его за городом потребовал бы организации транспорта на 6 млн. поездок, или примерно до 30 млн. пассажиро-километров в год. Приравнивая по дороговизне обслуживания одного пассажира тонне груза, мы получаем по одной этой статье 30 млн. тонно-километров грузооборота. Но если эту крупнейшую статью грузооборота рациональной планировкой города удастся снять с коммунального бюджета, то все остальные окажутся несравненно более дешевыми и осуществимыми.

Возьмем, например, водоснабжение. Это — наиболее значительный по весу предмет повседневного городского потребления. По московским нормам, в день на душу расходуется в домах, присоединенных к водопроводу, не менее 12 ведер, или 148 л. Для города с 30 тыс. жителей на год по такой норме необходимо подать свыше 1,6 млн. т воды. Это огромный груз. Но при легкости подачи воды по водопроводу эта транспортная задача в социалистическом городе разрешается довольно дешево и просто. Для города в 30 тыс. жителей капитальные затраты по водопроводу надо расценивать не свыше 500 тыс. руб., эксплуатационый расход — до 100 тыс. руб. в год, рабочая сила — человек 25. Немного больше потребует и соответствующего масштаба канализационная сеть для отвода отработанной воды и всех человеческих отбросов на поля орошения в целях сельскохозяйственного их использования.

Следующий по весовому значению в городском снабжении груз — это пищевые продукты. По данным Нарпита, один термос на 16 обедов по 2 блюда весит вместе с обедами 48 кг. На одного жителя в год обед и ужин по этой норме будет весить брутто до 2,2 т, на 30 тыс. жителей в день — 180 т, на год — 66 тыс. т. Цифры уже несомненно более скромные. При 12—15 домах на весь город и среднем пробеге около 5 мин. на поездку, для этой потребности потребовалось бы не свыше дюжины трехтонных грузовиков-автомобилей. Да и то каждому из них ежедневно пришлось бы совершить для указанной цели не свыше 5 поездок, т. е. осталось бы еще достаточно времени и для перевозки хлеба и всех остальных менее весомых предметов личного потребления. Хлеба при ежедневной норме не свыше 1 кг на душу пришлось бы перевозить в таком городе всего около 3 т в день. Снабжение домов дровами при теплофикационных устройствах отпадает. А все остальные предметы личного потребления, вроде сахара, соли, тканей, бумаги и прочей бакалеи и галантереи, в грузовом отношении по сравнению с вышеуказанными и вовсе не заслуживают внимания. Снабжение ими распределителей в домах не представит никаких затруднений.

Особо стоит вопрос о транспортной связи социалистического города с окружающей его садово-огородной и полевой зоной. Необходимо, однако, заметить, что при среднем масштабе новых промгородов глубина этой агрозоны весьма незначительна. Считая под завод на 10 тыс. рабочих не свыше 1—2 км^2 и под жилую зону по вышеприведенным нормам до 3 км^2, мы площадь агрозоны определили в 13 тыс. га, или 130 км^2. При равномерном окружении города глубина этой зоны составит тогда не свыше 5—6 км, т. е. от черты города до границы его полевых владений будет не свыше часа ходьбы, или 30 мин. езды на тракторе порожняком. При тракторной обработке и уборке полей такие расстояния не представляют никаких неудобств в транспортном отношении.

Однако, считая по 200 га на 1 трактор, такому городу потребуется все же не менее 65 тракторов типа «Интернационал», или соответственно меньшее число при использовании более мощных машин и электроустановок.

4. СТОИМОСТЬ НОВЫХ ГОРОДОВ

Основное требование, которое может и должен предъявить к строителям социалистических городов любой хозяйственник,— это требование, чтобы такие новые города при равных или даже несколько бо́льших удобствах для населения, стоили бы нам не дороже старых из расчета на одну обслуживаемую ими производственную единицу.

Это — вполне осуществимое требование. Но, к сожалению, его отнюдь еще не усвоили наши проектировщики. Их проекты предъявляют к нашим ресурсам зачастую столь повышенные и в настоящий момент явно непосильные требования, что получается лишь крайне нежелательная дискредитация самой идеи социалистического строительства в этой области. Слишком дорогие проекты, с большими заскоками вперед, по вполне понятным причинам отвергаются как явно утопические или откладываются в самый дальний ящик, а так как жизнь не ждет, то фактическое строительство городов идет своим чередом, без всякой творческой идеи, по-старинке.

В материалах Госплана имеется целая коллекция таких проектов с заскоками. Приведем из них некоторые факты и цифры и посмотрим, в каких они нуждаются поправках, чтобы стать вполне осуществимыми. Вот, например, основные расчетные данные для социалистического города на 100 тыс. жителей. Ради обозримости материала соединяем ряд строительных титулов в более общие рубрики (см. табл. 2).

В приведенном расчете, прежде всего, поражают итоговые цифры капитальных затрат в 246 млн. руб.

Затраты в 2,5 тыс. руб. на 1 жителя раза в два превышают привычные нам нормы затрат по старым городам, включая сюда не только жилой фонд, но и все благоустройство. Правда, в 2,5 тыс. руб. включены и необычные для старых городов затраты, как например теплофикация, пищекомбинат, механическая прачечная и ремонтно-починочные мастерские — на все население города, но все перечисленные статьи поглощают едва лишь 13% общего расхода и отнюдь не объясняют удвоения обычной для старых городов нормы затрат.

В чем же дело?

Очевидно, дело не в этих специфических для социалистического строительства статьях, а в общем преувеличении проектировок по всем объектам строительства. Конечно, рабочие новых городов за счет повышенных затрат получили бы и большее число удобств; но за счет чего? За счет снижения затрат по старым городам, т. е. за счет снижения и без того весьма скромных удобств всех остальных рабочих, заселяющих мало благоустроенные и перенаселенные старые города. Правильна ли такая установка? Едва ли. На наш взгляд, было бы вполне достаточно для привле-

Таблица 2

Проект социалистического города на 100 тыс. душ

Объекты строительства	Строительная площадь (тыс. м²)	Кубатура (тыс. м³)	Капитальные затраты, млн. руб.		
			Здания, сооружения и насаждения	Оборудование	Итого
1	2	3	4	5	6
I. Жилфонд					
1. Дома-коммуны: 31 дом на 62 тыс. душ	434,0	3.100,0	62,0	9,0	71,0
2. Гостиницы: 2 на 5 тыс. душ	57,2	1.400,0	4,0	1,0	5,0
3. Детский городок: 153 помещения на 16360 душ	163,6	146,0	22,91	3,82	26,73
4. Школьный городок: 20 школ на 21600 душ	311,1	1.867,0	37,24	—	37,24
Итого на 105 тыс. душ	965,9	6.513,0	126,15	13,82	139,97
II. Коммунальное хозяйство					
1. Дворы, площади, улицы, насаждения: 955 га	—	—	30,70	—	30,70
2. Трубопроводы:					
а) теплофикация, сеть 40 км	—	—	24,0	—	24,0
б) водопровод, канализация, газ, сеть	—	—	3,88	—	3,88
3. Транспорт: 60 вагонов, 33 автобуса, 100 автомобилей	18,45	56,8	1,14	5,42	6,56
4. Электроподстанция, 11200 квт	1,0	7,0	0,14	0,35	0,49
5. Механическая прачечная на 9600 т в год	11,0	44,0	0,88	0,35	1,23
6. Ремонтные мастерские	8,57	40,0	0,80	0,20	1,00
7. Пожарное депо, мусоросжигатели и пр.	1,7	14,4	0,30	0,28	0,58
Итого	40,72	162,2	61,84	6,60	68,44
III. Распределение					
1. Пищекомбинат, 10 цехов	29,3	151,3	2,33	3,03	5,36
2. Распределители, 64 пункта	28,0	168,0	3,36	1,04	4,40
3. Универмаг	9,0	54,0	1,08	—	1,08
4. Склады и холодильник	16,0	60,0	1,92	—	1,92
Итого	82,3	433,3	8,69	4,07	12,76
IV. Просвещение					
1. Втуз, техникум, курсы, на 15720 чел.	89,5	555,0	11,1	—	11,1
2. Клубы, кино, печать	43,76	262,7	5,25	0,03	5,28
3. Библиотеки	12,3	76,0	1,52	—	1,52
Итого	145,56	893,7	17,87	0,03	17,90
V. Здравоохранение					
1. Больницы на 510 коек и прочие учреждения	27,27	163,4	3,27	0,95	4,22
2. Дом физкультуры	2,6	16,0	0,32	0,01	0,33
Итого	29,87	179,4	3,59	0,96	4,55

Таблица 2 (окончание)

Объекты строительства	Строительная площадь (тыс. м²)	Кубатура (тыс. м³)	Капитальные затраты, млн. руб.		
			Здания, сооружения и насаждения	Оборудование	Итого
1	2	3	4	5	6
VI. Прочие учреждения					
1. Служба связи (почта, телефон, радио)	16,5	100,0	2,0	0,03	2,03
2. Охрана безопасности, суд, милиция	1,5	8,7	0,17	—	0,17
3. Дом советов и прочие общественные учреждения	4,05	24,3	0,61	—	0,61
Итого	22,05	133,0	2,78	0,03	2,81
Всего по городу	1286,4	8314,6	220,92	25,51	246,43

чения рабочей силы в новые индустриальные центры на первое время тех преимуществ, которые мы им сможем там обеспечить не за счет дополнительных затрат, а за счет более рационального их использования в плановом социалистическом строительстве.

Посмотрим, однако, в каких частях приведенные расчеты являются наиболее дискутабельными с вышеуказанной точки зрения.

Начнем с жилфонда. В старых городах мы имеем меньше 6 м² жилой площади на душу. В проекте для взрослых принята норма 7 м², для детей дошкольного возраста — 10 м² и для школьников до 16 лет, включая сюда классные помещения,— 14,5 м² полезной площади. Это неплохо, конечно, обеспечить детей такими площадями. Однако не следует забывать, что в старых городах мы довольствуемся пока несравненно более скромными нормами. И не только в домашнем индивидуальном быту,— там дети обычно ютятся где попало, без всякой специальной площади,— но и в общественных учреждениях. Например, в детдоме Коминтерна под Москвой [1] на 1 дошкольника приходится не свыше 4,6 м², на школьника, включая сюда спальни, столовую, школу, клуб и мастерские — 9 м² полезной площади, в том числе на школу, клуб и мастерские — 3,2 м². Но это еще высокие нормы. По школьной переписи 1927 г. средняя норма полезной площади по всем городским школам I и II ступеней составляла 1,34 м² на классные помещения, 0,63 на рекреационные и 0,19 на все прочие учебно-вспомогательные (библиотеки, лаборатории, кабинеты), а всего 2,16 м², причем для I ступени эта норма снижалась до 1,88 м², для II повышалась до 2,73 м² на 1 учащегося в 1 смену [2].

Значит, если бы мы для детей приняли даже несколько повышенные против средних нормы детдома Коминтерна, то это одно уже дало бы снижение затрат по строительству нашего города на 27,8 млн. руб. по сравнению с проектом.

Об излишествах некоторых проектировок того времени можно судить хотя бы по такому примеру. Детские секторы в домах Магнитогорска, по проекту Наркомздрава, рассчитывались в 1930 г. с такими установками. На каждый дом только для детей до 3 лет намечалось организовать по три отдельных сектора с числом до сотни детей в каждом из них. Каждый

[1] Станция Лопасня, Курской железной дороги.
[2] «Народное просвещение в РСФСР в 1927/28 г.», М., 1929.

сектор состоял при этом из 8 изолированных детских групп разного возраста. И на каждую дюжину детей в такой группе требовалось по проекту: спальная комната в 30 м², игровая — в 54 м², столовая — в 16 м², три отдельные «приемные» для свиданий с мамашами — по 16 м², изолятор на 2 бокса для больных детей — 10 м², «туалетная» в 18 м² для детей, особая «уборная» в 10 м² — «для персонала» и крытая веранда в 25 м², а в общем 211 м², т. е. по 17,6 на каждого гражданина моложе 3 лет. А на сотню таких граждан, значит в 8 раз больше. Но это еще не все. На каждую сотню детей, сверх общей медицинской службы города, проектировалось еще 89 м² для детского врача с лаборантом (3 кабинета, лаборатория и 2 комнаты) при каждом секторе и еще по одному изолятору на 10 боксов — 50 м² — для детей каждого сектора. Всего, значит, на сотню малышей — до 1787 м². Поражает при этом общее число лечебных изоляторов — 26 боксов, повседневно ожидающих поступления в них больных малышей по 26 на каждую их сотню. Для заполнения всех этих боксов каждый ребенок должен бы болеть по 95 дней в году! И такая перманентная детская эпидемия проектировалась для социалистических городов. С немалым избытком намечено и число уборных по этой проектировке: 16 на каждый сектор, 48 по всем секторам, в том числе 24 только «персональных» — для каждой няни особо по 10 м². Мудрено ли, что при таком размахе клозетного творчества от подобных проектов пахнет подчас чем угодно, только не социализмом. Утверждать их и выполнять не находилось охотников.

Норму жилой площади на взрослого в 7 м² можно было бы на время считать вполне приемлемой. Правда, она несколько превышает норму по старым городам, но это улучшение можно с избытком покрыть за счет более экономной организации социалистических городов. Здесь вызывает сомнение другой, объемный коэффициент жилстроительства. В старых городах полная кубатура зданий превышает жилую площадь, выраженную в м², в 7,4 раза. Но это объясняется включением в эту кубатуру кухонь, торговых помещений и целого ряда других нежилых контор и учреждений. В социалистических городах все такие учреждения предусмотрены особо, а индивидуальные кухни сокращаются до минимума [1]. Как же это должно отразиться на объемном коэффициенте общей кубатуры? Исходя из данных квартирной переписи 1926 г., можно считать, что на каждые 100 м² жилой площади в городах приходилось добавочной нежилой площади: на кухни 16,3, на канцелярии 6,1, на торговые помещения 2,9 и на мастерские всякого рода 1,9 м² [2]. В социалистических городах эти площади могут быть обращены в жилые, а это означает возможное снижение объемного коэффициента на 21% слишком [3]. Выраженная в деньгах, применительно к нашему проекту с объемным коэффициентом 7,0, эта экономия составит не менее 12 млн. руб.

Следующая статья проекта, вызывающая большие сомнения, это одежда городских улиц, площадей, парков и пр. Проект исходит из расчета капитальных затрат на 1 м² улиц в 9 руб. 90 коп., площадей — 4 руб., дворовых мест — 90 коп. и зеленых насаждений — 70 коп. Под улицы намечено 2326 тыс. м², что при ширине в 16 м дает 145 км протяжения улиц стоимостью по 158 тыс. руб. за км. Это неимоверно дорого, дороже железных дорог, и несуразно много: на 31 дом — 145 км улиц. Общий размер застройки под 31 дом и 16 прочих кварталов по 7,5 га составил бы около 350 га (70%), на улицы пошло бы, по нашему расчету, еще до

---

[1] При пользовании общественными столовыми целую кухню может заменить даже выдвижная из стены газовая плитка или электроприбор.

[2] «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. LIII. М., 1929 г., стр. 90—91 и 158. Средняя площадь жилой комнаты 17,1 м², для кухни мы принимаем 8 м².

[3] При высоте этажа в 3 м при этом останется еще на коридоры, лестницы и уборные свыше 50% от жилой площади.

50 га (10%), на площади и парки зеленой завесы — до 100 га (20%), а всего не свыше 500 га, или 5 км² (без заводских площадей).

Все мостовые по проекту рассчитаны на бетонированный асфальт, в то время как в старых городах до 80% улиц вовсе ничем не замощены. Такой прыжок от голой земли сразу на 100% к бетону и асфальту тоже ничем не мотивирован. В проекте социалистического Новосибирска (на 80 тыс. жителей) все благоустройство улиц, площадей и парков рассчитано всего на 924 тыс. руб. Исходя из этих норм, для 100-тысячного города пришлось бы затратить до 1,2 млн. руб. вместо 30,7 млн., намеченных в разбираемом проекте. Возможная экономия по этой статье, стало быть, достигает 29,5 млн. руб.

Крайне преувеличенная цифра вложений в благоустройство в табл. 2 связана еще с преувеличенной площадью самого города. Автор проекта исчислил ее в 10 км² вместо наших 5, потому что у него сверх подлежащего застройке 31 квартала запроектировано еще 36 в запас, на случай дальнейшего расширения данного социалистического города. Такая установка явно неправильна. Она обращена лицом к капиталистическому прошлому, а не социалистическому будущему городов. Стихийное нарастание социалистических городов исключено. Мы можем, конечно, строить и завод и город с расчетом на постепенное их расширение в несколько очередей. Но эти очереди должны быть уже заранее предусмотрены в плане. При поточной системе производства план завода должен быть рассчитан сразу на полное его развертывание в оптимальном масштабе. Всякие последующие пристройки цеха к цеху или завода к заводу, не предусмотренные этим планом, будут явно нецелесообразны. Выгоднее построить новый завод на новом месте. А для нового завода потребуется и новый город.

В связи с совершенно излишним, про запас, удвоением проектируемой площади города сильно преувеличенными оказались, конечно, и все затраты на сооружение системы трубопроводов, обслуживающих город. Особенно велика в проекте цифра затрат на теплофикацию (24 млн. руб.). Она, по-видимому, включает в себя и стоимость домовых калориферных устройств, что уже раз учтено в стоимости жилстроительства. По нашим расчетам, если исходить из отопительного периода в 7 мес., или 5 тыс. час., и считать для отопления за этот период 25 тыс. калорий в год на 1 м³ строений, а на все прочие нужды прибавить еще около 56% [1], то с учетом уже ранее принятых поправок на кубатуру сеть теплопроводов на 5,8 млн. м³ обойдется не дороже 3,6 млн. руб., что с дополнительными затратами на расширение электроцентрали составит до 6 млн. руб. вместо 24 млн. Это дает еще 18 млн. руб. экономии против расчетов рассматриваемого проекта.

Мы не станем останавливаться на других, более мелких статьях проекта. Конечно, работники Госплана не могли оставить без проверки и критики такого рода расчеты. Первоначальные проектировки ведомств и отдельных авторов подвергаются в Госплане весьма существенным урезкам и становятся после этого гораздо более приемлемыми. Только по перечисленным выше статьям эти поправки удешевляют, например, приведенный выше расчет на 87,3 млн. руб., или 35%. Из расчета на жителя, вместо 2464 руб. остается уже только около 1600 руб. капитальных затрат. Понятно, и эта цифра поддается еще весьма заметным сокращениям. В новейших проектах инженеров Зеленко и Сотника в Госплане имеются уже варианты с затратами в 1030 руб. на жителя. Последние, очень обстоя-

---

[1] Включаем сюда 15% добавочных на вентиляцию и 41% — на горячую воду для ванн (72 ванны в год по 150 л), душей (300 раз в год по 30 л), ежедневное умывание (10 л), стирку белья, мытье посуды и прочие нужды. Стоимость сети на 1 млрд. калорий принимаем в 16 тыс. руб. (см. В. В. Дмитриев. Энергоцентрали в городах. «Вопросы теплофикации», 1930). В Ленинграде 16 км сети двойного теплопровода обошлись в 1,6 млн. руб. («Правда», 1931, № 147).

тельно разработанные сибирские проекты социалистических городов, тоже подходят к этой цифре. Например, Новый Кузнецк (110 тыс. жителей) обойдется в 1170 руб. на жителя, Прокопьевск (100 тыс.) — в 1101 руб., Щегловск (100 тыс.) — 992 руб. со включением всех видов коммунального обслуживания на все 100% населения, т. е. значительно дешевле старых городов.

Но и цифра 1600 руб. на жителя при социалистической организации быта нас не пугает. Ведь если учесть, что при социалистическом быте из расчета на данную производственную единицу мы можем проектировать не свыше $^2/_3$ того населения, которое потребовалось бы в иных условиях, то цифра 1600 руб. обращается уже в 1 тыс. руб. из расчета населения по норме старых городов. А 1 тыс. руб. на жителя со включением коммунального строительства — это уже чрезвычайно экономная мера возможных затрат при современной дороговизне строительства.

С удешевлением строительства эта норма затрат, несомненно, будет заметно снижаться, позволяя в то же время постепенно расширять и душевую норму жилплощади в домах и целый ряд других удобств обслуживаемого в них населения. Однако при разбивке проектируемого строительства на очереди надо особенно остерегаться одной, граничащей с головотяпством, ошибки. Нельзя во имя сугубого «реализма» отсрочивать удешевляющие строительство элементы обобществления быта. Недопустимо в новых городах проектировать постройку фабрик-кухонь, детских садов, прачечных и тому подобных учреждений, обобществляющих быт, порциями: сначала на 25% населения, потом на 50% и т. д.[1] Недопустимо потому, что это удорожает строительство, повышая коэффициент семейной нагрузки домашним хозяйкам и вынуждая строить больше жилищ, чем это необходимо для производства.

5. НОВЫЙ БЫТ И БЮДЖЕТ РАБОЧЕГО

Построить социалистический город с полным обобществлением быта дешевле старых городов, оставляя за собой полную возможность дальнейшего его улучшения в течение ряда лет — это задача, как видим, вполне разрешимая. Но здесь возникает другая, тоже огромной важности хозяйственная проблема. Имеются скептики, которые сомневаются, своевременным ли окажется это строительство с точки зрения связанных с ним эксплуатационных расходов. Не окажутся ли для наших рабочих при современном уровне их зарплаты совершенно непосильными те затраты, которых от него потребует общественное питание, общественное воспитание детей и прочие блага социалистического быта? И не придется ли нам по этой причине на некоторое время предпочесть «осторожную» тактику замедленных темпов обобществления быта?

Этот обывательский скептицизм, разумеется, имеет под собой некоторые видимые основания. Ведь все обобществляемые функции домашней работы хоть и сберегают труд, но это труд бесплатный, а за обобществленные услуги придется кому-то платить. Появятся в рабочем бюджете новые статьи расхода. Из каких же источников и как они будут покрываться?

С народнохозяйственной точки зрения вопрос об этих источниках разрешается довольно просто. Домашние хозяйки, освобожденные от детей и кухни, получают возможность применить свой сбереженный домашний труд на другой, гораздо более производительной, работе. Они создадут новые дополнительные ценности и из этого источника принесут дополнительный доход в свою семью. Мы уже указывали, что если в старых

[1] В старых городах такая постепенность обобществления быта, конечно, вполне естественна, ибо там это не влечет за собой излишних строительных расходов, а старый быт, достаточно вооруженный и примусами и традициями, приходится вытеснять из каждой кухни, как из крепости, с большой потерей времени и энергии.

городах занято в производстве не свыше 26 работников из каждой сотни населения, то в условиях нового быта эта цифра повышается до 42, т. е. на 62%. Если принять, что производительность новых кадров будет на первое время даже ниже процентов на 40 производительности старых кадров, то все же народный доход в условиях нового быта возрастет минимум на 37% из расчета на душу населения. А это весьма серьезный источник для повышения уровня жизни населения. Общий заработок средней пролетарской семьи в социалистических городах возрастет при этом только за счет увеличения процента зарабатывающих по меньшей мере на 30%.

Хватит ли, однако, этого прироста в новых условиях быта? Попробуем разобрать этот вопрос более детально, применительно к важнейшим статьям рабочего бюджета.

Начнем с питания. В настоящее время обобществленное питание играет еще даже в городах весьма скромную роль. На 1 октября 1928 г. продукция Нарпита не превышала 2300 тыс. блюд, или 1150 тыс. обедов в день. Но уже к октябрю 1930 г. эта продукция достигнет 4 млн. блюд, т. е. Нарпит обслужит обедами около 6,6% городского населения. А к октябрю 1933 г., по уточненному проекту пятилетки Нарпита, его продукция должна бы достигнуть уже 49 млн. блюд, т. е. обслужить обедами до 70% всего городского населения (34,7 млн.) [1]. Это уже очень солидный процент охвата. Но и затраты он предполагает немалые. Уже в 1930/31 г. для этого пришлось бы затратить 280 млн. руб., в следующем — 445 и в 1932/33 г.— 865 млн. руб., а всего за пятилетку 1687 млн. руб.

При средней цене обеда в 35 коп. суточная продукция Нарпита к октябрю 1933 г. составила бы даже без буфетных операций свыше 17 млн. руб., а годовая — 6,25 млрд. руб. Учитывая, что основную массу этой продукции должны дать гигантские пищекомбинаты и фабрики-кухни с суточным производством от 70 до 100 тыс. обедов и выше, мы должны констатировать, что здесь перед нами сразу выросла бы новая отрасль крупной индустрии, гораздо более мощная, чем, скажем, вся черная металлургия и целый ряд других ведущих отраслей нашей промышленности. Конечно, эта новая индустрия может вырасти только за счет соответствующего сокращения домашнего хозяйства, строящегося на бесплатном труде. Какими же преимуществами располагает эта индустрия над своим конкурентом для достижения указанной цели?

Все затраты на питание в бюджете среднего рабочего по обследованию 1927 г. составляли не свыше 56,7 коп. за 3637 калорий, включая сюда свыше 2000 калорий хлеба в день на взрослого едока [2]. На обед из этой суммы можно отнести не свыше 40%, т. е. около 22,6 коп. Но это стоимость одних лишь продуктов для обеда. К этому следует прибавить топливо и труд.

Полный расход топлива в рабочей семье с печным отоплением на едока в месяц достигает 2 руб. 10 коп., из них на варку пищи мы относим не меньше 30%, т. е. 63 коп., или на каждый обед 2,1 коп. Наконец, расход труда на закупку продуктов на рынке, приготовление обеда, доставку дров, уборку и мытье посуды, по бюджетным данным, составляет не менее 1 часа обслуживаемого обедами едока в день, или по расценке труда соответствующей квалификации не менее 15 коп. на каждый обед. В общей сложности домашний обед в 1000 калорий, со включением сюда до 200 г хлеба, обходился в 1927 г. рабочим в 39,7 коп., включая труд, или 24,7 коп., исключая бесплатный труд домашней хозяйки [3].

---

[1] В первом проекте намечалось на пятый год всего 3373 тыс. обедов, т. е. не свыше 7 млн. блюд (см. А. Г. Боярская. 5-летний план общественного питания 1928/29—1932/33 гг. М., 1929, стр. 18).

[2] «Бюджеты рабочих и служащих». Вып. 1, М., 1929, стр. 34, 97.

[3] К 1930 г. по текущим бюджетам за первый квартал расход рабочих на питание возрос против 1927 г. процентов на 12 и, стало быть, на одни продукты к обеду теперь расходуется свыше 25 коп. на едока.

Сопоставляя эти нормы с отчетными данными иваново-вознесенской фабрики-кухни за 1928/29 г., получаем такую картину. Рабочей силы из расчета на 1 обед из 2 блюд там расходовалось не более 9 мин., т. е. раз в 6—7 меньше, чем в домашнем быту рабочих, топлива и энергии — только на 0,7 коп., вместо 2,1 коп., т. е. втрое меньше, и все же средняя стоимость одного обеда достигала 34,5 коп., т. е. стоила почти столько же, сколько и в первобытном домашнем производстве. Объясняется это отчасти рядом дополнительных расходов фабрики по амортизации помещений и оборудования (3,1%), по транспортировке обедов с фабрики к потребителю (1,2%) и некоторых других, которые отсутствуют или, во всяком случае, не учитываются в домашнем быту. Но все эти расходы не превышают 4,0% от общего итога затрат. Большее значение имеет относительно высокий уровень оплаты труда на фабрике-кухне — вместо 15 до 30 коп. за час, или 4,1 коп. на обед. Но решающее значение принадлежит затратам на продукты. По этой статье расход фабрики на 1 обед достигает, по отчету, 25 коп., т. е. на 11% больше, чем на домашней кухне. Конечно, при заготовках оптом фабрика покупает все продукты дешевле домашних хозяек. Отсюда заключаем, что обеды средних рабочих в 1927 г. были еще по количеству и качеству продуктов заметно ниже того, что дает в среднем фабрика-кухня [1].

При этих условиях конкуренция фабрики-кухни с домашней кухней, конечно, страшно затрудняется. Практически эта трудность разрешается тем, что фабрика выпускает обеды различного качества и расценки, причем, для хуже оплачиваемых рабочих выпускает особо удешевленные обеды по 20 коп., при средней цене одних лишь продуктов для такого обеда в 20,5 коп., т. е. с некоторым убытком, перекрываемым за счет более дорогих обедов [2]. Такая политика цен, даже при нынешнем весьма низком уровне домашнего питания рабочих, обеспечивает фабрики-кухни достаточной клиентурой. Дешевле стоимости самих продуктов не изготовит обеда даже самая талантливая домашняя хозяйка. Нужно лишь, чтобы наши общественные кухни надежно обеспечили себя от возможных хищений и порчи продуктов и больше заботились о вкусовых качествах своей продукции. В последнем отношении у них остается еще особенно много неиспользованных возможностей. И Нарпиту, при содействии Пищевого института, предстоит на этом поприще большая работа.

Однако особенно широкие перспективы общественному питанию все же откроет лишь дальнейшее повышение уровня жизни рабочих, с одной стороны, и дальнейшая рационализация процессов производства и обслуживания в этой области, с другой. Намеченный по пятилетке рост зарплаты и использование освобождающегося домашнего труда в новых городах повысит уже в ближайшие 3—4 года уровень жизни рабочих по меньшей мере процентов на 70. Это позволит рабочему удорожить свое питание примерно в тех же масштабах. И тогда для него обед не только в 25, но и в 40 коп. не будет уже превышать его среднюю норму. В то же время Нарпит к 1932/33 г. обещает по плану путем укрупнения и рационализации своих предприятий снизить среднюю расценку своих обедов с 35 до 30 коп. при значительном улучшении их качества. А это значит, что фабрика-кухня уже через 3—4 года, даже при сохранении платности питания, сможет вытеснить домашнее приготовление пищи не только среди лучше оплачиваемых слоев рабочих, но и во всей основной их толще.

Говоря об общественном питании, мы наряду с фабрикой-кухней должны поставить хлебозавод и механизированную молочную ферму. На хлеб в суточном питании рабочих приходится до сих пор свыше 70% по

---

[1] Средний обед Нарпита из двух блюд с хлебом содержит до 1 350 калорий, а без хлеба до 1000 калорий, в то время как средний домашний обед рабочих без хлеба заключает всего около 640 калорий.

[2] А. Г. Боярская. Указ. соч., стр. 27.

калорийности и 25% по стоимости всего питания. Молочные продукты по калорийности занимают в нем 7,6%, по стоимости — 17,7%. Меньше всего наши достижения в области индустриализации молочного хозяйства. Но и здесь за последние годы начинают применяться электрическое доение коров и целый ряд других технических достижений. Пользуясь отчетностью нескольких крупнейших предприятий, обслуживающих основные потребности домашнего хозяйства в области питания и гигиены, мы получаем следующие весьма показательные цифры (см. табл. 3).

Таблица 3

Важнейшие форпосты индустриализации в области домашнего хозяйства

Показатели	Производство			
	фабрика-кухня	хлебозавод	молочная ферма	механическая прачечная
1	2	3	4	5
I. Структура издержек, 1929 г.				
1. Материалы				
а) основные	70,5	70,5	36,6	—
б) вспомогательные и пр.	2,4	4,9	0,7	8,6
Итого	72,9	75,4	37,3	8,6
2. Топливо и энергия	2,0	2,8	0,5	19,6
3. Транспорт	1,2	1,3	1,1	6,9
4. Услуги других производств	1,3	—	0,1	9,2
5. Амортизация	2,7	—	3,0	6,8
6. Текущий ремонт	1,1	6,1	0,1	—
7. Страхование	0,1	—	0,7	0,3
8. Разные накладные расходы	0,8	—	12,9	0,4
9. Зарплата	10,5	3,1	9,0	31,1
10. Начисления на зарплату	2,0	1,1	2,2	8,2
11. Налоги и сборы	0,4	—	0,1	0,1
12. Прибыль	5,0	10,2	33,0	8,8
Всего	100	100	100	100
II. Цена единицы продукции, коп. *	34,5	8,5—21	24,3	18,4
III. Норма годовой потребности на 1 душу	365	200	50	80
IV. Капитальные затраты на 1000 руб. продукции, руб.				
1. В основные фонды	560	344	716	839
2. В оборотные фонды	67	95	210	23
Итого	627	439	926	862
V. Затраты труда, час.				
1. На 1000 руб. продукции	424	103	417	844
2. На 1 душу в год				
а) в механизированном производстве	53,5	3,0	5,0	12
б) в домашнем хозяйстве	365	60	25	50
VI. Число работников	441	595	50	178
VII. Годовая продукция, тыс. руб.	1.816	13.000	246	479

* За единицу продукции принято: 1 обед, 1 кг хлеба, 1 кг молока, 1 кг белья. По хлебозаводу показаны отдельно цена черного и белого хлеба. Затраты труда по выпечке 1 т черного хлеба составляют 26 час., белого — 21 час.

Превосходство крупного общественного хозяйства перед домашним с точки зрения экономии труда в достаточной степени выявлено. Нужно лишь отметить, что использованные здесь нами отчетные данные относятся далеко не к самым крупным и технически совершенным предприятиям. Например, иваново-вознесенская фабрика-кухня с годовым производством в 10 млн. блюд при 440 рабочих далека от последнего слова техники в этой области. При механизации обслуживания обедающих конвейерными устройствами потребовалось бы гораздо меньше персонала, да и продукцию можно было бы увеличить в несколько раз. Московские хлебозаводы № 2 и 3 МОСПО тоже далеко не из самых крупных. Общая их продукция в месяц не превышает 7 тыс. т хлеба при 595 рабочих. Механическая прачечная № 1 Мосздравотдела пропускает всего 2,7 млн. кг белья в год при 178 рабочих. Что же касается молочной фермы «Коммунарка», то при 300 коровах, без механизации, в ней требовался еще в 1929 г. 1 работник на каждые 6 коров, а с 1930 г., благодаря механизации, он уже обслуживает 600 коров при том же персонале. Конечно, в социалистических городах все эти предприятия можно будет строить в гораздо более крупном масштабе. А стало быть и экономичность их возрастет в той же мере.

Питание в бюджете рабочих достигает 44% всех расходов. Это — самая крупная, можно сказать, решающая статья бюджета. По величине с ней могли бы конкурировать только затраты на воспитание детей, если бы такая статья выделялась в особый итог в рабочих бюджетах. К сожалению, этого обычно не делается. Однако в Институте экономических исследований при Госплане С. Е. Губерман, тщательно проанализировав все статьи бюджета рабочей семьи, выделила по каждой из них затраты, связанные с содержанием подрастающей смены (до 17 лет) и установила общий их итог в следующей цифре. По данным 1927/28 г. в средней рабочей семье с годовым бюджетом 1200 руб. на 2,05 младших членов до 17 лет расходуется до 474 руб. в год, т. е. до 40% годового бюджета семьи. В эту сумму входит, конечно, и питание детей — до 253 руб., или 21% бюджета, но и за исключением этого повторного счета питание рабочей семьи и воспитание детей поглощают не менее 63% ее бюджета.

В среднем на 1 ребенка рабочие расходуют от 184 до 231 руб. в год, или 15—19 руб. в месяц. Разумеется, в лучше зарабатывающих семьях эта норма поднимается до 333 руб. и выше, а в беднейших падает до 174 руб. за год и ниже. Но в общем для 1930 г. за среднюю норму можно принять расход в сумме рублей до 19 на ребенка в месяц. В этой цифре, конечно, не учтен бесплатный труд по уходу за детьми, их питанию и воспитанию. По бюджету времени рабочей семьи мы определяем этот расход в 77 час. в месяц, или, расценивая его по 15 коп. за час, в 11 руб. 25 коп. на каждого ребенка и учащегося в рабочей семье. К этому еще следует прибавить расход государства на школьное обучение детей до 17 лет. На каждую сотню в школьном возрасте из них будет около 52. Расход казны на 1 школьника в семилетке для 1929/30 г. составляет свыше 52 руб., что в среднем на всех детей, включая дошкольников, составит около 27 руб. в год, или 2 руб. 25 коп. в месяц. Кроме того, сюда надо отнести еще до 13 руб. в год других бюджетных расходов по обслуживанию рабочих. Таким образом, в общем на воспитание рабочих детей до 17 лет до сих пор расходовалось у нас всего около 33 руб. 50 коп. в месяц, или 400 руб. в год.

Это, несомненно, очень низкая норма расхода. Общественное воспитание детей построить на столь узком основании было бы — без глубокой дискредитации самой идеи социалистического воспитания — совершенно невозможно. Вот почему мы должны заранее примириться с необходимостью значительных по этой статье поправок к индивидуальному бюджету рабочих. В детском доме им. Коминтерна на содержание и обучение одного ребенка расходуется свыше 600 руб. в год, т. е. процентов на 50 дороже,

чем в индивидуальном быту. Но очень характерно, за счет каких статей получается это удорожание. Это прежде всего питание и помещение. На питание в детдоме каждый ребенок получает вместо 123,5 руб. 240, т. е. на 95% больше, а душевая норма помещения здесь повышается для него с 4,9 [1] до 6,1 м², т. е. на 25%, даже не считая школ и мастерских. Сильно возрастают при этом и наиболее эффективные с производственной точки зрения затраты на обучение (с 30 до 60 руб. на ребенка). Но по количеству затрат рабочей силы мы получаем иные соотношения. А именно, если в домашнем быту на обслуживание каждого ребенка в среднем расходуется не менее 77 час. в месяц, то в детском доме Коминтерна этот расход не превышает 35 час., т. е. вдвое меньше, несмотря на значительно повышенный уровень жизни обслуживаемых.

Детям рабочих в индивидуальном быту еще плохо живется. Конечно, это в значительной степени зависит от того, что и взрослые рабочие находятся еще на весьма низком уровне жизни. Уже через пару лет, к 1932/33 г., в связи с намеченным ростом зарплаты, денежная норма расхода на ребенка в рабочем бюджете возрастет минимум до 363 руб., а включая сюда еще бесплатный труд семьи на 186 руб. и затраты казны — 62 руб., общий расход достигнет 611 руб. в год, т. е. превысит нынешние нормы общественного воспитания. Но, во-первых, даже при таких затратах ребенок в индивидуальном быту получит меньше благ, чем в обобществленном, ибо обобществленное хозяйство экономичнее. А, во-вторых, «средние» нормы в этой области нас ни в какой степени устроить не могут. Дело в том, что даже вполне удовлетворительная средняя норма затрат на воспитание детей складывается всегда из крайних, т. е. предполагает более чем удовлетворительное содержание одних детей за счет других.

Этого мы не можем долго терпеть в советском хозяйстве. Дети — слишком бесправные члены в каждом индивидуальном хозяйстве. Даже весьма рачительный семьянин-рабочий при недостатке средств зачастую приносит интересы своих детей в жертву интересам поддержания на нормальном уровне рабочей силы семьи, т. е. интересам взрослых ее членов. А что же сказать о тех семьях, где глава пьет «горькую» или мать заболевает, или кто-нибудь из старших членов потеряет работу?

Пролетариат, ставший у власти, не может оставить на произвол судьбы, мыкать свою горькую долю, ни одного из своих детей. Отсюда необходимость общественного их воспитания. Но общественное воспитание будет для всех приемлемым только в том случае, если оно улучшит положение детей не только низших и средних по благосостоянию групп рабочих, но и высших. Вот почему мы должны равняться при его осуществлении не на средние, а на значительно более высокие нормы обслуживания пролетарских детей, по сравнению с обычным уровнем домашнего быта среднего рабочего. Это связано с дополнительными затратами. Но эти неизбежные затраты не сократятся, а даже возрастут, если мы оттянем начало реформы до более высокого среднего уровня зарплаты при тех же степенях ее дифференциации. И потому ее не следует оттягивать.

К этому нужно еще добавить, что с народнохозяйственной точки зрения добавочные затраты на общественное воспитание детей, повышающие общий уровень нашей культуры, высоко эффективны. У нас очень еще плохо усвоено, что более высокая культура означает собой и высокую производительность труда. Поэтому на этом приходится настаивать. В качестве очень яркой иллюстрации этой мысли приведем следующий расчет. Изучая влияние различных факторов на оплату труда, Институт экономических исследований Госплана использовал для этой цели между про-

[1] Собственно говоря, 4,9 м² — это средняя душевая норма 1926 г. для всех рабочих; детям из нее несомненно достается много меньше. См. «Статистический справочник СССР за 1928 г.», М., 1929, стр. 820.

чим материалы большого обследования 1929 г. о составе профессиональных союзов СССР. Пустив в разработку свыше 75 тыс. карточек рабочих-металлистов и исключив путем соответствующих группировок влияние на заработок возраста и стажа, мы выявили такую его зависимость от школьного обучения.

Таблица 4

Эффективность затрат на образование по обследованию 1929 г.

Группы рабочих-металлистов (мужчины) по образованию	Школьный ценз, в годах	Затраты на обучение, в руб.	Средний заработок, в руб.			Прирост его за счет образования	
			за день	за год (264 дня)	в %	за 1 год работы, руб.	за 37 лет, тыс. руб.
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Неграмотные	0	—	3,21	847	100	—	—
2. Полуграмотные . . .	?	?	3,42	903	107	56	2,07
3. Грамотные, обучавшиеся							
до 1,5 лет	1	15,5	3,96	1045	123	198	7,33
от 1,5 до 2,5 лет	2	34,8	4,10	1082	128	235	8,70
от 2,5 до 3,5 лет	3	59,1	4,23	1117	132	270	9,99
от 3,5 до 4,5 лет	4	87,9	4,53	1196	141	349	12,91
от 4,5 до 5,5 лет	5	134,0	4,90	1294	153	447	16,5
от 5,5 до 6,5 лет	6	186,0	5,17	1365	161	518	19,2
от 6,5 до 7,5 лет	7	264,5	5,36	1415	167	568	21,0

В табл. 4 все рабочие приведены к среднему их возрасту в 32,3 года и стажу — 12,6 года. Оплата труда этих рабочих при господстве у нас сдельных расценок находится, конечно, в самой тесной связи с их производительностью. И вот, как видим, каждый лишний год школьного обучения дает с железной неотвратимостью соответствующий прирост производительности. При этом затраты на обучение, исчисленные здесь по нормам 1926/1927 г., оказываются крайне мизерными в сопоставлении с создаваемым этими затратами хозяйственным эффектом. Они окупаются приростом производительности прошедшего школьную выучку рабочего всего за несколько месяцев его работы. А ведь по окончании семилетки каждый из них на круг, по данным статистики, сохраняет полную работоспособность в течение целых 37 лет. И в течение этого срока может окупить в сотни раз затраты общества на его обучение. Подобной эффективности вложений не найдешь аналогий ни в одной отрасли хозяйства.

Правда, нормы затрат 1926/27 г. на обучение теперь мы признаем уже явно недостаточными, с каждым годом заметно повышаем. Но вместе с тем, конечно, будет повышаться и производственный эффект от обучения, ибо лучше оплачиваемый учитель за год даст ученикам больше знаний, чем худший за два года.

Таким образом, сомневаться в осуществимости высоких темпов культурного строительства в области общественного воспитания не приходится. Здесь каждый шаг вперед уже сам по себе создает богатейшие ресурсы для дальнейшего продвижения.

Из двух статей рабочего бюджета в связи с обобществлением быта заслуживает еще внимания расход на помещение и отопление. Обслуживание рабочих квартирой, отоплением, освещением и всеми прочими коммунальными услугами в настоящее время обобществлено в отношении большинства рабочих. Но в социалистических городах это обобществление охватит все сто процентов населения. До сих пор это обслуживание совершается на основе платности. Как же изменится эта статья бюджета в результате строительства социалистических городов?

В бюджетах 1927/28 г. при обеспечении индустриальных рабочих жилой площадью примерно в 4,9 $м^2$ на душу расход на помещение достигал 6,9%, а отопление и освещение 6,2%, всего стало быть 13,1% расходного бюджета. Это много ниже доли затрат на питание и воспитание детей, но все же весьма высокая величина в бюджете рабочих. Мы уже видели, что строительство социалистических городов на первое время будет нам стоить не дороже, чем в старых городах. Обслуживание больших домов из расчета на единицу площади обойдется тоже, конечно, дешевле, чем мелких домов старых городов. Но при увеличении жилой площади для рабочих с 4,9 до 7 $м^2$ на душу и выше расход по этой статье в бюджете рабочих может возрасти процентов на 40—50. Однако, если исключить детей до 16 лет, затраты на помещение которых в особых детских секторах и школах-интернатах уже учтены нами выше в стоимости общественного их воспитания, то на долю взрослых по этой статье может получиться даже заметное сокращение расхода.

В отношении отопления мы можем привести следующий сравнительный расчет (см. табл. 5). Энергетика теплофикации, как видим, и в живом труде, и в использовании топлива, дает огромную экономию не только по сравнению с печным, но и с центральным домовым отоплением.

Таблица 5

Расход на отопление в год на 100 тыс. жителей при кубатуре 5,8 млн. $м^3$

(Исчисление)

Статьи расхода	Тип отопления		
	печное	центральное	теплофикация
1	2	3	4
I. Капитальные затраты, млн. руб.			
1. Печи и котельные	9,3	3,2	2,4
2. Сеть калориферов (домовая)	—	11,3	11,3
3. Сеть теплопроводов (уличная)	—	—	3,6
Итого	9,3	14,5	17,3
II. Эксплуатационные расходы за год, тыс. руб.			
1. Топливо и энергия	1940	1325	720
2. Зарплата с начислениями	720	642	95
3. Амортизация, ремонт и пр.	464	725	985
Итого	3124	2692	1800
III. Затраты труда, тыс. час.			
1. Платные	900	1284	95
2. Бесплатные (по 15 коп/час)	1870	—	—
Итого	2770	1284	95
IV. Расход условного топлива, тыс. т	70	36,5	18,2
V. Тепловая продукция, млрд. ккал.	167	167	227
VI. Стоимость 1 млн. кал., руб.	18,7	16,1	7,9
VII. Персонал (264 раб. дня по 8 час)	1313	608	46

Из расчета на 1 $м^3$ наружного объема зданий теплофикация даст удешевление отопления по меньшей мере в 2 раза против существующих норм, давая в то же время огромную прибавку тепла на ванны, горячую

воду для душей и мытья и т. д. Таким образом, даже с увеличением жилой площади процентов на 40, платить за отопление дороже нынешнего не придется.

В общем и целом по всем перечисленным статьям, охватывающим около 70% рабочего бюджета, обобществление домашнего быта в намеченных масштабах, по нашему расчету, повысит денежные затраты рабочего бюджета не более, чем на 27—30%, давая огромные сбережения в труде и повышая уровень жизни в несравненно большей степени, чем эти затраты. При повышении ресурсов за счет одного лишь сбереженного домашнего труда по меньшей мере в 30% такое повышение затрат является вполне обеспеченным.

Таким образом, высокие темпы обобществления быта в социалистических городах с этой стороны не встретят сколько-нибудь серьезных препятствий.

6. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ ЗАРПЛАТЫ

Осуществляя индустриализацию страны во всех отраслях производства и поднимая таким образом уровень производительных сил страны на новую более высокую ступень, мы уже тем самым создаем источник и для соответствующего подъема уровня жизни трудящихся. Индустриализация домашнего хозяйства в социалистических городах будет лишь содействовать этим процессам, ускоряя общий темп рационализации хозяйства и повышения благосостояния трудящихся. Поэтому вопрос, из каких источников будут покрываться новые статьи расхода в бюджете населения социалистических городов, не представляет собой никакой загадки. Менее ясно, как они будут покрываться. В индивидуальном порядке, на основе платности каждым рабочим в отдельности за себя и своих детей, или в общественном, на основе полной или частичной бесплатности, путем включения соответствующих затрат в коммунальный бюджет данного города или иного рабочего коллектива.

Идея хозрасчета, столь пышно расцветшая у нас во всех областях хозяйства с первых же шагов нэпа, как будто повелительно требует сохранения платности за все виды обслуживания рабочей силы. С другой стороны, интересы стимулирования высокой производительности труда требовали доныне и еще не один год будут требовать высокой дифференциации в оплате труда в соответствии с его качеством и интенсивностью. Переход на бесплатное удовлетворение тех или иных потребностей рабочей семьи поведет к усилению уравнительных тенденций в оплате труда. А между тем мы не случайно отвергли уравниловку и уже с первых лет Октябрьской революции строим стимулирование труда на базисе неограниченной сдельщины и всяких иных поощрительных форм зарплаты. И пока что они вполне оправдали себя. Можем ли мы при этих условиях признать целесообразным какое-либо отклонение от этого испытанного курса в сторону «собезовской» уравнительности?

Все эти вопросы заслуживают с нашей стороны самого серьезнейшего внимания. Но нельзя закрывать глаза и на другие стороны проблемы. Конечно, хозрасчет это, в известном смысле, душа нэпа, но ведь и нэп трансформируется. И на новом этапе нашего развития, при резком сужении частного рынка, о безраздельном господстве идей хозрасчета в нашей хозяйственной организации говорить уже не приходится. Стимуляция труда поощрительными формами оплаты в переходный период к социализму, несомненно, вполне целесообразна и до поры до времени совершенно необходима. Но какой куриной слепотой надо страдать, чтобы не видеть уже и теперь, в переходном периоде, наряду со старыми и новых принципиально иных стимулов к труду. В числе очень ярких характеристик нового этапа мы отмечаем широкое развертывание таких массовых явлений, как ударные бригады в производстве, социалистическое соревнование и социалисти-

ческое сотрудничество. В этих формах стимуляции к труду активизирующей силой является, конечно, уже не лишний рубль приработка, а гораздо более значительные социальные стимулы. И если мы не прочь в нужде использовать для продвижения к социалистическому идеалу даже столь грубо эгоистические стимулы как сдельный приработок, то можем ли мы пренебрегать на этом пути теми несравненно более мощными стимулами, на которых строится социалистическое сотрудничество?

Конечно, не можем. А это кое к чему обязывает. Социальные стимулы к труду питаются иными принципами и установками, чем индивидуальные. И если со вторыми, скажем, вполне гармонирует принцип неограниченной сдельщины и ставка на дифференциацию индивидуальной зарплаты, то развитию первых в гораздо большей степени благоприятствует установка на расширение коллективных форм зарплаты.

Наше понятие зарплаты в советской экономике, разумеется, резко отличается по своему содержанию от категории заработной платы капиталистического общества. Но за неимением другого термина приходится пользоваться старым. К индивидуальным формам оплаты труда мы относим при этом всю ту долю общественного продукта, предназначенного для воспроизводства рабочей силы, которая у нас распределяется, поступая непосредственно в личный бюджет рабочей семьи, в прямом соответствии с количеством и качеством выполненной каждым работы. Но эта индивидуальная оплата «каждому — по его труду» — у нас далеко не покрывает собою всех ресурсов, выделяемых из народного дохода для воспроизводства рабочей силы. В порядке социального страхования, из так называемых фондов улучшения рабочего быта (Фубры) и целого ряда иных источников в бюджет советского рабочего уже давно поступают весьма существенные подкрепления, повышая общий уровень его жизни и выравнивания его для различных групп рабочих в соответствии с их потребностями.

Эти формы общественного распределения народного дохода, поскольку они в конечном счете служат той же цели воспроизводства рабочей силы, мы тоже подводим под понятие зарплаты, но уже обобществленной, социализированной, или, говоря точнее, коммунизированной, так как она распределяется по коммунистическому принципу: «каждому — по его потребностям».

Было бы очень наивно думать, что такие обобществленные формы оплаты труда с их уравнительной тенденцией являются плодом чьей-либо прожектерской фантазии. Как показывает опыт, они имеют довольно глубокие корни в хозяйственной жизни. Слабые зачатки их можно открыть даже в капиталистических странах. И не только в форме страхования рабочих за счет предпринимателей и государства, но и в некоторых других. За последние годы, со времени империалистической войны, в Германии Франции, Бельгии и других странах большого внимания заслуживает, например, широкая практика особых доплат семейным рабочим на содержание их детей. Причем эти уравнительные доплаты, как учит нас опыт, прекрасно уживаются там рядом со сдельщиной и всякими другими весьма ухищренными премиальными методами индивидуальной стимуляции труда. Понятно, лишь самый безнадежный тупица стал бы объяснять такую заботу предпринимателей о детях своих рабочих особой к ним симпатией капиталистических акул или иными столь же неправдоподобными соображениями. Акулы просто желают покрепче привязать такими доплатами семейных, т. е. наиболее квалифицированных рабочих к своим предприятиям, чтобы успешнее их эксплуатировать. Но дело здесь не в субъективных побуждениях отдельных лиц, а в объективных условиях и предпосылках, объясняющих данное явление.

Некоторый свет на указанное явление проливает чрезвычайно интересный доклад Г. С. Полляка «Бюджет и семья», опубликованный им в «Экономическом Обозрении» за 1930 г., № 3. В результате анализа диффе-

ренциации оплаты труда в СССР и за границей в комбинации с числом детей обследованных рабочих, он приходит к выводу о крайней необеспеченности многодетных рабочих нынешним их индивидуальным заработком. Чтобы характеризовать степень этой необеспеченности детей в больших семьях, приведем только одну цифровую иллюстрацию из названной работы. По бюджетам промышленных рабочих СССР за 1926 г. мы получаем такие данные:

Группа рабочих	Число членов семьи	Расход за месяц на едока в руб. и коп.	Расход за месяц на едока в %
I	7 и более	31,58	100
II	6	32,09	102
III	5	37,25	118
IV	4	40,46	128
V	3	46,27	147
VI	2	51,52	163

Как видим, чем больше рабочая семья нуждается в средствах, тем меньше она ими обеспечена и наоборот. Это грозное для пролетариата противоречие отнюдь не случайно. Оно ощущается не только в особо многодетных семьях. И средняя рабочая семья, как показал Г. С. Полляк, с повышением возраста родителей явно отстает в росте своего заработка от возрастания семейной нагрузки нетрудоспособными членами. Так, например, рабочая семья с отцом в возрасте от 25 до 29 лет располагала по ноябрьским бюджетам 1927 г. доходом в 43 р. 80 к. на полного едока; с повышением этого возраста до 30—33 лет доход падает до 42 р. 21 к.; в следующее пятилетие — до 39 р. 50 к.; еще через пять лет — до 37 р. 48 к. и т. д. Причем в семьях с отцом в 50 лет и выше этот доход составляет уже едва 34 р. 85 к. в месяц на едока, т. е. процентов на 20 ниже, чем в семьях более молодых рабочих. Таким образом, квалификация, которая приходит с возрастом и повышает заработок старших поколений, отнюдь еще не повышает уровня их жизни. Наоборот, более квалифицированные ветераны труда, благодаря возрастающей семейной нагрузке, живут хуже менее квалифицированной молодежи, и притом, чем больше их рабочий стаж и возраст, тем труднее им живется.

Такое положение вообще едва ли терпимо с точки зрения интересов общественного производства, но оно уже совершенно нестерпимо и гибельно с точки зрения воспроизводства рабочей силы. Заработная плата должна обеспечивать, как известно, не только издержки воспроизводства текущих затрат энергии рабочего на заводе, но также издержки воспитания и обучения его семьи. Эта вторая потребность, по нашим расчетам, должна составлять не менее 40% общего заработка среднего рабочего. Не трудно, однако, понять, что, если в порядке распределения общего фонда зарплаты, даже вполне достаточного для указанных целей, хотя бы половину вышеуказанных 40% на содержание детей получат не те рабочие семьи, которые в них нуждаются, то цель не будет достигнута. И дети рабочих окажутся обреченными на постепенное вырождение и преждевременную смерть.

Откуда же возникает этот зияющий разрыв между потребностями и ресурсами для воспроизводства рабочей силы в современных условиях? Конечно, прежде всего указанный разрыв объясняется тем общим противоречием, какое ныне нарастает между общественными условиями производства и индивидуалистическими методами распределения общественного дохода. В частности, социальным задачам воспроизводства рабочей силы отнюдь не соответствуют господствующие доныне методы индивидуальной оплаты труда. Правда, на ранних этапах развития капиталистической индустрии, это противоречие не сказывалось столь ярко, как теперь. Тогда от рабочих требовалась более высокая степень профессиональных навыков, дававшаяся только в результате многолетнего стажа. Поэтому оплата труда

в большей степени поспевала за возрастом рабочего и биологическим возрастанием его семьи. Теперь в этом отношении условия существенно меняются.

Непрерывно растущая механизация производства, как справедливо отмечает Г. С. Полляк, «стабилизует заработок и затрудняет продвижение рабочего, сближая заработки семейных рабочих с заработками молодежи. Отсюда относительное ухудшение положения многосемейных рабочих по сравнению с холостыми и бездетными, стимулирующее ограничение деторождения, наиболее доступный способ страхования от снижения жизненного уровня. В этом же один из мощных факторов текучести рабочей силы, которая сменой мест работы стремится возместить невозможность продвижения внутри данного предприятия» [1].

Вот эта-то текучесть, весьма убыточная для производства, и толкает капиталистических предпринимателей к более или менее жалким приплатам на детей и тому подобным зарплатам, к отказывающей уже служить своему назначению системе индивидуальной оплаты труда.

Но у нас, в Советской России назревают уже другие, гораздо более гармонирующие с нашей экономикой, формы коллективизации зарплаты. Вместо таких форм «страхования» от снижения жизненного уровня, как ограничение деторождений в пораженных старческим маразмом странах загнивающего капитализма, у нас получает все более мощное развитие система социального страхования. Вместо таких индивидуалистических приемов добавочного стимулирования труда, как липовое «участие в прибылях», предлагаемое хозяевами на капиталистическом Западе более наивным рабочим, мы ввели новые формы коллективного премирования труда в виде определенного отчисления из прибылей в так называемые фонды улучшения быта рабочих. Намечаются и дальнейшие шаги на этом пути в виде специальных стипендиальных фондов детям рабочих или так называемого рабочего фонда социального воспитания и тому подобных форм коллективизации зарплаты.

Каково значение этих форм коллективизированной оплаты труда по сравнению с индивидуальной зарплатой в нашей практике, мы можем привести следующие цифры, подсчитанные в секции труда Госплана (см. табл. 6).

Приведенные цифры достаточно показательны. Они обнаружили столь бурный рост зарплаты, которого еще не видал мир. И все же коллективизированные формы обслуживания рабочих обгоняли даже при этих темпах индивидуальную зарплату.

Несмотря на высокие ставки социального страхования в первые годы его применения, падающая валюта и недоимочность предприятий сводили его реальное значение до весьма скромной величины. И, наоборот, с укреплением финансовой мощи промышленности и введением твердой валюты даже пониженные ставки соцстраха дают значительно больший эффект для уровня жизни рабочих. А в общей сложности с Фубрами и прочими отчислениями предприятий на обслуживание нужд рабочих, они достигают свыше 20% от индивидуальных форм зарплаты, включая сюда и денежные и натуральные ее элементы.

Конечно, кое-что расходовали на обслуживание нужд рабочих и капиталистические предприятия дореволюционной России. Так, например, по обследованию ЦСУ, охватившему свыше 829 тыс. фабричных рабочих, они получали в 1913 г., включая бесплатные харчи и квартиру, по 264,5 руб. зарплаты, и сверх того расход предприятий на все виды страхования составлял 2 р. 43 к. в год на рабочего, на врачебную помощь, включая сюда все ясли, приюты и богадельни — 7 р. 43 к. и на школы, театры и прочие учреждения для рабочих еще 2 р. 12 к., всего, значит, не свыше 12 руб.,

[1] Г. Полляк. Бюджет и семья. «Экономическое обозрение», 1930, № 3, стр. 71.

Таблица 6

Оплата труда рабочих веспромышленности СССР (в червонных рублях за год)

Формы заработной платы	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30 (план)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Индивидуальные формы								
1. Денежная зарплата	225	411	503	626	702	774	850	927
2. Квартирные и проездные деньги . . .	1,1	2,0	2,5	12,2	12,4	20,5	22,5	24,6
3. Квартира и услуги натурой	18,0	32,9	38,0	35,8	50,9	49,4	54,2	59,1
Итого по I .	244,1	445,9	543,5	674,0	765,3	843,9	926,7	1010,7
II. Коллективные формы								
1. Социальное страхование:								
а) пособия	10,7	30,5	49,0	60,2	64,8	75,6	85,3	87,1
б) медпомощь, дома отдыха, санатории	4,7	11,3	29,3	34,3	38,8	38,5	37,3	43,2
Итого по 1 . .	15,4	41,8	78,3	94,5	103,6	114,1	122,6	130,3
2. Больницы и санатории	—	—	—	3,6	2,3	2,0	2,2	2,4
3. Культурное обслуживание	11,3	12,3	6,5	7,8	9,7	10,8	11,8	12,9
4. Прочие формы обслуживания	2,9	5,4	6,5	7,8	2,2	6,9	7,7	8,3
5. Содержание завкома	2,2	5,3	7,5	9,1	9,9	10,3	11,3	12,3
6. Фубр	—	7,7	13,6	26,0	33,1	31,7	32,8	48,2
Итого по II	31,8	72,5	112,4	148,8	160,8	175,8	188,4	214,4
То же, в % к I	13,0	16,3	20,7	22,1	21,0	20,8	20,3	21,2
Всего по I + II .	275,9	518,4	655,9	822,8	926,1	1019,7	1115,1	1225,1

или 4,5% от зарплаты, т. е. раз в пять ниже современного уровня аналогичных затрат.

К затратам предприятий по обслуживанию рабочих следует прибавить, конечно, еще целый ряд других, например бюджетные расходы Наркомпроса на бесплатное школьное и дошкольное обучение детей рабочих, составлявшие уже в 1927/28 г. не менее 36 р. 48 к. из расчета на каждого рабочего в год, культфонды союзов, давшие в том же году 19 р. 30 к. на рабочего, и другие источники[1]. С этими добавками из общественных фондов их итог уже в 1927/28 г. превышает 27% от индивидуальной оплаты труда.

Но все эти более или менее значительные поправки к индивидуальной зарплате в условиях нового быта социалистических городов, несомненно, окажутся совершенно недостаточными. Социалистические города предрешают собою новый технический базис и новые условия воспроизводства рабочей силы, а новые условия производства предрешают и новые условия распределения.

[1] «Труд в СССР. Справочник 1926—1930». М., 1930, стр. 49.

В самом деле, при индивидуальном домашнем хозяйстве в каждой семье создавались свои особые условия быта и уровень жизни, соответствующие различным размерам семьи, разной нагрузке зарабатывающих членов иждивенцами, разному уровню оплаты труда и прочим обстоятельствам, складывающимся для каждой семьи по-разному. В новом быту социалистических городов такой дифференциации в уровне жизни отдельных семей мы себе не мыслим.

Общественное воспитание детей требует от нас одинакового отношения к каждому ребенку, независимо от того, кто его отец, сколько он зарабатывает и т. д. Каждый ребенок получает, стало быть, примерно одинаковую пищу, одежду, помещение и т. д. Все допустимое в этом отношении разнообразие для детей разного возраста и занятий не идет ни в какое сравнение с той пропастью, какая доныне разделяла судьбу счастливцев, родившихся в наиболее обеспеченных семьях, и пасынков судьбы из многодетных или сиротских рабочих семей. Взрослые в домах будущих городов тоже будут поставлены в гораздо более однотипные условия жизни, чем доныне. В старых городах, скажем, служащие, по переписи 1926 г., располагали по 7 м^2 жилой площади на душу, квалифицированные рабочие по 5,0 м^2, а неквалифицированные только по 4,5 м^2. В домах будущего такого неравенства, конечно, не будет. Там каждый работник получит, независимо от его служебного ранга, по общей норме, скажем, по 7 м^2 жилплощади на душу с готовым отоплением, освещением, ванной и прочими удобствами, и все своеобразие своих вкусов сумеет проявить лишь в выборе рисунка обоев, стиле меблировки комнаты и тому подобных мелочах. В условиях питания общественные столовые смогут, конечно, предоставить гораздо больший простор различным вкусам и аппетитам своих клиентов. Но и здесь, как показывает опыт Финляндии, очень большое разнообразие вкусов и аппетитов в большом коллективном хозяйстве может быть удовлетворено за одну и ту же, для всех клиентов равную, цену обеда, завтрака или ужина.

Таким образом, даже в условиях платности за все услуги, в социалистическом городе большой нужды в резкой дифференциации оплаты труда различных категорий не будет. Объектами индивидуального спроса останутся тогда, по-видимому, лишь предметы одежды, спорта, книги, изысканная гастрономия, фрукты, вина и тому подобные лакомства, предметы роскоши и комфорта. Каждому члену рабочей семьи даже по самым экономным проектам социалистических городов будет предоставлена для уединения и отдыха совершенно отдельная, хорошо меблированная комната с звуконепроницаемыми стенами и особым выходом в общие коридоры. Это огромное достижение для большинства рабочих, лишенных ныне чаще всего не только особой комнаты, но и особой койки. Однако, особая комната — это все же не дом-особняк. Туда даже при всем желании лишней мебели, книг, картин не натаскаешь. Любителям этих вещей в больших дозах придется пользоваться общественными библиотеками, картинными галлереями и всякого рода музейными хранилищами.

Гордостью, возможно, будет комфортабельное устройство всех общественных помещений: читален, студий и кружков всякого рода, музыкальных салонов и радио-кабинетов, мастерских для любителей изобретательства, спортивных залов и площадок и тому подобных приспособлений для обслуживания всего коллектива. Это не оставляет большого простора для развития индивидуальных стяжательских инстинктов и освобождает трудящихся от необходимости накопления всякой сколько-нибудь обременительной частной собственности. Для стимулирования труда в такой обстановке высокие персональные ставки и всякое иное денежное премирование в индивидуальном порядке теряют почти всю свою нынешнюю силу и обаятельность.

Значительная дифференциация оплаты труда потребовалась бы в указанных условиях лишь в одном случае: если бы за общественное воспита-

ние детей решено было взыскивать с родителей за каждого ребенка полную стоимость их содержания. Тогда отцу пятерых детей потребовалось бы, конечно, в несколько раз больше заработка, чем бездетному. Но в этом случае пришлось бы дифференцировать зарплату не по количеству и качеству труда, а по какому-то иному признаку. Стимуляции труда такая дифференциация, значит, уже не служила бы. Но в таком случае какое же еще хозяйственное оправдание осталось бы за такой дифференциацией?

Общественное воспитание детей в социалистических городах может быть рационально построено только на принципе бесплатности, или, говоря точнее, на принципе социального страхования. Расход на воспитание детей ложится слишком неравномерным и зачастую непосильным бременем на отдельных родителей. А между тем подготовка себе достаточной смены на поле общественного труда — это задача не отдельных родителей, а всего общества в целом. Поэтому тяжесть этой задачи должна быть разложена равномерно на всех трудящихся, независимо от их возраста и семейного положения. Как это осуществить, это уже чисто техническая задача. Мы думаем, что в старых городах ее придется разрешать с большой постепенностью, употребляя на это, частью или полностью, лишь ежегодный прирост общественных ресурсов, направляемых на повышение зарплаты. Каждый год мы повышаем фонд зарплаты в нашей стране процентов до 10 и выше. Если бы мы решили хотя бы половину этого прироста направлять в русло коллективизации зарплаты, то ежегодно могли бы получать за этот счет в рабочий фонд общественного воспитания детей огромные ресурсы, исчисляемые сотнями миллионов рублей. Уже с первых же лет на эти суммы можно было бы принять на общественное воспитание сотни тысяч детей из наименее обеспеченных заработком многодетных семей, а затем, из года в год расширяя это дело, перевести на общественное воспитание всех детей ясельного возраста, затем всех дошкольников и т. д.

В новых социалистических городах соответствующий опыт можно бы провести более решительно, приняв на общественный счет воспитание сразу всех детей дошкольного возраста, т. е. примерно около 50% всей детворы нерабочего возраста. Обошлось бы это, примерно, процентов в 16 от фонда зарплаты рабочего коллектива этих городов. Но зато это настолько бы облегчило индивидуальный бюджет взрослых, что они могли бы на пару лет обойтись без всякого прироста индивидуальной зарплаты. Бремя первых лет реформы можно бы при этом облегчить и частичной платностью за содержание детей лучше обеспечиваемых работников. Лишь бы не перегнуть в этом отношении палку, ибо на первых порах бесплатность общественного воспитания будет сильнейшим стимулом для безболезненной реализации всех предпосылок нового быта.

Дальнейшая коллективизация зарплаты пойдет, очевидно, по пути осуществления бесплатности общественного питания и других потребностей первейшей необходимости, предоставляемых всем гражданам социалистических городов на равных основаниях, вроде жилища, коммунальных услуг, общественных прачечных и т. п. Роль индивидуальной платы при этом сведется к обеспечению лишь наиболее индивидуализированных потребностей, не предусмотренных никакими общими типовыми нормами. Но останавливаться подробнее на дальнейших этапах отмирания зарплаты по мере осуществления коммунизма пока нет особой нужды. На данной стадии социалистического строительства у нас имеются другие, более жгучие злобы дня.

1930 г.— 1963 г.

II. О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ[1]

1. СОЦСОРЕВНОВАНИЕ И ПЛАН

При формальном отношении к плану, как к известному *документу* планирования, можно было бы отметить такие парадоксальные факты. В первом пятилетнем плане вовсе не было «предусмотрено» такое массовое движение, как сплошная коллективизация в деревне и социалистическое соревнование миллионов ударников в городах, а во втором пятилетнем плане не «предугадано» знаменующее собой целую революцию в нашей промышленности так называемое стахановское движение новаторов производства. Однако учеников Ленина едва ли можно было бы упрекнуть в формально бюрократическом отношении к планированию.

Коммунистическая партия давно уже усвоила истину, что никакой план не может учесть полностью всех тех возможностей, какие заложены в недрах советского строя и открываются лишь в ходе реализации, исправления и уточнения наших планов.

С этой точки зрения вовсе уже не столь существенно, все ли возможности, заложенные в плане, находят в нем свое отображение уже в самый момент составления этого плана или некоторые из них открываются лишь в процессе его осуществления. Гораздо важнее, что указанные выше формы массового движения, действительно, были заложены в самой основе планового хозяйства и подготовлялись всем ходом его исторического развития. Никто ведь не думает, что, скажем, грандиозное народное движение, связанное с задачей коллективизации деревни, возникло в наших условиях *случайно* или что оно протекало у нас *вне* нашего планового воздействия, так сказать *самотеком*. Точно так же не случайно возникло у нас и другое массовое движение — социалистическое соревнование. Общеизвестно, что наша партия на различных этапах не только *предусматривала* разные формы этого движения, но и сознательно его *организовала*, планомерно создавая все необходимые для его успехов объективные предпосылки. И хотя в точности предсказать момент, когда вполне созреют эти предпосылки и поднимется соответствующая волна движения, никто у нас не пытался, и, скажем, новаторское движение, поднимаясь снизу, началось вполне *самопроизвольно*, оно отнюдь не застало нас врасплох.

Однако все значение массового движения новаторов производства для советской плановой системы можно понять лишь твердо помня, что наши планы без *самодеятельности* масс, направленной на их выполнение и перевыполнение, не имели бы и малой доли нынешнего их действия. Хозяйственный план — это прежде всего *программа действий* пролетариата. Но какая была бы цена этой программе, если бы она не порождала в пролетариате того действенного отклика, на который она *рассчитана*? Было бы глупо думать, что производственный план сводится к перечню цифр и заданий. На самом деле производственный план есть живая и практическая

[1] С. Г. Струмилин. Очерки социалистической экономики СССР. Госполитиздат, 1959.

деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план. Социалистическое соревнование представляет собой эту *волю к труду* миллионов живых людей и готовность их работать *по-новому*. Их никоим образом нельзя отделять или противопоставлять плану, ибо миллионы этих людей в своей практической деятельности — это и есть *сам план в действии*.

Социалистическое *соревнование* трудящихся масс за высшую меру труда в процессе исполнения наших планов — это наиболее активная форма их восприятия. Этот встречный низовой отклик трудящихся масс на плановые директивы сверху не только неизмеримо повышает их *реальность*, но, творчески вскрывая новые резервы мощностей и высокой производительности труда, создает новую базу для *дальнейшего* планирования. За примером ходить недалеко. Хозяйственный план 1936 г., как известно, базировался в своем размахе в основном на достижениях социалистического соревнования за 1935 г. Вместе с тем не следует упускать из виду и политический эффект того же движения. Реализуя наши планы с огромным творческим подъемом, миллионы советских людей тем самым — назло всем врагам и клеветникам — голосуют за нашу систему, за социализм. И это энергичное голосование — не раз в несколько лет, а повседневно, и не бумажными бюллетенями у избирательных урн, а все более активным и эффективным трудом за советскими станками — красноречивее самых демократических конституционных актов убеждает, что наша демократия лучшая в мире.

Вот почему, подводя итоги целой полосе организованного планирования в нашей стране, мы никак не смогли бы обойти столь важный организующий фактор нашего хозяйства, как социалистическое соревнование, возглавляемое ныне мощным авангардом передовиков производства.

Посмотрим же, как социалистическое соревнование росло и крепло и в какие формы вылилось на нынешнем этапе нашего хозяйственного развития.

2. ИСТОЧНИКИ СОРЕВНОВАНИЯ

Идею социалистического соревнования в противовес капиталистической конкуренции В. И. Ленин выдвинул уже в первые месяцы прихода к власти пролетариата. Идеологи буржуазии, усматривая в так называемой частной предприимчивости и конкурентной борьбе предпринимателей на капиталистическом рынке величайший, если не единственный, стимул к развитию производительных сил современного общества, считают социализм обреченным на гибель уже потому, что лишенное этого стимула социалистическое хозяйство не способно к прогрессу, осуждено на застой и прозябание.

Однако, воспевая доблести частной промышленности и прелести свободной конкуренции в эпоху капиталистических *монополий*, прихвостни буржуазии не могут рассчитывать на большой успех. И Ленин отвечал им на это:

«Социалистам ставили в вину нежелание понять значение этих доблестей и считаться с «натурой человека». А на самом деле капитализм давно заменил мелкое товарное самостоятельное производство, при котором конкуренция могла в сколько-нибудь *широких* размерах воспитывать предприимчивость, энергию, смелость почина, крупным и крупнейшим фабричным производством, акционерными предприятиями, синдикатами и другими монополиями. Конкуренция при *таком* капитализме означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого

почина *массы* населения, гигантского большинства его, девяносто девяти сотых трудящихся, означает также замену соревнования финансовым мошенничеством, непотизмом, прислужничеством на верху социальной лестницы.

Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно *широко*, действительно в *массовом* размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами» [1].

И капиталистическая конкуренция и социалистическое соревнование *стимулируют* личную инициативу и творческую предприимчивость вступающих в хозяйственное состязание производителей. Но капиталистическая конкурения — даже в пору своего расцвета — всегда имела в виду только *личный* успех любой ценой и *частное* обогащение каждого соревнующегося за счет разорения всех возможных его конкурентов, т. е. по существу за счет всех остальных членов общества. Это беспощадная борьба за существование, в которой каждый член общества борется в одиночку против всего общества в целом. И, если на фоне этой антиобщественной борьбы каждого против всех и всех против каждого, в которой успех достается отнюдь не лучшим, можно наблюдать все же некоторый рост общественных производительных сил и общественного богатства, то не следует забывать, что этот прогресс происходит *несмотря* на гигантское расточительство общественных сил и средств в конкурентной борьбе и что именно ценою этой трагедии расточительства существенно *замедляются* темпы общественного прогресса в капиталистическом хозяйстве.

Другое дело — социалистическое соревнование.

В социалистическом обществе и личное и общественное благополучие каждого члена общества может расти только в меру успехов *всего* общественного хозяйства. Здесь, стало быть, эгоистические стимулы соревнующихся не заглушают их социальных инстинктов, направленных к пользе всего общества, а лишь усиливают их. Здесь не нужно подставлять ножку ближнему, чтобы обеспечить свой личный успех. Наоборот, в соревновании всех трудящихся за оптимальные успехи социалистического хозяйства в целом опережающие других отряды все чаще приходят на помощь отстающим, берут их «на общественный буксир» и таким образом общими усилиями выравнивают красную линию хозяйственного фронта. Недаром же у нас договоры о социалистическом *соревновании* столь часто дополняются договорами о социалистическом *сотрудничестве*. По существу между теми и другими нет принципиальной разницы. И не случайно, что в жарком соревновании за лучшие рекорды на поле труда вчерашние победители — новаторы, уступив на сегодня первенство другим, радуются чужим победам и приветствуют своих победителей, отнюдь не теряя надежды взять на завтра реванш ценою новых, еще более высоких достижений. Они имеют основание радоваться, ибо каждый новый рекорд, всякая такая новая победа, кем бы она ни была достигнута, означают в нашей стране прежде всего *общий* успех всего коллектива трудящихся.

Придавая огромное значение такому движению, В. И. Ленин еще в январе 1918 г. поставил перед нами конкретный вопрос: «Как организовать соревнование?» «Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти,— организовать соревнование»,— настаивал Ленин, неоднократно возвращаясь вновь и вновь к этой проблеме. Он требовал организации соревнования не только отдельных «практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом», но и целых коммун, фабрик, деревень и других коллективов трудящихся. Они должны были, по мысли Ильича, соревноваться по самым различным хозяйственным вопросам: в какой ком-

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 195.

муне «больше сделано для повышения производительности труда? для постройки новых хороших домов для бедноты, для помещения ее в домах богачей? для правильного снабжения бутылкой молока каждого ребенка из бедных семей?» И он крепко верил, что именно в процессе такого соревнования выдвинутся столь нам необходимые «организаторские таланты». «Их много в народе,— предсказывал Ильич.— Они только придавлены. Им надо помочь развернуться» [1].

Особенно большое значение в программе соревнования В. И. Ленин придавал задаче подъема производительности труда. «Производительность труда,— писал Ленин еще в 1919 г.,— это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда» [2].

В 1919 г., однако, этот тезис, теоретически вполне безупречный, практически казался весьма далеким от своего осуществления, почти недосягаемым. Истощенная мировой войной, напрягая все силы в борьбе с контрреволюцией, сжатая в тесном кольце капиталистического окружения, в кольце до зубов вооруженных интервенций и экономической блокады, наша страна истекала кровью. Производительность труда советской промышленности в эти первые годы ее существования не росла, а с каждым годом все падала. Если принять ее уровень в 1913 г. за 100, то уже в 1917 г. она — по годовой выработке рабочего в неизменных ценах — упала до 68% этого уровня, в 1918 г. она составляла уже не более 42% [3], а в 1919 г., по нашим расчетам,— едва 22%. И тем не менее уже в эту тяжелую пору В. И. Ленин отметил первый «великий почин» в борьбе за высокую производительность труда методами социалистического соревнования. Мы имеем в виду так называемые *коммунистические субботники*, начало которых было положено 10 мая 1919 г. рабочими Московско-Казанской железной дороги.

В чем же состоял этот *великий* почин, по определению В. И. Ленина? В том, что сотни коммунистов и сочувствующих им шли добровольно на бесплатные сверхурочные работы по субботам туда, где в этом была особо острая нужда, и, соревнуясь друг с другом в радостном трудовом порыве, показывали образцы по тому времени весьма высокой производительности труда (в 2—3 раза выше тогдашней нормы). Сами участники субботников объясняли этот эффект тем, что «в обычное время работа надоела, прискучила, а здесь работают с охотой, с воодушевлением». Но прозорливый Ильич, отнюдь не переоценивая данную конкретную форму движения, видел в ней гораздо больше; он уже ясно видел в ней ростки нового общественного труда, «ростки коммунизма». «Нельзя ручаться, что именно «коммунистические субботники» сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные» [4]. Тогдашние условия труда и быта рабочих были отчаянно трудные, и форма субботников не оказалась перед лицом этих условий достаточно жизнеспособной. Но мы все же обязаны воздать должное этим первым опытам коммунистического труда.

«Мы все хорошо знаем,— писал о них Ленин,— основное условие падения производительности труда, которое наблюдается не в одной России, а во всем свете: разорение и обнищание, озлобление и усталость, вызванные империалистской войной, болезни и недоедание.

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 196, 203, 204, 205.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 21.
[3] «Труды ЦСУ», т. XXVI. М., 1926, стр. 64.
[4] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 10, 20.

...Недоедание постоянное, а теперь, перед новым урожаем, при общем ухудшении продовольственного положения, прямо голод. И вот эти голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров, устраивают «коммунистические субботники», работают сверхурочно *без всякой платы* и достигают *громадного повышения производительности труда*, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?

...Это — дело очень трудное и очень долгое, но *оно начато*, вот в чем самое главное. Если в голодной Москве летом 1919 года голодные рабочие, пережившие тяжелых четыре года империалистской войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир?» [1].

В. И. Ленин не ошибся в своем прогнозе. Конечно, героизм кучки голодных коммунистов не мог стать сам по себе решающим фактором большого хозяйственного подъема. Для этого требовались и другие предпосылки. Но, раскрывая собою новые потенции коммунистического труда, этот почин, действительно, стал *началом* великого поворота. Начиная с 1920 г., после победоносного завершения гражданской войны и завоевания мира на всех границах, в стране обозначился решительный перелом в сторону хозяйственного подъема. Овладевая преимуществами планового хозяйства, страна с каждым годом резко повышала производительность общественного труда и уже к 1926 г. полностью завершила в этом отношении *восстановительный* путь своего развития. Нормы капиталистической России 1913 г. были превзойдены. Но это нас мало устраивало, ибо довоенная Россия была одной из наиболее *отсталых* капиталистических стран. Нам предстояло еще показать, что социалистическое хозяйство располагает достаточными потенциями, чтобы догнать и перегнать в своем хозяйственном развитии и наиболее *развитые* капиталистические страны. Первая победа в связи с этой установкой лишь окрылила наши усилия к дальнейшему подъему производительных сил. На этот раз, однако, мы шли в основном уже новым путем, путем радикальной *реконструкции* как всей производственно-технической базы, так и всех устаревших методов производства.

Здесь нет нужды останавливаться на всех перипетиях нашей борьбы за воплощение в жизнь грандиозного плана индустриализации страны, а затем построенных на базе этой индустриализации еще более широких планов технической и социальной реконструкции *всего* советского народного хозяйства. Все это слишком широко известно. Отметим лишь наиболее существенные результаты этой борьбы. Достаточно будет сказать, что в советской крупной промышленности только за одно десятилетие (1925—1935 гг.) основные фонды выросли раза в 4, а валовая продукция в неизменных ценах — раз в 7—8. Труднее определить рост производительности труда по всей промышленности в целом из-за резких структурных сдвигов в ее составе за истекший период. Но если за меру этого роста принять годовую выработку рабочего в одних и тех же ценах (1926/27 г.) и по возможности взять *сравнимый* охват отраслей за все годы, то получаем примерно такой ее рост [2]:

Год	Выработка рабочего в руб.	в %
1913	4 000	100
1917	2 698	67
1927	4 783	120
1937	9 935	248

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 20, 21—22.

[2] «Советская социалистическая экономика 1917—1957 гг.». Госполитиздат, 1957, стр. 123, 126.

Итак, к 1937 г. мы превзошли уровень 1913 г. по годовой выработке в 2,5 раза. А если учесть еще снижение рабочего дня за это время с 10 до 7 час., то для дневной производительности получится еще более высокий процент роста — раза в 3 с половиной. Это огромный рост, благодаря которому мы уже к 1937 г. догнали и перегнали целый ряд передовых капиталистических стран и вышли на первое место в Европе. И притом весьма показательно, что этот рост ускоряется от первого десятилетия ко второму. Если за 1917—1927 гг. уровень производительности труда поднялся на 77%, то за следующее десятилетие — уже почти на 108%. Таковы результаты осуществленной в стране технической реконструкции. И все же мы еще очень заметно отстаем, скажем, от США — этой наиболее передовой и мощной капиталистической державы.

Можно ли было мириться с этим отставанием, утешаясь. скажем, тем, что зато у нас гораздо более равномерно и только между трудящимися распределяются плоды общественного труда? Конечно, нельзя. Уравнительность на *низком* уровне — это не наш идеал. «Это мелкобуржуазное представление о социализме. На самом деле социализм может победить только на базе *высокой* производительности труда, *более высокой, чем при капитализме*, на базе изобилия продуктов и всякого рода предметов потребления, на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества» [1]. И мы располагаем, как показало успешное развитие соревнования, достаточными резервами, чтобы осуществить эту стоящую перед страной задачу в самом непродолжительном времени.

Дело в том, что техническая реконструкция производственной базы — это только первая, хотя и очень важная предпосылка высокой производительности труда. Новую технику нужно еще освоить. А для этого необходимы достаточно подготовленные к ее освоению кадры. И если боевым лозунгом периода реконструкции был тезис: «Техника решает все», то затем ему на смену пришел другой, еще более злободневный лозунг: «Кадры решают все».

3. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СОРЕВНОВАНИЯ

Овладеть передовой техникой, выявляя все ее потенции, могут только высококультурные рабочие кадры. Такие кадры были бы не ко двору в капиталистических предприятиях. Их может воспитать только социалистическая страна. Они выковываются в условиях *трудового* воспитания и закаляются в практике социалистического соревнования.

О культурном росте нашей страны в послереволюционный период можно судить хотя бы по следующим немногим фактам. Число учащихся в начальной и средней школе выросло у нас с 1914 по 1935 г. с 7,8 млн. до 25,5 млн. душ, в том числе по средней школе — с 564 тыс. до 6336 тыс. душ, или в 11,2 раза. Число студентов высшей школы выросло у нас за то же время в 4 раза. И если в Германии в 1933 г. оно вместе с вольнослушателями достигало 159 тыс.— максимальный контингент для всех капиталистических стран Европы,— то у нас их насчитывалось в том же году 470 тыс., т. е. втрое больше. Но еще замечательнее разница в социальном составе этих студентов. В фашистской Германии среди студентов высшей школы насчитывалось в 1933 г. едва 3,2% детей рабочих, а в СССР — 50,3%. Книжный тираж за указанный период увеличился до 600 млн. экз. в год, в 5,3 раза, газетный — до 37 млн. экз. в день, т. е. в 13 раз.

Что касается практики социалистического соревнования рабочих в производстве — этого наиболее характерного показателя роста нашей культуры,— то ничего подобного для сравнений ни в прошлом дореволюционной России, ни в настоящем всех других капиталистических стран искать

---

[1] «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев». М., 1935, стр. 364. (Курсив наш.— *С. С.*).

не приходится. Это совершенно своеобразное явление. И с каждым этапом своего развития оно принимает все более мощные и красочные формы.

Форма коммунистических субботников, о которой упоминалось выше, не получила широкого развития. Шесть часов бесплатной сверхурочной работы каждую субботу после и без того утомительного нормального рабочего дня — это под силу далеко не каждому, даже из числа энтузиастов. Такая форма соревнования не могла стать формой *массового* движения. В восстановительный период к тому же производительность труда в нашем хозяйстве росла столь энергично на базе быстро растущего уровня жизни рабочих, что и не было особой нужды в таких экстренных мерах, как субботники. С 1926 г. кое-где начали возникать отдельные образцовые «ударные бригады», но заметного развития в стране они не получили. Лишь с началом первой пятилетки, с ее великим планом реконструкции страны, когда пафос строительства новой техники стал все шире захватывать рабочие массы, социалистическое соревнование превратилось в массовое движение.

20 января 1929 г. «Правда» опубликовала статью В. И. Ленина о соревновании, написанную им еще в 1918 г., но в свое время даже не увидевшую света. И этот сигнал, немедленно подхваченный комсомолом и профсоюзами, стал отправным пунктом нового движения. Появляются первые ударники, ударные бригады и цехи, ряды которых начали расти и шириться по всей стране, как снежный ком. И если в коммунистических субботниках в свое время принимали участие сотни рабочих, то ударников насчитывалось миллионы. Ударные бригады отказывались зачастую от всяких перерывов в работе и даже дней отдыха; образуя производственные коммуны, отказывались от всякой дифференциации в оплате труда своих сочленов в зависимости от их квалификации; во имя идеи равенства девушки-ударницы соревновались с мужчинами на самых тяжелых работах: «Наравне, так наравне».

Все эти перегибы и гримасы движения скоро, однако, были изжиты. Мы не столь уже бедны и нерасчетливы, чтобы выматывать из себя путем перенапряжения последние силы. Это никому не нужно. В советских условиях мелкобуржуазная уравниловка в оплате труда и всякая обезличка давно уже были решительно отменены. Всякое добавочное усилие ударника, всякий добавочный эффект его труда у нас, наоборот, оплачивается *прогрессивно* возрастающей ставкой. Но при всем реализме этой политики, она далека от слишком близорукого практицизма. Оценивая результаты соцсоревнования на XVI съезде партии, как известно, подводились такие итоги: «Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело *чести*, в дело *славы*, в дело *доблести* и *геройства*».

Основной целевой установкой ударников первой пятилетки было повышение эффективности труда главным образом за счет уплотнения рабочего дня и некоторой интенсификации труда. Говоря иначе, главной задачей было увеличение *количества* производимых продуктов, и ударникам этих лет действительно удалось достигнуть в указанном отношении весьма заметных результатов, с превышением действующих планов и норм *на десятки* процентов. В отношении интенсивности наши ударники в этом соревновании, несомненно, достигали высокого потенциала труда. Здесь выявлялась не та урезанная мера труда, которая определялась старой привычкой рабочих капиталистической эпохи, «привычкой — смотреть на меру труда... с точки зрения подневольного человека: как бы освободиться от лишней тяготы, как бы урвать хоть кусок *у буржуазии*» [1],— здесь мы,

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 199.

несомненно, получаем *полную* меру социалистического труда. Но это вовсе не было еще пределом возможной эффективности труда, поскольку она определяется далеко не одной лишь интенсивностью усилий рабочего.

С началом второй пятилетки с ее новыми задачами, когда пафос строительства дополняется пафосом освоения новой техники, волна соревнования приняла новое направление. В борьбе за выполнение лозунга «Большевики должны овладеть техникой!» ленинский комсомол выдвинул новую форму социалистического соревнования — соревнование рабочих в техническом *обучении* их на производстве с завершением этого обучения общественно-техническим экзаменом. Выдвинутый самими массами лозунг «дать право управлять станком только тем, кто сдаст общественно-технический экзамен», создал коренной перелом в организации технической учебы и в борьбе за овладение техникой в стране. Общественное мнение требовало от рабочих не только сдачи экзамена, но больше того — сдачи его на *«отлично»*. Очень скоро движение из комсомольского переросло в общерабочее дело. К началу 1934 г. в одной Москве подготовкой к экзамену было охвачено свыше 130 тыс. рабочих; сдали экзамен 68 тыс., из них 30 тыс. комсомольцев [1], а по всей стране пришлось бы говорить о миллионах [2]. Повышая таким образом свою квалификацию, новые кадры стали заметно повышать качество работы. Отличная учеба приводит к отличной работе. И вот наряду с ударниками, которые соревновались прежде всего за возможно большее *количество* продукции, в нашей промышленности появилась новая категория рабочих — «отличники», которые стремились дать возможно высокое качество.

В общем по всем формам соревнования до 1935 г. мы имеем такую динамику участников (в процентах к итогу всех рабочих промышленности на начало года) [3]:

Год		Год	
1929	—	1932	67,6
1930	29,0	1933	70,6
1931	65,5	1934	73,4

В абсолютных цифрах число соревнующихся в советской промышленности и на железнодорожном транспорте у нас достигло 4,7 млн. человек, не считая других отраслей труда. Но на 1 июля 1935 г. охват соревнованием уже несколько снизился — до 67,1% по промышленности. Это ясный признак, что движение в *старых* формах к этому моменту начало изживать себя и волна соревнования спадала. Однако в это время вызревала уже новая форма соцсоревнования, которая по имени своего зачинателя получила название стахановского движения.

Стахановское движение — это массовое движение новаторов производства — было высшей ступенью соцсоревнования в то время. Оно обобщило весь опыт прежних ступеней, «оно впитало в себя,— как метко выразился П. П. Постышев,— все формы и методы социалистического соревнования всего предыдущего периода» [4]. Так, например, если ударники боролись по преимуществу за количество, а «отличники» — за качество продукции, то новаторов производства можно назвать ударниками-«отличниками», потому что они синтезируют в своих устремлениях обе эти задачи в их неразрывном единстве. Высшая эффективность труда как цель *соревнования*

---

[1] П. Карцовник и А. Попов. Соцсоревнование на новом этапе. М., 1934, стр. 51.

[2] По данным ВЦСПС за 1934 г., сдало общественный экзамен по техминимуму 22% всех индустриальных рабочих, а в 1935 г. только *за полгода* «гостехэкзамен» выдержало 16% учтенных рабочих. Считая, что и за второе полугодие выдержало не меньше, получим за эти два года только по крупной нашей промышленности с 5 млн. рабочих не менее 2,9 млн. технически переквалифицированных рабочих.

[3] П. Карцовник и А. Попов. Соцсоревнование на новом этапе, стр. 11.

[4] «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев», стр. 144.

новаторов уже сама по себе требует, чтобы каждый давал *больше* продукта *лучшего качества.* Но новаторская волна соревнования представляла собой высший этап движения и в другом отношении. И ударники и новаторы — борцы за высшую производительность труда, но если ударники повышали ее на *десятки* процентов, то новаторы — на *сотни.* Это как будто только количественное различие, но в нем уже явно ощущается переход количества в *качество.* Новаторы — это *качественно* иной тип рабочего. Это люди новой меры труда. Свойственный им потенциал трудовой эффективности характеризует собой уже уровень высшей культуры социалистического труда.

Тем более любопытно, что рабочие-новаторы не представляют собой уже ничего исключительного в СССР. Вчерашние ударники сегодня перерастают в новаторов. «Раньше я,— говорит, например, о себе сверловщица Макарова,— выполняла план на 110—120%, а сейчас выполняю на 500%» [1]. И это уже никого не поражает. «Думают, что человек, перевыполняющий норму на 400%,— это что-то такое невероятное, это музейная редкость,— замечает токарь-новатор Душенков.— Но ведь это неверно. Ведь мы же сами стахановцы. Это очень просто. И работаем мы так же спокойно, как и работали» [2]. «Я не верю,— еще резче подчеркивает ту же мысль рабочий-новатор Сметанин,— чтобы были такие рабочие, которые не могут быть стахановцами. Я уверен, что каждый рабочий может и должен быть стахановцем» [3].

Говоря иначе, у нас уже тогда признавалось вполне реальной задачей превращение новаторского движения в дело всего рабочего класса.

Чем же объясняется возникновение и столь широкое распространение новаторского движения? Каковы основные источники его возникновения?

Это, прежде всего, коренное улучшение материального положения рабочих, во-вторых, отсутствие эксплуатации — люди работают у нас не для обогащения тунеядцев, а на себя, на свой класс, на свое советское общество, в-третьих, наличие новой техники, созданной в результате индустриализации, и, в-четвертых, освоение этой новой техники и нарождение новых, высококвалифицированных кадров. Если при этом еще учесть огромную воспитательную роль партии, комсомола и профсоюзов в деле создания новых кадров и чрезвычайно благоприятствующую успехам социалистического соревнования атмосферу напряженного к нему внимания советской печати и активного сочувствия всей общественности, то станет ясно, что почва для нового подъема соцсоревнования была не плохо подготовлена всем предыдущим его развитием.

Новаторское движение, по-видимому, вполне уже *назрело* к моменту его проявления, и потому, возникнув по существу самопроизвольно, почти стихийно, снизу, оно разнеслось по всему лицу нашего Союза не постепенно, а с какой-то невиданной быстротой, как ураган, в порядке взрыва, прорвавшего какую-то плотину [4].

Инициатор движения — забойщик Стаханов, который уже до того прошел курсы по изучению отбойного молотка, сдал гостехэкзамен на «отлично» и давно состоял в рядах «отличников». Он забраковал старую систему работы, по которой забойщик и отбивал уголь, и крепил забой, организовал ее по-новому — с разделением труда,— и за первую же смену при содействии двух крепильщиков вместо прежней нормы для отбойного молотка в 6—7 т нарубил за 5 ч. 45 м. 102 т угля [5]. Напомним, что в шахтах Рура, стоявшего тогда в первых рядах не только германской, но и мировой угледобычи, средняя производительность на отбойный молоток

---

1 «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев», стр. 228.
2 Там же, стр. 90.
3 Там же, стр. 39.
4 См. там же, стр. 367, 368, 369, 370, 371.
5 См. там же, стр. 12.

составляла 14, а высшая — 16—17 т в смену. Значит, Стаханов, давший вместе с двумя крепильщиками по 34 т на человека, перекрыл сразу *впятеро* советскую и по меньшей мере *вдвое* мировую норму производительности. Но это было только начало. Инициатива Стаханова перекинулась из Донбасса во все районы страны и отрасли труда и повсюду встретила сотни и тысячи достойных последователей передовых производственников. Число их росло с головокружительной быстротой[1]. Новый метод, т. е. «правильную организацию работы и расстановку людей», без труда освоил целый легион новоявленных талантливых организаторов. И вся страна стала перекликаться рекордами.

Возьмем для примера хотя бы угольную промышленность[2]. Вслед за первым стахановским рекордом в 102 т уже через 3 дня, 3 сентября 1935 г., забойщик Дюканов установил новый — в 115 т, 4 сентября комсомолец Терехин повысил его до 122 т, 5 сентября комсомолец Концедалов дал 125 т, 7 сентября забойщик Савченко вырубил 151 т и забойщик-«отличник» Исаченко за $4^1/_2$ часа — 152 т, 9 сентября Стаханов выступает с новым рекордом в 175 т за 6 час., а на следующий день т. Исаченко с тремя крепильщиками дает 201 т угля, или 1413% нормы. 11 сентября прославленный ударник Никита Изотов вырубил 241 т, 12 сентября «отличник» Артюхов на том же участке дает 310,7 т. Этот рекорд уже трудно было побить, и только 18 октября его *перекрыл* забойщик коммунист Дубовой, вырубив 340 т. Но и этот рекорд оказался недолговечным. Уже 27 октября забойщик Горбатюк с шестью крепильщиками ставит новый мировой рекорд на отбойном молотке, дав 450 т за 6 час. 4 ноября Артюхов снова перекрывает все предыдущие достижения, вырубив 536 т в смену, через день, 6 ноября, его бьет забойщик Пузанков рекордом в 548 т за смену, а еще через несколько дней их обоих перекрывает забойщик Степаненко, вырубивший 552 т в смену. 18 ноября забойщик Борисов в Прокопьевске (Кузбасс) ставит новый рекорд в 778 т угля, а 21 ноября забойщик Зайнутдинов (в том же Прокопьевске) бьет и этот рекорд, дав 981 т за смену. 27 ноября там же забойщик Бобровский разобрал после отпалки в 4 лавах отбойным молотком и кайлом 1088 т, 28 ноября забойщик Баранов на электросверле дал 1651 т (18 норм), а горный мастер Олейников, встав за электросверло, дал на том же руднике 2100 т угля за смену (23 нормы). Конечно, на пластах различной мощности в различных бассейнах действуют разные нормы, кроме того, повышение рекордов отчасти достигалось за счет увеличения числа крепильщиков и прочего подсобного персонала, но и за всем тем указанные достижения свидетельствуют о том, что техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса.

Мы не смогли бы перечислить здесь все успехи нового движения. Приведем еще только несколько примеров[3]. Еще в первой пятилетке мы заметно отставали от передовых стран капитализма в использовании оборудования. Например, лучшие домны США требовали от 1,06 до 0,94 м^3 объема на 1 т суточной выплавки, а у нас *в среднем* для этого требовалось не меньше 1,16 м^3. Однако уже в 1935 г. доменщики-новаторы по отдельным печам снизили эту норму до 0,87 и даже до 0,74 м^3 на тонну выплавки[4]. В мартеновском производстве американские печи в том же году

---

[1] Вот одна иллюстрация. 10 октября на 23 заводах Ленинграда было 484 новатора, а 15 октября — уже 14 300, за пять дней рост в 30 раз (см. там же, стр. 296).

[2] «Хроника стахановского движения в тяжелой промышленности», вып. 1. М., ноябрь 1935 г.; вып. 2. М., декабрь 1935 г.

[3] Приведенные ниже примеры относятся к первым двум предвоенным пятилеткам.

[4] В 1956 г. эти рекордные показатели 1935 г. при *средней* норме по всей стране в 0,78, а по лучшим заводам — ниже 0,65 давно уже превзойдены; в США в 1956 г.— 1,06.

давали в сутки от 3 до 5 т стали на 1 $м^2$ площади пода, германские — от 4 до 6 т/$м^2$, а наши мартены в среднем дали не больше 3,32 т/$м^2$. Но сталевары-новаторы уже в 1936 г. давали по ряду печей 8, 10, 11 и даже 13 т/$м^2$. Это выше любых расчетных норм [1]. Точно также наши прокатчики-новаторы в ряде случаев перекрыли в полтора-два раза проектные нормы прокатных цехов. То же самое имело место в автотракторной и целом ряде других отраслей машиностроения. Например, американцы штамповали 100 коленчатых валов в час, а новатор-кузнец Фаустов — 172 вала. Расход времени, или так называемый минут-кост, одного поршня на Горьковском автозаводе составлял 2,82 мин., а у Форда — 5 мин., минут-кост клапана у нас — 2,68 мин., а у Форда — 3,43 мин. На фрезерном станке «Фрист Бернер» немецкая норма запорных крышек для револьверного станка была 50 штук, а новатор Гудов на заводе им. Орджоникидзе давал их 718 в смену, или в 14,3 раза больше немецкой нормы. Для установки колес на велозаводах наша средняя норма — 84 штуки, капиталистическая — 100 штук, а новаторская — 177 штук и т. д. У текстильщиков в Америке на 1 рабочего приходилось 1500—2300 веретен, у нас на Трехгорке — 1600, но прядильщицы-новаторы успешно работают уже на 2—3 тыс. и даже на 4,5 тыс. веретенах. В ткацких цехах в Америке 1 ткачиха обслуживала в середине 30-х годов 50—70, максимум 96 автоматов, а у нас уже целыми фабриками работали на 76 станках (фабрика им. Ногина), а ткачихи-новаторы успешно обслуживали по 144 и даже до 216 станков-автоматов. Известны мировые рекорды новатора Сметанина на перетяжке обуви, давшего еще в конце 1935 г. 1860 пар обуви в смену, в то время как высшая капиталистическая норма — 1125 пар, каменщика Кузовкова, уложившего 15 100 кирпичей в смену против 6 тыс. в США. Список подобных рекордов можно было бы продолжить и дальше. Мы уже не говорим о мировых рекордах советских трактористов и комбайнеров в нашем сельском хозяйстве [2].

Новаторское движение показало, что в нашей стране действовало немало сильно заниженных норм выработки. Но вместе с тем оно уже дало образцы столь высокой производительности труда, какой еще не видел мир и перед которыми, следовательно, не могли бы устоять никакие нормы. Правда, новаторы-рекордсмены — это только авангард движения. Они творчески прокладывают новые пути, по которым за ними уже следуют главные силы. Но скоро и эти главные силы продвинутся на передовые позиции. И тогда мы сможем разрешить поставленную Лениным задачу — доказать воочию, что социалистический труд *производительнее* всех капиталистических его форм.

4. ХАРАКТЕР ДВИЖЕНИЯ НОВАТОРОВ

Новаторы ратуют за «*сознательное* отношение к труду». Посмотрим же, как преломляются в их собственном сознании корни и программа этого грандиозного исторического движения за коммунистический труд.

О предшественниках новаторов уже была речь. С ними же самими лучше всего знакомиться по их собственным высказываниям на ноябрьском совещании стахановцев 1935 г.

«Корни стахановского движения,— как говорил на совещании токарь Душенков,— надо искать не в двух-трех последних месяцах, корни стахановского движения — во всей 18-летней работе революции. Шло гранди-

---

[1] В 1956 г. средний съем мартеновской стали в СССР достигал уже 6,8 т с 1 $м^2$ пода, поднимаясь на лучших заводах до 8,6 т и выше; в США в 1954 г.— не выше 6 т.

[2] «План», 1936, № 1, стр. 41—48.

озное строительство, были громадные недостатки, большие трудности. Одни говорили, что очень трудно, что мы пропадем, другие говорили, что все делается правильно.

Я решил сам *увидеть и почувствовать*. И вот с 1922 г. каждый свободный месяц я посвящал тому, чтобы путешествовать по СССР. Я посмотрел все новостройки. Какое впечатление на меня произвел Днепрострой! Что я чувствовал, когда увидел впервые Горьковский автозавод после наших клетушек-мастерских? Все это перевоспитывало не только меня, но и других. Поэтому нет ничего удивительного, что мы видим такой энтузиазм, неудивительно, что он не носит минутного характера. Это плоды многолетней перестройки, многолетней воспитательной работы...» [1]

Тов. Душенков, в прошлом, по его словам, «несознательный и неактивный рабочий», не мало перевидел и перечувствовал из опыта революции, прежде чем стать новатором. Но как и большинство других новаторов из молодежи, он не проходил школы дореволюционной эксплуатации труда. Прошедшая и эту школу ткачиха А. Н. Виноградова так красочно начала свою речь на совещании стахановцев: «Товарищи, мне от роду 45 лет, но *я живу только 18 лет...* Нет ни одной страны, где бы так хорошо жилось, как мы живем сейчас. Я это знаю из опыта моей жизни... Вспоминаю, как жилось до революции. Раньше я работала на тройке, на паре станков. Я работала *неохотно.* Эта мануфактура была *не для меня,* потому что я ее не покупала, так как у меня был маленький заработок.

Вспоминаю свое детство. Я раньше жила в плохой квартире. Мать с отцом спали на кровати, ребенок — в зыбке, а мы с братом под кроватью. А теперь я получила хорошую квартиру, получила хорошую обстановку. И у меня *сердце радуется.*

...Вполне понятно, что у нас боевой дух, энергия, большевистский энтузиазм в работе. Почему это я говорю? Я это говорю потому, что не просто хожу по маршруту, а летаю, как на аэроплане, если вижу, что станок остановился» [2].

Воистину жить стало лучше, жить стало веселее — вот основной стимул новаторского подъема. Не меньшее значение, однако, имело радикальное изменение условий труда и быта на базе *новой техники,* созданной у нас в период реконструкции.

«Мне 30 лет,— рассказывал на совещании новатор Сметанин, поставивший мировой рекорд на своем станке. — На обувной фабрике «Скороход» я работаю беспрерывно 18 лет. Я помню свою фабрику, когда она представляла собой большую, грязную кустарную мастерскую. Я вижу, как фабрика изменилась сейчас. Если вы идете по ней, то вам кажется, что вы видите не цеха, в которых люди заняты физическим трудом, а лаборатории. Люди в чистых халатах стоят около машин. Кругом *чистота.* Наша фабрика — действительно социалистическое во всех отношениях предприятие. Я *люблю свою фабрику, люблю свою страну, люблю труд* — вот почему я могу давать еще большие показатели» [3].

Вспоминая тоже «старинку» в связи с вопросом «на кого мы работаем» и куда идут создаваемые трудом средства, другая работница Лысякова говорила: «Сегодня каждая ткачиха знает, куда эти средства идут, знает, что перевыполнение плана *улучшает самую фабрику, детские сады, ясли, общественное питание* и т. д.... Мы, товарищи, крепко держимся за работу, за свое оборудование. А если взять то, что было в 1927—1928 гг.,— даже глядеть страшно. Материал был разбросан — там початок, там шпулька, все валялось. А сейчас, если вы придете на нашу фабрику,— *чистота*

---

[1] «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев», стр. 87—88 (Курсив наш.— *С. С.*)

[2] Там же, стр. 222—223. (Курсив наш.— *С. С.*).

[3] Там же, стр. 38. (Курсив наш.— *С. С.*).

и опрятность, вы ни одной шпульки, ни одного початка не найдете. Это говорит о том, что *нас воспитала фабрика*». А заканчивается эта речь такой душевной ноткой: «И если *полюбить* свою работу, она пойдет на лад. Любишь свою работу и у тебя что-нибудь не ладится — все равно вывезешь, потому что *душа болит»* [1].

Эта нотка *любовного* отношения к труду, которое столь трудно было бы почувствовать к *подневольному* труду на потребу тех или иных эксплуататоров, у новаторов ярко звучит на каждом шагу. «Товарищи,— взывает, например, к совещанию новаторов ткачиха А. Н. Виноградова,— мы должны *любить* свою работу *всем сердцем,* мы должны вложить в это дело *всю рабочую душу*» [2]. «Наша задача заключается в том,— вторит ей другая ткачиха Дуся Виноградова,— чтобы знать хорошо технику, изучить станок и, *самое главное,* любить работу, дружить со сменщицей. Это самое главное» [3].

А вот токарь Душенков описывает свою работу: «Нам ежемесячно приходится осваивать новые машины. Многие машины раньше не делались в СССР. В октябре мы делали поршневые компрессоры. Мы осваивали, мы боролись. Это было что-то невероятное. Многие рабочие, так же как и я, *не уходили из цеха.* Старик Семенов был прямо-таки *влюблен в каждую деталь.* Эта любовь к машине, любовь к производству также создала во мне громаднейший перелом» [4]. Вы чувствуете в этом описании неподдельный пафос освоения новой техники. И вы начинаете лучше понимать, что представляет собой наш рабочий-новатор.

По определению токаря Душенкова, новатор — «это такой человек, который, работая спокойно, действительно берет от техники все, что возможно, ибо он *любит свое дело, любит свой станок, верит в победу социализма,* в победу того строя, который дает нам лучшую жизнь. Все эти факторы создают то, что мы *шутя*, именно шутя, перекрываем все существующие нормы» [5]. Новаторы — в большинстве беспартийные, но, по четкому определению А. А. Жданова, «это настоящие *большевики производства*». Они представляют собой людей, которые, не боясь ничего, ломают рутину, опрокидывают так называемые «технически обоснованные» нормы, перекрывают проектные мощности и, овладев техникой... наносят удар всем старым методам» [6].

Новаторы — энтузиасты труда, но они отнюдь не аскеты. «Мы считаем того стахановцем,— говорит токарь Лихорадов,— кто по-настоящему борется, показывает себя и *в производстве, и в культуре, и в пляске*» [7]. Почти все из них, овладевая техникой, учились в фабзавучах или же готовились и сдавали специальный экзамен по техминимуму. И притом на «отлично». А некоторые из них прямо артисты и профессора своего дела. Приобщившись к культуре, они очень высоко ценят чистоту и опрятность как в цехе, так и в домашнем обиходе.

Об этом говорили на совещании и тов. Сметанин, радовавшийся, что у него на фабрике люди «в чистых халатах» стоят у машин, и тов. Лыськова, у которой в цехе «чистота и опрятность», и многие другие. Особенно подчеркнут этот культ чистоты машинистом Омельяновым, побившим в соревновании на своем советском паровозе «ФД» лучшие английские и американские рекорды. Обычно работа на товарных паровозах самая грязная. Но не то было здесь. «Прибыл я с первым поездом,— рассказывает машинист Омельянов,— и привел паровоз в *надлежащем виде.* Тогда

[1] «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев», стр. 80—81. (Курсив наш.— *С. С.*).
[2] Там же, стр. 223. (Курсив наш.— *С. С.*).
[3] Там же, стр. 26. (Курсив наш.— *С. С.*).
[4] Там же, стр. 89. (Курсив наш.— *С. С.*).
[5] Там же, стр. 90. (Курсив наш.— *С. С.*).
[6] Там же, стр. 297. (Курсив наш.— *С. С.*).
[7] Там же, стр. 80. (Курсив наш.— *С. С.*).

вылез кочегар, и все мы из бригады *любуемся* паровозом, а кочегар говорит: «Правда, товарищ механик, у нас паровоз, як коник у Клима Ворошилова!»» [1] Кстати сказать, Омельянов в своем рассказе не столько гордился своими рекордами, как тем, что он их добился без *единой аварии, обрыва или крушения.*

Не менее любопытно в этом отношении и выступление стрелочницы Неудахиной по поводу крушений: «А отчего у нас крушения? Оттого, что плохо работаем, зорко не следим за поездом, *стрелки грязные*... Ведь если красноармеец винтовку держит в чистоте и порядке, винтовка будет всегда в боевой готовности и будет стрелять, когда надо. То же самое и стрелка... Надо мной посмеивались, но я на это не обращала внимания. Я вычистила стрелки, привела их в порядок, и они стали работать гораздо лучше, чем раньше. Прилегание пера к рамному рельсу получилось очень плотное, а это усиливает безопасность движения» [2]. И вот, «Неудахина работает за двух стрелочников», но у нее не было ни одной аварии и, как она заверяет, никогда их не будет.

В соревновании новаторов нередко чувствуется и здоровый задор уверенных в себе спортсменов. Недаром же у нас целые миллионы рабочих прошли за последние годы прекрасную школу физического спорта во всех его видах. В особенности это относится к рабочей молодежи. Про машиниста Кривоноса по поводу его рекордов на паровозе так и говорили, «что парень он молодой и поэтому хочет быть «*спортсменом*»». Токарь Душенков сам признается, что еще до новаторского движения он, «как *рекордсмен-любитель,* чтобы выручить цех, перевыполнял свою норму в три-четыре раза» [3]. К этому же типу относится бывший беспризорник кузнец Васильев, который еще в 1934 г. ставил рекорды. В 1935 г. он «*не догулял*» своего отпуска, получив письмо от товарищей по бригаде, что его рекорд побит новатором производства т. Андриановым. «Конечно у меня внутри *все закипело:* как это так, он меня побил?» — рассказывает Васильев. «В первый день после отпуска я смог сделать только 308 шатунов в смену. Во второй день... 410 шатунов, а в 3-й день — 560 шатунов. Я *перекрыл* выработку Сени Андрианова, но в газете я прочел, что на Харьковском тракторном заводе один кузнец дает *тысячу* шатунов. Это меня *взорвало,* и я сделал в смену 945 шатунов. Кузнеца Стадника это тоже взорвало, и он отковал 975 шатунов в смену... Мы решили перегнать т. Стадника и отковали 1036 шатунов в смену» [4]. В таком же спортивном стиле шло соревнование сверловщиц Славниковой и Макаровой. Комсомолку Нину Славникову тоже «затронуло, заело», что ее подруга дает на своем новом станке 229% нормы. «Я *бесстрашная парашютистка*, и эта норма мне не страшна»,— заявила Славникова довольно задорно технологу, который предостерег ее было от состязания на совершенно не изученном станке новой конструкции. Изучив этот станок *с помощью своей же конкурентки*, она догнала ее, а затем в результате состязания обе подруги выполнили по 500% нормы [5].

Новаторы горячо соревнуются, но редко сердятся друг на друга. Вот, например, как кузнец т. Бусыгин говорит о своем соревновании с т. Великжанином: «Я дам 400 ступиц, он — 500. Потом я сделал 570, он — 620. Так и пошло. Стали один другого бить, и зашумело у нас в кузнице повсюду. Очень я *радуюсь,* когда Великжанин хорошую выработку дает... Когда я установил новый рекорд, то некоторые товарищи на меня обиделись. Дескать, мы не хуже, чем он, почему *он* установил рекорд? Но потом это

---

[1] Там же, стр. 56. (Курсив наш.— *С. С.*).
[2] Там же, стр. 95. (Курсив наш.— *С. С.*).
[3] Там же, стр. 18, 88 (Курсив наш.— *С. С.*).
[4] Там же, стр. 230. (Курсив наш.— *С. С.*).
[5] См. там же, стр. 40—42. (Курсив наш.— *С. С.*).

прошло, и уже больше этой обиды в других я не чувствовал. Я, наоборот, *всегда доволен,* когда мои товарищи успевают. Вот и Фаустов, мой учитель, иногда перегоняет меня. А теперь и Казарин установил новый рекорд. Я *очень рад* и за Казарина и за кузницу. А когда приеду, постараюсь и его перебить и установить еще новый рекорд... Действительный стахановец тот... кто радуется не только своему успеху, но и успеху всего своего цеха, всего своего завода» [1].

«Стахановское движение,— как это подчеркнул Серго Орджоникидзе,— выражается и в количественном, и в качественном отношении. Тот, кто хочет быть стахановцем, тот не может давать только количество, тот должен давать качество,— без этого нет стахановца» [2]. Бороться за качество призывает и рабочий Душенков. «Вопрос о качестве,— говорит он,— очень серьезный вопрос... Разве не почетно будет Сметанину, когда человек, проносив обувь целый год, скажет: «Вот Сметанин здорово работает, даст тысячи пар сапог, а сапоги можно целый год проносить». Разве это не приятно? Разве не приятно будет, когда скажут: «Вот смотрите, Душенков не марало, хорошую деталь сделал...» Надо бороться именно за качество, и это самое основное в стахановском движении» [3]. «Я заверяю,— отвечает на этот призыв ткачиха А. Н. Виноградова,— что буду давать *лучший в мире* товар, потому что имеется спрос со стороны колхозников. Мы находимся с ними в неразрывной связи: мы им даем товар, а они нам — продукты» [4]. «Лучшую в мире ткань» готова давать и другая ткачиха — Дуся Виноградова [5]. А кузнец т. Гуревич так мотивирует высокое качество своей работы: «На хорошую работу меня толкало сознание, что каждый вал, который я сдаю на «отлично», укрепляет мощь нашей страны, расшатывает силы капитализма» [6].

Но, помимо всех этих мотивов, новаторам тем естественнее ратовать за высокое качество продукции, что, будучи артистами своего дела, они чувствуют органическое отвращение ко всякого рода «маралам» и бракоделам.

Не ведет ли, однако, борьба новаторов за высокое качество и количество продукции к перенапряжению их сил на работе? Если бы это было так, то, как было уже замечено, новаторское движение было бы *непрочным* и *недолговечным.* Но это не так. Вот что, например, говорит об этом на основе личного опыта тов. Сметанин: «Я не раз заявлял и сейчас заявляю, что я сделал 1400 пар не за счет перенапряжения, а исключительно за счет ритма, за счет тщательного изучения операции... До сих пор многие думали, что высокую производительность труда можно давать только за счет физического перенапряжения. Нет, товарищи, это неверно... Производительность труда можно повышать только тогда, когда по-настоящему овладеешь техникой своего дела... Хронометраж показал, что я сделал 1860 пар — это две с лишним нормы,— затрачивая на каждую пару 13—13½ секунд. Не было такой пары, на которую я затратил бы 11 секунд, т. е. поспешил, и не было пары, на которую я затратил бы 15 секунд, т. е. замедлил работу. Я работал ровным, спокойным темпом, и в этом успех моей работы» [7]. «А еще то замечательно,— добавляет другой новатор, т. Бусыгин,— что *при хорошей работе меньше устаешь*, чем при плохой. Чем ровнее да спористее идет работа, тем крепче да здоровее себя чувствуешь. С песнями будем работать» [8].

---

[1] «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев», стр. 22, 25—26. (Курсив наш.— *С. С.*).
[2] Там же, стр. 324.
[3] Там же, стр. 90.
[4] Там же, стр. 223. (Курсив наш.— *С. С.*).
[5] См. там же, стр. 27.
[6] Там же, стр. 92.
[7] Там же, стр. 37, 38.
[8] Там же, стр. 24.

Работая с песнями, новаторы, между прочим, недурно зарабатывают, вместе с чем возрастают и их культурные потребности. «Одному нужно пианино, другому — велосипед, третьему — патефон, радио» [1]. Вот, например, передовик — забойщик тов. Артюхов в антрактах между мировыми рекордами по добыче в своей шахте угля купил себе пианино, пригласил учителя и нисколько не сомневается в успехе учебы: «Раз уголь умею рубать,— говорит он, полный уверенности в своих силах,— научусь и играть». И этим большевикам производства можно поверить. В их жестких руках не заглохнут нежные ростки новой культуры.

Эти беспартийные и партийные большевики много получили от партии, и они это прекрасно сознают. «Меня перевоспитала партия,— говорил на совещании один такой потомственный рабочий.— Она воспитала во мне желание быть передовым, желание поставить СССР так, чтобы рабочие за границей говорили: «Вот он, мой передовой отряд, вот она, моя ударная бригада, вот она, моя рабочая власть, вот оно, мое отечество»» [2].

Вот какими чувствами одушевлены новаторские кадры. Такие кадры действительно решают все. И во всяком случае они решат историческую борьбу за полное использование производительных сил социализма.

1936 г.

5. О НОВЫХ ФОРМАХ СОРЕВНОВАНИЯ

Мы живем в необычайно интересное время, когда повседневно в нашей стране возникают все новые большие и волнующие задачи и осуществляются огромной важности преобразования. Только в прошлом году проведена коренная перестройка в области промышленности. А ныне уже радикально перестраиваются и многие устои колхозного строя в деревне. И там и тут наша партия проводит одни и те же идеи демократизации управления, расширяя возможности проявления творческого почина и самодеятельности всей советской общественности на местах и в первую очередь всех трудящихся города и деревни. Миллионы наших рабочих изобретателей и новаторов получают в этих преобразованиях новую зарядку для своей плодотворной деятельности. Еще более широкие массы трудящихся и, прежде всего, вся рабочая молодежь во главе со своим авангардом юных ленинцев из славного комсомола, активно поддерживая эти начинания, распахивают целину, строят шахты в Донбассе, учатся и растут и, вливаясь широким потоком в общее русло социалистического соревнования, нащупывают и здесь новые формы приближения к коммунизму. И это вполне закономерно на том *новом* этапе экономического развития, на котором наше продвижение к коммунизму становится уже все более конкретной и действенной задачей.

В самом деле, разве недостаточно конкретны такие решения нашей партии, как план превзойти уже в ближайшие годы США по уровню производства таких важнейших продуктов, как молоко, мясо и масло, или задание в ближайшие 10—12 лет покончить с недостатком жилищ в стране, или еще более важная задача поднять СССР по уровню всей его индустриальной продукции на первое место в мире за ближайшие 15 лет. Это очень сжатые сроки для таких крупных шагов на путях к коммунизму, но при наших темпах роста они достаточно реальны. Темпы наших достижений создают впечатление, что за каждый нормальный год мы продвигаемся к коммунизму по меньшей мере на два или три года.

Быстро растет наше производство, еще быстрее растет советская техника — этот вещественный фундамент коммунизма. И легко себе представить, какую техническую революцию в нашей стране — в области

---

[1] Там же, стр. 52.
[2] Там же, стр. 91.

комплексной механизации, автоматизации и использования внутриатомной энергии — мы сможем реализовать уже за ближайшие 15 лет. Вполне понятно, что при таких темпах развития советской техники от нее не должны отставать в своем росте и советские люди, призванные ее строить и осваивать, ибо в противном случае у нас не будет этой техники или в лучшем случае она останется мертвым грузом в нашей производственной практике. Производственные фонды советской промышленности, включая оборудование, уже ныне оцениваются десятками тысяч рублей из расчета на каждого рабочего, а через лет 15, возрастая обычными у нас темпами, будут исчисляться уже не десятками, а сотнями тысяч рублей на каждого рабочего, а в общем итоге по стране — тысячами миллиардов рублей.

Это огромное богатство, но вместе с ним в огромной степени возрастает и ответственность за умелое использование рабочими столь дорогих средств труда. Новая техника становится все более мощной и сложной. Наши инженеры уже теперь строят такие электронно-счетные машины, которые называют *думающими* машинами, ибо с их помощью решаются в несколько минут столь сложные математические задачи, которые доныне вообще считались практически неразрешимыми. И таких все более сложных и «умных» машин с развитием автоматики и телемеханики в производстве с каждым годом будет все больше. А через 10—15 лет, за которые мы, несомненно, сможем выйти и по уровню техники на первое место в мире, такие машины станут уже господствующим типом в нашей производственной практике. Совершенно ясно, что новая техника предъявит к рабочим новые требования.

Машины облегчают труд и повышают его производительность. Но машины без людей не работают, и чем сложнее и «умнее» машины, тем больше навыков и знаний, тем больше ума требуется для того, чтобы разумно их использовать. Без ума даже самая передовая техника может обратиться в негодный лом, ценная продукция — в сплошной брак, а весь труд бракоделов — в обиднейшее для них огорчение. И потому наряду с *вещным* фондом первоклассной техники для высокой производительности труда в наше время необходимо еще накоплять все возрастающий *невещественный* фонд производственного опыта, навыков и знаний в рядах многомиллионной армии труда нашей страны. «...Степень искусства наличного населения,— говорил еще Карл Маркс,— составляет всегда предпосылку всего производства, следовательно *главное накопление богатства;* важнейший сохраненный результат прежнего труда, существующий однако в самом живом труде» [1]. И нужно сказать, что такой коллективный опыт всего рабочего класса в нашей стране — стране социализма — действительно представляет собой уже ныне одно из самых ценных наших сокровищ, хотя мы не научились еще ценить его по достоинству. Он много дороже всей нашей техники, поскольку без живого опыта, в котором нераздельно совмещаются все навыки физического и умственного труда, она была бы совершенно бесплодной.

Были и у нас времена, когда умственный и физический труд служил разным задачам и умственные усилия людей одного класса были направлены лишь на то, чтобы, овладев всей техникой, подчинить себе физический труд всех других обездоленных этим людей и обогащаться за счет их тяжкого, изнурительного труда. Впрочем, у нас, в царской России, для этого и особо высокой техники не требовалось. И там, где не хватало машин, выручала традиционная родная дубина. «Эй, дубинушка, ухнем! Сама пойдет, сама пойдет!» — подбадривали себя на тяжких подъемах измученные люди. Но *сама* дубинушка никуда не шла, и трудовая лямка

---

[1] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III. М., 1936, стр. 229.

еще крепче впивалась в напряженную грудь. Такой труд из последних сил не мог стать радостным. Особого ума для него не требовалось, ибо человека в этой лямке могла бы заменить и лошадь. А все же это был человек, который не мог мириться с навязываемой ему участью упряжной клячи.

Мы знаем, что только Октябрьская социалистическая революция, передав все средства труда во всенародную собственность самих трудящихся, положила начало новому отношению к труду. У Л. Н. Толстого есть чудесная сказочка-утопия про «царство дураков», создавших у себя нечто вроде трудовой коммуны. Они вовсе обходились в ней без умников. О работе «головой» и понятия не имели. Трудились в поте лица лишь собственными мозолистыми руками. А в ограждение от всяких ловчил, бездельников и дармоедов установили для себя такой, для царства дураков совсем не глупый, обычай: «У кого мозоли на руках, полезай за стол, а у кого нет — тому объедки!»

Однако без машин, на одних лишь мозолях далеко не уедешь. Потоки изобилия не мозолями даются. А без них не будет и коммунизма. И, наоборот, с развитием высокой машинной техники все реже появляются мозоли на руках, но все чаще приходится упражнять даже каждому рядовому рабочему свои *умственные* способности. Говоря иначе, если наживать мозоли на руках легко и без «умников», то строить коммунизм гораздо удобнее без дураков и невежд. Можно сказать даже больше. Современная техника становится все более требовательной к качеству используемого труда. Уже теперь без серьезных знаний и специального опыта рабочему к ней зачастую и подступиться даже нельзя. А такая техника будущего, как в атомной энергетике с ее смертоносными излучениями, и сама рабочего-невежду даже близко к себе не подпустит. И потому рабочий эпохи строительства коммунизма должен опережать в своем развитии рост своей изумительной техники, в противном случае не он будет управлять ею, а она подчинит его себе в качестве своего механического придатка.

Какие же требования предъявит рабочим эта грядущая передовая техника в своем неуклонном развитии в направлении к *автоматическому* производству всех благ?

Я уже высказывался по этому вопросу в печати. И мне остается лишь повторить здесь сказанное.

Мы и ныне имеем уже первые образчики грядущей техники коммунистической эпохи. Это многие уже у нас автоматические линии станков и первые в мире электростанции, питаемые внутриатомной энергией. На буржуазном Западе их развитию ставит предел угроза катастрофической безработицы, но у нас они лишь ускорят и без того намеченное в программе нашей партии дальнейшее сокращение рабочего дня до шести или даже четырех часов в сутки. Видим мы уже и людей у этой автоматически действующей техники. Со стороны может показаться, что им достаточно лишь нажимать вовремя те или иные пусковые кнопки. Но это не так. Они прежде всего должны до тонкости знать всю механику и обращение со всей электроникой и смертоносными атомами, используемыми в производстве. А затем, если что разладится в этой автоматике, им надлежит тут же определить, что именно не ладится, и на ходу выправить все неполадки собственными руками. Физический труд здесь совершенно неотделим от умственного. И в этом всего нагляднее *разрешается* в наших условиях историческое противоречие между умственным и физическим трудом.

Такой оператор, наладчик и настройщик автоматической техники, совмещая в своем лице функции и коллективного хозяина этой техники и универсального рабочего, сможет заменить собой в нужный момент и слесаря с токарем, и механика с электромонтером, и сменного техника или инженера. Поэтому именно мы и планируем обеспечить в перспективе

инженерно-технический уровень образования всем гражданам СССР. Рабочему такой квалификации будет по плечу не только пассивно нажимать кнопки автоматических устройств, но и самому активно их улучшать и перестраивать, подобно тем передовым рабочим-новаторам, которые и ныне уже обогащают нашу страну ежегодно миллионами ценных изобретений и предложений. С той только разницей, что число таких рабочих-новаторов возрастет в сотни и тысячи раз. Одним словом, это будет уже вполне созревший тип рабочего коммунистической эпохи, эпохи все более короткого рабочего дня за счет все возрастающей его производительности, эпохи, открывающей неограниченные возможности развития всех дарований трудящихся, широчайшего проявления свободной их инициативы и всех радостей все более увлекательного творческого труда.

Нельзя сомневаться, что новая техника в наших условиях повысит производительность труда в СССР уже за 10—15 лет во много раз. Напомним, что еще Ф. Энгельс в освобождении от уз капитализма усматривал «единственное предварительное условие беспрерывного, постоянно ускоряющегося развития производительных сил, а благодаря этому — и практически безграничного роста самого производства» [1]. Это условие в СССР уже давно налицо. Но такое ускоренное развитие производительных сил при абсолютном росте техники предполагает даже известное относительное *сокращение* живой рабочей силы, и это еще повышает необходимость *качественного* ее роста. В общем, это означает, что новая техника в ближайшие годы потребует от всех, кому предстоит приводить ее в движение, прежде всего, одного: срочно повышать свою квалификацию, накопляя в своих мышцах рабочий опыт, а в голове — недостающие знания, т. е. работать, обучаясь, и учиться, работая.

Путей к учебе у нас немало. И ни одним из них пренебрегать не следует. Очень много дает школьная подготовка тем рабочим, которые ныне уже миллионными пополнениями ежегодно приходят на производство из средней и высшей школы. Широки у нас возможности обучения рабочих и без отрыва от производства, заочно в средней и высшей школе. Но еще шире и доступнее возможности дальнейшего повышения квалификации в самом производстве, где рабочие обогащаются коллективным передовым опытом. Эта практика взаимного обучения у станка, на стройке, в заводском цехе или на колхозных фермах и нивах доступна у нас решительно всем рабочим.

Однако до последнего времени практика взаимного обогащения своим коллективным опытом не получала должного развития в нашей рабочей среде. Задерживали его и эгоистические пережитки прошлого в сознании наиболее обученных рабочих старших возрастов, сознательно приберегавших лишь для себя все свои производственные секреты. Долго не встречала должной поддержки эта практика и со стороны заводской администрации, предпочитавшей обычно содействовать подготовке гораздо более эффектных с виду единичных трудовых рекордов и рекордсменов. Рекордсмены становились героями дня, а рабочие массы оставались на прежнем уровне. Но это не могло задержать нас слишком надолго. Омолаживается радикально с каждым годом у нас и весь состав рабочей силы. Обновляются и руководящие кадры производства. Жизнь выдвигает уже и новые задачи и новые формы социалистического соревнования в СССР.

Эти новые формы соревнования чрезвычайно многообразны, но характерным для них всех является, пожалуй, переход от *индивидуальных* форм соревнования за единоличные производственные рекорды и достижения к *коллективным* формам, в которых соревнуются между собой комплексные бригады, цехи и целые заводы и ставят перед собой задачи не мимо-

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 294.

летных побед-однодневок, а прочных успехов и постоянных производственных достижений на базе *взаимных усилий* в дружной работе, обмена опытом и общего повышения *квалификации* всего коллектива.

Элементы таких устремлений имелись, конечно, и на более ранних ступенях социалистического соревнования. Вспомним хотя бы об ударных бригадах: о бригадах ремонтников 1927 г. по устранению производственных неполадок, о «производственных коммунах» времен первой пятилетки, о хозрасчетных бригадах 1931 г., в которых до полутора миллионов рабочих боролись за укрепление хозрасчета и улучшение организации труда. Вспомним о массовом движении миллионов «отличников», потребовавших еще в 1934 г. организации технической учебы рабочих на производстве и успешно сдававших техминимум; об изотовском движении мастеров новой техники и новых методов работы — движении за передачу прежде всего, опыта работы отстающим рабочим (1935 г.). Яркие рекорды новаторов 1935—1936 гг., однако, на время затмили менее видные, но очень важные достижения этих массовых коллективов.

Наиболее ощутимым результатом массового социалистического соревнования этих лет был исключительный подъем производительности труда. Если за 1933 г. средняя выработка рабочих по всей крупной промышленности СССР поднялась на 8,7%, то в 1934 г. этот прирост составил уже 10,7%, в 1935 г. — 13%, а в 1936 г. — даже 21,4%, намного обогнав все плановые расчеты и задания. Нет сомнений, что причиной этого подъема были не только рекорды прославившихся новаторов, но и общий подъем культуры многомиллионной массы рядовых ударников и «отличников», повседневно осваивающих новую технику и повышающих одновременно свой собственный «техминимум» квалификации.

Очень показательно, однако, что в 1937 г., когда период реконструкции в основном был завершен, когда увлечение однодневными рекордами миновало и в порядок дня встала повседневная кропотливая работа по освоению новой техники *всей* массой рабочих, прирост средней выработки рабочего снова снизился до 8,9% за год, т. е. более чем вдвое, против норм 1936 г. Конечно, и 8—10% прироста производительности труда в год свидетельствует о высокой эффективности новой техники. Но опыт 1936 г. показывает, что даже столь высокий эффект может быть *удвоен* в условиях нового подъема социалистического соревнования. И в этом удвоении эффективности труда сказалась и роль *идеологических* факторов в материальном производстве. Передовые идеи, овладевая массами, как известно, сами становятся материальной силой.

Социалистическое соревнование и в последующие годы проявлялось многократно в самых различных формах, хотя в годы войны и массовых мобилизаций состав рабочих на производстве понес большие потери в своей численности и квалификации. В связи с уходом мужей на фронт возникло движение женщин за освоение «мужских» профессий, разрасталось движение за совмещение профессий и работу в качестве многостаночников. Осенью 1941 г. были проведены массовые воскресники, возродившие старую идею коммунистических субботников 1919 г., но в совершенно иных масштабах. Так, например, на комсомольско-молодежном воскреснике 17 августа 1941 г. работало свыше 9 млн. рабочих и колхозников, которые заработали и перечислили в фонд обороны страны 44 млн. руб. и около 2 млн. колхозных трудодней. В предоктябрьские дни 1941 г. на фабриках и заводах возникли первые комсомольско-молодежные «фронтовые бригады», стремившиеся и в тылу работать по-фронтовому, проводились так называемые фронтовые вахты. В многоградусные морозы и в пургу зимой на Урале строители по 16 час. в сутки не уходили со строительных площадок, проявляя невиданное еще самоотвержение и трудовой героизм.

С мая 1942 г. социалистическое соревнование, развиваясь все шире, приобрело масштабы всесоюзного соревнования, в которое включились

вскоре работники *всех* отраслей производства. Возглавив это массовое движение за лучшие производственные результаты целых предприятий, партия и Государственный Комитет Обороны учредили для коллективных победителей в нем переходящие Красные знамена с премиями, что придало соревнованию особую конкретность и целеустремленность. К началу 1944 г. этим соревнованием было охвачено свыше 80% рабочих [1]. В широких рамках этого движения по инициативе самих рабочих возник целый ряд специальных видов соревнований: соревнование за лучший цех, бригадное соревнование внутри цехов, соревнование по профессиям — за звание лучшего в цехе токаря, слесаря, фрезеровщика, инструментальщика и т. д. И в результате на каждом заводе многие сотни и тысячи рабочих значительно повысили свой разряд и квалификацию.

Особое распространение еще в годы войны получили молодежно-комсомольские бригады, которые в 1943 г. на одном московском заводе объединяли уже около 30% всех работающих и давали до 50% всей продукции завода. Эти бригады стали новой, весьма важной формой организации труда молодежи и прекрасной школой ее производственного воспитания. В комсомольско-молодежных бригадах молодежь коллективно повышает свои технические знания, изучает опыт передовых рабочих, совершенствует приемы и методы своей работы, добиваясь систематического роста производительности труда. Одна из таких бригад, бригада монтажников т. Шашкова, регулярно оставаясь каждый день на один час после работы для технической учебы, достигла замечательных успехов. За 16 месяцев работы она повысила производительность труда в 6 раз. За это время она подготовила в бригаде 18 новых рабочих на квалификацию не ниже 4-го разряда, 6 рабочих бригады освоили при этом все нужные ей профессии и могут заменить любого из отсутствующих членов бригады. Установив при сборке станков внутрибригадное разделение труда, бригада внедрила 16 рационализаторских предложений, в результате чего с декабря 1943 г. стала собирать по 36 станков за месяц, в то время как в сентябре 1942 г. она собрала за месяц всего 6 таких станков.

Нет нужды перечислять все типы и формы социалистического соревнования военных и послевоенных лет, тем более что они поистине неисчерпаемы. Но несомненно, что наиболее перспективными из них являются те, в которых производственные задания совмещаются с учебными и воспитательными, которые, стало быть, способствуют не только росту материального богатства, но и самих людей, его приумножающих. Ведь люди и представляют в условиях социализма самое большое и ценное богатство любой страны. И особо важно это усвоить нашей комсомольской молодежной смене, перед которой открываются ныне перспективы развернутого строительства коммунизма.

В социалистическом соревновании в 1944 г. участвовало более 70 тыс. комсомольско-молодежных бригад, объединявших свыше полумиллиона юных рабочих и работниц. По нынешним масштабам это, конечно, не большой актив. В последнее время в ряды рабочих ежегодно только из средней школы вливается до полутора миллионов молодых людей и девушек с аттестатом зрелости, но без всяких производственных знаний. Это создает широчайшие возможности для молодых рабочих приобретать производственные знания и опыт, общаясь с основными кадрами комсомольско-молодежного актива. Эти возможности реализуются в таких коллективах, как вышеназванная бригада монтажников т. Шашкова, и других бригадах, в которых без взаимного обмена опытом не мыслится никакое продвижение вперед.

Очень интересен в этом отношении уже отмечавшийся в печати опыт комплексных бригад строителей, получивший широкое распространение не

[1] Г. Евстафьев. Социалистическое соревнование — источник роста экономической и военной мощи СССР. М., 1944, стр. 29.

только на стройках столицы, но и в других городах нашей страны. Такие комплексные бригады добиваются не рекордов, а *постоянного* повышения выработки всего коллектива бригады из недели в неделю, из месяца в месяц по заранее составленному на целый год графику. Но нельзя говорить о выработке, упуская качество. И инициаторы движения уже дополняют свои обязательства требованием высокого качества кладки. Они организуют свой коллективный труд так, чтобы помогать друг другу, заботиться друг о друге. И не только в своей смене, но и в подготовке фронта работ для следующей смены. Взаимопомощь членов таких коллективов, конечно, скажется, прежде всего, во взаимном обмене и обогащении каждого члена коллективным опытом всей бригады, а значит, и в соответствующем повышении квалификации всего коллектива.

На современном этапе строительства коммунизма задача взаимного обогащения коллективным опытом рабочих масс приобретает первенствующее значение. Под названием коллективного опытничества это направление в соревновании за высшую квалификацию и высшее качество труда получает все более широкий отклик среди рабочей молодежи. В этом движении создаются уже не материальные блага, а прежде всего само мастерство рабочих, а оно нам дороже золота и алмазов, ибо в нем залог всех других наших достижений и, как говорил Маркс, главное наше богатство.

Движение это возникло по почину самих рабочих. Практика коллективного опытничества пока очень элементарна. В каждом цехе или на строительном участке рабочие одной или нескольких смежных специальностей регулярно организуют дружеские встречи для обмена своими знаниями и опытом. На эти встречи привлекается и молодежь со школьной скамьи, и более опытные рабочие, и кто-нибудь из инженеров. Обсуждаются с показом на практике все детали и приемы очередной работы. Каждый из участников встреч в меру своих знаний и опыта прямым показом собственных достижений вносит свой личный вклад в это соревнование за повышение общего уровня квалификации. Знания здесь обмениваются на опыт, опыт — на знания. Одни вносят от себя больше, другие — меньше. Отставшие при этом подтягиваются до уровня передовых. При этом, кто больше других дает коллективу, тот познает и больше радостей в этом соревновании за лучшее мастерство. И никто не остается в накладе, ибо все уходят обогащенными знанием и опытом.

Известно, что один лишь процент промышленной продукции СССР достигает ныне десятков миллиардов рублей. А это значит, что, повысив качество труда всех рабочих хотя бы лишь на один разряд, т. е. на 10—15%, мы тем самым умножили бы продукцию на много миллиардов рублей. И это без дополнительных капитальных вложений, ибо более умелый труд позволяет лучше использовать имеющуюся технику и выжать из нее значительно больше продукции.

Но самое ценное в коллективном опытничестве заключается не только в том, что оно будет содействовать росту материальных благ и тем самым приближать нас к порогу коммунизма. Этого мало. Именно оно в случае успеха сможет стать действенной школой коммунистического воспитания трудящихся масс в нашей стране, умножая тем самым кадры новых людей, которые достойны будут переступить через этот заветный порог.

Однако наиболее обнадеживающей и перспективной формой социалистического соревнования в настоящий момент является массовое соревнование комсомольско-молодежных бригад за почетнейшее звание бригады коммунистического труда. Оно впервые поставило своей задачей *не только работать и учиться, но и жить по-коммунистически.* **И в нем уже, как ру**чейки и реки, впадающие в море, находят свое место и все другие формы социалистического соревнования. Оно возникло одновременно с заданиями семилетнего плана на 1959—1965 гг., т. е. совсем недавно. Но уже к открытию XXI съезда партии, утвердившего контрольные цифры этого семи-

летия, это движение охватило в одной лишь Москве около 3 тыс. бригад, участков и смен, соревнующихся за звание коллективов коммунистического труда. А если учесть, что в нашей стране насчитывается свыше 18 млн. комсомольцев, не считая всей прочей молодежи, то легко себе представить дальнейший рост этого молодежного движения.

Очень знаменательно, что застрельщиком этой новой формы соревнования выступили комсомольцы того же депо станции Москва-Сортировочная Казанской железной дороги, в котором в 1919 г. зародился великий почин первых коммунистических субботников. И ныне, сорок лет спустя, нас поражает многосторонность задач новой формы социалистического соревнования. Рабочая молодежь нашей страны меньше всего думает об отдельных рекордах в производстве, все упорнее добиваясь длительных и планомерных успехов *каждого* члена бригады на *каждый* последующий год семилетки. При этом бригады соревнуются между собой не только за общее повышение производительности труда, но и за дружескую взаимопомощь и обмен опытом, за достойное общественное поведение каждого из членов бригады в повседневном рабочем, семейном и домашнем быту. «Мы, члены бригады коммунистического труда,— читаем, например, в предсъездовских обязательствах комплексной бригады строителей Аркадия Петракова,— обязуемся постоянно повышать свою производственную квалификацию. В течение года каждый наш рабочий освоит не менее двух смежных профессий... Все, как один, обещаем вести себя по-коммунистически, решительно бороться с пережитками прошлого: пьянством, хулиганством, сквернословием. Тот, кто нарушит эти заповеди, не достоин высокого звания члена бригады коммунистического труда» [1].

Едва закончился XXI съезд единодушным одобрением семилетнего плана, как в печати появилась перекличка коммунистических бригад о том, чтобы «*семилетний* план выполнить за пять лет». Например, бригады Николая Мамая и Ивана Белоусова обязались увеличить производительность труда каждого горняка на 20%. Вместе с тем каждый член бригады «обязался в совершенстве изучить новую технику и слесарное дело, поднять свой общеобразовательный уровень и до конца семилетки получить среднее образование». Такими встречными планами на вдохновляющие задания семилетки, несомненно, откликнутся миллионы соревнующихся бригад. Но особенно ценен в новом движении тот дух коммунизма, под знаменем которого оно поднимается.

Чтобы не уронить это чистое знамя в грязь обывательской повседневщины, наша молодежь в своей борьбе за коммунизм должна его держать высоко не только в труде, но и во всей своей общественной самодеятельности и в частной жизни. Такие например нормы поведения, как наглое хулиганство, пьянки с их кабацко-свинскими радостями и горьким похмельем, бесстыжее тунеядство бездельников-лодырей, конечно, и доныне не привлекали советский молодежный актив. Но этого мало. Актив не может мириться с этим растлевающим злом. Он должен активно с ним бороться, противопоставляя этой гнилой морали свою бескорыстную комсомольскую дружбу и верность, без страха и без обмана, свои нормы поведения, коммунистическую мораль.

Коммунистов никогда не привлекала к себе худосочная христианская мораль долга с ее монашеской святостью и ханжеским аскетизмом. Они не годятся в святоши, не собираются молиться и поститься. Наши бригады коммунистического труда прежде всего молоды, веселы и жизнерадостны, смелы и чисты душой. Их пленяет поэтому здоровая сила и красота во всех своих проявлениях, кроме вульгарной распущенности, в которой нет и не может быть никакой красоты. Они способны на многое, на подвиги, на героизм. Не способны они лишь изменить своей светлой дружбе

---

[1] «Московский комсомолец», 20 ноября 1958 г.

и радостному труду, своему коммунистическому идеалу. И в этом их высшая мораль и доблесть.

С уважением произношу я имена юных застрельщиков этого движения: Николая Белова, Владимира Станилевича, Виктора Волковского, Александра Лебедева, Бориса Брыкова и других рабочих депо станции Москва-Сортировочная, которые ведут за собой уже целые легионы. И признаюсь, я немного завидую всем вам, таким молодым и счастливым.

Поистине великое счастье досталось вам и миллионам ваших ровесников — достроить коммунизм и начать самим новую жизнь при коммунизме.

1958 г.

«Каждый рабочий имеет свой резерв!»

6. ЗА КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРУД[1]

В перспективе развернутого строительства коммунизма в СССР возникают все новые формы и конкретные задачи соревнования трудящихся в производстве. И даже в общих рамках движения за коммунистический труд с лозунгами работать, учиться и жить по-коммунистически эти многообразные формы и задачи, по-видимому, можно признать неисчерпаемыми.

Особенно они многообразны в области производственной работы, меняясь не только от производства к производству со всеми присущими им особенностями, но и в каждом из них в отдельности в связи с внедрением все новых достижений науки и техники, автоматики и телемеханики, электроники и кибернетики.

Технический прогресс предъявляет производственникам для своего освоения, в каждом частном случае, самые различные требования и задачи. Крайняя пестрота производственных условий и новизна таких задач на каждой ступени развития техники исключает возможность слишком однообразного их решения по одному и тому же шаблону. Поэтому для успешного их решения важнее всего творческое в этом деле участие самого производственного коллектива со всеми присущими ему элементами незаурядной смекалки, изобретательства и рационализации. И самое ценное, что проявляется у нас во всех формах соревнования трудящихся в социалистическом производстве, это как раз та мощь коллективного их творчества, которое находит все новые пути нашего продвижения к коммунизму.

В самом общем виде к этой заветной цели ведет нас указанный еще Марксом принцип экономии времени, к которому, в конечном счете, сводятся все возможные формы разумной экономии наших общественных богатств и человеческого труда. Когда наши рабочие соревнуются за сокращение материальных издержек производства, то, экономя металл, хлопок или уголь, они, в сущности, сберегают свое рабочее время, овеществленное в этих продуктах прошлого труда. А когда они соревнуются за повышение производительности своего труда, то в этом случае сберегается непосредственно само рабочее их время, расходуемое в текущем производстве из расчета на единицу тех или иных благ. В обоих случаях общим результатом всех видов соревнования является экономия времени, за счет которой умножается и наше вещественное богатство, и возможности всестороннего духовного развития, а вместе с тем сокращается и время, отделяющее нас от зовущих к себе вершин коммунизма.

---

[1] «Социалистический труд», 1963, № 6.

Но это не мешает нам по-разному расценивать различные конкретные виды соревнования на разных участках хозяйственного фронта и, сопоставляя их сравнительную эффективность, определять оптимальные для каждого из них место и время, масштаб и очередность и прочие условия их применения. Для пояснения этой мысли рассмотрим только одну из весьма популярных конкретных задач соревнования рабочих в наши дни. Мы имеем в виду обязательства многих рабочих-передовиков: «в каждую смену экономить час для выпуска сверхплановой продукции». Выиграть целый час в каждой смене в качестве личного вклада каждого в общее дело всей страны — нелегкая задача. Но, как показал опыт, с нею справляются не только отдельные рабочие, но и целые их коллективы.

Возникла эта форма соревнования по почину луганских горняков еще в конце 1961 г., и потому ежедневная экономия времени, принятая за норму в этом соревновании, получила наименование «луганского часа». В числе зачинателей этого соревнования был и Н. Я. Мамай с его славной бригадой коммунистического труда. Но затем оно получило широкое распространение в Донбассе и Кривбассе. Тысячи рабочих ежесменно отвоевывают «луганский час» на предприятиях Краматорска, Днепропетровска, Житомира, Одессы. На крупных заводах одного лишь Харькова таких рабочих насчитывается свыше 22 тыс. А общественность всей Украины находит уже, что «пришла пора часу луганскому стать украинским часом». Но ту же форму соревнования под лозунгом «семь — за шесть» начинают применять и всесоюзные строители, и ленинградские машиностроители, и бакинские нефтяники, и рабочие Свердловска и Казахстана, и многие другие отряды рабочих. «Луганский час» далеко выходит уже за рамки какой-либо одной отрасли труда или республики. И на него, на пороге пятого года семилетки, «в соревновании миллионов» возлагаются большие надежды» [1].

«Опыт показал,— пишут горняки «Саксагани»,— что это наиболее гибкая и емкая форма соревнования, приемлемая в большинстве отраслей народного хозяйства. Его задание сэкономить час времени понятно любому рабочему». К тому же, отдавая этот сбереженный им час на перевыполнение общегосударственных планов, каждый рабочий, в условиях сдельно-премиальных форм оплаты труда, и сам не остается в накладе, заметно повышая свой заработок. А вместе с тем «борьба за экономию времени как бы контролирует саму организацию любого дела, уровень технического прогресса, оперативность руководителей производства, гибкость снабженческого аппарата».

Все это верно, конечно. Но наряду с плюсами необходимо трезво учитывать и минусы, присущие каждой конкретной форме массового соревнования производителей.

Одним из них я считаю слишком высокие требования, предъявляемые соревнованием за экономию «луганского часа» ко всем его участникам. Известно, что уже план требует ежегодного повышения производительности труда в среднем до 6%. «Луганский час» экономии сверх этого плана при семичасовой норме рабочего дня составит еще 16,7%, а при шестичасовой норме у горняков и химиков даже до 20% прибавки. Таким образом, включая требования плана, в соревновании за «луганский час» необходимо ежегодно повышать производительность труда минимум на 20—25%, т. е. раза в четыре выше фактически достигаемой нормы. Но много ли даже лучших рабочих сможет выдержать такую марку? Ведь значительное число рабочих недовыполняет ежегодно даже плановой нормы, да и в общем по всей промышленности производительность труда выросла за 1962 г. только в пределах плана на 6%. И, значит, таких героев труда, какие спо-

[1] «Правда Украины», 5 и 28 декабря 1962.

собны ежегодно повышать ее на 20% и выше, пока даже в нашей стране совсем еще немного.

Во всяком случае их еще рано исчислять миллионами. А любое соревнование трудящихся, до тех пор пока оно замыкается лишь в узком кругу избранных рекордсменов и заслуженных героев труда, нельзя еще считать многообещающим. Весомым оно становится только тогда, когда охватывает самые широкие массы рядовых тружеников, хотя бы каждый из них регулярно экономил не час, а только по 20—30 минут сверх плана за каждую смену. При масштабах народного дохода свыше 160 млрд. руб. и такая экономия дала бы от 8 до 12 млрд. руб. в год сверх плана и, стало быть, по меньшей мере в 1,5—2 раза выше нынешних темпов его роста. Однако и такие обязательства едва ли выполнимы без крайнего напряжения в каждом предприятии и в любой отрасли труда. Да и нет, по-видимому, особой необходимости добиваться какой-то всеобщей уравниловки в таких обязательствах от всех и каждого. Гораздо важнее расширить круг соревнующихся до возможно полного охвата всей армии труда.

Пусть каждая бригада коммунистического труда и вообще каждый сознательный рабочий сами определят, какой посильный им трудовой вклад — без особого ущерба для всех других своих обязательств — они готовы, в порядке своего встречного плана и резерва, изо дня в день вносить за свой пай в такое общее дело, как вполне реальное приближение к нам во времени всех ожидаемых достижений коммунизма. Программа КПСС уже определила какие из них будут завершены в плане ближайших 20-ти лет, к 1980 году. Однако 20 лет — немалый срок. Ведь за 20 лет каждому из нас, кто будет еще в строю, предстоит отработать по плану до 5000 смен. Но никто не помешает нам в каждую из этих смен сэкономить и сверх плана каждому, скажем, хоть от 5 минут до часу, в зависимости от возможности, но зато общим скопом всей стомиллионной армии труда. Когда же за счет таких сбереженных минут по встречному плану самих рабочих удвоятся и наши общие темпы приближения к коммунизму, сократятся и все нужные для этого сроки на многие месяцы и годы.

Для учета наилучших достижений в таком соревновании достаточно лишь завести на каждый соревнующийся завод, колхоз, цех или бригаду особый лицевой счет с записью в нем всех сбереженных ими, за отчетный период, часов и минут коммунистического труда. Экономия времени в один час в любом производстве представляет собой вполне соизмеримую и сопоставимую величину. И потому такой час вполне пригоден для подсчета сравнимых успехов каждого коллектива и в общем их соревновании. Но его никому не следует навязывать в качестве обязательства равной для всех нормы достижений в смену или иной срок. Напомним, что наш идеал общественных отношений требует от каждого участия в братском сотрудничестве по способностям. И это закон высшей справедливости, ибо нельзя требовать равной отдачи от заведомо не равных по своему развитию, возрасту и силе людей.

Однако в связи с задачами соревнования за «луганский» или «украинский» час возникают и другие серьезные проблемы.

Прежде всего ясно, что ни один из таких сберегаемых нами в производстве часов быстротекущего времени не достается нам задаром. За каждый из них приходится чем-то расплачиваться: либо ценой больших капитальных вложений в новую технику, либо повышенной интенсивностью индивидуальных усилий каждого из участников соревнования, либо, наконец, совместными домыслами всего их коллектива по выявлению всех локальных возможностей рационализации производства на тех или иных участках труда. А отсюда уже возникает проблема определения сравнительной эффективности каждого из этих путей. Но поскольку самый широкий из них, по линии большой новой техники, обычно уже предрешен и учтен со всеми его эффектами в общегосударственном плане страны, то

в соревновании самих трудящихся за сверхплановые их достижения остаются свободными лишь остальные пути. А из них, несомненно, особенно эффективным становится путь коллективного изобретательства и рационализации производства на местах.

Конечно, и уплотнением времени на путях интенсификации индивидуальных усилий всех и каждого пренебрегать не следует. Но физические силы каждого из вас весьма ограничены и близки к пределу их истощения, а коллективный разум на путях рационализации практически неистощим и лишь обогащается с каждым из своих достижений в практике массового изобретательства производственников.

Доступная нам экономия времени в производстве не только по-разному и с разным успехом достигается, но и по-разному, т. е. с разным эффектом может быть использована. И отсюда возникают новые исследовательские проблемы.

Так, например, в соревновании за «луганский» или «украинский» час всем коллективам дается одна и та же общая директива — использовать этот сбереженный час «для выпуска сверхплановой продукции» на том же предприятии. Представим себе, однако, что эту директиву воспримут и полностью выполнят все шахтеры Украины, а затем и всего Союза, и план по добыче угля будет, нежданно-негаданно, перевыполнен процентов на 20 или около того. Страна получила бы сверх плана до 100 млн. т лишнего угля. Но едва ли обрадовал бы такой выдающийся успех своим сюрпризом кого-либо в союзном Госплане.

Как известно, одной из наиболее выигрышных идей семилетнего плана является идея о таких сдвигах в пропорциях нашего топливного баланса, которые направлены к сокращению и замене в нем доли наиболее дорогих видов топлива наиболее дешевыми. И сюрприз с перевыполнением добычи как раз одного из наиболее трудоемких и дорогих видов топлива привел бы не к сбережению времени, а, наоборот, к громадному его перерасходу в общем балансе времени, необходимого для удовлетворения всей топливной потребности нашей страны. Известно, что на добычу 100 т угля у нас расходуется около 40 смен, или 240 человеко-часов труда, причем уголь обходится нам раза в два дороже мазута и раза в четыре дороже природного газа. В таком случае перевыполнение плана добычи угля на 100 млн. т потребовало бы, даже с учетом всей экономии шахтеров (по часу в смену), не менее 200 млн. час. (40 млн. смен$\times$5 час.$=$200 млн. час.). А потери времени, по сравнению с добычей нефти или природного газа, пришлось бы оценить при этом от 100 до 150 млн. час. Понятно, что такие «сюрпризы» в плановом хозяйстве едва ли терпимы.

Экономия времени всегда целесообразна, но перевыполнение планов, как явствует из приведенного примера, далеко не всегда можно приветствовать. Конечно, когда перевыполняется план заведомо дефицитной продукции за счет каких-либо на ходу выявленных резервов, то это можно рассматривать лишь как вполне приемлемую и заслуживающую одобрения поправку к действующему плану. Но всякое нарушение хорошо продуманных плановых пропорций не приводит к добру. Да и нет никакой нужды в таких нарушениях общего плана в соревнованиях за каждый успешно сбереженный «луганский» или иной час труда. Нужно лишь повысить наш уровень планирования не только в центре, но и на местах, в каждом трудовом коллективе, чтобы в любых обстоятельствах вместе с партией найти наилучший путь использования всех своих резервов времени и труда.

Вот, например, на одном и том же Житомирском заводе автозапасных частей в соревновании за «украинский час» в одних цехах подсчитывают насколько они могут за счет внутренней рационализации повысить выпуск дефицитных в стране запчастей, а в других — идет речь о возможном, за счет достижений «экономии времени» высвобождения самой рабочей

силы. «Недавно еще,— сказал здесь один из бригадиров,— в нашей бригаде было 8 человек, сейчас 6, а объем работ выполняем тот же. Теперь мы ставим вопрос так: если на участке будут внедрены штампы, вшестером будем выполнять семичасовое задание за шесть часов» [1]. Стало быть, за счет сбереженного рабочего времени возможно не только давать в том же предприятии дополнительный выпуск дефицитной продукции, но и освобождать излишки рабочей силы для работы на других участках трудового фронта или использовать ее для дальнейшего сокращения рабочего дня и увеличения свободного времени всех трудящихся на путях к коммунизму.

Мы знаем, что ежегодно нам требуются новые крупные пополнения рабочей силы для растущих новых отраслей производства и культурного строительства. Известно и то, что за счет естественного притока рабочей молодежи, родившейся в годы войны, эту потребность мудрено было бы покрыть. Тем важнее для нас та экономия в рабочей силе действующих предприятий, какую возможно будет использовать для этой цели в ближайшие годы. А в дальнейшем, по генеральному плану нашей Программы, уже предрешено и дальнейшее сокращение рабочего дня в СССР до 5—6 час. И для него тоже пригодятся все резервы экономии времени в производстве, какие легче всего вскрываются в социалистическом соревновании за счет инициативы и самодеятельности самих трудящихся масс. Не нужно лишь сковывать их инициативу и ограничивать самодеятельность этих масс какими-либо заранее для всех заданными формами соревнования или иными по одной мерке для всех заготовленными штампами и лимитами.

Соревнование за сберегаемые часы труда и умножаемый выпуск продукта решает лишь количественные задачи нашего времени. Но для приближения к коммунизму не менее ценны и те формы соревнования, какие необходимы для повышения качества нашего труда и самих трудящихся. А для этого прежде всего требуется всякого рода учеба и освоение смежных профессий, и взаимный обмен коллективным опытом, и школьное обучение с отрывом или без отрыва от производства. Успехи соревнования на этом поприще тоже требуют времени. Только черпать его приходится уже за рамками рабочего дня, из весьма скудных еще резервов «свободного времени», из часов и минут отдыха и за счет рационализации домашнего быта трудящихся. А его тоже пора уже начать серьезно перестраивать всем тем, кто не в шутку обязался не только работать, но и жить по-коммунистически. Говоря иначе, область для развития самодеятельности трудящихся и за пределами «луганского часа» достаточно широка. И об этом всем не мешает твердо помнить.

Чем шире и многообразнее будет развиваться эта самодеятельность в области форм и задач соревнования за самый эффективный коммунистический труд, тем успешнее этот творческий всенародный труд своими яркими маяками и гибкими маневрами будет освещать и оплодотворять лучшие замыслы общегосударственного планирования.

Всенародное творчество не следует повсеместно стричь под одну гребенку. Оно не укладывается в прокрустово ложе. Ему требуется неограниченный простор.

---

[1] «Правда Украины», 4 января 1963 г.

III. ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ И ВСЕОБЩЕГО РАЗОРУЖЕНИЯ [1]

1. ВОЙНА И ЭКОНОМИКА

Времена, когда кровопролитные войны возгорались из-за прекрасных глаз распрекрасной троянской Елены или по династическим соображениям из-за какого-либо испанского наследства, давно уже и безвозвратно канули в Лету. Правда, и в XX в. иные войны начинались формально по самым авантюристическим мотивам или даже без всякого видимого повода, но экономическая подоплека их и в этих случаях расшифровывается без особых усилий. Война как ultima ratio, т. е. последний аргумент и метод разрешения силою оружия неразрешимых иначе дипломатических споров и международных противоречий; является в современных условиях лишь естественным продолжением мирной политики держав иными средствами, а политика их полностью определяется как концентрированный сгусток их экономических интересов и потенций.

В современном обществе война радикальнейшим образом воздействует на мирную экономику, приспособляя ее к своим специальным задачам и резко нарушая все ранее налаженные мировые хозяйственные связи, все довоенные производственные пропорции. Но и экономика на современном этапе развития мирового хозяйства в свою очередь оказывает самое решающее воздействие на войну, поскольку не только возникновение их и течение, но и конечный исход в последнем счете полностью обусловлены экономикой воюющих стран и народов. Это взаимодействие войн и экономики не всегда было столь же глубоким и осязательным. Само являясь продуктом исторического развития, оно, несомненно, возрастало и укреплялось с каждым новым этапом истории. В связи с этим воздействие войн на экономику и, обратно — экономика на войну — всего поучительней было бы изучать в сравнительном историческом обзоре войн разных эпох и народов. Это, пожалуй, слишком далеко увело бы нас от современности. А потому ограничимся лишь самыми краткими на эту тему замечаниями.

В древнейшем обществе с примитивной техникой и экономикой кочевников-номадов войну вел весь вооруженный народ, передвигаясь со всеми своими стадами в военных походах примерно в тех же условиях, как и в мирных перекочевках с места на место. Война не вызывала здесь никакой существенной перестройки экономики, ибо такой народ всегда был в полной готовности к войне. Но с развитием классовых противоречий внутри общества всеобщее вооружение надолго отошло в область преданий. Не в интересах господствующей верхушки было вооружать против себя своих классовых врагов в лице угнетаемых ею народных масс. Особенно опасно это было во времена, когда этот классовый гнет осуществлялся в наиболее обнаженных и грубых формах рабства и крепостничества. Оружие в руках рабов и крепостных легче всего обращается против собственных их господ и угнетателей. Вспомним восстание вооруженных рабов-гладиаторов под водительством Спартака в древнем Риме и кровопролитные крестьянские войны средневековья. И потому в античной древ-

[1] Публикуется впервые.

ности в феодальную эпоху военное дело стало наследственной специальностью особых кастовых или сословно-классовых прослоек господствующей верхушки, в то время как рабы или крепостные, занимаясь своим повседневным мирным трудом, содержали своих господ. Военная техника становилась все сложнее и дороже. Но до тех пор пока военные ополчения рекрутировались, главным образом, из узких привилегированных кругов дворянства или так называемого рыцарства и были весьма малочисленными, мобилизация их не требовала особого напряжения экономики.

Годное только для войны средневековое дворянство всегда было к ней готово, ибо и в мирное время по привычке пробавлялось грабежом и разбоем. Недаром те же агрессивно-разбойничьи повадки сохранились и доныне по наследству у таких эпигонов средневековья, как прусские юнкеры и японские самураи. Феодалы долго чувствовали себя очень уютно в своих рыцарских доспехах за каменными стенами своих замков. Но изобретение в XIV в. пороха и пушек обеспечило нарождавшейся городской буржуазии новую технику войны, перед которой должны были отступать и стальные панцыри, и рыцарские замки, и феодальные порядки [1].

Победа буржуазии, давшая огромный толчок росту производительных сил и в частности военной техники, создала новую эру войн. Армии и военные флоты растут, как на дрожжах, и все чаще перевооружаются. От наемных войск и ополчений все страны переходят к всеобщей воинской повинности и постоянным армиям. Начинается гонка военных бюджетов и вооружений. И тут уже полная зависимость достигаемого уровня военной техники — этого важнейшего условия победы — от общего уровня экономического развития различных стран становится совершенно осязательной. «Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот»,— писал Энгельс в «Анти-Дюринге» еще в 70-х годах прошлого века. «Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют способ ведения боя к новому оружию и к новым бойцам»,— заключал Энгельс [2]. Правда, и это совсем уже немало, если такие полководцы из заданного им историей готового материала куют все же победу, а не превращают его в негодный брак поражений — добавим мы от себя.

Со времени франко-прусской войны, как отметил уже Энгельс, наступил новый период в военном деле, период небывалого еще расцвета милитаризма в Европе, бешеной гонки вооружений и затяжных войн мирового масштаба. Затяжные войны на истощение бывали и раньше. История знает и семилетнюю, и тридцатилетнюю и даже столетнюю войны еще в эпоху феодализма, поскольку эти войны велись весьма ограниченными ресурсами и допускали поэтому очень длительное их напряжение. Но наряду с ними до наших дней возможны были и такие молниеносные войны, как некоторые из войн Карла XII и Наполеона I, в которых решала победу не столько более мощная экономика, сколько более совершенная военно-техническая подготовка и стратегия. Последней из молниеносных войн, решенной в единоборстве двух крупных наций без вмешательства всех остальных была как раз франко-прусская война 1870 г., вдохновившая недавно и Гитлера на его военные авантюры. Вообразив себя, если не Наполеоном, то

---

[1] «Чтобы иметь порох и огнестрельное оружие,— поясняет эту мысль Энгельс,— нужны были промышленность и деньги, а тем и другим владели горожане. Огнестрельное оружие было поэтому с самого начала направленным против феодального дворянства оружием городов и возвышающейся монархии, которая опиралась на города». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 171).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 171.

по меньшей мере Бисмарком, этот бравый ефрейтор решил в расширенном масштабе воспроизвести опыт 1870 г. Но времена уже были не те.

С тех пор мировая экономика вступила в новую, империалистическую фазу своего развития. Если до 1870 г. хозяйственные связи отдельных капиталистических стран были еще так слабы, что экономика любой из них мыслилась как строго обособленное «национальное» хозяйство, то в эпоху империализма, с новым еще небывалым подъемом производительных сил, эти связи так тесно сплели все капиталистические страны в единое мировое хозяйство, что уже нельзя напасть на одну из них без того, чтобы не задеть самых жизненных интересов других стран и тем самым, поколебав весьма неустойчивое международное равновесие ряда держав, не вовлечь их одну за другой в войну мировых масштабов. А такие войны не допускали молниеносного разрешения наскоком в несколько месяцев. И не будучи Бисмарком, Гитлер мог бы остеречься роковой для фашизма ошибки в своих расчетах на молниеносную победу, если бы он способен был глубже понять, что представляет собой империализм. Но, поставив фашизм на службу финансировавшей его верхушки германского империализма, этот невежда, ослепленный ненавистью к коммунистам, не знал никаких преград своим преступлениям и уже поэтому не мог избежать своей участи. Напомним, что опьяненный своими легкими победами на Западе в 1939 г., Гитлер предательски вторгся в СССР без объявления войны только в июне 1941 г. И все же, по данным секретной сводки потерь германской армии убитыми, найденной в одном из немецких архивов, 83% этих потерь за всю войну до 30 ноября 1944 г. пришлись как раз на потери «в России» [1]. Здесь он и нашел свой предел.

Говоря о последнем периоде военного дела, после 1870 г., Энгельс полагал, что уже к началу его оружие было «так усовершенствовано, что новый прогресс, который имел бы значение какого-либо переворота, больше невозможен. Когда есть пушки, из которых можно попадать в батальон, насколько глаз различает его, когда есть ружья, из которых с таким же успехом в пределах видимости можно целить и попадать в отдельного человека, причем на заряжание требуется меньше времени, чем на прицеливание,— то все дальнейшие усовершенствования для полевой войны более или менее безразличны. Таким образом, в этом направлении эра развития в существенных чертах закончена» [2]. В такой трактовке милитаризма новейшего периода подчеркивались, однако, лишь его небывалый количественный рост и мировые масштабы, а вместе с тем все возрастающая его финансовая тяжесть, угрожающая даже большим континентальным державам раздавить и их, по словам Энгельса, в самом непродолжительном времени. Не следует, однако, недооценивать и огромного качественного роста новой ракетной и термоядерной военной техники, прогрессировавшей с тех пор тоже небывалыми темпами и совершенно изменившей характер современных войн.

Если в семидесятых годах прошлого года образцом совершенства казались даже тогдашние полевые орудия с их неуклюжими клиновыми затворами и тяжелые однозарядные винтовки типа нашей 12-фунтовой берданки, то что же можно сказать о современных поршневых скорострельных пушках или о магазинных винтовках и самозарядных автоматах, дающих до 25 выстрелов из одной обоймы? Полевые орудия 1870 г. давали всего один выстрел в минуту, нынешние зенитки дают их до 120. В то же время дальность их действия возросла с 3—4 до 14—15 км, т. е. в 4—5 раз. Мы не говорим уже о более тяжелых и сверхдальнобойных орудиях с радиусом боя до 120 км и о ракетных снарядах с дальностью действия в тысячи ки-

---

[1] Б. Ц. Урланис. Войны и народонаселение Европы. М., Соцэкгиз, 1960, стр. 210.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 174.

лометров. О прежней прицельности такого огня не может быть и речи. Он заведомо призван поражать вслепую уже не столько военные цели, сколько мирные города, разрушая в них фабрики, заводы и жилища рабочих и истребляя их жен и детей. А сколько со времен франко-прусской войны нашло себе применение в нынешних мировых войнах помимо пушек и ружей совершенно новых видов еще более разрушительного и смертоносного оружия?

Пулеметы, минометы, огнеметы и отравляющие газы, атомные подводные лодки с самодвижущимися торпедами, танки всех родов — стальные пантеры и тигры, танки-амфибии и прочие моторизованные самоходные орудия и вездеходы, самолеты-истребители, штурмовики и бомбардировщики всех масштабов до «летающих крепостей» включительно, сверхзвуковые перехватчики и, наконец, ракетное оружие с атомной и термоядерной начинкой — вся эта смертоносная техника эпохи империализма, оснащенная всеми достижениями радиотехники, автоматики и телемеханики, отличается от военной техники прошлых эпох не менее, чем фабрика XX в. от мануфактуры XVIII столетия.

Военное дело за последние десятилетия пережило целый промышленный переворот. И нынешние войны это уже крупное, целиком механизированное и даже сильно автоматизированное производство смерти и разрушений. Уже к началу первой мировой войны энерговооруженность каждого бойца на этой фабрике смерти достигала 0,3 квт, а к началу второй мировой войны она еще возросла раза в 32, до 9,6 квт на бойца, что, кстати сказать, было уже раза в три выше средней энерговооруженности наших рабочих в крупной промышленности.

Вместе с тем за ту же четверть века, между двумя мировыми войнами, дальность действия артиллерии возросла в 2—3 раза, танков в 3—4 раза, а военной авиации даже в 10—15 раз.

С ростом средств нападения прогресс военной техники обеспечивает, однако, и соответствующий ему рост средств защиты. Каждому успеху в одной из этих областей — нападения или защиты — необходимо в интересах самосохранения соревнующихся стран и народов противопоставить в самом срочном порядке, чего бы это ни стоило, и уравновешивающий его успех в другой. Отсюда — гонка вооружений и повышенные темпы прогресса в военной технике нашего времени. Но отсюда вытекает и еще одно совсем неожиданное следствие. В расширенном воспроизводстве смерти и разрушений, в отличие от всех других производств, отмечается одна характернейшая его особенность. В то время, как в любом ином производстве прогресс техники неизменно повышает эффективность орудий и средств труда и удешевляет продукцию, в военном деле прогресс в производстве средств нападения парализуется прогрессом средств защиты. Все возрастающая бронебойность снарядов погашается, скажем, все возрастающей стойкостью брони, и положительный эффект от соответствующих улучшений все больше отстает от связанных с ними затрат. Говоря иначе, в каждой новой войне, несмотря на прогресс военной техники, на одну и ту же единицу эффекта, например, из расчета на одного выведенного из строя вражеского бойца, требуется расходовать все большие массы боеприпасов, металла, труда и денег.

Затраты человеческого труда в связи с войной не ограничиваются, конечно, затратами все возрастающих армий на фронте, ибо благодаря необходимости оснащать эти армии все более высокой и дорогой военной техникой, их обслуживает все большее число рабочих в тылу. По некоторым расчетам немецких специалистов, на каждого бойца на фронте требуется не менее трех рабочих, обслуживающих войну в тылу[1]. Фронт

---

[1] С. Вишнев. Экономические ресурсы Германии. М., Соцэкгиз, 1940, стр. 46.

и тыл в современных условиях представляет собой очень сложное, но совершенно связное, единое и неразрывное целое. Его можно уподобить грандиозному комбинату с большим числом основных цехов всех родов оружия на фронте и еще большим числом подсобных производств в тылу. Кстати сказать, механизированное производство смерти требует теперь и на фронте все больше мотористов, борт-механиков и машинистов всякого рода, танкистов, летчиков, штурманов, техников и инженеров, уподобляясь и в этом отношении индустриальному тылу. Лишь строжайшая слаженность, координация и кооперация усилий всех цехов этого комбината в тылу и на фронте может обеспечить желанную победу.

Но именно поэтому враг, пользуясь ресурсами боевой авиации дальнего действия и подводного флота, наносит свои удары по наименее защищенным участкам тыла и коммуникациям с тылами даже с большей охотой, чем на фронте. В густую чашу мирных домов, магазинов, лазаретов и школ в крупных центрах тыла при этом гораздо легче попасть фугасной или зажигательной бомбой, чем в редкие объекты военного значения. Торговые суда тоже много легче топить торпедами подводного флота, чем боевые корабли. И вот внутренняя логика беспощадной борьбы на современном этапе войн приводит к тому, что крупное машинное производство смерти и разрушений щедро сеет их не только на фронте, но и в тылу, поражая наряду с военным и мирное население и разрушая без разбора все его ценности. Таким образом, в нынешних войнах соревнуются кровью, огнем и железом уже не армии только, а народы со всей их техникой и экономикой. И это еще одна особенность современного нам этапа. Мы не вернулись при этом к старой идее всеобщего вооружения народа. И не сможем вернуться к ней при современной военной технике, повелительно требующей на каждого бойца с оружием в руках нескольких работников мирного труда у станков. Но, с оружием ли в руках или у станков, ныне уже весь народ вынужден вести войну со всем напряжением своих душевных сил и материальных ресурсов, или его сотрут с лица земли.

Указанное расширение сферы действия средств нападения и защиты далеко за линию фронта уже само по себе чрезвычайно расширяет масштабы военных расходов и разрушений в современных войнах. Но к этому надо прибавить еще финансовое отражение того соревнования средств нападения и защиты, взаимно парализующих друг друга, несмотря на все возрастающую их дороговизну, о которой сказано было выше [1]. Эта замечательная закономерность нарушалась в известной мере лишь в отдельные моменты неравномерного развития этих средств, когда, например, средства защиты обгоняли по своей мощи средства нападения, как это было в первую мировую войну с ее долговременной стабилизацией фронтов, или когда средства нападения временно обгоняли средства защиты, как это наблюдалось во второй войне с ее сверхманевренным развитием. В такие моменты дополнительные затраты на усиление тех или других средств сопровождаются все же известным эффектом. Когда же достигается достаточное равновесие в темпах технического прогресса тех и других, то финансирование его, требуя все большего напряжения экономических ресурсов, вообще не создает никакого осязаемого эффекта. В каких темпах при этом возрастали военные расходы великих держав, можно увидеть из следующих итогов стоимости последних войн дореволюционной России и СССР (табл. 1).

Даже с учетом падения покупательной силы денег за указанный период рост получается поразительный. В особенности велик скачок на последнем этапе с переходом от национальных войн к мировым.

---

[1] Отметим лишь, что число убитых и раненых за вторую мировую войну, по сравнению с первой, возросло с 30 до 67 млн. душ, а денежный расход и военные потери на каждого из них, по моим расчетам, повысились с 8750 до 52 000 долл.

Таблица 1

Темпы роста военных расходов России и СССР (в млн. руб.) *

Война и год	Военные расходы России и СССР			
	по номиналу	по индексу	в %	индекс 1913=100
Крымская—1853—1856	538	1121	100	48
Турецкая—1877—1878	1075	1453	130	74
Японская—1904—1905	2295	2800	250	82
1 мировая—1914—1918	51131	20452	1824	250
2 мировая—1941—1945	582384	(145516)	(12988)	(400)

* «Россия в мировой войне 1914—1918 годов». М., 1925, стр. 5, 46—94 и 97. Перевод по индексу дороговизны жизни в золотые рубли 1913 г. сделан мною.

Как известно, население России возросло с 1904 по 1914 г. всего на 24%, доходные ресурсы государственного бюджета выросли номинально на 78%, а реально, по индексу, едва на 46%, затраты же на войну 1914—1917 гг. возросли по сравнению с русско-японской реально в 7,3 раза, т. е. на 630%. Не менее крупный скачок военных расходов получается и при сопоставлении второй мировой войны с первой. Расходы на нее США уже к середине 1945 г. превзошли за пять лет 250 млрд. долл. [1], что по оценке на золото составит не менее 148 млрд. золотых долл. 1913 г., в то время как за прошлую войну они составили всего 27,1 млрд. долл. Расходы СССР на истекшую войну только по госбюджету достигли около 582 млрд. руб., несмотря на то, что для нужд фронта все поставки учитываются по самым низким отпускным и заготовительным ценам. Таким образом, эти военные расходы уже раз в семь превышают реальный итог 1914—1917 гг. А между тем в этих расходах вовсе еще не учтен весь военный ущерб от разрушений в области мировой экономики СССР, исчисляемый в 679 млрд. руб. по ценам 1940 г. [2]

Уже из сказанного видно, в какой все возрастающей мере современные войны воздействуют на экономику, испытывая и на себе через посредство военной техники ее решающее воздействие. Этого, однако, мало сказать. На время войны и вся экономика становится военной, приобретая новые организационные формы и качества. Военную экономику можно определить как вздернутую внезапно военной рукой на дыбы мирную экономику, вынужденную так резко перестроить на ходу все свои прежние производственные установки и планы применительно к новым задачам, что все ранее налаженные довоенные пропорции становятся для нее уже угрожающими диспропорциями, требующими самой срочной ликвидации в труднейшей обстановке войны. Понятие «военной экономики» при этом значительно шире понятия «экономики воюющих стран», ибо и все так называемые нейтральные страны неизбежно вовлекаются в орбиту военных взаимоотношений и военной торговой конъюнктуры, подвергаются всем бедствиям военной блокады, прельщаются военными сверхприбылями и, волей-неволей, перестраивают свою экономику применительно к требованиям военного времени. Нельзя также понятие «военной экономики»

[1] За 5 лет 251,3 млрд. долл. («Statistical Abstract of the United States», 1957, p. 238).

[2] Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Госполитиздат, 1947, стр. 162.

Общий итог всех затрат и потерь за первую мировую войну для всех ее участников оценивается в 260 млрд. долл., а за вторую мировую войну только для капиталистических держав в 3300 млрд. долл. (Л. М. Громов, В. И. Стригачев. Проблема разоружения — главный вопрос современности. М., Соцэкгиз, 1963, стр. 8—10).

отождествить с понятием экономики военного времени, потому что назревающая агрессия еще задолго до открытия военных действий деформирует свою экономику на военный лад, да и после капитуляции врага мирная экономика не сразу вступает в свои права.

Военная экономика имеет свои особые задачи, особые методы их разрешения и свои особые закономерности развития. В ее сферу входят вся область взаимодействий и взаимного приспособления между войной и мобилизованной на ее потребу экономикой страны. Связанная с войной перестройка мирной экономики на военную и обратно после завершения войны представляет собой довольно тяжелый и болезненный процесс, требующий пристальнейшего внимания и изучения. Эта перестройка всегда вызывает весьма своеобразный хозяйственный кризис дезорганизации и хищнического расточения производительных сил воюющих стран с резким недопроизводством на одних участках производственного фронта и относительным избытком неиспользуемых мощностей на других. И это как раз в тот момент, когда требуется максимальное напряжение и планомернейшее использование всех ресурсов.

Правда, как и во всяком ином кризисе, наряду или вслед за напрасным разрушением наличных производительных сил и здесь создаются новые, еще более совершенные и производительные. И кто скорее, преодолев такой временный кризис дезорганизации, добьется лучших в этом отношении результатов, тот получит и лучшие шансы в дальнейшей борьбе.

Вот почему изучение военной экономики, обнимающей, к сожалению, еще ряд далеко не решенных проблем, представляет собой не только теоретический интерес, но и актуальнейший прикладной, ибо с тем или иным их решением связаны исторические судьбы народов.

К числу таких актуальных проблем относится прежде всего общая проблема воспроизводства в условиях войны и ряд более специальных: проблема своевременной экономической подготовки войны, затем проблемы планомерной мобилизации в начале и демобилизации в конце войны производительных ресурсов страны и, наконец, проблема восстановления военных разрушений, а также теснейшим образом связанная с ней проблема возмещения причиненного войной ущерба.

2. ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

В схемах воспроизводства Маркса рассматривается воспроизводство товарно-капиталистических отношений в нормальных условиях мирной обстановки. Капиталистическое производство, как известно, ставит своей целью не потребление производителей, а извлечение и реализацию в свою пользу классом предпринимателей создаваемой в процессе производства их наемными рабочими прибавочной стоимости. В условиях, когда эта прибавочная стоимость вовсе не создавалась бы или не могла бы по условиям рынка быть реализованной, терялся бы для предпринимателей всякий смысл и самого существования их капиталов и буржуазно-капиталистических взаимоотношений.

Именно поэтому Маркс, анализируя условия воспроизводства капитала и капиталистических отношений, предусматривал в своих схемах только два случая — простого и расширенного воспроизводства капитала. Схема суженного воспроизводства капитала, не обеспечивающего даже того минимума прибавочной стоимости, какой потребляется в качестве средств существования буржуазии, и предполагающего, стало быть, прямое проедание основных ее капиталов, не рассматривалась Марксом уже потому, что она в корне противоречит самим основам капитализма.

Правда, в обстановке войны условия воспроизводства существенно меняются. И неоднократно уже высказывалось мнение, по которому военную

экономику, в отличие от мирной, как раз и следует рассматривать как «суженное» воспроизводство (Л. Н. Крицман) или «отрицательно-расширенное» (по заумной терминологии Бухарина), угрожающее уже само по себе в кратчайший срок (4—5 лет) страшнейшим кризисом недопроизводства и даже полной остановкой процесса воспроизводства с «крушением» всей военно-капиталистической экономики.

Так ли это, однако?

Современные мировые войны доныне не решались одним молниеносным ударом. Это были по самой своей природе затяжные войны на истощение. Но буржуазия финансирует лишь прибыльные для себя антрепризы. Почему же она так охотно идет на военные авантюры, если они действительно не сулят ей ничего, кроме утраты прибылей и даже основных капиталов в процессе автоматического развала и скоропостижного крушения всей капиталистической экономики?

«Теория» суженного воспроизводства отнюдь этой самоубийственной склонности буржуазии к войнам не объясняет. Не подтверждает ее и фактический опыт военной истории. Правда, в побежденной Германии в первую мировую войну действительно наблюдалось последовательное за все годы войны сужение промышленной продукции. Но зато победившие США, наоборот, ежегодно повышали свою продукцию за все годы войны. В России же за те же годы наблюдалось сначала повышение с максимумом в 1915 г., а затем снижение индустриальной продукции [1]. В Германии за 4 года войны продукция упала на 43%, но уже в России до революции она не спускалась ниже 101%, а в США она поднималась до 133—134% предвоенной нормы, причем вместо «проедания» капиталов за время войны там имело место даже возрастание народного богатства на целых 40%. Все это никак не укладывается в абстрактную схему суженного воспроизводства.

И мало того. Даже в наиболее пострадавшей от войны Германии, несмотря на общее снижение продукции, народного дохода и народного богатства страны, крупнейшие представители капитала вроде господ Круппов, Тиссенов и К° отнюдь не проедали своих основных фондов, а совсем наоборот, загребая баснословные военные сверхприбыли, строили новые цехи и заводы, все более обогащаясь за счет войны. И в общем до апреля 1918 г. только «декларированная» военная прибыль в Германии составила не менее 10 млрд. золотых марок. Вся же тяжесть этой войны, а затем и послевоенных репараций, как водится, была с успехом переложена рычагами инфляции и налогового пресса на плечи всяких аутсайдеров, мелкой буржуазии, а в последнем счете, конечно, на плечи трудящихся масс.

В пользу теории суженного воспроизводства в условиях военной экономики может служить очень сильный аргумент: война отвлекает от производственного использования и безвозвратно поглощает повседневно на свою потребу огромную долю наличных в стране трудовых и материальных ресурсов, что и должно в конце концов привести их к крайнему истощению. Однако это еще слишком абстрактный тезис. В конкретном же анализе приходится учитывать и реальное соотношение сил борющихся коалиций, и огромные потенциальные резервы производительных сил, бесплодно дремлющие в недрах передовых капиталистических стран, и периодически потрясающие их кризисы перепроизводства, и столь часто практикуемое в них прямое уничтожение товарных «излишков» ради повышения

---

[1] В России индекс промышленной продукции за 1913—1917 гг. до выхода ее из мировой войны составлял, принимая 1913 г. за 100, в 1914 г.— 93, в 1915 г.— 106, в 1916 г.— 101 и в 1917 г.— 70; в Германии за 1913—1918 гг. он падал в следующей пропорции: 100; 83; 67; 64; 62 и 57; а в США, позже вступивших в войну, он возрастал в 1914—1918 гг. в обрабатывающей индустрии в пропорции: 100; 112; 133; 134; 133.

рыночной конъюнктуры, и многие другие трагедии преступного расточительства буржуазии. И тогда все становится много понятней. Конечно, слабейшему врагу война грозит истощением. Но зато для сильнейшего она открывает новые возможности использования всех резервов и дальнейшего подъема путем расширенного воспроизводства. Вместе с тем война, помимо тех перспектив, которые она сулит победителям, уже сама по себе представляет необъятное поприще спекуляций и широчайший рынок сбыта, одинаково заманчивый для буржуазии/всех борющихся стран, независимо от грядущей победы или поражения. Имея в виду именно эту многообещающую для буржуазии военную конъюнктуру, В. И. Ленин писал еще в 1915 г.:

— «Война — «ужасная» вещь? Да. Но она ужасно *прибыльная* вещь» [1]. И не мудрено поэтому, что война, этот «прямой и неизбежный продукт капитализма», по определению Ленина [2], является часто столь желанной для буржуазии. Нет никакого сомнения, что, скажем, американская буржуазия не обманулась в своих надеждах, включившись в перипетии и первой и второй мировых войн. Чистые доходы акционерных обществ в США, как известно, возросли уже за годы первой мировой войны втрое. Извлекла американская буржуазия для себя, конечно, немало выгод и за счет второй мировой войны. Использовав полностью резервную армию своих безработных и резервы неиспользованной мощности своих предприятий, США, несмотря на участие в войне, снова с каждым годом расширяли свою продукцию и обогащали свою буржуазию [3].

Конечно, война нарушает «мирное» течение капиталистической экономики, но сама по себе она отнюдь еще не угрожает ее существованию. По мысли Ленина, «война — величайший кризис» [4]. Однако военный кризис капитализма, как и всякий другой,— «при возможности *временной* задержки и регресса» — означает также ускорение развития, обострение и обнаруживание противоречий, крах всего гнилого и т. д. И, стало быть, анализируя его, мы сможем открыть в нем и эти «полезные», по оценке Ленина, «черты *всякого* кризиса» [5]. К сожалению, у Ленина эта мимоходом брошенная глубокая мысль о войнах нашего времени как о «величайших» кризисах капиталистической экономики, не получила достаточного развития. А между тем она невольно останавливает на себе внимание экономиста.

Капиталистическую экономику давно уже потрясают мировые промышленные кризисы. Эти кризисы общего перепроизводства на фоне нищеты все возрастающей армии трудящихся масс являют собой ярчайший образчик противоречий капитализма. Создавая все новые средства общественного производства в узких рамках частного их присвоения, современный капитализм все чаще упирается в границы целесообразного использования созданных им производительных сил и все шире расточает их в периодических «мирных» кризисах или военных катаклизмах мирового масштаба.

Посильно расширяя одной рукой в целях извлечения прибылей массовое производство товаров, буржуазия другой рукой в тех же целях всемерно сжимает фонд зарплаты своих рабочих, т. е. основной покупательный фонд, необходимый для реализации вновь создаваемых продуктов широкого потребления. Когда же в результате расширенного воспроизводства создаваемых им противоречий капитализм начинает задыхаться от недостатка

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 377.

[2] Там же, стр. 378.

[3] За вторую мировую войну прибыли корпораций США составляли в 1935 г. 3,1 млрд. долл., в 1940 г.— 9,3 и в 1943 г.— 24,6 млрд., с увеличением за 8 лет более чем в 7 раз! («Statistical Abstract of the United States», 1957, p. 299).

[4] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 372.

[5] Там же, стр. 372.

рынков сбыта, с естественной неотвратимостью возникают либо судорожные спазмы очередного «мирного» кризиса с резким зажимом производства, безработицей и всеми прочими его прелестями, либо, в предупреждение кризиса, организуется очередной взрыв военной агрессии в погоне за чужими землями и рынками.

Таким образом, мировые войны, так же как и мировые промышленные кризисы, вытекают из одного источника. Это, воистину, «прямой и неизбежный продукт капитализма». Последнюю мировую войну можно и должно рассматривать как величайшее хозяйственное потрясение, подобное мировым кризисам, только гораздо более острое и глубокое. Войны влекут за собой, конечно, еще большие, чем рядовые кризисы, разрушения и перегруппировки в организации и распределении мировых производительных сил. Однако основной эффект этих процессов — уничтожение и экспроприация производительных сил у слабейших их держателей, наряду с обновлением их и концентрацией у сильнейших,— один и тот же для всех кризисов. Слабейшие в результате потрясений кризиса уступают свои места сильнейшим для нового еще более острого соревнования и конкуренции на новом еще более высоком уровне развития империализма. Но, если прежние заурядные кризисы выбивали из седла лишь отдельные слои слабейших предпринимателей-аутсайдеров и более слабые из их объединений, то в современных военных «кризисах» вышибаются из общего соревнования за передел мировых рынков уже целые коалиции капиталистических держав и целые формации возглавляющей их захватнической буржуазии.

Однако война в процессе воспроизводства существенно отличается все же от обычного кризиса. Кризис всегда выражается общим спазматическим сужением производства из-за отсутствия рентабельных рынков сбыта. В случае же войны подобное сужение отнюдь еще не обязательно, ибо война сама становится таким весьма рентабельным и широким рынком для массового производства военной продукции. Потрясение экономики, создаваемое войной, сложнее и глубже. Создавая внезапно большой спрос в одних областях труда, наименее обеспеченных производством, при наличии «перепроизводства» в ряде других, наименее обеспеченных платежеспособным спросом, война заставляет радикально ломать и перестраивать на ходу все производственные пропорции, сужая продукцию на одних участках, чтобы тем сильнее расширить ее на других.

В первый момент войны эта перестройка осложняется целым рядом привходящих обстоятельств. Разрыв международных торговых сношений, блокада морских путей сообщения, бомбардировка внутренних железнодорожных узлов, прекращение кредита нарушают все ранее налаженные коммуникации и связи и заставляют искать и налаживать на смену им новые.

Предприятия, работавшие на заграничный рынок или базировавшие свое производство на импортном сырье, сразу выбывают из строя. Для замены мобилизованной мужской рабочей силы новыми женскими и детскими кадрами и для обучения их или переобучения в связи с перестройкой производственного процесса тоже требуется немало времени и усилий. Наконец, сама эта перестройка для перехода на новые виды военной продукции не может проходить слишком быстро и вполне безболезненно. Вот почему и военная экономика в известные моменты испытывает серьезные спазмы сжатия. Но при наличии разных и даже противоположных тенденций развития военных и «мирных» отраслей производства в условиях войны эти моменты не определяют еще общих результатов воспроизводства. За весь период военных действий они могут оказаться весьма различными не только для разных подразделений производства и соответствующих группировок буржуазии, но и в целом для разных воюющих стран и народов. Для анализа их поэтому требуется дифференцированный подход.

Маркс в своих схемах воспроизводства, отвлекаясь от многих реальных условий, довольствуется лишь двумя его основными подразделениями: I — производством средств производства и II — производством средств существования. Но в условиях войны решающую роль приобретает III подразделение, которое по аналогии с первыми двумя можно бы назвать производством средств истребления [1]. Соответствующую этому назначению военную продукцию мы производим и в условиях мира, но в очень скромных масштабах, которыми позволительно пренебречь. Но когда работой на оборону занято уже 75% всех индустриальных рабочих страны, как это было, например, в 1916 г. в царской России [2], то абстрагироваться от такого факта в схемах воспроизводства военной экономики едва ли позволительно.

Схемы воспроизводства, как и всякие иные схемы, не могут заменить собою конкретного экономического анализа. Но, отвлекаясь от частностей, они облегчают уяснение общего, позволяя путем таких обобщений выявлять те или иные закономерности. Как известно, схемы Маркса уясняют нам условия расширенного воспроизводства постоянного (c) и переменного (v) капитала в рамках мирной экономики капиталистических стран. И прежде всего они определяют соответствующие этой цели производственные пропорции и соотношения элементов продукции ($c + v + m$), необходимые для полной ее реализации в процессе взаимного товарообмена основных производственных подразделений и отрядов буржуазии. Наша задача — посмотреть, как изменяются эти условия в рамках военной экономики. Верно ли утверждение, что война неизбежно превращает расширенное воспроизводство в суженное? А если нет, то какое именно воздействие она оказывает на этот процесс в разных странах и в различных подразделениях общественного производства? И в каких отношениях этот процесс в военной экономике СССР протекает отлично от аналогичных процессов в странах капитализма?

Разлагая стоимость продукции основных двух своих подразделений на $c + v + m$, т. е. на подлежащий возмещению прошлый труд, заработную плату и прибавочную стоимость, Маркс установил, что при наличии равенства $v_1 + m_1 = c_2$ возможно лишь простое воспроизводство капитала и продукции в начальных ее масштабах, ибо для расширенного воспроизводства необходимо, чтобы $v_1 + m_1$ превышало c_2, т. е. чтобы чистой продукции I подразделения не только хватило на возмещение затрат прошлого труда во II подразделении, но и оказался известный излишек средств производства для расширенного их воспроизводства в следующем туре. Необходимо здесь подчеркнуть, что существенным признаком воспроизводства в расширенных размерах Маркс считает не столько возрастание продукции, сколько прирост действующих средств производства или, говоря иначе, только производство, ведущееся с бóльшим вложением капитала.

Легко себе представить случай, когда какой-либо агрессор, готовясь к войне, строит десятки новых военных заводов, оставляя без погашения износа тысячи старых. На время это может расширить продукцию даже при сужении общих капитальных фондов страны. Но такое воспроизводство Маркс не назвал бы расширенным. Расширенное воспроизводство постоянного капитала (c) по общему правилу предполагает наряду с ростом средств производства и соответствующий ему прирост переменного капитала в виде средств существования. Это правило впрочем допускает и исключения, например, в результате снижения реального уровня жизни рабочих в условиях войны.

Следуя указанной схеме Маркса, нетрудно было бы установить, что

---

[1] Подробнее об этом см. «Плановое хозяйство», 1962, № 6, стр. 13—14.
[2] «Россия в мировой войне 1914—1918 года». М., 1925, стр. 7.

в случае неравенства $m_1 + v_1 < c_2$ неизбежно проедание капитала, а, стало быть, и суженное его воспроизводство. Вероятность такого случая в условиях войны, несомненно, повышается. Однако в какой мере его можно признать общим для всех стран и систем хозяйства в условиях военной экономики — это еще нерешенный вопрос. И решить его убедительно, без выделения средств истребления в условиях войны в особое подразделение, едва ли удастся.

Дело в том, что средства истребления по своему назначению и роли в производстве никак не укладываются в рамки первых двух подразделений Маркса. Крицман и Кронрод пытались уложить их во II подразделение по признаку непроизводительного их потребления. Но это явно неудачная попытка. Производственная функция средств существования неоспорима. Без них в той же мере невозможно воспроизводство рабочей силы, как без средств производства неосуществимо воспроизводство материальных ценностей. Да и в последнем и те и другие, выполняя в своей сумме $(c + v)$ функции производительного капитала, неизбежно воспроизводятся не только в ценностном, но и в потребительном своем значении в качестве основных элементов процесса воспроизводства. Между тем как средства истребления, негодные к производительному использованию ни в качестве средств существования, ни в роли средств производства, вовсе выпадают из процесса воспроизводства [1].

Выделение производства средств истребления в особое, III подразделение в условиях войны тем более необходимо, что ему в отличие от мирных отраслей труда присущи совершенно противоположные тенденции развития в этих условиях. И прежде всего ему присуща совершенно бесспорная тенденция расширенного воспроизводства и бурного роста в годы войны, в то время как в мирных отраслях труда в эти годы по общему правилу наблюдается сужение их объема или застой.

Вместе с тем в военные отрасли направляются все новые вложения, обновляется техника, повышается производительность труда, в то время как в мирных отраслях не погашается полностью даже износ, разрушается техника и падает производительность труда [2].

Не выделяя средств истребления в условиях войны в особое подразделение, мы тем самым смазываем все эти столь существенные различия и закрываем себе пути плодотворного научного исследования особых закономерностей военной экономики.

Выделив же средства истребления в особое подразделение, легко убедиться, что удельный вес их в общей продукции разных стран и по отношению к нормальным итогам их накоплений весьма различен. Для одних стран связанные с этим затраты явно непосильны на длительный срок, а для других не столь уж обременительны. И игнорировать в нашем анализе такие различия, конечно, не приходится.

---

[1] В подразделение средств истребления мы не включаем при этом ни станков, изготовляемых для военных заводов, ни угля, металла и прочих материалов и полуфабрикатов, направляемых на эти заводы из предприятий I подразделения, ибо в той части, в какой они войдут в конечную продукцию военного назначения, они уже получают в ней свою оценку, а в той, в какой сохраняются на послевоенный период, скажем, в виде заводского оборудования,— получат иное назначение. Военная продукция США уже за 1941 г. оценивалась в 22%, за 1942 г.— в 56% и за 1943 г.— в 66% всей продукции, но эти цифры, по-видимому, сильно преувеличены за счет повторного учета сырья, материалов и готовой продукции военного назначения. («Военное хозяйство капиталистических стран и переход к мирной экономике». М., Госпланиздат, 1947, стр. 14.)

[2] См., например, данные об этом по США. («Новости техники», 1945, № 1, стр. 50.)

Проиллюстрируем сказанное цифровым примером. У Маркса в схеме расширенного воспроизводства дается между прочим такое расчленение двух основных подразделений на $v+m+c$ [1].

	c		v		m		p
I	4000	+	1000	+	1000	=	6000
II	1500	+	750	+	750	=	3000
	5500	+	1750	+	1750	=	9000

В данном случае $v_{I} + m_{I} = c_{II}$ на целых 500 единиц, и, стало быть, расширенное воспроизводство вполне обеспечено. Но допустим, что какая-либо страна, например Германия, или коалиция держав с такой структурой производства вступает в войну и вынуждена не менее $1/3$ своих ресурсов переключить из первых двух в III подразделение — на производство средств истребления. После такой мобилизации ресурсов получим уже иную их структуру:

	c		v		m		p
I	2500	+	750	+	750	=	4000
II	1000	+	500	+	500	=	2000
III	2000	+	500	+	500	=	3000
	5500	+	1750	+	1750	=	9000

При тех же общих итогах производства, мы получим уже совершенно иные перспективы воспроизводства. Всю военную продукцию III подразделения придется израсходовать без всякого хозяйственного эффекта. А между тем из-за нее пришлось на целую треть сократить производство первых двух подразделений. Это означает, во-первых, соответствующее снижение уровня жизни трудящихся и, во-вторых, невозможность полного возмещения за счет продукции I подразделения тех средств производства, какие потреблены уже за первый год войны во II и III подразделениях. В самом деле, потреблено их здесь 1000 + 2000 = 3000, а из I подразделения возможно извлечь для их возмещения всего 1500 единиц. Говоря иначе, получается типичная картина суженного воспроизводства с пониженным потреблением населения и неполной амортизацией основных фондов.

Возьмем теперь для сопоставления другую страну, скажем США, или коалицию подобных стран, располагающих удвоенными против первой страны масштабами производства при более высоком строении капитала и значительных резервах — до 25% — неиспользуемых производственных мощностей. Схему воспроизводства по мирному времени для такой страны можно представить в таких цифрах:

	c		v		m		p
I	10 000	+	2000	+	2000	=	14 000
II	2 000	+	1000	+	1000	=	4 000
	12 000	+	3000	+	3000	=	18 000

В случае войны, с расширением рынков сбыта у себя и у союзников, такая страна сможет мобилизовать за счет своих резервов даже более крупное военное производство, чем первая, с одновременным расширением и других производств до полной их загрузки, в особенности из числа, об-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 581.

служивающих военные заводы сырьем, топливом и оборудованием. Вполне осуществимой в связи с этим может оказаться такая, скажем, схема:

$$
\begin{array}{rrcrcrcr}
 & c & & v & & m & & p \\
\text{I} & 12\,000 & + & 2250 & + & 2250 & = & 16\,500 \\
\text{II} & 2\,000 & + & 1000 & + & 1000 & = & 4\,000 \\
\text{III} & 2\,000 & + & 750 & + & 750 & = & 3\,500 \\
\hline
 & 16\,000 & & 4000 & + & 4000 & + & 24\,000
\end{array}
$$[1]

Как видим, здесь военная продукция по абсолютным размерам значительно больше, чем в первой стране, но доля ее в общей сумме продукции гораздо меньше. И уже это весьма существенно меняет дело, ибо, вовсе скинув со счетов чисто военную продукцию, мы все же получим расширенное воспроизводство средств производства, перекрывающее затраты овеществленного труда во всех подразделениях нашей схемы.

Наиболее принципиальной особенностью советских схем воспроизводства является то, что они предусматривают воспроизводство социалистических, а не частнокапиталистических отношений. В связи с этим те же символы $c + v + m$ приобретают уже новое значение. На смену постоянному и переменному капиталу частных предпринимателей и извлекаемой ими прибавочной стоимости в советской экономике приходят новые понятия фондов общественных средств производства и средств существования и фонда социалистического накопления. Но меняются здесь не только социальные, качественные характеристики этих основных элементов советской продукции, но и количественные их соотношения или пропорции. В анализе своих схем расширенного воспроизводства капитала Маркс отмечает, что под рубрикой m в его схеме разумеется не только фонд расширения производства, но и фонд непроизводительного потребления буржуазии, причем по его оценкам второе слагаемое даже больше первого. В советских схемах второе слагаемое, за отсутствием буржуазии, вовсе выпадает с соответствующим за его счет увеличением как фондов социалистического накопления, так и фондов средств существования трудящихся, и с повышением уровня их жизни. А это обеспечивает дополнительные резервы советской системы на случай войны — для переключения их в III подразделение средств истребления. В масштабе, соответствующем примерно фонду потребления всей буржуазии стран агрессоров, а это величина немалая, мы можем, стало быть, обратить этот резерв на цели обороны даже без особого ущерба для развития нашего хозяйства. Но в случае нужды на ту же цель у нас могут быть обращены в плановом порядке и гораздо большие ресурсы наших накоплений. Интересы самосохранения и сознательный советский патриотизм, как показал опыт Отечественной войны, значительно повышают наши ресурсы обороны и за счет добровольных позаимствований из фонда средств существования всех трудящихся нашей страны. Таким образом, возможности расширенного воспроизводства военной экономики СССР даже шире, чем в условиях капиталистической экономики. Теоретически масштабы возможного расширения наших социалистических фондов в условиях войны определяются величиной $(m_1+m_2) - (c_3+v_3)$, а практически — за счет преимуществ и резервов плановой системы хозяйства и героического напряжения трудящихся — могут оказаться и выше.

Возвратимся, однако, к странам капитализма. Суженное воспроизводство в условиях войны и для них, как показывает и теория и практи-

---

[1] В нашей примерной схеме прирост всей продукции за первый год войны принят в 33%; отметим, что в США за первый год их вступления в войну, т. е. за 1941 г. фактический прирост достиг 30%, за второй — 23%, за третий — 20%. (Я. С. Розенфельд. Промышленность Соединенных Штатов Америки и война. Госполитиздат, 1946, стр. 50.)

ка, отнюдь не является обязательным, хотя и гораздо более вероятным явлением. Страны, резервы которых и масштабы накоплений превышают фонды $c_3 + v_3$, необходимые для развертывания производства средств истребления, могут и в условиях войны расширять свое воспроизводство, хотя бы и по затухающей кривой — в меру использования всех резервов, как это, например, наблюдается в США.

Народный доход и народное богатство в такой стране может возрастать, несмотря на весьма солидные военные издержки. Но еще быстрее в такой стране возрастают накопления буржуазии, поскольку она располагает всеми средствами для переложения издержек войны на плечи трудящихся классов. Конечно, такое переложение ведет к тому, что в условиях войны даже в богатеющих странах население их в основной своей массе быстро беднеет, снижая вместе с тем свой спрос на продукты первой необходимости. И потому конъюнктура для развития различных отраслей производства и обогащения соответствующих отрядов буржуазии в условиях войны создается крайне неравномерная. Чем более непосредственно тот или другой отряд буржуазии обслуживает чисто военные потребности, тем быстрее он расширяет свою продукцию и обогащается. И, наоборот, чем дальше данная отрасль труда стоит от военных задач, тем в большей мере ей угрожает состояние застоя и даже деградации со всеми вытекающими отсюда последствиями и для командующего ею отряда буржуазии. Таким образом, и в рядах буржуазии военная экономика обусловливает ускоренное расслоение и весьма существенное перераспределение накоплений с концентрацией их в руках все более суживающейся командной верхушки.

Это весьма неравномерное перераспределение накоплений буржуазии в связи с неравномерным развитием различных отраслей труда в условиях войны принимает особо резкие формы в странах побежденных в результате истощения их экономических ресурсов и суженного воспроизводства. Не следует упускать из вида, что это сужение даже в побежденных странах отнюдь не охватывает собой всех подразделений народного хозяйства. Так, например, в побежденной Германии к 1918 г. народный доход упал с 1913 г. с 50 до 29 млрд. марок, т. е. на 42%. Вместе с тем работа промышленности в целом сократилась на 43%, в том числе по чугуну — на 52%, по цементу — на 74%, по текстилю — на 83% и т. д.[1] Но наряду с этим в таких отраслях, обслуживающих войну, как машиностроение и химия, за те же годы получилось более чем удвоение объема продукции[2].

Говоря иначе, чем скорее в результате истощения ресурсов здесь теряли свои позиции одни группы буржуазии, тем в большем выигрыше за счет военных сверхприбылей оказывались по сравнению с ними другие.

Если, однако, учесть, что склонность к миролюбию и меланхолии или к военной агрессии и сверхпатриотическому возбуждению различных групп буржуазии есть прямая функция их участия в военных сверхприбылях, то станет понятно, к каким результатам должно приводить столь неравномерное их перераспределение. Прикованный цепями собственности к «мирным» отраслям производства буржуазный пацифизм терпит в условиях войны вместе с ними судьбы суженного воспроизводства и вымирает, а поднимающийся на дрожжах военных прибылей дух буржуазно-националистической агрессии растет и укрепляется по линии расширенного воспроизводства военной продукции. Тем более, что даже в случае поражения подлинные вдохновители неудавшейся агрессии, активно питавшие войну, обогащались за ее счет, и обильно посеяв смерть своими средствами разрушения, не несли до сих пор за это никакой не только уголовной, но даже и имущественной ответственности.

---

[1] «Истощение экономических ресурсов фашистской Германии». М., 1943, стр. 5, 14, 20.

[2] С. Вишнев. Экономические ресурсы Германии. М., 1940, стр. 81, 90.

Война питает дух агрессии известной части буржуазии в любой стране. Но, возбуждая аппетиты одной группы, наиболее близкой к военной индустрии, война угрожает ухудшением конъюнктуры для ряда других групп, которым труднее было бы перестроиться применительно к требованиям военного рынка. В условиях мира к тому же удельный вес военной промышленности вообще невелик по сравнению с весом капиталов, занятых во всех отраслях «мирной» индустрии. А потому до тех пор, пока в большинстве стран еще не исчерпаны все возможности мирного развития, буржуазия этих стран, взятая в целом, не ищет выхода в агрессии. Но потенции развития и обеспеченность рынками различных капиталистических стран неравны. И наряду с более миролюбивыми выступают на арену мирового соревнования и более агрессивные. Наиболее агрессивной из них, как известно, оказалась фашистская Германия. И отнюдь не случайно.

Еще в первую мировую войну верхушка германской буржуазии, специализировавшаяся на расширенном воспроизводстве средств истребления и вкусившая, несмотря на поражение Германии, всю привлекательность военных сверхприбылей и масштабов обогащения, вошла во вкус агрессии, возбудившей у этой верхушки соответствующие таким же масштабам сверхаппетиты. К концу войны верхушка эта оказалась монопольным хозяином почти всех уцелевших капитальных фондов Германии и тем самым заняла командное положение в стране. Но ординарная эксплуатация сильно обескровленного войной немецкого народа внутри страны не могла бы уже удовлетворить чрезмерно возросших аппетитов этой монополистической клики Тиссенов, Круппов и К°. Колониальные свои владения германский империализм, как известно, в 1918 г. все растерял. Мирное соревнование на внешних рынках с сильными конкурентами, огражденными к тому же охранительными пошлинами, тоже не улыбалось германской разновидности империализма уже потому, что и оно никак не могло утолить ее неумеренных аппетитов. И вот, заключив во имя агрессии политический блок монополистического капитала с реакционнейшим немецким юнкерством, подчинив себе, прочно срастаясь с ним, весь аппарат государственной власти и вооружившись наиболее подходящей для своих задач фашистской идеологией, эта особая разновидность наиболее реакционного и агрессивного буржуазно-юнкерского, разбойничьего империализма приступила к действиям.

Провозгласив свою принадлежность к высшей расе господ, которой должны подчиняться и служить все остальные народы низшей расы, и претендуя на то, что расе господ уже не достает «жизненного пространства» в существующих границах, вооруженные до зубов фашисты нагло перешагнули эти границы и бронированной рукой стали срочно устраивать свой «новый порядок» в Европе — кошмарный «порядок» педантически организованного грабежа и насилия.

К чему это привело в дальнейшем — всем известно. Но не следует забывать, что по началу фашистская агрессия развивалась весьма успешно. Под ее натиском капитулировали одна держава за другой, и гитлеровские орды поработили было уже почти весь континент Западной Европы. Однако, когда ободренный такими успехами Гитлер повернул свое оружие с Запада на Восток, против СССР, и таким образом вовлек в орбиту войны и эту новую, еще никем не испытанную потенцию, шансы его на победу сразу вдруг оказались совершенно эфемерными. Никем не превзойденное миролюбие советской демократии казалось многим, в том числе и Гитлеру, признаком ее слабости. Но это была принципиальная ошибка. Располагая благодаря особенностям своей экономической системы возможностью неограниченного бескризисного развития за счет собственных внутренних ресурсов, СССР имел все основания именно в своем миролюбии усматривать надежнейший путь наращивания и укрепления не только своих хо-

зяйственных, но и оборонных потенций. И, когда его в конце концов заставили воевать, эти потенции полностью обнаружились.

Заслуживает внимания и еще один знаменательный факт. И вторая мировая война, как и предшествующая, возгорелась на базе экономических противоречий, расколовших весь капиталистический мир на два резко враждебных лагеря. Но совершенно новым и для многих неожиданным фактом на этот раз явилось то, что, волею судьбы, высшим судьей и решающим фактором в этом споре двух буржуазных коалиций, активно склонившим победу на сторону народов, безуспешно боровшихся против агрессивных сил фашизма, оказалась впервые в истории человечества страна социализма. Об этом позаботился прежде всего, конечно, сам Гитлер своим внезапным вторжением в границы СССР.

Объединенные общей грозной опасностью англо-американские державы и Советский Союз, несмотря на разделяющие их социально-экономические устремления, оказались в одном лагере. Включение СССР в этот боевой союз, сколоченный усилиями самого Гитлера на свою голову, стало поворотным моментом в судьбах фашизма.

Англо-американские державы, в особенности США, и до войны обладали крупнейшими материальными ресурсами. А во время войны эти ресурсы с каждым годом становились еще значительнее. Но все же мобилизация их протекала слишком медленными темпами. Второй фронт на Западе, вопреки всем обещаниям, не налаживался. Создавалось впечатление, что союзники предпочитают поражать врага чужими руками, и всю тяжесть войны очень долго, почти три года, приходилось выдерживать на своих плечах одному СССР. Ресурсы Союза были не так уж велики при этом. Но он обладал другим преимуществом — гораздо большей маневренностью своих ресурсов благодаря государственному планированию. И это преимущество советской системы оказалось решающим. Внезапное вторжение врага в наши пределы, как известно, причинило нам неисчислимый ущерб и создало огромные организационные трудности. Одновременно с мобилизацией армии приходилось в пожарном порядке переводить тысячи заводов с мирной продукции на военную, эвакуировать из прифронтовых районов массы населения, перебазировать в тыловые районы целый ряд старых производств, создавать заново немало новых.

И все же в кратчайший срок, не свыше шести месяцев, все эти трудности были преодолены, мобилизация закончена, производство налажено, враг остановлен. И с тех пор с каждым годом мы уже лишь наращивали наше производство, увеличив за годы войны продукцию самолетов в 4 раза, пушек — в 6 раз, танков — в 7—8 раз по сравнению с довоенной нормой [1], повышая одновременно производительность труда и расширяя все время снабжение фронта.

Если вспомнить, что Гитлер готовился к войне лет семь, и даже столь мощной державе, как США, потребовалось для подготовки решающего отпора силам фашизма не менее трех-четырех лет, то преимущества нашей плановой системы в этой области станут еще яснее. Это они обеспечили героической Красной Армии страны социализма возможность, концентрируя свои усилия в решающие моменты на решающих участках, по всем правилам плановой стратегии, нанести общему врагу раньше других те первые сокрушительные и решающие удары, которые заставили фашистского зверя уползти в свою берлогу, где он и был окончательно добит.

---

[1] «Правда», 5 декабря 1944 г.

3. МЕТОДЫ ПОДГОТОВКИ К ВОЙНЕ

В отличие от кризисов, которые возникают стихийно, войны подготавливаются не только экономической ситуацией, но и сознательной волей руководящих кругов соревнующихся стран и народов. Предугадать день и час наступления кризиса никто не может. Начало же войны определяет агрессор, что создает ему несомненные преимущества. Понятия агрессии и миролюбия в международных взаимоотношениях весьма условны и растяжимы. Тем не менее мы очень четко отличаем лагерь агрессоров от миролюбивых народов, вовлекаемых в войну помимо их желания. Конечно, проблема подготовки к войне для каждого из этих лагерей решается по-разному. Но выбор путей для решения этой ответственнейшей задачи представляет огромные трудности. Необходимый для этого анализ крайне противоречивых экономических интересов различных сил в международной их группировке и трезвая оценка потенций развития экономики разных хозяйственных систем и стран — это задача, которая не может прийтись по плечу любому «вождю» из вчерашних ефрейторов.

Подготовка к войне ведется обычно весьма многообразными путями. Сюда входит и дипломатическая подготовка надежных союзников или по меньшей мере обеспечение дружественного нейтралитета со стороны ближайших соседей. Сюда же войдет и военно-техническая подготовка образцово обученных и вооруженных массовых кадров армии и флота, а также достаточно культурного и одаренного командного состава. Огромное значение имеет также идеологическая подготовка населения страны для создания прочного единства чувств и действий будущего фронта и тыла, целеустремленных на оборону или нападение в предстоящей войне. Но самое важное и решающее значение в современных войнах имеет все же должная экономическая подготовка в стране достаточно мощной и гибкой материальной базы на хозяйственном фронте, без которой в последнем счете могут оказаться бесплодными любые достижения на всех прочих фронтах.

Экономическую подготовку к войне можно мыслить себе в двух совершенно различных планах — и у́же, и шире. В первом, более узком плане такая подготовка предполагает напряжение всей экономической мощи страны, направленное непосредственно на развитие и укрепление военного ее хозяйства. Во втором, более широком, для той же цели — подготовки к войне — форсируется, прежде всего, общий подъем всего народного хозяйства на возможно высоком уровне техники и тем самым расширяется та общеэкономическая база, на которой в нужный момент получит усиленное питание и специальное военное хозяйство. В первом случае масштабы подготовки измеряются суммами вложений в военное хозяйство, т. е. в стратегические дороги и военные заводы, в укрепления типа линий Мажино или Зигфрида, в подводные, надводные и воздушные флотилии, в накопляемые запасы стратегического сырья и тому подобных ценностей специально военного назначения, а эффективность этих вложений определится мощностью укреплений и артиллерии, числом орудий, танков и самолетов и боевым качеством всевозможных «тигров», «фердинандов» и прочих чудовищных средств истребления. Во втором же случае масштабы подготовки к войне придется измерять суммой вложений во все народное хозяйство, передовую науку и технику, а их эффект — темпами развития машиностроения и химии и общим подъемом производительных сил страны, народного дохода и народного богатства.

Каждый из этих двух планов подготовки к войне имеет свои специальные дефекты и преимущества. Первый из них наилучшим образом обеспечивает опережение потенциального врага в боевой готовности к нападению и потому особенно пригоден для стран-агрессоров. Для миролюби-

вых народов, предпочитающих стратегию обороны, этот путь подготовки малопригоден уже потому, что, обеспечив себе полную готовность к обороне созданием крайне дорогой боевой техники, им пришлось бы ее затем мариновать в ожидании нападения, а между тем эта техника в бездействии обесценивается быстрее всякой иной в связи с неизбежным устарением и периодически требует радикального обновления и перевооружения. Но и для стран-агрессоров преимущества такой подготовки покупаются немалой ценою. Отвлекая на период своей боевой подготовки огромные хозяйственные ресурсы в русло непроизводительных затрат, эти страны тем самым тормозят нормальный рост своей мирной экономики. И таким образом, опережая миролюбивые страны в области военной техники, страны-агрессоры неизбежно отстают от них в общем своем экономическом развитии.

Тем самым определяются как минусы, так и плюсы и того, второго пути экономической подготовки к войне, который больше надежд возлагает на опережение своих склонных к агрессии соседей в общем развитии производительных сил страны, чем на одно лишь одностороннее развитие своей боевой техники и узковоенного хозяйства. Минусы этого пути заключаются в том, что миролюбивые народы, его избирающие, в первые моменты навязанной им войны с агрессором, не будучи вполне к ней подготовленными в военном отношении, терпят из-за этого некоторое время немало невзгод, а иной раз и частных поражений. И в этом нет ничего неожиданного. Агрессивные нации, как нации, готовящиеся к войне в течение длительного срока и накапливающие для этого силы, бывают обычно и более подготовлены к войне, чем нации миролюбивые. Это естественно и понятно. Это, если хотите, историческая закономерность, которую, однако, было бы опасно не учитывать...

Плюсы же второго пути в том, что, обеспечив себе на нем достаточное опережение в общем развитии своей экономики и техники над агрессором, и миролюбивая страна после перевода всей своей экономики на военные рельсы столь же закономерно получает в затяжных войнах явное преимущество над этим агрессором.

Конечно, оба указанные пути подготовки к войне не исключают друг друга полностью и могут в известной мере сочетаться между собой. Но преобладание одного из этих направлений над другим весьма характерно для разных стран и народов. И совсем не случайно, что даже в мире капиталистических стран, расколовшемся в 1939 г. на два резко враждебных лагеря, все агрессоры во главе с Германией и Японией избрали первый путь, в то время как остальные оказались на втором. Еще менее случайно также и то, что Союз Советских Социалистических Республик — эта первая и тогда еще единственная твердыня социализма — в качестве одной из наиболее миролюбивых стран, пользуясь всеми возможностями мирной «передышки» для ликвидации своей отсталости, отдавала явное предпочтение второму пути. Требуется, однако, более конкретный экономический анализ, чтобы стало яснее, какие именно силы властно толкают одни страны на путь агрессии, в то время как другие предпочитают для себя мирные пути развития и оборонную стратегию.

В современную нам эпоху империализма, когда так обостряется конкурентная борьба за рынки, мировые войны капиталистических держав за передел этих рынков вполне закономерны. Но потребность в рынках и обеспеченность ими отдельных стран весьма различны, и уже поэтому агрессивность буржуазии этих стран не может быть одинаковой. Вот почему и в империализме различных стран приходится отличать весьма несходные между собой разновидности. Было время, когда буржуазия возглавляла прогрессивное человечество, ныне она занимает все более консервативные, а кое-где и явно реакционные позиции. В одних странах она дальше ушла по этому пути, в других находится лишь в начале его.

И было бы слишком близоруко, игнорируя все такие различия, стричь все разновидности современного империализма под одну гребенку.

Корни этих различий в агрессивности и реакционности разных отрядов международной буржуазии заложены глубоко в истории и в частности в той ее закономерности, которую мы именуем законом неравномерного развития. Империализм империализму рознь. Особенно опасной, однако, как показал нам исторический опыт, явилась германская его разновидность. Впрочем к той же разновидности можно отнести и японский империализм и некоторые другие. Родиной этой разновидности являются страны, позже других вступившие на стезю капитализма, что и обусловило очень существенные их экономические и политические особенности. Крупное капиталистическое производство всегда нуждалось в широких рынках сбыта. Но вполне понятно, что такие пионеры капитализма как Англия и Франция в старом и США в новом свете уже успели овладеть всеми наиболее доступными рынками к тому моменту, когда на арену выступили новые претенденты на те же рынки в лице Германии, Японии и прочих эпигонов первой фазы капитализма. А между тем эти эпигоны, выступая на арену капитализма последними, именно поэтому получили возможность оборудовать свою индустрию новейшей, а потому в общем и наиболее совершенной техникой, опережая в этом отношении своих предшественников.

Это исторически сложившееся противоречие между высшими потенциями развития по условиям техники и меньшей обеспеченностью рынками младших по возрасту капиталистических стран, по сравнению со старшими, оказалось чреватым важнейшими последствиями. В борьбе за рынки капиталисты любой страны, как известно, всегда готовы перегрызть горло слабейшим из своих соперников, договариваясь для этого по мере необходимости с сильнейшими о совместном монопольном использовании наличных рынков. Отсюда берут свое начало повсеместные процессы концентрации и централизации капитала с образованием все более крупных картелей, трестов, концернов и других монополистических объединений капитала. Но особенно энергично эти процессы протекают там, где всего сильнее чувствуется ограниченность доступных рынков сбыта. Вот почему именно в Германии уже после кризиса 1873 г. началось картельное движение и именно здесь оно получило наибольшее свое развитие. Уже в 1896 г. здесь насчитывалось 250 картелей, в 1911 г. число их возросло до 600, в 1922 г.— до 1000, а в 1930 г.— до 2100 картелей с охватом до 50% всей промышленной продукции страны, в то время как в Англии их даже в 1931 г. насчитывалось только 170, а во Франции — всего 80 картелей.

В то же время, чем шире вырастал этот круг монополистических объединений и чем выше у них поднимался уровень техники, тем выше поднимались у них возможности накопления, тем скорее, стало быть, они росли и обогащались, поглощая или вытесняя с рынка всех своих более слабых конкурентов. Но, если подобные процессы наблюдаются во всех странах на современном этапе развития капитализма, то страны позднего капитализма, пользуясь своей более новой и высокой техникой, получили возможность и в темпах накопления, так же как и в темпах концентрации, явно опережать другие страны. Высокие сверхприбыли монополистического капитала в таких странах, как Германия, обеспечивались сразу с двух сторон. С одной стороны, повышенный уровень техники крупнейших монополий позволял им снижать свои издержки производства ниже среднего уровня общественно необходимых затрат и мировых цен как внутри страны, так и за границей, а монопольное положение на внутреннем рынке позволяло им к тому же продавать здесь свою продукцию по монопольным ценам, т. е. выше не только стоимости, но даже выше «цен производства», и без того превышающих стоимость в предприятиях высокого строения капитала. На внешнем же рынке они могли при этом про-

давать свои изделия не без выгоды даже по сильно пониженным ценам, убивая своих слабее вооруженных заграничных конкурентов, до тех пор пока они не оградили свои рынки высокими заградительными пошлинами.

Здесь уместно будет сделать пару замечаний о законе стоимости в условиях монополистического капитализма. Как известно, закон стоимости проявляется полностью в эквивалентном обмене лишь в условиях простого товарного производства. Уже в условиях капитализма с неограниченной конкуренцией закон стоимости претерпевает известную модификацию. Товары обмениваются по ценам производства, которые отклоняются от трудовой их стоимости в пределах требований закона равной нормы прибыли и совпадают с этой их стоимостью лишь в общих итогах по всему народному хозяйству. В условиях монополистического капитализма мы наблюдаем новую модификацию закона стоимости, в которой уже и действие закона равной нормы прибыли терпит существенное ограничение, а вместе с ним терпят его и цены производства. По всем отраслям труда, уже охваченным монополистическими объединениями капитала, на смену ценам производства приходят значительно более высокие монопольные цены. Однако товары в последнем счете обмениваются все же на товары.

И в каждом акте неэквивалентного обмена одна сторона выигрывает ровно столько же, сколько теряет другая. А потому и в общем итоге всех актов обмена за любой период сумма выигрышей монополистов на ценах будет в точности равна сумме потерь в обмене менее организованных их контрагентов. Таким образом, сумма цен всех реализованных товаров и в условиях монополистического капитализма, в полном согласии с законом стоимости, в целом по всему мировому хозяйству совпадает с суммарной их стоимостью[1]. Но это вовсе не исключает перераспределения ценностей и эксплуатации одних наций другими в неэквивалентном их обмене на мировом рынке. Однако и эти частные нарушения этого закона в систематическом и все более резком отклонении монопольных цен от стоимости становятся гораздо серьезнее на этом этапе, чем в условиях господства цен производства, и влекут за собой немаловажные последствия.

Одно из них, мало привлекавшее доныне внимание экономистов, сводится к следующему. Уже в условиях цен производства, в связи с тенденцией их к уравнению нормы прибыли, отклонения цен от стоимости в сторону повышения получаются в предприятиях с повышенным строением капитала, т. е. в наиболее передовых — с высокой техникой и производительностью труда. Те же передовые предприятия подвергаются в первую голову и картелированию в последующую эпоху, с еще большим отрывом монопольных цен от стоимости. Однако такое поощрение высокими ценами и сверхприбылями владельцев передовых предприятий за счет нарушений закона стоимости отнюдь не идет на пользу передовой технике и техническому прогрессу. Дело в том, что всякое частное повышение цен какой-либо группы товаров неизбежно по условиям рынка суживает спрос, а следовательно, и масштабы производства соответствующих товаров и притом даже в большей мере, чем растут эти цены, ибо с вздорожанием данной группы товаров с ними начинает успешно конкурировать и частично вытеснять из потребления целый ряд других. Таким образом, в результате одностороннего повышения цен на продукты передовой техники получается определенный сдвиг производственных пропорций в сторону относительного расширения наиболее отсталых отраслей за счет наиболее передовых.

В этом направлении действуют уже цены производства, но в несравнимо большей еще мере — цены монопольные. Искусственно повышая удельный вес отсталых отраслей труда по сравнению с более передовыми,

[1] В отношении нереализованных излишков продукции в годы кризисов соотношение между рыночной их ценой и стоимостью, очевидно, совсем иное.

монопольные цены, поддерживаемые в интересах одной лишь небольшой группы предпринимателей-монополистов, не только создают сдвиги производственных пропорций, явно нерациональные с точки зрения равномерного удовлетворения общественных потребностей при наименьших затратах труда, но и прямо тормозят развитие передовой техники и технического прогресса вообще. Устранить такое весьма прискорбное следствие частных нарушений закона стоимости возможно только у нас, в странах социализма, где производственные пропорции и цены регулируются, вне всякого влияния соображений о равной норме прибыли, в прямом соответствии только с выявленными общественными потребностями, где ничьи частные интересы не требуют от нас также специального поощрения повышенными ценами одних отраслей труда в ущерб другим и в ущерб общему росту производительных сил и где нет, стало быть, никаких препятствий для приведения плановых цен в полное соответствие с трудовой стоимостью производимых продуктов. В стране современного капитализма тормозящее технический прогресс действие монопольных цен неустранимо. И можно сказать даже больше. Бронированные заговором предпринимателей-монополистов против неорганизованных потребителей их продукции высокие цены, до тех пор, по крайней мере, пока такой заговор не срывается внутренней конкуренцией монополистов за долю их участия в грабеже своей клиентуры, не стимулируют борьбы ни за качество продукции, ни за какие-либо иные улучшения, а потому уже сами по себе представляют постоянную угрозу застоя и загнивания монополистического капитализма.

Особые следствия того же нарушения закона стоимости монопольными ценами мы можем наблюдать в тех странах, которые опережают другие в картелировании своей индустрии. Отклонения монопольных цен от нормального уровня цен в таких странах образуют специальные сверхприбыли монополистов, достигающие подчас огромной величины, причем монопольные цены гораздо устойчивее «свободных» даже в самые тяжелые годы кризисов. Так, например, если с 1926 по 1932 г. индекс «свободных» цен в Германии упал на 51%, т. е. более чем вдвое, то индекс монопольных цен продукции картелей за те же годы снизился всего на 20%, или одну пятую долю уровня 1926 г. Трудно сомневаться при этом, что монопольные цены за весь цикл в несколько раз рентабельнее «свободных». Но, как известно, чем выше сверхприбыли, тем на больший риск, авантюры и даже преступления способен капитал, стремящийся их удержать и повысить. Отсюда-то и вырастают агрессивные тенденции монополистического капитала.

Эти тенденции не чужды монополистам любой страны, но особенного напряжения они достигли в странах позднего капитализма, опережающих благодаря темпам и масштабам своего роста все другие страны. Опережали других они благодаря своим техническим преимуществам, прежде всего, в темпах своего индустриального развития. Уже до первой мировой войны с 1890 по 1910 г., за 20 лет, в то время как английская индустрия увеличила свою продукцию всего на 37%, а французская на 74%, германская подняла ее более чем вдвое, на 120% [1]. А после первой мировой войны Германия стала обгонять в темпах своего индустриального роста даже наиболее мощного своего соперника среди капиталистических держав — США. Так, с 1920 по 1937 г. индустриальная продукция Германии выросла за 17 лет на 120%, в то время как в США за тот же период она поднялась всего на 26%. Темпы японской промышленности были еще выше германской. Сравнимые с другими странами индексы по Японии имеются, к сожалению, только с 1913 г. Но достаточно сказать, что за время с 1890 по 1910 г. импорт хлопка в Японию вырос с 4,1 до 157,8 млн.

[1] «Мировые экономические кризисы 1848—1935», т. I. М., 1937, стр. 492—494, 501—503, 504.

иен, т. е. в 38 раз, тогда как в Англии потребление хлопка за те же 20 лет возросло всего на 9%, во Франции — на 26% и даже в США — только на 30%. За время же с 1927 по 1937 г. за одно лишь десятилетие продукция японской индустрии поднялась более чем вдвое, на 106%, в то время как даже в Германии она выросла за эти годы едва на 15%, а в среднем по всем капиталистическим странам — всего на 12% [1].

При таких темпах развития буржуазия новейших стран капитализма очень скоро уперлась в ограниченность внутренних рынков. Тем более, что подчиняясь своим чрезмерным аппетитам к извлечению сверхприбылей не только за счет монопольновысоких цен своей продукции, но и за счет пониженной нормы оплаты труда своих рабочих, монополисты сами суживали возможную емкость этих внутренних рынков. И поскольку свободный выход на внешние рынки для них давно уже был прегражден высокой стеной заградительных тарифов, экономические потенции и аппетиты неотвратимо толкали ее на путь вооруженной захватнической экспансии за счет своих зарубежных конкурентов. Германские и прочие захватчики очень охотно при этом проливают крокодиловы слезы о недостающем им жизненном пространстве. И эта демагогия воспринимается не без отклика даже в рабочих массах таких стран империализма, как Германия или Япония, где эти массы в условиях нищенской оплаты труда и впрямь чувствуют себя весьма угнетенными. Дело здесь, однако, совсем не в тесноте или перенаселенности этих стран. Плотность населения Германии в границах 1937 г. накануне последней войны не превышала 147 душ на 1 км^2, в то время как в Великобритании она достигала уже 196 душ, в Голландии — 275, в Бельгии — 280 душ. Тем не менее не Англия с Голландией и Бельгией напали на Германию, а, наоборот, они сами стали объектом гитлеровской агрессии. Подобно этому на Дальнем Востоке плотность населения Японии (без ее колоний) не превышала 194 душ на 1 км^2, в то время как захваченные ею в первую очередь приморские провинции Китая населены гораздо гуще от 212 до 328. Не ясно ли, что гоняясь за емкими рынками империалисты вовсе не пугаются подобной тесноты.

Захватчики всех мастей стараются представить перед своей аудиторией дело так, что их толкает на путь агрессии крайняя необходимость. Но в чем же эта крайность? Им не хватает рынков? Однако их можно было бы расширить и другими путями. Например, путем повышения оплаты труда в стране за счет снижения неумеренных сверхприбылей монополистов. Как известно, уровень реальной оплаты труда в Германии был раза в два ниже, чем в Англии, и раза в три ниже, чем в США, а в золотом исчислении этот разрыв еще больше, и немецкий рабочий получал раза в четыре меньше, чем в США, а в Японии еще в 1,5—2 раза меньше, чем даже в Германии. Однако и при такой норме оплаты труда общий фонд заработной платы в Германии достигал в 1929 г. 45 млрд. марок. Ничто не мешало бы германским империалистам повысить уровень оплаты своих рабочих, скажем, хотя бы до английской или даже американской нормы. Правда, при этом им пришлось бы поступиться изрядной долей своих сверхприбылей. Но почему бы и немецким монополистам не удовлетвориться той вполне приличной, казалось бы, нормой прибыли, какой вполне довольствовались американские предприниматели. А между тем это настолько повысило бы емкость германского рынка, что его хватило бы даже при германских темпах роста — и без разорительной войны и без всяких захватов чужих земель — на много-много лет. Во всяком случае, одно лишь удвоение зарплаты в Германии, повысив емкость внутреннего ее рынка сразу на 40—45 млрд. марок, или на целый десяток млрд. долларов, дало бы ей в 25 раз больше, чем завоевание всех колониальных рынков Африки с их ежегодным импортом до 400 млн. долл. И если германские, японские и прочие захватчики избрали другой путь, то не потому,

[1] «Мировое хозяйство». Ежегодник 1937/1938. М., 1938, стр. 378.

конечно, что их толкала на него какая-либо внешняя необходимость. Они просто не способны были подавить свою алчность и умерить аппетиты, возбужденные монопольными ценами и сверхприбылями вчерашнего дня и надеждами на еще более высокие военные прибыли завтрашнего дня.

Как бы то ни было, факт остается фактом. В результате неравномерного развития капиталистических стран весь буржуазный мир все резче раскалывался на два враждебных лагеря. Один из них, возглавляемый германской и японской буржуазией, в погоне за расширенным воспроизводством своих сверхприбылей готов был ввергнуть единокровные с ней народы в рискованнейшие авантюры завоевательных войн. Это лагерь безудержной агрессии. Другой лагерь, во главе которого стояли Англия, Франция и США, перед лицом этой агрессии, угрожавшей уже не только частным интересам буржуазии этих стран, но и вообще независимости и свободе целых наций оказался в силу обстоятельств в состоянии необходимой обороны.

Вместе с тем нужно отметить и другое расхождение тех же двух лагерей империализма. В странах старейшего капитализма, вроде Англии и Франции, вынужденных к стратегии обороны, в широких народных массах еще не угасли принципы демократии, выкованные здесь в героический период революционной борьбы буржуазии с феодализмом. А потому и правящие круги этих стран волей-неволей должны были еще, считаясь с этими традициями, усердно «играть в демократию». Тогда как буржуазия таких последышей капитализма, как Германия, пришедших к власти гораздо позднее ценою компромиссных сделок с силами феодальной реакции и испытывая уже с тех пор все возрастающее давление рабочих масс, в сущности никогда не проявляла особых симпатий к последовательной демократии. А с призывом Гитлера к власти для осуществления военной агрессии были растоптаны и последние следы демократии.

Для мобилизации военной машины олигархия промышленных монополий, возглавляемая Гитлером, нашла себе надежнейшего союзника и опору в лице прусского юнкерства — этого исконного носителя идеологии германского милитаризма и феодально крепостнических традиций. В интересах наиболее успешной агрессии здесь в принудительном порядке созданы были, на манер средневековых цехов, всеобъемлющие хозяйственные объединения в городе и деревне с полуфеодальной иерархией возглавляющих их «фюреров» разного ранга.

Эти «фюреры» рекрутировались из числа крупнейших капиталистов и юнкеров-землевладельцев, облеченных всей полнотой государственной власти над подшефными им и уже полузакрепощенными рабочими и крестьянами. Все это сдабривалось, конечно, лошадиными дозами социальной демагогии в рядах трудящихся, подогревалось идеей реванша за прежние поражения в рядах мелкой буржуазии и подкрашивалось краденой концепцией звериного национализма о «превосходстве» «высшей» германской расы над всеми иными и правах ее на мировое господство. Под демагогической маской гитлеровского эрзац-социализма кроется, однако, нечто гораздо более опасное и вредное, чем не особо мудрый немецкий вариант псевдосоциализма для дурачков. В сущности, мы имеем здесь дело с довольно далеко зашедшей попыткой построения весьма целеустремленного военно-монополистического государственного капитализма.

В условиях войны, как учил нас Ленин, «все страны вынуждены идти от монополистического капитализма к государственно-монополистическому капитализму» [1]. Но германская разновидность капитализма уже в процессе подготовки к войне зашла по этому пути весьма далеко. И в этом можно усмотреть особое своеобразие того нового метода подготовки к войне, неведомого даже вильгельмовской Германии, который является последним достижением современных агрессоров-монополистов. Война подготовлялась

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 373.

ими на этот раз с исключительной планомерностью. Идею своих плановых «четырехлеток» Гитлер, конечно, украл у своих соседелей, как и многое другое. Но использовал он ее для своих целей в полную меру своих возможностей. И не его вина, что употребленное в иной обстановке и по совершенно чужеродному назначению это краденое добро не пошло впрок.

Напомним, что в «штабе» Геринга по осуществлению пресловутых военных «четырехлеток» уже в 1937 г. насчитывалось до 300 тыс. чиновников, регулирующих германское государственное хозяйство [1], а общая армия чиновников при Гитлере с начала 1933 г. возросла с 1559 тыс. до 2565 тыс., т. е. на целый миллион душ. При этом еще до начала войны на ее подготовку было затрачено за 6 лет, по собственному признанию Гитлера, 90 млрд. марок, в то время как за предшествующее десятилетие 1924—1933 гг., вся сумма вложений в германское народное хозяйство не превышала 28 млрд. марок [2]. Иными словами на подготовку войны Гитлер расходовал ежегодно раз в пять больше нормальной суммы вложений в мирное хозяйственное строительство. Из 10—11 млрд. марок выпуска продукции машиностроения в Германии за 1938 г. не менее 6 млрд., т. е. до 60%, еще до начала войны составляли военные изделия. До 3 млрд. ушло на экспорт в обмен на стратегическое сырье и тому подобные закупки военного назначения и всего 1—2 млрд. пошли на восстановление износа оборудования и прочие задачи производственного значения. Такого напряжения ресурсов на заведомо непроизводительные задачи войны нельзя слишком долго выдержать. И Гитлер, не выдержав этой тяжести даже до конца намеченной им второй «четырехлетки», начал войну уже в 1939 г.

Японии под давлением своей военщины намеченную ею агрессию против Китая удалось начать еще раньше — в 1931 г. Япония не нуждалась, конечно, в слишком длительной подготовке к войне с гораздо слабее вооруженным Китаем. Для нее это была даже не война, а «инцидент», в течение которого она могла продолжать расширенное воспроизводство своей продукции, подготовляясь к нападению и на более сильных своих конкурентов. Однако все же она переоценила свои возможности. «Инцидент» в Китае слишком затянулся. А новый противник и подавно оказался не по зубам слишком предприимчивому агрессору. Дух военщины, призванный здесь буржуазией для осуществления ее захватнических заданий, как оказалось, гораздо легче было вызвать к жизни, чем управлять им по произволу. И мы уже видели, как японская военщина из орудия буржуазии становилась порой самодовлеющей силой, безнаказанно свергавшей неугодные ей буржуазные правительственные группировки или навязывавшей им свою волю. Германское юнкерство понимало свои интересы и возможности не хуже японских самураев, с чем приходилось, конечно, считаться и германской буржуазии. И это именно наложило особый отпечаток на ту своеобразную разновидность империализма, какую мы наблюдали в Германии и Японии — самую реакционную и наиболее агрессивную.

Позиции демократий Запада в вопросе о подготовке к войне были совсем иные. Очень долго после Версальского мира они вообще к ней не готовились и почивали на лаврах, возлагая преувеличенные надежды на созданную ими Лигу наций и бесконечные в ней дебаты о разоружении всех народов. Затем, когда банкротство Лиги наций стало очевидным, а германский фашизм вырос уже в угрожающую агрессивную силу, оказалось, что даже такие мощные твердыни капитализма, как Англия и Франция, сознавая свою неподготовленность к войне, вынуждены были не раз отступать перед этой угрозой, сдавая Гитлеру одну из своих позиций за другой. А США, чувствуя себя достаточно изолированными от возможной агрессии за гранями двух океанов, вообще довольствовались ролью

[1] «Мировое хозяйство». Ежегодник 1937/1939 гг. М., 1938, стр. 220.

[2] «Истощение экономических ресурсов фашистской Германии», стр. 32

стороннего наблюдателя, пребывая в нетях своего призрачного «изоляционизма».

Преувеличенные надежды на оборонное значение Ламанша и своего флота питали и англичане. И даже во Франции военные круги тешили себя иллюзиями о непроходимости пресловутой линии Мажино. Войны в этом лагере явно не хотели, но и к обороне готовились не спеша, в надежде на силу своих естественных водных преград и искусственных сооружений. А главным образом в надежде на то, что острие вооружений фашизма прежде всего обратится на Восток, а не на Запад. Тем более, что на Западе у Гитлера было немало единомышленников, а еще больше запуганных им обывателей, которым призрак грядущего коммунизма казался гораздо страшнее самой реальной фашистской опасности сегодняшнего дня и часа и которые поэтому ожидали в Гитлере найти наиболее желанного союзника.

Совсем особую позицию в области подготовки к войне занял с первых же дней своего бытия Союз Советских Социалистических Республик. Миролюбие советской внешней политики общеизвестно. Еще в мае 1918 г. В. И. Ленин говорил в докладе о внешней политике: «...К защите отечества мы относимся с осторожностью, все, что может наша дипломатия дать, чтобы отдалить момент войны, дабы продлить перерыв, мы обязаны сделать, мы обещаем рабочим и крестьянам сделать все для мира. И мы это сделаем»[1]. Вместе с тем всем советским людям ясно было всегда, что несмотря на все миролюбие первой в мире страны социализма, ей раньше или позже придется стать объектом агрессии чужеродного окружения. К этому нужно было готовиться, не теряя ни дня, ни часа из предстоящей передышки между войнами. Замечательно также, что гениальный провидец Ленин еще до Октябрьской победы пролетариата в предвидении неизбежной борьбы двух столь различных экономических систем наметил и генеральный метод подготовки к такой борьбе, единственно правильный и осуществимый.

«Война неумолима,— писал Ленин еще в сентябре 1917 г.,— она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также *и экономически*»[2]. Одной политической революции, хотя бы и самой демократической, было для этого явно недостаточно. Ленин знал, что тогдашняя царская Россия была «невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой»[3]. Но он знал также преимущества новой социальной системы и, правильно расценивая потенции ее развития в такой стране неограниченных возможностей, как новая Россия, ставил перед ней все ту же диалемму: «Погибнуть или на всех парах устремиться вперед»[4]. И этот гениальный завет Ильича был полностью выполнен нами в плановых пятилетках. Устремление вперед такими темпами, каких еще не знал свет, во исполнение намеченной программы индустриализации СССР и стало нашим основным методом экономической подготовки к грядущим войнам.

В отличие от гитлеровских планов форсирования непосредственной подготовки к войне советская программа добивалась общего гармонического подъема всего народного хозяйства и, прежде всего, его энергетической базы, а также таких ведущих отраслей, как машиностроение и химическая индустрия, без которых нечего было бы мобилизовывать и на случай войны. Но попутно, в меру общего роста, не забывались, конечно, и специальные нужды обороны. Как известно, уже в результате первой пятилетки, к 1933 г. страна наша из аграрной стала индустриальной, подняв

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 342—343.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 198.
[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 360.
[4] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 198.

объем промышленной продукции более чем втрое по сравнению с довоенным уровнем 1913 г. И нам уже казалось, что из страны слабой и неподготовленной к обороне Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне. Но это было только ободряющее начало. За первой пятилеткой последовала вторая, за второй — третья.

Преимущества плановой системы советского хозяйства становились все осязательнее. В то время как капиталистический мир трижды потрясали глубокие промышленные кризисы 1920, 1929 и 1937 гг., сводившие почти к нулю все достижения предшествующих им периодов подъема, кривая бескризисного развития советской индустрии неизменно устремлялась вверх. В отличие от стран капитализма, где ограниченность рынков сбыта еще усугубляется все возрастающим нажимом монополистов на уровень оплаты труда, в СССР, где у власти был уже рабочий класс, а не буржуазия, не ставилось подъему уровня зарплаты рабочих иных пределов помимо роста производительности их труда. А это в связи с одновременным ростом численности самих рабочих кадров страны приводило к небывалому еще нигде росту емкости внутреннего рынка СССР. Достаточно сказать, что с 1928 по 1940 г. фонды заработной платы в нашей стране возросли с 8,2 до 162 млрд. руб., т. е. за 12 лет — в 20 раз[1]. Это одно равносильно ежегодному расширению советского рынка на 12,8 млрд. руб. Для сравнения укажем, что весь китайский рынок, например, закупал за границей товаров на сумму от 150 до 200 млн. долл. в год, а вся Африка миллионов на 400. Таким агрессорам, как Германия или Япония, не склонным вступить на путь СССР для расширения своих рынков, хотя этот путь открыт для всех народов, пришлось бы встать перед труднейшей задачей. Чтобы не отстать от СССР в его мирном развитии, им пришлось бы на путях агрессии ежегодно поглощать в погоне за внешними рынками до шести материков, подобных «черной» Африке, или до дюжины гигантов, подобных «желтому» Китаю, хотя и с одним-то Китаем за дюжину лет Япония не справилась. Задача эта явно безнадежная уже потому, что на всей нашей планете не нашлось бы столько цветных материков и народов, чтобы удовлетворить колониальные аппетиты хотя бы одного Гитлера.

Существенным преимуществом СССР, по сравнению со всеми другими странами и царской Россией, является также та его особенность, что за ликвидацией у себя паразитических классов и их расточительного потребления мы получили возможность обращать у себя на капитальные вложения гораздо большую долю народного дохода, чем это осуществимо в других странах. И с ростом советской индустрии эти вложения в народное хозяйство возрастали в геометрической прогрессии. За 1918—1928 гг. они не превышали 16,7 млрд. руб., за 1928—1932 гг. они составили уже 67,2 млрд., за 1933—1937 гг. они возросли уже до 151,7 млрд.; а по плану следующей пятилетки намечалось вложить еще 181 млрд. руб., из которых еще до войны 1941 г. было вложено 151 млрд.[2]

Как известно, продукция таких агрессоров, как Германия, Италия и в особенности Япония, росла значительно быстрее, чем в других, более миролюбивых странах Запада. Но советские темпы, несмотря на глубочайший провал за время первой мировой войны, были еще выше. И в результате, перед новой войной, советская продукция не только значительно превзошла германскую, но и превысила ее даже с Италией и Японией в придачу.

[1] «СССР — страна социализма». М., 1936, стр. 51; «Записная книжка статистика». М., 1944, стр. 29.

[2] «Народное хозяйство СССР в 1958 году». М., Госстатиздат, 1959, стр. 618.

К этому можно еще добавить, что полностью мобилизованное немецкое машиностроение к 1939 г. дало всей продукции на сумму не свыше 3 млрд. золотых долл. 1913 г., в то время как советское машиностроение достигло уже вдвое большей суммы. Эта мирная наша победа в экономическом соревновании двух систем уже и сама по себе заслуживает глубочайшего внимания. Но в то же время это был неплохой базис и для подготовки к обороне на случай войны. В современных войнах — этой величайшей арене состязания моторов — машиностроение играет далеко не последнюю роль. В городе и на селе у нас появились миллионы автомобилей, тракторных и всяких иных моторов, а вместе с ними миллионы же обслуживающих эти моторы механиков и мотористов, которых не так уже трудно в случае нужды пересадить с мирных машин и на боевые. Все легче становилось вместе с тем, располагая мощным машиностроением, оснащать попутно передовой техникой и нашу Красную Армию. Всем памятны, вероятно, выступления маршала Ворошилова по этому поводу на XVII и XVIII съездах партии. По его словам, «если в 1929 г. на одного красноармейца приходилось в среднем по всей РККА 2,6 механических лошадиных сил и в 1930 г.— 3,07, то в 1934 г. их было уже 7,74, а в 1939 г.— 13 лошадиных сил» [1]. Такие темпы моторизации нашей армии — за одно десятилетие в 5 раз,— благодаря которым мы опередили в этом отношении еще в 1934 г. даже наиболее механизированную английскую армию, поистине огромны, но темпы роста советского машиностроения за те же годы были в 3 раза выше и потому указанное оснащение армии моторами не требовало от нас особого напряжения.

Тринадцать механических сил или в переводе на человеческую энергию по меньшей мере 130 железных соратников на каждого советского бойца — это огромная степень механизации. Тем более, что, как это тогда же подчеркивал тов. Ворошилов, мы ни на кого не собирались нападать. Мы давно уже оградили укрепленными районами свои границы на Западе и Востоке, но, не успокаиваясь на этом и все наращивая военную технику, наши военные авторитеты готовились к активной обороне малой кровью — на чужой земле. Уже в 1934 г. они утверждали, что «сейчас основные задачи технической реконструкции армии нами решены», отмечали «огромные достижения в области авиастроения», заявляли, что уже «сейчас мы имеем вполне современные танки в достаточном числе» и т. д. [2] А в 1939 г., подводя итоги дальнейшим достижениям в области оборонной подготовки, они докладывали стране, что число военных самолетов выросло у нас за пять лет на 130%, т. е. более чем вдвое, число летчиков — на 184%, бомбовый залп их в 3 раза, мощность автомоторов — на 7 900 000 HP, или на 213%, т. е. более чем втрое, танковый парк — на 191%, огневая мощь его — на 234%, количество бронемашин — в 7,5 раз и т. д. Общий их вывод сводился к тому, что мы не только «не отстаем» от своих соседей в области вооружений, но даже больше — наша армия является «лучше, чем какая-либо другая армия, технически вооруженной и прекрасно обученной армией» [3].

Все эти весьма откровенные заявления в печати, несомненно, без всяких преувеличений отражали наши усилия в подготовке СССР к оборонительной войне, хотя чрезмерный их оптимизм и приводил нас к недооценке всех предстоящих нам опасностей. Но враг мог извлечь из них серьезное предостережение против слишком рискованной агрессии в случае борьбы на два фронта. И Гитлер — этот паяц, возомнивший себя

---

[1] «XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет». М., 1934, стр. 229; «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет». М., 1939, стр. 196.

[2] «Стенографический отчет XVII съезда», стр. 228—229.

[3] «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет». М., 1939, стр. 193, 194, 195, 197, 204.

Наполеоном,— решил совместить в своем лице заодно и дипломатические таланты лицемерного Талейрана. Во избежание опасности войны на два фронта он предложил Советскому Союзу договор о ненападении с явным намерением немедленно его нарушить — после молниеносного поражения других, более слабых своих соседей,— нарушить с той же легкостью, с какой он и до того нарушал уже не одно из своих обязательств. Намерения эти были слишком прозрачны, чтобы обмануть кого-либо. Но отвергнуть мирное предложение Гитлера значило бы дать ему лишний повод для немедленного нападения на страну Советов, что отнюдь не входило в наши расчеты. Такой отказ противоречил бы всем традициям советского миролюбия и прямым заветам В. И. Ленина, обещавшего народу от имени советской дипломатии сделать все возможное, «чтобы отдалить момент войны» и продлить заслуженную им передышку между войнами. К тому же переговоры о взаимной поддержке против агрессии с миролюбивыми странами Запада были сорваны неприемлемой позицией западной дипломатии. И СССР рисковал остаться в одиночестве против целой коалиции заключивших антисоветский пакт друзей Гитлера. Советская дипломатия оказалась гибче. Обезвредив этот пакт договорами с Германией, а затем и с Японией, мы выиграли еще около двух лет мирной передышки и использовали ее на все сто процентов.

Тем временем Гитлер, сменив дипломатический фрак Талейрана на шпагу Наполеона, выступил уже в этой новой роли в Европе. Еще раньше, попирая все нормы международного права, ему удалось благодаря банкротству Лиги наций безвозбранно округлить свои владения сначала Австрией, а затем и Чехословакией, попав таким образом совсем без драки в большие забияки. Теперь, вооруженный уже до зубов и обеспеченный нейтралитетом с тыла, он начал еще бесцеремоннее хозяйничать в Европе. Пользуясь слабой подготовкой к войне своих соседей, он стал «молниеносно» заглатывать один лакомый кусочек за другим. В два счета он проглотил сначала Польшу, а затем нейтральную Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию. Не подавился он даже таким сравнительно крупным куском, как Франция, не говоря уже о таких мелочах, как Греция и Югославия. И тогда его слабая голова совсем закружилась от успехов. Загнав Англию на острова и поставив перед собой на колени всю остальную Западную Европу, Гитлер решил столь же молниеносно проглотить, хотя бы с риском подавиться, еще более грандиозный кусище и, вероломно нарушив по усвоенной им привычке еще один международный договор, внезапно вторгся в пределы СССР.

Говорят, что когда Юпитер на кого-либо сердится, то прежде всего лишает его разума. Оставляя пока открытым вопрос много ли Гитлеру было отпущено разума от рождения, нужно думать, что Юпитер очень сильно на него рассердился именно в июне 1941 г., что и повлекло за собой решение Гитлера вторгнуться в СССР. Он не сознавал, конечно, в этот момент, что Советский Союз это не Польша и даже не Франция, с которыми так легко было справиться совместными усилиями внешних и внутренних фашистов. Не мог он, конечно, оценить по достоинству все преимущества советской экономической системы и советских методов подготовки к войне. Натравливая в своем лагере в зверином национализме одну нацию на все остальные и питая таким образом в них взаимную ненависть и презрение, Гитлеру, конечно, не понять было оборонного значения советской национальной политики, спаявшей у нас в одну братскую семью все народы СССР как в тылу, так и на фронте. Распространяя по всей Европе свой «новый порядок» угнетения и насилия, средневековой иерархии и крепостнической зависимости одних слоев общества от других, Гитлер едва ли в состоянии был оценить и военное значение того несравненного единства фронта и тыла, какое достигается в нашей стране, с ее единством интересов, социальным равенством и бесклассовой структурой

общества, отстаивающего свою независимость и высокую культуру. Поддерживая в своей захватнической армии за отсутствием высших стимулов лишь дух мародерства и грабежа, Гитлер не предвидел, конечно, и той высокой моральной силы духа, какую несет в себе Красная Армия — эта армия освобожденных от всякого гнета рабочих и крестьян,— когда она борется за свободу своей Родины. Но он мог бы по крайней мере учесть другое, а именно культурно-экономический рост Советского Союза.

В экономическом своем росте Советский Союз впервые опередил Германию еще в 1932 г. С приходом к власти Гитлера, который целых шесть лет столь щедро расточал все свободные ресурсы своей страны на непроизводительные затраты по подготовке к войне, это опережение Германии Советским Союзом все нарастало. В 1938 г., когда советская индустрия обогнала германскую — по общим масштабам всей продукции в полтора раза, а в машиностроении даже более чем вдвое, это опережение стало уже решающим. Но, пользуясь превосходством своей дипломатии, СССР добился еще двухлетней передышки для мирного развития. И в то время, когда гитлеровские орды еще яростнее разоряли и разрушали чужие земли в «тотальной» войне, а сам Гитлер забавлялся эффектными снимками своей особы в наполеонских позах под Эйфелевой башней в Париже, советские народы продолжали свою творческую работу по культурно-экономическому подъему своей страны. Всего с 1938 по 1940 г.— за два года — в народное хозяйство СССР было вложено свыше 82,3 млрд. руб. И ценою этих миллиардов, крепя оборону страны, вступило в строй еще до 2000 новых гигантов советской индустрии. Народный доход СССР за эти два года возрос на 22%, промышленная продукция со 106,8 до 138,5 млрд. руб.— на 31%, государственный бюджет со 127,5 до 180,2 млрд.— на 41%. Особенное оборонное значение при этом имел, однако, рост продукции машиностроения, превысившей уже в 1940 г. раза в три предвоенный уровень полностью мобилизованной Германии.

Немалое оборонное значение, помимо всякого иного, имела и та культурная революция в СССР, которая осуществлена была у нас за период первых плановых пятилеток. Когда-то в Германии говорили, что франко-прусскую войну 1870 г. выиграл немецкий народный учитель. Об этом следовало бы вспомнить Гитлеру, сопоставив уровни современной немецкой и советской культуры. Поучительно отметить, что в гитлеровской Германии и число учителей, и школ, и учащихся, а также число издаваемых книг и журналов заметно падало даже по сравнению с уровнем вильгельмовской Германии, вместе с чем еще более резко падало число изобретений и патентов. В то же время в СССР можно отметить огромный рост всех этих показателей по сравнению не только с царской Россией, но и с гитлеровской Германией. Достаточно сказать, что уже в 1937 г. у нас насчитывалось до 10 млн. работников интеллигентных профессий, в том числе одних учителей 969 тыс. В Германии в 1938 г. насчитывалось всего 51 тыс. народных школ и в них 179 тыс. учителей и менее 7600 тыс. учащихся. А у нас только такого типа школ и учащихся было раза в три больше, а всего учащихся по всем типам школ и курсов насчитывалось свыше 47 млн. душ, в том числе в средней школе (5—10 классы) свыше 10 млн. и в высшей более 600 тыс. студентов. В Германии во всех высших учебных заведениях обучалось не свыше 74 тыс. студентов, т. е. в восемь раз меньше. В том числе в инженерных вузах в 23 раза меньше. И даже в Германии с Италией и Японией в придачу число всех студентов не достигло 300 тыс., т. е. было вдвое меньше, чем в СССР[1].

Многостороннее оборонное значение этого фактора трудно переоценить. В частности, как известно, наши вузы, давая всем студентам помимо

[1] «Мировое хозяйство». Ежегодник 1938/1939, стр. 440; «Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.)», 1939, стр. 116 и сл. «Экономическое соревнование социализма и капитализма». М., 1939, стр. 43.

общей и специально военную подготовку, являются мощным резервом весьма культурных командных кадров Красной Армии на случай войны. Вся же наша многомиллионная школа давно уже стала у нас такой передовой школой советского патриотизма, что в одержанной нами победе над фашизмом участию советского школьного учителя принадлежит, конечно, далеко не последнее место.

Пренебрегая всеми этими моментами, в надежде на внезапность нападения и молниеносность успехов «высшей расы», Гитлер все же вторгся в наши пределы. Располагать первоклассной армией и высокой техникой еще не значит быть готовым к войне, ибо для этого надо мобилизовать и вооружить всю страну. В этом смысле мы не были готовы к войне ни в 1939 г., ни в 1941. У нас для кадровой нашей армии хватало и танков, и самолетов еще в 1934 г. Но в 1941 г., когда обобравший их почти со всей оккупированной Европы Гитлер со своей армадой переступил советские границы, на первых порах оказалось, что и самолетов у нас было «еще меньше, чем у немцев», и «танков у нас все же в несколько раз меньше, чем у немцев». И фашистский сброд оказался уже под Москвой. Однако решающее превосходство советского машиностроения сделало свое дело. Танков и самолетов скоро уже у нас стало много больше, чем у немцев. Наши методы подготовки к войне стали давать полный свой эффект. И когда, закончив мобилизацию своих основных сил и экономических ресурсов страны, Красная Армия перешла в наступление, временные неудачи сменились блистательными победами. Советская система на этот раз уже в военном состязании выявила все те же свои преимущества, какие обеспечили ей экономическую победу над германским фашизмом еще в мирном соревновании этих двух столь чужеродных друг другу систем.

Поучительнее всего в этом состязании было то, что решающие успехи советского оружия были одержаны задолго до того, как наши союзники смогли оказать нам сколько-нибудь существенную помощь. Оказалось, что воинствующий фашизм не имел никаких шансов на молниеносную победу даже против одного СССР. А в затяжной войне на истощение против всей мощной коалиции свободолюбивых народов с их неисчерпаемыми экономическими ресурсами он и подавно никаких шансов на победу иметь не мог.

4. МОБИЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ ВОЮЮЩИХ СТРАН

Современные войны требуют мобилизации, т. е. приведения на военное положение не только всех своих кадровых воинских частей, но и вообще всей экономики страны. Мобилизация всех военнообязанных возрастов населения, автотранспортных и иных хозяйственных ресурсов в первые же дни войны уже сама по себе вносит существенную пертурбацию в условия народного хозяйства. Железные дороги на время вовсе прекращают обслуживание мирных перевозок, а затем предоставляют им только свободные от воинских нужд остатки своей мощности. В мирной экономике образуется ряд провалов, требующих немалых усилий для своего заполнения или возмещения. Уже одна проблема возмещения мобилизованных кадров рабочей силы представляет огромные трудности в условиях войны. Но война требует непрерывного и достаточного питания армии и боеприпасами, и хлебом, и многим другим в совершенно иных пропорциях, чем в мирное время. Решение всех проблем, связанных с такой перестройкой производственных пропорций для возможно полного использования экономических ресурсов страны в условиях войны и входит в понятие мобилизации всей экономики применительно к потребностям военного времени.

В прежние времена гораздо более ограниченные потребности войн не требовали столь радикальной перестройки всей экономики. Для воен-

ных нужд существовали в небольшом числе специальные государственные военные заводы, которые на время войны развертывали свою работу на полную мощность, а в мирное время свертывали ее до минимума. Этим и ограничивалась планомерная мобилизация и демобилизация военной промышленности. Любопытно отметить все же, что именно с этого военного конца еще в условиях капитализма получили свое начало первые опыты как огосударствления промышленности, так и частичного внедрения в нее планового регулирования. На частное хозяйство такое регулирование до первой мировой войны не распространялось, и война воздействовала на него лишь стихийно, через рынок. Частные предприятия редко специализируются на выпуске военной продукции во избежание риска остаться в мирное время без заказов. Такие комбинаты, как заводы Круппа в Германии, Крезо во Франции, Шкода в Чехословакии, представляли собой немногие исключения. И потому великие державы Запада, вступая на путь государственного капитализма, волей-неволей давно уже стали строить военные заводы за счет казны, возлагая весь риск по эксплуатации их в мирное время на всех налогоплательщиков.

О масштабах такого казенного строительства военной индустрии можно судить по следующим его итогам в США за вторую мировую войну. Из всей суммы вложений в промышленность США за годы этой войны, с 1.VII 1940 по 1.IX 1943 г., исчисляемой в 19,3 млрд. долл., на долю государственных вложений падает 15,5 млрд., т. е. 80% [1]. Как видим, война диктует здесь такие масштабы обобществления, какие трудно было бы даже себе представить еще несколько лет тому назад. И все же даже их уже недостаточно для успешного ведения современных войн. И государственная власть вынуждена распространять свой жесткий контроль и планово-регулирующее воздействие далеко за пределы одной лишь государственной индустрии — и на всю частнокапиталистическую промышленность. Впервые такая необходимость выявилась еще в условиях первой мировой войны 1914—1918 гг. Генеральные штабы всех стран, питаясь только опытом прошлого и потому обращенные к грядущей войне всегда задом, жестоко просчитались в оценке небывалых масштабов этой первой войны нового типа. И потому заготовленные для этой войны запасы всякого рода, которых по расчетам специалистов должно было хватить на несколько лет, оказались исчерпанными в первые же месяцы войны. Не хватало ни боеприпасов, ни даже ручного оружия. Особенно быстро эта нехватка обнаружилась в царской армии. Но немного лучше было и в других армиях по части запасов. И тогда повсюду на очередь встал вопрос о мобилизации всей промышленности.

Дольше других в этом отношении медлило русское военное ведомство, в надежде обойтись вовсе без помощи частной промышленности продукцией одних лишь казенных заводов. В начале войны оно решительно отклоняло предложения частных заводов о выдаче им заказов на поставку вооружения и боеприпасов. Тем временем обнаружилось, что за отсутствием винтовок свежие пополнения в тылу русской армии приходилось уже обучать вместо стрельбы ружейным приемам — на палках. Однако из палки, вопреки пословице, и на грех не выстрелишь, а ружейные приемы, годные для парадов, вовсе не требуются в походах и окопах. Когда же обнаружилось, что уже и на фронте потребление снарядов и патронов приходится регулировать чуть ли не по такой же карточной системе, как хлеб и сахар в тылу, военному ведомству пришлось срочно перестраиваться на ходу. Только с февраля 1915 г. началась частичная подготовка ряда гражданских заводов к принятию военных заказов. Но и тут, по свидетельству Гриневецкого, «в начале дело шло весьма туго, по неподготов-

---

[1] Я. С. Розенфельд. Промышленность Соединенных Штатов Америки и война. Госполитиздат, 1947, стр. 65.

ленности заводов и технической косности военного ведомства». И в результате этой неподготовленности заказы на снаряды, винтовки, взрывчатые вещества выдавались на сроки от года до полутора и даже до двух лет [1]. Потребовалось весьма энергичное вмешательство общественности земских и городских самоуправлений... Был создан ряд новых регулирующих народное хозяйство органов: «особые совещания» по обороне, по перевозкам, по топливу, по металлу и по продовольствию.

Правда, все эти сильно запоздавшие мероприятия и организации не могли дать особо благоприятных результатов в условиях тогдашнего царского самодержавия и не предотвратили ряда тягостных неудач царской армии, связанных с потерей огромных территорий, еще до революции 1917 г. Однако в середине 1916 г. мобилизация гражданской промышленности в России была в основном уже закончена. А вместе с тем располагая, и помимо военных заказов, такими рычагами прямого воздействия на частный капитал, как плановое распределение столь дефицитных уже тогда элементов производства, как топливо, металл, продовольствие и железнодорожные перевозки, государственная власть оказалась у руля всей экономики страны. Логика военной экономики вполне закономерно толкала на этот путь все воюющие страны. И на Западе, в особенности в Германии, продвижение в этом направлении было даже значительнее, чем в царской России. Это были только первые шаги на пути к государственному капитализму. Но кое-кому из буржуазии мерещилось, что это уже чуть ли не социализм. На самом же деле этот социализм навыворот, направленный не к облегчению, а лишь к еще большему отягощению судеб пролетариата, влечет за собой к тому же не сбережение и накопление экономических ресурсов общества, а самое непроизводительное их расточительство в процессе взаимного истребления народов.

Чтобы показать, какие резкие отраслевые сдвиги в структуре промышленной продукции имели место в условиях войны 1914—1918 гг., приведем несколько цифр. По имеющимся данным, продукция всей промышленности России достигла в 1916 г., по неизменным ценам, 101% нормы 1913 г. В том числе по отдельным отраслям — в результате мобилизации одних и сокращения других производств — она составила (в границах СССР): в обработке металлов — 220%, в основной химической — 197%, в топливной — 98%, в производстве тканей, одежды и обуви — 91%, в пищевой индустрии — 91%, в черной металлургии — 82%, в цветной — 72%, в силикатных производствах — 58%, в обработке дерева — 51%, в железорудной промышленности — 50%. Как видим, в динамике таких военных отраслей, как обработка металлов и химическая и всеми остальными обнаруживается огромный разрыв. Но войну обслуживают в разной мере и другие производства. И общая закономерность указанной динамики выражается в том, что наибольший рост получают отрасли труда, всего теснее связанные с нуждами армии, наибольшее падение — производства, всего менее с ними связанные.

Закономерность эта прослеживается и глубже. Так, если обработка металлов, взятая в целом, в разгар войны достигла в 1916 г. 220% нормы 1913 г., то машиностроение, в частности, повысило свою продукцию до 480%, в том числе предметы вооружения выросли до 1470% нормы 1913 г. Если основная химическая промышленность в целом поднялась до 197% за три года войны, то производство взрывчатых веществ достигло при этом 1045% в 1916 г. и 813% в 1917 г. Если производство и обработка тканей и кожи в сумме своей упали всего на 9%, то это объясняется лишь тем, что для армии понадобилось много готовой одежды и обуви, производство которых достигло 223 и 119% нормы 1913 г. Подобно этому падение пи-

[1] В. И. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности, изд. 2. М., 1922, стр. 16.

щевых продуктов на 9% умерялось повышенным спросом армии на сахар, поднявшим его продукцию до 127% итога 1913 г. В условиях войны сталь и медь нужнее золота, и потому при сокращении черной металлургии на 18% и цветной на 28%, добыча золота сократилась на 30% [1].

О масштабах мобилизации русской промышленности за 1914—1916 гг. дают представление следующие факты и цифры. В 1913 г. на 48 военных заводах казны работало 77,3 тыс. рабочих и получено 154,2 млн. руб. военной продукции. В 1916 г. действовало 56 военных заводов казны с общей численностью рабочих 211 868 и годовой продукцией в 742 млн. руб. по ценам 1916 г. или до 470 млн. руб. по ценам 1913 г. Говоря иначе, казенные заводы повысили свою военную продукцию раза в три за эти три года. Но это было все же каплей в море, как видно уже из того, что в том же 1916 г. военным ведомством было произведено заказов на 2495 млн. руб. в России и на 1792 млн. за границей, а всего на 4287 млн. руб. И это еще не все, ибо сюда не вошли военные заказы других ведомств и организаций, в том числе заказы Центрального военно-промышленного комитета на 192 млн. руб. и Земского и Городского союзов на 74,4 млн. руб. [2]. Пользуясь анкетой Особого совещания по обороне, работу всей русской промышленности на оборону за 1916 г. можно просуммировать в табл. 2 [3].

По анкете общая сумма военных заказов частным заводам, работавшим на оборону, достигала 70,9% [4] всей их продукции. Из нее 44,6% падало на заказы военного ведомства, 10,8% на прочие ведомства и 15,5% на заказы общественных организаций. Как видим из таблицы, на долю казенных заводов приходилось не свыше 13%, а на частные до 87% всей военной продукции в ценах 1913 г. Войну обслуживали все отрасли труда, но на долю II подразделения (средств существования) из общей суммы военных заказов промышленности пришлось не свыше 31%, в то время как I подразделение за счет средств производства дало 69% военной продукции. Во всей крупной промышленности царской России насчитывалось в 1916 г. до 16 тыс. рудников и заводов, до 2865 тыс. рабочих и не менее 5753 млн. руб. промышленной продукции в ценах 1913 г. [5] Таким образом, на оборонную работу было мобилизовано менее 25% всех цензовых предприятий, но до 66% занятых в них рабочих и до 62% валовой продукции.

По данным переписи 1918 г., эти цифры еще выше. В частности, в пределах охваченной ею территории из 5912 действующих предприятий заказы на оборону выполняло 3200 заводов, т. е. уже 54% общего их числа. Но это может служить лишь показателем высокой устойчивости оборонных предприятий, вспрыскиваемых живой водой военных заказов, и быстрой гибели в условиях войны всех остальных предприятий, лишенных всяких привилегий по снабжению топливом и энергией, рабочей силой и услугами транспорта.

О норме прибыльности частных предприятий в условиях войны 1914—1917 гг. мы, к сожалению, не располагаем сплошными данными. В материалах переписи 1918 г. имеется впрочем сводка по 345 предприятиям, представившим свои балансовые отчеты за все годы войны. Чистая

---

[1] См. «Россия в мировой войне 1914—1918 года». М., 1925, стр. 7, 71, 102; «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.». М., 1926, стр. 39—43; «Динамика русской и советской промышленности за 40 лет», вып. 4 (архивный материал).

[2] «Россия в мировой войне 1914—1918 года», стр. 7 и 56—58.

[3] Там же, стр. 70—71. Индексы цен по Воробьеву. Годовая продукция получена умножением месячной, переведенной в цены 1913 г., на 12. Число рабочих, выполняющих заказы на оборону, принято в том же проценте, что и заказы.

[4] 499,4; 704,4 млн. руб. в месяц по ценам 1916 г., а по ценам 1913 г.— 74,5%.

[5] Итоги сводки Л. Б. Кафенгауза в ВСНХ; по подсчетам Н. Я. Воробьева в ЦСУ, продукция 1916 г. достигала 5928 млн. руб.

Таблица 2

Итоги производства за 1916 г. заводов, работавших на оборону *

Группы заводов	Число заведений с данными о продукции	в них рабочих, в тыс.	Месячная продукция в млн. руб. 1916 г.			Индекс цен 1913=100	Годовая продукция, в млн. руб. 1913 г.		
			на оборону	на рынок	итого		всего	в т. ч. на оборону	в % гр. 8
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I. Казенные заводы (военные)	56	211,9	61,8	—	61,8	1,58	470	470	100
II. Частные заводы									
А. Средства производства									
1. Обработка металлов	1464	685,7	190,1	4,8	194,9	1,53	1529	1490	97,5
2. Химические производства	175	119,7	38,8	32,5	71,3	2,39	358	195	54,4
3. Горнозаводские . .	85	38,8	8,5	0,4	8,9	1,73	62	59	95,6
4. Прочие	495	174,1	45,6	4,9	50,5	2,28	266	240	90,3
Итого	2219	1018,3	283,0	42,6	325,6	1,76	2215	1984	89,6
Б. Средства существования									
1. Ткани, одежда, обувь	966	580,6	116,1	129,0	245,1	2,36	1247	590	47,3
2. Пищевая промышленность	265	57,2	96,4	27,3	123,7	2,35	631	492	78,0
3. Бумажная, полиграфическая . . .	35	14,7	4,0	6,1	10,1	2,35	52	20	39,0
Итого	1266	652,5	216,5	162,5	378,9	2,35	1930	1102	57,1
Итого по А + Б .	3485	1670,8	499,5	205,0	704,5	2,04	4145	3086	74,5
Всего по I и II	3541	1882,7	561,3	205,0	766,3	—	4615	3556	77,0

* Всего заведений к концу 1916 г. учтено 4561, в них рабочих всего 2234 тыс. человек, в том числе работавших исключительно на оборону 1637 тыс. (73,3%).

прибыль этих предприятий со средним числом рабочих на каждое до 460 чел. в процентах к валовой продукции составляла в 1913 г. 8,8%, в 1914 г.— 11,6, в 1915 г.— 16,5 и в 1916 г.— 17,6%, т. е. выросла ровно вдвое против норм мирного времени [1].

Но итоги таких балансов, составлявшихся для укрытия прибылей от обложения, не столь уж достоверны. Большего доверия заслуживают ответы питерских фабрикантов на специальный запрос своей классовой организации — Петербургского общества заводчиков и фабрикантов — весной 1917 г. После Октябрьской революции часть этих ответов попала случайно в наши руки и была подытожена. В сумме по 21 предприятию с основным капиталом в 82,9 млн. руб. в 1916 г. работало 44 067 рабочих и служащих, получивших за год 24,5 млн. золотых руб. зарплаты, в то время как хозяевам досталось 64,0 млн. руб. чистой прибыли, что соответствует норме эксплуатации в 261% [2].

Мы помним, как весной 1917 г. питерские фабриканты горько жалова-

[1] «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 годов», стр. 115.
[2] С. Г. Струмилин. Статистико-экономические очерки. М., 1958, стр. 246, 250.

лись на своих рабочих, требовавших повышения зарплаты, и уверяли, что они и без того уж накануне разорения. А между тем на каждую сотню рублей своего заработка каждый рабочий, как видим, приносил своему хозяину свыше 260 руб. чистой прибыли. Таковы условия военной экономики в капиталистических странах повсюду. В то время как мелкие предприятия, работавшие на частный рынок, действительно терпели убытки и выбывали из строя, все более крупные, питаясь военными заказами, обогащались удвоенными темпами.

Нечто подобное, по-видимому, происходило и в годы второй мировой войны в странах Запада. Военные расходы везде быстро обгоняли возможный рост продукции, которая, скажем, в США за 1940—1945 гг. возросла по объему менее чем на 20 млрд. в долларах 1939 г., или на 59%, в то время как военные расходы возросли за те же годы более чем на 60 млрд. долл., или раз в 60. В связи с этим даже в такой богатой стране, как США, пришлось за пять лет повысить налоговое бремя населения с 5,3 до 43,8 млрд. долл. в год, увеличить государственный долг с 43 до 259 млрд. долл., на 216 млрд. долл., и в то же время втолкнуть в обращение до 20 млрд. долл. новой бумажно-денежной эмиссии. В результате население США только за годы войны переплатило свыше 100 млрд. долл. налогами и будет еще десятки лет расплачиваться за 200 с лишним млрд. долл. государственного долга. Кроме того, возрастание денежной массы в обращении только за пять лет на 72% дало изрядный толчок к падению покупательной силы доллара, который уже к началу 1960 г. упал до 42 центов своей величины по оптовым ценам 1939 г.[1]. И на этом тоже немало миллиардов теряют все рабочие США в расчетах по выплате им заработной платы падающим долларом. Но зато корпорации предпринимателей удвоили свои прибыли за годы войны. А вместе с тем удвоилась и их охота к продлению столь выгодной для них военной конъюнктуры на любой срок.

Многие нужды военного времени в таких товарах, как уголь и металл для военных заводов или пищевые продукты и ткани для армии, покрываются продукцией заводов мирного времени. Заводы, их изготовляющие, нет нужды перестраивать на потребу войны, точно также никаких забот не вызовет их переключение на мирную продукцию по окончании войны. Ни мобилизации, ни демобилизации они не требуют. Особый интерес представляет поэтому выделение из общей продукции страны той ее доли, которая уже по своему назначению производится специально для нужд войны.

По самым крупным статьям этого рода за первую мировую войну в России израсходовано за 40 месяцев 1914—1917 гг. артиллерийского имущества на 13 332 млн. и военно-технического — на 2173 млн., а всего на 15,5 млрд. руб.[2], что составляет только 47% от всех расходов в 33 млрд. на содержание армии и флота и всего 31% от общих затрат на войну в 50,2 млрд. руб. В стоимость указанных средств истребления вошел расход на 18 730 орудий, 22 000 бомбометов и минометов, 45 590 пулеметов, 19,2 млн. винтовок, 225 млн. снарядов и 16,8 млрд. израсходованных патронов. Этого было, конечно, крайне недостаточно для действующей армии в 7 млн. бойцов на фронте в 3000 км. На каждый километр фронта такой запас обеспечивал всего два — три снаряда в час, на каждого бойца — два патрона в сутки. Но очевидно большего и самая полная мобилизация тогдашней русской промышленности дать не могла. Некоторое представление

---

[1] «Statistical Abstract of the United States», 1960, p. 239, 307, 331, 366, 370, 389, 403.

[2] «Россия в мировой войне 1914—1918 года», стр. 5, 47, 61. Продовольствия на 3680 млн. и интендантских сукон, белья, сапог и пр. на 2165 млн. руб. мы не включаем в эту категорию.

Таблица 3

Распределение конечной продукции по ее назначению в ценах 1913 г. *

Показатели	Годы				
	1913	1914	1915	1916	1917
А	1	2	3	4	5
Объем производства, млн. руб.					
1. Средства производства	484	508	528	467	303
2. Средства существования	1261	1246	1266	1121	805
3. Средства истребления	83	122	386	523	440
Итого	1828	1876	2180	2111	1548
Структура его, %					
1. Средства производства	26,4	27,1	24,2	22,1	19,6
2. Средства существования	69,0	66,4	58,1	53,1	52,0
3. Средства истребления	4,6	6,5	17,7	24,8	28,4
Итого	100	100	100	100	100
Динамика роста, %					
1. Средства производства	100	105,1	109,2	96,5	62,7
2. Средства существования	100	98,8	100,3	88,9	63,7
3. Средства истребления	100	147,4	463,2	624,1	529,0
Итого	100	102,6	119,2	115,5	84,7

* «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.». М., 1926, стр. 41.

о масштабах возможной тогда мобилизации средств истребления дает табл. 3, составленная по данным переписи 1918 г.

Абсолютные цифры этой сводки заведомо преуменьшены, поскольку перепись 1918 г. в условиях гражданской войны не охватила всей Украины и многих других районов. Но относительные величины и соотношения сохраняют свое значение. Особого внимания в этой группировке продукции по признаку ее назначения заслуживает следующий факт. В то время как вся продукция, выполняемая по военным заказам, в 1916 г. достигала 62% общей продукции страны, предметы обороны в более тесном смысле этого слова, т. е. средства истребления по их назначению, составили всего 24,8% учтенной переписью продукции этого года. Весьма вероятно, что при большем развитии отсталых в царской России машиностроения и химической индустрии этот процент оказался бы много значительнее. Но во всяком случае важно установить, что «средства истребления» поглощали всего около 40% военного спроса на продукты промышленности внутреннего производства России. Стало быть, мобилизации с переключением на военную продукцию подлежит промышленность только в масштабе этой части военного спроса.

Опыт первой мировой войны не прошел даром. Мобилизация гражданской промышленности теперь начинается повсюду не через полгода или год после начала войны, а с первых же ее дней. А в таких странах-агрессорах, как Германия, даже за ряд лет до начала войны. Заранее разрабатываются планы и инструкции о том, какие именно заводы должны «ассимилировать» ту или иную военную продукцию. Так, например, заводы тяжелого доменного оборудования по этим инструкциям переключаются на производство танков, велосипедные — на продукцию пулеметов. Вместо сельскохозяйственных машин производятся минометы, вместо несго-

раемых сейфов — броня, вместо легких станков — стрелковое оружие, вместо стиральных машин и патефонов — снаряды и патроны, на инструментальных и часовых заводах — взрыватели, на монетном дворе — военные ордена. Вместо азотных удобрений получаются взрывчатые вещества, вместо анилиновых красок — отравляющие вещества и т. д. [1].

Однако для перевода любого такого завода на новый ассортимент — военной продукции — помимо заказов требуется еще немало времени и усилий. Каждое новое изделие — танк или пулемет — составляется из многих сотен частей и деталей. Для изготовления их нужно заготовить чертежи, формы для отливки или штампы, ряд новых приспособлений к наличному оборудованию, а подчас и новое дополнительное оборудование. Все это стоит денег и труда. Не получив казенных заказов и авансов, ни один частный предприниматель в странах Запада не пожелает приняться за такую подготовительную работу, а получив заказ, потребует длительных сроков для их выполнения. Да и вообще в странах, где слишком много хозяев, примирить их разноречивые частнохозяйственные интересы и направить на дружное выполнение общенациональной оборонной задачи — дело нелегкое.

Неизмеримо легче и в кратчайшие сроки эта задача, как показал нам опыт, разрешается у нас в СССР, где все производительные ресурсы страны и в мирное время, как и в условиях войны принадлежат и служат одному хозяину — советскому народу. Здесь еще до войны — на каждом предприятии, подлежащем мобилизации — были созданы специальные ячейки, задачей которых было подготовить решительно все, необходимое для переключения на оборонную программу производства в любой момент, как только в этом возникнет нужда. И эти ячейки не теряли даром времени. Несмотря даже на вынужденную внезапным вторжением врага эвакуацию и перебазирование огромной массы предприятий, мы завершили их мобилизацию на новых местах в несколько раз быстрее, чем США или Англия. Было бы преждевременно уже сейчас подробно освещать этот процесс героической борьбы советского тыла за ускорение помощи фронту. Это задача будущей «Истории Великой Отечественной войны». Нужно лишь отметить, что в этой борьбе за скорейшую мобилизацию на нужды обороны всех ресурсов страны приняли участие не только планирующие органы и рабочие кадры мобилизуемых предприятий, но и вся советская интеллигенция и ученый мир и вообще все силы советской общественности.

Вслед за разрешением задачи освоения новой структуры производств военная экономика поставила перед страной по-новому и целый ряд других проблем. В связи с эвакуацией ряда предприятий на Восток и перестройкой производственных пропорций выявилось немало острых диспропорций, требующих самого срочного планового воздействия. Например, на Урале оказались в резком минимуме средства транспорта и энергетическое хозяйство. Пришлось срочно расшивать эти узкие места не только путем рационализации использования наличных ресурсов, но и путем скоростного строительства новых электростанций, перестройки железнодорожных узлов и тому подобных мероприятий. С оккупацией немцами Донбасса, Кривого Рога и Никопольских марганцев пришлось резко форсировать вторую металлургическую базу на Востоке. Потребовалось сильно повысить здесь добычу руды и угля. Не хватало огнеупоров, марганца, а также хрома и других легирующих присадок, столь необходимых для массового производства бронебойных снарядов и высококачественной брони. Но усилиями советских ученых, геологов и технологов все эти трудности были преодолены. Нашлось на месте достаточно и огнеупоров, и хрома, и марганца, который доставлялся туда раньше за тысячи километров.

---

[1] С. Вишнев. Экономические ресурсы Германии. М., 1940, стр. 162—168.

Освоены были здесь новые технологические процессы по выплавке качественных металлов в таких массах, каких еще не знала наша практика мирного времени. Наши самолеты и танки оказались не только в большем числе, но и лучше немецких, броня крепче, артиллерия эффективнее. И эти производственные победы нашей экономической системы в тылу привели уже к еще более блистательным и осязательным победам советского оружия на фронте.

Труднейшей проблемой военной экономики в области сельского хозяйства является борьба с острым дефицитом рабочей и тягловой силы в деревне в результате повальных мобилизаций. Мы знаем, сколь тщетно Гитлер пытался заткнуть эту дыру в своем хозяйстве разбойничьим ввозом в Германию из оккупированных им стран и областей многих миллионов плененного им мирного населения. Не имея ни охоты, ни возможности прокормить эти миллионы замученных людей досыта, Гитлер не в силах был извлечь из них никакими бичами и скорпионами ничего кроме ненависти и презрения, ибо принудительный труд голодных врагов, как самый непроизводительный, не может окупить даже самых скромных издержек. К счастью, в СССР эта задача была решена совершенно иными методами.

Задолго еще до войны здесь методами коллективизации и тракторизации в деревне была осуществлена целая революция. Уже одна кооперация карликовых хозяйств в большие трудовые коллективы, а в еще большей мере мощная механизация труда на колхозных нивах в самые пиковые моменты уборочной страды в деревне должна была высвободить здесь огромные трудовые резервы, исчисляемые в миллиардах человеко-дней. Как показал опыт, эти резервы не вполне были исчерпаны даже в результате всех мобилизаций. И в целом ряде областей мы наблюдали расширение запашек и посевов в годы войны. А там, где все же в известные моменты обнаруживался дефицит рабочей силы в деревне, ей приходили на помощь планомерно мобилизуемые городские резервы труда. Таким образом, хотя и с немалым напряжением сил, мы справились и в этой области с основными трудностями.

Из более частных примеров мобилизации ресурсов страны в условиях войны хотелось бы привести еще только пару наиболее поучительных случаев.

Лесозаготовки, как известно, являются одним из наиболее трудоемких процессов. Чтобы выполнить программу 1941 г. по заготовке 150 млн. $м^3$ деловой древесины, потребовалось бы до 1 млн. рабочих. Но рабочие были нужнее на других участках трудового фронта. И лесозаготовки за первые годы войны сократились в несколько раз против указанной нормы. Однако и для военного строительства и для восстановления разрушенных железных дорог требования на лес все возрастали. Вопрос был подвергнут исследованию. Выяснилось, что основной трудностью является вывозка древесины из леса, поглощающая не менее 50% трудовых затрат, тем более, что законом 1935 г. в лесоохранной запретной зоне до 20 км вдоль сплавных путей, лесозаготовки в этой полосе наиболее доступных лесных массивов были вовсе исключены. Авторитетные ученые показали, однако, что при соблюдении известных предосторожностей для целей, поставленных законом, достаточно и двухкилометровой запретной зоны вдоль рек, что сразу же раз в пять сокращало среднее расстояние вывозки из лесу с соответствующим расширением возможностей лесозаготовок. Закону пришлось потесниться, но зато лесозаготовки расширились.

На другом тоже весьма трудоемком участке горного рудничного хозяйства было найдено иное решение. Война настоятельно требовала увеличения выплавки наиболее дефицитных цветных металлов из соответствующих руд. Ограниченность резервов труда не позволяла, однако, пойти по обычным путям расширения производства. Да и время не позволяло этого. Если даже в мирных условиях время — деньги, то в условиях вой-

ны время становится гораздо дороже денег, ибо здесь всякое промедление времени воистину смерти подобно. Предложено было самое простое решение: использовать наличные ресурсы труда и средств производства наиболее эффективно, разместив их по самым богатым по содержанию металла участкам и пластам имеющихся месторождении. По конкретным расчетам специалистов, одна эта мера могла удвоить, скажем, выплавку меди. И как показал опыт, расчеты эти были вполне реальны. В другое время такой метод использования наиболее богатых руд за счет обеднения общих рудных запасов месторождений мог бы показаться хищническим. Он давал выигрыш в настоящем за счет послевоенного будущего. Фактор времени, однако, явно решил этот вопрос в пользу настоящего, ибо с проигрышем войны нас ожидало бы слишком печальное будущее.

Это частное решение вопроса о значении фактора времени в условиях войны ставит перед нами, между прочим, и гораздо более общий теоретический вопрос об учете фактора времени в плановом хозяйстве вообще.

Апологетической «теории» самовозрастания капитала нужно противопоставить реальный факт хронического обесценения всех материальных фондов или так называемой моральной их амортизации. Это позволяет и нам рассматривать стоимость всех продуктов овеществленного труда как величину переменную во времени, только, вопреки «теории» самовозрастания, эта величина будет убывающей, а не возрастающей функцией времени. Однако и с этой точки зрения «фактор времени», действующий, конечно, не сам по себе, а как экономический эффект технического прогресса, игнорировать и в условиях мирной экономики не приходится. Известно, в частности, что производительность труда в СССР, по опыту 1928—1937 гг., давала у нас ежегодный прирост в среднем не ниже 10%. Можно ли такой величиной пренебречь в наших хозяйственных расчетах? Допустим, например, что у нас имеется месторождение с запасами медных руд на 20 лет со средним содержанием металла в 1,5%. Если из этих запасов можно отобрать одну треть с содержанием в 2% для добычи на первое десятилетие, оставив на второе две трети вдвое беднейшей руды, то это и для мирного времени будет не худо. В самом деле. Исходя из достигнутых уже темпов роста производительности труда, можно рассчитывать, что за первые 10 лет она по меньшей мере удвоится, а это позволит и в следующем десятилетии с теми же затратами труда извлекать и из беднейшей вдвое руды не меньше металла.

Не ставя, таким образом, своих преемников по труду в худшие по сравнению с нами условия, мы и себя в данном случае не поставим в заведомо худшее положение по отношению к ним. Значит, здесь имело бы место уже не хищничество, а вполне правильный хозяйственный план, составленный с учетом фактора времени. Возможное его использование в планировании, конечно, далеко выходит за рамки данного частного случая, но это уже особая тема, требующая специального изучения.

Одной из наиболее сложных задач в условиях войны является, несомненно, задача мобилизации всех ресурсов мирной экономики для успешного финансирования этой войны. Задача эта тем труднее, что современная гонка вооружений уже в мирное время создает огромное напряжение финансовых ресурсов в связи с угрожающим ростом военных бюджетов. Выражая военные бюджеты великих держав в процентах к общему их бюджету за последние годы перед Отечественной войной, получим такую картину (табл. 4).

Особо напряженными выглядят военные бюджеты стран-агрессоров. Итальянские итоги были бы еще напряженнее, если б в них включить непоказанные здесь крупные расходы на войну с Абиссинией и скрытые затраты на интервенцию в Испании. Германия вообще признала за благо не публиковать своих бюджетов за последние годы. Можно не сомневаться, однако, что, обогнав Японию еще в 1935/36 г. по напряжению своего

Таблица 4

Военные бюджеты держав, в % общего их расхода *

Бюджетные годы	Германия	Япония	Италия	Франция	Англия	США
1	2	3	4	5	6	7
1929/30	6,5	36,1	25,2	22,0	14,6	22,0
1932/33	8,2	35,2	26,3	24,2	12,9	14,8
1933/34	12,6	38,7	21,4	22,7	15,0	10,5
1934/35	21,0	43,4	20,0	24,4	15,5	14,2
1935/36	59,9	46,1	51,8	24,1	18,1	13,7
1936/37	67,0	48,7	53,7	28,5	23,9	18,3
1937/38	—	70,2	52,0	37,7	32,2	17,7
1938/39	—	75,8	41,1	—	32,1	15,6

* «Мировое хозяйство». Ежегодник 1938/1939. М., 1939, стр. 200.

военного бюджета, она не отставала от нее и в дальнейшем. Значительно меньше была доля военных расходов в общем бюджете других стран, в особенности таких, как США, огражденных от вторжения извне двумя океанами.

Оборонный бюджет СССР не превышал в 1929/30 г. 7,9%, а в 1938 г.— 18,7% общего расходного бюджета страны [1].

Истощив до предела свои финансовые ресурсы еще в период подготовки к войне, такие страны, как Германия и Япония, не могли рассчитывать, конечно, и на приток средств извне по заграничным займам. И потому им не оставалось в резерве ничего кроме жестокого нажима на потребление населения рычагами инфляции и налогового пресса. Накопления буржуазии в этих странах, конечно, священны и неприкосновенны. Они не поддаются здесь бюджетному перераспределению на нужды войны иначе, как в порядке займов, по которым проценты и погашение опять-таки лягут на плечи всего населения в течение многих десятилетий. Гораздо легче такие задачи разрешаются в СССР.

В отличие от стран Запада в СССР все накопления страны не растекаются по карманам отдельных капиталистов и помещиков, а текут полностью в единую общенародную кассу и распределяются уже оттуда через госбюджет в соответствии с тем или иным народнохозяйственным планом. Это создает небывалую еще в истории мобильность финансовых ресурсов. В первый же день войны, переадресовав назначение всех текущих поступлений, их можно направить по любому назначению. В бюджетах капиталистических стран обеспечиваются только текущие нужды государственного аппарата, чрезвычайно туго поддающиеся сжатию. В советском бюджете сверх того сосредоточиваются огромные ресурсы накоплений социалистических предприятий на расширенное воспроизводство народного хозяйства и культуры. Но расширять их масштабы можно и в бóльших и в меньших темпах. И потому советский бюджет гораздо эластичнее. В бюджете СССР на 1940 г. было предусмотрено и реализовано одних лишь чистых накоплений в сумме 127,8 млрд. рублей. Сопоставляя эту сумму с фактическим итогом военных расходов за 1942 г.— первый полный год войны — в 108,4 млрд. руб., мы видим, что уже одного этого источника достаточно было бы в СССР для покрытия всех военных расходов. Но возможности финансового маневра в СССР гораздо шире. И советские народы, использовав в достаточной мере помимо ресурсов общественного накопления и личные сбережения населения, даже на время войны не отказываются от расширенного воспроизводства своих производительных сил.

[1] К. Н. Плотников. Очерки истории бюджета советского государства. М., Госфиниздат, 1954, стр. 132, 260.

Маневр 1941 г. после июньского вторжения Гитлера в СССР, помимо ряда более мелких поправок к бюджету, свелся к сокращению вложений в народное хозяйство на 21,6 млрд. и в культурное строительство на 16,5 млрд., а всего на 38,1 млрд. руб. Это позволило перекрыть не только потребовавшееся повышение военных смет на 20,6 млрд. руб., но и естественное сокращение доходных поступлений во второй половине 1941 г. в результате немецкой оккупации ряда районов. Общее сокращение доходной сметы за военное полугодие при этом не превысило 24,6 млрд., или 11,4% намеченного годового итога в 216,8 млрд. руб. Если на январь — июнь условно отнести из этого итога половину, т. е. 108,4 млрд., то бюджет следующего, уже военного полугодия определится в 108,4—24,6 = 83,8 млрд. руб. Из них военные расходы НКО и морского ведомства составили около 51,6 млрд. руб., или 61,5% всех военных расходов бюджета. За следующие полностью военные годы мы имели итоги (в млрд. руб.)[1]:

Годы	Государственный бюджет (доходы)	Государственный бюджет (расходы)	Военные расходы абс.	Военные расходы в %
1940	180,2	174,4	56,8	32,6
1941	177,0	191,4	83,0	43,4
1942	165,0	182,8	108,4	59,3
1943	204,4	210,0	125,0	59,5
1944	268,7	264,0	137,8	52,2
1945	302,0	298,6	128,2	42,9
1941—1945	1117,1	1146,8	582,4	50,8

Как видим, лишь в первое полугодие войны, вызвавшей сразу крупное сокращение доходов при одновременном резком повышении военных расходов, создалось сильнейшее напряжение финансовых ресурсов. В дальнейшем же после необходимой перестройки их применительно к новым задачам наблюдается снова заметный рост доходов и притом обгоняющий возрастание прямых военных расходов. Основным источником доходов и в условиях войны в СССР остались накопления социалистических предприятий за счет повышения производительности труда и снижения себестоимости производства. Но в условиях войны повышает, конечно, свое значение и такой источник, как ресурсы населения, привлекаемые в форме налогов, внутренних займов и патриотических пожертвований в фонд обороны. Сопоставляя динамику этих доходных статей с главнейшими расходами, получаем такие итоги за годы войны (в млрд. руб.):

	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
I. Доходные статьи				
а) ресурсы соц. хозяйства	109,9	132,0	148,6	222,4
б) ресурсы населения	42,2	55,4	62,8	82,9
Итого	152,1	187,4	211,4	305,3
II. Расходные статьи				
а) военные расходы	108,4	125,0	137,8	128,2
б) вложения в народное хозяйство	31,6	33,1	53,7	74,4
в) культурное строительство	30,3	37,7	51,3	62,7
Итого	170,3	195,8	242,8	265,7

Полный итог всех поступлений в бюджет за счет социалистического хозяйства СССР в 1940 г. достигал 155,1 млрд. руб. Уже начало военных действий в 1941 г. снизило их до 147,4 млрд. руб., а в 1942 г. за полный

[1] К. Н. Плотников. Очерки истории бюджета советского государства, стр. 293, 324; Н. Вознесенский. Военная экономика. Госполитиздат, 1947, стр. 132.

год войны с продвижением фронта до ворот Сталинграда они достигли своего минимума, упав еще на 25%. Но и в этом минимальном своем размере они все же полностью перекрыли все прямые расходы на оборону, повышаясь затем с каждым годом по мере обратного продвижения фронта и даже значительно опережая в этом росте военных расходов. Это чрезвычайно показательный факт и тем большее достижение советской экономики, что для него у нас не потребовалось ни повышения отпускных цен продукции, ни снижения ставок оплаты труда в стране. Как видим, в накоплениях социалистического хозяйства мы обрели уже огромные по своей величине и ни с чем не сравнимые по своей мобильности резервы не только для мирного развития, но и для обороны. В странах капитализма нет подобных резервов. Правда, частные накопления и там можно привлечь в форме займов за хорошие проценты на службу обороны, но лишь в таких масштабах и в такие сроки, какие угодно будет определить стихии денежного рынка.

Отчисляемые в госбюджет доходы социалистического хозяйства с 1942 г. выросли за два года на 35%. Еще быстрее, на 49%, за тот же срок росли мобилизуемые на цели обороны ресурсы населения. Военные же расходы увеличились за эти два года всего на 27%. И это позволило уже в ходе войны наращивать производительные вложения и в народное хозяйство, и в культурное строительство. В частности, в бюджете 1944 г. помимо 27,4 млрд. руб. на новое капитальное строительство заверстано еще не менее 14 млрд. на восстановление разрушенного хозяйства в освобожденных районах. Конечно, значительная часть капитальных затрат за первые годы войны была вложена в оборонные предприятия, которые лишь после капитуляции врага смогли бы давать нам мирную продукцию. Но немало вложений уже с 1942 г. ассигновано было и на энергетику и транспорт, на металлургию и уголь, а в 1944 г. и на сельскохозяйственное машиностроение. Все это свидетельствует о таком уровне финансирования военной экономики, о котором нельзя было и мечтать в условиях царской России. Напомним, что уже за 1914 г. бюджетный дефицит ко всей сумме государственных расходов России достиг 39%, в 1915 г.— 75,1, в 1916 г.— 78,9 и в 1917 г.— 87,8%. Этот дефицит покрывался все возраставшей эмиссией бумажных денег, что и привело к краху всей финансовой системы [1]. В зияющую пропасть инфляции и банкротства затягивалась войнами уже не одна финансовая система. Не мало искушений свернуть на этот путь наименьшего сопротивления в первые труднейшие моменты войны представлялось и в нашей советской системе финансов. И если наши финансы все же не так уж пострадали от инфляции даже в труднейший период своей мобилизации, а затем, наперекор всем искушениям, даже в годы войны только наращивали свою мощь, укрепляя валюту, то в этом сказались лишь прочность и здоровье всей нашей экономической системы.

Благодаря особенностям советской системы хозяйства доля военных расходов в бюджете СССР даже в разгар войны была значительно меньше, чем у стран-агрессоров еще в годы подготовки к войне. Например, в Германии, Японии эта доля еще до 1939 г. колебалась от 67 до 70% бюджета, в то время как у нас и в 1944 г. она не превысила 52%. Тем не менее потребности войны грандиозны. И питание их даже в условиях самой здоровой финансовой обстановки требует исключительного напряжения всей экономики страны. Тем ценнее была для нас и та довольно скромная экономическая помощь, исчисляемая, однако, в миллиардах долларов, которую мы получили на основе взаимности от наших союзников по закону о передаче предметов вооружения взаймы или в аренду. Нет никакого сомнения, что приближая час окончательной победы над врагом,

---

[1] А. Зверев. Советские финансы и Отечественная война. «Плановое хозяйство», 1944, № 2, стр. 40.

эти миллиарды многократно окупились и для наших союзников за счет сокращения сроков войны, поглощающей у них ежегодно десятки и сотни миллиардов. Но это отнюдь не умаляет и для нас моральной ценности этой поддержки в трудные минуты.

С окончанием войны возникают новые заботы о *демобилизации* военной экономики с радикальной перестройкой налаженных на потребу войны производственных пропорций с возвратом их прежних задач — обслуживания нужд мирного времени. Однако возврат к прежним задачам вовсе не означает возврата к старым довоенным пропорциям 1940 или 1939 г. Военные годы нельзя просто скинуть со счета, как небывшие. Они оставляют неизгладимые следы. Усиленный военный износ без погашения и застой в одних отраслях труда, военное строительство и форсирование других создают не шуточные сдвиги уже в соотношениях производственных мощностей основных подразделений за время войны. Форсируя развитие машиностроения и химической индустрии, война тем самым поднимает все народное хозяйство на более высокий технический уровень, создавая новые возможности механизации труда, химизации земледелия и т. д. Таким образом, нанося огромный ущерб народному хозяйству, война вместе с тем сама повышает возможности скорейшего возмещения этого ущерба на новом повышенном уровне производительных сил. Но каждому новому их уровню соответствует и новое строение производительных ресурсов, и новая структура общественной продукции.

С технической стороны обратный перевод большинства предприятий с военного на мирный ассортимент продукции не вызывает особых трудностей. Необходимые для этого предметы оборудования, приспособления, чертежи и навыки к работе здесь налицо. Труднее решается вопрос о судьбе чрезвычайно умножившихся и расширившихся предприятий военного назначения, вовсе не работавших на мирный рынок. На Западе, страшась возможной их конкуренции на гораздо более ограниченном рынке мирного времени, частные предприниматели добиваются консервации всех казенных предприятий до следующих войн, хотя это таит в себе не меньшую угрозу громадной послевоенной безработицы. В нашей стране не приходится метаться в страхе между этими Сциллой и Харибдой. Ни безработица, ни затоваривание за недостатком покупателей нам не угрожают. Нужно лишь хорошенько продумать план демобилизации таких предприятий, указать каждому его назначение и производственную программу на ряд лет, обеспечив достаточным снабжением всем необходимым по линии цепной их связи с другими производствами и заблаговременно подготовить их к освоению новой программы.

Мы не могли бы себе позволить роскошь — замариновать без дела большие военные мощности на целые десятилетия в ожидании новой войны. Это прежде всего угрожало бы им гибельной коррозией и «моральным» износом в результате безнадежного устарения за столь большой срок. Известно ведь, что ничто не подвергается столь быстрому устарению, как военная техника. К новой войне потребуются новые образцы и модели средств истребления. И потому интересы обороны в период между войнами гораздо лучше обеспечиваются небольшими, но постоянно действующими конструкторскими бюро и исследовательскими институтами, чем даже очень большими, но бездействующими военными заводами.

Оставлять праздными эти заводы мы не могли бы к тому же и по другой причине. У нас еще слишком много задач мирного строительства, для скорейшего решения которых как нельзя лучше служат эти военные мощности и резервы. Необъятные просторы наших полей ждут не дождутся расширения нашей азотно-туковой промышленности. Сильно отставшие в своем развитии текстильная, одежно-обувная и пищевая индустрии крайне нуждаются в машинах, искусственном волокне и коже, красках и других продуктах химической промышленности для удовлетворения все

возрастающих потребностей населения. Огромные требования к машиностроению предъявляет также в связи с задачами восстановления наше слабо механизированное коммунальное и дорожное строительство. Наконец, и общая задача внедрения передовой техники во всех отраслях труда нашей страны предъявляет все больше требований советскому машиностроению. Демобилизация военной промышленности пошла у нас навстречу всем этим требованиям. Нужно лишь было в планомерном ее осуществлении организационно обеспечить не только переключение военных заводов на мирную продукцию в нужный момент, но и возможность обратного переключения их в кратчайшие сроки на военную продукцию, как только это потребуется.

Нет никакого сомнения, что в плановом хозяйстве все эти задачи вполне разрешимы.

5. ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

С приближением конца войны все большую остроту приобретали проблемы послевоенных взаимоотношений народов и перспектив дальнейшего мирного развития. В отличие от эпохи первой мировой войны, которую столько мечтателей готовы были рассматривать уже как последнюю войну в истории человечества, наше поколение политиков гораздо трезвее оценивает свои возможности в борьбе за восстановление мира. Тем более забот и усилий направляется всеми миролюбивыми народами к тому, чтобы на сей раз обеспечить все же более прочный и длительный мир, чем все прежние временные передышки между двумя войнами. Уроки этих войн прежде всего требовали решительно покончить с безответственностью преступных зачинщиков как прошлой, так и всех грядущих войн — со всеми их соучастниками и пособниками. У всех агрессоров нужно было надолго отбить всякую охоту к повторению кровавых авантюр, подобных разбойничьим нападениям германских и японских фашистов на миролюбивые народы старого и нового света.

Для решения международных споров надлежало создать достаточно авторитетный международный трибунал и достаточно мощный аппарат Объединенных Наций, направленный против всех нарушителей международного права. Проливая моря крови и разоряя целые народы, зачинщики агрессии, так же как и все активные их пособники, вооружающие ее средствами истребления и извлекающие за счет ее прибыли, должны бы знать, что они подлежат за это уголовной и имущественной ответственности в полном размере причиненного агрессией ущерба пострадавшим от нее народам. Всем казалось, что после капитуляции Германии и Японии эти агрессоры будут разоружены и привлечены к имущественной ответственности за причиненный ими ущерб. Но едва ли было бы целесообразно обезличить эту ответственность, возложив ее всю целиком на одну лишь государственную казну и тем самым освободить от нее всех наиболее прямых и непосредственных виновников преступной агрессии. Казалось недопустимым, чтобы все эти Стиннесы, Пфердменгесы, Круппы и прочие подлинные виновники агрессии сохранили и умножили лишь свои миллиарды для финансирования последующих войн, предоставив за истекшую расплачиваться одной лишь бедноте. После капитуляции агрессоров всю их военную индустрию, так же как наличное вооружение армии и военный флот, следовало бы ликвидировать, а в отношении уличенных виновников агрессии и всех прочих нарушителей законов войны — палачей и грабителей — надлежало бы помимо уголовных санкций конфисковать все их имущество в погашение военного ущерба миролюбивых народов. Таковы были, казалось бы, требования самой элементарной справедливости.

К сожалению, дело разрушения гораздо легче созидательного труда. Любой агрессор-фашист, вооруженный зажигательными снарядами и до-

статочным запасом взрывчатки, может спалить и разрушить за несколько часов гораздо больше ценностей, чем он их создал за всю свою жизнь. А между тем дело разрушения было, по-видимому, основной и наиболее привлекательной задачей всех фашистов за все время прошлой войны. И хотя вооруженные орды гитлеровцев давно уже с позором вышвырнуты доблестной Красной Армией за пределы СССР, но печальные следы пребывания здесь этой коричневой чумы не скоро изгладятся из нашей памяти. Мы говорим о совершенно беспримерных разрушениях в освобожденных от немцев районах, где эти фашистские гады применили все усилия к планомерному превращению даже наиболее цветущих наших окраин в малопроходимые «зоны пустыни».

В отличие от древних варваров и вандалов они делали свое черное дело не только с гораздо большим смаком и высшей техникой разрушения, но и со всей присущей немцам аккуратностью, систематичностью и тяжеловесным педантизмом в использовании всех рецептов фашистской «науки» по части мин замедленного действия, мин-ловушек, мин-самолетов, обрушиваемых вслепую на мирные города и села, и всех прочих автоматически сеющих смерть и разрушения душегубок. Они разрушали все основательно и продуманно по заранее разработанным инструкциям, где все предусмотрено вплоть до того, какие именно части крупных агрегатов следует разрушать, если в спешке отступления нельзя их разрушить целиком, чтобы в максимальной степени затруднить их восстановление. И если фашистам не удалось все же превратить в пустыню при отступлении все те места, где они побывали, то этим мы обязаны лишь тем весьма энергичным темпам, которыми наша армия вышибала их из насиженных ими укрепленных позиций. Когда приходится думать лишь о том, как бы унести свои ноги, и самый педантичный разрушитель забывает второпях кое о чем из преподанных ему инструкций.

Прямой военный ущерб нашей страны за 1914—1920 гг. в границах СССР составил около 12 млрд. руб. золотом [1]. Но тогда мы были гораздо беднее. Народный доход СССР возрос к началу второй войны больше чем в шесть раз, но и разрушения, причиненные нам гитлеровскими ордами, возросли едва ли в меньшей мере [2]. А если к этому прибавить еще военный ущерб, причиненный ими Франции, Польше, Чехословакии, Югославии и всем прочим объединенным странам, то величина его во много раз превысит платежные ресурсы Германии после ее капитуляции. Фашисты сделали все от них зависящее, чтобы возбудить самую жгучую жажду возмездия у своих противников. Однако независимо даже от всяких чувств, которые легко обуздать разумом после победы, требуется известная профилактика на будущие времена. Чтобы обезопасить себя от укусов самой лютой змеи, надежнейшее средство — вырвать у ней с корнем ее ядовитые зубы. Чтобы надолго предохранить себя от повторных разбойничьих вторжений, следовало бы тоже основательно, с корнем выкорчевать у потенциальных агрессоров те зубы дракона в образе гигантов тяжелой индустрии, из которых родятся и вырастают не только охота, но и ресурсы агрессии. Легко понять, однако, что все подобные хирургические операции отнюдь не повышают репарационной платежеспособности таких пациентов.

Чтобы повысить ее, пришлось бы после победы, наоборот, снабжать этих пациентов усиленным питанием заграничными кредитами и капитальными вложениями для скорейшего их индустриального оздоровления

---

[1] Н. Н. Любимов. Баланс взаимных требований Союза ССР и держав согласия. Изд. «Экономическая жизнь», М.— Л., 1924, стр. 22—23. Все виды ущерба составляют не менее 39 млрд. руб. золотом (стр. 17).

[2] По исчислениям ЦСУ этот ущерб определился в 679 млрд. руб. по государственным ценам 1940 г. (Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Госполитиздат, 1947, стр. 162).

и укрепления. Однако, как показал опыт версальских мудрецов после первой мировой войны, укрепившийся агрессор, вопреки самым дальновидным планам Дауэсов, Юнгов и К^0, как раз с того момента, когда платежеспособность его вполне восстанавливается, и прекращает дальнейшую выплату всяких репараций [1]. Принудить же его к уплате репарационного долга силою оружия и ценою крови, помимо всяких иных неудобств выступления в такой неблагодарной роли Шейлока, мудрено уже потому, что это потребовало бы слишком больших и, можно смело сказать, заведомо неокупающихся издержек взыскания. Кроме того, крупные операции имеют то неудобство, что они требуют рассрочки на слишком большое число лет с переложением их уплаты на детей и внуков в качестве возмездия за грехи их отцов и дедов. Такой метод возмещения военного ущерба не содействует интересам длительного мира народов, а главное не отвечает и основному назначению репараций — для восстановления нарушенных дорог и заводов, водопроводов и электростанций, школ и жилищ миллионов бездомного населения. Восстановление их не терпит никакого отлагательства. Мы не можем отсрочить их ни в какой мере на четверть века и дальше в ожидании гадательного поступления грядущих репараций. И мы не хотим без крайней нужды надолго отягощать мирные взаимоотношения народов бесцельными уже, как горчица после ужина, взысканиями и хроническими на их почве пререканиями.

Можно думать, что именно поэтому так скромны были наши требования по возмещению военного ущерба, предъявленные побежденным агрессорам. Они ни в какой мере не покрыли причиненного каждым из них ущерба нашему народному хозяйству. Но они вполне были посильны народам этих стран и не лишали и их перспектив скорого оздоровления. Такая политика в наибольшей мере соответствует мудрому принципу: гораздо целесообразнее иметь в перспективе уже ближайших лет после войны поменьше репараций, но побольше возможных друзей и союзников в международном окружении. Возможно было кое-что восстановить и трудом военнопленных немцев. Но можно было заранее учесть, что труд военнопленных, как впрочем и всякий иной подневольный труд, крайне мало производителен и редко окупает даже издержки по его содержанию. Гораздо целесообразнее, конечно, было поэтому использовать труд немцев в их собственном народном хозяйстве, где он будет много производительнее, и за счет этого повысить посильный для Германии размер репараций за причиненный ею ущерб другим странам.

Однако и при таких условиях нельзя было возлагать особо радужных надежд на этот источник для восстановления военных разрушений. К счастью, наша страна, располагая вполне достаточными внутренними ресурсами для решения стоящих перед ней задач восстановления, и не возлагала преувеличенных надежд на какие-либо иные источники.

Проблема восстановления перед различными участками войны стояла по-разному. В одних из стран, подобных Польше, Франции и многим другим, где разрушения особенно широки и глубоки, а внутренние ресурсы крайне ослаблены войной, она стояла прежде всего как проблема о займах и помощи извне. В других странах, как например в США или Канаде, где особых разрушений вообще не оказалось и которым мир угрожает безработицей и избытками сильно возросших на военном поприще капиталов, та же проблема оборачивалась другим своим концом: как исполь-

---

[1] Напомним, что по плану Дауэса (1924 г.) Германия выплатила за 5 лет до 1929 г. 5470 млн. марок репарации, получив за это же время «на восстановление» американских и английских займов на 6,3 млрд. марок. В марте 1930 г., когда этот план был пересмотрен, по новому облегченному плану Юнга Германия все еще должна была выплачивать репарации в течение 59 лет, фактически же она прекратила всякую выплату с 1931 г. Всего Германия обязалась уплатить 132 млрд. золотых марок, уплатила с 1918 по 1931 г. около 20 млрд.

зовать разоренные и разрушенные войной страны Европы в качестве внешних рынков для своих избыточных товаров и капиталов, учитывая, что этим странам очень долго нечем будет за них расплачиваться.

В особом положении находился СССР. Ему не было нужды решать столь затруднительных головоломок. Разрушения в нем коснулись только одной сравнительно ограниченной полосы, где побывали вышибленные ныне вон из страны фашистские агрессоры. Вся остальная страна, несмотря на военное напряжение, продолжала наращивать свои производительные силы даже в годы войны и, становясь сильнее прежнего, смогла и сама после капитуляции врага обратить достаточные внутренние ресурсы на восстановление разрушенных своих окраин. К тому же и платежеспособность нашей страны стоит вне всяких сомнений на тот случай, если бы нам потребовалась временная помощь извне.

Нам не впервой уже пришлось решать проблему восстановления. И хотя новые потери и разрушения по своему объему были гораздо значительнее тех, какие нам причинили войны 1914—1920 гг., задача возмещения их и восстановления представлялась нам несравненно более легкой и осуществимой. В самом деле, сопоставим обстановку, в которой тогда и теперь приходилось решать эту задачу. Тогда, в 1920 г., все народное хозяйство страны пребывало в состоянии почти полного паралича. Продукция сельского хозяйства упала раза в два против довоенного уровня 1913 г., работа транспорта — раз в пять, промышленности — раз в семь, не говоря уже о еще более остром топливном голоде, полном развале металлургии и машиностроения и общей хозяйственной разрухе. Ресурсы юной советской республики были истощены до крайности, золото пограблено интервентами, на кредиты их нельзя было рассчитывать, экспортных возможностей тоже нечем было мобилизовать. И хотя продукция страны, благодаря плановому началу и энергии трудящихся, сразу же после прекращения войны стала резко возрастать и уже через пять лет достигла в 1925/26 г. довоенного уровня, наши вложения в хозяйство были в первые годы так ничтожны, что в течение долгих трех лет, вплоть до 1924 г., не перекрывали даже нормального износа основных фондов. Таким образом, восстановление наших основных фондов реально началось лишь с 1924 г. и потребовало тоже не менее пяти лет и 11,1 млрд. руб. вложений во все народное хозяйство [1], затянувшись вплоть до 1928 г. включительно, когда уже и наиболее пострадавшая от войны черная металлургия достигла довоенных масштабов продукции. Совсем иначе складывалась у нас обстановка к концу войны 1941—1945 гг.

Прежде всего, благодаря результатам плановой индустриализации мы оказались ныне на гораздо более высоком производственном уровне. Если накануне первой мировой войны, в 1913 г., продукция всей фабрично-заводской промышленности в границах СССР не превышала 11,0 млрд. руб. в ценах 1926/27 г., а к 1920 г. упала до 1,7 млрд. [2], то накануне второй, в 1940 г., она поднялась уже до 138, 5 млрд. руб. в тех же ценах, т. е. выше уровня 1913 г. в 12—13 раз и выше уровня 1920 г. более 80 раз [3]. Но еще показательнее в интересующем нас отношении итоги продукции машиностроения (с металлообработкой), этой основной базы не только военной мощи СССР, но и послевоенной восстановительной работы. В 1913 г. эта продукция не превышала 1446 млн. руб., в 1920 г. не достигала и 7% этой величины, а в 1940 г. она поднялась уже раз в 35 против уровня 1913 г. и раз в пятьсот против уровня 1920 г. И в дальнейшем, за все годы войны, в отличие от катастрофического упадка 1918—1920 гг., она наоборот продолжала неизменно расти весьма энергичными

[1] «20 лет Советской власти». Партиздат, 1937, стр. 12.

[2] Там же, стр. 18.

[3] Н. А. Вознесенский. Хозяйственные итоги 1940 года и план развития народного хозяйства СССР на 1941 год. М., 1941, стр. 12.

темпами. Да и все народное хозяйство СССР на этот раз, работая все время войны бесперебойно и с каждым годом вместо былой разрухи лишь повышая свою маневренность и организованность, выявило такой высокий потенциал своей мощи, представление о котором дают только блистательные победы нашей Красной Армии в этой войне. При таком экономическом потенциале и гораздо более крупные разрушения и тяжкие раны, чем в прошлую войну, нам удалось ликвидировать и исцелить много легче, а главное скорее, чем в прошлый раз.

Кстати сказать, в СССР мы отнюдь не склонны были откладывать задач восстановления освобожденных районов до капитуляции врага. Дело в том, что каждый успешный шаг в тылу по восстановлению шахт и заводов, каждый добавочный вагон угля, каждая лишняя тонна металла помогали фронту ускорить этот уже неотвратимый момент капитуляции врага. И потому патриоты тыла, соревнуясь в самоотвержении с героями фронта, не теряли у нас ни одного лишнего дня в приступе к восстановлению часто еще пылающих в огне пожаров и полностью еще не разминированных предприятий.

Правда, первые шаги на этом пути в условиях разрушенного транспорта и энергетики в освобожденных районах, несмотря на весь трудовой энтузиазм участников восстановления, были очень трудными. С огромными затратами труда восстанавливалось почти голыми руками лишь то, что поддавалось их усилиям и что всего нужнее было для фронта. Но в плановом хозяйстве этот первый этап пожарно-аварийного восстановления непродолжителен. По директивам командования заблаговременно были созданы специальные ремонтно-восстановительные бригады и поезда, снабженные всем необходимым вплоть до передвижных электростанций на колесах, подобраны и укомплектованы вооруженные расчетами и чертежами кадры специалистов, которые, вступая в освобожденные города вслед за передовыми частями Красной Армии, сразу же приступали к своей восстановительной работе. На первом этапе восстановления, конечно, нередко приходилось идти даже на снижение уровня довоенной техники. Так, например, в угледобыче на разрушенных шахтах, «в отдельных случаях из-за недостатка оборудования, приходилось временно снижать уровень механизации шахт, заменять механическое обогащение ручным, применять конную и канатную откачку вместо электровозной, заменять подъемные машины более простыми лебедками» [1]. Но в дальнейшем все такие дефекты выправлялись и восстановление шло по заранее разработанным планам с учетом всех достижений передовой техники.

Такие планы внедрения передовой техники составляются и осуществляются у нас ежегодно даже в условиях военного времени [2]. Но особенную важность представляют те из них, которые давно уже подготовлены в Госплане с привлечением к этому делу крупнейших ученых, инженеров, архитекторов и художников на весь предстоящий период восстановления и реконструкции нашего послевоенного хозяйства.

Располагая этими планами и достаточными ресурсами для их выполнения, мы были твердо уверены, что восстановленные нами города и заводы после своего восстановления будут еще много краше и совершеннее, чем они были до разрушения фашистскими варварами.

Самые тяжелые раны советскому хозяйству были нанесены гитлеровскими разрушителями за время оккупации таким отраслям труда, как добыча угля и металла. Ведь месторождения угля и металла не поддаются погрузке в вагоны и эвакуации в тыл подобно людям и машинам. А между тем в захваченных немцами областях Союза добывалось до 64% угля и до

---

[1] А. Панов. Угольная промышленность в годы Отечественной войны. «Плановое хозяйство», 1944, № 1, стр. 19.

[2] См., например, акад. А. Байков. Технический план 1944 года. «Плановое хозяйство», 1944, № 1.

70% металла. Прозорливо созданная на Востоке вторая металлургическая база, быстро расширив за годы войны свою продукцию угля и металла, спасла нас от военной катастрофы. Но ущерб от разрушения гитлеровскими ордами перед их бегством из Союза таких крупных индустриальных районов, как Донецкий и Подмосковный бассейны, Криворожье и целый ряд других крупнейших центров, превосходил, вероятно, все рекорды этих разрушителей в других частях Европы. К этому следует добавить, что в захваченных гитлеровцами областях Союза к моменту захвата находилось до 40% всей посевной площади страны, до 44% посевов льна-долгунца, 48% площади по картофелю, 57% поголовья свиней, 88% сбора сахарной свеклы и т. д.

Овладев в пределах СССР огромным жизненным пространством, в которое можно было бы упрятать не менее четырех Германий, и твердо рассчитывая удержать его за собой навсегда, фашисты пытались, конечно, освоить его хозяйственно. Но, хотя немцы мнят себя великими организаторами, эффект у них получился в этом деле совсем небольшой. Вернее сказать, ровно ничего из этой затеи не вышло. Так, например, им очень был нужен донецкий уголь. Чтобы добыть его, требовалось, однако, раньше привезти из Германии все необходимое для этого оборудование взамен эвакуированного нами из Донбасса и найти достаточное число советских рабочих, готовых работать «на немца». Эта задача оказалась не по плечу гитлеровцам. И даже к концу своего почти двухлетнего пребывания в Донбассе они добывали здесь в Донецкой области угля едва 0,6% советской нормы 1940 г. [1] В связи с этим Гитлеру пришлось вместо вывоза угля из Донбасса, наоборот, завозить его туда из заграницы.

Еще сильнее, чем угля, хотелось фашистам заполучить побольше советского хлеба. Но и тут получился один лишь конфуз. В их руках оказались богатейшие житницы Украины и Северного Кавказа. Но советское земледелие колхозной деревни давно уже базировалось на широкой механизации труда, требующей огромного парка тракторов и комбайнов и миллионов тонн жидкого горючего для их использования. С эвакуацией большинства машинно-тракторных станций эта база исчезла. Возместить эту убыль своими машинами и горючим, которого у них не хватало даже для военных моторов, немцы не могли, конечно [2]. И потому земледелие в захваченных Гитлером районах сразу упало до уровня самого примитивного натурального мелкого хозяйства. Советские хлеборобы резко сузили, раза в 2—2,5, свои запашки до строго потребительской нормы не только за отсутствием возможности ее расширить, но в еще большей мере из-за отсутствия всякой охоты кормить своих поработителей. Конечно, фашисты готовы были вырвать у крестьян и последний кусок запрятанного у них хлеба. Но это вело лишь к расширению и укреплению мощного движения партизан в тылу гитлеровских мародеров, с которым оказалась бессильной справиться вся их армия. Таким образом, и большие надежды Гитлера на советский хлеб потерпели крушение.

В качестве организаторов хозяйства фашисты выявили у нас всю свою непроходимую тупость и бесталанность. Но эти качества отнюдь не по-

[1] Б. Сухаревский. Восстановление хозяйства освобожденных районов. «Плановое хозяйство», 1944, № 2, стр. 20.

[2] Это давно уж подмечено было сторонними наблюдателями. Один из сотрудников шведской газеты, посетивший Украину в октябре 1941 г., отметив, что годовое потребление нефтепродуктов в сельском хозяйстве одной лишь Советской Украины составляло 5,5 млн. т, т. е. больше нефтедобычи всей Румынии, писал в феврале 1942 г.: «Где могут получить немцы такое количество нефти для проведения сельскохозяйственных работ на Украине, когда им не хватает нефти для ведения войны? Кроме того, механизированное хозяйство Украины требует наличия многих десятков тысяч тракторов. Можно полагать, таким образом, что полевые работы в оккупированных районах Украины будут сорваны, как были сорваны осенние полевые работы». (В. Абрамов. Восстановление МТС в освобожденных от оккупации районах. М., Планиздат, 1944, стр. 13).

мешали им проявить недюжинную энергию и усердие в деле разрушения советского хозяйства на путях своего отступления, когда Красная Армия погнала этих непрошенных гостей обратно — «нах фатерлянд». Особенно беспощадно разрушались ими при этом железнодорожные и всякие иные пути сообщения. Но не снижая темпов наступления, наши части тотчас же восстанавливали эти разрушения. И с начала войны ими было восстановлено уже к середине 1944 г. свыше 35 000 км главных железнодорожных линий, 7000 км станционных путей, более 2500 станций, около 7000 больших и малых мостов, 892 телефонных станции, 822 радиоузла и более 300 тыс. км провода линий связи [1]. Правда, это был только первый этап восстановления транспорта, для завершения которого нам потребовалось еще затратить немало средств и труда. Немало мы их еще тратили на путях неуклонного преследования фашистского зверя вплоть до его логова и за пределами нашей страны. Однако этого рода издержки полнее всего окупаются ускорением окончательной победы.

Сразу же, несмотря на военное напряжение, приступили мы и к восстановлению разрушенных фашистами промышленных объектов. Раньше других нам удалось полностью восстановить Подмосковный бассейн. За время немецкой оккупации здесь все шахты были полностью выведены из строя, все выработки затоплены, большинство технических зданий и сооружений уничтожено пожарами и взрывами, значительная часть шахтных поселков сожжена или разрушена. Немцы были изгнаны оттуда уже в январе 1942 г. В том же январе начались там восстановительные работы. Через восемь месяцев суточная добыча угля здесь достигла довоенного уровня, а еще через год она уже более чем вдвое перешагнула этот уровень. При этом шахты Подмосковного бассейна достигли более высокого технического уровня, чем до войны [2].

Из Донецкого бассейна немцы были вышвырнуты только в сентябре 1943 г. В Донбассе числилось до войны свыше 300 больших и около 2000 мелких шахт и добывалось перед войной более 80 млн. т угля в год, т. е. раз в восемь больше, чем в Подмосковном бассейне. Но зато и разрушения здесь были во много раз серьезнее. Убегая из Донбасса, фашисты разрушили все шахты, вывели из строя все заводы, привели в негодность все железные дороги, сожгли целые кварталы и улицы. Только в городе Донецке сожгли и разрушили они 3761 дом. Ущерб угольной промышленности одной лишь Донецкой области превысил 2 млрд. руб. Из затопленных шахт Донбасса пришлось откачать до 300 млн. м^3 воды, т. е. целое озеро в 20 км^2 площади и 15 м глубины, годное для плавания больших морских пароходов.

Чтобы располагать пригодным масштабом для сравнений, напомним рекордный пример немецких разрушений подобного же рода из времен войны 1914—1918 гг. Мы имеем в виду разрушение немцами угольных бассейнов Франции — Северного и Па-де-Кале. Всего ими разрушено было 212 шахт с нормальной добычей до 21 млн. т угля. Воды из них надлежало откачать всего 110 млн. м^3, т. е. раза в три меньше, чем у нас в Донбассе. И все же на восстановление их, начиная с 1918 г., потребовалось свыше 4,5 млрд. франков и более пяти лет труда. При этом там за первый год восстановления удалось довести добычу угля всего до 7% и даже за два года только до 22% довоенной нормы [3]. У нас в Донбассе уже за пер-

---

[1] Акад. В. Образцов. Железнодорожный транспорт. «Плановое хозяйство», 1944, № 1, стр. 65.

[2] Г. Косяченко. Военное хозяйство СССР. «Плановое хозяйство», 1944, № 1. стр. 15; А. Панов. Угольная промышленность в годы Отечественной войны. «Плановое хозяйство», 1944, № 1, стр. 24—25.

[3] Акад. А. Терпигорев и А. Судоплатов. Восстановление Донецкого угольного бассейна. М., 1944, стр. 4, 14, 34—41.

вый год было откачано до 60 млн. м^3 воды и поднята добыча до 25% довоенной нормы. И это еще в условиях войны.

Вполне понятно, что в процессе восстановления раньше других вступают в строй, давая продукцию, менее разрушенные и более мелкие предприятия. Для восстановления более крупных требуется, вероятно, два-три года, а в некоторых случаях и больше. Важно, однако, то, что уже в условиях войны нам удалось развернуть восстановительные работы и на мелких объектах очень широким фронтом. Весьма показательно, что уже за первый год восстановления, к концу 1944 г., у нас наряду с мелкими вступило в строй немало и очень крупных промышленных предприятий. Так, например, в Донбассе к первой годовщине его освобождения было восстановлено 102 крупных шахты, не считая 650 более мелких, т. е. свыше 30% общего их числа в этом бассейне. Помимо 60 млн. м^3 воды, выкачанной из этих шахт, здесь было восстановлено более 300 км горных разработок, 900 тыс. м^3 производственных зданий и 1,5 млн. м^2 жилой площади горняков [1]. Но восстанавливались здесь, конечно, не только шахты. В одной лишь Донецкой области Донбасса восстановлено было за год 858 промышленных предприятий, в том числе 51 основная шахта из общего числа разрушенных здесь 140 шахт. В то же время к сентябрю 1944 г. на юге было уже восстановлено 8 домен, 34 мартеновских печи, 2 бессемеровских конвертора, 18 прокатных станов и 49 коксовых батарей.

Вступили в строй такие гиганты металлургии, как Макеевский, Волгоградский, Краматорский и Енакиевский заводы. Работали уже Харьковский тракторный, Горловский и Торецкий заводы горного машиностроения и крупнейший Краматорский — тяжелого машиностроения. На всех районных электростанциях Донбасса, действовавших до войны, работали уже крупные и мелкие котлы и турбины, обслуживая своей энергией возрождающуюся промышленность и население. За один год на них введено в действие свыше 40 котлов, 14 турбин и восстановлено более 100 высоковольтных подстанций. Вступили в строй также 18 шахт в железорудном Криворожье. Не менее энергично шло восстановление и в прочих районах СССР и в других отраслях промышленности. Так, например, один лишь Наркомат пищевой промышленности восстановил за год свыше 1500 предприятий, в том числе около 500 мельниц, 100 сахарных заводов, 26 консервных, 42 маслобойных, 16 табачно-махорочных и т. д. [2] Вместе с тем можно считать, что и вся довоенная продукция всей местной промышленности разрушенных районов РСФСР уже в 1944 г. была восстановлена на одну треть.

Энергичными темпами шло восстановление и в области сельского хозяйства. Разрушения в этой области после ухода немцев оказались огромными. Даже в Московской области, откуда их сразу же погнали, они успели все же почти полностью уничтожить 2280 селений и спалить 47 246 колхозных дворов, не считая загубленного скота и прочих средств производства [3]. В обследованных районах Калининской области, освобожденных от оккупации, убыль в населении определялась в 36%, ущерб в средствах производства — не менее 50%, причем общественный скот колхозов немцы весь пограбили, да и в индивидуальном владении крестьян его сохранилось немного, коров — не больше 50%, а лошадей — не свыше 18% довоенной нормы (П. П. Маслов). В Курской области из 320 тыс. лошадей осталось всего 15 тыс., или 4,7%. В Киевской области поголовье крупного рогатого скота и лошадей сократилось более чем наполовину, овец — на 88%, свиней — на 92%.

---

[1] Б. Сухаревский. Восстановление хозяйства освобожденных районов. «Плановое хозяйство», 1944, № 2, стр. 21, 22; А. Терпигорев и А. Судоплатов. Указ. соч., стр. 17.

[2] Б. Сухаревский. Указ. соч., стр. 24.

[3] Там же, стр. 18.

Но особенно усердно фашисты уничтожали повсюду уцелевшие машинно-тракторные станции и ремонтные мастерские, тракторный инвентарь и пр. Так, в Киевской области тракторный парк к моменту освобождения сократился на 54%, в Орловской число тракторов — в 5 раз, парк жаток и молотилок — на 75%, сеялок — на 81%, сортировок и веялок — на 85%. В Полтавской области полностью были сожжены и разграблены немцами 39 МТС из 77, в Орловской — все 129.

В условиях мелкого единоличного хозяйства десятки миллионов крестьян, лишенные фашистами дворов и скота, оказались бы совершенно беспомощными. Им не оставалось бы иного выхода, как надеть суму и в качестве бездомных бродяг скитаться по миру за подаянием. Но в рамках коллективных хозяйств, при активной взаимопомощи всех его членов и содействии государства, ни одному из них не угрожала столь горькая участь. Прежде всего началось восстановление жилищ. Так, из 47 тыс. дворов колхозников, уничтоженных в Московской области, восстановлено и построено уже в годы войны 22 тыс., или 47%, в Орловской области, откуда немцы изгнаны были много позже, из 200 тыс. сожженных дворов восстановлено 45 тыс., или 22,5% [1]. Вместе с тем, заботами Партии и Правительства сеть МТС во всех разрушенных районах в основном уже в 1944 г. была восстановлена. В одной лишь УССР за один год восстановлено 26 439 колхозов, 1173 МТС и 57 тыс. колхозных животноводческих ферм. В освобожденные области было направлено из других областей свыше 1700 тыс. голов скота, многотысячный парк тракторов и других машин и свыше 4 тыс. руководящих земельных работников, агрономов и инженеров-механиков. Благодаря всем этим мерам посевы в этих областях уже за первый год восстановления поднялись до $^{2}/_{3}$ довоенного уровня и выше. Труднее было с восстановлением животноводства, но и оно не заставило себя долго ждать.

Обычно конец восстановительного периода определяют по признаку достижения довоенного объема продукции. Как известно, в области средств производства этот объем (101% нормы 1940 г.) был достигнут у нас уже в 1947 г., а в 1948 г. по всей промышленности продукция достигла уже 118% того же довоенного уровня. И значит, в основном, эта задача была решена в СССР уже через 2—3 года после победы.

С завершением войны и разрешением важнейших задач восстановления перед нами снова встает во весь свой рост основная экономическая задача СССР. Побитые агрессоры после основательного их разгрома, несомненно, на время потеряют всякий вкус к повторению своих военных авантюр. Но угроза грядущих войн этим отнюдь еще не исключается. До тех пор, пока в нашем окружении господствует экономическая система соперничества из-за рынков сбыта и международной конкуренции, за поводами для острых конфликтов и за охотниками разрешать их силой оружия дело не станет. Было бы, как говорится, болото, а черти найдутся. На месте одних агрессоров могут появиться другие, тем более, что возникновение агрессии в определенных условиях далеко не случайное, а вполне закономерное явление.

Мы уже теперь чувствуем, как даже в собственной семье капиталистических стран накапливаются и обостряются экономические противоречия интересов. С окончанием войны, содействовавшей резкому опережению в области экономических потенций одних из них другими, эти противоречия, будучи развязаны, получают дальнейшее свое развитие. Нам не было нужды гадать, какие из этих стран в результате дальнейшего опережения других в области потенций своего развития раньше всех в погоне за новыми рынками образуют новый лагерь потенциальной агрессии. Исто-

---

[1] Б. Сухаревский. Указ. соч., стр. 17—18 и 25; В. Абрамов. Восстановление МТС в освобожденных от оккупации районах. М., 1944, стр. 15, 30—31.

рический опыт учит нас тому, что наибольшую склонность к агрессии в подобных случаях получают, а стало быть, и наибольшую опасность для миролюбивых народов могут представить наиболее мощные в экономическом отношении страны мира. Наш опыт показал, что лучшим методом обуздать такого активного и сильного агрессора является заблаговременная подготовка в экономическом с ним соревновании к тому, чтобы в нужный момент иметь возможность противопоставить ему не меньшую мощь миролюбивого народа. Этот исторический опыт пригодится нам и на будущее время в предвидении возможности появления всяких иных потенциальных агрессоров.

Этими победами мы прежде всего обязаны гению Ленина, уже много лет тому назад в предвидении неизбежной агрессии поставившего перед нашей страной основную задачу — догнать и перегнать в экономическом своем развитии даже самых сильных и далеко опередивших нас в этом отношении на международном поприще возможных агрессоров. Война на время отвлекла нас от этой задачи. Но конец одной войны для многих потенциальных агрессоров — это только начало подготовки к следующей. Вот почему, чтобы не быть захваченным событиями врасплох, весь СССР, выполняя завет В. И. Ленина об основной нашей экономической задаче, готов, опираясь на громадные преимущества нашей плановой системы, снова, еще энергичнее, чем раньше, «устремиться на всех парах вперед»!

1943—1955 гг.

6. НАЛОГИ И ИНФЛЯЦИЯ НА СЛУЖБЕ МИЛИТАРИЗМА[1]

Военная экономика, нарушая все нормальные народнохозяйственные связи и пропорции и разрушая производительные силы воюющих держав, всегда тягостнее всего сказывалась на судьбах самых широких народных масс. Но в эпоху империализма, когда милитаризм, нацеленный на передел мировых рынков, достигает своих крайних пределов в огне войн мирового масштаба, причиняемые им разрушения и народные бедствия становятся беспредельными. А между тем выигрывает за счет этих бедствий многое лишь весьма узкая прослойка буржуазии, возглавляющая монополистические корпорации фабрикантов оружия и торговцев смертью своих сограждан на Западе. Эти корпорации очень богаты и могущественны. Но, если б им пришлось финансировать гонку вооружений и прочие военные расходы за свой собственный счет, они сразу бы обанкротились, несмотря на самые высокие нормы эксплуатации труда и сверхприбыли военных предприятий.

Естественно возникает вопрос: за чей же счет и какими методами финансируется и гонка вооружений в холодной войне и все другие издержки милитаризма?

Понятно, что для этих особых задач изыскиваются и особые источники, помимо обычной нормы прибыли на капитал. Содержание армии, жандармов, полиции, стоящих на страже классовых интересов буржуазии, и в мирное время требует огромных затрат, а в условиях войны, даже «холодной», они многократно возрастают. Откуда же и как извлекает буржуазия необходимые ей для этой цели экстраординарные дополнительные ресурсы?

а) Хитрая механика обложения

Известно, что основным доходом буржуазии капиталистических стран является прибыль на капитал, создаваемая трудом работающего в производстве наемного персонала. Сам капиталист при этом обычно ничего не производит. Он может вовсе даже не участвовать в производстве, из

[1] «Новое время», 1960, № 37 и 38.

которого извлекаются его доходы. Достаточно лишь располагать капиталом. Конечно, от трудов праведных не наживешь палат каменных. Но откуда бы капитал ни достался его владельцу — по наследству ли или путем собственных махинаций на бирже и всяких иных спекуляций — это не имеет значения. Капиталист приобретает себе достаточный пакет доходных акций и облигаций, стрижет очередные купоны и кладет в карман текущие проценты и дивиденды. А затем хоть все свободное от этих несложных занятий время он может посвятить от скуки кутежам в шикарных ресторанах с устрицами и шампанским или лирическим прогулкам в не менее шикарной компании на собственных яхтах под алыми парусами. Дело это совсем не хитрое и большого ума не требует.

Но встают перед буржуазией задачи и посложнее. Любой предприниматель понимает, что получаемая им норма прибыли на свой капитал тем выше, чем ниже ставки оплачиваемого им труда, и прилагает все усилия к снижению этих ставок часовой и сдельной зарплаты. Однако и рабочие отнюдь не склонны снижать свой уровень жизненных потребностей в интересах своих хозяев. Они становятся все сознательнее и организованнее. С ростом производительных сил и культурного уровня общества вполне закономерно растет и уровень потребностей рабочего класса. И он все энергичнее и успешнее за последние десятилетия борется во всех странах капитализма за такой уровень заработной платы, который соответствует уже достигнутому уровню его потребностей.

Отдельным предпринимателям и даже целым их корпорациям все труднее становится в этих условиях реализовать свой нажим на зарплату прямыми путями при очередных пересмотрах коллективных договоров с производственными союзами рабочих. Еще менее пригодны прямые пути для переложения на рабочих всех затрат на военные авантюры буржуазных милитаристов. Но они располагают и многими иными, косвенными, путями к той же цели. На службе буржуазии имеется и мощный аппарат буржуазного государства с его налоговой и финансовой агентурой, и сколько угодно купленных профессоров и адвокатов, чтобы оправдать любую практику этой агентуры подходящей случаю «научной» теорией, и самая продажная буржуазная пресса, пропагандирующая эти лживые теории, и многие другое. И всеми этими путями создается уже гораздо более «хитрая механика» эксплуатации труда, которая вовсе выходит за рамки коллективных договоров и возможностей профессиональных рабочих организаций.

Налоговые рычаги буржуазии

Если заработную плату рабочих не удается снижать непосредственно на предприятии, то буржуазное государство располагает для этого весьма удобными налоговыми рычагами. Государственный аппарат капиталистических стран верно служит интересам буржуазии. Но содержание этого аппарата, поставленного на стражу частной собственности буржуазии, т. е. затраты на армию и чиновников, жандармов и шпиков, прокуроров и палачей, на тюрьмы и эшафоты, в условиях холодной войны обходится недешево. В США расходный бюджет государства поглощает, например, до 37% всего национального дохода страны [1]. Расходовать, однако, на охрану своих капиталов свыше сотни миллиардов долларов ежегодно за свой собственный счет расчетливые миллиардеры не согласны. И они тем охотнее перелагают с себя это тяжкое бремя путем прямых и косвенных налогов на все трудовое население страны.

Это население, с одной стороны, отнюдь не чувствует никакой охоты сражаться с другими народами и проливать свою кровь за чужие интере-

---

[1] 134,9 млрд. долл. из 366,2 в 1958 г.

сы. Рабочих вовсе не радуют шпики и жандармы, срывающие их мирные забастовки против хозяев в повседневной борьбе рабочих за нормальный уровень оплаты их труда. Еще меньше им нравятся прокуроры и суды, сажающие их в тюрьму за любое нарушение буржуазных порядков или за неуплату тех налогов, за счет которых содержится и эта армия, и жандармы, и собственные их тюремщики. Но хотят они этого или не хотят, а налогами из их зарплаты изъемлется даже много больше, чем стоит содержание всей буржуазной юстиции и полиции, неумолимых сборщиков налогов и тупых тюремщиков.

Конечно, в странах Запада, именующих себя демократиями «свободного мира», невозможно взимать подоходный налог даже с пенсий стариков и инвалидов труда, вовсе освободив от него индивидуальные доходы предпринимателей-миллиардеров. Но, если верить официальной отчетности США, то на долю нетрудовых доходов буржуазии (свыше 10 тыс. долл. в год на одного налогоплательщика) даже в этой богатейшей стране приходится не свыше 8% всей суммы «индивидуальных» или «персональных» доходов населения, подлежащих прямому подоходному обложению [1]. Налог этот прогрессивный. И ставки его уже на заработную плату и трудовые фермерские доходы достигают в среднем 20%, а нетрудовые — от 10 тыс. долл. и выше — колеблются от 21 до 65%, достигая в среднем около 30%. Однако и при этом условии на долю буржуазии падает не свыше 15% общего итога подоходного налога, а остальные 85% его покрываются в основном за счет заработной платы рабочих и служащих.

Столь благоприятный для буржуазии результат достигается прежде всего за счет прямой утайки ею огромной доли своих доходов, а затем в порядке бесчисленных льгот и изъятий из обложения, предоставляемых им и законом, и самыми хитроумными обходами закона на практике. Так, например, каждому из «деловых людей» уже закон предоставляет право — из подлежащего обложению его дохода — показать и вычесть все свои так называемые деловые расходы, в сумму которых включаются и необъятные затраты на рекламу, и «деловые» поездки, и целые путешествия по стране в теплой компании, и даже ресторанные счета за угощение друзей, и прочие расходы на представительство в «деловом мире», рамки которых не поддаются никакой регламентации. Американские эксперты по налогам считают, что на такие «деловые расходы» в США ежегодно списывается от 5 до 10 млрд. долл. [2] Но это заведомо низкая оценка. Ведь на одну лишь рекламу в США за 1959 г. было израсходовано 11 млрд. долл., а в 1960 г., по оценкам деловых людей, «будет израсходовано» свыше 12 млрд. [3] Общая же сумма льготных вычетов из персональных доходов по подоходному налогу за один лишь 1957 г., по официальным данным, составила 76,8 млрд. долл. [4]

Необлагаемый минимум заработной платы — до 600 долл. в год — в эту цифру льгот вовсе не входит. Максимум их — до 44 млрд. долл.— падает на доходы свыше 5 тыс. долл., т. е. на доходы, значительно превышающие средний уровень заработной платы. Таким образом, в основном все такие льготы достаются даже не мелкой, а средней и крупной буржуазии. Конечно, заполучить все такие льготы без обмана, взяток, мошенничества и подлогов было бы слишком затруднительно. Но и без того невысокий уровень буржуазной морали не препятствует буржуазии еще ниже спускаться в этой повседневной практике переложения налогового бремени со своих плеч на чужие.

---

[1] В 1956 г. около 28 млрд. долл. из 330 млрд. общего итога «персональных доходов». («Statistical Abstract of the United States», 1959, p. 305, 378—379).

[2] «Юнайтед электрикал Ньюс», 15.II.1960.

[3] Там же, 11.IV.1960.

[4] «Statistical Abstract...», 1960, p. 380.

Однако все ведущие к этой цели уловки буржуазии, приукрашенные блеском многомиллиардной рекламы, все же слишком прозрачны. Многочисленные разоблачения даже в буржуазной печати свидетельствуют, что эта реклама в основном покоится «на подлогах, обмане и фальсификации». А иной раз в американской прессе можно прочесть и такие горькие признания: «Наша страна переживает такую оргию расточительства, взяточничества, коррупции и самопроизвола деньги имущих, которая превосходит все, что известно о поведении королей и диктаторов прошлых эпох» [1].

Такие оценки поведения «деньги имущих» в рабочей печати опасны буржуазии. И чтобы не слишком раздражать неимущих, «имущие», как известно, давно уже изобрели сверх прямого обложения скудных доходов трудящихся масс еще и целую серию косвенных налогов и акцизов, повышающих цены продуктов первой необходимости и, таким образом, в их цене, совершенно незаметно, перелагаемых на самые широкие круги потребляющего их неимущего населения. Каждый из таких потребителей в отдельности расходует на эти продукты во много раз меньше, чем богатейшие бизнесмены-предприниматели, но зато общее число их в десятки раз превышает число этих предпринимателей. И таким образом на заработную плату рабочих в США, по приблизительным расчетам, молчаливо перелагается, под шумок о тяжести растущих прямых, еще свыше 50% всех косвенных налогов и платежей.

Как же сказывается эта хитрая налоговая механика на уровне заработной платы рабочих и служащих в странах капитала?

Официальная статистика этих стран не дает на такие волнующие рабочих вопросы прямого ответа. Но, опираясь на публикуемые в них отчетные данные, все же можно подвести некоторые весьма красноречивые итоги.

В нашей табл. 5 учтены итоги заработной платы всех рабочих и служащих США, за исключением лишь армии и чиновников, оплачиваемых буржуазией за счет налогов из государственного бюджета. В качестве специального аппарата принуждения и подчинения власти капитала всего остального трудового населения страны этот аппарат в сущности и неотделим от самой буржуазии. Правда, незначительная часть этого аппарата выполняет и общеполезные функции в области начального обучения и санитарии в той мере, в какой это диктуется интересами самой буржуазии, которой требуются и обученные рабочие и медицинский персонал. Услуги этого персонала, как и высшее образование в США, остается для всех граждан платным, и потому в федеральном бюджете США все ассигнования на культуру занимают более чем скромную роль. Например, в 1959 г. из 80,7 млрд. долл. этого бюджета на культуру было ассигновано всего 3,092 млрд. долл. (3,8%). Зато, по сообщению американской печати (журнал «Ньюсуик»), на один лишь шпионаж по тому же бюджету ежегодно расходуется 3 млрд. долл. и содержится около 100 тыс. штатных осведомителей [2]. На этом зыбком основании, по-видимому, и зиждится «культура» всей командной верхушки в мире «свободного» капитала.

Следует еще учесть, что в итоги заработной платы, учтенной в нашей табл. 5, вошли и тантьемы и всякие иные переплаты директорам и акционерам корпораций в целях сокрытия их прибылей от обложения, а эти переплаты достигают уже многих миллиардов долларов. А потому нужно думать, что фактическая оплата труда по всей производственной сфере и культурному строительству США скорее завышена, чем занижена в приведенной сводке. А выводы получаются такие. Налоги, падающие на зарплату, растут гораздо быстрее номинальной зарплаты. С 1929 по 1958 г.

[1] «Юнайтед электрикал Ньюс», 15.II.1960.
[2] «Коммунист», 1960, № 11, стр. 109.

Таблица 5

Доля рабочего класса в национальном доходе США, в млрд. долл. *

(Исчисление)

Показатели	Годы					
	1929	1933	1940	1950	1958	1959
А	1	2	3	4	5	6
I. Бюджет рабочих и служащих (доходы) **						
1. Заработная плата	45,5	23,9	41,4	124,1	196,2	212,1
2. Прочие доходы (пенсии, пособия)	0,7	0,5	2,3	7,8	17,4	19,6
Итого	46,2	24,4	43,7	131,9	213,6	231,7
3. Налоги и вычеты из заработной платы						
а) прямые (85%)	2,3	1,2	2,2	17,7	36,2	38,7
б) косвенные (50%)	3,5	3,5	5,0	11,9	19,5	21,0
в) вычеты по социальному страхованию	0,1	0,2	0,7	2,9	7,0	8,3
Итого	5,9	4,9	7,9	32,5	62,7	68,0
% к доходам	12,8	20,1	18,1	24,6	29,4	29,3
Итого по I (бюджет нетто)	40,3	19,5	35,8	99,4	150,9	163,7
II. Бюджет буржуазии и ее аппарата						
1. Потребление буржуазии (крупной и мелкой)	33,7	20,8	27,7	73,3	98,8	102,2
2. Чистое накопление буржуазии	8,4	—5,7	6,6	31,5	18,2	30,1
3. Содержание ее аппарата	4,6	4,9	7,9	17,3	33,5	35,9
4. Военные расходы (прямые)	0,7	0,7	1,5	13,0	44,1	46,4
5. Прочие (% по займам и пр.)	0,1	—	2,1	7,4	20,7	20,2
Итого по II	47,5	20,7	45,8	142,5	215,3	234,8
III. Национальный доход (I + II),	87,8	40,2	81,6	241,9	366,2	398,5
в том числе доля рабочего класса, %	46	49	44	41	41	41

* «Statistical Abstract of the United States», 1960, p. 239, 305—307.

** Кроме чиновников и армейцев, оплачиваемых из государственного бюджета.

они выросли более чем в 10 раз и достигают уже 30% всей начисленной зарплаты рабочих и служащих. А вместе с тем падает и доля рабочего класса в национальном доходе страны, по самым скромным расчетам — с 46 до 41% за тот же период.

Эти выводы подтверждаются и прямыми данными семейных бюджетов американских рабочих. Так, например, по сообщению журнала «Ньюсуик», прямые и косвенные налоги пожирают в среднем из бюджета американской семьи с доходом в 3500 долл.— 1059 долл., т. е. свыше 30%. Примерно в таких же размерах снижаются налогами доходы трудящихся и в других капиталистических странах: в Западной Германии — на 30%, во Франции — на 28%, в Англии — на 22% [1]. Особенного внимания заслуживает неуклонный рост налогового бремени, падающего на зарплату рабочего класса, за последние годы. Растет и круг лиц, привлекаемых

[1] «Правда», 30 июля 1960 г. (Статья Сапрыкова).

к обложению подоходным налогом, и сумма прямых и косвенных налогов, и средний процент изъятий. Важнейшим толчком к этому послужила последняя мировая война. Но война кончилась уже 15 лет тому назад. Однако это принесло облегчение лишь крупнейшим капиталистическим корпорациям. Им уже к 1955 г. налог был снижен на несколько миллиардов долларов. Все же остальные, индивидуальные прямые и все косвенные налоги, продолжают расти. Предпринимателям так понравился этот метод снижения зарплаты своих рабочих, что они готовы его увековечить.

Войны уже нет, и возникла реальная возможность полного и всеобщего разоружения народов. Но военные сверхприбыли можно получать и в условиях «холодной войны». И в охотниках провоцировать ее без конца нет недостатка. Тем более, что финансировать эту войну можно и впредь, как показал опыт, в основном за счет заработной платы рядовых налогоплательщиков.

Неуклонный рост налогового бремени в капиталистических странах мотивируется военными нуждами. И под этим предлогом военные расходы США в 1959 г. достигали уже 60% всего федерального бюджета этой страны. Но поскольку реальной опасности нападения на эти страны нет и не предвидится ниоткуда, то все эти расходы становятся объективно лишь проявлением величайшего расточительства буржуазии. Военные заказы крупным корпорациям приносят огромные доходы, но использовать их продукцию в нынешних условиях военной техники было бы чистейшим безумием, равносильным самоубийству. И она вот уже десятки лет накопляется без применения, обесцениваясь. Причем, по сообщению прессы, то или иное новейшее оружие нередко объявляется устаревшим еще до того, как оно изготовлено или даже поступило в производство.

Так, например, военно-воздушный флот США отказался от проекта «ГУУЗ», затратив на него уже 70 млн. долл. Истратил 374 млн. долл. на разработку ракеты «Раскал» и отказался от нее. На проект «Навахо», прежде чем от него отказаться, было истрачено 750 млн. долл. В 1958 г. военно-воздушные и морские силы отказались от продолжения работ, которые им обошлись в 1,5 млрд. долл., заявив, что они «просчитались». «Можно ли объяснить только глупостью,— спрашивает американский журналист,— то, что военно-морской флот купил самолеты стоимостью в 600 млн. долл., которые, по признанию генерального ревизора Кэмпбела, не в состоянии выполнить возложенные на них задачи?» И отвечает: «Вряд ли, ибо, когда эти недостатки были обнаружены, то, как заявил Кэмпбел, министерство послало новые заказы на эти же самолеты». И сами американцы объясняют эту «ситуацию» не столько глупостью военных людей из Пентагона, сколько «тесной связью между крупнейшими монополиями и правительственным аппаратом» [1].

Тем же обстоятельством, по-видимому, объясняются и те сумасшедшие цены, по которым выполняются военные заказы на такие самолеты. Сам президент США Эйзенхауэр признал, что «некоторые из них расцениваются на вес золота». А «Нью-Йорк таймс» уточнил, что бомбардировщик типа «Б-58», весом в 47 тыс. фунтов, обходится США в 26,7 млн. долл., или по 568 долл. за фунт, т. е. дороже золота, фунт которого стоит всего 500 долл. Фунт же бомбардировщика военно-морского флота «АЗJ» обходится в 650 долл., т. е. еще дороже. При наличии межконтинентальных ракет эти дорогие игрушки уже явно устарели. Они не годятся для мировой войны. И даже в целях шпионажа у чужих рубежей, как показал шпионский опыт мистера Пауэрса, на них удается спокойно добраться только... до скамьи подсудимых в чужой стране. Но поставщиков этого товара сие не касается. И они даже за явный брак в своей столь высоко —

---

[1] «Юнайтед электрикал Ньюс», 6.VI.1960.

на вес золота — расцениваемой смертоносной продукции выручают баснословные прибыли.

Кстати сказать, в числе такой забракованной по непригодности генеральным ревизором военной продукции была и продукция пресловутой фирмы «Локхид», прославившейся поставкой Пентагону шпионских самолетов «У-2». Это не помешало ей еще в 1953 г. получить 238% прибыли на свой капитал. А в 1954 г. другая компания «Норт-Америкэн авиэйшн» выручила на правительственных заказах даже 802% прибыли на свой капитал.

Такие баснословные прибыли фабрикантов оружия за счет налогоплательщиков свидетельствуют, конечно, прежде всего о глубоком моральном разложении того государственного аппарата буржуазии, который не только допускает, но и прямо содействует подобному расточительству народных средств существования. Но вместе с тем в них мы находим объяснение и приверженности этого аппарата к условиям холодной войны, оправдывающим любое расточительство, и той готовности, с которой он рычагами налогов выкачивает необходимые для этого средства в основном из заработной платы трудящихся масс.

Еще в прошлом веке бремя налогового обложения трудящихся можно было оправдывать тем, что налоги хоть и тягостная, но, увы, неустранимая принадлежность государственного бюджета всех народов и, стало быть, в любых условиях — неизбежное зло. Но сегодня этому уже никто не поверит. Повседневная практика стран социализма убеждает, что общественные нужды бюджета можно покрывать и не прибегая к налогам, за счет прямого поступления в бюджет накоплений общественного производства. Конечно, в этой практике можно усмотреть еще не один из тягостных пережитков прошлого, таких, например, как армия и военные расходы в бюджете. Но в отличие от стран капитализма, здесь эти пережитки неуклонно ликвидируются. И совсем не случайно, что с предложением о всеобщем и полном разоружении всех народов выступила именно наша страна — страна социализма.

Сохранялись доныне у нас и пережитки налоговой системы. Но уже в бюджете 1959 г. в СССР все налоги с населения — это печальное наследие прошлого — не превышали 7,8%. Для сравнения напомним, что в то же время в странах капитализма одни лишь налоговые поступления в бюджете составляли: в Западной Германии — 85%, во Франции — 86, в Италии — 91, в Англии — 92 и в США — 99% всех доходов. Но совсем уже выходящим из ряда фактом является новый закон 1960 г. в СССР, которым предрешается полная ликвидация в течение ближайших пяти лет уже всех налогов, падающих на зарплату в нашей стране.

Было бы совсем неплохо, если бы и в странах Запада господствующая буржуазия покрывала свои государственные расходы только за счет собственных накоплений, не покушаясь на и без того тощие кошельки своих рабочих. Но, к сожалению, такая перспектива ей вовсе не улыбается.

б) Инфляция на службе капитала

Западная буржуазия совсем не торопится с облегчением налогового бремени своих рабочих. А когда налоговые рычаги вызывают в рабочей среде излишнее сопротивление, то на службу интересам г. Капитала привлекается еще более хитрая механика денежной инфляции. Инфляцией называют такой избыток бумажных денег в обращении, который, по законам рынка, приводит к большему или меньшему их обесценению по отношению к товарной массе или, что то же, к повышению товарных цен в такой «падающей» по отношению к стоимости всех товаров денежной валюте. До тех пор, пока в обращении господствовала золотая валюта,

избытки ее служили задачам накопления, не теряя своей товарной стоимости и не вызывая нездоровых проявлений инфляции. Но уже после первой мировой войны почти повсеместно золото было вытеснено из обращения бумажными банкнотами. И с тех пор инфляция становится все более широким и удобным орудием обогащения предпринимателей — помимо всех других источников — за счет хронического обесценения выплачиваемой ими своим рабочим денежной зарплаты.

В просторечии это бедствие в рабочей среде именуется обычно ростом дороговизны жизни. Но это лишь иное выражение для обозначения обесценения денег, или денежной инфляции. Возникает вопрос — почему же инфляция, являясь бедствием для рабочих, служит обогащению их хозяев-капиталистов? Ведь у капиталистов больше денег, чем у рабочих, и казалось бы, что и потери от обесценения денег должны быть значительнее у тех, у кого больше денег? И это, конечно, так и есть. Капиталист, придерживая деньги в условиях падающей валюты, много теряет, но производя свой товар, дорожающий в условиях инфляции, он возмещает свой ущерб даже с избытком, ибо деньги у него обычно все в обороте, а готовый товар всегда дороже истраченных в его производстве денежных издержек. И только рабочие, не располагая никакими товарными ценностями кроме своей рабочей силы, при оплате ее падающим рублем ничем не могут возместить свой ущерб. А в результате хозяин, приобретая эту рабочую силу по удешевленной расценке, тем самым умножает свою прибыль.

Распутать столь хитрую механику действия инфляции сможет далеко не каждый рабочий. А буржуазные экономисты, еще больше запутывая ее, всякое требование рабочих о повышении заработной платы хотя бы на несколько центов встречают криками: «Это приведет к инфляции!» И таким образом вся вина за инфляцию, от которой выигрывают лишь хозяева, возлагается на самих рабочих. В связи с этим, в частности, несколько лет тому назад компания «Дженерал электрик» выдвинула требование правительству повысить налоги на рабочих, понизив их на доходы компании, чтобы снизить этим инфляцию путем ограничения количества денег, находящихся «в руках народа». По этой убогой концепции избыток денег угрожает инфляцией только в руках народа, а если их передать монополистам, то всякая опасность инфляции сразу исчезает, хотя даже из элементарной арифметики известно, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. А если еще учесть, что деньги все время циркулируют и из рук монополистов снова попадут в руки «народа», то станет еще яснее, что не перемещением денег из рук в руки определяются судьбы инфляции.

Ясно и то, что повышение или понижение заработной платы само по себе не может стать причиной инфляции. Если условия производства не изменяются, а стало быть, и стоимость продукции остается прежней, то увеличение зарплаты повысит лишь долю рабочих и на столько же понизит долю хозяина в общей стоимости вновь создаваемой продукции. Общая же сумма выручки от такого перераспределения долей в ней участия не изменится. Откуда же при этом мог бы возникнуть избыток денег в обороте, со всеми другими проявлениями инфляции? И если она все же все чаще проявляется в мировой практике, то объясняется это совсем другими причинами.

В самом деле, обратимся к фактам. Наиболее устойчивой денежной валютой буржуазного Запада считается американский доллар. Но и он из 100 центов своей покупательной способности 1940 г. потерял уже к 1950 г. 43, а к 1960 г. не менее 53 центов. Еще больше потерял английский фунт, не говоря уже о печальной участи франка и многих других бумажных мерил рыночной стоимости на Западе. Чем же это объясняется? Необоснованным ростом товарных цен? Да, конечно. Но надо еще объяснить, поче-

му же столь общим явлением стал этот рост цен в капиталистическом мире.

Согласно вульгарной теории спроса и предложения, рост товарных цен объясняется превышением спроса над предложением. Но за снижением спроса и по этой теории должно воспоследовать снижение цен. И такое падение цен в годы промышленных кризисов сбыта действительно наблюдалось в прошлом неоднократно. А между тем в 1958 г. даже несомненный кризис сбыта в США при рекордном за много лет проценте безработных — 6,8 — и рекордной суммой банкротств — на 728 млн. долл.,— не помешал тому, чтобы товарные цены вместо снижения возросли и в оптовой на 1,3%, и в розничной продаже — на 2,7%[1]. Ясно, что с точки зрения вульгарной политической экономии столь парадоксальные факты просто необъяснимы. Нельзя же думать, что именно умножение безработных и банкротов свидетельствует об избытке денежного спроса на товарном рынке страны. Нельзя объяснить эти факты и избыточными выпусками бумажно-денежной банковской эмиссии. Ведь в США бумажные доллары всегда можно разменять на золото, автоматически извлекая из обращения любой их излишек.

Необъясним этот рост товарных цен и с позиций таких классиков буржуазной политэкономии, как Адам Смит и Рикардо. По их учению, динамика товарных цен определяется затратами общественно необходимого труда в производстве и, стало быть, в условиях технического прогресса эти цены должны бы не расти, а падать. А между тем в тех же США производительность труда индустриальных рабочих с 1940 по 1958 г. выросла за 18 лет на 62%, а цены вместо снижения примерно на 38%, согласно теории (100 : 1,62 = 61,8), наоборот, возросли в 2,1 раза[2]. Говоря иначе, если б цены 1940 г. и приближались к уровню стоимости индустриальной продукции, то к 1958 г. они уже превзошли бы этот уровень более чем втрое (210 : 61,8 = 3,4 раза). Это тоже парадоксальный факт на первый взгляд. Но с ним приходится считаться, ибо он означает, что доллар 1958 г., оторвавшись от стоимости, реально обесценился не в два, а более чем в три раза. И, конечно, такое обесценение валюты, чем бы его ни объяснять, даже в условиях разменности доллара на золото, является лишь несколько замаскированной инфляцией.

Особенностью этой инфляции нужно, однако, признать то, что она начинается не с денежного конца: не выпусками бумажных денег сверх потребности оборота, в результате чего вздувается уровень товарных цен, а непосредственным повышением этих цен сверх уровня нормальных «цен производства» и вложенного в общественный продукт труда. Но конечный результат от этого не меняется. Повышение всех цен повышает и общую потребность товарооборота в денежной массе прежних наименований. Оборот автоматически поглощает дополнительное количество банкнот в соответствии с новой расценкой общественного продукта. Но, возрастая, денежная масса обслуживает реально все тот же оборот и потому в соответствующей мере обесценивается. Монополисты могут вздувать цены своей продукции и выше ее стоимости. Но тем самым снижается покупательная сила денежной единицы, что и характерно для высокой инфляции. С той лишь разницей, что там, где наряду с обесцененным бумажным долларом сохраняется еще размен его на более дорогой золотой, золото уплывает за границу.

В условиях «свободной конкуренции» столь широкой возможностью повышать свои цены в отрыве от стоимости отдельные предприниматели не располагали. Наличие на рынке множества конкурентов всегда умеряло аппетиты наиболее алчных из них и прижимало цены товаров к

---

[1] «Statistical Abstract...», 1959, p. 331, 334.
[2] Там же; «СССР в цифрах в 1959 году». М., 1960, стр. 46.

уровню действительной их стоимости. Но в современную нам эпоху монополистического капитализма мощные объединения крупнейших капиталов, овладев всеми преимуществами высокой техники и достижений науки, уже не страшатся возможных конкурентов из числа оставшихся за флагом, вне монополий, мелких предпринимателей,— так называемых аутсайдеров. Крупный капитал беспощадно душит их при каждой рыночной заминке или производственном «спаде», доводя до полного банкротства. За один лишь кризисный 1958 г. в США обанкротилось 14 964 таких мелких фирм со средней задолженностью менее 50 тыс. долл. на каждую. И, конечно, их имущество с торгов достается более мощным корпорациям капиталистов. Но чем меньше остается таких независимых конкурентов на путях крупнейших корпораций, ворочающих миллиардами, тем свободнее эти монополисты устанавливают на свои товары уже монопольные цены, т. е. с превышением их реальной стоимости.

Ограничив действие рыночных законов «спроса и предложения» и пытаясь заменить «свободу» рыночной конкуренции продавцов и покупателей полным произволом производственных монополий в ценообразовании, эта их практика не могла, однако, обойти более глубоких экономических законов производства. Необходимость соблюдения известных производственных пропорций в распределении труда соответственно потребностям общества сохраняется и на монополистической стадии капитализма. Не исчезает и конкуренция производственных монополий в межотраслевом их товарообмене, расширяясь в масштабах и приобретая даже еще большую остроту, чем это было возможно во внутриотраслевых столкновениях индивидуальных предпринимателей. Остаются и кризисные потрясения всего народного хозяйства, восстанавливающие необходимые пропорции в производстве, издержках и «ценах производства», когда нарушение этих пропорций достигает известного предела. И тогда выясняется, что, несмотря на общее повышение всех цен, самым заметным его результатом является лишь соответствующее обесценение действующей валюты, т. е. денежная инфляция.

Казалось бы, что из-за этого монополиям не стоило бы и огород городить. Если заранее известно, что за повышением цен одной производственной монополией и все другие не замедлят последовать ее примеру, выравнивая тем самым требования необходимой эквивалентности в межотраслевом товарообмене, и никто из них при этом ровно ничего в нем не выиграет, то, спрашивается, в чем смысл этой игры на повышение?

Он не сразу заметен, этот смысл, но в этом именно и заключается особая его привлекательность в глазах всей мировой буржуазии. Во взаимном товарообмене монополий, при вышеуказанных условиях, ни одна из них действительно никаких особых выгод не получает. Но зато при расплате со своими рабочими падающим долларом или франком они все немало выигрывают, причем такие вычеты из заработной платы рабочих инфляционным насосом еще менее им заметны, чем даже косвенные налоги и акцизы. В сущности, действие инфляции в этом отношении полностью уподобляется таким налогам. С той, однако, существенной разницей, что новый налог хотя бы на один лишь предмет потребления нельзя провести втихомолку, без обсуждения в печати, дебатов в парламенте, протестов в рабочей среде. А денежная инфляция реализуется совсем без шума, не нуждаясь ни в каких законодательных актах, хотя удорожает сразу все платные средства существования трудящихся.

Велики ли эти вычеты?

Как известно, в США даже в тяжком кризисном 1958 г. покупательная сила доллара в розничной торговле упала за один лишь этот год на 2,64%, а на предметы питания даже на 4,2% [1]. Весь чистый заработок рабочих

---

[1] «Statistical Abstract...», 1959, p. 333.

и служащих США, за вычетом налогов, достигал в этом году, по нашим расчетам, около 150 млрд. долл. Значит дополнительный вычет из него за счет растущей дороговизны жизни составит более 3,9 млрд. Это не столь уже значительная цифра. Но установленные законом налоги не изменяются из года в год. А дороговизна жизни и связанные с ней «вычеты» из заработной платы в странах капитализма обнаруживают тенденцию непрерывного роста. И если посчитать падение доллара не за один год, а за целый период, скажем, с 1940 г. на целых 53%, то и потери в зарплате по этой статье к 1958 г. выразились бы уже в огромной цифре 79 млрд. долл., значительно превышающей максимальную цифру вычетов по всем прямым и косвенным налогам на зарплату.

Можно ли, однако, сказать, что денежная инфляция и вытекающий из нее рост дороговизны, ставшие столь опасным орудием снижения реальной оплаты труда в руках международной буржуазии, представляют собою какое-то объективно неустранимое и непобедимое зло? Конечно, нет. Инфляционную политику монополий в странах капитала никто и ничто не навязывает им извне. Это их собственная, вполне сознательная политика. Наращивая дороговизну жизни, она противоречит интересам всего народа за исключением одних лишь капиталистов. А в условиях, когда производительность труда растет, издержки на зарплату падают, а товарные цены тем не менее повышаются, такая антинародная политика цен становится уже и явно преступной.

Общеизвестно, что в богатейших США дороговизна жизни только с 1950 г. возросла за 9 лет на 20 с лишним процентов, и золотой доллар неудержимо падает, в то время как в Советской стране, несмотря на жестокие военные потери, цены на все средства существования за те же годы упали минимум на 25% и бумажный советский рубль неуклонно растет и крепнет. Почему же американские и другие монополии не могли бы вступить на путь столь же здоровой политики? Правда, на словах, каждый раз, когда рабочие предъявляют требования о повышении заработной платы, монополисты начинают громко кричать об опасности инфляции. Но ведь и любой вор, спасаясь с покражей от погони, сам громче всех кричит: держи вора!

Инфляционная политика монополий действительно представляет собою для пролетариата тем большую опасность, что, высасывая из него исподволь, по капельке, жизненые силы и соки, она проделывает это по-воровски, втемную: незаметно, незримо и неощутимо, а потому и без своевременного протеста и отпора.

Август 1960 г.

7. ВСЕОБЩЕЕ РАЗОРУЖЕНИЕ И ЭКОНОМИКА [1]

а) Война — это мировая катастрофа

Недавняя инициатива СССР в решении сократить в одностороннем порядке на целую треть свои вооруженные силы — это первый смелый шаг и блестящий пример, заслуживающий подражания на путях разоружения. Он привлекает к себе всеобщее внимание и возбуждает новый интерес ко всей этой проблеме мирового значения.

Советское предложение о всеобщем и полном разоружении встретило единодушное одобрение всех народов мира. Единодушно одобрили его и делегации всех держав в Организации Объединенных наций, не исключая даже вчерашних поборников «холодной войны». Еще недавно такой крутой их поворот от опасной эквилибристики «на гранях войны» к столь миролюбивому и обнадеживающему весь мир решению показался бы совершенно неправдоподобным. И естественно возникает вопрос: следует ли это миролюбие вчерашних поджигателей войны рассматривать лишь как

[1] «Новый мир», 1960, № 3.

очередной дипломатический ход или оно свидетельствует о более серьезных, хотя и вынужденных решениях? Все, однако, говорит за то, что всеобщее разоружение становится ныне объективно все более возможным, необходимым и неизбежным решением.

Чтобы понять это, нужно прежде всего представить себе характер современной войны. Всем уже стало ясно, что мировая война на данном этапе — это мировая катастрофа. Она грозит в равной мере и побежденным и победителям, и даже всем тем народам, которые пытались бы удержаться на нейтральных позициях в этой войне. Военные авторитеты утверждают, что один лишь термоядерный заряд равен по своей разрушительной силе 2 млн. т бомб, сброшенных на все объекты Германии и оккупированных ею стран за 1940—1945 гг. Он поражает площадь от 3 до 5 тыс. км^2, обращая на ней все сооружения в груду развалин, а всю территорию — в вымершую пустыню. В связи с этим можно думать, что одной водородной бомбы достаточно, чтобы стереть с лица земли такой крупный центр, как Лондон или Нью-Йорк, а 8 бомб хватило бы для поражения целой страны величиной с Западную Германию. Но и этого еще мало, ибо еще страшнее последствия неотвратимой и неистребимой радиации, которая охватит своим кошмаром весь мир с первых же дней, как только вместо дипломатической пикировки легковесными нотами материки начнут обмениваться увесистыми термоядерными любезностями.

Как известно, ракетная техника этих межконтинентальных сообщений такова, что из любого наименее известного пункта на одном полушарии можно с астрономической точностью угодить без промаха в любой из известнейших центров другого полушария. Достигали ведь уже такие ракетные салюты намеченных целей даже на лунном диске. И, конечно, в первые же часы войны подобных зловещих «салютов» будет направлено во все концы света сотни и тысячи. И если даже они не угодят ни в одну цель, наиболее страшная цель будет достигнута: вся мировая атмосфера, земли и воды, пустыни и города будут отравлены смертоносными радиоизлучениями, от которых наука еще не знает надежных путей спасения. А это значит, что уже в первые часы такой войны погибнут сотни миллионов людей, а остальные в ближайшие же дни будут поражены мучительной лучевой болезнью с такими роковыми для человечества последствиями, как полное бесплодие, либо рождение одних лишь уродов, калек и кретинов.

В таких условиях войны, совершенно непонятно для чего собственно люди все еще строят танки и бомбардировщики, умножают наземную артиллерию и броненосные флоты и зачем содержат многомиллионные армии. Ведь раньше, чем эти армии достигнут границ, атомная война уже будет кончена, ибо для мировой Хиросимы достаточно привести в действие на пару часов лишь несколько сот ракет стратегического значения. Таким образом многомиллионные армии уже ныне становятся слишком дорогой и ничем неоправданной обузой. Они отжили свой век и совершенно безболезненно могут быть ликвидированы.

Еще менее понятно, зачем американские стратеги окружили СССР со всех сторон целой сетью военных баз с ракетными установками на территориях всех своих союзников... На содержание их расходуются многие миллиарды долларов. Назначением этих баз объявляется оборонный «ответный удар» на случай советской агрессии. А между тем сам командующий стратегической авиацией США генерал Пауэр авторитетно заверяет своих сограждан, что в случае конфликта советские ракетные установки «смогут за полчаса уничтожить 100 баз и установок, откуда мы (т. е. американцы) могли бы нанести ответный ядерный удар».

Спрашивается, зачем же было огород городить? Зачем деньги бросать на ветер? Не проще ли принять советское предложение о разоружении и раз и навсегда обезопасить себя от всех подобных опасностей?

Западные дипломаты боятся довериться противнику. А вдруг он хочет только выиграть время для подготовки коварного нападения? Но это смехотворное опасение. Если бы советские стратеги жаждали чужой крови, то лучшего момента для нападения, чем настоящий, когда советская ракетная техника намного совершеннее всякой иной, им выжидать не было бы никакой нужды. Но война вообще не привлекает нас. Да и на Западе уже очень хорошо понимают, что термоядерное оружие вовсе не пригодно для использования, ибо, погубив противника, оно, как бумеранг, вернется назад и поразит еще более страшной, длительной и мучительной смертью всех тех, кто пустил его в ход. На такое самоубийственное нападение могли бы решиться лишь безумцы.

Врагов следует остерегаться, но и их не следует считать вовсе лишенными разума. Никакая система контроля за поведением противника в деле использования ядерного оружия не сможет заменить собой обоюдного убеждения сторон, что от применения его никому из этих стран не поздоровится. И если в США все же находятся еще дипломаты, провоцирующие расточительную политику устрашения противника своими зарубежными ракетными базами, не довольствуясь никакой системой контроля, то они обнаруживают этим лишь свою собственную предельную наивность, чтобы не сказать больше. А между тем и далекие от США зарубежные базы и даже вовсе недалекие в Белом доме дипломаты, все же за них ратующие, стоят народу немалых денег. И об этом как будто пора уже подумать и западным налогоплательщикам.

А в отношении ядерного оружия, прежде всего, необходимо немедленное запрещение всяких его испытаний во избежание опаснейших радиоизлучений.

Эти излучения и ныне, в результате имевших место испытаний, не рассеиваясь бесследно, накопляются в атмосфере и образуют в ней уже довольно опасный «фон» постоянной вокруг нас радиации. Так, например, даже в Лондоне, весьма далеком от обычных мест испытаний водородных бомб, еще по данным 1955 г., его жители регулярно поглощали и накопляли из этого «фона» не менее 0,1 рентгена радиации в год. Ныне же после новых испытаний ядерного оружия этот фон определяют уже в 10 раз выше [1].

А между тем уже 0,3 рентгена в неделю признаются медициной предельной нормой, допустимой на длительный срок без губительных последствий. В результате же войны этот «фон», несомненно, сразу же повысится в десятки, если не в сотни раз. И в таких условиях даже уцелевшее от бомб человечество уже в течение одного-двух поколений оказалось бы обреченным на муки лучевой болезни, вырождение и смерть.

Самой характерной особенностью грядущей войны, однако, можно считать то, что в ней ни один из ее зачинщиков не сможет застраховать себя от всех самых страшных ее последствий. В этой войне не будет ни безопасного тыла, ни спасительных железобетонных и всяких других убежищ. От бомб еще можно укрыться под землей. И даже от радиации можно на время спастись за свинцовой завесой. Но без воздуха и воды долго не проживешь. И когда будут отравлены все источники и вся атмосфера, ни один агрессор, будь он хоть трижды Рокфеллер, не сможет надолго укрыться не только в свинцовой камере, но даже в золотом гробу.

В прежних войнах агрессоры всегда рассчитывали на богатые трофеи, почести и награды, их привлекала возможность пограбить чужое добро, покорить чужие земли, захватить чужие рынки. А в грядущей тотальной войне, как это становится понятным даже самым тупым стратегам, единственный «трофей», на который они могут твердо рассчитывать,— это близкая и неминуемая «тотальная» лучевая смерть. И хотя каждый из них

[1] П. Александер. Ядерное излучение и жизнь. М., Атомиздат, 1959, стр. 149.

не устрашился бы и сотни миллионов чужих смертей, но перспектива и самому вместо трофеев подвергнуться той же печальной участи радикально меняет дело. И потому даже они склоняются ныне к смиреннейшему миролюбию.

Что же в этих условиях может еще помешать всеобщему и полному разоружению народов?

Всем известно, что военные бюджеты всех стран поглощают ныне ежегодно свыше 100 млрд. долл. Вместе с тем в армиях всех народов под ружье постоянно отвлекаются от полезного труда военной муштрой до 20 млн. людей в самом цветущем возрасте, да сверх того еще раза в три-четыре больше работников обслуживает эти армии в производстве оружия и прочего их снабжения. Таким образом, в общем, в целях войны, отвлекается от производительного труда до 100 млн. полноценных работников. Чем же можно оправдать такое расточительство производительных сил человечества даже в условиях мирного времени?

В общем итоге военных расходов всех стран на долю одного лишь Североатлантического блока, возглавляемого США, при этом падает более 60%, хотя в населении мира на их долю приходится не свыше 15%. Значит, эти страны в распоряжении своими миллиардами значительно расточительнее других. Можно бы сие объяснить тем, что эти страны богаче других. Но в условиях, когда им ровно никто не угрожает и открыта возможность полного разоружения всех народов, богатство отнюдь не может служить оправданием расточительности. Да и вообще, как весьма резонно заметил Н. С. Хрущев, «расточительство никогда не было признаком богатства, это скорее признак глупости».

Еще недавно западные дипломаты пытались оправдать свое расточительство народных средств в бесплодной гонке вооружений мнимыми военными угрозами со стороны СССР. Да и сейчас еще кое-кто по инерции не брезгует этим излюбленным оружием обанкротившейся дипломатии. Напомним хоть совсем недавнюю попытку бывшего государственного секретаря Гертера оправдать «огромную военную машину» США тем, что военный бюджет США составляет всего 9% от «валового национального продукта», в то время, как в СССР он достигает будто бы уже более 15%. Однако вторая из этих цифр заведомо фантастична. И тот, кто подсунул ее мистеру Гертеру, несомненно, подшутил над ним, грубо обманув его доверие. А между тем всему миру, кроме разве мистера Гертера, известно, что военный бюджет СССР на 1960 г. даже по отношению к общему итогу государственных доходов не превышал 12% (9,3 из 77,1). По отношению к народному доходу Союза его расходы на оборону не достигали и 6,3% (9,3 из 146,6) [1], а по отношению к валовому общественному продукту их величина была бы не свыше 3,2%, т. е. еще раза в два ниже. В то время как в США военный бюджет уже в 1960 г. составил не менее 11% от национального их дохода в 417 млрд. долл. и достиг 60% в общем итоге федерального бюджета США (45,7 из 76,5 млрд. долл.) [2]. Как видим, соотношение получается диаметрально противоположное тому, какое изобразил в поучении своим согражданам мистер Гертер.

Можно еще сопоставить и абсолютные размеры военных бюджетов тех же стран. По бюджету СССР, расходы на оборону в 1960 г. составили 9,3 млрд. руб. в новых деньгах, или 8,4 млрд. долл. по нынешнему курсу доллара в СССР. И значит военный бюджет США того же года в 45,7 млрд. долл. по меньшей мере раз в пять превышает советские расходы на оборону.

---

[1] «Народное хозяйство СССР в 1960 году». М., Госстатиздат, 1961, стр. 153; «Народное хозяйство СССР в 1961 году». М., Госстатиздат, 1962, стр. 761.

[2] «Statistical Abstract of the United States». 1962, p. 248, 313.

Кто же кому угрожает агрессией при таком соотношении в масштабах военных приготовлений?

Пользуясь преимуществами планового хозяйства, в СССР оказалось возможным и с меньшими затратами, чем на Западе, достигнуть лучших результатов, обеспечив, на решающем участке, все необходимое в условиях момента для безопасности своих границ. Общеизвестно, что советские ракеты по своей мощности, дальнодействию и меткости боя не имеют себе равных. Но направляемые только в космические цели в интересах мировой науки, они демонстрируют лишь советское миролюбие. Тем более, что одновременно численность советской армии сокращается на миллионы людей, а военные бюджеты — на миллиарды рублей.

А между тем — у страха глаза велики — и западным стратегам все еще мерещатся военные угрозы со стороны СССР. Во всяком случае они запугивают этой мнимой опасностью своих сограждан, а под этим предлогом форсируют финансовое напряжение страны в неустанной гонке вооружений. Достаточно сказать, что за последнее десятилетие, с 1950 г., военный бюджет США в условиях мирного времени возрос с 13 до 46 млрд. долл., в 3,5 раза, поглотив безрезультатно за 10 лет свыше 400 млрд. долл., т. е. больше, чем за всю последнюю мировую войну (за 1942—1946 гг. этот бюджет поглотил 288 млрд. долл.). США — богатая страна, но и она изнемогает от такого военного бремени.

Правда, в основном это бремя перелагается здесь на плечи рабочего класса, но тем оно чувствительнее в стране, где рабочие и служащие составляют не менее 90% всего самодеятельного населения. Тяжесть обложения их с 1940 г. выросла более чем втрое. Государственный долг, за который расплачиваться придется тем же рабочим, тоже растет в США неудержимо и только с 1940 г. увеличился миллиардов на 200. В государственном бюджете все чаще зияют прорехи. За 1958/59 бюджетный год этот дефицит достигал 12,5 млрд. долл. И даже в бюджете за 1960 г., который в СССР сведен с превышением доходов над расходами в 27 млрд. руб., в США ожидался дефицит до 4 млрд. долл. [1]

В таких условиях стратегия, толкающая на дальнейшую гонку вооружений, не взирая на то, что война — это заведомое самоубийство, на которое все равно никто из разумных людей не решится,— это негодная стратегия. Расходовать по 40 и больше миллиардов долларов в год на смертоносное оружие, зная, что его нельзя безнаказанно использовать и что оно будет без пользы ржаветь до тех пор, пока не обратится в лом или не будет уничтожено по договору разоружения,— это неразумная политика. А поощрять такое расточительство, измышляя легенды о советских военных угрозах,— это недальновидная дипломатия.

Отличить правду от лжи не так уж трудно при современных средствах культурной связи народов. И поездка Н. С. Хрущева в США показала, что даже там, за океаном, совсем не так уж много осталось легковерных людей, готовых еще прислушиваться к голосам той бездарной и лживой дипломатии, которая так долго мешала взаимопониманию народов и мирному их соревнованию на экономическом поприще. И хотя «бывшие люди» этой в общем провалившейся дипломатии все еще не унимаются и по-прежнему, подобно мистеру Ачесону, пугают Запад «наступательными» замыслами советского руководства, отвергая в то же время планы полного разоружения как «фантастические», но они уже потеряли свой былой кредит. В такой дипломатии едва ли можно усмотреть ту «честную игру», к которой они сами взывают. Не проявилось в ней за много лет ни на грош и особой мудрости. И им попросту не верят.

---

[1] «Мировая экономика и международные отношения», 1959, № 12, стр. 129, 136.

б) Что лучше: кризисы или «спады»?

Но в защиту «холодной войны», помимо лжевоенных, выдвигаются и другие, не менее распространенные, псевдоэкономические соображения. В гонке вооружений на Западе усматривают весьма действительное профилактическое средство против промышленных кризисов и спасительный рецепт против бедствий массовой безработицы. Такой «теорией», по которой гонка вооружений может быть использована в качестве рычага хозяйственного регулирования для ликвидации кризисов — без ликвидации самого капитализма, их порождающего,— увлеклись не только буржуазные экономисты, но и некоторые ревизионисты из числа бывших марксистов. В развитии западной экономики за послевоенный период многие усматривают и фактическое подтверждение этой апологетической теории, поскольку в эти годы — за целых 15 лет «холодной войны» — не наблюдалось еще ни одного «спада» конъюнктуры, хоть сколько-нибудь подобного памятному кризису 30-х годов. И все же эта «теория» не стоит и выеденного яйца.

Ликвидировать периодические кризисы перепроизводства, как показал уже опыт СССР, действительно возможно. Но для этого необходимо сознательное устремление к достижению той пропорциональности в развитии всех отраслей труда в соответствии с общественными потребностями, какая осуществима лишь в плановом социалистическом хозяйстве. В обществе, «свободном» от какого-либо общего плана действий, т. е. там, где каждый капиталист соблюдает только свои собственные частные интересы, следуя лишь велениям слепой стихии рынка, неизбежны частнохозяйственные диспропорции, перерастающие с их накоплением в разрушительные кризисы.

Что же может изменить одна лишь «планомерная» гонка вооружений в таком, по-прежнему бесплановом во всех других отношениях, частнокапиталистическом хозяйстве?

Разумеется, ровно ничего, кроме еще одной дополнительной диспропорции вдобавок ко всем остальным. Накопление термоядерной смерти, как заново вздувшийся однобокий огромный флюс на щеке, дополняя все прочие внутренние болячки капитализма, отнюдь не украшает его внешнего фасада. И это уродство никак не скроешь от самых широких народных масс. Термоядерные запасы не могут удовлетворять никакой общественной потребности, ибо ни одно общество не стремится к самоубийству. Их нельзя, стало быть, использовать в военных целях. А между тем гонка вооружений требует радикальной перестройки всех народнохозяйственных пропорций на военный лад. Такая перестройка сопряжена с большими трудностями и жертвами даже в условиях планового хозяйства, а в бесплановом она создает такие дополнительные диспропорции, которые здесь значительно ускоряют повторение присущих капитализму кризисных потрясений.

Эти потрясения современные адвокаты капитализма именуют «спадами», радуясь, что каждый из них в условиях гонки вооружений оказался много легче рекордного кризиса 1932 г. Однако никакой рекорд не может быть принят за норму типичных проявлений той или иной закономерности. Если за меру глубины кризиса принять сокращение продукции от высшего докризисного уровня, то в 1932 г. это падение по всей промышленности США превзошло, за три года, 46% уровня 1929 г., в то время как по всем остальным кризисам XX в. до второй мировой войны это падение в США не превышало в среднем за четыре рядовых кризиса (1904, 1908, 1922 и 1938 гг.) и 15% от высшего уровня. Иными словами, рядовые кризисы по глубине падения, да и по длительности их, раза в три уступают рекордным показателям кризиса 1929—1932 гг.

Но в условиях холодной войны за последнее десятилетие мы наблюдали в США уже три «спада», в 1948—1949 гг. с октября по октябрь,

в 1954 г., начиная с августа 1953 г., и в 1957—1958 гг., с октября по апрель, с одновременным возрастанием числа безработных с 2,5 млн. в октябре 1957 г. до 5437 тыс. в июне 1958 г., т. е. с увеличением почти на 3 млн. полностью безработных, не считая всех остальных. Средний процент сокращения продукции по этим трем «спадам», по нашим расчетам, не ниже 15%. И в этом отношении гонка вооружений ничуть не облегчила их по сравнению с рядовыми кризисами прежних лет. А если еще учесть, что они участились в годы холодной войны и вместо одного кризиса за десятилетие повторяются трижды, то в общей сумме причиненных потерь они превзойдут и любой рекорд мирных лет. В самом деле, выражая промышленную продукцию кризисных лет в ценах 1957 г. и подсчитав по вышеуказанным процентам общую сумму потерь за последнее десятилетие по сравнению с рекордными потерями 1932 г., мы получим такие итоги (табл. 6).

Таблица 6

Потери от кризиса 1932 г. и «спадов» 1948—1958 гг. (в млрд. долл.)

	Продукция	% потерь	Потери абс.	Потери в % 1932 г.
Кризис 1929—1932 гг.	65	47	30,6	100
«Спады» 1948/49 г.	114	23	26,2	86
1953/54 г.	147	9,6	14,1	46
1957/58 г.	157	13	20,4	67
За 3 «спада»	418	14,5	60,7	198

Рекордные потери в промышленности США за 1932 кризисный год все же раза в два ниже потерь от кризисных «спадов» за годы холодной войны [1]. Но это далеко еще не полный их итог. К ним надо прибавить еще и все ассигнования на гонку вооружений, которые рассматриваются зарубежными экономистами как лучшая страховка от бедствий кризисов и безработицы. На деле же эта гонка ни от каких бедствий и неизлечимых пороков, органически присущих капитализму, перестраховать, разумеется, не может. А между тем она и сама является добавочным к ним общественным бедствием. Напомним, что еще в 1939 г. военный бюджет США не превышал 1,08 млрд. долл., а в среднем за последние 10 лет, в условиях якобы всеспасающей гонки вооружений, он не меньше 42,5 млрд. долл., т. е. уже раз в 40 превзошел военные потребности мирного времени и за один лишь десяток лет умножает потери США по этой статье минимум на 400 млрд. долл.

Итак, допустим даже, что холодная война действительно могла бы предохранить американскую экономику от потерь, связанных с кризисами, чего нет и быть не может. Однако не безумие ли избрать для этой цели такое средство, как гонка вооружений на последних гранях ядерно-ракетной войны? Ведь этим путем даже в лучшем случае можно бы спасти 30 или 60 млрд. долл. за десятилетие, потеряв в таком бизнесе не менее 400 млрд.! Это совсем не блестящий бизнес. А в худшем случае можно спровоцировать такую мировую катастрофу, в которой не уцелеет ни один

[1] Недавно американцы, пересчитав свои индексы роста промышленной продукции, опубликовали новый индекс с более высокими темпами роста. По новому индексу, если продукцию 1929 г. принять за 100%, то потери кризисного 1932 г. выразятся цифрой 44,7% этой величины. Но и по этому более оптимистическому расчету три рядовых «спада» эквивалентны самому рекордному из промышленных кризисов XX в.

из самих бизнесменов. А это уже и вовсе никуда не годная коммерция даже для самых заядлых торговцев смертью.

Выдвигается против разоружения защитниками холодной войны и такой еще аргумент. Сокращение ассигнований на военную промышленность и демобилизация армии угрожают будто бы очень опасным сокращением занятости рабочей силы. И этот аргумент, к сожалению, подхватывают, вслед за буржуазными экономистами, и некоторые лидеры рабочих профессиональных союзов на Западе. Вот, например, как перспективу разоружения совсем недавно оценил один из лидеров профсоюзов английских литейщиков Фрэд Буллок:

«Разоружение для Запада — это сотни тысяч рабочих, выброшенных на улицу, массовые локауты, голодные марши и так далее. А бывшие солдаты, летчики, моряки? Их судьба представляется мне крайне незавидной» [1].

Это взгляд, связывающий разоружение с перспективой неизбежной депрессии, разделяют, конечно, и все фабриканты оружия. Но тем показательнее, что совсем другого мнения придерживаются представители всей остальной промышленности, работающей на широкий внутренний и внешний рынок.

Правда, в докладах американского «Совета по вопросам внешних отношений», в котором сильно сказывается влияние людей доныне воинствующей еще династии Рокфеллеров, контролирующей 61 млрд. капиталов страны, даже переговоры о разоружении расцениваются пока лишь как «оружие стратегии», которая должна опираться на «собственную военную силу». Но и этот мозговой трест влиятельных монополий США уже вполне усвоил и осознал простую мысль о том, что «гонка вооружений с ее опасностью тотальной катастрофы» обязывает США к заключению «международного соглашения по ограничению и сокращению вооружений» [2].

Еще дальше в признании целесообразности разоружения идут высказывания других, не менее влиятельных кругов американской буржуазии. В этом отношении особенно показательна статья, опубликованная в ноябрьском бюллетене «Морган гаранти сарвей», издаваемом одним из крупнейших банков США — «Морган гаранти траст компани оф Нью-Йорк».

Люди дома Морганов, ворочающего капиталом в 65 млрд. долл., не только приветствуют идею разоружения в надежде «облегчить колоссальное финансовое бремя и ликвидировать угрозу для жизни людей». Они вовсе не согласны с теми кругами США, которые «терзаются подозрением, что американская экономика нуждается в поддержке в виде программы широкого вооружения». Гонку вооружений они рассматривают как тяжкое бремя для народа, «а не стимул процветаний». И в заключение этой программной статьи ее авторы заявляют, что перспективы постепенного сокращения вооружений «не должны вызывать страха перед экономическими последствиями. Наоборот, это принесло бы большие и длительные выгоды» [3]. Еще решительнее высказывается в том же духе орган торговой палаты США журнал «Нейшнс бизнес», предсказывающий, что разоружение автоматически вызовет «бум».

Конечно, последствия разоружения для фабрикантов оружия и для предпринимателей мирной промышленности и торговли не могут быть равными. Отсюда и пестрота мнений. Но во всяком случае мнение самых широких кругов США, по-видимому, определенно склоняется против дальнейшей гонки вооружений. Это мнение неплохо отразил и представитель американской науки Поль Бэрен в журнале «Нейшн» в такой весьма

---

[1] «Литературная газета», 14 ноября 1959 г.
[2] «Правда», 3 и 5 декабря 1959 г.
[3] «Правда», 19 ноября 1959 г.

энергичной форме: «Избегать безработицы с помощью гонки вооружений — это верх социального безумия!»

И действительно, гонка вооружений в США все еще продолжается, но и безработные по-прежнему исчисляются миллионами.

И если за довоенный период даже в год самой высокой военной конъюнктуры — 1929 г.— число их не падало ниже 1550 тыс., то за последние 10 лет гонки вооружений оно ни разу еще не достигало и такого минимума. А в среднем за 1948—1952 гг., даже по преуменьшенным данным официальной отчетности, полностью безработных насчитывалось 2430 тыс., за 1953—1957 гг.— 2595 тыс., за 1958 г. даже в среднем оно достигало уже около 4681 тыс., но, снизившись летом 1959 г. с улучшением рыночной конъюнктуры, оно уже к ноябрю того же года снова возросло почти на 400 тыс., причем министерство труда США ожидало и дальнейшего их роста в январе — феврале 1960 г. до 4250 тыс. полностью безработных. С учетом иждивенцев эта армия безработного люда в богатейших США достигнет, стало быть, не менее 15—17 млн. голодных ртов.

А между тем, как известно, правительство США уже неоднократно объявляло о том, что им разработан план ликвидации безработицы в стране. Как видно, разрабатывать подобные планы много легче, чем приводить их в исполнение. В особенности, если для реализации этих «планов» в распоряжении буржуазной науки и практики планирования нет ничего лучшего, чем все та же гонка вооружений, этот «верх социального безумия», по признанию самих американцев. Но, если планируя таким образом, без большого ума, ликвидацию безработицы дорогой ценой гонки вооружений, достигается пока что лишь дальнейшее ее расширение, то не лучше ли начать с другого конца и ликвидировать,— с умом, конечно,— прежде всего эту гонку как заведомо негодное средство к оздоровлению экономики всего современного мирового хозяйства?

Посмотрим, что может дать такая демилитаризация мирового народного хозяйства развитию торгово-промышленного оборота всех стран и какое облегчение она сулит всему населению этих стран. Не только в моральном отношении — избавлением от кошмарных угроз термоядерной войны, но и в экономическом — освобождением от непосильных налоговых тягот и трудовых потерь, связанных с отрывом от мирных занятий в армейских подразделениях.

в) Возможности демилитаризации

Задача всеобщего и полного разоружения сводится к радикальной перестройке производственных пропорций военизированной экономики на мирный лад. Задача далеко не новая, ибо ее уже не раз приходилось разрешать всем народам после каждой войны. Но на этот раз задача намного облегчается уже тем, что среди тех стран, которые будут ее решать, не будет ни одной побежденной и разоренной вражеским вторжением. Демобилизовать предстоит гораздо менее широкий контингент армий и в более спокойных темпах. При четырехлетнем сроке разоружения имеется полная возможность, сокращая военную продукцию постепенно, замещать ее мирной в таких масштабах и темпах, при которых занятость рабочей силы в стране вовсе бы не сократилась, а даже возрасла в меру роста ее естественных резервов и сокращения демобилизуемых армий.

В самом деле, проверим для примера хотя бы возможности США в этом отношении. Военная промышленность получила здесь наиболее мощное развитие, обслуживая не только свои, но и многие чужие армии своих союзников. Своя армия в 2,7 млн. человек требует затрат на свое содержание — жалование и зарплату — 13,1 млрд. долл. На ядерные испытания и прочие «исследования» расходуется уже до 6,6 млрд. долл. А весь военный бюджет США на 1962/63 г., не считая содержания и пенсий

ветеранам прежних войн, достигает уже 48,3 млрд. долл. [1] За вычетом содержания личного состава армии и затрат на «науку» истребления, на долю военной продукции остается, стало быть, не менее 48,3—19,7 = 28,6 млрд. долл. Это очень большая сумма. Она превышает 20% чистой продукции всей промышленности США, в которой занято до 17 млн. рабочих и служащих. И полное разоружение, сократив спрос на военную продукцию до нуля, на первый взгляд угрожает серьезным увеличением армии безработных. Но нельзя забывать, что одновременно с разоружением отпадут и расходы на холодную войну. Откроется, стало быть, возможность снизить государственные налоги трудящихся и тем самым повысить их покупательную способность на 48—50 млрд. долл. в год или около того. А такое расширение спроса на мирную продукцию потребует даже значительного расширения всей ныне занятой рабочей силы. С той только разницей, что вместо смертоносных ракет и бомб из стали и других материалов будут производиться иные, гораздо более полезные вещи. К этому ведь собственно и сводится вся задача перестройки производственных пропорций в соответствии с наличными потребностями общества.

США богаче многих других стран, но неудовлетворенных потребностей и там, в результате гонки вооружений, накопляется с каждым годом все больше. Возьмем хотя бы бесспорный факт острой жилищной нужды в США. Правда, с учетом дворцов буржуазии, там уже к 1940 г. в среднем на одного жителя насчитывалось 14,9 м² жилой площади. Но такие средние не показательны. К тому же за годы войны, с 1941 по 1944 г., жилищное строительство в США сократилось по объему в шесть с половиной раз. Этот ущерб и к 1950 г. не был, по-видимому, полностью перекрыт новым строительством. И жилищная перепись 1950 г. обнаружила, что свыше 15 млн. жилищ в США «не пригодны для житья». В этих жилищах, которые, по оценке профсоюзов, не соответствовали даже «минимальным нормам приличия», проживало однако свыше 15 млн. семей, т. е. до 60 млн. душ, если не больше, ибо в наихудших из этих трущоб, «похожих на мышеловки», проживало как раз в особой тесноте по 15 человек в одной комнате! Население США к началу 1950 г. не превышало 150 млн. душ. Значит, в негодных для жилья трущобах уже тогда проживало до 40% всего населения США. С 1950 г. жилищное строительство несколько повысилось, давая от 75 до 85 млн. м² в год. Но за вычетом из них на снос самых негодных трущоб хотя бы от 1 до 1,5% от наличного жилфонда, т. е. до 30 млн. м², это строительство не покрывает нужд даже естественного прироста населения США. И по признанию самих американцев, для постепенной ликвидации имеющихся трущоб необходимо строить по крайней мере вдвое больше жилищ, чем сейчас.

Но для такого удвоения потребовалось бы увеличить ежегодные ассигнования на жилищное строительство в размерах до 10 млрд. долл. в год. Однако это не единственная нужда. Необходимо значительно расширить ассигнования на здравоохранение, образование, социальное обеспечение и прочие культурные потребности трудящихся масс. Американский образ жизни требует, чтобы за все и про все, и за учение и за лечение, в основном расплачивались сами нуждающиеся в этих благах. Плата же за все культурные блага так высока, что посильна далеко не всем нуждающимся в них. И хотя средний уровень зарплаты в США выше, чем во многих других странах, но и там, по обследованию 1955 г., половина рабочих семей находится по уровню оплаты труда ниже прожиточного стандарта, исчисляемого официальной американской статистикой, а 23% (12,4 млн. рабочих семей с населением до 50 млн. душ) оказались на уровне жизни «ниже нищенского». Им то уже и вовсе не по карману было бы

[1] «Экономическое положение капиталистических стран». М., Изд-во «Правда», 1963, стр. 148, 149.

обучение детей в колледжах и университетах или платное лечение в дорогих больницах.

Показательно также, что ассигнования на военные цели в федеральном бюджете США последних лет были в несколько раз щедрее, чем на все культурные мероприятия в стране, в то время как в СССР, наоборот, затраты на даровые блага культуры трудящихся в 2,6 раза выше вынужденных ассигнований на оборону. Интересы войны и требования культуры в этом их соревновании диаметрально противоположны. Но разоружение — неизбежно. А оно позволит и трудящимся США гораздо шире приобщиться к благам духовной культуры. И это можно будет только приветствовать.

Вполне понятно, что чем больше средств направляется на гонку вооружений, тем меньше их остается на такие блага, как народное здравие, наука и культура. С бременем финансового напряжения «на гранях войны» не справляются даже США, о чем свидетельствуют и бюджетные дефициты, и отрицательный платежный баланс, и прямая утечка золота из США, и обесценение доллара, и много других не менее показательных симптомов нарастающего перенапряжения. Еще сильнее чувствуется это финансовое напряжение в менее богатых странах Запада. В Англии бывший министр финансов Торникрофт еще в 1958 г. вынужден был заявить в палате общин: «В течение 12 лет мы пытались делать больше, чем позволяли нам ресурсы, и в результате серьезно себя ослабили... Мы стремились стать ядерной державой, соревнуясь в производстве ракет и антиракетного оружия, и в то же время сохраняя большие обычные вооруженные силы... Это означает, что в течение всех 12 лет мы скользим от одного кризиса к другому. Одно время это был кризис платежного баланса, в другое время — валютный кризис, но всегда был какой-то кризис» [1]. Несладко приходится и французским агрессорам, глубоко увязшим в алжирской колониальной авантюре. И даже в Западной Германии, которая только еще готовится стать термоядерной державой, ее бывший военный министр Штраус уже жаловался на «перегрузку немецкого хозяйства военными заказами» со всеми вытекающими отсюда угрозами. И один лишь старый Аденауэр в воинственном азарте все еще жаждет крови и объявляет войну даже собственным согражданам, поднимающим свой голос за прочный мир между всеми народами.

Однако столь устаревшие пережитки холодной войны, как бывший германский канцлер, уже не делают погоды. Не определяют ее в мировом масштабе и такие ближайшие советники канцлера, как Пфердменгес и другие крупнейшие магнаты ФРГ — Крупп, Тиссен, Сименс, Маннесманн, Флик и прочие,— уже просчитавшиеся однажды со своим выдвиженцем Гитлером. Мировая конъюнктура властно требует перестройки. Прирост промышленной продукции в ФРГ, достигавший еще в 1955 г. 15%, в 1957 г. упал до 5, а в 1958 г.— до 3% [2]. Не менее заметно тормозятся и экспортные возможности Западной Германии. Правда, фабриканты оружия здесь доныне весьма преуспевают, получая баснословные прибыли в качестве торговцев смертью. Но если спрос на этот товар будет полностью ликвидирован, то они, на худой конец, смогут торговать не без успеха и другими товарами. В условиях разоружения во всяком случае сильно возрастут шансы и внутренней и международной торговли продуктами мирных отраслей труда.

Конечно, вместо бешеных военных сверхприбылей фабрикантам оружия придется примириться с более умеренными, по общей норме. Придется им затратить кое-что и из прежних накоплений на переоборудование военных заводов, чтобы вместо пушек и танков производить

[1] «Мировая экономика и международные отношения», 1959, № 11, стр. 34.
[2] «Коммунист», 1960, № 1, стр. 95.

экскаваторы и тракторы, а вместо бомб со смертельной начинкой — атомные реакторы для новых электростанций и химические удобрения для восстановления плодородия выпаханных полей. Но такие вложения послужат лишь новому подъему производительных сил мировой экономики.

Какой же эффект даст всеобщее разоружение, если освобожденные им производительные силы будут использованы рационально,— не с позиций силы тупой солдафонской стратегии, а с позиции человеческого разума и творческих его возможностей?

Прежде всего разоружение позволит снизить налоговое бремя трудящихся. Повышая их покупательную способность и спрос на предметы потребления, это создаст и новый дополнительный спрос на рабочую силу в производстве легкой и пищевой промышленности. Допустим, что за счет ликвидации военных бюджетов США, превысивших уже 50 млрд. долл., до 50% их суммы будет обращено на снижение налогов, 20% — на ликвидацию трущоб, 10% — на строительство школ, больниц и прочие культурные надобности. В США это создало бы дополнительный внутренний спрос на предметы широкого потребления на сумму не менее 40 млрд. долл. И на ежегодную помощь слаборазвитым народам оставалось бы в резерве еще не меньше 10 млрд. долл. в год. И если эта помощь слаборазвитым странам будет оказываться в основном наиболее им нужными машинами и орудиями, то тем самым расширятся и экспортные возможности США по вывозу средств производства на 10 млрд. долл. в год. Но каждый работник США создает в год новых ценностей не свыше 7,3 тыс. долл. и, стало быть, чтобы увеличить продукцию на 50 млрд. долл. в год потребуется не менее 6,8 млн. новых работников.

Перестройка тяжелой промышленности за счет прибылей корпораций, если они хоть на половину используют их для умножения машин и материалов, используемых в строительстве, легкой и пищевой промышленности США и на вывоз, также потребует до 15 млрд. долл. в год новых вложений и до 2,2 млн. новых работников [1]. При таком расширении рабочей силы на 9,0 млн. душ могут быть, разумеется, использованы и все работники ликвидируемой военной промышленности — до 4 млн., и вся армия США после ее демобилизации — 2,6 млн., и за счет сокращения армии безработных пришлось бы еще позаимствовать до 1 млн. работников. Но с ростом промышленности минимум процентов на 30 потребуется примерно в той же пропорции расширить и транспорт, и торговлю, и всю широкую область услуг. А это создает дополнительный спрос на рабочую силу во всех отраслях труда.

Таким образом, в этом отношении даже полное разоружение за 4 года никаких угроз трудящимся не представляет. А вместе с тем, помимо резкого снижения налогов на зарплату (раза в три), оно позволило бы ежегодно строить в США двойное число жилых домов и значительно умножить затраты бюджета на культурные потребности. Если же, помимо США, подсчитать общие результаты полного разоружения по всей мировой экономике, то, конечно, масштабы их будут во много раз грандиознее. В печати уже приводились расчеты, по которым за счет ликвидации ежегодных военных расходов можно было бы обеспечить хлебом население всего земного шара, где и доныне каждый год умирают голодной смертью миллионы людей. Но это еще не все.

Разоружение не только сбережет те 100 млрд. долл., какие ныне расточаются на вооружение и содержание армий, но обратив до 100 млн. людей, занятых безрезультатно в казармах и по обслуживанию их, на

---

[1] Эта норма вложений в промышленность фактически была превзойдена уже в 1962 г. (15,7 млрд. долл.). При этом на каждую 1000 долл. вложений валовая продукция США в 1960 г. составляла 1770 долл., а чистая — 1100 долл. («Экономическое положение капиталистических стран». М., 1963, стр. 20).

производство новых ценностей, оно умножит их по меньшей мере на 300 млрд. долл. в год. А за счет таких ресурсов можно было бы за каждый год построить сверх нынешних объемов и новых жилищ на 10 млн. семей, и 25 тыс. больниц на 4 млн. коек, и 50 тыс. новых школ для подрастающих детей, и тысячи промышленных предприятий в так называемых слаборазвитых странах, не говоря уже о хлебе насущном для тех из них, которые еще не оправились от векового колониального режима и многолетней послевоенной «опеки» великодержавных империалистов [1].

Уже из этого видно, как много теряет человечество из-за того, что его лидеры, государственные мужи и мудрецы, никак не могут договориться о таком в сущности простом и естественном решении, как всеобщее и полное разоружение. Ни многолетние разговоры в ООН, ни многотонная по весу испорченной бумаги дипломатическая переписка о разоружении не дают в атмосфере всеобщего недоверия никаких осязаемых результатов. В условиях момента, когда кое-кто, теряя разум от избытка чувств, полон еще иллюзий реваншизма, расизма и милитаризма, трудно, по-видимому, добиться общего согласия на одновременный приступ к общему и полному разоружению всех стран. Дипломаты бессильны решить эту задачу. Требуются активные усилия самих народов и прежде всего всех трудящихся, чтобы обезвредить наиболее опасных авантюристов — врагов мира и всеобщего разоружения. Необходимо лишить их власти и общественного доверия. Тем ценнее уже не первый почин СССР к такому общему разоружению в одностороннем его решении снова сократить сразу на 1,2 млн. бойцов свои вооруженные силы. Ломая уже не на словах, а на деле этими решениями сплошной фронт взаимной подозрительности и военного напряжения соревнующихся народов, СССР одновременно усиливает свои моральные и экономические позиции в дальнейшем мирном соревновании. Но даже отвлекаясь полностью от всех чисто экономических соображений, о тех, кто стал бы и впредь противодействовать всеобщему разоружению, можно сказать, что они принимают на себя этим слишком тяжкую историческую ответственность.

Это было бы азартной игрой судьбы человечества.

Январь 1960 г.

г) Война с позиций разума [2]

Еще совсем недавно с высокой кафедры Верховного Совета Н. С. Хрущев заявил, что Советский Союз подходит к решению проблем мира и всеобщего разоружения не с позиций силы, а с позиций разума. Такое заявление тем более было уместно и своевременно, что наиболее яростные приверженцы холодной войны на Западе, подобно Нэльсону Рокфеллеру, требуют, чтобы даже в переговорах о разоружении западная дипломатия выступала с «позиций силы».

Их голоса немногочисленны, но за них голосуют миллиарды звонких долларов в их стальных сейфах. И к этому золотому звону в безголовых сейфах, к сожалению, прислушиваются еще иной раз и весьма, казалось бы, разумные люди. Золото в больших массах, по-видимому, импонирует своим блеском как показатель большой и сильной, хотя и бездушной, потенциальной власти, даже совсем не корыстолюбивым умам. Всем известно, например, что Нэльсон Рокфеллер открыто потребовал от президента США Эйзенхауэра возобновления испытаний термоядерного оружия. И не менее известно, что этот авторитетнейший на Западе государственный

---

[1] Ср. расчеты редакции журнала «Проблемы мира и социализма», 1959, № 11, стр. 3.

[2] «Промышленно-экономическая газета», 20 марта 1960 г.

деятель, заявивший себя искренним сторонником мира,— за несколько месяцев до переговоров о нем на самом высоком уровне и вопреки ожиданиям всех народов,— уже пошел навстречу требованию Рокфеллера.

Однако даже миллиарды Рокфеллеров в качестве аргумента в защиту «холодной войны» и ядерного безумия теряют всю свою убедительность, когда им противостоит активная воля народов к миру, поскольку они все яснее сознают, что «война в мировом масштабе была бы самоубийством» Рокфеллеры хотели бы даже условия перемирия в холодной войне диктовать своим противникам с позиций силы. Но они знают, что такой силой сегодня они не располагают. Отсюда стремление к дальнейшей гонке вооружений, в надежде стать раньше или позже сильнее противника хотя бы на важнейшем участке ракетноядерного фронта. А между тем с позиций разума такая надежда крайне обманчива. И прежде всего потому, что в соревновании агрессивных сил Запада с миролюбивым Востоком, как показал уже опыт, само время ополчается против агрессоров, ибо и экономика, и техника социалистического лагеря опережает в темпах своего развития все возможности застрельщиков западного милитаризма. И если они уже сегодня заведомо бессильны что-либо продиктовать миру с позиций мнимой их силы, то завтра и послезавтра это будет еще более пустой и вздорной претензией.

Но еще важнее другое соображение. Возможности Запада и Востока в области термоядерных средств взаимного истребления и на нынешнем уровне превзошли уже тот предел, до которого еще позволительно было рассматривать войну, как самый сильный, «последний резон» или разум — ультима рацио — в решении международных споров. Сегодня даже самые последние остатки разума последних подстрекателей к термоядерной войне подсказывают им, что такая война никаких споров разрешить не может. С позиций разума ясно, что никакие социально-экономические или идейно-политические расхождения враждующих сторон в такой войне не получат своего разрешения уже потому, что в ее результате ни одной из затеявших эту войну «сторон» вообще не останется во всем напоенном ими радиоактивной смертью полуденном мире. Дальнейшее накопление тех же смертоносных орудий войны в гонке вооружений, таким образом, по меньшей мере бесцельно и бесперспективно.

Для всеобщего самоистребления, к которому нас подталкивает опасное безумие милитаристов, казалось бы, достаточно и наличных термоядерных ресурсов. Но кто же, кроме безумцев, захочет сознательно взять на себя инициативу в использовании этих ресурсов? Значит, и накоплять их незачем. Подстрекателей к атомной войне, даже если они подвизаются на дипломатическом поприще и в генеральных штабах армий, как опаснейших из маньяков, следует, извлекая отовсюду, серьезно лечить в психиатрических учреждениях. А всем, кому не улыбается перспектива массового самоистребления человечества, пора уже не только отказаться от дальнейшей гонки вооружений с бесплодным расточительством народных сил в производстве средств истребления, но и решительно повернуть историю на путь всеобщего и полного разоружения народов.

К этому решению призывает их и благородная инициатива Советского Союза и собственный здравый смысл. Сочувствие народов этой инициативе уже широко и многообразно проявляется повсюду в многочисленных откликах. И рядовые рабочие, и люди науки, и так называемые деловые круги капиталистического Запада все чаще отмечают в зарубежной и советской печати то «потепление климата» и «оттепель, несущую новые надежды», какие открываются в области международных отношений в связи с перспективами разоружения. Целый ряд таких сочувственных ему зарубежных откликов опубликован недавно и на столбцах «Промышленно-экономической газеты». Среди них особенно показательны высказывания таких крупных представителей деловых кругов США, как известный муль-

тимиллионер Сайрус Итон и президент крупнейшей индустриальной фирмы Г. Рэнд.

И тот и другой выступают с совершенно конкретными предложениями о расширении торгового сотрудничества между СССР и США. Как известно, доныне ветер холодной войны в данной области особенно сильно свирепствовал с американской стороны, замораживая всякие возможности равноправного и равновыгодного сотрудничества этих стран. Стратегия холодной войны долго тешилась смешной претензией окружить и задушить торговой блокадой весь социалистический мир, в несколько раз превышающий по своей территории и населению ту страну, откуда исходили директивы такого удушения. Известно, что даже всесильному Наполеону не удалась подобная же затея в отношении маленькой островной Англии. Еще меньше смысла было в блокаде необъятных пространств всей Евразии, в пределах которых блокируемая новая экономика уже обогнала в темпах своего роста блокирующий его старый мир с его архаической стратегией удушения. Особой «гениальностью» эта стратегрия во всяком случае не блистала, хотя и пыталась подражать стратегическому гению Наполеона. Идея этой блокады давно уже обанкротилась. Прорыву ее в меру возможности содействуют даже ближайшие союзники США. Но особенно показательно, что она противоречит жизненным интересам и самой деловой Америки.

Вполне заметно это обнаружилось, однако, только после поездки Н. С. Хрущева в США. Американцы убедились, что никаких военных угроз со стороны стран социализма, которыми их запугивали, нет и не предвидится. Нет никакой охоты к ядерной войне и у 99% американцев. И вот в результате такого «потепления климата» мистеру Рэнду в США сразу же стало ясно: «Возможности торговли неисчерпаемы и с каждым годом могут быть увеличены как по объему, так и по ассортименту. Взаимовыгодность такой торговли очевидна». «Американские деловые люди,— вторит ему и мистер Сайрус Итон,— не могут не заметить рынок с 200 миллионами жителей в СССР, где уровень жизни постоянно повышается. Для всех должно быть очевидно, что это означает бизнес — больше бизнеса, чем американская промышленность когда-либо делала в период «холодной войны» и вооружений. И кроме того это означает бизнес без нынешнего риска смерти и всеобщего разрушения». Столь же резонным выводом заключается и выступление Рэнда. «Вместо „холодной войны“ и атомного безумия,— пишет этот мыслящий бизнесмен,— пусть придет благородное состязание на поприще производства нашими странами материальных благ для наших трудолюбивых и талантливых народов» [1].

Торговля всегда была выгоднее разорительных войн, в которых разумные люди без всякой нужды и пользы столь усердно распарывали друг другу животы в звериной ярости. Интересы торговли всего убедительнее голосуют за мир в деловом мире международного бизнеса. И мы можем только приветствовать эти трезвые голоса, заглушающие ныне даже агрессивный звон золота, все еще текущего в сейфы фабрикантов смерти. Еще показательнее, однако, что заметно меняют свои позиции даже более предусмотрительные люди из числа фабрикантов оружия. В печати отмечалось, в частности, выступление сенатора Стюарта Саймингтона, лично связанного с интересами военной промышленности, который тем не менее заявил, что еженедельная трата США 100 млн. долл. на военные цели является «расточительством» и что их целесообразнее было бы направить на такие острейшие нужды американского народа, как строительство школ, больниц, дорог, плотин и т. д.

Выступают по новому, с позиций разума, целые корпорации и пресса крупного бизнеса. Политический комитет демократической партии,

---

[1] «Промышленно-экономическая газета», 13 и 18 сентября 1959 г.

располагающей большинством голосов в конгрессе США, еще недавно стоявший за гонку вооружений, признал необходимым принять советские предложения о разоружении за основу предстоящих переговоров. Журнал «Бизнес уик» ратует против торговой дискриминации советского импорта. Сайрус Итон ведет уже конкретные переговоры со своими друзьями-бизнесменами США и представителями Советского Союза о подборе такой «дружественной группы предпринимателей в США», которая «обеспечивала бы снабжение кредитами, поставку тех товаров, которые СССР желает купить, и, наоборот, находила бы покупателей товарам, которые Советский Союз желает продать». Все это весьма симптоматично для наших дней.

Мы уже располагаем рядом аналогичных торговых соглашений с западными странами. И нет никаких оснований возражать против соответствующей договоренности и с США. И тогда такая группа американских предпринимателей, о которой говорит Сайрус Итон, могла бы сыграть весьма крупную роль в организации и развитии централизованной советско-американской торговли. Монополия внешней торговли, усвоенная странами социалистического лагеря, для такой централизации международного обмена и разумного разделения труда в мировых масштабах сотрудничества всех стран и народов представляет собою важнейшую предпосылку. Но для успеха такого сотрудничества со странами Запада необходимо, чтобы и там создавались достаточно мощные торговые организации, способные взять на себя представительство интересов целой страны. Нам кажется, что инициативную группу предпринимателей, представляемую Сайрусом Итоном, можно рассматривать как вполне жизнеспособный зачаток именно такой организации. Полезно было бы создать их и в других странах Запада.

Распыленный товарообмен отдельных предпринимателей Запада с торгпредами стран социализма не может обеспечить необходимой широты и планомерности международного разделения труда. В рамках такой разобщенной торговли с тысячами контрагентов невозможно договориться о единообразных и равновыгодных условиях кредита и расплаты, о приемлемых для обоих сторон масштабах товарного и платежного балансов и многих других вещах. Вместе с тем в этих узких рамках нельзя избежать слишком крупных издержек обращения и всякого рода накладных расходов, падающих лишь с укрупнением отдельных сделок и общих масштабов международной торговли. Нет сомнения, что уже в ближайшие годы такое укрупнение и расширение товарообмена между странами Востока и Запада окажется в условиях прочного мира не только возможным, но и совершенно неизбежным. Уже теперь подготовкой к нему служат такие средства широкой взаимной информации этих стран, как массовый туризм и обмен индустриальными выставками. Но вслед за информацией потребуется все более конкретная договоренность о формах и организации такого расширяющегося обмена.

Первые попытки достигнуть такой договоренности заинтересованных в этом обмене сторон имели место еще в 1952 г., на Международном экономическом совещании в Москве. Оно разработало и единодушно одобрило целый ряд вполне приемлемых условий международной торговли и наметило некую первичную организацию действия под именем «Комитета содействия развитию международной торговли». Предполагалось организовать и целую сеть национальных филиалов этого общего Комитета. В условиях свободной торговли, без специальных лицензий, запрещений и прочих дискриминаций, эта организация могла бы оказаться весьма плодотворной. Руководствуясь взаимными интересами всех торгующих стран и поощряя своим спросом на вывоз, к общей выгоде, производство в каждой из этих стран наиболее дешевых товаров, такая организация содействовала бы одновременно и оптимальному разделению труда в этих стра-

нах и общему ускорению в таком их соревновании технического прогресса во всем мире. Правда, условия «холодной войны» помешали успеху этих начинаний. Но времена меняются. И естественно возникает вопрос: не своевременно ли повторить в новых условиях столь многообещавший первый московский опыт? [1]

* * *

Конечно, разоружение решит и многие другие важнейшие задачи. И прежде всего оно устранит самую большую опасность — опасность войны. Правда, идейные разногласия останутся, но за отсутствием оружия их придется разрешать с позиций разума, т. е. мирным соревнованием на поприще науки и техники, доказывая преимущества своей теории и практики лучшими достижениями в области общественного производства и распределения и в других областях, в которых доныне шансы стран Запада стояли очень высоко. А шансы будущего целиком определяются сравнительными темпами дальнейшего идейного, технического и экономического роста той и другой стороны. Идейные расхождения такому соревнованию — не помеха.

Было время, когда идейные расхождения людей различных вероучений казались совершенно непримиримыми, и они беспощадно истребляли друг друга. «Крестовые походы,— очень кстати напоминает об этом мистер Сайрус Итон,— несколько сот лет тому назад проводились участниками, убедившими себя, что христианство и магометанство не могут жить в одном мире... Сегодня находят, что земной шар достаточно велик для обеих религий, насчитывающих сотни миллионов мусульман и христиан». Религиозный фанатизм средневековья действительно безвозвратно угас. Но идеологические разногласия наших дней совсем иного рода. Не задевая ничьих верований, они касаются лишь основных принципов управления народным хозяйством. Сравнительные достоинства и недостатки этих принципов, однако, могут быть выявлены и проверены в хозяйственной практике народов без всякого гнева и субъективных пристрастий. И, конечно, места для такой проверки этих принципов, в любых масштабах, на нашей планете более чем достаточно.

Хозяйственным принципом западного индивидуализма является ставка на индивидуальный частнохозяйственный интерес каждого из отдельных предпринимателей в общем их столкновении на товарном рынке, где, по законам стихии спроса и предложения, всегда побеждает сильнейший. Личный эгоизм каждого из них, по этому воззрению, умноженный на миллионы его носителей в ожесточенной конкуренции всех против каждого, это и есть сильнейший мотор истории и надежнейший путь к процветанию или так называемой просперити передовых наций.

Хозяйственная система социализма, наоборот, исходной для себя базой признает организацию общественного хозяйства и планомерное его развитие в общих интересах всего связанного в нем узами сотрудничества коллектива трудящихся. Отвергая эгоистический принцип конкуренции, в которой все достижения преуспевающих членов общества неизбежно сопровождаются потерями и разорением их контрагентов, социализм гораздо больше надежд возлагает на социальные стимулы всего коллектива трудящихся, поскольку в дружном устремлении к решению общих задач он способен развить максимум энергии и производительности труда.

Противники социализма считают такие его надежды утопическими. Тем меньше у них оснований сражаться со всякими призрачными утопиями столь самоубийственными методами, как термоядерные бомбы или даже

---

[1] ООН приняла решение о созыве такой конференции по международной торговле в начале 1964 г. (*Примечание редакции*).

торговые дискриминации, причиняющие ущерб прежде всего самим их изобретателям. В рассеянии любых утопий и заблуждений убедительнейший судья и критик — это время. Только время покажет всем людям труда, какая из соревнующихся ныне систем сможет лучше их устроить, предоставляя всем максимум возможностей культурного развития, неоценимые заботы о здоровье всех трудящихся, полную гарантию от вынужденной безработицы и голода, самую высокую производительность труда и самый короткий рабочий день при наиболее высоком уровне жизни.

Соревнование в этой области только еще развертывается. Но зарубежные отклики в связи с ним ставят перед нами все новые задачи. Заслуживает в частности особого внимания призыв известного гуманиста лорда Джона Бойд-Орра «устранить два величайших зла: первое зло — опасность войны, второе — нищету огромных масс людей в слаборазвитых странах». Однако весь «план», изложенный достопочтенным лордом для достижения этой цели, исчерпывается предложением сократить военные бюджеты великих держав, «скажем, на 10%» и обратить половину достигнутой этим экономии на кредитование через ООН «слаборазвитых стран» для «ликвидации» в них голода и нищеты. «Надо сделать решительный шаг к новому миру, свободному от зла войны, голода и нищеты»,— заявляет Бойд-Орр и приглашает все страны взять на себя в этом деле «смелую инициативу».

Нужно, конечно, приветствовать и этот благожелательный отклик Запада на волнующую весь мир проблему разоружения. Но можно лишь удивляться как половинчато и робко она решается на Западе даже друзьями мира. Опасность войны — величайшее зло, но давайте сократим его... на одну десятую! Нищета сотен миллионов людей — не меньшее зло, но ассигнуем на его ликвидацию — одну двадцатую военных бюджетов наших дней!.. При этом нас уверяют, что это и есть «решительный» шаг и ожидают еще чьей-то «смелой инициативы», чтобы его предпринять. Но в таком случае как же назвать ту инициативу, какая уже проявлена от имени СССР Н. С. Хрущевым в его предложении миру полного и всеобщего разоружения не на десять, а на все сто процентов? И как расценить уже фактический приступ к сокращению в одностороннем порядке на целую треть всех вооруженных сил Советского Союза? Или лорду Бойд-Орру на Западе еще ровно ничего неизвестно об этой инициативе?

Дружеская помощь «слаборазвитым странам» мира действительно необходима. Но в чем они больше всего нуждаются, об этом лучше всего спросить их самих. На эту тему мы располагаем уже весьма авторитетными откликами с Востока. В отличие от лорда Бойд-Орра, который величайшим злом объявляет нищету слаборазвитых стран, эти отклики с Востока усматривают его, однако, не в нищете, а в колониализме и многовековой эксплуатации этих стран, обусловившей их нищету. И добиваются они, в сущности, лишь экономической независимости от ненавистной им опеки империализма, полагая, что это и есть надежнейший путь к ликвидации нищеты. А потому их устраивает далеко не всякая помощь. И, в частности, их совсем не устраивает ни великодержавный расизм и оскорбительная дискриминация «цветных» народов в США и прочих очагах колониализма, ни та «помощь»,— пушками и ракетами вместо тракторов и комбайнов,— какую они всего охотнее оказывают наиболее отсталым народам, мобилизуя их в агрессивные блоки СЕАТО, СЕНТО и тому подобные противоестественные образования. Голодных ведь не накормишь ракетными ядрами даже самых современных американских конструкций. И судьбы Багдадского пакта лучше всего показывают, чем кончаются хитроумные комбинации этого рода.

Что же всего нужнее экономически слаборазвитым странам? Сын великой Индии Сахиб Сингх Сокхей отвечает на этот вопрос весьма определенно. Им нужен мир и содействие экономической их независимости.

Эти страны веками подвергались эксплуатации и «в результате,— по словам автора,— две трети населения земного шара, проживающие в Азии, Африке и Латинской Америке, сегодня лишены самого необходимого для жизни, а некоторые народы полностью порабощены». Для экономической их независимости необходимо развитие в этих странах производства средств производства. Но Запад, свидетельствует доктор Сокхей, «охотно предоставляет нам только потребительные товары, он готов что-нибудь сделать в области легкой промышленности и всевозможных услуг — все то, что ставит нас в еще большую зависимость» [1]. За чужие товары приходится ведь недешево расплачиваться, а высокая к тому же процентная ставка (от 4 до 7%) за кредит, взимаемая Западом, «свидетельствует о его политике торможения индустриального развития слаборазвитых стран». Им необходим также технический опыт передовых стран. Но, как удостоверяет доктор Сокхей, «США и другие капиталистические страны не хотят передавать нам его», а отдельные «фирмы либо вовсе отказываются делиться своим опытом, либо выдвигают в этой области кабальные условия».

Несравненно выше и теплее оценивает тот же автор ту дружескую помощь, какую оказывает Союз ССР всем наиболее нуждающимся в ней миролюбивым народам. «Советский Союз содействует экономической независимости слаборазвитых стран»,— вот что прежде всего отмечает в своем отклике Сахиб Синх Сокхей. Это содействие индустриализации таких стран со стороны СССР и передовой советской техникой, и опытом советских специалистов высокой квалификации, и долгосрочными кредитами с минимальными ставками процента — не свыше 2—2,5% годовых — весьма многообразно. Оно не связано ни с какими покушениями на суверенитет этих стран или иными кабальными условиями. Особенно ценно в этом сотрудничестве, как отмечает доктор Сокхей, и то, что рабочие этих стран «трудятся плечом к плечу с русскими коллегами, как равные с равными», без всяких фанаберий со стороны помогающих, по-братски. А самое ценное, что приносит с собой ныне в эти страны советская система, это надежда на прочный мир и всеобщее разоружение, без чего и всякая им помощь извне и внутренние их возможности успешной борьбы с нищетой — стали бы крайне гадательными и ограниченными.

Проблема скорейшего развития производительных сил всего огромного лагеря антиколониальных народов — это одна из важнейших проблем наших дней не только для них самих, но и для успешного роста всей мировой экономики в условиях прочного мира после всеобщего разоружения. Однако в общей борьбе против холодной войны и ее последних вдохновителей страны этого лагеря проявляют особую заинтересованность. И потому чрезвычайно показателен тот прием, какой совсем недавно был оказан высоким гостям из Москвы и Белого Дома в странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Как известно, гости из миролюбивой Москвы были встречены везде с величайшей симпатией и горячим энтузиазмом народов Востока. А визитерам из Белого Дома, предпринявшим свой вояж в Латинскую Америку с таким холодным грузом, как заявление о возобновлении испытаний атомного оружия, пришлось, несмотря на их личные достоинства, убедиться в явном дефиците гостеприимного энтузиазма в этой стране. Его не могли возместить им даже слезоточивые бомбы, расточаемые на их пути местной полицией ради водворения уличного «порядка».

Столь яркие проявления общественного мнения народов в их отношении к проблемам войны и мира на современном этапе весьма наглядно показывают, что и политика разоружения «с позиций разума» становится мощной силой, когда его требования отвечают интересам и требованиям

[1] «Промышленно-экономическая газета», 10 февраля 1960 г.

народных масс. И нужно надеяться, что в наши дни животворящий человеческий разум народов преодолеет неразумную силу мертвящего термоядерного оружия.

11 февраля 1960 г.

8. ПРОБЛЕМА РАЗОРУЖЕНИЯ НА XV СЕССИИ ООН[1]

а) Программа разоружения

«Коммунисты видят свою историческую миссию не только в том, чтобы упразднить эксплуатацию и нищету в мировом масштабе и навсегда исключить возможность любой войны из жизни человеческого общества, но уже в современную эпоху избавить человечество от кошмара новой мировой войны [2].

Исключить катастрофическую опасность войны в условиях современной термоядерной техники жаждут и все народы мира. И потому даже злейшие агрессоры из числа фабрикантов оружия и правящей верхушки, состоящей на службе западного империализма, вынуждены на словах соглашаться на мирные переговоры о всеобщем разоружении. Но они еще достаточно сильны и влиятельны, чтобы на деле, форсируя гонку вооружений, успешно саботировать эти переговоры, затягивая их под разными предлогами без конца. Достаточно сказать, что специально созданный для таких переговоров лондонский подкомитет в составе делегаций СССР, США, Англии, Франции и Канады, заседая при закрытых дверях с апреля 1954 г. по сентябрь 1957 г., провел 157 заседаний, и чем дальше тянулись эти переговоры, тем больше они заходили в тупик. Даже в тех случаях, когда делегаты СССР полностью принимали предложения западных делегаций, они отказывались от этих уже согласованных пунктов и выдвигали новые, все менее приемлемые предложения [3].

В этих условиях все разговоры при закрытых дверях, т. е. вне контроля мирового общественного мнения, становились заведомо приемлемы лишь тем, кто под их шумок готовил новое оружие и новые военные провокации. И Советский Союз был вынужден перенести вопрос о разоружении на Генеральную Ассамблею ООН.

Всем памятна поездка Н. С. Хрущева по приглашению президента США Дуайта Эйзенхауэра в Америку и его плодотворные выступления там в сентябре 1959 г. Важнейшим результатом этих выступлений и многочисленных встреч с представителями самых различных кругов США было, пожалуй, то, что все они воочию убедились в искреннем миролюбии СССР и полной возможности договориться с ним о взаимном разоружении. «...Мы хотим только мира и дружбы с народом Америки и со всеми народами мира»,— обращался к ним Н. С. Хрущев [4]. И этот дружеский призыв обрел встречный отклик в сердцах всех жаждущих мира рядовых американцев. И не только у них.

Н. С. Хрущев в качестве пламенного борца за мир во всем мире 18 сентября 1959 г. выступал впервые и на Генеральной Ассамблее ООН перед делегациями всей мировой общественности. «Вот уже более 14 лет в ООН, а также на других международных совещаниях,— напомнил он здесь всем этим делегациям,— обсуждается проблема разоружения. Но до сих пор не достигнуто никаких результатов. Основным препятствием в

---

[1] Публикуется впервые.

[2] «Заявление Совещания коммунистических и рабочих партий 1960 г. в Москве». «Коммунист», 1960, № 17, стр. 18.

[3] Н. С. Хрущев. За мир, за разоружение, за свободу народов. Госполитиздат, 1960, стр. 4.

[4] «Жить в мире и дружбе». Госполитиздат, 1959, стр. 88.

этих переговорах о тех или иных масштабах частичного разоружения всегда выдвигался вопрос о контроле. Естественно, возникали опасения, что органы контроля — в отрыве от эффективного разоружения — станут, по сути дела, лишь органами военной разведки. До тех пор, пока разоружение мыслится только как частичное, у агрессоров оставалась бы материальная возможность нападения. В связи с этим потребовался новый подход к решению этой нелегкой проблемы».

И Советское правительство, по докладу Н. С. Хрущева в ООН, пришло к твердому убеждению, что выход из тупика нужно искать на путях всеобщего и полного разоружения. «Именно всеобщее и полное разоружение устранит все преграды, выдвигавшиеся при рассмотрении вопросов частичного разоружения, и расчистит путь к установлению всеобъемлющего, полного контроля... Государствам нечего будет скрывать друг от друга» [1]. Вместе с тем всеобщее разоружение позволило бы обратить ежегодно до 120 млрд. долл. за счет ликвидации военных бюджетов на сокращение налогов и повышение жизненного уровня и культуры трудящихся, а также создало бы новые возможности оказания помощи странам с наиболее отсталой экономикой за счет более развитых и сильнейших. «...Это могло бы открыть буквально новую эпоху в экономическом развитии Азии, Африки и Латинской Америки» [2].

Как известно, эта программа разоружения, широко развернутая главой Советского правительства с международной трибуны ООН, была встречена здесь бурными аплодисментами уполномоченных представителей всего мира и получила единодушное одобрение.

Но этого, конечно, было недостаточно. Для конкретного обсуждения предложенной программы разоружения был создан специальный международный Комитет десяти, в котором камнем преткновения опять-таки стала все та же проблема «контроля без разоружения». Сорвана была и попытка совещания «на самом высоком уровне», в котором должны были встретиться в Париже лично главы правительств, наиболее заинтересованных в ликвидации холодной войны.

Желая даже проблемы мира решать лишь с «позиции силы», американские агрессоры всего за несколько дней до парижской встречи направили в СССР свой военно-шпионский самолет «У-2» с заведомо провокационной целью демонстрировать свои исключительные возможности в этой области. Самолет летел, как им казалось, на совершенно недосягаемой высоте — 20 км. Предполагалось, что он совсем беспрепятственно пересечет из конца в конец весь СССР, высмотрит и сфотографирует все ракетные площадки в глубине страны и доставит все эти козырные карты своему шефу для беспроигрышной дипломатической игры за круглым столом в Париже. Но получилось совсем другое.

Шпионский самолет, несмотря на рекордную высоту, был не только вовремя замечен, но и с первого же прицела сбит ракетой далеко от границ, на Урале. А сам шпион, вопреки всем инструкциям мистера Даллеса, не отравился заранее заготовленным для него ядом, не взорвал и всей изобличающей цели полета шпионской аппаратуры и фотоснимков, хотя это тоже было предусмотрено его начальством. Кажется, он считал себя в обиде,— его-таки надуло это начальство, заверяя в полной безопасности высотных перелетов на «У-2». И пойманный с поличным, он и не пытался даже на следствии и суде кого-либо выгораживать из своих нанимателей, антрепренеров и режиссеров. А между тем, американские власти, узнав о гибели самолета, долго уверяли всех публично, что он летал с научной целью и, очевидно, лишь сбился с пути, перелетев за границу, в СССР.

---

[1] Там же, стр. 172, 173.
[2] Там же, стр. 175.

Когда же этот обман был разоблачен, а правительство США и сам президент Дуайт Эйзенхауэр не нашли ничего умнее, чем признать засылку шпионских самолетов в чужие земли своим правом и нормой поведения, от которой они и впредь не считают возможным отказаться, мировой престиж этих государственных деятелей упал ниже нуля. И вести с ними дружеские переговоры о разоружении было бы в этих условиях совершенно невозможно и нецелесообразно. Парижское совещание было торпедировано шпионскими авантюрами неуклюжей американской дипломатии. Прекратились и зашедшие в тупик переговоры о мире в созданном Генеральной Ассамблеей Комитете десяти государств. Ограничить их пустыми разговорами о контроле, затягивая при закрытых дверях без конца — к чему, по-видимому, стремилась западная дипломатия,— значило бы лишь обмануть ожидания всех миролюбивых народов. И представители стран социализма без всякого сожаления покинули этот Комитет, чтобы снова поставить проблему разоружения во всей ее полноте перед общественностью всего мира в Генеральной Ассамблее ООН.

Ввиду важности вопроса на этот раз удалось обеспечить на Генеральной Ассамблее небывало еще высокий в ней уровень представительства. В XV сессии ООН приняли участие не только все лидеры стран социализма, но и главы важнейших держав западного блока и виднейшие представители нейтральных государств Азии и Африки. У всех на памяти блестящее выступление на этом высоком собрании Н. С. Хрущева, в котором он 23 сентября 1960 г. обосновал советскую программу всеобщего и полного разоружения под строгим и эффективным международным контролем. И потому напомним здесь лишь основную сущность этой величественной программы [1].

Советское правительство предложило, чтобы все государства осуществили тремя последовательными этапами в течение четырех лет или иного согласованного срока полную и окончательную ликвидацию всех своих вооруженных сил и вооружений. На первом этапе, продолжительностью примерно 1—1,5 года, должно быть прекращено производство и уничтожены все уже созданные средства доставки ядерного оружия к цели. На этом же этапе должны быть ликвидированы все иностранные военные базы на чужих территориях и с этих территорий выведены все иностранные войска. Численность вооруженных сил государств должна быть существенно сокращена, причем для СССР и США предел численности вооруженных сил устанавливается в 1700 тыс. человек. Соответственно сокращаются и обычные вооружения.

На втором этапе Советское правительство предлагает в число других мероприятий включить полное запрещение ядерного, химического, биологического и других видов оружия массового уничтожения с прекращением производства и ликвидацией накопленных запасов такого оружия, а также дальнейшее сокращение вооруженных сил государств с соответствующим сокращением вооружений и военной техники.

На третьем этапе Советское правительство признает необходимым завершить ликвидацию вооруженных сил и вооружений всех государств, прекратить военное производство, ликвидировать военные министерства, генеральные штабы и всякого рода военные и военизированные учреждения и организации, а также прекратить отпуск средств на военные цели.

«Тогда вековая мечта народов — мир без оружия, мир без войн — станет реальностью» [2]. Таков основной вывод Н. С. Хрущева. Что же касается внутренней безопасности государств, то она, по его мысли, может быть обеспечена строго ограниченными и заранее согласованными кон-

---

[1] Н. С. Хрущев. За мир, за разоружение, за свободу народов. 1960, стр. 98 и сл.
[2] Там же, стр. 100.

тингентами полиции или милиции. А если окажется необходимым, то государства будут выделять такие контингенты в распоряжение Совета Безопасности и для поддержания международной безопасности.

Как известно, эта программа разоружения, как и тесно связанное с ней предложение СССР о полной и окончательной ликвидации колониального режима управления, оказалась в самом центре внимания почти целой сотни национальных делегаций на XV сессии ООН. Инициатива СССР получила самую горячую поддержку и принципиальное одобрение с самых различных сторон. Особенно показательными и яркими были выступления по этим жгучим проблемам таких ораторов, как премьер-министр Кубы Фидель Кастро, президент Ганы Кваме Нкрума, президент Гвинеи Секу Туре, президент ОАР Г. А. Насер, президент Индонезии Сукарно, премьер-министр Индии Дж. Неру и другие деятели стран, на собственном опыте познавших все прелести колониального режима необузданных агрессоров. Общее настроение Генеральной Ассамблеи и всей мировой общественности было таково, что даже президент США Эйзенхауэр, выступая на Ассамблее с разными вздорными обвинениями против СССР, вынужден был упомянуть о желательности — в неопределенном будущем — обеспечить миру «полное и всеобщее разоружение».

Но всего показательнее та бурная реакция на прибытие в США столь испытанного борца за мир, как Н. С. Хрущев, какую зафиксировала фондовая биржа Нью-Йорка. В газетной хронике эта реакция была отмечена под характерным заголовком — «Землетрясение на Уолл-Стрите». Биржа вообще очень чувствительный и точный показатель настроений заправил большого бизнеса. Когда в мае 1960 г. усилиями Эйзенхауэра было сорвано парижское совещание в верхах, на Уолл-Стрите царило буйное ликование. Акции фабрикантов оружия стремительно подскочили вверх. Но в сентябре, в связи с новыми надеждами народов на ликвидацию холодной войны и разоружение, монополисты впали, и, по-видимому, не без основания, в мрачное уныние и панику.

«Резкое падение акций на нью-йоркской бирже! — сообщали телеграфные агенства.— Средний курс акций достиг самого низкого уровня за весь 1960 год! Рыночная стоимость ценных бумаг упала примерно на 4,5 млрд. долл.» [1] Такие биржевые паники нередко предваряют собой и весьма глубокие промышленные «спады» или кризисы. И нужно сказать, что и помимо таких биржевых крушений бумажных богатств буржуазии многие факты свидетельствуют о серьезном неблагополучии в американской экономике. Но в данном случае показательно то, что биржевая паника началась как раз в те минуты, когда советский корабль «Балтика» с социалистической делегацией мира на борту вошел в нью-йоркский порт. Телеграфные агентства США ставили эти два события в прямую связь. «Г-н Хрущев потряс нью-йоркскую биржу»,— указывало агентство Рейтер. По мнению маклеров биржи, резкое падение курса акций «является результатом... «опасных» возможностей предстоящего обсуждения на сессии Генеральной Ассамблеи».

Говоря иначе, если всем народам страшна война, то господствующей на бирже кучке торговцев оружием страшен лишь мир, угрожающий содержанию их кошельков. В связи с этим весьма понятно, почему одно лишь появление в ООН таких борцов за мир, как Н. С. Хрущев, потрясло биржевые устои Уолл-Стрита подобно подлинному землетрясению. Не менее понятно впрочем и то, что появление там же столь авторитетных на Западе лидеров, как сам президент США Эйзенхауэр и его лондонский подпевала Макмиллан, вовсе не вызвали никакой тревоги на фондовой

---

[1] «Правда», 22 сентября 1960 г.

бирже Нью-Йорка, хотя они также выступали на XV сессии ООН за переговоры о разоружении. Очевидно, такие выступления даже по расценке биржевых маклеров котируются не слишком высоко или, лучше сказать, они котируются в полном соответствии с их истинным достоинством.

б) Вопрос о разоружении назрел

«Выдвигая программу всеобщего и полного разоружения, Советский Союз,— как заявил Н. С. Хрущев,— исходит прежде всего из гуманных соображений, руководствуется интересами общенародными, общечеловеческими. Все народы, независимо от социального строя того или другого государства, хотят мира, и во имя обеспечения мира Советское правительство не жалеет своих сил в борьбе за достижение договоренности о разоружении и за практическое осуществление разоружения» [1].

Мир без оружия — это вековая мечта народов. Но не всякая мечта реальна. А в политике нельзя отдавать предпочтение чувствам. «Разоружение есть идеал социализма»,— утверждал великий Ленин еще в 1916 г. [2] Но и он не считал еще возможным и своевременным в те годы реализацию этого идеала. Иными словами, можно еще задаться вопросом, в какой мере вопрос о всеобщем и полном разоружении уже вполне созрел для реализации в современной нам действительности? Не с точки зрения наших чувств, симпатий и антипатий, а в свете объективных законов общественного развития и исторической необходимости. И поставив так этот вопрос, мы должны сразу же на него ответить: «Вопрос о разоружении — это самый жгучий и неотложный вопрос нашей современности».

К этому убеждению нас приводит уже тот несомненный факт, что созданные за последние годы гонкой вооружений невиданные средства массового уничтожения не оставляют нам никакого выбора. Люди всего мира должны исключить войну из жизни человечества, ибо в противном случае уже война исключит это человечество из жизни. Никакая дальнейшая гонка вооружений ничего изменить в этом отношении не сможет, умножая лишь бездумное расточительство военных бюджетов и увеличивая риск раздуть мировой пожар нечаянно, по непроходимой глупости или преступному легкомыслию лиц, допущенных к повседневному обращению с ядерным оружием милитаризма.

Уинстон Черчилль как-то утверждал, что в условиях современной войны начать ее мешает лишь то «равновесие ужаса», какое она внушает возможным противникам своими кошмарными последствиями. Этот ужас не чужд и влиятельнейшим дельцам Уолл-Стрита. К тому же их вполне устраивает и «холодная война». Гарантируя достаточно высокие прибыли торговцам оружием, она еще не несет им с собой неизбежной атомной смерти. И потому, если их дипломатические лакеи гарцуют с «позиций силы» на гранях горячей войны, это еще вовсе не значит, что кто-то уже действительно готов ее развязать. Однако это не исключает другой опасности. Там, где такие лакеи большого бизнеса, раздувая гонку вооружений и военный психоз, запугивают своих сограждан грозной коммунистической опасностью, летающими уже в американском небе таинственными «блюдцами», «тарелками» и прочей чертовщиной,— возможны любые неожиданности. У страха глаза велики. В психозе страха может померещиться и несуществующая опасность. С перепугу и отблеск луны или стаю ворон можно принять за эскадрилью вражеских бомбардировщиков. И, если навстречу такой мнимой опасности с Востока вылетит хотя бы

---

[1] Н. С. Хрущев. За мир, за разоружение, за свободу народов, стр. 11.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 152.

одна реальная ракета с Запада,— она автоматически приведет в действие все разрушительные термоядерные силы последней мировой войны.

Таким образом, такие чувства, как страх и ужас, даже в условиях «равновесия ужаса» отнюдь не гарантируют нас, вопреки мнению У. Черчилля, от военной катастрофы, а иные психозы страха могут даже ее ускорить. И ужас и страх лишь помрачают разум, а для борьбы с угрозами милитаризма требуется оружие ничем не помраченного трезвого и ясного человеческого разума.

В самом деле, что всего сильнее мешает ликвидации холодной войны между двумя основными лагерями соревнующихся между собой экономических систем капитализма и социализма? Конечно, господствующие идеологические воззрения и классовые интересы обществ, образующих эти системы, крайне различны и противоречивы. Но только одна из этих идеологий жаждет войны и создает неимоверные напряжения. И если отвлечься от обманчивых чувств и чрезмерных опасений какого-либо «подвоха» со стороны одной из договаривающихся держав, то трезвый разум все же вернее всего подскажет единственно возможное решение: «Если война как заведомое самоубийство исключается, то и гонка вооружений, целесообразная лишь в качестве подготовки к такой самоубийственной войне, не может быть признана разумной целью ни одной из стран. Значит, остается нам всем договориться лишь о прочном мире в результате полного и всеобщего разоружения».

И худой мир лучше доброй ссоры,— гласит народная мудрость. Но еще лучше такой мир в общих интересах всех народов, который обеспечит их мирное сосуществование, международное сотрудничество и экономическое соревнование без всяких взаимных вымогательств и дискриминаций. Такие именно задачи и ставит перед собой та программа разоружения, какую изложил Н. С. Хрущев на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Весьма возможно, что выполнение такой программы на все сто процентов потребует еще не мало времени и усилий. Но все же она вполне реальна. Конечно, труднее всего будет примирить с ней те темные силы милитаризма, которые всего теснее сами связаны с производством и использованием оружия. Однако это все же небольшая, хотя и довольно влиятельная горстка людей. «Горстка» даже если ее брать только по отношению ко всей буржуазии. И ее интересы далеки от интересов гораздо более широких кругов буржуазии, связанных с мирными отраслями производства и обращения. И очень характерно, что выступление Н. С. Хрущева на Генеральной Ассамблее за разоружение приветствовали не только американские рабочие, но и американские предприниматели. Показательно, например, следующее заявление известного промышленника и общественного деятеля США Сайруса Итона.

«Это великий день в истории Организации Объединенных Наций... Г-н Хрущев прибыл сюда, чтобы внести конструктивный вклад в работу этой важнейшей сессии Генеральной Ассамблеи. Я хочу заявить от имени капиталистов США: нам осточертела «холодная война» и нам ненавистна мысль о горячей войне. Мы будем настаивать, чтобы наши государственные деятели руководствовались в своих действиях здравым смыслом и достигли взаимопонимания с вашей великой и могучей державой» [1].

Почему же холодная война уже «осточертела» даже в известных кругах капиталистов?

Да именно потому, что все выгоды от нее достаются лишь маленькой горстке людей этого класса, обслуживающей все авантюры милитаризма и вознаграждаемой за это неисчислимыми казенными заказами за счет военных бюджетов. Вполне понятно, однако, что рост этих бюджетов,

---

[1] «Правда», 21 сентября 1960 г.

оплачиваемых миллионами налогоплательщиков, сокращает их платежеспособный спрос на все прочие товары и услуги невоенного назначения. Что же остается всем остальным кругам буржуазии, обслуживающим этот мирный рынок? Поле их предпринимательской деятельности существенно ограничивается, а норма обложения прибылей намного возрастает, перекачивая изрядную их долю через бюджет в карманы все тех же счастливчиков военного бизнеса. Таким образом, холодная война порождает и здесь, в буржуазной среде, новые и притом весьма существенные противоречия интересов.

Чем больше при этом выигрывает в гонке вооружений горстка поставщиков оружия, тем чаще предоставляется лишь облизываться, глотая слюнки, всей остальной массе предпринимателей. И если при том «холодная война» затягивается на целые десятилетия,— а иные любители гонки вооружений устами простодушного Айка проектируют ее уже на сорок лет вперед,— то немудрено, что она уже осточертела и мудрейшим из капиталистов.

Экономический анализ вполне подтверждает все вышесказанное. В самом деле, обратимся к фактам. В США общее число единоличных и коллективных предприятий за 1948—1958 гг. возросло за 10 лет с 8 до 10,6 млн. Из них фирм — «корпораций» насчитывалось к концу 1958 г. всего 940 тыс., но на их долю падало свыше 60% всей чистой прибыли за этот год [1]. Однако в гонке вооружений и военном производстве заинтересованы лишь очень немногие из этих монополистических корпораций. Дело в том, что создание и непрерывная модернизация современной боевой техники, в условиях бурного технического прогресса в этой области, требует огромной концентрации материальных ресурсов, новейшего оборудования, научно-исследовательских кадров и высококвалифицированной рабочей силы [2]. Это вполне объективное обстоятельство лишает мелкие корпорации всякой возможности конкурировать с наиболее мощными из них за всегда очень крупные и ответственные военные заказы. И эти заказы тоже концентрируются в руках все меньшего числа крупнейших монополистических корпораций.

Содействует им в этом и предельная коррупция той буржуазной верхушки милитаристов, которая распределяет такие сверхаппетитные заказы. Несмотря на закон о сдаче казенных заказов частным фирмам с открытых торгов, в интересах свободной конкуренции предпринимателей и государственной экономики, из всех заказов министерства обороны США за 1951—1959 гг. на сумму в 208 млрд. долл. 86,6% было выдано без торгов, в порядке непосредственных соглашений с монополистами. Для облегчения таких сделок необходимо, конечно, довольно тесное сращивание государственного аппарата буржуазии с этими наиболее мощными монополиями. И оно без труда реализуется. Достаточно сказать, что в руководящем аппарате 72 компаний из числа крупнейших поставщиков военной продукции состоит на службе 250 отставных генералов и адмиралов, в том числе бывшие министры, их заместители и ближайшие помощники [3].

Сколько генералов и адмиралов, помимо этих бывших людей Пентагона, состоит еще, так сказать, «по совместительству» на службе корпораций, не покидая стен самого Пентагона, не поддается статистическому учету. Во всяком случае их «безгрешные» доходы за счет корпораций составляют, по-видимому, немалую статью накладных расходов в себестоимости военной продукции. Их не могли бы окупить мелкие и даже

---

[1] «Statistical Abstract of the United States», 1960, стр. 485.

[2] О. Андреев, Л. Львов. Неизбежный крах стратегии гонки вооружений. «Международная жизнь», 1960, № 11, стр. 91 и сл.

[3] Там же, стр. 89—90.

средние предприниматели. И это тоже содействует сосредоточению военных заказов в руках немногих наиболее крупных корпораций. А вместе с тем оно означает все большее подчинение американской военной политики и стратегии крупному капиталу. Это отмечают и сами американцы. Орган деловых кругов США «Гарвард бизнес ревью» за май — июнь 1960 г. сообщал: «В течение последних 15 лет бизнесмены следовали за военным ведомством при решении того, что они должны производить... Сейчас мы видим бизнесменов, приходящих во все большем количестве в военное ведомство с проектами нового оружия, с концепциями внедрения технологических достижений в оборонные программы. Они начинают вести за собой военное ведомство в определении потребностей».

Военному бизнесу предоставляется здесь, таким образом, возможность решать такие вопросы, от которых зависят ближайшие судьбы, жизнь или смерть всего человечества. И если учесть, что военные заказы, в основном, сосредоточены в руках всего нескольких десятков корпораций и в 1958 г. доля всего 20 из них в этих заказах превышала 52%, то станет яснее, какая горстка безответственных бизнесменов обладает контрольным пакетом акций и решающим голосом в стенах Пентагона, а через него в Белом Доме и конгрессе Соединенных Штатов великого американского народа.

Всего 20 военизированных монополий из 940 тыс. корпораций и свыше 10 млн. всех предпринимателей, обслуживающих мирные нужды страны,— это совсем ничтожная величина. Но по доле своего участия в прибылях буржуазии доля военного бизнеса гораздо выше. Норма прибыли корпораций, работающих на войну, даже по официальным, заниженным данным, раза в полтора превышает среднюю норму прибыли всех остальных корпораций. Говоря иначе, они присваивают значительную долю своих прибылей и за счет капиталов, вложенных в производство мирного назначения. И это, разумеется, никак не устраивает даже всю буржуазию, занятую в этих мирных производствах, не говоря уже о всем остальном населении, которого войны ввергают лишь во все тягчайшие бедствия.

Но, говоря о дальнейших перспективах гонки вооружений, можно сказать, что хиреет со временем и сам военный бизнес, становясь, благодаря резким сдвигам в военной технике, неустойчивым и все более ненадежным. Так, в связи с перевооружением армии на новую базу ракетной техники уже переживает тяжелый кризис авиационная промышленность США. С уменьшением роли ствольной артиллерии падает удельный вес артиллерийско-стрелкового вооружения и боеприпасов как массового потребителя металла и взрывчатки. А в связи с этим обнаруживается и «снижение заинтересованности в гонке вооружений ряда весьма широких и влиятельных групп капиталистов, в частности, многих компаний горнодобывающей и металлургической промышленности, которым военный бизнес обеспечивает лишь незначительную и сокращающуюся долю их доходов» [1].

Однако гораздо более важным и основным объективным показателем бесперспективности дальнейшей гонки вооружений несомненно является то соотношение сил соревнующихся мировых экономических систем капитализма и социализма, какое складывается на современном этапе общественного развития. В военном отношении лагерь социализма и ныне уже не слабее своих возможных противников. Но ему не нужна война. Он ее не хочет и не начнет по собственному почину. А в том лагере, в котором еще имеется такая охота, даже злейшие наши противники вынуждены воздерживаться от агрессии, хотя бы временно, впредь до того, пока они не опередят нас намного с позиций силы. Но это совершенно тщетная надежда, так как социалистическая экономика значительно опережает в своем развитии капиталистическую. Само время работает в этом

---

[1] О. Андреев, Л. Львов. Указ. соч., стр. 95.

отношении против агрессоров. И если они и ныне уже не рискуют спровоцировать «горячую» мировую войну, то через несколько лет ее безнадежность станет уже для всех вполне очевидной. А вместе с тем выявится и полная бесперспективность «войны холодной».

Социалистическая экономика становится на данном этапе уже объективно, и без войн, решающей силой мирового развития. «Наивно было бы думать,— сказал Н. С. Хрущев,— что капиталистические страны пошли бы на разоружение, если бы они были сильнее социализма. Ныне положение таково, что мировая система социализма, по меньшей мере, не слабее, чем страны, объединенные Соединенными Штатами в такие военные агрессивные блоки, как НАТО, СЕАТО и СЕНТО. Теперь социалистические страны обладают невиданными ранее средствами, чтобы воздействовать на капиталистические страны и, если хотите, даже вынудить их к соглашению о разоружении» [1].

Наша сила в том, что в борьбе за мир интересы социалистического лагеря совпадают с интересами трудящихся всего мира, в то время как в империалистическом лагере горстка агрессоров в своих усилиях развязать мировую войну не могла бы опереться на активную поддержку даже большинства предпринимателей. Наша сила в том освободительном движении колониальных стран, которое все шире взрывает тылы и подрывает экономические основы империализма. Наша сила в действии объективных законов экономического развития и опережающих темпах нашего роста на всем хозяйственном фронте соревнующихся ныне мировых систем. И опираясь на все эти силы в своей борьбе за всеобщее и полное разоружение всех народов, мы достигнем этой благородной цели.

— Мир победит войну!

15 января 1961 г.

---

[1] Н. С. Хрущев. За мир, за разоружение, за свободу народов, стр. 303—304.

IV. РАЙОНИРОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ СССР[1]

1. МЕТОДОЛОГИЯ РАБОТЫ

Установки районирования

В основе всякого районирования лежит территориальное расчленение страны на части по признакам их сходства и различия. Сходные участки при этом объединяются, несходные — разделяются и отграничиваются друг от друга на карте. Но, в зависимости от задач районирования, в основу этой дифференциальной классификации различных частей страны по их сходству и различию могут быть положены весьма различные признаки и критерии. Там, где проблема районирования возникает как вполне осознанная актуальная потребность, она всегда преследует определенные прикладные, либо весьма назревшие познавательные задачи.

Практика нередко опережает теорию. Практическая потребность в пересмотре существующих внутренних подразделений страны особенно остро чувствуется на самых крутых поворотах ее истории, когда в напряженной борьбе за новые цели нужно мобилизовать все ее производительные силы и ресурсы. Поэтому совсем не случайно, что первое административное районирование России на губернии и провинции имело место в переломную Петровскую эпоху. Точно так же первое районирование Франции относится к годам французской буржуазной революции. И, наконец, новое, экономическое районирование Советской России столь же закономерно началось в годы величайшей социалистической революции.

Конечно, и чисто прикладные задачи районирования на столь различных этапах истории не могли быть одинаковыми. В эпоху господства феодальных отношений и крепостного хозяйства районирование страны могло служить лишь узким задачам возможно равномерней децентрализации органов власти победившего абсолютизма и укрепления ее на местах в интересах облегчения управления и взимания налогов. Победившая буржуазия при районировании страны заботилась уже не только об удобствах административного управления и самоуправления на местах, но и о правильном учете хозяйственного значения этих мест, для возможного их использования путем развития частной инициативы и местной самодеятельности имущих классов. Правда, в теории районирования этот момент нашел свое отражение позже, чем на практике. Но во всяком случае и в теории он давно уже и весьма прочно утвердился.

В частности, русские авторы, писавшие о районировании России, в основу своих работ уже свыше ста лет неизменно кладут хозяйственные признаки и экономические критерии. Разница между ними лишь та, что сто лет назад при районировании России на разного рода «пространства», «пояса», «полосы» у К. И. Арсеньева[2], скажем, на

---

[1] «Естественно-историческое районирование СССР». М.— Л., Изд-во АН СССР, 1947.

[2] К. И. Арсеньев. Статистические очерки России. СПб., 1848.

первый план выдвигались бо́льшая или меньшая «производительная сила» земли и сельскохозяйственные признаки, а полвека спустя, в связи с пройденным этапом развития, «экономические края» и «области» Д. И. Менделеева[1] различались уже по признакам чисто индустриального значения. Нет нужды, однако, подробно анализировать все подобные литературные попытки районирования России дореволюционного времени. Сводя все многообразие природных и экономических сочетаний условий в стране к обозримому числу больших территориальных комплексов, они имели, конечно, известное познавательное значение. Но они совершенно безнадежно устарели для нашего времени и именно потому после Октябрьской революции задачи экономического районирования встают перед нами в принципиально новой постановке.

В капиталистических условиях экономическое районирование отражает в своих границах только стихийно сложившееся прошлое, от которого не мыслится никаких приводов к будущему. Теория районирования здесь еще функционирует в полном отрыве от народнохозяйственной практики. В советском же районировании заложена гораздо более актуальная плановая задача — от познания сложившейся экономики районов подняться до сознательной перестройки и передвижки их границ, в целях более производительного использования наличных хозяйственных ресурсов в будущем. Таким образом, само районирование становится одним из рычагов подъема производительных сил страны. Мы не мыслим себе при этом границ наших экономических районов застывшими, неподвижными. Наоборот, мы отдаем себе ясный отчет в их динамичности. Земледельческие районы в плановом порядке с каждым годом становятся все более индустриальными, а потреблявшие ранее привозной хлеб начинают и сами производить его для себя в достаточных количествах. Из этой динамичности явствует, что плановое районирование не сводится к однократному акту. Потребность в нем будет возрастать периодически, и оно должно будет уточняться.

Каждому новому уровню техники и масштабу хозяйственного использования природных ресурсов страны должно соответствовать новое размещение производительных сил и, стало быть, новое их сочетание в территориальных хозяйственных комплексах. В связи с этим может оказаться необходимой и новая группировка границ экономических районов, хотя это отнюдь еще не предрешает одновременной перекройки и всех административных подразделений страны.

Каждый экономический район мыслится нами, как законченный хозяйственный комплекс или производственно-транспортный комбинат с определенной спецификой, отличающей его от соседних районов, и тем самым предполагающий известную их кооперацию. Внутри себя такой район, как и всякий производственный комбинат, состоящий из отделений и цехов, расчленяется на специализированные по своему хозяйственному значению подрайоны и микрорайоны. Соединение нескольких районов с их межрайонной спецификой и разделением труда, взаимно дополняющих друг друга, может образовать собой новое хозяйственное единство в многообразии или новую высшую ступень районного деления. Такие макрорайоны, располагая всеми важнейшими естественными ресурсами, необходимыми для их хозяйственной независимости от смежных с ними частей страны, смогут стать для нас основными опорными очагами не только хозяйственного, но и оборонного значения.

Все уникальные производства страны должны получить своих дублеров в каждом из таких очагов. Все новые производственные мощности

---

[1] Д. И. Менделеев. Основы фабрично-заводской промышленности. СПб., 1897, стр. 7—8.

внутри этих очагов и их подразделений должны получить свое размещение под углом зрения «приближения промышленности к источникам сырья и районам потребления в целях ликвидации нерациональных и чрезмерно дальних перевозок»[1]. Отсталые районы при этом подтягиваются к передовым, в целях возможно равномерного использования всех производительных ресурсов страны. Таковы основные установки экономического районирования СССР на данном этапе нашего планирования.

В историческом аспекте такое планомерно организованное разделение и кооперация труда целых экономических районов представляет собой высшую ступень того процесса, который начался еще на капиталистической мануфактуре. При капитализме планомерная организация разделения и кооперации труда возможна была только в узких рамках отдельных предприятий. Мануфактуре при этом свойственны были наиболее примитивные формы кооперации невооруженного ручного труда. Фабрика отличается уже более сложной кооперацией целой системы машин. При социализме мы планируем разделение функций и кооперацию целых экономических районов и братских республик.

Задача планового экономического районирования, однако, очень сложна и не может быть решена без разложения по ступеням на ряд других, более элементарных. Организуя в хозяйственное единство сложную кооперацию экономических районов, мы не могли бы уже довольствоваться для их расчленения и классификации каким-либо одним признаком. В общем народнохозяйственном комплексе должны в надлежащей пропорции получить свое отображение и сельскохозяйственные и индустриальные потенции развития различных районов. И далее, чтобы мобилизовать все производительные силы страны на оптимальное использование ее естественных ресурсов, нужно прежде всего знать, где, какого качества и в каких масштабах размещены в стране эти ресурсы. Районирование природных ресурсов хозяйственного значения — это, однако, только первая ступень комплексного экономического районирования.

Когда в порядке разделения труда эта первая, чисто научная задача разрешена, т. е. когда геологи, гидрологи, почвоведы, ботаники и целый ряд других ученых установят географическое размещение важнейших природных ресурсов с прогнозом наиболее эффективных направлений для дальнейших поисков и умножения этих ресурсов, на очередь выдвигается следующая задача технической политики. Инженеры, технологи, химики и агротехники должны определить, где, в каких сочетаниях, путем каких технологических методов и мероприятий и ценой каких затрат прошлого и современного труда можно наилучшим образом, всего полнее и с наибольшим производственным эффектом использовать те или иные природные ресурсы каждого района. Конечно, в разных районах, в зависимости от условий места, а также от количества, качества и пропорций имеющихся естественных ресурсов, отбор наиболее эффективных технических путей и мероприятий для их использования окажется весьма различным. Так, если в засушливых районах наилучший эффект дает искусственное орошение, то в заболоченных районах его дадут осушительные работы. Таким образом, в результате этой второй ступени — районирования технической политики — мы получим первые контуры производственного профиля отдельных районов и общего наиболее эффективного размещения технических мероприятий планового общества.

Только на следующей, третьей и последней, ступени экономического районирования вслед за представителями естествознания и техники в общую работу могут вплотную включиться экономисты и статистики. Им

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1953, стр. 897.

предстоит решить новую задачу: в какие территориальные комплексы для оптимального использования местных ресурсов следует объединить наличные и перспективные производственные узлы со включением тяготеющих к ним районов потребления, чтобы при заданных уровнях техники и потребления обеспечить возможно меньший объем межрайонных и внутрирайонных перевозок и минимальные затраты труда на производство и транспорт в общей их сумме по каждому району и по всей стране. Трудность этой задачи состоит в том, что укрупнение масштабов производства отдельных предприятий сокращает издержки производства на единицу продукции, но удлиняет пробеги ее до потребителя и, стало быть, повышает издержки транспорта. И наоборот, сокращение размеров предприятий при прочих равных условиях повышает издержки производства, но сокращает пробеги и издержки транспорта на единицу продукции. Правильное решение этой задачи возможно лишь при подходе к экономическому району, как к единому производственно-транспортному комбинату, в котором проблема минимальных издержек решается по всему комбинату в целом. Решается она отбором наиболее выгодных вариантов размещения населения, предприятий и транспортных путей, т. е. в сущности всех производительных сил и потенций в пределах данной территории. Причем соответствующими расчетами устраняются не только излишне дальние перевозки, но и попутно все излишества гигантомании в строительстве производственных узлов и отдельных предприятий.

Таким образом, если в результате первой ступени районирования мы получаем размещение естественных ресурсов, а второй — размещение технических мероприятий по использованию каждого из этих ресурсов в отдельных районах, то на третьей ступени решается экономическая задача районного размещения всей совокупности производительных сил. Последнее осуществляется в целях оптимального использования всей совокупности учтенных в стране естественных ресурсов, путем подбора наиболее пригодной для этого (на данном уровне науки и техники) комбинации плановых технико-экономических мероприятий.

Если в дополнение к этому будет установлена наиболее рациональная очередность конкретных мероприятий по использованию природных ресурсов каждого района, определены специфические для него производственно-трудовые пропорции и намечены возможные масштабы вложений на достаточно большой строительный период, то на базе такого экономического районирования мы получим уже все основные элементы и для построения генерального плана развития народного хозяйства по всей стране в целом. Учет выявленных таким образом возможностей и пропорций при наличии определенных политических и социально-экономических установок генплана позволит создать вполне законченную его концепцию.

Наша задача, однако, гораздо скромнее. Даже районирование только лишь природных ресурсов — энергетических, сырьевых и сельскохозяйственных — задача едва ли посильная для решения отдельным лицам или даже небольшим коллективам. Поэтому в дальнейшем мы попытаемся сосредоточить свое внимание лишь на частной проблеме — районировании природных ресурсов сельскохозяйственного использования.

Факторы плодородия

Как известно, созидателем всех хозяйственных ценностей является труд. Но «труд непрерывно опирается на содействие сил природы». «Следовательно,— заключает Маркс,— труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд

есть отец богатства, как говорит Уильям Петти, земля — его мать»[1]. Эта щедрая мать — сырая земля — таит в своих недрах в залежах каменного угля, торфа и нефтеносных пластов, а также в разного рода рудных жилах и россыпях неисчислимые источники энергии и богатейшие сырьевые ресурсы для оплодотворения их индустриальным трудом. Но, отвлекаясь от них, поскольку они выходят за рамки нашей темы, ограничимся лишь одним поверхностным, почвенным покровом земли. И в нем сокрыты огромные потенциальные богатства, ожидающие для своей реализации лишь достаточного приложения вооруженного наукой сельскохозяйственного труда. Однако мы знаем, что все эти агрикультурные естественные богатства размещены по земле крайне неравномерно, и если в одних местах достаточно лишь едва копнуть поверхность земли, чтобы получить самую щедрую отдачу урожая, то в других скупая природа позволяет вырвать у себя тот же результат лишь дорогой ценой упорных и тяжелых трудовых усилий.

Поэтому задачей районирования естественных сельскохозяйственных ресурсов является, прежде всего, количественно-качественный учет их пространственного размещения в стране. Говоря иначе, это своеобразный осуществляемый в больших масштабах и первом приближении земельный кадастр или приблизительная инвентаризация наличных в стране природных ресурсов сельского хозяйства.

Разграничив на карте пространства различного качества с точки зрения их сельскохозяйственной годности, мы выполнили бы при этом лишь первую часть поставленной перед собой задачи — узнали бы, где что лежит. Чтобы приблизиться к кадастровому учету, надо еще знать — сколько лежит и какого именно качества. На вопрос «сколько» — можно ответить измерением *площадей* соответствующих территорий. Что же касается соизмерения сравнительного качества этих территорий, то эта проблема более трудная, но тоже вполне разрешимая. Нужно лишь условиться, что критерием соизмерения качества разных земель мы принимаем сравнительную их производительность на единицу площади за счет одних лишь *естественных* факторов плодородия.

Каковы же эти факторы? Разумеется, их очень много. Важнейшее место среди них, как известно, принадлежит солнечной энергии и водным ресурсам. В сочетании с рядом других моментов — близостью или удаленностью таких мощных аккумуляторов тепла и влаги, как обширные океаны, направлением и силой господствующих ветров и течений, местным рельефом и пр.,— они образуют комплекс климатических условий, очень сильно варьирующих в зависимости от географических координат района. Второе место после тепла и влаги в ряду факторов плодородия занимают весьма различные в разных местах почвенные запасы таких питательных веществ, как азот, фосфор и калий. Мы не упомянули здесь об углероде, который извлекается из воздуха повсюду, независимо от районов, и имеется в достаточном количестве. Все другие химические элементы питания растений требуются обычно в гораздо меньших количествах, чем имеются в почвенных запасах, и потому до сих пор не принимались в расчет при районировании плодородия почвы. Помимо названных факторов плодородия, подлежат учету и многие другие местные особенности почвенного покрова, его состава и структуры, связанные с историческим происхождением и достигнутой стадией развития почвообразовательного процесса соответствующих районов. Нельзя также при этом исключить из поля зрения и особенности естественного растительного покрова, и развитие бактериальных процессов жизни в почве, и общую геоморфологию страны, и микрорельеф, и степень эрозии почв в данном районе и тому подобное.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 52.

Наряду с естественными факторами плодородия большое значение имеют общественные факторы и мероприятия, повышающие естественное плодородие почвы. Сюда относятся и общественные формы организации хозяйства (совхозы, колхозы), и разного рода мелиорации, и селекционные работы, и методы обработки почвы, и систематическое искусственное обогащение ее навозным удобрением, химическими туками и бактериальными посевами, и многие другие агрономические приемы. В отличие от природных факторов, все они требуют планомерного вмешательства человека. Для дополнительного повышения естественного плодородия почвы необходима дополнительная затрата труда. Внося, таким образом, свои поправки к тому, что природа готова предоставить нам бесплатно, плановое общество, чтобы правильно оценить сравнительный эффект этих «поправок» в разных районах, должно прежде всего определить эффективность тех даровых природных ресурсов, которыми оно располагает в каждом данном районе. Поэтому на первой ступени районирования мы должны ограничить свою задачу учетом размещения одних лишь природных факторов плодородия.

Множественность этих факторов и специфика признаков, которыми определяется пространственное их размещение, приводят нас к тому, что общая задача районирования естественноисторических факторов плодородия расчленяется обычно на ряд специальных задач: районирование геоморфологическое, агроклиматическое, гидрологическое, почвенное, ботаническое и другие. Каждый из этих специальных видов районирования представляет сам по себе свой особый вполне самостоятельный интерес. Каждому из них свойственны свои особые признаки и приемы районирования и особые закономерности размещения. Но, взятые вместе, они сверх того являются в своей совокупности основной базой и для сводного, синтетического районирования страны, в котором подлежит учету уже суммарный эффект всех природных факторов плодородия.

Спрашивается, однако, в какой мере осуществим научный синтез всей совокупности столь разнородных районообразующих признаков, как географические различия в климате, почве, растительности и тому подобные природные факторы? Сводимы ли они к какому-либо единству? И не будет ли всякая попытка использовать их для целей синтетического районирования заведомо эклектической и уже поэтому научно бесплодной?

В буржуазной литературе неоднократно раздавались весьма скептические голоса о возможности синтетического районирования сельского хозяйства по совокупности различных признаков. Так, например, А. Ф. Фортунатов, будучи даже сторонником учета «совокупности» районообразующих признаков, отмечал, однако, что мы еще «не располагаем сейчас средствами для того, чтобы точно определять относительную важность отдельных признаков, которыми характеризуется сельскохозяйственное положение различных местностей» [1]. Точно так же Д. И. Рихтер, немало поработавший в области сельскохозяйственного районирования, учитывая связанные с этой задачей трудности, склонялся к мысли, что при «современном состоянии знания нет возможности установить такое деление России на районы, которое удовлетворило бы как людей науки, так было бы пригодно и для практических целей» [2].

Однако неудачи буржуазной науки в этой области объяснялись прежде всего тем, что она подчас слишком метафизически трактовала природу тех признаков, которые были положены ею в основу районирования.

---

[1] А. Ф. Фортунатов. В вопросу о сельскохозяйственных районах России. «Труды Вольного Экономического общества», вып. 5. СПб., 1896, стр. 4.

[2] Д. И. Рихтер. Попытки разделения России на районы по естественно-историческим и экономическим признакам. СПб., 1904.

Отдельные ученые предлагали считаться при выделении крупных районов лишь с признаками постоянного характера, для чего, по их мнению, пригодны только естественноисторические признаки, которые, якобы, «не меняются никогда» [1]. В таком застывшем виде эти естественноисторические признаки — вне истории их происхождения и развития — казались ничем не связанным между собой и потому довольно произвольным набором случайных примет. Свести к какому-либо единству такую сумму разрозненных признаков, образующих лицо района, было мудрено для буржуазной науки. Представители каждой дисциплины, взятой в отдельности, предлагали свои критерии районирования и никак не могли между собой договориться. Вот почему более вдумчивые из них, как А. Ф. Фортунатов, подходя к этой задаче, становились «крайними скептиками» и заявляли: «Едва ли в скором времени произойдет соглашение даже между почвоведами и климатологами» [2]. О возможности когда-нибудь договориться по тому же вопросу между естественниками и экономистами здесь уже и речи не было.

Совсем иначе подходит к тем же проблемам марксистская наука, для которой вся природа не случайное скопление признаков и явлений, а связное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обусловливают друг друга. В виде такого же связного, единого целого мыслится нами и каждый естественноисторический район со всей совокупностью образующих его признаков. Температурный и водный режим района, его местный рельеф, почвенный покров и растительность — это для нас не опознавательные приметы, а основные факторы, образующие наличный комплекс естественных ресурсов, а вместе с тем и определенную специфику — лицо данного района. Мы отбираем их не случайно, наугад, а берем в той связи и составе, в каких они определяют собой уровень естественного плодородия почвы — этот основной синтетический критерий сельскохозяйственного районирования. Мы хорошо знаем, что все эти факторы, в достаточной степени изменчивые, развивались повсеместно в теснейшей зависимости и взаимодействии между собой. Поэтому, изучая весь комплекс их в целом, мы сможем понять закономерности их географического размещения только в связи с историей происхождения и развития таких территориальных комплексов.

Наиболее независимой переменной в ряду интересующих нас факторов плодородия земли является солнечная энергия, приносимая к нам извне, из мирового пространства. Но и она ни в какой мере не может рассматриваться как постоянная величина во времени или пространстве. Даже за сравнительно короткий период в несколько тысячелетий от последнего оледенения до наших дней приток солнечной энергии к поверхности нашей планеты колебался в таких пределах, которые достаточны для колебаний плодородия почвы от нуля до современного уровня. В пространстве этот приток солнечной энергии, как известно, колеблется от полюса к экватору не менее резко. И даже в пределах одних и тех же широт количество отдаваемой почве солнечной энергии непостоянно, поскольку оно заметно варьирует от высоты над уровнем моря и местного рельефа каждого данного района. Однако, отвлекаясь от этих вариаций местного значения и руководствуясь общей закономерностью распределения солнечной энергии с нарастанием ее в направлении с севера на юг, мы в основу естественноисторического районирования нашей страны положим расчленение ее на ряд больших зон широтного распространения.

[1] «Труды совещания по организации опытного дела». СПб., 1908, стр. 291; Н. С. Книпович. К методологии районирования. М., 1921, стр. 38.
[2] «Труды Совещания по сельскохозяйственному районированию». 1921, стр. 65.

Следующим по значению фактором плодородия земли является количество влаги, которое она получает для растворения наличных в почве питательных веществ и питания ими того или иного растительного покрова. Влага необходима для жизни растений не в меньшей мере, чем тепло и свет. Но снабжение ею растений требует больших затрат солнечной энергии и потому является в известной мере уже вторичным фактором, подчиненным пространственному распределению энергетических ресурсов. Непрерывный ток воды через растение, питающий его своими растворами и регулирующий необходимую для него равномерность термодинамических условий жизни, поддерживается лишь испарением этой воды с рабочей поверхности растений за счет энергии солнца. Мощность этого тока является одним из важнейших условий высокого плодородия. И в той мере, в которой она определяется энергией солнца, плодородие почвы имеет тенденцию непрерывного роста в направлении от Арктики к тропикам. Являясь функцией двух переменных, мощность этого тока для своего нарастания требует, однако, не только достаточных энергетических источников, но и достаточных ресурсов самой влаги, подлежащей испарению. Размещение же этих последних в нашей стране подчинено совсем иной закономерности.

Территория СССР на огромном пространстве одной шестой всей суши, протяжением с запада на восток свыше 8,5 тыс. км, представляет собой целый континент со всеми градациями континентального климата. Внутренние моря СССР могут служить лишь подсобными источниками влаги местного значения. Северный Ледовитый океан по условиям испарения в Арктике не приносит к нашим берегам сколько-нибудь заметных осадков. Таким образом, все осадки на нашей территории черпаются в основном только из двух мощных источников — Атлантического и Тихого океанов. А если учесть господствующее направление ветров, то придется признать, что до четырех пятых этой громадной территории снабжается влагой из одного лишь источника — Атлантики. С удалением от этого источника к востоку количество влаги, приносимой воздушными течениями, естественно убывает. В связи с этим возрастают колебания годовых, сезонных и суточных температур и прочие признаки континентальности климата. При прочих равных условиях убыль влаги и нарастание колебаний метеорологических условий сказывается обычно вполне закономерным снижением средне многолетнего уровня урожайности с одновременным повышением степени колеблемости ее по отдельным годам. Эта вторая тенденция служит нам основанием для дополнительного расчленения СССР в процессе ее районирования помимо широтных зон на крупные части, располагающиеся с запада на восток.

Рубежи районов

Пересечение горизонтальных зон с вертикально рассекающими карту полосами, которые по размерам занимаемой ими площади можно назвать целыми странами, образует основную сетку естественноисторических провинций, подлежащих дальнейшему расчленению на более мелкие округа и их подразделения. Качественная однородность образованных таким образом провинций не ограничивается, конечно, одними лишь климатическими условиями снабжения их солнечной энергией и влагой. Дело в том, что указанные факторы являются решающими и для *генезиса* того или иного почвенно-растительного покрова соответствующих провинций. При этом процессы почвообразования теснейшим образом связаны с развитием и сменами растительного покрова. Как известно, на каждой ступени своего развития почвенный покров в этой взаимосвязи не только определяет собой состав питаемой им растительности и ее очередные смены, но и сам определяется в своем

химическом составе, содержании деятельного перегноя и физической структуре этими сменами типов растительности и накопляемыми продуктами ее распада. Таким образом, однородность климатических условий в пределах отдельных естественноисторических провинций приводит, в конечном счете, и к известной однородности и специфичности их почвенного состава и естественного покрова растительности.

Понятно, такую однородность не следует преувеличивать. В пределах значительных провинций она, несомненно, частенько нарушается и закономерными переходами в иные качества в пограничных стыках с другими провинциями и более случайными местными колебаниями микроклимата и микрорельефа. Достижение большей однородности, с учетом и этих местных особенностей климата и рельефа и соответствующих им почвенно-ботанических разностей, возможно лишь путем дальнейшего дробления провинций на округа и более мелкие ступени микрорайонирования. Особыми закономерностями и наименьшей однородностью своих слагающих отличаются страны высокогорного рельефа. Здесь уже и тепло, и влага, и почва, и растительность, и общий эффект их продуктивности, подчиняясь специальной вертикальной зональности, являются функцией одной и той же переменной — высоты над уровнем моря. Здесь уже геоморфология все определяет. Все показатели меняются здесь вместе с рельефом быстро и резко, и отобразить все эти смены можно только в порядке весьма расчлененного микрорайонирования. Во всяком случае к расчленению таких стран требуется особый подход. Но на общем фоне равнинного рельефа СССР отдельные горные цепи не отменяют, конечно, а лишь модифицируют вышеуказанные общие закономерности размещения естественных ресурсов плодородия нашей страны.

В экспериментальной обстановке такие факторы плодородия, как лучистая энергия солнца, влага, минеральные элементы почвы и органические продукты распада растительного ее покрова, можно расчленять для того, чтобы, изменяя их интенсивность и пропорции, изучить сравнительную их эффективность и наивыгоднейшие сочетания. При этом давно уже установлено агрономической наукой, что «ни один из факторов жизни растений не может быть заменен никаким другим» и что с этой точки зрения «все факторы жизни растений безусловно равнозначимы». Говоря иначе, «растения для своей жизни требуют одновременного и совместного наличия или такого же притока всех без исключения условий или факторов своей жизни» [1]. Именно поэтому наибольшие прибавки урожая дает повышение того фактора, который находится в минимуме при данном их сочетании, и только до тех пор, пока он в минимуме. Избыток тепла без влаги, или влаги без тепла, или удобрений без тепла и влаги может привести даже к отрицательным результатам. Именно поэтому последовательные затраты усилий, направленные на повышение одного лишь из факторов плодородия при неизменности других, даже в лучшем случае могут сопровождаться лишь убывающими прибавками урожая. И наоборот, как показывает опыт, этот мнимый «закон» убывающего плодородия теряет силу, и затухающая кривая урожайности сменяется восходящей, как только вместо одного из факторов плодородия мы повышаем интенсивность действия их совокупности в надлежащем их сочетании.

В природной обстановке факторы плодородия редко сочетаются в оптимальных для него соотношениях. Поэтому разумное вмешательство человека, направленное по наивыгоднейшим линиям агротехнического

---

[1] В. Р. Вильямс. Почвоведение. Земледелие с основами почвоведения. М., 1949, стр. 25.

воздействия, может дать огромнейшие производственные эффекты. Нужно лишь твердо знать, чего именно и в какой мере не достает в наличном сочетании естественных ресурсов каждого района, чтобы наименьшей ценой приблизить его к возможному для данного места оптимуму. Конечно, не всякий дефицит в природных ресурсах одинаково поддается возмещению усилиями человека. Легче всего, т. е. всего дешевле, восполняются такие частные недочеты почвы, как относительный дефицит в ней калия, фосфора или азота; гораздо труднее и дороже ликвидируются природные дефициты или избытки влаги; и совсем уже утопичной затеей было бы плановое возмещение местных дефицитов солнечной энергии в естественной обстановке, вне парников и оранжерей. Климатические факторы приходится отнести к числу наименее поддающихся управлению человеком естественных ресурсов сельского хозяйства. Вот почему именно с их размещением прежде всего и приходится считаться при сельскохозяйственном районировании. Но из этого вовсе еще не следует, что для конкретного отграничения одних районов от других наиболее пригодны именно климатические признаки. Природные ресурсы всегда даются нам в исторически сложившихся комплексах, в которых любой компонент вполне определяется сопряженным с ним целым, а потому и сам может стать определяющим его признаком.

В установлении точных границ естественноисторических районов всегда много условного. Дело в том, что твердые и прочные границы вообще «не совместимы с теорией развития», как это отмечал уже Ф. Энгельс. Диалектика развития «где,— по словам Энгельса,— все различия сливаются в промежуточных ступенях, все противоположности переходят друг в друга через посредство промежуточных членов» [1], учит нас не слишком фетишизировать и те границы, которыми мы расчленяем наши естественноисторические районы. Но не следует и слишком упрощать себе эту задачу. Соединенные Штаты Америки, как известно, разграничены между собой в основном прямыми линиями градусной сетки. Исходя из непрерывности изменений в пространстве всех факторов плодородия, можно было бы, не затрудняя себя излишними исследованиями, и естественноисторическое районирование нашей страны свести лишь к более или менее дробному использованию градусной сетки. Однако непрерывность изменения интенсивности тех или иных природных ресурсов во времени и пространстве отнюдь не означает еще равномерности этих изменений. Накопление их имеет свои максимумы и минимумы, оно то замедляется, то ускоряется, то и дело сопровождаясь скачкообразными переходами количества в качество. Марксистская наука не может игнорировать такие факты. Учет их избавляет нас от произвола в выборе тех или иных случайных границ. Те линии, где меняется направление развития и самое качество фактора, являются для нас не случайными, а естественными рубежами районирования. Нахождение их и составляет ближайшую нашу задачу.

Наименее осязательны границы колебаний теплового баланса районов СССР. Диапазон этих колебаний очень велик. Количество тепла прямой солнечной радиации, получаемого за год на 1 см^2 в бухте Тихой (80,3° с. ш.), едва достигает 14,5 ккал., в Якутске (62,1° с. ш.) оно поднимается уже до 53, а в Ташкенте даже до 102,7 ккал., с увеличением в семь раз против бухты Тихой. Но переходы от одного теплового уровня к другому на всем этом протяжении весьма постепенны, и в качестве вполне осязательного естественного рубежа на нем можно отметить лишь границу вечной мерзлоты подпочвенного слоя, расчленяю-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 527.

щую север СССР на два довольно различных в агротехническом отношении климатических пояса.

В колебаниях водного баланса районов нащупывается уже несколько таких естественных рубежей. Прежде всего к их числу следует отнести ту линию минимумов водных осадков, которая делит СССР в долготном направлении на две неравные части по водоразделу влияний Атлантического и Тихого океанов в Забайкалье. Естественным порогом различий водного баланса являются также (в том же долготном направлении) Уральский горный хребет и некоторые другие, за которыми количество осадков падает сразу довольно заметными скачками. В широтном направлении такими же естественными рубежами районообразующего значения можно считать линии — рубежи максимумов: стока — на широте около 64-й параллели, осадков — около 60-й параллели и испарения еще южнее, на 52—56-й параллелях. Гораздо ощутимее, однако, и многообразнее те естественные рубежи, которые представляют собою качественные переходы в пространстве почвенных и геоботанических разностей. Именно поэтому они особенно пригодны и удобны в качестве конкретных признаков для установления границ естественноисторического районирования.

Исходя из внутренней генетической взаимосвязи всего комплекса районообразующих признаков, мы можем отмести проблему «относительной важности отдельных признаков». Качественное изменение любого из них, как показывает нам прямое наблюдение, может служить показателем существенных изменений и всего комплекса. Существенные изменения климата и рельефа в пространстве всегда находят свое отображение в соответствующих почвенных сдвигах, почвенные — в геоботанических и т. д. «Дикорастущие растения, в течение веков приспособляющиеся к местным почвенно-климатическим условиям, дают нам, с точки зрения ботаников, в готовом виде синтез всех этих условий, наиболее беспристрастную их оценку» [1]. Подобно этому почвовед, усматривая в почвообразовательных процессах синтез климатических и геоботанических условий, может предложить нам свои признаки районирования, а мы вправе, без всякой эклектики, сочетать и те и другие, так как они лишь восполняют и уточняют друг друга.

В самом деле, возьмем хотя бы границу между лесной и лесостепной зонами. Осязательнее всего она определяется ботаническими признаками. Но почвоведы устанавливают, что эта южная граница лесов есть в то же время почвенный рубеж между подзолами и черноземами. А гидрологи к этому добавляют, что та же граница в основном совпадает с гребнем максимумов испарения. Конечно, такие совпадения не случайны. Сопоставляя результаты почвенного и ботанического районирования СССР, проведенного совершенно самостоятельно в двух различных институтах Академии наук СССР, легко убедиться, что совпадают у них не только отдельные естественные рубежи, но и вообще все очертания основной сетки районов. И это понятно: в основе этих вариантов лежат одни и те же комплексы природных условий, исторически определивших собой, на базе данных разностей теплового и водного балансов, и соответствующее им своеобразие почвенно-ботанического профиля каждого района. Понятно также, что такие варианты сеток, построенные по разным признакам, при всем их сходстве не могут быть тождественными. Препятствуют этому и различная степень изученности этих признаков и различная их дробность.

Теоретически, скажем, лесная зона должна бы совпадать с границами подзолистых почв, лесостепная — с границами распространения оподзо-

---

[1] В. В. Винер. Проект организации порайонного изучения сельского хозяйства с картой. СПб., 1908.

ленных почв лесостепи, степная — с черноземами, сухостепная — с каштановыми почвами и пустынностепная — с буроземами и т. д. Если в практике районирования по разным признакам получается некоторое расхождение этих границ, то его можно признать результатом случайно привходящих обстоятельств или следствием недостаточности точных наблюдений соответствующих признаков на данном участке территории. Но при дальнейшем разделении зон на провинции и округа весьма четким качественным разностям почв могут соответствовать лишь количественные разности растительного покрова. Например, подразделения подзолистых почв по механическому составу на супеси, суглинки, глины и т. д. могут сказаться в лесной зоне лишь тем или иным количественным перевесом хвойных насаждений над лиственными или обратно. Однако нередко мало ощутимые количественные изменения почвенно-климатических условий могут оказаться достаточными для очень четкой, в качественном отношении, смены растительного покрова. В поисках естественных рубежей районирования мы всегда предпочитали, разумеется, те границы, которые отмечены переходом количества в качество, т. е. резко обозначены и не требуют от нас для своего установления излишних условностей и личного произвола.

Таковы основные установки, из которых мы исходили, пользуясь материалом специальных работ по районированию, для посильного синтеза их в общей схеме естественноисторического районирования сельскохозяйственных ресурсов.

2. ИТОГИ РАЙОНИРОВАНИЯ

Размещение земельных угодий

На всем пространстве, занимаемом СССР [1], учтено 2088 млн. га более или менее освоенных, а частью и вовсе еще не освоенных сельским хозяйством земель. По степени освоения и интенсивности использования эта площадь подразделяется на категории угодий, приведенные в табл. 1.

Таблица 1

Земельные угодья СССР к 1939 г.

Категории угодий	Площадь в натуре		В переводе на пашню		Норма использования, в %
	млн. га	%	млн. га	%	
1	2	3	4	5	6
Садово-огородные угодья	15	0,7	60	14,2	400
Пашни и перелоги	205	9,8	205	48,6	100
В том числе под посевом	135	6,5	—	—	—
Пастбища и сенокосы	338	16,2	101	23,9	30
Леса и кустарники	800	38,3	56	13,3	7
Итого удобной земли	1358	65,0	422	100,0	31
Неудобные земли	730	35,0	—	—	0
Всего угодий	2088	100,0	422	100,0	20

[1] В границах 1939 г., т. е. без прибалтийских республик, Бессарабии и западных районов Украины и Белоруссии, с включением этих районов в границах 1940 г. площадь повышается до 2204 млн. га.

Различная хозяйственная значимость угодий по зонам определяется не столько качеством почвы и прочими природными условиями, сколько мерой интенсивности их использования человеком. Дикую лесную тайгу ценой известных затрат труда человек превращает и в культурные сенокосы, и в богатейшие нивы, и в цветущие сады, причем одна и та же почва, изменяясь по воле человека, дает извлекать из себя возрастающие массы все более ценных продуктов. Так, лесная площадь, поспевая для рубки в 60—80 лет один раз, даст в качестве естественного прироста за год в среднем до 1 т дешевой древесины с гектара, а культурный луг дает уже в полтора раза больше по весу и раза в два-три больше по стоимости животного корма, средняя пашня дает в два-три раза больше по весу еще более ценного продовольствия и корма, а в садах и огородах не трудно извлечь с гектара и 10—20 т ценнейших пищевых продуктов. Даже самые гиблые болота и бесплодные пустыни можно превратить в превосходные нивы и сады, но все это стоит большого и притом неравного в разных природных условиях труда. Естественно поэтому, что в первую очередь и наиболее широко используются те естественные угодья и в тех природных условиях, которые требуют для своего освоения и эксплуатации наименьших затрат труда. И если для использования лесных площадей, в условиях безмашинного труда, требуется в среднем около 2 человеко-дней на гектар, на гектар пастбищ и сенокосов от 7 до 14 человеко-дней, на гектар пашни до 28 дней, а на такую же единицу площади приусадебных культур еще раза в 4 больше, то вполне понятно, почему у нас еще так мало пашни и совсем уже ничтожная площадь под садами и огородами.

Средний уровень распаханности наличных площадей по всему СССР, равный 10% до войны, следует признать крайне низким. Еще меньше площадь под посевами, едва достигавшая в 1939 г. 6—7% всех земельных угодий. Но и с этой площади мы собирали больше хлеба, чем потребляли в стране, что свидетельствует о наличии у нас огромных земельных резервов.

Вдвое шире площадь травопользования и еще в 2—3 раза шире площадь лесных угодий. Но интенсивность их использования ниже чем пашни. И если все удобные земли перевести по хозяйственной их значимости, исходя из сравнительной нормы потребных им трудовых затрат, на пашню, то средняя норма интенсивности их использования составит — около 0,3 того уровня, который принят нами для пашни. Конечно, при наших земельных богатствах и сравнительно малой средней плотности населения можно объяснить столь низкие нормы использования этих богатств. Но с ними нельзя мириться. Мы располагаем огромными резервами плохо использованных земельных угодий и, умело пользуясь рычагами механизации земледельческого труда в коллективном хозяйстве, можем и должны их возможно скорее использовать.

Однако средние по всей стране показатели еще очень мало подвигают нас к действительному познанию наших природных ресурсов. Эти показатели весьма изменчивы с изменением природных условий, и уже поэтому их следует изучать в разрезе естественноисторических зон и провинций. Распределение земельных угодий СССР по широтным зонам и горным странам с вертикальной зональностью показано в табл. 2.

По общей площади угодий львиную долю, до 0,4 всей площади Союза, занимает лесная зона, а следующие за ней места принадлежат лесотундре и тундре. Но по размерам пашни первые места остаются за лесостепной и степной зонами; в лесостепной сосредоточено 31%, в степной — 25, а в общем — свыше 56% всей пашни страны.

Наиболее высок здесь и процент распаханности: в степной зоне до 52%, в лесостепной — 40% площади всех угодий.

В этих же зонах мы видим и наиболее значительный процент площади под садами и огородами.

Таблица 2

Распределение земельных угодий СССР к 1939 г.

Зоны и горные страны	Число провинций	Общая площадь		Угодья, в % к итогу по зонам								Норма использован. удоб. земли, %
		млн. га	%	садово-огородные	пашня и перелоги	в том числе под посевом	пастбища и сенокосы	лес и кустарники	итого удобной земли	неудобные земли	всего	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I. Широтные зоны												
Тундровая	5	193	9,3	0,0	0,0	0,0	0,2	0,0	0,2	99,8	100	—
Лесотундровая	7	321	15,4	0,0	0,0	0,0	1,2	50,0	51,2	48,8	100	7,4
Лесная	17	819	39,2	0,4	4,1	3,0	5,2	65,2	74,9	25,1	100	16,2
Лесостепная	6	160	7,7	3,4	40,0	30,5	17,5	24,2	85,1	14,9	100	71,8
Степная	6	101	4,8	3,6	51,8	34,5	29,4	5,1	89,9	10,1	100	85,0
Сухостепная	5	59	2,8	1,0	26,5	13,5	52,3	3,2	83,0	17,0	100	57,0
Пустынностепная	3	82	3,9	0,3	10,4	3,5	63,1	0,5	74,3	25,7	100	43,7
Пустынная	7	175	8,4	0,1	3,4	1,1	50,4	4,1	58,0	42,0	100	36,2
Итого по зонам	56	1910	91,5	0,7	9,4	6,4	14,4	39,2	63,7	36,3	100	30,2
II. Горные страны												
Крымско-Кавказская	5	29	1,4	3,0	20,5	15,0	38,0	24,0	85,5	14,5	100	54,8
Средне-Азиатская	6	76	3,6	0,7	14,3	6,4	51,3	7,4	73,7	26,3	100	47,3
Саяно-Алтайская	2	73	3,5	0,7	11,9	5,3	18,8	53,4	84,8	15,2	100	29,1
Итого по странам	13	178	8,5	1,1	14,9	7,3	35,8	29,0	80,8	19,2	100	39,0
Всего по СССР	69	2088	100,0	0,7	9,8	6,5	16,2	38,3	65,0	35,0	100	31,0

Таблица 3

Размещение сельскохозяйственных угодий с запада на восток в 1939 г.

Страны с запада на восток	Общая площадь, млн. га	Угодья, в % к итогу по странам									Норма использования удобн. земли, %
		садово-огородные	пашня и перелоги	в том числе под посевом		пастбища и сенокосы	леса и кустарники	итого удобной земли	неудобные земли	всего	
				в % гр. 2	в % гр. 4						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Восточно-Европейская равнина	411	2,8	30,7	24,6	80,2	20,0	30,5	84,0	16,0	100	50,2
а) западная полоса	70	6,6	47,2	42,0	89,3	14,3	18,6	86,7	13,3	100	91,2
б) центральная »	132	3,9	41,8	35,3	84,3	16,4	26,6	88,7	11,3	100	72,5
в) восточная »	209	1,0	18,2	12,0	66,0	23,9	37,1	80,2	19,8	100	40,0
Горная страна Урал	40	0,6	11,0	6,2	56,0	24,0	34,4	70,0	30,0	100	32,3
Западно-Сибирская низменность	287	0,3	10,8	0,5	43,2	12,5	33,1	56,7	43,3	100	31,9
Средне-Сибирская	370	0,0	0,3	0,15	53,7	1,5	61,0	62,8	37,2	100	8,1
Забайкальская горная	128	0,1	1,7	0,6	35,3	5,9	73,6	81,3	18,7	100	11,1
Дальне-Восточная горно-низменная	92	0,2	3,0	0,9	29,4	6,4	61,0	70,6	29,4	100	14,1

Уже из этого можно заключить, что именно в этой естественноисторической зоне мы располагаем наиболее благоприятными природными условиями для земледелия. Луга и пастбища достигают своего высшего развития южнее, а леса — севернее этой полосы. Именно в ней мы наблюдаем минимум не использованных в сельском хозяйстве земельных угодий и максимум интенсивности использования остальных.

Если принять за норму труда интенсивность затрат на один гектар пашни, то в степной зоне до 90% всех угодий используется с интенсивностью, достигающей примерно 85% этой нормы, причем и к северу и к югу от этого максимума доля удобной сельскохозяйственной площади и средняя интенсивность ее использования закономерно снижаются.

Следует отметить, что и плотность сельского населения, исчисленная для наших зон по данным последней переписи, в своем размещении подчинена той же закономерности: сначала резко возрастает с севера на юг, а затем также последовательно падает. Максимума своей плотности сельское население достигает в лесостепной зоне на богатых черноземах. Едва ли совпадение максимума плотности сельского населения с максимумом естественного плодородия почвы случайно. Конечно, почвенные богатства привлекали к себе население.

Столь же тесная и закономерная связь между показателями распаханности и общей интенсивности использования всех сельскохозяйственных угодий, с одной стороны, и плотностью населения, т. е. количеством наличного труда на единицу площади, с другой, наблюдается у нас и в другом направлении, с запада на восток. Если в этом направлении ограничиться только крупнейшими странами, оставляя в стороне такие пространства Крайнего Севера, как Колымо-Охотская и горная Коряко-Камчатская с нулевым землеиспользованием по пашне, а также некоторые страны засушливого юга Средней Азии, то получается следующая картина (табл. 3).

С продвижением на восток вплоть до Байкала плотность населения, а вместе с тем степень распаханности и все другие показатели интенсивности землеиспользования резко падают, с минимумом в Восточной Сибири, на Средне-Сибирской плоской возвышенности, а далее, с приближением к восточным морям, снова несколько возрастают. Здесь, стало быть, эти минимумы распаханности и плотности населения совпадают географически с максимумом сухости и континентальности климата на той же Средне-Сибирской возвышенности. И это не случайно. С возрастанием сухости воздуха возрастают и трудности для земледелия, а вместе с тем сокращаются и возможности прокормиться от земли для населения значительной плотности.

Отмеченная выше закономерность в развитии географического размещения земледельческого населения СССР в соответствии с размещением природных ресурсов обусловлена исторически. Туда, где природа оказалась щедрее и могла предоставить больше угодий, годных для эксплуатации без значительных предварительных затрат труда, и устремлялось больше населения. А затем, получив здесь возможность прокормиться и уплотнившись до соответствующей нормы, население находило пути к более интенсивному использованию уже освоенных угодий и дальнейшему их расширению, чем в свою очередь создавалась хозяйственная база для большего уплотнения земледельческого населения, а стало быть, и для дальнейшей интенсификации земледелия.

Известный толчок этому движению дают потенции естественного плодородия наиболее богатых природных зон и участков, но затем, по мере их использования, избыточное население переходило, конечно, и к менее плодородным участкам, постепенно увеличивая их плодородие своим трудом.

Но если раньше стихийный процесс перемещения трудовых потоков населения к новым источникам неиспользованных еще природных ресурсов протекал крайне медленно и с малым эффектом, то в наше время мы располагаем иными возможностями. Рычаги планового воздействия позволяют нам сознательно наметить такое размещение механизированного земледельческого труда для возможно полного и равномерного использования всех наших земельных ресурсов в соответствии с наличными потребностями, которое в огромной степени ускорит эффективное разрешение этой задачи.

Из данных табл. 3 достаточно ясно вытекает влияние фактора континентальности на размещение угодий. Полное его действие, однако, может сказаться лишь при прочих равных условиях для сопоставляемых стран. В какой мере это условие соблюдено в нашем случае для стран столь различного масштаба и положения,— сказать трудно. Поэтому лучше взять для сопоставления более сравнимые в почвенно-ботаническом отношении территории, например провинции одной и той же зоны. Для указанной цели возьмем лишь два ряда провинций, расположенных с запада на восток вдоль южной границы лесов. Из лесной зоны сюда войдет лишь более южная подзона — 8 провинций из 17, из лесостепной все ее 6 провинций. За исключением момента различной континентальности все остальные природные условия для каждого из этих двух рядов можно считать достаточно близкими и однородными. Посмотрим же, как меняются с запада на восток наши показатели использования угодий в этом центральном поясе СССР (табл. 4).

Таблица 4

Сельскохозяйственные угодья лесной и лесостепной зоны СССР в 1939 г.

Провинции вдоль южной границы	Общая площадь, млн. га	Угодья, в % к итогу по провинциям						Норма использования с.-х. угодий, %
		сады, огороды, усадебные земли	пашни и перелоги	луга и пастбища	леса и кустарники	итого с.-х. угодий	тундры, болота, пески и пр.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Лесная зона								
Полесская (Минск) . .	18,7	4,7	34,3	19,3	30,8	89,1	10,9	69,2
Московско-Окская (Москва)	31,5	3,2	27,6	21,1	38,0	89,9	10,1	56,1
Предуральская (Киров)	32,8	1,5	22,3	11,3	58,0	93,1	6,9	38,0
Горно-лесная Уральская (Свердловск)	14,6	0,6	3,8	6,8	75,3	86,5	13,5	15,8
Западно-Сибирская (Новосибирск)	125,0	0,07	1,0	2,7	51,4	55,2	44,8	10,5
Восточно-Сибирская(Иркутск)	114,8	0,07	0,8	0,8	75,2	76,9	23,1	8,6
Байкало-Витимская . .	79,0	0,06	1,1	3,4	76,9	81,5	18,5	9,6
Амуро-Уссурийская (Николаевск)	50,5	0,3	5,3	10,8	61,0	77,4	22,6	18,6
Лесостепная зона								
Украинская (Киев) . .	16,8	10,3	60,3	8,5	10,4	89,5	10,5	117,3
Центральная (Курск) .	41,8	6,1	60,2	10,0	17,3	93,6	6,4	95,2
Заволжско-Уфимская (Уфа)	23,3	2,4	48,1	14,0	30,0	94,5	5,5	68,3
Южно-Уральская (Челябинск)	10,9	0,8	25,6	38,1	25,0	90,5	9,5	49,0
Обь-Иртышская (Томск)	53,0	0,9	25,0	20,5	26,0	72,4	27,6	51,4
Селенгино-Ононская (Чита)	14,6	0,4	9,4	29,5	44,6	83,9	16,1	28,5

Закономерность параллельного движения показателей интенсивности земледелия с запада на восток с возрастанием и падением континентальности климата соответствующих провинций бросается здесь в глаза. Следует лишь заметить, что две последние провинции лесной зоны, простирающейся вплоть до Тихого океана, явно испытывают возрастающее влияние этого океана. Лесостепная же зона, выходя из пределов СССР уже за Читой, далеко от океана, никакого влияния восточных морей в границах Союза еще не испытывает.

Природные условия западных провинций в обеих зонах, по-видимому, заметно благоприятнее для земледелия, по сравнению с восточными. На западе и распаханность земель в несколько раз выше, чем на востоке, и посевные площади возрастают еще быстрее, чем пашни, а доля наиболее интенсивных садово-огородных культур обгоняет и рост полевых посевов. Так, на черноземе лесостепи, от Киева до Читы, распаханность уменьшается с 60,3 до 9,4%, т. е. в 6,4 раза, доля посевов — с 51,1 до 3,2%, в 16 раз, а процент садово-ягодных культур — даже еще больше, в 26 раз.

Еще более резкие сдвиги в том же направлении от Минска до Иркутска можно наблюдать на подзолистых почвах лесной зоны. Здесь еще быстрее сокращается продуктивная площадь за счет роста неудобной земли, лесной тайги и плохо используемых пастбищ. Вместе с тем с запада на восток возрастает, даже на черноземах, доля бесплодно отдыхающей под паром и перелогом распаханной земли. Под Киевом на 100 га посева приходится всего 18 га пара, за Волгой — около 50, а за Читой уже 193 га залежей и пара. Меняется, стало быть, не только объем, но и самая система земледелия — от многопольного севооборота под Киевом до залежно-переложной системы за Читой.

Одновременно в том же направлении вместе с интенсивностью земледелия падает и плотность сельского населения. Но увеличение плотности населения к западу значительно обгоняло рост интенсивности использования этим населением местных сельскохозяйственных ресурсов. И это создавало наличие земледельческого перенаселения в западных провинциях по сравнению с восточными. Так, если на протяжении от Читы до Киева продуктивная площадь в переводе на пашню возрастает от 28,5 до 117,3% всей удобной земли, т. е. всего в 4 раза, то плотность земледельческого — в 15—16 раз. Из расчета же на 1000 га одной лишь усадебной и полевой пашни это даст рост населения в 21,5 раза. Сельскохозяйственных машин под Киевом больше, чем в районе Читы. Значит, на Киевщине и в смежных с ней областях до войны существовал определенный избыток рабочих рук по сравнению с более восточными провинциями, и, следовательно, была полная возможность известной переброски этого избытка населения с запада на восток для более полного использования имеющихся там земельных ресурсов.

Сельскохозяйственное использование нашего севера в границах тундры и лесотундры, как видно было уже из табл. 2, совершенно ничтожно. Не велико оно и в остро засушливых провинциях пустынной зоны на юге, где его трудно повысить без дорогостоящего искусственного орошения. К тому же на орошаемых землях выгоднее выращивать более дорогие технические культуры, чем рядовые продовольственные хлеба. Наши дальневосточные окраины гораздо перспективнее, но они слишком удалены от жизненных центров страны, чтобы стать вполне надежной базой для их продовольственного снабжения. Поэтому особенного внимания в нашем анализе заслуживает прежде всего обжитая часть Восточно-Европейской равнины и ближайшие к ней провинции Урала, Западной Сибири и Казахстана. Горнозаводской Урал уже стал важнейшей кузницей оружия во время Великой Отечественной войны с немецкими захватчиками. Но, учитывая его природные ресурсы, можно думать, что, с включением Западного и Восточного Приуралья, он вскоре станет и надежней-

шей продовольственной базой на Востоке. Присмотримся же к этим ресурсам более детально, в разрезе провинций, и проследим их сдвиги с севера на юг и с запада на восток. Начнем с основного массива — Восточно-Европейской равнины (табл. 5).

Таблица 5

Угодья Восточно-Европейской равнины в 1939 г.

Полосы и провинции	Общая площадь, млн. га	Угодья, в % к итогу по провинциям: садово-огородные	пашни и перелоги	в том числе под посевом: в % гр. 2	в том числе под посевом: в % гр. 4	пастбища и сенокосы	леса и кустарники	итого удобной земли	неудобной земли	всего	Норма использования удобной земли, % ср. нормы
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Западная полоса	69,8	6,6	47,2	42,0	89,3	14,3	18,6	86,7	13,3	100	91,4
Прибалтийская лесная	14,0	2,4	17,7	12,8	72,3	18,2	35,2	73,5	26,5	100	47,8
Полесская »	18,7	4,7	34,3	32,1	93,7	19,3	30,8	89,1	10,9	100	68,6
Украинская лесостепная	16,8	10,3	60,3	59,7	99,2	8,5	10,4	89,5	10,5	100	116,0
Южно-Украинская степная	17,0	8,6	68,6	58,2	84,0	10,8	2,9	90,9	9,1	100	117,4
Северный Крым, сухостепная	3,3	4,7	64,8	48,9	75,5	20,5	2,0	92,2	7,8	100	107,7
Центральная полоса	132,3	3,9	41,8	35,3	84,3	16,4	26,6	88,7	11,3	100	73
Вологодская лесная . .	24,0	0,6	6,8	5,8	85,4	14,3	58,7	80,4	19,6	100	21,7
Московско-Окская » . .	31,5	3,2	27,6	24,5	89,1	21,1	38,0	89,9	10,1	100	54,8
Центральная лесостепная	41,8	6,1	60,2	50,0	83,2	10,0	17,3	93,6	6,4	100	95,0
Волжско-Донская степная	17,8	5,3	59,7	48,2	80,8	17,0	6,1	88,1	11,9	100	97,8
Предкавказская »	17,2	3,9	53,0	47,4	89,5	26,2	3,9	87,0	13,0	100	89,7
Восточная полоса	209,3	1,0	18,2	12,0	66,0	23,9	37,1	80,2	19,8	100	40
Канинско-Большеземельская	14,5	0,0	—	—	—	0,2	—	0,2	99,8	100	—
Печорская лесотундра	17,4	0,0	0,0	0,0	—	0,5	56,3	56,8	43,2	100	7,1
Двинско-Печорская лесная	50,3	0,1	0,8	0,6	80,7	3,0	80,6	84,5	15,5	100	10,6
Предуральская лесная	32,8	1,5	22,3	16,4	73,4	11,3	58,0	93,1	6,9	100	38,4
Заволжско-Уфимская лесостепная	23,3	2,4	48,1	35,8	74,6	14,0	30,0	94,5	5,5	100	68,6
Заволжская степная . .	9,1	2,5	63,0	38,4	60,8	22,6	5,2	93,3	6,7	100	89,7
Юго-восточная сухостепная	15,6	1,8	48,3	31,5	65,2	41,2	1,7	93,3	6,7	100	73,6
Нижне-Волжская пустынно-степная . . .	25,9	0,6	19,3	8,7	44,8	71,9	0,8	92,6	7,4	100	48,5
Прикаспийская пустынная	20,4	0,2	3,8	1,6	42,7	71,8	1,2	77,0	23,0	100	36,7
Итого по 19 провинциям	411,4	2,8	30,7	24,6	80,2	20,0	30,5	84,0	16,0	100	50,0

Анализируя показатели табл. 5, не трудно убедиться, что и в пределах Восточно-Европейской равнины наблюдаются те же закономерности в размещении населения и земельных угодий, какие мы уже видели и в более широких масштабах всего Союза. В каждой полосе данной страны интенсивность земледелия с севера на юг сначала возрастает вместе с плотностью населения, а затем снова падает. С продвижением же с запада на восток мы видим лишь неуклонное снижение тех же пока-

зателей. Правда, в восточную полосу, примыкающую к Уралу, вошли две северо-восточные совсем еще не обжитые провинции тундры и лесотундры и две мало обжитые юго-восточные провинции пустынно-степной и пустынной зон. Но если даже их вовсе исключить для большей сопоставимости с другими полосами Восточно-Европейской равнины, то это отнюдь не изменит вышеуказанной закономерности. Экономический интерес в этом сопоставлении полос представляют следующие итоги по Европейской равнине (табл. 6).

Таблица 6

Земельные ресурсы Европейской равнины

Земельные фонды, млн. га	Запад	Центр	Восток
1. Огородно-садовый	4,6	5,2	2,1
2. Посевной	29,4	46,6	25,1
Итого в активе	34,0	51,8	27,2
То же, в % общей площади	48,7	39,2	13,2
3. Пары и залежи	3,5	8,7	12,9
4. Пастбища и сенокосы	10,0	21,7	50,1
Итого в резерве	13,5	30,4	63,0
То же, в % общей площади	19,3	23,0	30,1

Как видим, даже в пределах европейской части Союза доля активно используемых земельных фондов в восточной полосе раза в 3—4 ниже, чем в западной. Зато тем больше здесь свободных резервов, годных для немедленного использования в земледелии, как только в этом встретилась бы надобность. Еще больше, однако, таких резервов дальше на восток, на Урале и за Уралом (табл. 7 и 8).

Таблица 7

Земельные ресурсы Восточной продовольственной базы СССР

Земельные фонды	Приуралье	Урал	Зауралье	Итого
Общая удобная площадь в млн. га	118,1	28,0	169,5	315,6
В том числе				
1. Усадебные земли	1,8	0,2	1,0	3,0
2. Посевная площадь	22,5	2,4	13,9	38,8
Итого в обработке . . .	24,3	2,6	14,9	41,8
3. Паров и залежей	9,6	1,9	20,8	32,3
4. Пастбищ и сенокосов	16,9	9,6	51,7	78,2
Итого в резерве	26,5	11,5	72,5	110,5

Границы наших провинций и стран, определявшиеся по сходству и различию почвенно-климатических и других условий, не совпадают с административными границами республик и областей. Тем нагляднее, однако, они показывают нам, сколь различные природные условия объединяют в себе зачастую наши административные области и экономические районы. Вместе с тем они значительно облегчают правильную оценку различных земельных фондов в каждом из этих районов и планомерное использование наиболее актуальных резервов. Так, в нашей табл. 8

Таблица 8

Угодья Урала и Зауралья (1939 г.)

Страны и провинции	Общая площадь, млн га	Угодья, в % к итогу по провинциям								Норма использования удобной земли, %
		садово-огородные	пашни и перелоги	в том числе под посевом	пастбища и сенокосы	леса и кустарники	итого удобной земли	неудобной земли	всего	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Горная страна Урал										
Уральская горно-тундр. провинция	8,8	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	100	—
» горно-лесная	14,6	0,6	3,8	2,7	6,8	75,3	86,5	13,5	100	5,6
Южно-Уральская лесостепная	10,9	0,8	26,6	16,2	38,1	25,0	90,6	9,5	100	47,4
Мугоджарская сухостепная	5,7	0,5	16,2	5,2	79,0	0,7	96,4	3,6	100	43,7
Итого	40,0	0,5	11,0	6,2	24,1	34,4	70,0	30,0	100	32,3
Западно-Сибирская низменность										
Ямало-Гыданская тундра	30,6	0,0	0,0	0,0	0,8	0,0	0,8	99,2	100	—
Обь-Енисейская лесотундра	35,1	0,0	0,0	0,0	6,0	38,4	44,4	55,6	100	10,1
Западно-Сибирская лесная	125,0	0,1	1,0	0,5	2,7	51,4	55,2	44,8	100	10,5
Обь-Иртышская лесостепная	53,0	0,9	25,0	13,8	20,5	26,0	72,4	27,6	100	50,5
Ишимо-Прииртышская степь	28,6	1,1	44,4	15,7	38,6	7,3	91,4	8,6	100	66,7
Тоболо-Иртышская сухостепная	14,6	0,7	25,9	6,2	56,0	9,1	91,7	8,3	100	50,2
Итого	286,9	0,3	10,8	4,7	12,5	33,1	56,7	43,3	100	31,8
Казахская складчатая страна										
Кокчетавская степь	5,6	0,3	27,1	4,3	47,7	4,7	79,8	20,2	100	51,3
Карагандинская сухостепная	25,7	0,2	8,6	1,2	60,8	0,9	70,5	29,5	100	39,2
Казахская пустынно-степная	38,5	0,1	6,8	1,5	48,4	0,6	55,9	44,1	100	37,0
Балхашская пустынная	11,3	0,1	3,1	0,6	51,7	0,2	55,1	44,9	100	34,5
Итого	81,1	0,14	8,3	1,3	52,8	0,9	62,1	37,9	100	39,6

сразу ясна малая актуальность в современных условиях земельных резервов столь мало обжитых провинций, как Северная горная на Урале или Ямало-Гыданская и Обь-Енисейская в Западной Сибири. Мало пригодны без орошения также резервы Казахской пустынно-степной и Балхашской пустынных провинций. Но и за изъятием из нашего поля зрения этих пяти провинций, Горный Урал (три провинции) со включением Европейского Приуралья (пять провинций) и Азиатского Зауралья (четыре провинции Западной Сибири и две провинции Северного Казахстана) представляет собой мощный массив земельных фондов для создания огромной продовольственной базы на востоке. Ресурсы этой восточной базы можно выразить следующими итогами (см. табл. 7).

Из 315 млн. га удобных земель по 14 учтенным здесь провинциям лесной и степной зон свыше 163 млн. га падает на леса. Но и за выче-

том их остается еще огромная площадь в 152 млн. га вполне пригодных для земледелия угодий, хотя до Великой Отечественной войны из них использовалось в земледелии не свыше 27%. В западной полосе Восточно-Европейской равнины у нас на 100 га усадеб и посевов приходится менее 60 га паров и пастбищ, а здесь, на востоке — 265 га, из которых, стало быть, не менее 200 без всякого ущерба для дела можно было бы пустить в обработку под посев. А это позволило бы по меньшей мере утроить посев, увеличив его на 87 млн. га. Плотность сельского населения в указанных 14 провинциях перед войной все же несколько превосходила среднюю норму по всему Союзу.

В подсчете резервов восточной продовольственной базы мы ограничились лишь наиболее доступными из них. Для того чтобы расширить посевной клин за счет паровой или залежной пашни, нужно лишь затратить некоторое добавочное количество труда. При достаточном удобрении в Западной Европе в севооборот включаются все 100% пашни. В западных провинциях СССР под парами отдыхает не более 12% от засеянной площади, а в Зауралье отдыхающая пашня возрастает уже до 150% от посева. Не ясно ли, что этот процент слишком велик и его очень легко в несколько раз уменьшить. Труднее распахивать целину пастбищ. Но и этот резерв, как нас учит опыт, можно без всякого ущерба для скотоводства в немалой мере использовать. В сущности говоря, и огромные лесные площади и даже пески и болота восточных провинций можно рассматривать как почти неисчерпаемый резерв для грядущих запашек. Но лес требует раскорчевки, а сыпучие пески и болота — орошения и осушения, и потому широкое использование их — дело будущего.

Энергоресурсы районов

Из природных факторов, определяющих сравнительную производительность различных естественноисторических зон и провинций, на первое место следует поставить лучистую энергию соответствующих районов. Солнце излучает на землю в виде прямой и рассеянной радиации огромное количество энергии. В наших широтах — от 70-й до 40-й параллели — это количество колеблется в пределах от 6 до 12 млрд. больших калорий за год на каждый гектар почвы. В переводе на тракторную тягу эта радиация эквивалентна работе целой сотни 30-сильных тракторов в течение круглого года по 12 часов в день на каждом гектаре. Но значительная доля этой энергии совершенно бесплодно днем и ночью излучается обратно земной поверхностью, рассеиваясь в межпланетном пространстве. Некоторая ее часть, однако, предварительно производит весьма важную работу по круговороту вод между океанами и сушей. Орошая растительный покров и почвы, этот круговорот поднимает известную долю вод из почвы вновь для испарения через стебли и листву растений. Попутно, извлекая из почвы и растворяя все питательные элементы, соответствующая доля радиации непосредственно служит питанию растений. Наконец, известная доля солнечной энергии прямо усваивается растениями в виде химической энергии накопляемого в них углерода. Последняя доля, впрочем, невелика. Так, например, дикий лес в своем ежегодном естественном приросте древесины осваивает и может вернуть нам в виде топлива едва лишь одну двухтысячную, или 0,05% излученной на его поверхность солнечной энергии. Правда, на пашне и в приусадебном хозяйстве человек своим сознательным вмешательством уже ныне может эту долю в несколько раз повысить.

Все основные элементы энергетического баланса различных районов весьма изменчивы во времени и пространстве. Даже прямая солнечная радиация определяется не только широтой места, но и такими переменными факторами, как облачность, прозрачность воздуха, его влажность.

Облачность и влажность с удалением от Атлантического океана падают, а число часов солнечного сияния возрастает. В результате этого приток энергии к почве с продвижением на восток в одних и тех же широтах заметно возрастает. Так, например, в Якутске, расположенном на 2° севернее Ленинграда и почти на 90° восточнее его, суммарная радиация дает почве на 20%, а прямая даже на 30% больше энергии, чем под Ленинградом.

Еще значительнее, конечно, изменения ее с севера на юг. Подсчитано, например, что число часов солнечного сияния в бухте Тихой (80° с. ш.) едва достигает 880, в то время как в Москве оно поднимается до 1560, а в Ялте даже до 2260 часов в году. К сожалению, даже приходные статьи энергетического баланса в районном разрезе плохо изучены, так как на весь Союз мы располагаем наблюдениями радиации всего по 22 пунктам. Еще меньше изучены расходные статьи того же баланса. А потому в дальнейшем мы ограничиваемся анализом размещения лишь некоторых важнейших его элементов, приведенных в табл. 9.

Таблица 9

Зональное размещение энергоресурсов

Зоны СССР	Солнечная радиация на 1 га, млрд. ккал.		Среднегодовая температура провинций, в градусах			Период с температурой выше 5°		
	за год	за май август	от	до	в среднем	число суток	средняя температура	сумма температур, в градусах
Тундра	6,5	4,5	−16,0	− 4,5	−10,8	65	8,0	520
Лесотундра	7,3	4,7	−12,5	− 1,5	− 7,7	100	10,4	1035
Лесная	8,0	5,0	− 9,0	+ 0,5	− 1,6	145	12,2	1770
Лесостепная	9,3	5,4	− 2,8	+ 7,5	+ 1,5	175	14,2	2490
Степная	10,5	5,8	+ 1,0	+ 8,8	+ 3,3	188	15,5	2907
Сухостепная	11,0	6,2	+ 1,0	+10,5	+ 4,4	185	16,0	2960
Пустынно-степная	11,5	6,5	+ 4,0	+ 6,8	+ 5,2	193	17,2	3310
Пустынная	12,0	6,8	+ 7,0	+15,5	+10,9	241	18,5	4468
По всем зонам	8,5	5,2	−16,0	+15,5	− 1,4	148	12,9	1900

Эти показатели составлены по многолетним данным всей метеорологической сети СССР. Но грубо осредненные по столь крупным территориям, как целые зоны, они, конечно, весьма условны.

Наличная сеть наблюдений для разных широт и долгот у нас очень неравномерна. Взвешивание средних показателей по общей площади провинций и округов, включая вовсе не используемые просторы, едва ли правильно, взвешивание их по одной лишь распаханной или по всей удобной площади, включая сюда леса и пастбища, дает различные результаты.

По странам вертикальной зональности, где на протяжении десятка километров мы имеем иной раз все переходы от субтропиков до пояса вечных снегов, мы вообще таких средних показателей не приводим ввиду их сугубой условности. Гораздо показательнее средние по более мелким территориям — провинциям и округам. Но и зональные колебания интенсивности проявлений солнечной энергетики с севера на юг выявляют некоторые весьма для нас интересные закономерности. Довольно резкий диапазон колебаний в нашей таблице наблюдается по линии среднегодовых температур. В среднем по провинциям они колеблются от −16 до +15,5° С, т. е. почти на 32°, и даже в среднем по целым зонам от −11 до +11°, а в сумме до 22°, причем свыше 60% всей территории Союза лежит в пределах среднегодовых температур ниже нуля. Однако этот огромный минус отнюдь не угрожает сельскохозяйственному использо-

ванию соответствующих территорий нашего Севера. Переходя к летнему периоду со среднесуточными температурами выше 5° С, допускающими вегетацию всех менее прихотливых культур, мы прежде всего увидим, что колебания средней температуры за этот период по всем зонам не достигают 11°, т. е. вдвое меньше, чем за весь год, а продолжительность этого вегетационного периода, при надлежащем подборе культур, вполне достаточна для их вызревания. Большое значение в агротехнике придают показателю суммы средних суточных температур за вегетационный период. И это понятно. Повышение этой суммы с продвижением на юг позволяет значительно расширить севооборот за счет более теплолюбивых культур на нашем юге — вплоть до египетского хлопчатника. Являясь произведением двух одновременно растущих показателей, сумма температур возрастает у нас к югу особенно резко.

Однако значение этого роста не следует преувеличивать. Большинство культур, вызревающих за период не свыше 70—150 дней, не нуждается в дальнейшем его расширении. А с другой стороны, число дней вегетационного периода на севере, без учета большей их продолжительности в летние месяцы, преуменьшает энергетические ресурсы северных зон. Если же обратиться к прямому их исчислению за май — август по сумме солнечной радиации, то в пределах наших зон с севера на юг они возрастают всего раза в полтора.

С запада на восток, вдоль южной границы лесов, мы располагаем следующими показателями температурных сдвигов (табл. 10).

Таблица 10

Температурные показатели с запада на восток

Зоны и провинции вдоль южной границы лесов	Среднегодовая температура	Период с температурой выше 5°		
		число суток	средняя температура	сумма температур
1	2	3	4	5
I. Лесная зона				
Полесская	+6,0	195	13,3	2590
Московско-Окская	+4,5	170	13,5	2290
Предуральская	+2,0	162	13,5	2190
Горно-Уральская лесная	—2,0	138	11,6	1600
Западно-Сибирская	—3,5	123	13,8	1700
Восточно-Сибирская	—6,0	122	12,3	1500
Байкало-Витимская	—4,0	130	13,1	1700
Амуро-Уссурийская	—4,0	160	14,4	2300
II. Лесостепная зона				
Украинская	+7,5	207	15,3	3170
Центральная	+5,0	184	14,7	2700
Заволжско-Уфимская	+1,5	169	15,2	2570
Южно-Уральская	—2,0	161	13,8	2220
Обь-Иртышская	0,0	156	14,0	2180
Селенгино-Ононская	—2,8	140	14,5	2030

Как видим, даже в пределах одних и тех же зон, при всем сходстве почвенно-ботанической структуры провинций, среднегодовая температура их, с продвижением с запада на восток до Байкала, падает довольно резко и вполне закономерно. Падают вместе с тем и продолжительность вегетационного периода с температурой выше 5° и сумма температур за весь этот период. И только средние летние температуры за тот же период дают довольно устойчивые ряды с некоторой даже тенденцией повышения к востоку.

Еще заметнее эта тенденция к повышению с запада на восток в показателях солнечной радиации за летние месяцы и даже за весь год. Мы уже отмечали такое явление по линии Ленинград — Якутск (60—62° с. ш.), где суммарная радиация за год возрастает к востоку с 7,1 до 8,5 млрд. ккал. на га. Южнее, от Минска (53,9° с. ш.) до Свердловска (56,8° с. ш.), который лежит севернее Минска и выше его над уровнем моря, годовая радиация возрастает все же с 8,5 до 8,8 млрд. ккал., а еще южнее, от Воронежа до Саратова, лежащих на одной и той же широте (51,7—51,6° с. ш.), тот же показатель поднимается с 9,4 до 10,5 млрд. ккал. на га. Среднегодовые температуры тем не менее падают к востоку. И это видимое противоречие полностью объясняется за счет более холодных зим и ночей в результате возрастающего диапазона колебаний сезонных и суточных температур в более континентальных восточных провинциях.

В подсчетах суммарной радиации учитывается лишь приход солнечной энергии, но вовсе не учитывается ее расход в ночные часы, особенно быстро возрастающий с удлинением ночей в зимнее время в условиях сухой и безоблачной атмосферы континентальных стран. Среднегодовые показатели температуры страдают другим дефектом. Учитывая в своих показаниях не только дневные максимумы, но и ночные минимумы температур, они игнорируют различную продолжительность дня и ночи в разных широтах и тем самым недооценивают лучистую энергию ряда зон и провинций. Вот почему для полного учета и оценки закономерностей размещения природных энергоресурсов земледелия необходимо использование всех имеющихся показателей. Среди них не последнее место принадлежит и сравнительной высоте разных провинций над уровнем моря. Если для снижения средней годовой температуры на равнине всего на один градус нужно продвинуться к северу не менее, чем на сотню километров, то в горной местности для такого же эффекта чаще всего достаточно подняться по вертикали всего на 100 м. Это обстоятельство должно быть между прочим учтено при анализе показателей табл. 10 в отношении таких провинций Урала, как Горно-лесная и Южно-Уральская. Благодаря возвышению над уровнем окружающих равнин на 200—300 м названные горные провинции своими температурными показателями несколько нарушают правильность приведенных в таблице рядов. Для восстановления полной их плавности, однако, достаточно было бы повысить среднюю годовую и летнюю температуры указанных провинций всего на 2—3°. Таким образом, видимое нарушение закономерности в динамике приведенных показателей с запада на восток целиком объясняется соответствующим подъемом лесной и лесостепной зон при пересечении их с горной страной Урала. Можно еще отметить, что в наиболее восточных провинциях лесной зоны, за Байкалом, падавшие до сих пор показатели суммы температур и числа дней вегетационного периода начинают снова возрастать. Но и этот поворот вполне закономерен, так как именно здесь, за Байкалом, наблюдается впервые и в других отношениях явный перелом от максимума континентальности к росту проявлений морских влияний Тихого океана.

Для того чтобы выразить какой-либо мерой все значение лучистой энергии солнца в качестве одного из факторов плодородия почвы, приведем некоторые экспериментальные данные агрономической науки. Разумеется, влияние этого фактора весьма различно в разных условиях увлажнения и богатства самой почвы химическими элементами питания. Поэтому оценивать его приходится в сопоставлении и комбинации с другими факторами. Повышение влажности почвы является положительным фактором плодородия лишь до известных пределов, примерно до 60% полной ее влагоемкости, а потому в нашей таблице используются колебания влажности лишь в границах от 20 до 60% высшей нормы насыщения.

В качестве почвенной базы в данной серии экспериментов были испытаны только две разности:

1) достаточно удобренный всеми компонентами и
2) вовсе неудобренный клин.

Результаты опытов, по свидетельству академика В. Р. Вильямса, получились следующие (табл. 11).

Таблица 11

Влияние лучистой энергии солнца на урожайность

Освещение	Почва							
	Неудобренный клин						Удобренный клин	
	Влажность							
	20%		40%		60%		60%	
	Сбор							
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
Слабое	88	100	185	100	208	100	223	100
Среднее	95	108	218	118	274	132	350	157
Сильное	100	114	320	173	403	194	589	264

Как видим, возрастание одной лишь лучистой энергии, при недостатке влаги и питания в почве, дает само по себе очень скромный эффект. Прирост урожая с опытной делянки повышается всего с 88 до 100 весовых единиц, т. е. на 14%. Но то же увеличение солнечной энергии при достаточном увлажнении почвы дает уже прирост с 208 до 403, на 195 единиц, или 94%, а при вполне достаточном снабжении почвы и влагой и удобрениями та же прибавка энергии дает уже прирост урожая с 223 до 589, т. е. на 366 единиц, или на 164%. Никакая фабрика не дает вещественной продукции без сырья, за счет работы одной лишь силовой станции. Так и в природе прирост одной лишь лучистой энергии без достаточного удобрения и влаги, являющихся основным сырьем для вегетации растений, не может дать производственного эффекта. Но тем показательнее высокая роль энергетического фактора при достаточном наличии остальных. В самом деле, за счет совокупного действия всех трех факторов урожай в нашем опыте поднялся с 88 до 589 единиц, т. е. до 669% контрольной нормы, причем прибавка удобрений при полном свете и оптимальной влажности дала подъем с 403 до 589 единиц, т. е. до 146%, и, стало быть, зная еще эффект за счет прироста лучистой энергии, нетрудно определить и полный эффект от прироста влажности при достаточном освещении и удобрении. Результат общего их действия выразится в следующих цифрах:

1. Контрольный сбор 100%
2. Увеличение за счет
   удобрений 146%
   влажности 173%
   света 264%

И т о г о (1,46×1,73×2,64) 669%

Таким образом, если прибавка за счет удобрений в нашем случае составила всего 46%, за счет влажности 73% и даже за счет того и другого вместе (1,46 × 1,73 = 2,53) не более 153%, то эффект лучистой энергии, обеспечив 164% прироста сбора, один превысил суммарный эффект прироста и влажности и удобрений, вместе взятых.

Ввиду особого интереса, какой представляет для нас восточная продовольственная база, приведем и для нее важнейшие температурные показатели (табл. 12).

Таблица 12

Энергоресурсы восточной продовольственной базы СССР

Районы и провинции	Удобная площадь, млн. га	Средняя годовая температура	Период с температурой выше 5°: число суток	средняя температура	сумма температур
1	2	3	4	5	6
I. Приуралье					
Двинско-Печорская лесная	42,5	—1	135	11,9	1610
Предуральская	30,5	+2	162	13,4	2170
Заволжско-Уфимская лесостепь	22,0	+1,5	169	15,2	2570
Заволжская степная	8,5	+3,5	174	15,8	2750
Юго-Восточная сухостепная	14,6	+3,8	182	16,4	2980
Итого по I	118,1	+1,3	147	13,9	2040
II. Горный Урал					
Горно-Уральская лесная	12,6	—2,0	138	11,6	1600
Южно-Уральская лесостепная	9,9	—2,0	161	13,8	2220
Мугоджарская сухостепная	5,5	+3,0	180	17,1	3080
Итого по II	28,0	—1,0	155	13,7	2120
III. Зауралье					
Западно-Сибирская лесная	69,0	—3,5	123	13,8	1700
Обь-Иртышская лесостепная	38,4	0,0	156	14,0	2180
Ишимо-Прииртышская степная	26,1	+1,0	163	15,0	2440
Кокчетавская степь	4,5	+1,1	159	14,3	2270
Тоболо-Иртышская сухостепь	13,4	+1,0	167	15,4	2570
Карагандинская сухостепь	18,1	+1,6	169	15,1	2550
Итого по III	169,5	—1,0	150	14,2	2130
Всего по I—III	315,6	0,1	150	14,0	2100

В отношении средних температур за летний вегетационный период мы достигаем здесь вполне приемлемой нормы около 14°. Напомним, что соответствующие нормы для Минска 13,3° и для Киева 15,3°. Но среднегодовые температуры из-за более холодных зим здесь заметно ниже. И вегетационный период со среднесуточными температурами выше 5° здесь короче. В среднем он составляет около 150 дней, поднимаясь на юге до 182 и падая на севере до 123 дней. Однако там, где короче число дней вегетационного периода, эти дни летом значительно продолжительнее. И в общем это заметно выравнивает снабжение их солнечной энергией. В горных провинциях Урала в связи с их большей высотой над уровнем моря и среднегодовые и летние температуры несколько ниже средней нормы для всего края, но зато вегетационный период на несколько дней длиннее. Показательнее всего, однако, данные о солнечной радиации. Суммарная солнечная радиа-

ция в районе Свердловска за год 8,8 млрд. ккал. на каждый га горизонтальной площади, в том числе только за четыре решающих летних месяца (май — август) 5,43 млрд.

Для сравнения укажем, что в районе Минска тот же летний приход солнечной энергии не превышает 5,19 млрд. и в районе Киева поднимается только до 5,67 млрд. калорий. Иначе говоря, Свердловск, будучи километров на 300 севернее Минска и на 600 севернее Киева, получает энергии за лето всего на 4% меньше киевской нормы и на 6% больше минской. Вот почему на широте Свердловска и южнее принимаются уже не без успеха и за свеклосеяние. Возможностям же для самого широкого развития здесь менее прихотливых огородных, зерновых и технических культур и вовсе нельзя указать предела.

Водные ресурсы районов

В отношении водных ресурсов и их размещения по стране мы располагаем многолетними данными об осадках и стоке вод по основным речным артериям в моря и озера. Но в сельском хозяйстве используется не вся масса выпадающих осадков, а лишь тот ее остаток, за вычетом поверхностного и глубинного стока, который длительно сохраняется в почве и через транспирацию растений и испарение служит их питанию и росту. К сожалению, прямых наблюдений о транспирации культур в разрезе районов у нас не имеется. Можно лишь дать суммарные итоги испарения со всей поверхности почвы, грубо исчисленные как разность между осадками и стоком. Собственно расход воды на образование самих злаков, уносимых с полей при уборке урожая, по отношению к общей массе годовых осадков так мал, что его можно игнорировать. Так, например, для зерновых хлебов при наших сборах этот расход из общего слоя среднегодовых осадков в 392 мм потребует всего до 2 т воды на гектар, т. е. не выше слоя в 0,2 мм. Расход воды на испарение в тысячу раз больше и даже по весьма умеренной норме лесной зоны достигает 200 мм или 2000 т на гектар. Впрочем, природа расточительна, и при более рациональных формах искусственного орошения потребный расход воды на 1 га резко сокращается. Для полного учета водного баланса районов следовало бы еще использовать данные о сезонных колебаниях водных запасов почвы, а также и тех резервов водоснабжения, какими мы располагаем в наличном запасе подпочвенных грунтовых и глубинных артезианских вод. Эти последние резервы представляют особый интерес для всех остро засушливых зон и провинций. Но в этой области наши знания пока еще ограничены. Для самой же общей ориентировки в области изучения наших водных ресурсов могут служить следующие показатели (табл. 13).

В распределении осадков с севера на юг, по сравнению с показателями солнечной энергии, наблюдается совсем иная, более сложная закономерность. Если солнечная энергия с продвижением на юг все время последовательно возрастает, то количество годовых осадков значительно вырастает в северной части Союза лишь в пределах первых трех зон, а затем, южнее границы лесов, начинает столь же энергично, в ускоренных темпах падать. Показатели испарения в общем следуют той же закономерности. Только в слабо согреваемых солнцем зонах тундры и лесотундры они очень низки. Резкий скачок вверх испарение дает в лесной зоне. Однако густой лесной покров все же сдерживает еще его рост в этой зоне, и потому полного своего развития и максимума испарения достигает лишь в лесостепной зоне. Дальнейшее же его падение обусловлено возрастающей скудостью самих осадков. Доля осадков, поглощаемых при этом испарении, с севера на юг все время возрастает: от 18,5—20% в зонах тундры и лесотундры до 40% в лесной зоне, 78% в лесостепной, 87% в степной и от 90 до 100% в последних трех наиболее засушливых зонах. В соответствии с этим, разумеется,

Таблица 13

Зональное размещение водных ресурсов

Зоны	Годовой слой, мм			Сумма осадков за период с температурой выше 15°, мм		
	осадки	испарения	стоки	от	до	средняя
1	2	3	4	5	6	7
Тундра	270	50	220	50	100	85
Лесотундра	350	70	280	100	220	160
Лесная	500	200	300	140	420	310
Лесостепная	435	340	95	230	350	270
Степная	380	330	50	200	320	245
Сухостепная	285	265	20	150	270	185
Пустынно-степная	220	210	10	100	170	125
Пустынная	155	155	0	60	120	80
В среднем	392	180	212	50	420	220

доля стока в той же мере сокращается к югу вплоть до нуля, делая особо резкий скачок вниз за южной границей лесов.

В результате такой естественноисторической закономерности в географическом размещении водных ресурсов получается кричащее противоречие. Там, где вода всего нужнее, ее всего меньше, и к тому же она далеко не в лучшей мере там используется. В самом деле: на севере, где приход солнечной энергии весьма ограничен, вода в явном избытке, и, не подвергаясь достаточному испарению и стоку, она лишь заболачивает здесь почву, делая ее непригодной для земледелия. На юге же, где при избытке солнечной энергии наиболее полно и плодотворно могла бы быть использована каждая лишняя капля воды, водные ресурсы сокращаются в 2 раза против уровня их в лесостепной и степной зонах. Вместе с тем с продвижением на юг падает в общей сумме испарений та их доля, которая расходуется с пользой на питание и транспирацию растений, и возрастает та, которая испаряется без всякого результата, минуя растения, по мере того как под жгучими лучами солнца все более редеет растительный покров, подсыхают летом степные травы и обнажаются пески пустыни. Иными словами, там, где воды всего меньше, она вдобавок еще хуже всего используется.

Социалистическое хозяйство не может долго пассивно мириться с таким расточительным беспорядком в природе, и у него найдутся эффективные средства воздействия на природу. Многие средства и теперь уже известны агрономической науке. Чтобы привести количество полезно испаряемой воды во всех зонах в большее соответствие с потребностями растениеводства, можно прежде всего рационализировать их водные балансы по линии регулирования стока, увеличивая его на севере и сокращая на юге. В районах избыточной влаги сток увеличивается путем дренирования почвы, в районах засушливых его сокращают путем защитных лесонасаждений и снегозадержаний. Не закрыт для нас и путь прямого использования стока для искусственного орошения пустынь из естественных водостоков и артезианских скважин. Наконец, агрономическая наука указывает и на пути повышения коэффициентов использования наличной в почве влаги. Одним из наиболее доступных из них является между прочим внесение в почву удобрений и повышенное минеральное питание растений. Обеспечивая более ранние и густые всходы трав и злаков, оно не только задерживает весеннюю влагу в почве, но и очень существенно повышает выраженный в урожае ее эффект из расчета на каждую единицу испарившейся влаги.

Как известно, расход воды на транспирацию через растения, вообще говоря, колеблется весьма резко в зависимости от ряда условий: для пшеницы, например, от 235 до 1530 т воды на одну тонну сухого вещества в урожае, для свеклы от 227 до 2083 т и т. д. Однако такие максимумы в 1,5—2 тыс т воды на га при урожае до 10 ц отнюдь для нас не обязательны.

Опытами академика Д. Н. Прянишникова с овсом еще в 1900 г. установлена следующая закономерность[1]:

Влажность почвы в % полной влагоемкости	20	40	60	80
1. Испарилось воды на единицу сухого вещества в сборе				
без удобрений	444	402	483	505
при удобрениях	282	334	372	409
2. Сбор в кг на 1 т воды				
без удобрений	2,25	2,49	2,07	1,98
при удобрениях	3,54	3,00	2,76	2,34

Как видим, расход воды на транспирацию с ростом влажности почвы, вообще говоря, возрастает. Но за счет удобрений он при любой влажности почвы резко сокращается на единицу сбора, причем экономия в воде получается тем значительнее, чем суше почва, и, наоборот, сбор урожая возрастает за счет удобрений на сухих почвах из расчета на единицу воды даже значительнее, чем на достаточно увлажненных. Так, например, при среднем урожае с га до 10 ц сухого вещества и избыточной влажности почвы до 80% транспирация потребует, согласно опытам академика Прянишникова, без удобрений до 505 т воды на га, а с удобрениями 409 т, т. е. на 96 т или 19% меньше, а на более засушливых почвах с влажностью до 20% тот же расход воды сократится за счет удобрений с 444 до 282 т с экономией в 162 т на га, т. е. почти на 36%.

По данным табл. 13 даже в наиболее засушливой пустынной зоне годовой слой испарений достигает у нас все же 155 мм, или 1550 т на га. Если собственно на транспирацию из них при средних урожаях требуется не свыше одной трети этой величины, то ясно, что пределы развития нашего земледелия даже в засушливых районах ограничивает не столько прямой недостаток осадков для испарения и транспирации, сколько недостаточно продуктивное использование влаги. Средств для борьбы с указанным злом у нас немало, и для надлежащего эффекта нужно только несравненно более широкое применение этих средств, столь широкое и мощное, какое под силу лишь плановому воздействию организованного человечества.

Изменения водных балансов с запада на восток менее значительны, чем с севера на юг, но все же достаточно велики и вполне закономерны. В пределах центрального пояса, охватывающего весь Союз с запада на восток, вдоль южной границы лесов, мы наблюдаем, например, такую динамику водных показателей (см. табл. 14).

Годовой и летний слой осадков с запада на восток, вплоть до Байкала, вполне закономерно падает в связи с удалением от Атлантики и затем снова возрастает с приближением к Тихому океану. На всем этом огромном протяжении лишь один Уральский хребет, задерживая повышенное количество осадков, вносит известное отклонение от этой закономерности. В Горно-лесной провинции Урала осадки делают сразу крупный скачок вверх на целых 125 мм, чтобы затем в Зауралье сделать еще больший скачок вниз, сразу на 200 мм. В динамике испарений намечается та же общая с осадками тенденция к падению вплоть до Байкала. Уральский рельеф, однако, и здесь оказывает свое особое действие. Крутые склоны обусловливают здесь максимальный для всей лесной зоны размер стока, и это вызывает соответствующее понижение ресурсов для испарений. Особенно-

[1] Д. Н. Прянишников. Агрохимия. М., 1940, стр. 110.

Таблица 14

Водные показатели центрального пояса СССР

Провинции вдоль южной границы лесов	Годовой слой, мм			Осадки за период с температурой выше 5°
	осадков	стока	испарения	
I. Лесная зона				
Полесская	580	140	440	370
Московско-Окская	550	210	340	360
Предуральская	525	250	275	290
Горно-лесная Уральская	650	450	200	390
Западно-Сибирская	450	225	225	260
Восточно-Сибирская	370	200	170	220
Байкало-Витимская	450	280	170	320
Амуро-Уссурийская	550	300	250	420
II. Лесостепная зона				
Украинская	490	65	425	300
Центральная	480	100	380	290
Заволжско-Уфимская	430	140	290	240
Южно-Уральская	430	110	320	240
Обь-Иртышская	370	60	310	240
Селенгино-Ононская	270	60	210	230

стями рельефа объясняются, по-видимому, и некоторые другие довольно резкие колебания размеров стока, например крупное снижение его в низменных равнинах Полесья и заметное повышение в горных провинциях Забайкалья и Приморья. Те же примерно закономерности наблюдаются и в лесостепной зоне. Только здесь, за южной границей лесов, они замечаются на пониженном уровне осадков и испарений и еще более низком уровне стока.

Говоря о пространственных колебаниях среднего уровня осадков, не следует еще забывать, что этот средний уровень складывается из весьма различных погодных его колебаний во времени. Колебания их сильно возрастают под влиянием всевозможных метеорологических случайностей с удалением от постоянных источников снабжения почвы влагой — океанов, и это влечет за собой новые трудности для земледелия восточных и особенно засушливых юго-восточных провинций Союза. И это понятно. На северо-западе СССР, где средний уровень осадков заключает в себе изрядные резервы влаги, умеренное снижение их в отдельные годы проходит бесследно для уровня урожайности, тогда как на юго-востоке, где водный баланс и без того напряжен до крайности, всякое резкое колебание приходных статей его вниз угрожает крупными бедствиями неурожаев и голода. И чем резче эти колебания осадков, тем они опаснее для нас.

Снижая урожаи засушливых лет, резкие колебания осадков отнюдь не возмещают этот дефицит в полной мере в годы с избыточной влагой. Влага — это только один из факторов урожайности, который действует в полную меру лишь тогда, когда он, будучи в минимуме, снижает урожай. Избыток же влаги, превышающий потребность в ней для полного использования других факторов, не дает положительного эффекта и может даже причинить вред. И потому повышенная колеблемость осадков приводит, помимо отдельных неурожаев, и к общему снижению среднего уровня урожайности. Особенно крупное зло эти колебания осадков, приводившие к еще более резкой колеблемости урожаев, представляли в дореволюционной России на общем фоне крайне отсталого экстенсивного сельского хозяйства и низкой урожайности. Колеблемость урожаев за какой-либо период можно выразить следующим показателем. Разделив урожаи данного периода на

высшие, средние и низшие, по разному числу лет в каждой группе, и, выразив высшие и низшие урожаи в процентах среднего урожая за весь период, выводим среднее арифметическое их отклонение от среднего урожая. Пользуясь этим показателем для дореволюционной России, мы получим в среднем по 50 губерниям Европейской России за 1883—1915 гг. колеблемость урожаев до 29%, с отклонениями от 12% по Литве и Прибалтике до 53% в юго-восточных губерниях, в том числе даже до 65% по Астраханской губернии, где, стало быть, в каждое трехлетие на один средний урожай приходилось ждать еще один в 35 и другой в 165% этого среднего.

Однако и это зло исправимо. С повышением интенсивности земледелия и в особенности с повышением доли удобряемых земель колеблемость урожаев резко падает даже в наиболее засушливых районах. Правда, за дореволюционный период с 1883—1899 по 1900—1915 гг. эти показатели по 50 губерниям упали всего с 29,6 до 27%. Но зато после революции, за период 1924—1935 гг., вместе с общим подъемом урожайности заметно возросла и их устойчивость даже в юго-восточных областях Союза. В среднем по всему Союзу колеблемость урожайности за указанный период не превышала 22,2%, а по отдельным районам, по сравнению с царской Россией, мы имеем, по расчетам А. Г. Михайловского, такое снижение ее (табл. 15).

Таблица 15

Колебание урожаев зерновых хлебов, в %

Районы	1883—1915 гг.	1924—1935 гг.
Потребляющая полоса	13,8	11,8
Белоруссия	17,6	13,3
Украина	26,1	23,1
Земледельческий центр	31,1	18,0
Волжско-Камский край	37,5	19,2
Средне-Волжский край	47,9	29,7
Нижне-Волжский край	45,0	33,3

К сожалению, ради большей сравнимости данных за разные годы пришлось объединять иной раз слишком крупные и потому не вполне однородные территории, например, Украинскую лесостепь с весьма устойчивой урожайностью и южноукраинскую степь с высокой колеблемостью урожаев. Тем не менее из приведенных цифр видно, что за советский период урожайность повсеместно повышает свою устойчивость и в особенности резко там, где раньше была самая высокая колеблемость урожаев. Так, если в Белоруссии, скажем, колеблемость снизилась всего на 4 деления, то восточнее, в Центрально-земледельческом районе, это снижение достигает уже 13 пунктов, а еще дальше к юго-востоку, на Волге и за Волгой, даже 18 пунктов. Колеблемость эта в СССР высока еще и теперь, в особенности на восток от Волги и дальше за Уралом, в Казахстане (33,8%), а также на юге, в Крыму (36,2%). Но с дальнейшим повышением среднего уровня агрикультуры и применения удобрений в этих районах мы, несомненно, и здесь сумеем значительно повысить не только высоту, но и устойчивость урожайности. Весьма показательна обратная зависимость между средним уровнем и колеблемостью урожайности. Если разделить природные районы СССР по возрастающей степени колеблемости в них осадков и вычислить по каждой группе средний урожай за 1924—1935 гг., то получим такие показатели (табл. 17).

Как видим, чем выше колеблемость осадков и урожаев, тем ниже средний урожай и обратно. В последнюю из наших групп вошли Нижнее Поволжье, Казахстан, Киргизия и Крым. Показанная здесь урожайность за 12 лет, впрочем, отражает уже давно превзойденный у нас уровень. За

Таблица 16

Водные ресурсы восточной продовольственной базы СССР

Районы и провинции	Удобная с.-х. площадь без леса, млн. га	Годовой слой, мм			Осадки за период с температурой выше 5°
		осадков	испарений	стока	
1	2	3	4	5	6
I. Приуралье					
Двинско-Печорская лесная	2,0	500	180	320	270
Предуральская лесная	11,5	525	250	275	290
Заволжско-Уфимская лесостепь . .	15,0	430	290	140	240
Заволжская степная	8,0	350	270	80	210
Юго-восточная сухостепная	14,3	340	300	40	150
Итого	50,8	416	276	140	222
II. Горный Урал					
Горно-Уральская лесная	1,6	650	200	450	390
Южно-Уральская лесостепная . . .	7,1	430	320	110	240
Мугоджарская сухостепная	5,4	275	250	25	150
Итого	14,1	397	280	117	223
III. Зауралье					
Западно-Сибирская лесная	4,7	450	225	225	260
Обь-Иртышская лесостепная . . .	24,6	370	310	60	240
Ишимо-Прииртышская степная . . .	24,0	275	260	15	200
Кокчетавская степная	4,2	350	315	35	200
Тоболо-Иртышская сухостепная . .	12,1	240	230	10	170
Карагандинская сухостепная	17,9	250	235	15	180
Итого	87,5	305	265	40	206
Всего по I—III	152,4	350	270	80	213

Таблица 17

Колебания и средний уровень урожайности 1924—1935 гг.

Группы районов с урожайностью	Колебания		Средний урожай	
	от—до	средняя	в ц/га	в %
Низкой колеблемости	10—20	14,9	8,2	100
Средней колеблемости	21—30	25,1	7,7	94
Высокой колеблемости	31—40	34,4	6,4	78

пятилетие (1935—1939 гг.) урожаи заметно повысились, достигая в среднем по всему Союзу 10—12 ц на га, но, к сожалению, не за все эти годы мы располагаем подробными публикациями в разрезе районов. Снизилась вместе с тем, очевидно, и колеблемость урожаев.

Обращаясь к обеспеченности водными ресурсами Урала и вообще всей восточной продовольственной базы, мы можем привести следующие данные (см. табл. 16).

По осадкам и стоку и здесь, как видим, максимум приходится в провинциях лесной зоны с последовательным снижением к югу. Особенно резко падает сток, начиная с лесостепи. Испарения же только достигают своего максимума в лесостепи и затем снижаются к югу более замедленным темпом. С продвижением на восток следовало бы ожидать снижения вод-

ных ресурсов, но Горный Урал благодаря условиям своего рельефа нарушает эту закономерность. По той же причине повышенного уровня Кокчетавская степь и Карагандинская сухостепь несколько лучше обеспечены влагой, по сравнению с более западными провинциями Западной Сибири, расположенными в одноименных зонах. А в общем весь массив восточной продовольственной базы располагает достаточными водными ресурсами для весьма значительного расширения посевов.

Почвенные ресурсы районов

Важнейшими элементами сравнительного богатства различных почв являются содержащиеся в них химические вещества — азот, фосфор, калий. Правда, помимо них каждый урожай поглощает много других веществ, но обычно они требуются в незначительных количествах. Выносы же из почвы с урожаем фосфора, калия и большей части азота истощают землю, снижают ее естественное плодородие и создают угрозу настолько ее обесценить, что настоятельно требуют своего возмещения в форме тех или иных удобрительных туков, т. е. требуют от нас значительных материальных вложений и человеческого труда. По отношению к весу урожая затраты этих элементов невелики. На центнер ржи в зерне, включая сюда и затраты на солому, общий вынос N, P_2O_5 и K_2O не превышает 7 кг; на центнер овса он не достигает 10 кг. Однако при минимальной потребности страны до 8 млрд. пудов одного лишь зерна эти скромные выносы в 7—10% от сбора потребуют от нас для своего возмещения от 9 до 13 млн. т названных химических элементов. Цифра нешуточная, а в виде навоза и прочих удобрений, по валовому их весу брутто, эту цифру пришлось бы еще во много раз увеличить. Производство, перевозки и заделка этих удобрений в поле связаны с огромными затратами труда. Вопрос о том, где именно и в каком количестве прежде всего они потребуются, нельзя игнорировать. Вот почему при анализе почвенных ресурсов СССР нас не удовлетворили бы одни лишь качественные характеристики различных почвенных массивов и их размещения.

Громадный интерес в плановом хозяйстве не только для агротехника, но и для экономиста представляет как раз количественный учет и хозяйственная оценка тех наличных в стране запасов почвенных богатств, которые до сих пор расходовались без достаточного учета и без достаточного возмещения.

Проделанная коллективом Академии наук первая попытка такого учета встретилась с большими трудностями. Нами было собрано до 5000 анализов почв по СССР, но, осуществленные в разное время, по различной программе и методологически весьма разнородные, они с трудом поддавались сводке. Кроме того, вследствие крайней неравномерности распределения данных по территории пришлось отказаться от сводки анализов почти по всей Азиатской части Союза, а по Европейскому Северу — от освещения мало освоенных и изученных пространств тундры и лесотундры. Собранные анализы имеют данные о составе почвы в разных горизонтах в пределах метрового слоя, но по тем же причинам малой их сравнимости (пробы брались на разных глубинах, при весьма различном в разных случаях числе горизонтов) пришлось ограничиться лишь наиболее для нас важным пахотным слоем мощностью в 20 см.

В сводку вошли анализы по 1350 пунктам, сгруппированным по нашим естественноисторическим провинциям и по важнейшим типам и разностям почв с учетом различного их залегания. Азот, фосфор и калий в разных дозах и в различных природных условиях по-разному воздействуют на плодородие почвы. В частности, на подзолистых почвах, самых распространенных в Союзе, одна тонна азота, по массовым опытным данным, уже в первый год дает до 20 т прироста урожая; тонна чистого

фосфора — до 18 т, а в виде P_2O_5 — до 8 т зерна, в то время как тонна K_2O дает не более 3 т зерна. С учетом последействия тех же питательных веществ разница в пользу N и P_2O_5 оказалась бы значительнее, да и общий эффект всех учтенных нами в почве запасов был бы выше. Однако, учитывая неизбежные потери питательных веществ почвы от эрозии, можно для сопоставления сравнительного эффекта их запасов в разных районах ограничиваться и более грубыми показателями суммарной их эффективности (табл. 18).

Таблица 18

Почвенные ресурсы Восточно-Европейской равнины (южнее тундры)

Полосы и провинции	Удобная с.-х. площадь без леса, в га	Питательные элементы почвы в 20 см слое, т/га					Урожай без удобрения, ц/га
		N	P_2O_5	K_2O	итого по весу	то же в переводе на P_2O_5	
1	2	3	4	5	6	7	8
I. Западная полоса							
Прибалтийская лесная	5,3	3,9	2,4	75,8	82,1	40,7	5,4
Полесская	10,9	2,4	2,0	25,3	29,7	17,5	7,5
Украинская лесостепная	13,3	6,0	2,7	47,0	55,7	35,4	10,6
Южно-Украинская степная	15,0	6,5	3,5	50,1	60,1	38,5	9,1
Северный Крым сухостепная	2,9	6,7	3,9	51,7	62,3	40,0	8,3
II. Средняя полоса							
Вологодская лесная	5,2	3,6	4,3	68,5	76,4	39,0	8,5
Московско-Окская	16,3	3,7	2,3	52,5	58,5	31,3	6,1
Центральная лесостепная	31,9	10,1	4,6	55,1	69,8	50,5	9,3
Волжско-Донская степная	14,5	7,7	4,2	52,0	63,9	42,8	7,5
Предкавказская	14,3	7,0	3,9	51,7	62,6	41,1	10,5
III. Восточная полоса							
Двинско-Печорская лесная	2,0	3,6	4,3	68,5	76,4	39,0	8,5
Предуральская лесная	11,5	5,0	2,6	56,1	63,7	36,1	8,5
Заволжско-Уфимская лесостепная	15,0	10,3	3,4	45,8	59,5	46,3	9,7
Заволжская степная	8,0	5,9	4,7	53,0	63,6	39,4	8,0
Юго-восточная сухостепная	14,3	7,8	4,0	49,5	61,3	42,2	6,0
Нижне-Волжская пустынно-степная	23,8	5,8	3,6	44,7	54,1	34,9	4,9
Прикаспийская пустынная	15,4	5,7	3,6	44,6	53,9	34,6	4,5

В приведенной таблице, где все провинции в каждой полосе расположены с севера на юг, валовые запасы питательных элементов почв колеблются в довольно широком диапазоне. Максимум азота, как и следовало ожидать, наблюдается в черноземах лесостепной зоны. Впрочем, в западной полосе они, по-видимому, уже сильно выпаханы. А к северу, в лесной зоне, запасы азота резко падают. Менее резкое, но все же очень существенное падение их можно отметить и с продвижением к югу, в более засушливые районы. Запасы калия в почве особенно велики на севере, а затем они довольно заметно снижаются с минимумом в пустынных зонах. Менее ясны закономерности в размещении запасов фосфора. В западной полосе они явно возрастают к югу, но в других полосах южнее лесостепи можно отметить даже определенное их снижение. В общей своей сумме валовые запасы NPK в переводе по сравнительной их эффективности в удобрениях на P_2O_5 дают два максимума: в наиболее северных провинциях за счет калия и в лесостепи за счет максимума азотных солей гумуса. Однако валовые запасы NPK сами по себе представляют еще, так сказать, пассивные, потенциальные резервы почвы. Активное действие производит лишь небольшая их часть, растворимая в воде,

чистой или слабо подкисленной. Эта активная часть, или так называемые **подвижные запасы**, по отношению к валовым, составляют для фосфора около 10%, для азота обычно менее 5%, а для солей калия еще меньше — не более 1—2%. Именно поэтому валовые запасы **калия** оказывают наименьшее влияние на урожайность, и с переходом от них к средней урожайности на неудобренных землях мы наблюдаем в нашей таблице во всех полосах вместо двух лишь один четко выявленный максимум на черноземах с определенным снижением урожайности как к северу, так и к югу от них. Конечно, урожайность определяется не только почвенными богатствами, но и количеством солнечной энергии, влаги и другими моментами. Да и сведенные нами данные почвенных анализов не всегда надежны. Но в общем влияние почвенных богатств на естественную урожайность (без удобрений) в нашей таблице находит себе достаточное выражение.

Переходя от отдельных провинций к более крупным территориям, мы можем представить такое размещение наших почвенных богатств по зонам и странам (табл. 19).

Таблица 19

Размещение почвенных ресурсов Союза южнее тундры

Зоны и полосы	Удобная площадь б/леса, млн. га	Питательные элементы почвы в 20 см слое, т/га					Урожай без удобрения, ц/га
		N	P_2O_5	K_2O	Итого по весу	в переводе на P_2O_5	
1	2	3	4	5	6	7	8
I. Восточно-Европейская равнина							
Лесная (6 пров.)	51,2	3,7	2,7	52,2	58,6	31,5	7,2
Лесостепная (3 пров.)	60,2	9,2	3,8	51,0	64,0	46,0	11,4
Степная (4 пров.)	51,8	6,9	4,0	51,5	62,4	40,5	8,9
Сухостепная (2 пров.)	17,2	7,6	4,0	50,0	61,6	41,8	6,4
Итого (15 пров.)	180,4	6,9	3,6	51,3	61,8	40,0	8,4
Пустынно-степная	23,8	5,8	3,6	44,7	54,1	34,9	4,9
Пустынная	15,4	5,7	3,6	44,6	53,9	34,6	4,5
Итого (17 пров.)	219,6	6,7	3,6	50,2	60,5	39,0	7,8
В том числе Западная полоса Восточно-Европейской равнины . .	47,4	5,1	2,8	46,4	54,3	33,1	8,6
Центральная полоса	82,2	7,4	3,9	54,2	65,5	42,9	8,5
Восточная (без пустынь, 5 пров.)	50,8	7,4	3,6	51,2	62,2	41,4	8,1
II. Горная страна Урал							
(3 пров.)	14,1	10,0	3,2	44,7	57,9	44,9	9,4
III. Западно-Сибирская низменность							
(4 пров.)	65,4	10,6	3,2	44,5	58,3	46,3	9,0

В размещении с севера на юг здесь еще отчетливее и в бо̀льших земельных массивах выявляется та же закономерность: максимум азота в лесостепных черноземах, максимум калия в лесной зоне и максимум фосфора в степной и сухостепной зонах со снижением его запасов к северу и югу. Еще теснее в этих зональных итогах проявляется и связь между общим итогом валовых запасов и средней естественной урожайностью соответствующих зон. С продвижением с запада на восток запасы азота

все время возрастают, а максимум фосфора и калия падает на центральную полосу Восточно-Европейской равнины. Общая сумма NPK в переводе на P_2O_5 обнаруживает явную тенденцию роста на востоке (Урал и Зауралье). Здесь же, на Урале, мы находим и максимум естественной урожайности, несмотря на весьма отсталые формы земледелия. Но в пределах Восточно-Европейской равнины урожайность в западной полосе несколько выше, чем в восточной, несмотря на более богатые почвенные запасы востока. Весьма вероятно, что это снижение урожайности к востоку связано с сокращением здесь запасов влаги и с рядом других агротехнических моментов. На Урале с повышением осадков и почвенных ресурсов повышается и урожайность, а в Зауралье за новым снижением осадков следует и новое снижение урожайности. Если же взять Урал с Приуральем и Зауральем, то в общем по 12 провинциям с удобной площадью в 130,3 млн. га, по данным приведенной таблицы, будем иметь следующие валовые запасы питательных элементов в тоннах на га: N — 9,3, P_2O_5 — 3,4 и K_2O — 47,0 т, а всего по весу 59,7 т, или в переводе на P_2O_5 — 44,2 т/га при среднем урожае без удобрений в 8,7 ц/га. Все эти показатели значительно превышают средние нормы по всей Восточно-Европейской равнине (без тундры).

С внесением удобрений урожайность, конечно, получится совсем иная. К сожалению, до сих пор у нас их используют еще в слишком ограниченном количестве. За 1937—1939 гг. во всех колхозах было вывезено на поля всего 160—162 млн. т навоза, а с учетом совхозов и единоличных посевов — не свыше 185 млн. т, в том числе под зерновые от 130 до 140 млн. т. Производство минеральных удобрений у нас очень сильно возросло. Например, производство суперфосфата выросло с 21 тыс. т в 1913 г. до 1897 тыс. т в 1938 г., т. е. в 90 раз, добыча калийных солей (сильвинита) поднялась за тот же период от нуля до 1800 тыс. т, продукция фосфоритной муки — с 8 до 800 тыс. т и т. д. Но под зерновые из них используется пока ничтожная доля. Так, за 1937 г. по всему Союзу на удобрение зерновых было израсходовано: P_2O_5 всего 16,5 тыс. т, K_2O — 3,5 тыс. т и азотных удобрений менее 1 тыс. т. Кроме того, в том же году было употреблено около 3 млн. т торфяного удобрения. Всего в 1937 г. на 1 га посева з е р н о в ы х было вывезено не свыше 1,33 т навозного удобрения и едва 0,2 кг минеральных удобрений. С включением картофеля, хлопка и прочих технических культур общий баланс удобрений под урожай 1937 г. по экономическим районам Госплана исчисляется в следующих показателях (табл. 20).

Пересчет удобрений на химические начала производился по каждому виду удобрений отдельно, вынос питательных начал с урожаем исчислен с расчленением по всем областям и культурам. Но, конечно, все эти расчеты по состоянию наших знаний в данной области не могут быть слишком точными и дают нам лишь самую общую ориентировку. В приходной части наших балансов едва ли полны и точны итоги вывоза навозных удобрений, в расходной — вовсе не учтена такая крупная статья, как эрозия, уносящая с вешними водами каждый год не только массу твердых элементов почвы, но и вымытых из нее и растворенных солей. Тем не менее наши балансы по всем районам сводятся с громадными дефицитами. Только Север, нечерноземный Центр и Белоруссия дают некоторое превышение прихода над расходами, да и то, вероятно, лишь потому, что и здесь не учтена эрозия почвы. На остальных же 86,5% посевов мы возмещаем лишь очень незначительную долю того, что извлекаем из почвы. Размер учтенных здесь дефицитов может служить мерой экстенсивности нашего земледелия. Особенно дефицитны балансы удобрений на всем Юго-Востоке (87%), в Западной Сибири (93%) и Северном Казахстане (98%). Если в Закавказье и Средней Азии дефициты несколько меньше, то лишь потому, что там много удобрений употребляется в

Таблица 20

Баланс удобрений экономических районов СССР к 1938 г.

Районы Госплана	Посевная площадь, млн. га	Вывезено навоза		Приход за счет удобрений и бобовых, в кг/га					Расход, вынесено с урожая кг/га				
		всего, млн. т	на 1 га, т	N	K_2O	P_2O_5	итого	в том числе от бобовых	N	K_2O	P_2O_5	итого	Баланс гр. 8—гр. 13
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Северный и Северо-Западный . . .	2,8	15,4	5,5	45,4	34,6	21,0	101,0	12,3	28,7	30,7	14,0	73,4	+27,6
Центральный	27,2	84,0	3,1	25,4	19,4	12,9	57,7	7,7	36,1	39,8	18,1	94,0	—36,3
В том числе: а) нечерноземный . .	11,0	61,7	5,6	48,4	36,6	22,2	107,2	14,0	35,2	40,0	17,7	92,9	+24,3
б) черноземный . .	16,2	22,3	1,4	12,1	9,7	6,8	28,6	3,4	36,8	39,7	18,4	94,9	—66,3
Западный (Белоруссия)	3,1	15,0	4,8	37,5	31,3	19,7	88,5	8,3	30,7	38,8	15,3	84,8	+ 3,7
Южный (Украина и Крым)	22,1	35,6	1,6	15,0	11,5	7,8	34,3	4,7	35,5	37,7	17,4	90,6	—56,3
В том числе: а) лесостепь	11,2	27,8	2,5	21,7	18,2	12,2	52,1	5,8	40,6	45,8	19,6	106,0	—53,9
б) степь	10,9	7,8	0,7	8,1	4,7	3,3	16,1	3,6	31,1	30,0	15,1	76,2	—60,1
Юго-Восточный	29,1	8,0	0,3	6,4	1,8	1,2	9,4	4,7	31,2	28,2	15,1	74,5	—65,1
Урал и Западная Сибирь	19,0	12,2	0,6	6,3	4,0	2,5	12,8	2,5	38,3	33,1	17,5	88,9	—76,1
Восточная Сибирь и ДВК	4,0	1,5	0,35	2,7	2,5	1,3	6,5	0,4	30,0	27,7	13,7	71,4	—64,9
Казахстан и Ср. Азия	9,6	10,1	1,05	16,3	7,0	10,6	33,9	5,7	33,8	25,6	14,0	73,4	—39,5
В том числе:													
а) Северный Казахстан . . .	4,3	0,06	0,01	0,9	0,1	0,1	1,1	0,8	19,5	15,1	8,5	43,1	—42,0
б) Средняя Азия и Южн. Казахст.	5,3	10,0	1,9	29,0	12,6	19,1	60,7	9,8	45,5	34,2	18,6	98,3	—37,6
Закавказье	2,3	2,8	1,22	15,5	7,9	9,6	33,0	2,1	33,4	30,4	14,4	78,2	—45,2
Итого по СССР	119,2	184,6	1,55	15,2	10,4	7,2	32,8	5,2	35,0	33,0	16,0	84,0	—51,2

поливном клину, на хлопковых полях. В зерновом же хозяйстве, на богаре, и там оказались не меньшие дефициты. В табл. 20 не учтены посевы некоторых второстепенных культур. В общих же итогах по Союзу на всю посевную площадь 1937 г. в 135 млн. га эти дефициты с некоторым округлением достигали следующих масштабов (табл. 21).

Таблица 21

Баланс удобрений СССР за 1937 г., в тыс. тонн и %

Статьи баланса	Азот N		Калий K_2O		Фосфор P_2O_5		Итого	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Выносы с урожаем на 135 млн. га	4720	100	4460	100	2160	100	11340	100
Возвраты:								
а) естественные удобрения	1250	26,5	1250	28,0	740	34,3	3240	28,6
б) минеральные удобрения	100	2,1	150	3,4	240	11,1	490	4,3
в) корневые остатки бобовых	700	14,8	—	—	—	—	700	6,2
Итого	2050	43,4	1400	31,4	980	45,4	4430	39,1
Дефициты	2670	56,6	3060	68,6	1180	54,6	6910	60,9

Некоторые дефициты, восполняемые за счет текущей мобилизации естественных ресурсов почвы, в особенности азота и калия, вполне закономерны. Однако нужно еще учесть, что в общих итогах по всему Союзу дефициты по одним районам перекрываются частично избытками по другим. И потому сами по себе они еще недостаточно показательны. Мало показательны также итоги, расчлененные по экономическим районам, которые объединяют весьма различные природные полосы и зоны. В особенности это относится к итогам по центральному району, где избыток удобрений на подзолах «компенсируется» дефицитом их на черноземах, а также к некоторым другим, например, Южному, где лесостепь сочетается со степью, и Юго-Восточному. Поэтому приведем еще другое расчленение баланса удобрений — по зонам и главнейшим странам с запада на восток (табл. 22).

Следуя от зоны к зоне, с севера на юг, мы наблюдаем чрезвычайно закономерное снижение и выносов, что означает снижение урожаев, и вносов удобрений в кг/га. Вместе с тем столь же последовательно возрастает дефицитность балансов, выраженная в процентах к выносам, несмотря на видимое ее снижение в абсолютных цифрах. Нарушается эта закономерность лишь в пустынной зоне, где на орошаемых землях сильнее подкармливаются минеральными удобрениями высокоценные технические культуры. Сюда вошли хлопковые посевы Туранской и Арало-Балхашской провинций, Мургаб, Голодная степь и пр. Если же ограничиться одним лишь зерновым районом Прикаспийской пустыни, то и она полностью уложится в общую закономерность для всех зон. Лесная зона. взятая в целом, дефицитна. Но, подразделив и ее в пределах Европейской равнины на три подзоны с севера на юг, мы увидим, что две из них, более северные, обладают даже заметными избытками удобрений и лишь третья (за счет Полесской и Предуральской провинций) заключает свой баланс удобрений с дефицитом. А в общем степень дефицитности всех зон с пре-

Таблица 22

Балансы удобрений СССР по зонам и странам южнее тундры

Зоны и страны	Посевная площадь, млн. га	Приход, внесено в 1937 г., кг/га				Расход, выносы 1937 г., кг/га				Баланс гр.6—гр.10
		N	K_2O	P_2O_5	Итого	N	K_2O	P_2O_5	Итого	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I. Основные зоны с севера на юг										
Лесная	22,5	36,2	27,9	17,7	81,8	33,5	36,6	16,4	86,5	— 4,7
Лесостепная	44,2	12,3	8,6	5,8	26,7	34,3	34,7	16,9	85,9	—59,2
Степная	29,3	6,3	2,3	1,7	10,3	28,3	24,7	13,3	66,3	—56,0
Сухостепная	7,3	3,8	1,1	0,9	5,8	24,7	21,0	11,2	56,9	—51,1
Пустынно-степная . . .	2,6	2,7	0,2	0,4	3,3	18,6	15,8	8,4	42,8	—39,5
Пустынная	1,6	28,6	14,7	15,8	59,1	39,0	32,9	16,2	88,1	—29,0
II. Страны горной зональности										
Крымско-Кавказская горная	3,9	12,2	5,8	6,7	24,7	33,9	31,3	15,1	80,3	—55,6
Средне-Азиатская . . .	4,2	23,8	9,8	17,8	51,4	42,6	32,0	17,5	92,1	—40,7
Саяно-Алтайская . »	3,6	2,0	1,3	0,8	4,1	34,4	30,6	15,5	80,5	—76,4
Итого по СССР	119,2	15,2	10,4	7,2	32,8	35,0	33,0	16,0	84,0	—51,2
III. Страны с запада на восток										
Восточно-Европейская равнина	88,2	16,9	11,9	7,8	36,6	34,3	35,1	16,8	86,2	—49,6
Уральская горная . . .	2,3	4,7	2,8	1,7	9,2	34,8	28,2	15,1	78,1	—68,9
Западно-Сибирская низменность	12,6	2,6	1,8	1,0	5,4	32,7	26,0	14,3	73,0	—67,6
Казахская складчатая .	1,0	2,5	0,4	0,4	3,3	22,4	17,5	10,0	49,9	—46,6
Средне-Сибирская плосковозвышенная . . .	0,5	4,3	4,0	2,1	10,4	28,8	26,3	13,0	68,1	—57,7
Забайкальская горная .	0,8	3,5	3,6	2,1	9,2	26,3	23,5	11,8	61,6	—52,4
Дальневосточная	0,7	2,2	2,9	1,5	6,6	25,3	25,0	11,4	61,7	—55,1

обладанием зернового хозяйства с севера на юг изменяется в кг NPK на га и в процентах к расходу следующим образом (табл. 23).

Таблица 23

Баланс удобрений по зонам с преобладанием зернового хозяйства

Зоны и подзоны	Приход	Расход	Баланс		Урожай, ц/га
	в кг/га		абс.	%	
Лесная (7 европейских провинций)	85	88	— 3	— 3	10,1
1-я подзона (Карельская и Двино-Печорская)	137	80	+57	+71	11,0
2-я подзона (Прибалтийская и Вологодская)	98	76	+22	+29	10,0
3-я подзона (Полесье, Московско-Окская и Предуральская)	82	91	— 9	—10	9,8
Лесостепная	27	86	—59	—69	10,3
Степная	10	66	—56	—85	9,0
Сухостепная	6	57	—51	—89	7,3
Пустынно-степная	3	43	—40	—93	5,0
Пустынная (Прикаспийская провинция)	3	39	—36	—92	4,9

И здесь мы наблюдаем весьма существенное повышение дефицитности наших балансов с продвижением на восток. Вместе с тем, несмотря на тучность почти нераспаханных черноземов востока, урожаи и здесь обнаруживают тенденцию к падению. Полной сопоставимости урожайности зерновых с удобрениями под все культуры, включая свеклу на западе, мы в приведенных цифрах не имеем. Но факт падения урожайности с повышением дефицитности удобрений все же остается фактом. Было бы, однако, большой ошибкой связывать это падение урожайности только с одним фактором — удобрениями. В одном направлении с возрастающей химизацией полей обычно действуют и такие общественные факторы, как повышенные затраты труда, лучшее качество обработки, более рациональные системы севооборота, улучшающие структуру почвы и уровень прочих показателей интенсификации земледелия. Мы уже не говорим здесь о таких естественных факторах плодородия почвы, как солнечная энергия, количество осадков, почвенные запасы и т. п., которые тоже нередко действуют в одном направлении с общественными. Так, например, снижение урожаев в южных зонах и на востоке объясняется не только дефицитом удобрений, но и недостатком вла-

Таблица 24

Баланс удобрений по лесостепной зоне

Провинции лесостепи	Приход, кг/га	Расход, кг/га	Баланс		Урожай, ц/га
			абс.	%	
Украинская (Киев)	41	88	—47	—53	11,2
Центральная (Воронеж)	28	84	—56	—67	10,0
Заволжско-Уфимская	28	95	—67	—70	10,6
Южно-Уральская (Челябинск)	6	80	—74	—92	10,7
Обь-Иртышская (Омск)	7	83	—76	—92	9,6
Селенгино-Ононская (Чита)	9	62	—53	—85	8,8

ги, худшими почвенными ресурсами и прочими природными условиями. Но возрастание урожаев на нечерноземном севере, несмотря на худшие природные условия, это уже дело рук человеческих и прежде всего результат повышенных норм удобрений. А результат этот и теперь не мал. Пользуясь данными опытных станций по эффективности удобрений, можно установить, что в среднем по СССР, с учетом доли удобряемой площади на различных почвах и пропорций культур, одна тонна минеральных удобрений в пересчете на действующие начала увеличивает урожай в зерне до 10—12 т, а тонна простого навоза дает до полуцентнера хлеба в зерне. В общем же по Союзу на 100 млн. га посевов зерновых прибавка в урожае за счет удобрений составляла в 1937 г. до 70 млн. ц, или 420 млн. пудов, из которых не менее 50% падало на одну лишь лесную зону. А ведь у нас, считая даже по весьма скудной норме 18 т навоза на гектар, унавоживается пока что менее 8% всей площади зерновых.

Отмеченная выше высокая дефицитность балансов удобрений в СССР, покрываемая ежегодно за счет почвенных запасов NPK, ставит перед нами вопрос о сроках угрожающего нам истощения этих запасов. Вопрос этот довольно загадочный, так как выпахиваем мы наши черноземы без всяких почти возмещений вот уже свыше тысячи лет и все еще не выпахали. Мало того, урожайность за этот срок отнюдь не падала, а даже, несмотря на перманентные дефициты питательных начал, все возрастала. Возьмем хотя бы курские черноземы, распаханные еще курянами времен «Слова о полку Игореве».

Еще в XVII в. на государственной десятинной пашне урожай хлебов, по имеющимся у нас данным, не превышал здесь 4,5 ц на га (сам-третей); в среднем за десятилетие 1884—1893 гг. он поднялся по Курской губ. до 5,6 ц; в 1894—1903 гг.— до 7,6; в 1904—1913 гг.— до 8,3, а к 1937 г. в той же зоне лесостепи, по Средне-Русской провинции он достигал уже 9,3 ц на га, несмотря на то, что по Курской обл. пашня возмещалась возвратами едва на 9% выноса.

Аналогичные данные можно было бы привести и по другим зонам и провинциям. Если сопоставить годовой дефицит в покрытии выносов возвратами с почвенными запасами, из которых он черпается, то по всей Восточно-Европейской равнине получим такие соотношения интересующих нас величин (в млн. ц и %) к 1937 г. (табл. 25).

Таблица 25

Баланс NPK по Восточно-Европейской равнине

Почвенные запасы в 20-см слое	N	P_2O_5	K_2O	Итого
Валовые запасы, в млн. ц . . .	8738	4332	63000	76070
Подвижные »	849	392	752	1993
Выносы с урожаем из почвы . . .	30,2	14,8	31,0	76,0
Возврат за счет удобрений	14,9	6,9	10,5	32,3
Дефицит химического питания . . .	15,3	7,9	20,5	43,7
То же, в % к подвижным запасам	1,8	2,0	2,7	2,2
То же, в ‰ к валовым запасам .	1,75	1,83	0,33	0,57

Восточно-Европейская равнина с посевной площадью в 88,2 млн. га, для которой мы располагаем данными о валовых запасах NPK, обнимает до двух третей всей посевной площади Союза (1939). Почвенные запасы учтены нами, впрочем, на весь севооборот, т. е. на 126 млн. га, а выносы и возвраты рассчитаны лишь на 88,2 млн. га посевов. Подвижные запасы прикинуты нами здесь весьма ориентировочно за отсутствием о них полных данных по всем почвенным анализам. Тем не менее некоторые выводы из приведенных цифр напрашиваются с достаточно большой вероятностью. Исчисленные нами ежегодные дефициты могут восполняться только из подвижных почвенных запасов, которых, однако, могло бы хватить при таких дефицитах лишь года на 34 или около этого. Однако подвижные запасы почвы, как видим, отнюдь не иссякают, так как урожайность у нас за последние 70 лет не падала, а даже выросла по меньшей мере в 2 раза. А растущие урожаи при полном почти отсутствии удобрений означают и соответствующий рост выносов, а стало быть, и рост дефицитов. Отсюда заключаем, что подвижные запасы питательных начал в почве все время *восполняются из валовых* в таком темпе, что *их хватает не только для простого, но даже и для расширенного воспроизводства наших урожаев*. В крепостную эпоху у нас был полный застой в динамике урожайности, при выносе из почвы не свыше 40 кг на урожай в 4,8 ц/га, а ныне, при урожае свыше 10 ц/га, вынос уже превышает 80 кг NPK на га и даже чистый дефицит превышает 50 кг. Соответствующее ускорение превращения валовых запасов в подвижные со времени падения крепостного права и в особенности после Октябрьской революции объясняется прежде всего улучшением обработки земли и углублением пахотного слоя с 8—10 до 18—20 см, в особенности после того, как заморенную крестьянскую клячу сменили на пахоте мощные тракторы. Однако и валовые запасы питательных веществ не безграничны. При ежегодном дефиците в 50 кг на га их, правда, могло бы хватить по азоту и фосфору лет на 500, а по калию и больше. Но и при таких сроках у нас уже давно иссякли бы все запасы фосфора.

Поэтому здесь следует учесть еще одно обстоятельство, а именно действие эрозии.

Эрозия наносит нам громадный ущерб там, где во время таяния снегов и летних ливней, образуя громадные рытвины и овраги, уносит с потоками воды большие массы наиболее плодородных почв. Величина смыва почвы, в зависимости от условий рельефа (крутизна склона) и характера растительного покрова, сильно варьирует. Но в равнинных условиях СССР годовой слой смыва почвы за счет эрозии не превышает в среднем 1—2-тысячных пахотного слоя, увеличиваясь в Молдавии, Подолии, в районах Средне-Русской и Приволжской возвышенностей до 3—4-тысячных, а кое-где и выше. В пересчете на NPK этот смыв колеблется по валовым запасам питательных начал от 36 кг/га (в Белоруссии) до 230 (в Подолии), а в среднем по Восточно-Европейской равнине составляет около 105 кг/га, в том числе до 2 кг подвижных запасов, которые собственно и составляют реальный вычет из ресурсов данного года. Что же касается валовых запасов, то смыв их в верхних слоях пашни постоянно возмещается поступлением в обработку новых слоев невыпаханной еще целины снизу, до тех пор пока за период от 500 до 1000 лет не сменится целиком весь пахотный слой в 10—20 см глубины. Подпахотные слои целины обычно беднее верхних гумусовых, но за сотни лет в результате биохимических (бактериально-растительных) процессов почвы обогащаются и гумусом. Таким образом, и валовым запасам пахотного слоя не угрожает реальная опасность близкого истощения.

Но это отнюдь не гарантирует необходимого нам дальнейшего роста урожайности в СССР без решительного и весьма резкого перелома в области химизации советского земледелия. Те ресурсы почвы, которые до сих пор служили весьма медленному и скромному подъему урожайности в нашей стране за счет главным образом углубления пахотного слоя, в достаточной степени уже напряжены и исчерпаны.

Конечно, глубина пахотного слоя в 20 см для нас не предел. Мы знаем, что вся культурная почва — это прежде всего продукт нашего труда. Окультуривать ее можно по-разному — и вширь и вглубь. Некоторые ученые уже теперь поднимают вопрос о дальнейшем углублении пашни до 40—60 и даже 80 см [1]. Технически эта задача вполне разрешима. Таким путем за счет ускоренного оборота и использования естественных ресурсов почвы, ее биологической активности и резкого улучшения водо-воздушного режима почв можно обеспечить и дальнейший подъем урожайности. Но экономически этот путь еще недостаточно разработан. Чтобы углубить пахотный слой хотя бы вдвое, нужно с удвоенной глубины поднять вдвое большую по объему массу земли. Это означает не удвоение, а по меньшей мере учетверение затрат труда и горючего на гектар. А обеспечит ли это хотя бы временное удвоение у нас урожайности? Как видно из наших балансов, из 20-сантиметрового почвенного слоя мы извлекали пока без возмещения около 50 кг NPK при общем выносе в 80 кг/га. Допустим, что удвоение глубины вспашки позволит нам извлечь «бесплатно» еще 40—50 кг. Это не обеспечит нам удвоения урожая, так как для этого по балансу требуется не 50, а около 80 кг/га. А между тем «бесплатные» 50 кг NPK обойдутся нам недешево. Углубление вспашки до 40 см потребует, помимо больших капитальных вложений на новую технику (плантажные плуги и мощные двигатели), еще дополнительной ежегодной работы свыше миллиона кг/м на подъем с глубины 0,3 м до 4000 т грунта на га. И все это для извлечения из этих 4000 т каких-нибудь 40—50 кг NPK, т. е. едва 0,001% полезных веществ. Само собой понятно,

[1] В. П. Бушинский. Коренная переделка почв — основа создания эффективного их плодородия. В сб.: «Памяти академика В. Р. Вильямса». Изд-во АН СССР, 1942, стр. 48.

что такую добычу этих веществ при данном их рассеянии в почве, до тех пор пока мы их сможем получать гораздо дешевле из фосфоритных, калиевых и прочих руд с концентрацией в 10—20 тысяч раз более высокой, нельзя признать приемлемой [1]. Не имея возможности подробнее остановиться на этом вопросе, все же укажем, что путь химизации полей за счет привозных минеральных туков является в настоящее время наиболее правильным и эффективным, тем более, что он не истощает, а обогащает наши почвенные ресурсы. И если мы захотим добиться в ближайшие годы удвоения урожайности, то у нас нет иного более прямого и короткого пути.

Химизация наших полей, таким образом, является одной из важнейших и настоятельнейших задач современности. В теории она давно уже получила у нас свое признание. Но в повседневной практике нашего зернового хозяйства ею почти доныне еще недостаточно занимались [2]. Нельзя же в самом деле принимать всерьез те нормы минеральных удобрений на га, которые до сих пор уделялись нашему зерновому клину. Не нужно, однако, думать, что задачей химизации почвы является полное возмещение дефицитов почвенного баланса с вытеснением минеральными туками всех других приходных статей этого баланса. Это было бы не только непосильным, но и по существу неправильным решением задачи. Резкое расширение применения химических удобрений в зерновом хозяйстве должно дать ему только первый толчок к тому решающему сдвигу в сторону интенсификации, который сам обеспечит дальнейшее свое расширенное воспроизводство такими темпами, при которых доля минеральных туков, несмотря на абсолютный их рост, может даже сокращаться в общем приходном балансе питания почвы.

В самом деле, посмотрим, для чего нам нужен этот сдвиг и какие пути ведут к его осуществлению. Если мы поставим перед собой задачу удвоения урожайности, то не потому, что у нас в стране до сих пор не хватало хлеба. Нет, всем известно, что душевое потребление хлеба в нашей стране даже значительно выше, чем в других. Но большой объем растительного пайка в пищевом режиме населения отнюдь не является идеалом для страны социализма. Показателем нашего хозяйственного подъема и роста будет как раз заметное его сокращение в нашем пищевом бюджете. Но именно для того, чтобы иметь возможность сократить душевое потребление хлеба и других продуктов полеводства в СССР, мы и должны предварительно резко повысить урожайность наших полей. Это звучит парадоксом, тем не менее это верно.

Рационализация пищевого режима требует замещения более грубых и малоценных растительных элементов питания более полноценными и легче усвояемыми белками и жирами животного происхождения, в виде мясных и молочных продуктов. Килограмм мяса или масла, однако, недаром в несколько раз дороже такого количества хлеба или картофеля. Это лишь ценностный показатель того, что для получения одной единицы мясомолочных продуктов требуется переработать в виде корма скоту в несколько раз больше продуктов полеводства. Крайне нужный нам рост животноводства явится функцией роста растительных кормов. А этот рост в качестве своей предпосылки требует соответствующего подъема урожайности

[1] Другое дело выворачивание с глубины до 80 см обогащенного рудякового горизонта, рекомендуемое В. П. Бушинским. Такая операция, обогащая почву на десятки лет, может оказаться и вполне рентабельной.

[2] Решительный сдвиг в сторону химизации всей страны, требовавший высокого напряжения наличных ее ресурсов, как известно, оказался возможным только после последних решений нашей партии в 1963—1964 гг., и все благотворные результаты этих решений еще впереди.

наших полей. Чтобы выяснить все значение такого подъема и связанной с им глубокой перестройки нашего сельского хозяйства, проведем такой расчет. У нас еще недостаточно ресурсов для широкой химизации наших полей. Но тем меньше оснований распылять их в гомеопатических дозах по всем безграничным просторам Союза. Сосредоточив их в мощный кулак для полного насыщения хотя бы одного района, мы, несомненно, достигли бы гораздо большего и скорейшего эффекта. Для этого нужно лишь для начала удачно выбрать подходящий район с крупными потенциальными возможностями и малым их использованием. Допустим, что в таком районе при уровне урожая в 10—12 ц с га до 80% его уходило в зерне на питание населения и лишь 20% перерабатывалось на месте в мясомолочные продукты и навозное удобрение. Понятно, что при таких условиях удобрить навозом здесь можно было бы не свыше 15% посевной площади и питание полей осуществлялось бы с огромным дефицитом. Но предположим, что с помощью химизации мы достигнем здесь удвоенных урожаев. Тогда при прежнем потреблении населением продуктов полеводства, доля их на корм скоту возрастает втрое — с 20 до 60%. Вместе с тем утроится продукция животноводства, не исключая навоза, которого, стало быть, хватит уже на 45% посевов. Но это еще не все. Развитие скотоводства властно требует расширения и улучшения многопольного севооборота. А это позволит за счет бобовых снабдить еще 15—20% посевов азотом. Наконец, тот же севооборот значительно улучшит структуру почвы, повысит снабжение ее влагой и кислородом воздуха и тем самым ускорит химические и бактериалные процессы превращения валовых запасов NPK в почве в подвижные, что еще повысит приходный баланс ее питания, скажем, на 5—10%. В общем на долю химических удобрений в этом балансе останется уже совсем небольшой остаточный дефицит, за покрытием которого ударный кулак химизации можно будет направить уже на следующий район экстенсивного земледелия.

Так мыслится нам последовательный процесс химизации полей по всему нашему Союзу.

Производительные силы земли

До сих пор мы имели дело лишь с важнейшими из отдельных элементов, определяющих собой в своей совокупности так называемое естественное или природное плодородие почвы. Некоторые почвоведы, даже из числа академиков, склонны трактовать понятие естественного плодородия как устарелое. Однако это неверно. В трактовке наших классиков, в частности Маркса и Ленина — оно отнюдь для нас не устарело. Не следует лишь упрощать и вульгаризировать их трактовку. Мы не можем отвлекаться от районных различий в радиации энергии солнца, в количестве осадков, в структуре водных балансов и в прочих условиях климата, имеющих решающее значение для сельского хозяйства.

Но вместе с тем мы знаем, что «помимо климатических и тому подобных моментов, различие в естественном плодородии обусловливается различием химического состава верхнего слоя почвы, то есть различным содержанием необходимых для растений питательных веществ» [1]. К числу таких же моментов «так называемого естественного плодородия почвы» Маркс относит «и другие ее природные свойства» [2]. В своей совокупности они-то и определяют собой естественное плодородие, или потенциальную производительность земли. Но производительные силы земли складываются не только из этих природных моментов.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 202.

[2] Там же, стр. 203.

И потому от потенциальных сил естественного плодородия Маркс четко различает понятие «экономического плодородия», действительного или эффективного, с учетом уже и таких моментов, как достигнутая степень развития агрохимии и агротехники, количество вложенного труда, масштабы и формы производства и все прочие общественные моменты, определяющие фактическую производительность труда в земледелии.

«...Плодородие,— по Марксу,— вовсе не в такой степени является естественным качеством почвы, как это может показаться: оно тесно связано с современными общественными отношениями» [1]. Например, в индивидуальном мелком хозяйстве уровень плодородия земли значительно ниже, чем в крупном обобществленном, которое имеет возможность применять машины, использовать данные науки, применять удобрения, поднимать производительность труда и вообще лучше использовать даровые силы природы. Крупное производство возможно и в капиталистическом хозяйстве. Но здесь его успех сопровождается возникновением противоречий, вызывающих, говоря словами В. И. Ленина, «невозможность использовать все производительные силы нового, научного земледелия» [2]. Более того, капитализм создает крупное производство, конкуренцию, сопровождающиеся расхищением производительных сил земли. «Капитализм повышает технику земледелия и ведет его вперед, но он не может делать этого иначе, как разоряя, принижая и давя массу мелких производителей» [3]. Разоренный же мелкий производитель — крестьянин способен вести без машин, скота и удобрений лишь то жалкое экстенсивное хозяйство, при котором, по замечанию Маркса, даже «благоприятные климатические условия только пролагают путь *голодному году*» [4]. А между тем, как известно, по замечанию Ленина, «новейшая агрономия показала полную возможность восстановления производительных сил земли без стойлового навоза, посредством искусственных удобрений, прививки известных бактерий собирающим азот стручковым растениям и т. п.» [5] Развитие науки и техники позволяет нам по своему произволу повышать плодородие земли, мобилизуя для этого все ее естественные ресурсы. Но реализуют эту возможность в полной мере лишь новые люди при новых, социалистических общественных отношениях.

Переходя от отдельных естественных и общественных факторов плодородия к суммарному их выражению в синтетическом показателе урожайности земли на единицу площади и единицу труда, следует между прочим учесть следующие обстоятельства. Продукция земли разных природных зон и провинций весьма многообразна и разнокачественна и, создаваясь в разных пропорциях сообразно меняющейся структуре угодий и посевов, ставит перед нами нелегкую задачу — свести все это многообразие к некоторому сопоставимому в пространстве единству. Проще всего это сделать, пользуясь индексным методом, т. е. избрав определенный набор продуктов почвы, например известную пропорцию зерна, сена и древесины, и исчисляя, какое количество земли (пашни, луга и леса) и труда необходимо для получения данного набора продуктов на сопоставляемых территориях. Поскольку нас интересует прежде всего естественное плодородие почвы различных районов при прочих равных условиях агротехники и агрохимии, то мы вычислим наши индексы в условиях повсюду одной и той же безмашинной техники и обработки без удобрений.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 175.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 116.
[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 343.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 112.
[5] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 152.

В среднем по Союзу на 100 га удобной земли приходится 10 га посевов, 25 га лугов и до 60 га леса. Полагая, что естественное плодородие удобной площади не зависит от степени его использования по условиям баланса труда тех или других культур, примем вышеуказанные соотношения за твердый стандарт для всех зон и провинций Союза. Средняя продукция на 100 га удобной площади такого состава без удобрений, по данным 1933—1937 гг., достигла бы 78 ц зерна +324 ц сена +600 ц заготовленной древесины, всего около 100 т по весу, на сумму до 1230 руб. золотом в довоенных ценах. Затраты безмашинного крестьянского труда для производства продукции этого же стандартного набора составляли бы около 650 человеко-дней. Сопоставляя эти средние нормы по Союзу с соответствующими показателями по отдельным природным провинциям, мы получим ряд индексных чисел для измерения естественного плодородия почвы этих провинций и производительной силы простого земледельческого труда. Но помимо таких стандартных индексов, по неизменному для всех провинций набору продукции, представляет известный интерес также стоимость продукции и затраты труда, взвешенные по меняющемуся составу этой продукции в связи с изменением пропорций угодий каждой провинции. За отсутствием некоторых данных по азиатской части Союза приведем все эти синтетические показатели лишь для европейских провинций СССР (табл. 26).

Таблица 26

Показатели естественного плодородия районов (без удобрений)

Полосы и провинции	Продукция угодий на 100 га, в т				Затраты труда на 100 га, в чел./дн.				Сводные индексы	
	посев зерновых	лугов (сено)	лесов (дрова)	средняя взвешенная в золотых руб.	посева зерновых	лугов	лесов	средние взвешенные	площадь на 100 т набора продукции, в га	затраты труда на 100 т набора продукции, в чел./дн.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I. Западная полоса										
Прибалтийская лесная	54	102	87	1426	3440	1360	197	1300	115,2	1064
Полесская	75	128	123	2264	3020	1200	236	1570	84,5	733
Украинская лесостепная	106	150	150	4600	2800	1310	315	2320	69,0	615
Южно-Украинская степная	91	82	140	4375	1430	600	330	1282	90,9	502
Северо-Крымская сухостепная	83	72	125	3650	1510	600	177	1260	102,4	497
II. Центральная полоса										
Вологодская лесная . .	85	93	65	957	3590	1460	110	648	136,3	939
Московско-Окская . . .	61	123	123	1814	3030	1450	211	1410	86,9	873
Центральная лесостепная	93	135	140	3615	2300	1610	260	1816	75,2	691
Волжско-Донская степная	75	85	135	3290	1580	1000	329	1367	92,9	691
Предкавказская	105	81	135	4048	1610	800	330	1027	91,8	586
III. Восточная полоса										
Двинско-Печорская лесная	85	93	28	291	4920	1650	27	135	258,0	1084
Предуральская лесная .	85	117	98	1678	2640	1140	161	885	98,1	658
Заволжско-Уфимская лесостепная	97	101	120	3127	2150	920	221	1348	90,1	580
Заволжская степная . .	80	62	125	3363	1700	600	312	1336	110,0	629
Юго-Восточная сухостепная	60	53	115	2139	1140	570	280	919	126,4	642

Присматриваясь к данным приведенной таблицы, нетрудно убедиться, что продукция лугов и естественный прирост древесины за год, изменяясь с севера на юг, следуют в точности той же закономерности, что и урожаи зерновых без удобрений. Сначала они заметно возрастают с переходом от подзолов лесной к черноземам лесостепной зоны, а затем дальше к югу снова падают за оскудением почвенных запасов и водных ресурсов. Прирост древесины к югу за пределами лесной зоны значительно выше и по качеству твердых пород и в количественном отношении, по сравнению с севером, только за недостатком влаги леса здесь встречаются все реже, лишь в наиболее влажных долах и впадинах. Это сокращение к югу площади лесов с наиболее дешевой продукцией приводит к тому, что в денежном выражении в золотых рублях взвешенная средняя продукция на 100 га возрастает к югу значительно быстрее натуральных показателей естественного плодородия почвы. Что же касается трудовых затрат на единицу площади, то на зерновых посевах и сенокосах они все время падают с севера на юг, в соответствии с падением интенсивности земледелия в том же направлении. На лесозаготовках же они, наоборот, возрастают к югу с повышением лесной продукции с единицы площади и с переходом от сплошных вырубок к более трудоемкой выборочной рубке. Средневзвешенные затраты труда по всей площади полей, лугов и лесов в связи с резкими колебаниями структуры этих угодий с севера на юг полнее всего отражают в себе трудоинтенсивность использования земли всех названных категорий, взятых вместе. Наибольших затрат требуют, конечно, посевы, и потому в тех районах, где они занимают максимальную долю общей удобной площади, а именно в провинциях лесостепной зоны, всего выше и средние затраты на единицу площади, хотя интенсивность обработки полей и лугов на подзолах севера значительно выше, чем в этой зоне.

Наиболее точным синтетическим показателем производительности земли без удобрений, т. е. естественного ее плодородия, может служить площадь земли, потребная на 100 т стандартного набора зерна, сена и древесины, одного и того же для всех провинций (см. графу 10 табл. 26), или обратная ему величина, показывающая число тонн стандартного набора продукции на единицу площади. Располагая наши провинции в порядке убывания этого показателя производительной силы почвы в тоннах на 100 га, получим такую их последовательность (табл. 27).

Таблица 27

Индекс производительной силы почвы

Провинции	Индекс	Провинции	Индекс
Украинская лесостепная	145	Предуральская лесная	102
Центральная »	133	Северо-Крымская лесостепная	98
Полесская лесостепная	118	Заволжская степная	91
Московско-Окская лесная	115	Прибалтийская лесная	87
Заволжско-Уфимская лесостепная	111	Юго-восточная сухостепная	79
Южно-Украинская степная	110	Вологодская лесная	73
Предкавказская степная	109	Двино-Печорская лесная	39
Волжско-Донская степная	108		
		В среднем по СССР	100

Первые места в этом списке, как видим, принадлежат центральной лесостепной зоне и непосредственно примыкающим к ней провинциям лесной и степной зон, а последние — провинциям Крайнего Севера и юго-восточной сухой степи. Колебания «естественного» плодородия разных

провинций Союза по этим показателям имеют довольно широкий диапазон, и максимум достигает 372% от минимума. Однако и в приведенных показателях можно еще усмотреть известный дефект. Исключив влияние удобрений на естественное плодородие различных почв, мы не учли еще одного аналогичного фактора, который тоже нельзя отнести к числу естественных. Если различные почвы для одного и того же эффекта, например, на 100 т одной и той же продукции требуют от нас различных затрат труда, то плодородие их не приходится считать для нас равноценным. И потому особый интерес приобретает для нас показатель трудовых затрат на единицу продукции (см. графу 11 табл. 26) или обратная ему величина — тонна стандартной продукции в натуре на единицу простого труда, которую можно бы назвать индексом производительной силы труда в приложении к земле разных природных качеств. Располагая наши провинции в порядке убывания величин этого индекса, в тоннах на 100 человеко-дней безмашинного труда, мы получим уже несколько иную их последовательность (табл. 28).

Таблица 28

Индекс производительной силы труда

Провинции	Индекс	Провинции	Индекс
Северо-Крымская сухостепная	20,1	Центральная лесостепная . .	14,5
Южно-Украинская степная. .	20,0	Волжско-Донская степная . .	14,5
Заволжско-Уфимская лесостепная	17,2	Полесская лесная	13,7
Предкавказская степная . . .	17,1	Московско-Окская лесная . .	11,5
Украинская лесостепная . . .	16,3	Вологодская лесная	10,6
Заволжская степная	15,9	Прибалтийская лесная	9,4
Юго-Восточная сухостепная .	15,6	Двино-Печорская лесная . . .	9,2
Предуральская степная . . .	15,2	В среднем по СССР .	15,4

Здесь уже на первый план явно выступают степи благодатного юга и отстают все северные и северо-западные провинции лесной зоны. Характерно, между прочим, что Московско-Окский центр с его интенсивным земледелием, занимавший в первом списке четвертое место сверху, во втором списке спустился на четвертое место снизу. Это может послужить лучшим примером того, на сколько ступеней кверху по лестнице возрастающего плодородия смогут подняться и другие ныне отсталые провинции юго-востока, когда к даровым силам природы они присоединят в достаточном количестве и свои собственные трудовые усилия. Колебания данного индекса уже значительно меньше, но все же максимум превышает минимум более чем в 2 раза.

Показания указанного индекса производительной силы труда в сельском и лесном хозяйствах не следует смешивать с индексами фактической производительности труда в полеводстве и других отраслях сельского хозяйства, которые значительно выше уже потому, что в них учитывается и влияние удобрений, и работа машин, и все прочие условия конкретного и все более сложного труда.

Некоторое представление о фактическом уровне производительности труда в нашем зерновом хозяйстве и тех сдвигах, какие в нем достигнуты за период коллективизации, могут дать следующие итоги выборочного обследования ЦСУ по ряду областей (табл. 29).

На единицу площади за 15 лет мы имеем уже удвоение, а на единицу продукции зерновых — утроение производительности труда.

Таблица 29

Уровень производительности труда в зерновом хозяйстве

Затраты труда, в чел./днях	на 1 га	на 1 ц
В крестьянских хозяйствах 1922—1925 гг.	20,8	3,2
В колхозах 1933 г.	12,3	1,7
» 1937 г.	10,5	1,0

Выше мы видели, как резко колеблется естественное плодородие почв по отдельным природным провинциям Восточно-Европейской равнины. Довольно заметно изменяется оно даже в гораздо более крупных земельных массивах целых зон и полос, как показано в табл. 30.

Таблица 30

Естественное плодородие почвы зон и полос (без удобрений)

Страны, зоны и полосы	Продукция угодий на 100 га, в т				Трудовые затраты, в чел./днях на 100 га				Сводные индексы	
	посевы в зерне	луга (сено)	лес (дрова)	средняя взвешенная, в гол. рубл.	посева зерновых	лугов	леса	Средняя взвешенная	Площадь на 100 т набора, в га	Затрата на 100 т набора, чел./дней
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I. Восточно-Европейская равнина										
Лесная зона (6 пров.)	72	113	68	1250	3030	1360	110	835	142,8	777
Лесостепная (3 пров.)	114	141	132	3650	2395	1310	248	1770	75,3	574
Степная (4 пров.)	85	79	134	3810	1550	785	326	1245	94,6	604
Сухостепная (2 пров.)	64	55	118	2390	1227	572	255	975	112,8	564
Итого по 15 пр.	84	99	79	2380	2210	1100	135	1150	118,0	668
В том числе: Западная полоса (5 пров.)	86	112	114	3260	2360	1105	223	1610	90,6	650
Центральная полоса (5 пров.)	85	107	104	2730	2200	1280	232	1360	97,2	724
Восточная полоса (5 пров.)	81	81	59	1612	2060	860	41	732	151,2	584
II. Горная страна Урал	94	95	88	888	2400	1000	177	340	111,0	662

В направлении с севера на юг наш сводный индекс производительной силы земли обнаруживает максимум плодородия, как и следовало ожидать, на черноземах лесостепной зоны. А с продвижением с запада на восток все показатели плодородия дают максимум в западной полосе и затем неуклонно падают к востоку, хотя почвенные богатства центральной и восточной полос Восточно-Европейской равнины заметно, на 25—30%, превышают ресурсы запада. Правда, на западе больше влаги, но кое-где, например в Полесье, ее, пожалуй, даже слишком много. И дело, по-видимому, здесь не столько в различии природных ресурсов запада и востока, сколько в различном приложении к ним человеческого труда. Производительная сила земли в тоннах стандартной продукции на 100 га выражается по нашим зонам и полосам в следующих цифрах (табл. 31).

Таблица 31

Индекс производительной силы почвы

Зоны	Индекс	Полосы	Индекс
Лесостепная . .	133	Западная	110
Степная	106	Центральная . .	103
Сухостепная . . .	89	Восточная	66
Лесная	70		
		В среднем	85

Если обратиться к индексу производительной силы труда в приложении к тем же территориям, в тоннах той же продукции на 100 человеко-дней простого (безмашинного) труда, то получим такой их порядок (табл. 32).

Таблица 32

Индекс производительной силы труда

Зоны	Индекс	Полосы	Индекс
Сухостепная . . .	17,7	Восточная	17,1
Лесостепная . . .	17,4	Западная	15,4
Степная	16,6	Центральная . . .	13,8
Лесная	12,9		
		В среднем	14,9

Как видим, здесь преимущества южного солнца и особенности почв сказываются сильнее. Из расчета на единицу труда юг и восток дают больше продукции, чем север и запад. В условиях более рационального хозяйства эти естественные преимущества юга и востока сказались бы еще сильнее. Очень показательно также, что восточная часть СССР по своим индексам производительной силы земли и труда в земледелии уже и теперь стоит выше среднего уровня по Восточно-Европейской равнине.

Таковы некоторые наиболее суммарные итоги и обобщения, которые уже теперь напрашиваются из нашего исследования.

V. ФАКТОР ВРЕМЕНИ В ПРОЕКТИРОВКАХ КАПИТАЛЬНЫХ ВЛОЖЕНИЙ[1]

В плановом хозяйстве производственно-трудовые пропорции определяются общественными потребностями в различного рода продуктах и услугах. Но количество труда, необходимого для производства заданного планом количества того или иного продукта, зависит не только от масштаба выявленной потребности в данном продукте, но и от *уровня техники*, при котором планируется данное производство. А уровень техники в условиях расширенного воспроизводства определяется обычно масштабами возможных капитальных вложений на единицу планируемой продукции. Чем выше эти вложения, тем ниже обычно удается спланировать текущие эксплуатационные затраты. И поскольку более высокая техника рано или поздно *возмещает* экономией в эксплуатационных затратах живого труда излишек капитальных вложений труда овеществленного, то, казалось бы, при отборе наилучших строительных вариантов предпочтение *всегда* следует отдавать *самой высокой технике,* обеспечивающей наиболее низкие текущие затраты.

Однако так задача не решается. Не располагая неограниченными запасами овеществленного труда, мы не можем расходовать их в *любых масштабах.* Вместе с тем требования *расширенного* воспроизводства высокой техники не позволяют нам также считать приемлемыми и *любые сроки* воспроизводства завязываемых нами в новом строительстве ресурсов овеществленного труда. Темпы технического прогресса предъявляют к нам в этом отношении *свои* требования, ибо, завязав на слишком долгие сроки наличные производственные ресурсы овеществленного труда в быстро стареющей технике, мы именно поэтому можем оказаться в нужный момент без достаточных ресурсов для внедрения еще более эффективной *новой* техники.

Роль овеществленного в средствах производства *прошлого* труда и труда *живого* в их производственном сочетании весьма различна в народном хозяйстве. Живой труд, до тех пор пока он не овеществлен в продуктах, может быть использован в самых различных комбинациях и направлениях и, сам являясь мерилом всякой ценности, всегда создает ее в одной и той же мере. Но, будучи *овеществленным,* этот труд уже очень много теряет в своей мобильности, становясь пригодным только в узких пределах своего прямого назначения, а со временем, когда наряду с ним появляются и более эффективные вещественные ресурсы того же назначения, он теряет кое-что и в своей потребительной стоимости. Вместе с тем овеществленный в новых средствах производства *прошлый* труд обладает способностью во много раз повышать в будущем продуктивность невооруженного *живого* труда. Вот почему, несмотря на то что овеществленный и живой труд различаются только по времени, как прошлое и будущее одного и того же трудового процесса, проблема соизмеримости их в результате фактора времени существенно осложняется. Проектируя новое предприятие в различных вариантах, нам приходится между тем для сравнительной оценки эффективности требуемых ими вложений сопоставлять как раз затраты *прошлого труда* на строительство этого предприятия с *грядущим* их

[1] «Известия АН СССР. Отделение экономики и права», 1946, № 3.

эффектом в результате применения живого труда в течение целых десятилетий.

Как же решается эта задача?

Народная мудрость гласит, что и синица в руках предпочтительнее журавля в *небесах*. И если мы все же затрачиваем наличные производственные ресурсы сегодняшнего дня в расчете на их эффект в более или менее отдаленном будущем, то делается это, конечно, лишь в твердой надежде на то, что ожидаемый будущий эффект вознаградит нас *с избытком* за потраченные на эту цель фонды прошлого труда. Однако этот избыток можно расценивать с разных сторон: и как добавочный *продукт в потребительном* его значении, и как добавочную меновую *стоимость*, и, наконец, в том и другом виде. В условиях капитализма предпринимателя вовсе не интересует *потребительная* стоимость его продукции, создаваемой на продажу. И потому на всякое добавочное вложение средств производства он решается лишь в том случае, если ему за это обеспечен достаточный прирост *стоимости* его вложений в форме сложных процентов на вложенный капитал, не ниже установившейся в стране по условиям рынка средней нормы прибыли. В плановом социалистическом хозяйстве, где производство организуется ради *потребления*, достаточной компенсацией за добавочные вложения прошлого труда может служить уже добавочное количество создаваемых благодаря этому *предметов потребления* при прежних затратах труда или соответствующее сокращение этих затрат при равных масштабах производства потребительных благ.

Тем не менее в советской практике проектирующих организаций и до сих пор еще не вполне отрешились от ориентации на тот или иной *процент накопления* как на *высший* критерий пригодности тех или иных строительных вариантов. Вначале в качестве такой минимально допустимой нормы прибыли советские проектанты, следуя примеру И. Г. Александрова в его проектировках крупнейших гидростанций, принимали 6% на капитал. Затем, учитывая высокие темпы расширенного воспроизводства советской индустрии, они стали считать более для нас приемлемыми, даже в качестве минимальных пределов, 8 и 10% накопления. Никто, однако, никогда не апробировал на практике ни одной из этих совершенно произвольных норм рентабельности, а в теории достаточно оснований и прямо отвергать их регулятивное значение в применении к *советским* условиям хозяйства. Но за отсутствием каких-либо других критериев — помимо сравнительной рентабельности сопоставляемых вариантов — проектировщики этих вариантов в их оценке неизменно возвращаются к своим прежним, привычным позициям. Иногда, впрочем, вместо ставшей уже несколько одиозной «нормы рентабельности» она появляется в проектных расчетах под весьма прозрачной маской соответствующих ей «сроков окупаемости» добавочных вложений или под иными псевдонимами, что, однако, нисколько не меняет существа дела.

Такая практика наших проектантов не может быть теоретически оправдана в советских условиях уже потому, что она не считается с некоторыми принципиальными особенностями плановой системы хозяйства. Ориентировка на высшую рентабельность не всегда оправдывается даже в условиях капитализма, где рыночные цены устанавливаются стихийно. Устремляя свои вложения туда, где их ожидает наибольшая рентабельность при наличных ценах, каждый предприниматель в отдельности действует, казалось бы, вполне сознательно и целеустремленно. Но объективно все в совокупности они являются при этом лишь слепыми орудиями и жертвами рыночной стихии, приводящей в действие, снижая цены, закон средней нормы прибыли и обманывающей, таким образом, все слишком радужные их ожидания и расчеты. Особенностью советского хозяйства является то, что и цены, а вместе с тем и нормы накопления по каждому продукту и производству устанавливаются не стихийно, а сознательно,

в плановом порядке. Закон средней нормы прибыли не свойствен советскому хозяйству, и Госплан вполне сознательно сосредоточивает максимум накоплений в отраслях, производящих предметы потребления, *удешевляя* тем самым средства производства и расширяя сферу их применения[1]. Вместе с тем советская система не исключает из плана и вовсе нерентабельных предприятий до тех пор, пока их продукция нужна народному хозяйству, а их убытки перекрываются накоплениями по другим предприятиям той же отрасли производства. Таким образом, признак рентабельности сам по себе отнюдь не может считаться *решающим* и в вопросах о строительстве *новых* предприятий в условиях планового хозяйства. Во всяком случае определенная норма рентабельности — в 6% или в какой-либо иной цифре — критерием приемлемости выдерживающих эту норму проектных вариантов служить здесь не может.

Уравнение нормы прибыли на капитал во всех отраслях производства самого различного уровня техники и вооруженности труда, свойственное капитализму, отнюдь не при всяких условиях вытекает из требований закона стоимости. Отчуждаемая капиталистами прибыль, как известно, создается трудом, а не капиталом. Поэтому при равной норме эксплуатации труда должна бы наблюдаться пропорциональность отчуждаемой в разных отраслях суммы прибавочной стоимости *количеству занятого в них труда, а не капитала.* И если этого не наблюдается в условиях капитализма, то это объясняется лишь присущим ему механизмом рыночной *конкуренции* между собою всех частных собственников средств производства. Механизмом этой ожесточенной конкуренции капиталистов — за счет соответствующего *отклонения* цен производства от стоимости, т. е. как бы за счет систематического «нарушения» закона стоимости — и осуществляется через рынок то автоматическое *перераспределение* отчуждаемых прибылей в пользу сильнейших капиталистов, благодаря которому закон стоимости принимает характерную для капитализма на известной стадии его развития *превращенную* форму — форму *тенденции к уравнению нормы прибыли* на капитал во всех отраслях труда.

При этом очень важно подчеркнуть, что эта тенденция отклоняет цены от стоимости *в самом невыгодном для развития высокой техники направлении.* Удешевляя продукцию отраслей труда с пониженным строением капитала за счет отраслей с более высокой техникой, закон средней нормы прибыли *сужает* масштабы возможного потребления продукции таких *наиболее передовых* отраслей и тем самым ставит ничем не оправданные пределы их развитию.

В советском хозяйстве частная собственность на средства производства отпала. Единственный их хозяин — народ, не имеет потребности конкурировать с самим собою. Механизм конкуренции между различными отраслями, стало быть, тоже отпадает. А вместе с тем теряет почву и всякий смысл и закон средней нормы прибыли.

Советское общественное хозяйство с этой точки зрения приходится рассматривать как *единый,* хотя и многосложный, хозяйственный комбинат, в котором нет никакой нужды добиваться *равенства* рентабельности всех его отдельных «цехов» и подразделений. Получить заданную планом норму накопления *по всему* народному хозяйству в целом не трудно при любых колебаниях рентабельности, маневрируя отпускными ценами разных отраслей труда и отдельных предприятий.

Межотраслевая средняя норма прибыли в связи с этим никаким критерием для проектантов отдельных предприятий той или другой отрасли

[1] Так, например, норма прибыли в производстве средств существования по трестам ВСНХ уже в 1925/26 г. в 2,5 раза превышала норму прибыли в производстве средств производства, при колебаниях по отдельным отраслям от — 17,5% до +23,5% и достигая в среднем 8,2% (см. С. Г. Струмилин. Проблемы планирования в СССР. Л., 1932, стр. 408).

служить не может. Восстанавливать *искусственно* в наших условиях действие закона средней нормы прибыли было бы не только бесцельно, но и вредно, поскольку он тормозит развитие технического прогресса. Не могли бы служить задачам проектантов и средние нормы рентабельности отдельных отраслей. Как известно, цены у нас устанавливаются *единые* для каждого продукта, независимо от того, в каких условиях и при какой технике он производится на разных заводах. И потому обеспечить *равную* норму рентабельности на всех таких заводах в любой отрасли — задача заведомо неосуществимая. Можно бы поставить себе другую задачу: строить вновь только такие предприятия, которые по своей рентабельности превышают среднюю норму рентабельности существующих уже объектов того же назначения. Но и такая установка была бы сплошь и рядом совершенно неприемлемой. Если нам потребуется, например, много миллионов тонн дополнительного металла с неизбежным использованием для этого более бедных руд, дальше расположенных углей и других менее благоприятных условий, то придется проектировать и *менее рентабельные* новые домны.

Учитывая невозможность опереться в своих проектных расчетах на какую-либо заранее заданную норму рентабельности, наши проектанты готовы были бы сохранить лишь критерий *сравнительной* экономичности сопоставляемых вариантов. Если из двух или нескольких технически вполне годных решений какой-либо производственной задачи одно дает больший экономический эффект, чем другие, то на нем и следует остановить свой выбор. Положение казалось бы бесспорное. Неясен лишь критерий экономичности. Если при сопоставлении разных технических вариантов нового объекта строительства найдется один, который при *меньших* или *равных* с другими вложениях обеспечивает и *наименьшие* текущие эксплуатационные затраты, то выбор ясен. Такой вариант бесспорно экономичнее других. Но такие случаи представляют собой редкие исключения, а общим правилом является такой случай, когда *уменьшение* эксплуатационных затрат достигается за счет *увеличения* капитальных вложений. И тут выбор становится уже гораздо труднее, ибо для него нужно еще найти надежный критерий соизмеримости затрат *прошлого* труда с их *будущим* эффектом в виде ожидаемой экономии в труде живом. В самом деле, обратимся к цифровым иллюстрациям возможных случаев при решении типовых задач этого рода.

Представим себе, что требуется построить электростанцию заданной мощности и речь идет о выборе между гидростанцией и тепловой или, скажем, о какой-либо комбинации гидроэнергетики с тепловыми резервами. Или пусть задан к постройке трудный участок горной железной дороги и нам предстоит выбор между дорого стоящим вариантом с туннелями и виадуками, но короткой и прямой трассой и более дешевым — с дальним обходом труднейших препятствий и более значительными эксплуатационными затратами или, наконец, выбор еще более дешевой по строительным затратам и еще более дорогой в эксплуатации — подвесной железной дороги.

Или возьмем такую проблему размещения. Что выгоднее? Построить ли новый, более *дорогой* по условиям Севера соляной рудник в Нордвике для нужд Арктики в расчете на более *дешевую* доставку соли потребителям или расширить с *меньшими* вложениями добычу соли, скажем, в Павлодаре, но с ежегодной *переплатой* на текущих затратах в течение ряда лет за несколько тысяч километров лишнего пути этой соли.

Особый интерес может еще представить задача иного типа. Допустим, что нам нужно построить рудник на месторождении с ограниченными запасами ископаемого, которые можно исчерпать при различных вложениях в более длинный или более короткий срок, и нужно решить, какой из пред-

ложенных вариантов добычи, рассчитанных, скажем, на 10, 15 и 20 лет, явится наиболее экономичным.

Остановимся прежде всего на задачах первого типа. Пусть нам предложены три варианта получения нужного количества годовой продукции с затратами вложений в 1000, 2000 и 3000 единиц при сроках их амортизации в 20, 25 и 30 лет и соответствующем снижении годовых эксплуатационных издержек. Представим себе далее, что проектанты, ограничиваясь учетом одной лишь себестоимости без прибыли, дали нам следующее цифровое сопоставление вложений с текущими затратами по всем вариантам (см. табл. 1).

Таблица 1

Проектные варианты

Капитальные вложения	Сроки износа в годах	Продукция в натуре	Годовые издержки валовые				Годовая экономия по II и III вариантам	Срок окупаемости дополнительных вложений по II и III вариантам
			износ	прочие издержки	итого	на единицу продукции		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I 1000	20	100	50	670	720	7,2	—	—
II 2000	25	100	80	580	660	6,6	60	16,7
III 3000	30	100	100	500	600	6,0	120	16,7

Из сопоставления показателей таблицы видно, что по вложениям наиболее выгодным является первый вариант, по издержкам на единицу продукции — третий, а по срокам окупаемости дополнительных вложений по сравнению с первым вариантом второй и третий вариант как будто равноценны. На каком же из них остановить свой выбор?

Ни одно из этих противоречивых показаний само по себе еще не решает вопроса о наивыгоднейшем из рассматриваемых вариантов. И меньше всего дает в этом отношении срок окупаемости, на который ориентируются обычно наши проектанты, как на решающий в этом сопоставлении показатель. В самом деле, какой из него можно сделать вывод? Что *дополнительные* вложения в последующие варианты по сравнению с первым обеспечивают 6% дохода в год и, стало быть, могут полностью «окупиться» еще один раз, помимо *полного погашения* их износа амортизационными отчислениями, уже за 17 лет. Но, во-первых, совершенно еще не ясно, почему именно капитальные вложения в процессе эксплуатации должны «окупаться» *дважды*: и в порядке амортизации, и в порядке дополнительного самовозрастания процентированием. Из того, что в прежние времена капитал праздновал свои именины, подобно гоголевскому городничему, и на Антона, и на Онуфрия, удваиваясь за то или иное число лет, вовсе еще не следует, что и в общественном хозяйстве СССР это столь же естественно и необходимо. Не является ли в наших условиях достаточной компенсацией за пользование средствами производства, помимо полного их восстановления в порядке амортизации, уже тот дополнительный продукт, который мы получаем в процессе их эксплуатации, или соответствующая экономия в труде по сравнению с условиями невооруженного, ручного труда? А если признать, что и в социалистическом обществе, помимо однократного возмещения в натуре износа средств производства, необходима какая-то дополнительная компенсация за их использование, то до определения масштабов этой компенсации нам ничего не скажут и пресловутые «сроки окупаемости» наших проектантов.

Пусть дополнительные вложения в наши второй и третий варианты «окупаются» из 6% в 17 лет. Но *много* ли это или *мало* — мы не знаем. К тому же нам вовсе неизвестно, из скольких процентов или, говоря иначе, во сколько лет «окупаются» вложения первого варианта, поскольку мы

оперируем лишь *себестоимостью* продукта сопоставляемых вариантов без соотношения с их *полной стоимостью* и отпускной ценой, которых проектанты и не могли бы определить из своих исходных данных, поскольку они устанавливаются для всей страны в совершенно ином порядке. А между тем от этой неизвестной величины зависит и сравнительная экономичность наших вариантов. Рентабельность разных вариантов ведь определяется не себестоимостью, а *разностью* между отпускной ценой и себестоимостью, отнесенной к величине капитальных вложений. И вот, если за меру экономической эффективности наших вариантов принять процент их рентабельности, то, меняя отпускные цены продукции в нашем примере в пределах всего от 7,5 до 8,1 единицы стоимости за единицу продукции, мы получили бы такие колебания рентабельности этих вариантов (см. табл. 2).

Таблица 2

Проектные варианты

Капитальные вложения	Количество продукции	себестоимость продукции	Годовая прибыль при отпускных ценах за единицу			Рентабельность вложений в % при ценах			Сроки окупаемости вложений при ценах		
			8,1	7,8	7,5	8,1	7,8	7,5	8,1	7,8	7,5
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I 1000	100	720	90	60	30	9,0	6,0	3,0	11,1	16,7	33,3
II 2000	100	660	150	120	90	7,5	6,0	4,5	13,3	16,7	22,2
III 3000	100	600	210	180	150	7,0	6,0	5,0	14,3	16,7	20,0

Как видим, при снижении отпускных цен всего на 8% *наиболее* рентабельный из вариантов нашего примера становится уже *наименее* рентабельным и наоборот. Но ведь отпускные цены и их динамика находятся за пределами ведения и компетенции проектантов. Как же в таком случае можно положиться на исчисляемые ими сроки «окупаемости» и вытекающие из них выводы? В особенности если иметь в виду *неизбежное* в перспективе целых десятилетий *снижение* цен, столь благоприятствующее, кстати сказать, как видно из нашего примера, наиболее *капиталоемким* вариантам и *высокой* технике. Ведь игнорируя по условиям принятой ими методики расчетов «окупаемости» столь важное обстоятельство, наши проектанты явно протежируют худшим вариантам с пониженным уровнем техники и тем самым *тормозят* возможные у нас темпы технического прогресса. Еще легче впасть в такую ошибку, когда нам на выбор предлагаются варианты *равной* «окупаемости». Если признать равноценными по своему экономическому эффекту такие варианты, с различными начальными вложениями, то, несомненно, во всех случаях выбор склонится в пользу варианта с *наименьшими* вложениями, а стало быть и с наименее совершенной техникой. А между тем в этом случае уже *малейшее* снижение цен покажет ошибочность такого выбора, даже исходя из позиций «окупаемости».

Коренным пороком этих позиций является заложенная в их основе ложная идея о *самовозрастании* стоимости капитальных вложений во времени. Только в предположении, что овеществленный в средствах производства прошлый труд обладает чудесным свойством давать постоянный приплод ценностей, как возрастающая функция фактора времени, можно обосновать требование компенсации за их использование по известной формуле $C_t = C_0\ (1 + p)^t$, где C_0 — начальные вложения, p — процент годового приплода и t — время их использования. А между тем имеются все основания утверждать, что хотя действие фактора времени на стоимость вложений отрицать не приходится, но направлено оно как раз в обратную сторону. Апологетической идее самовозрастания капитала, унаследованной от прошлого, нужно противопоставить реальный факт хрони-

ческого *обесценения* всех материальных фондов в меру возрастания производительности труда. Это позволяет и нам рассматривать стоимость всех продуктов овеществленного труда как величину *переменную* во времени. Только вопреки «теории» самовозрастания эта величина будет *убывающей*, а не возрастающей функцией времени. Фактор времени, впрочем, и в этом случае действует не сам по себе, а как экономический эффект протекающего во времени технического прогресса. Известно, что стоимость любого блага определяется не *фактическими* затратами труда на его производство в прошлом, а средними общественно необходимыми затратами на его *воспроизводство* в условиях момента оценки. А это величина, заведомо убывающая в условиях непрерывного роста производительности труда, и ее можно выразить в оценке наших фондов при известных допущениях формулой: $C_t = C_0 : (1 + p)^t$, где C_0 — начальная стоимость этих фондов, p — годовой прирост производительности труда в стране и t — время, протекшее с момента начальной их оценки.

Темпы роста производительности труда в разных странах и отраслях хозяйства весьма различны. В странах капитализма они много ниже, чем в СССР, в сельском хозяйстве ниже, чем в индустрии. Так, например, в США этот прирост даже в индустрии не превышал за 1928—1955 гг. и 1,4% в год, а в СССР он достиг 7,35% [1]. В сельском хозяйстве ежегодный прирост производительности труда составлял около 6% [2].

Такой величиной нельзя, конечно, пренебрегать в народно-хозяйственных расчетах вообще и в особенности в перспективных планах строительства, в котором на десятки лет предстоит завязать многие миллиарды. Куда бы мы их ни вложили в пределах единого социалистического хозяйства, нас не может удовлетворить лишь то, что в порядке нормального погашения износа наших фондов мы сможем полностью восстановить их в прежнем виде *в натуре*, ибо *стоимость* их при этом благодаря воздействию технического прогресса, независимо даже от так называемого морального устарения, будет уже не та. Потери этой *стоимости* прошлого труда в наших фондах мы должны полностью возместить за время их эксплуатации. И формула, определяющая степень обесценения продукции прошлого труда, на любой момент времени, давая нам меру экономической *соизмеримости* по стоимости продукта *прошлого* труда с тождественным продуктом труда будущего, вполне обеспечивает такую возможность.

Поясним это конкретнее. Формула $C_t = C_0 : (1 + p)^t$, как и равнозначная ей $C_0 = C_t(1 \times p)^t$, вытекает непосредственно из закона стоимости, который сохраняет в этом отношении свое значение и в советской экономике. И у нас вновь построенная железная дорога или металлургический завод, если через t лет их можно будет построить с *вдвое* меньшими затратами труда, потеряет к этому моменту, даже при полной сохранности своей производственной мощности, т. е. *всей* своей потребительной стоимости, ровно *половину* своей трудовой стоимости. И с этим бесспорным фактом, столь убедительно подтверждающим действие закона стоимости в нашей стране, необходимо считаться не только при очередных переоценках наших основных фондов по так называемой *восстановительной* их стоимости. Факт совершенно закономерного их обесценения во времени, казалось бы, нельзя игнорировать и в наших проектных расчетах сравнительной эффективности потребных капитальных вложений при различных *сроках* их использования в разных масштабах, тем более что и сопоставление рентабельности новых вложений с более ранними и, стало быть, уже в известной степени обесцененными без учета этого факта едва

---

[1] См. «Страны социализма и капитализма в цифрах». Госполитиздат, 1957, стр. 57. Производительность труда в промышленности возросла за указанные годы в СССР до 679% (1928 г.— 100%), а в США — всего до 153% (см. там же).

[2] См. там же, стр. 80 (данные за 1929—1953 гг. за вычетом военных лет).

ли закономерно. Отвергаемая нами формула *самовозрастания* капитала $C_t = C_0\ (1 + p)^t$ и предлагаемая взамен ее формула *обесценения* основных фондов во времени $C_t = C_0\ (1 + p)^{-t}$ весьма сходны по своему виду. Но вытекающие из них выводы в применении к выбору наиболее эффективных проектных вариантов расходятся весьма радикально.

В самом деле, посмотрим прежде всего, во что обращаются по той и другой формуле каждые 100 единиц стоимости основных фондов через равное число лет при p, равном 6%. Вот что дает конкретное сравнение (см. табл. 3).

Таблица 3

Действие фактора времени при $p = 6\%$

Число лет, t	Динамика функций		Изменения их		Число лет, t	Динамика функций		Изменения их	
	$100(1+p)^t$	$100:(1+p)^t$	прирост	потери		$100(1+p)^t$	$100:(1+p)^t$	прирост	потери
1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
0	100	100,0	0	0	20	322	31,0	222	69,0
1	106	94,3	6	5,7	25	431	23,2	331	76,8
5	134	74,6	34	25,4	30	578	17,3	478	82,7
10	180	55,7	80	44,3	40	1038	9,6	938	90,4
15	241	41,5	141	58,5	50	1860	5,4	1760	94,6

Как видно из приведенной таблицы, капиталист уже за 25 лет использования своего капитала потребовал бы более чем *учетверения* его стоимости, в то время как реальные его потери при заданных темпах роста производительной силы труда в 6% годовых не превысили бы и 77% его начальных вложений, считая, что при нормальных условиях ремонта и возобновления изношенных частей производственная годность его основных фондов сохраняется полностью, а *по стоимости* они через 25 лет сохраняют еще в себе остальные 23% начальных его вложений. В сущности говоря, в графе 2 нашей таблицы отображены лишь темпы заданного по условию или ожидаемого по опыту прежних лет *технического прогресса,* и требования, чтобы и *накопления* страны возрастали по своей *стоимости* в той же головокружительной пропорции, ни с чем не сообразны. Дело в том, что и вся вновь создаваемая в стране стоимость продукции, возрастая *пропорционально затратам* труда, не может, стало быть, в темпах своего роста сколько-нибудь существенно обгонять естественные приросты *населения.* А эти приросты более чем скромны. Даже в СССР, где они достигают максимальных норм, за 1926—1939 гг. они не превышали 1,23% в год, а в США за те же годы они едва достигали 0,67%, в Германии — 0,62, в Англии — 0,36, во Франции — 0,08% с определенной тенденцией во всех капиталистических странах к дальнейшему снижению этих приростов и даже прямому сокращению населения. Неоткуда, стало быть, здесь и народному доходу повышать свою стоимость выше этих скудных норм. А если темпы накопления в капиталистических странах все же значительно превышают темпы возможного у них прироста народного дохода, то это осуществляется там лишь за счет систематического, из года в год, сокращения доли *трудящихся классов* в этом доходе. В условиях СССР, где целью производства является общественное потребление, а не личная нажива предпринимателей, накопление не является самоцелью. И нас интересуют не столько масштабы и темпы накоплений, сколько производственный их эффект в натуре. Но и связанные с этим эффектом потери в стоимости продукции прошлого труда не могут быть забыты в наших калькуляциях эффективности тех или иных вложений.

В калькуляциях советских проектантов себестоимости продукта и рентабельности производства сопоставляемых ими вариантов в лучшем случае

отображается правильно лишь начальный момент эксплуатации проектируемых предприятий, ибо, игнорируя темпы технического прогресса в стране, они ничего не могут сказать о дальнейших перспективах этой эксплуатации. А между тем наши предприятия строятся не на один год. И за десятки лет, в течение которых они подлежат эксплуатации, влияние технического прогресса весьма по-разному может сказаться и на себестоимости и на рентабельности сопоставляемых объектов проектирования. В самом деле, приведем следующий иллюстративный расчет изменений эффективности различных проектных вариантов в условиях технического прогресса в соответствии с требованиями закона стоимости.

Допустим, что стоимость воспроизводства определенной массы материальных благ в стране в связи с темпами технического прогресса ежегодно падает в среднем на 6% и что эти темпы в пределах нашего расчета можно принять за постоянные. И пусть нам даны на выбор три проектных варианта с вложениями в 1000, 1500 и 2000 единиц овеществленного труда, обеспечивающих ежегодный выпуск 100 единиц необходимого нам продукта в натуре. Пусть далее ежегодные затраты на поддерживающие начальную мощность запроектированных средств производства ремонты и замену изнашиваемых частей исчисляются по нашим вариантам из расчета сроков их службы соответственно в 20, 25 и 30 лет. Помимо этих текущих затрат на погашение физического износа наших фондов, учтем также потерю в их стоимости в связи с ежегодным повышением производительности труда на 6% по формуле $C_t = C_0 : (1 + p)^t$. Возмещая эти потери путем включения их, как перенесенный труд, в издержки производства и цены продукта, мы можем ежегодно снова вкладывать их стоимость в строительство *новых* заводов без всякого ущерба для деятельности *старых*. Работа этих последних может ведь при желании быть продолжена и за счет одних лишь амортизационных сумм сколь угодно долго, во всяком случае гораздо дольше, чем это позволяет экономическая целесообразность. Возмещение обесценения прошлого труда, таким образом, ничем не связано с понятием погашения износа, назначение которого строго ограничивается задачами *простого* воспроизводства. Возмещение потерь в стоимости овеществленного труда, наоборот, служит ресурсом для *новых* вложений и *расширенного* воспроизводства, отличаясь в этом отношении от накоплений за счет прибавочного продукта только тем, что его источником является *перенесенная*, а *не вновь* созданная стоимость.

Прошлый труд обесценивается, однако, не только в основных фондах. Продукты его *удешевляются* во времени под влиянием того же технического прогресса и в составе оборотных средств производства, т. е. топлива и материалов всякого рода. Поэтому в дальнейшем анализе издержек производства мы должны строго различать затраты прошлого труда от труда живого. Затраты живого труда в процессе эксплуатации проектируемых объектов, поскольку в них не предусмотрена конкретная модернизация средств и методов производства, мы можем на весь срок этой эксплуатации считать постоянными. Обычно экономия живого труда в вариантах с повышенным уровнем техники *превышает* дополнительные затраты прошлого труда, связанные с более крупными капитальными вложениями. Но допустим в нашем случае, что эта экономия в *начальный момент* лишь полностью возмещает дополнительные затраты и по *сумме* затрат прошлого и живого труда все наши варианты дают равную себестоимость единицы продукта. Проектируя новые предприятия с учетом всех достижений передовой техники, мы по общему правилу обеспечиваем им более высокий уровень производительности труда и более низкую *индивидуальную* стоимость продукта, чем те *средние* для всех ранее построенных предприятий того же назначения нормы, которыми определяется *общественная* стоимость данного продукта. Несмотря на высокие темпы советских вложений, средний возраст оборудования в наши дни не может быть *ниже*, по нашим

подсчетам, шести-семи лет. Поэтому *новые* предприятия, опережая этот средний возраст на шесть-семь лет, могут обеспечить благодаря техническому прогрессу за эти годы уровень производительности процентов до 50 выше среднего по всей стране с соответствующим повышением их рентабельности выше средней нормы.

Допустим далее, что в качестве средней нормы накопления в целях расширенного воспроизводства, усиления обороноспособности и прочих надобностей в нашей стране на известный период признается достаточным отчисление из народного дохода в пределах 25% вновь создаваемой стоимости. Следовательно, в фонд потребления может поступить только 75% стоимости создаваемого общественного продукта. Калькулируя в издержках производства и цене продукта полностью все затраты труда, но оплачивая при этом затраты живого труда лишь на 75%, мы тем самым автоматически извлечем необходимую обществу норму накопления как раз из тех отраслей и предприятий, где она создается. Но в силу неодинакового уровня техники и производительности труда в различных предприятиях наряду с этой средней нормой накопления придется иметь дело в тех или иных случаях и в разное время еще с дополнительными дифференциальными накоплениями и потерями, весьма существенно меняющимися во времени. Учитывая, однако, что накопления создаются только живым трудом, мы за меру сравнительной рентабельности сопоставляемых вариантов можем принять лишь общую сумму накоплений, выраженную в процентах ко всей вновь созданной стоимости в данном предприятии. Отклонения этого процента от средней нормы накопления в долях создаваемого трудом народного дохода отразят, в частности, и влияние разных уровней техники и масштабов вложений на величину этого показателя.

Важным показателем сравнительной ценности сопоставляемых вариантов может служить также обеспечиваемый ими относительный уровень производительности совокупного (живого и прошлого) труда.

Но всего прямее и полнее сравнительная их эффективность отражается величиной создаваемого в каждом варианте народного дохода на единицу *живого* труда. Как изменяются все эти показатели во времени, можно видеть из следующего примерного расчета (см. табл. 4).

Следуя закону стоимости, под влиянием технического прогресса последовательно падает из года в год и стоимость готовых изделий (гр. 9), и всех элементов прошлого труда, включаемых в издержки производства (гр. 5), и действующих основных фондов (гр. 2). Вместе с тем снижается и общая сумма затрат прошлого и живого труда на 100 единиц продукции в наших вариантах (гр. 6). Но это снижение идет лишь за счет одного из слагаемых данной суммы и потому неизбежно отстает в темпах от общих темпов технического прогресса по всему народному хозяйству. Факт вполне закономерный, ибо *народное хозяйство в целом непрерывно повышает свой уровень техники* за счет ежегодного включения новых, все более технически совершенных объектов и исключения наиболее устаревших, в то время как в каждом отдельном из действующих предприятий уровень техники остается *неизменным* до полного ее использования или модернизации за счет новых вложений. Из этого факта вытекают, однако, весьма важные последствия. А именно, все показатели сравнительной эффективности наших вариантов, в различной степени ухудшаясь с течением времени, дают весьма разноречивые оценки их сравнительной годности на разных этапах их эксплуатации.

Показатели первого года эксплуатации, в особенности если их расценивать по общепринятой ныне методике, свидетельствуют о немалых преимуществах первого варианта, который при равных с другими затратах совокупного труда требует меньше капитальных вложений, обеспечивая в то же время более высокую их рентабельность. Если вместо полных затрат труда, показанных в графе 4, учесть только оплачиваемую предприя-

Таблица 4

Изменение эффективности вариантов во времени *

Показатели вариантов		Непогашенная стоимость вложений	Амортизационные сроки (в годах)	Затраты труда на 100 единиц продукта			В том числе обесценение вложений за год	Уровень производительности (гр. 9 : гр. 6)	Стоимость годовой продукции		Накопления				Эффективность живого труда (гр. 10 : гр. 4)
				живой труд	овеществленный труд	итого (гр. 4 + гр. 5)			всей	чистой (гр. 9 — гр. 5)	по норме 25% от гр. 4	сверх нормы (гр. 9 — гр. 6)	итого: гр. 11 + гр. 12	итого: в % к гр. 10	
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1-го года	I	943	20	400	300	700	57	143	1000	700	100	300	400	57	175
	II	1415	25	368	332	700	85	143	1000	668	92	300	392	59	182
	III	1887	30	336	364	700	113	143	1000	636	84	300	384	60	189
10-го года	I	558	20	400	178	578	34	102	592	414	100	14	114	28	104
	II	836	25	368	197	565	50	105	592	395	92	27	119	30	107
	III	1116	30	336	215	551	67	107	592	377	84	41	125	33	112
15-го года	I	416	20	400	132	532	25	83	442	310	100	—90	10	3,2	77
	II	624	25	368	147	515	37	86	442	295	92	—73	19	6,4	80
	III	834	30	336	161	497	50	89	442	281	84	—55	29	10,3	83
20-го года	I	310	20	400	98	498	19	66	328	230	100	—170	—70	—30	57
	II	464	25	368	109	477	28	69	328	219	92	—149	—57	—26	59
	III	618	30	336	119	455	37	72	328	209	84	—127	—43	—21	62
Последнего года	I	310	20	400	98	498	19	66	328	230	100	—170	— 30	— 30	57
	II	348	25	368	82	450	21	55	246	164	92	—204	—112	— 68	45
	III	345	30	336	67	403	21	45	183	116	84	—220	—136	—117	34

* Итоги граф 5 и 8 исчислены нами по формуле суммы геометрической прогрессии $S_n = \frac{a(1-q^n)}{1-q}$, где a — первый ее член, n — число членов прогрессии, а q — знаменатель ее, в данном случае $q = \frac{100}{106} = 0{,}9434$. Все расчеты сделаны приближенно. В графе 13 дается разность между общественной и индивидуальной стоимостью продукции.

тием их часть, как это принято в *денежных* калькуляциях себестоимости, то итоги указанной графы снизятся на 25%, и вывод о преимуществах первого варианта перед остальными покажется еще более убедительным. В самом деле, вот что дало бы такое сравнение вариантов (табл. 5).

Таблица 5

Варианты вложений

Вложения	Издержки за год	Стоимость продукции	Прибыль	
			абс.	в %
I 1000	600	1000	400	40
II 1500	608	1000	392	26
III 2000	616	1000	384	19

Здесь уже для первого варианта с минимальными вложениями получаются и минимальные издержки и максимальная рентабельность — одним словом, все основания, чтобы, следуя практике наших проектантов, признать этот вариант вне всякой конкуренции. К сожалению, такие прекрасные результаты получаются в пользу первого варианта только за первый год эксплуатации, а затем они все ухудшаются и уже на 10-й год первый вариант оказывается наименее выгодным, давая наиболее дорогую продукцию и минимальные накопления, а еще через пять лет, когда уже по всем вариантам потребуются дотации, первый вариант оказывается все же наиболее убыточным. Если же взять показатели «последнего» года эксплуатации, сопоставляя 20-й год работы по первому варианту с 25-м по второму и 30-м по третьему, то получим снова иную картину. Первый вариант, несмотря на более высокие издержки, окажется все же еще на относительно более высоком уровне производительности и в связи с этим будет менее убыточным, чем другие. При такой изменчивости показателей сравнительной экономичности разных вариантов, очевидно, было бы совершенно недостаточным сопоставление их за какой-либо один год. Сопоставлению подлежат результаты производства по каждому варианту за весь предполагаемый период их эксплуатации. Кстати сказать, этот период вовсе не должен совпадать с теми сроками, по каким исчисляется амортизация. Для технически передовых предприятий этот период может быть и дольше таких сроков, для более отсталых — короче. Решается этот вопрос экономическим расчетом.

В условиях капитализма ни один предприниматель не захочет продолжать эксплуатацию своего предприятия, ставшего безнадежно бездоходным, и постарается ликвидировать его хотя бы на слом, тем более что и рыночная стоимость такого предприятия, определяемая путем капитализации его доходности, обратится к этому моменту в круглый нуль. В СССР эта граница экономической целесообразности использования наличных в стране производственных ресурсов значительно расширяется. При достаточных резервах рабочей силы здесь вполне целесообразно продолжать сколь угодно долго эксплуатацию и совершенно «бесприбыльных» предприятий, до тех пор пока они полностью окупают своей чистой продукцией содержание занятой в них рабочей силы. Можно допустить здесь в отдельных предприятиях на известный срок и требующие дотации производства, поскольку эти дотации не превышают еще суммы тех экстренных накоплений «сверх нормы», какие уже получены в данном предприятии за прежние годы. Но во всяком случае было бы явным расточительством живого труда, если бы мы мирились с такими дотациями, которые уже превышают весь выпуск чистой продукции данного предприятия за год. Именно такой случай показан в табл. 4 по третьему варианту за 30-й год

эксплуатации, где вся вновь созданная стоимость определилась всего в 116 единиц при затрате живого труда в 336 единиц и дотации в 136 единиц. Этот случай лучше всего показывает, сколь важно предусмотреть в подобных расчетах и предельный срок рациональной эксплуатации по каждому варианту.

Ограничив этот предел требованием полной безубыточности эксплуатации за все ее годы до последнего включительно, мы легко найдем, что первый вариант в наших условиях удовлетворит этому требованию в течение 15 лет, второй — 16 лет и третий — 17 лет. Но, не гоняясь за излишними накоплениями сверх установленной нормы и сводя их к такому минимуму, который покрыл бы только остаток непогашенных вложений, можно продлить эти сроки эксплуатации еще лет на шесть по всем вариантам. Подсчитав суммарные итоги эксплуатации проектируемого объекта по каждому варианту за указанные сроки, получим такое сопоставление (см. табл. 6).

Таблица 6

Эффективность вариантов за весь период эксплуатации

Непогашенная стоимость вложений	Период эксплуатации (в годах)	Продукция за весь период в натуре	Затраты труда			В том числе возмещение потерь по гр. 1	Стоимость продукции		Накопления за весь период				Уровень производительности	Эффективность живого труда (гр. 9 : гр. 4)
			живого	овеществленного	итого		всей	в т. ч. чистой (гр. 8—гр. 5)	по норме 25% гр. 4	сверх нормы (гр. 8—гр. 6)	Итого: гр. 10 + гр. 11	Итого: в % к гр. 9		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
А														
I 416	15	1500	6000	3100	9100	584	10340	7240	1500	1240	2740	37,8	114	121
II 586	16	1600	5890	3570	9460	914	10750	7180	1472	1290	2762	38,5	114	122
III 738	17	1700	5720	4060	9780	1262	11150	7090	1430	1370	2800	39,5	114	124
Б														
I 292	21	2100	8400	3750	12150	708	12500	8750	2100	350	2450	28	103	104
II 412	22	2200	8100	4240	12340	1088	12790	8550	2025	450	2475	29	103	106
III 520	23	2300	7730	4750	12480	1480	13070	8320	1932	590	2522	30	104	108

Итоги граф 5 и 8 в нашем примерном расчете дают (с некоторым округлением) суммы убывающих прогрессий за указанное число лет с учетом принятых темпов обесценения овеществленного труда. Как видим, более короткие сроки до конца «безубыточной» эксплуатации обещают в результате этого обесценения даже большие массы накоплений, чем значительно удлиненные, с гораздо более полным использованием капитальных вложений. Так, уже за вычетом неиспользованных вложений, разница накоплений в пользу более коротких сроков выразится в следующих цифрах:

Варианты	Разности
I	2 324—2 158=166
II	2 176—2 063=113
III	2 122—2 002=120

Но удлиненные сроки эксплуатации имеют для нас другие преимущества. И самым важным из них является то, что они позволяют при одном и том же количестве дефицитных еще у нас средств производства дать стране несравненно больше *потребительских* стоимостей. Так, например, если по сумме чистых накоплений наши варианты при удлинении сроков эксплуатации на шесть лет теряют не свыше 6—7%, то по выпуску натуральной продукции они выигрывают от 35 до 40%. Вместе с тем удлинение

сроков повышает и всю вновь созданную стоимость на 17—20%, а дальнейшее снижение уровня цен в стране на 13—14% обеспечивает и дальнейший рост уровня жизни трудящихся, даже при неизменной их доле в народном доходе. Что же касается ресурсов для расширенного воспроизводства в стране, то при их учете нельзя забывать, помимо фонда *накопления,* и того дополнительного ресурса, какой представляет собой показанный нами в графе 7 фонд *возмещения* потерь в стоимости используемых средств производства. Не создавая собой никакой прибавки к стоимости народного имущества, текущие вложения за счет этого фонда в новые предприятия при непрекращающемся действии старых, откуда они извлекаются, несомненно, служат задачам расширенного воспроизводства, как бы удваивая собою действующие производственные мощности. А когда эти старые предприятия уже выбудут из строя, то сменившие их новые продолжат все ту же историю, перекачивая в течение всего срока их эксплуатации через фонд возмещения новые ресурсы для вложений в новейшие предприятия, с новым удвоением за их счет действующих мощностей и т. д. Если же к фондам накопления, за вычетом непогашенной доли вложений, прибавить и накопленные фонды возмещения, то общие ресурсы расширенного воспроизводства по нашим вариантам табл. 6 за разные сроки выразятся в таких итогах (табл. 7)

Таблица 7

Ресурсы расширенного воспроизводства

Варианты вложений	Фонд накопления и возмещения	
	А. За 15—17 лет	Б. За 21—23 года
I 1000	2324+ 584=2908	2158+ 708=2866
II 1500	2176+ 914=3090	2063+1088=3151
III 2000	2122+1262=3384	2002+1480=3482

Как видим, в этом сопоставлении укороченные сроки эксплуатации теряют и свое последнее преимущество — с точки зрения возможностей расширения производства. Лучшие варианты за 22—23 года эксплуатации запроектированного объекта обещают в этом отношении даже больше, чем за 16—17 лет.

Сопоставляя же между собой разные варианты вложений, мы можем легко убедиться, что вариант, требующий *бóльших вложений,* при заданных условиях является экономически *наивыгоднейшим.* При меньших затратах живого труда он дает бóльшую массу продукции в натуре и более значительные фонды расширенного воспроизводства. Устанавливая более длительные сроки эксплуатации для I и III вариантов по сравнению с первым, мы почти полностью уравняли их средний многолетний уровень производительности труда по отношению к среднему уровню по всей стране. Но эффективность живого труда и все остальные показатели и при этом условии всего благоприятнее для III варианта, причем с удлинением сроков эксплуатации преимущества этого варианта становятся лишь осязательнее.

В связи с Нордвикским месторождением каменной соли приходится решить несколько иную проблему. Обычно нам на выбор предлагается несколько различных в *техническом* отношении вариантов строительства на заданную его производственную мощность и требуется определить сравнительную *экономическую* эффективность этих решений. Так, ставится вопрос, когда выбор места строительства уже сделан, но в случае с нордвикской солью стоит еще предварительная проблема выбора и апробации *географического* пункта нового строительства. Географический фак-

тор имеет здесь решающее значение. Соль для Арктики можно добывать и в районе Нордвика, но возможны и другие варианты географического размещения новых вложений для удовлетворения той же потребности. И требуется определить их сравнительную экономическую эффективность с учетом транспортной составляющей в стоимости той или иной соли *у потребителя.*

Как известно, советская рыбопромышленность требует завоза в Арктику больших количеств соли. Вероятная потребность в ней здесь в перспективе ближайших десятилетий определяется в масштабах до 200 тыс. т. В районе Павлодара, откуда она завозилась доныне, соль очень дешева, и вложений для расширения здесь добычи до нужных масштабов потребовалось бы немного. Но, как говорится, за морем телушка — полушка, да рубль перевозу. И дешевая павлодарская соль за счет дальнего транспорта удорожается у берегов Камчатки уже раз в *двадцать* против фактических издержек на месте добычи. В районе Нордвика мы находим самое близкое к потребителям Севера из открытых доныне месторождений соли. Однако организация здесь добычи потребует громадных вложений, так как для добычи здесь соли нужно еще построить и рабочий поселок, и угольную шахту, и электростанцию, и морской порт, и многое другое. На месте добычи соль окажется здесь поэтому много дороже, чем в Павлодаре, но, с учетом издержек транспорта, *для потребителя* она все же будет дешевле павлодарской. Спрашивается, окупится ли излишек вложений по северному варианту, в Нордвике, по сравнению с южным, в Павлодаре той экономией в издержках транспорта, какая определяется различием в географическом размещении названных пунктов по отношению к рынкам потребления. Проектанты рассчитали, что капитальные вложения по северному варианту на заданный масштаб добычи составят примерно 200 млн. руб., а по южному — всего 37 млн., но зато текущие затраты по северному варианту расцениваются ими всего в 42 млн. руб. за год, а по южному — не менее 60,4 млн. руб. Следуя обычному методу проектантов, можно заключить, что дополнительные вложения по Нордвикскому узлу в 163 млн. руб. имеют все шансы «окупиться» ежегодной экономией — до 18 млн. руб. в год — на текущих затратах уже за девять лет. Это срок небольшой. И в качестве первого приближения подобные расчеты можно признать весьма благоприятными для апробации северного варианта. Однако этот результат не мешает еще проверить с учетом действия закона стоимости во времени за весь период эксплуатации проектируемых объектов.

В целях уточнения необходимых подсчетов следует прежде всего учесть, что во всех калькуляциях проектантов мы обычно имеем дело с вложениями и затратами по их строительной и эксплуатационной «себестоимости» — в денежном выражении. Для перехода от «себестоимости» к *полной стоимости* проектируемых объектов и их продукции необходимо поэтому прежде всего прибавить к *оплаченной* доле живого труда и ту его долю, которая резервируется в порядке планового *накопления.* Так, например, если в сумму 200 млн. руб. капитальных вложений по Нордвикскому узлу входит до 60 млн. руб. на оплату труда строителей и если плановое накопление принять в среднем по всему народному доходу в размере 25% стоимости всего вновь создаваемого продукта, то полную стоимость Нордвикского узла придется вместо 200 млн. оценить в 220 млн. руб., а к учтенным вложениям по южному варианту в 37 млн. прибавить еще не менее 3 млн., оценив созданные в этом варианте объекты по полной их стоимости в 40 млн. руб. Такая дооценка строительных объектов у нас в СССР, к сожалению, не практикуется, поскольку они у нас не подлежат купле и продаже. Но благодаря этому отчисления на погашение износа производятся с *заниженной* стоимости наших новостроек и могут оказаться недостаточными для указанной цели. Таким образом,

забвение о законе стоимости чревато и в этом случае не совсем приятными последствиями.

Исчисленные проектантами текущие затраты для приближения их к полной стоимости создаваемого продукта тоже нуждаются в поправках. В части затрат живого труда эта поправка может быть осуществлена прибавкой к заработной плате планового накопления, а в части затрат прошлого труда — прибавкой к учтенным материальным затратам, включая погашение износа, и те потери в стоимости основных фондов, которые определяются по закону стоимости темпами технического прогресса в стране и которые по общему правилу вовсе не учитываются в наших калькуляциях. Применительно к нашим вариантам полная стоимость 200 тыс. т соли за первый год эксплуатации с указанными поправками выразится в следующих цифрах (с доставкой к потребителям).

Таблица 8

Полная стоимость соли (в млн. руб.)

	Варианты	
	павлодарский	нордвикский
I. Перенесенная стоимость		
а) материальные затраты	27,2	20,2
б) погашение потерь	2,3	12,6
Итого	29,5	32,8
II. Добавленная стоимость		
а) оплаченный труд (75%)	33,2	21,9
б) накопление (25%)	11,0	7,3
Итого	44,2	29,2
Всего	73,7	62,0
В том числе «себестоимость»	60,4	42,1

Внесенные поправки, как видим, не в пользу северного варианта. Дополнительные вложения по Нордвику они повышают со 163 млн. до 180 млн. руб., а годовую экономию в затратах снижают с 18,4 млн. до 11,7 млн. руб. Факт весьма поучительный для всех проектантов, довольствующихся в своих расчетах оценками затрат по их «себестоимости», т. е. с заведомым недоучетом реальной их стоимости по затратам труда. Пресловутый срок «окупаемости» дополнительных вложений по Нордвику с учетом всех затрат возрастает с 9 лет до 15—16 [1], что уже далеко не столь соблазнительно. Но, продолжив наши расчеты на весь срок эксплуатации проектируемого промышленного узла, мы увидим, что *сравнительная* эффективность северного варианта *возрастает* с течением времени и становится совершенно бесспорной на протяжении двух-трех десятилетий.

Лучшим мерилом сравнительной годности различных вновь проектируемых предприятий является относительная стоимость в них единицы продукта в сравнении *со средней* его стоимостью по всему народному хозяйству. Достаточное представление об этой последней дают обычно отпускные цены советской торговли. Действующие цены на соль, по условиям момента, едва ли, однако, могут служить таким ориентиром, включая в себя элементы налогового порядка. Но, приняв условно за та-

[1] 180 : 11,7 = 15,4 года.

кой ориентир в нашем расчете и гораздо более низкий их уровень, мы снижаем в нем лишь общую *сумму* возможных накоплений, не изменяя их *разности* по сопоставляемым вариантам, которая и покажет относительные достоинства каждого из них в отдельности. Исходя из тех же предпосылок, что и в предшествующих примерах, и проделав необходимые подсчеты, мы получили следующую картину (см. табл. 9).

Таблица 9

Варианты снабжения Арктики солью до 200 тыс. *т* в год
(I — павлодарский и II — нордвикский)

Показатели	Непогашенный остаток капитальных вложений	Сроки амортизации	Текущие затраты труда: живого	Текущие затраты труда: овеществленного	Текущие затраты труда: итого	В том числе обесценение вложений	Общественная стоимость продукции: всей	Общественная стоимость продукции: чистой (гр. 8— гр. 5)	Накопление: плановое (25% гр. 4)	Накопление: сверх плана (гр. 8 — гр. 6)	Накопление: общее (гр. 10 + гр. 11)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1-го года . . .	I 37,7	25	44,2	29,5	73,7	2,3	100	70,5	11,0	26,3	37,3
	II 207,4	30	29,2	32,8	62,0	12,6	100	67,2	7,3	38,0	45,3
10-го года . .	I 22,3	25	44,2	17,1	61,3	1,4	59,2	42,1	11,0	—2,1	8,9
	II 122,5	30	29,2	19,0	48,2	7,4	59,2	40,2	7,3	11,0	18,3
20-го года . .	I 12,4	25	44,2	9,7	53,9	0,8	32,8	23,1	11,0	—21,1	—10,1
	II 68,2	30	29,2	10,8	40,0	4,1	32,8	22,0	7,3	—7,2	0,1
последнего года	I 9,3	25	44,2	7,2	51,4	0,6	24,6	17,4	11,0	—26,8	—15,8
	II 38,0	30	29,2	6,0	35,2	2,3	18,3	12,3	7,3	—16,9	—9,6
за 25 лет . .	I 9,3	—	1 105	400	1 505	30,7	1 355	955	276	—150	126
за 30 » . . .	II 38,0	—	876	478	1 354	182,0	1 460	982	219	106	325
за 25 » . . .	II 51,0	—	730	445	1 175	169,0	1 355	910	182	180	362
за 20 » . . .	II 68,2	—	584	400	984	151,8	1 220	820	146	236	382

Как легко убедиться из таблицы (гр. 6), экономия в текущих затратах, составившая по северному варианту за первый год всего 11,7 млн., за десятый год уже возрастает до 13,1 млн., а за двадцатый поднимается еще выше — до 13,9 млн. руб. А в сумме за 25 лет она достигает уже 330 млн. руб., раза в полтора перекрывая всю сумму капитальных затрат по этому варианту. Вместе с тем Нордвикский узел за 30 лет службы должен дать при меньших затратах труда значительно бо́льшую продукцию как в натуре, так и по стоимости, чем конкурирующий с ним южный вариант. Значительно больше и сумма накоплений за весь период действия по северному варианту даже за полным погашением всех капитальных затрат. Причем сумма накоплений по этому варианту достигает своего максимума при заданном уровне цен уже за первые 20 лет эксплуатации. Таким образом, наши расчеты полностью подтверждают экономические преимущества северного варианта.

До сих пор мы решали задачу в такой постановке: в проектных заданиях уже дано, на какую ежегодную продукцию нужно строить нужный стране объект, и требуется лишь определить, при каких начальных затратах и уровне техники он даст за весь срок предстоящей эксплуатации оптимальный экономический эффект. Обратимся к задаче иного типа, в которой не задан заранее и объем годовой продукции. Допустим, что мы стоим перед задачей эксплуатации горного месторождения с ограниченными запасами и дана только величина этих запасов, а требуется определить, за какой срок и с какими начальными вложениями можно извлечь эти запасы с наибольшим экономическим эффектом. Для того чтобы извлечь их в кратчайший срок, могут потребоваться слишком большие

Таблица 10

Показатели первого года эксплуатации

Варианты вложений	Сроки эксплуатации	Запасы месторождения	Годовая добыча в натуре	Эксплуатационные затраты				Стоимость продукции		Накопления	
				всего за год			на единицу добычи	за единицу	всего за год	асб. (гр. 10—7 гр.)	в % к гр. 1
				живой труд	овеществленный труд	итого					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I 4000	5	1000	200	900	1100	2000	10	13	2600	600	15
II 2000	10	1000	100	550	450	1000	10	13	1300	300	15
III 1000	20	1000	50	325	175	500	10	13	650	150	15

Таблица 11

Результаты за весь срок эксплуатации

Непогашенный остаток вложений	Срок эксплуатации	Добыча за весь период	Затраты труда			В том числе погашение вложений	Стоимость продукции		Валовое накопление			То же за вычетом непогашенных вложений
			живого	овеществленного	итого		всей	чистой (гр. 8—гр. 5)	по норме	сверх нормы (гр. 8 — гр. 6)	итого	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I 2980	5	1000	4500	4930	9430	1020	11 670	6740	1125	2240	3365	385
II 1144	10	1000	5500	3520	9020	856	10 170	6650	1375	1150	2525	1381
III 310	20	1000	6500	2135	8635	690	7 930	5795	1625	—705	920	610

вложения, которые не окупятся полученной продукцией, тем более что неиспользованные за этот срок вложения пришлось бы полностью списать в убыток. При более длинных сроках эксплуатации вложения будут использованы полнее, но зато менее полно будет удовлетворяться наша текущая потребность в данном продукте. Кроме того, при более крупных вложениях можно организовать более дешевую добычу нужного продукта из расчета затрат живого и овеществленного труда на единицу добычи. Но, чтобы не осложнять задачу этим моментом, возьмем случай, когда экономия в затратах живого труда полностью перекрывается повышением затрат труда овеществленного, связанных с более крупными вложениями. Пусть нам даны, например, такие три варианта на выбор (см. табл. 10).

Ограничиваясь показателями одного лишь первого года эксплуатации, нам было бы очень трудно осуществить этот выбор. При равных затратах труда на единицу продукта и равной рентабельности всех трех вариантов последний предпочтительнее потому, что требует меньше вложений, а первый — потому, что даст с первого же года больше продукта. Что же выгоднее? Чтобы ответить на этот вопрос, учтем по вышеуказанной методике результаты производства по всем вариантам за весь период эксплуатации (см. табл. 11).

В условиях принятых нами допущений стоимость среднегодовой продукции нашего объекта за пять лет снижается до 89,5%, за 10-летний срок она падает до 77,2% и за 20 лет — до 61% первого члена соответствующей убывающей прогрессии. И потому при равной добыче за весь срок по всем вариантам по первому варианту мы получаем максимальную стоимость не только валовой, но и чистой продукции. Вместе с тем при меньших затратах живого труда первый вариант дает наибольшую массу накоплений. Однако по этому варианту приходится списать в убыток и наибольшую сумму недоиспользованных вложений (по гр. 1). И, за вычетом этих списаний, накопления наших вариантов дают такие итоги:

Варианты	Накопления минус потери
I	3365—2980=385
II	2525—1144=1381
III	920— 310=610

В свете этих цифр первый вариант с пятилетним сроком эксплуатации явно отпадает. По натуральной продукции он дает столько же, сколько и другие. По стоимости чистой продукции он превышает второй всего на 90 единиц, а по сумме чистых накоплений дает *меньше* второго на 996 единиц, так что преимущества второго варианта по сравнению с первым очевидны. Они могут быть оценены разностью 996—90 = 906 единиц стоимости. Отпадает и третий вариант, связанный с потерей в стоимости чистой продукции 855 единиц и по чистым накоплениям 771 единицы, а в общем до 1626 единиц стоимости. Таким образом, при заданных предпосылках наивыгоднейшим пришлось бы признать второй вариант — с 10-летним сроком эксплуатации.

Такова в основном методика использования выводов, вытекающих из применения в советских условиях закона стоимости к проектированию наивыгоднейших строительных объектов с учетом влияния фактора времени на их сравнительную эффективность. В приведенном кратком очерке не получил еще, вероятно, достаточного освещения целый ряд дискуссионных вопросов. Далеко не исчерпаны в нем и все возможные применения предложенной нами новой методики. Но затронутая здесь весьма актуальная плановая проблема, даже в такой эскизной постановке, заслуживает, как нам кажется, все же общественного внимания и обсуждения.

VI. РОЛЬ НАУКИ В РАЗВИТИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ[1]

1. ЧТО ТАКОЕ НАУКА?

Всеобъемлющее содержание многогранного понятия науки не укладывается в слишком сжатые определения. Говорят, например, и даже пишут в энциклопедиях, что наука — это совокупность *знаний* о реальной действительности. Такое определение весьма немногословно, но, к сожалению, совсем не верно, ибо попросту отождествляет всю науку, как *процесс познания*, с его продуктом — совокупностью знаний. Наука действительно дает нам знания, подобно тому как в металлургическом процессе выплавляется железо. Но смешно было бы сказать, что металлургия — это не весь процесс выплавки, а только выплавленный из металлургических печей их продукт — железо. Смешно потому, что эти печи совсем не похожи на свой продукт — железо, хотя именно в них этот ценный металл вместе с вовсе негодными шлаками воспроизводится из руд повседневно.

Правда, и *знания* в своем становлении и развитии входят в понятие науки, составляя не только цель, но и основное содержание процесса познания. Однако подобно тому как в металлургии ее конечный продукт — железо — можно мыслить и вне процесса его выплавки, но самый этот процесс без получения в нем железа мыслить невозможно, так и в науке. Знания как готовый продукт науки можно мыслить и применять и вне процесса познания, но самый этот процесс, если он вместо знаний дает лишь плетение словес и пустые лжемудрствования, будет уже не наукой, а схоластикой или еще чем-нибудь столь же никчемным. Наука — это прежде всего *процесс* овладения истиной. При этом необходимо помнить, что пределы приближения наших знаний к объективной абсолютной истине исторически условны. В науке мы постоянно имеем дело с теориями и гипотезами, в которых относительная истина реализуется в ряде относительных заблуждений, причем критерием истины наших знаний нам служит лишь действенная их проверка в человеческой практике. Отсюда явствует, что наука, как процесс познания, находит свое логическое завершение лишь с момента внедрения ее теорий в практику, т. е. с момента *материализации* ее идей.

Если спросить себя, из какой «руды» воспроизводится наукой вырабатываемая ею совокупность знаний, то придется признать, что материалом науки послужил суммарный опыт всего человечества, на всем протяжении его истории. Опыт не только в идеологической области форм сознания — в пассивном восприятии всех отражений объективного мира и в активном претворении их в логически стройную систему суждений и умозаключений,— но и в материальной сфере собственной производственной практики людей, в которой эти суждения и умозаключения либо получали свое подтверждение и общественное признание, либо отбрасы-

[1] «Вопросы философии», 1954, № 3.

вались в сторону, как негодный шлак и шлам. Конечно, на заре истории, когда этот опыт был еще невелик, такой негодный шлак в форме наивной фантастики, жестоких заблуждений и вредных суеверий в большом изобилии и надолго застревал в мировоззрении людей. Но в своей умственной деятельности они всегда стремились не только объяснить себе окружающий мир, но и изменить его в лучшую для себя сторону, отметая, в частности, в повседневной практике все, что вредило ее успехам, и поощряя все содействовавшее этим успехам. Понятно, однако, что реально содействовать практике людей в их производственной деятельности могли только *истинные знания,* а не заблуждения и суеверия. Именно поэтому сама производственная практика в меру своего развития становилась все более надежным, объективным критерием истины и решающим фактором «естественного отбора» в золотой фонд науки всех действительно ценных научных знаний, с отсевом из него всего научного брака и наукообразной фильши.

Производственная практика служит в данном случае научной теории только тем оселком, на котором проверяется ее пригодность выполнять свое назначение. Но и само это назначение научных теорий определяется обычно вполне осязаемыми конкретными потребностями хозяйственной практики. Уже в древнейшую эпоху кочевого скотоводческого хозяйства эта практика выдвинула на очередь конкретную потребность пастушеских народов в подсчете состава своих многочисленных отар. И в ответ на эту потребность возникли зачатки арифметики. В дальнейшем потребности земледельческого хозяйства в переделах земли обусловили собою начало геометрии. Подобно этому, из потребностей торгового мореплавания в отдаленные земли получила свое начало звездная астрономия и т. д. Все это общеизвестно. Но, отвечая в своих разветвлениях на все такие частные запросы различных отраслей труда, наука, взятая в целом, служит вместе с тем и самой важной, общей потребности всего народного хозяйства, потребности в общем подъеме его производительных сил.

Многие полагают, что *основной* общей задачей всех наук является открытие и исследование объективных закономерностей, управляющих миром, независимо от всякого утилитарного использования этих закономерностей, которого обычно нельзя даже предвидеть. Бескорыстное стремление подлинных ученых к такого рода открытиям делает только честь этим ученым, ибо продвигает вперед науку. Однако те из них, кто рассматривает при этом науку как самоцель, культивируя науку для науки, явно недооценивают общественное ее значение. Современная наука вообще, а у нас на службе социалистического строительства, в СССР, в особенности, таит в себе неисчерпаемые возможности. И открываемые ею объективные закономерности в развитии природы и общества, при всей их научной ценности, являются лишь вернейшим *средством* к тому, чтобы, овладев силами природы, поставить их на службу обществу. Это еще недостаточно осознано и в рядах ученых. И, в частности, нам уже много лет назад пришлось, обращаясь к ним, высказать следующее соображение [1].

Можно заниматься наукой для науки из одного лишь познавательного интереса к знанию. Можно превратить научную деятельность и в своего рода любительский спорт без призов, ради постановки лишь все новых и новых познавательных «рекордов» в избранной отрасли науки. Можно даже рассматривать ее как простую игру ума от избытка творческих сил. И все же если в результате этой своеобразной «игры ума» получаются новые истины, а не пустопорожние софизмы, то, совершенно независимо от субъективного отношения к этому делу самих ученых, объективным результатом их достижений в наших условиях плановой концентрации всех усилий на очередных задачах будет народнохозяйственное использо-

[1] С. Г. Струмилин. Наука и производительность труда. Доклад на Чрезвычайной сессии Академии наук СССР 21—27 июня 1931 г. М.— Л., Соцэкгиз, 1931, стр. 3.

вание этих достижений. Острое оружие науки будет повернуто в надлежащую сторону и в последнем счете даст либо новый подъем уровня культуры, т. е. квалификации трудящихся масс, либо повышение энерготехнической их вооруженности. И в том и в другом случае повышается уровень производительных сил страны, растет производительность труда в социалистическом строительстве и тем самым осуществляются наши исторические задачи. Но, конечно, при *сознательной* целеустремленности всех научных сил к разрешению этих задач, мы разрешим их еще успешнее.

Было бы грубым заблуждением рассматривать научную мысль в качестве *первоисточника* технического прогресса и последовательного роста производительных сил человечества. В исторической смене причин и следствий не наука определяла начальные пути хозяйственного процесса, а как раз наоборот, этот последний не только ставил перед ней очередные задачи, но и создавал *материальные предпосылки* для успешного их разрешения. Однако исторический процесс представляет собою непрерывную цепь, в которой причины и следствия постоянно меняются местами и вчерашние следствия становятся завтра причиной в следующем звене той же цепи. Можно сказать, что люди науки и сами были всегда пионерами новых путей развития, представляя собой передовой отряд великой армии труда. Они всегда избирали в своих исканиях непроезжие дорожки и непроторенные пути. Но, оставаясь лишь слабым авангардом этой армии, они не могли безнаказанно отрываться от нее далеко в своем неудержимом движении вперед. Забежавшие далеко вперед светочи науки безвременно угасали подчас и сами на дымных кострах обскурантов, но еще чаще проторенные ими новые тропы просто зарастали надолго бурьяном забвения до тех пор, пока не оказывались — уже в новых условиях — на столбовой дороге хозяйственного развития.

Исторический опыт убеждает нас в том, что даже плодотворнейшие научные идеи и технические домыслы оказываются надолго обреченными на бесплодие, пребывая как бы в состоянии анабиоза, если для широкого их восприятия, признания и освоения не созрели еще все материальные и социальные предпосылки. Известно, например, что гениальное открытие Коперником вращения земли вокруг солнца в течение многих веков отвергалось всем христианским миром средневековья как запрещенная богопротивная ересь. Можно напомнить и другие примеры. В крепостной России первая в мире паровая машина *непрерывного* действия была создана механиком-самородком И. И. Ползуновым в 1765 г., т. е. на 20 лет раньше, чем в промышленной Англии, а первый токарный станок с *суппортом* Андрея Нартова был закончен не позже 1729 г., т. е. на 68 лет раньше, чем в Англии. Однако в условиях подневольного труда феодальной России эти машины остались без всякого применения, в то время как в тогдашних условиях Англии те же машины, заново сконструированные Джемсом Уаттом и Генри Маудслеем, отвечая запросам своего времени, завершили собой целую промышленную революцию.

Вполне плодотворной научная идея становится не с той минуты, когда она озарила своим сиянием отдельного ученого, а с той лишь, когда она вошла в обращение — от первого научного оформления через печать, школу, заводские лаборатории и т. д. вплоть до практических применений в труде и производстве,— становясь в меру этого уже не индивидуальным, а *общественным* продуктом и достоянием. И потому обычно все величие и значимость достижений науки определяются в последнем счете не столько их внутренней глубиной и оригинальностью, сколько широтой и мощью того *хозяйственного базиса*, на котором они ожидают своего применения.

Так, например, на узкой базе рабского античного хозяйства идея движущей силы пара, открытая греческим ученым Героном еще за 120 лет до нашей эры, не получила никакого признания. Даровой труд рабов в замкнутом натуральном хозяйстве той эпохи исключал всякую потребность

в паровых двигателях, предполагающих *массовое* производство на широкий рынок и сравнительно высоко оплачиваемый *наемный* труд. Ученый мир игнорировал двигатель Герона в течение долгих 16 столетий как совершенно не стоящую внимания детскую игрушку. Лишь в XV в. гениальный итальянец Леонардо да Винчи снова серьезно ставит перед собой эту задачу. Но и его усилия остались безрезультатными. В 1630 г. английский ученый Рамсей, а затем в 1690 г. французский физик Папен предложили новые варианты паровых двигателей, но на отсталой базе мелкого ремесла цеховых мастеров феодальной эпохи и они не привлекли к себе общественного внимания.

Лишь в XVIII в. в промышленной Англии развивается *крупное* мануфактурное производство на широкий рынок, породившее настоятельную потребность в мощных механических двигателях. И тогда за их создание здесь взялись уже не цеховые ученые, а гораздо более близкие к производству люди. Кузнец Ньюкомен и стекольщик Коллей строят в 1711 г. первую паровую машину, годную лишь для подъема воды из шахт. Механик-самоучка Джемс Уатт упорно совершенствует ее с 1769 по 1785 г. Другой такой же механик, Роберт Фултон, применяет ее на первом пароходе в 1807 г. Еще один рабочий, бывший кочегар Джордж Стефенсон, использует ее в 1825 г. на первом паровозе. Таким образом, блестящая научная идея Герона обрела под собой подходящую почву для своей реализации лишь 19 веков спустя после своего зарождения, т. е. уже на заре эпохи *капитализма.*

Из приведенного примера видно, что иной раз научная инициатива ученых на много веков опережает реальную в ней потребность. И тогда о всей ее потенциальной значимости можно только догадываться. Но и в условиях созревшей уже народнохозяйственной потребности научная мысль обнаруживает всю свою мощь лишь в сочетании с трудом больших коллективов, в практике широкой производственной материализации науки и труда. И тогда в качестве уже коллективного продукта науки, техники и труда научная мысль, овеществленная, скажем, в паровой машине, становится одним из самых мощных производственных факторов. И вместе с тем и сама наука, позволившая нам овладеть энергией пара, становится движущей вперед производительной силой, которая, положив начало новой великой эре паросилового механического производства, обусловила тем самым огромный подъем мирового капиталистического хозяйства, а вслед за тем и новый, еще небывалый в истории расцвет науки.

Кое-кем из недалеких критиков такая высокая оценка науки в ее важнейшей роли мощного производственного фактора отвергается в качестве идеалистической ереси, подобной известному афоризму: «*Идеи* правят миром». Но эти критики — плохие марксисты, если они забывают, что и теория становится *материальной* силой, как только она овладевает массами. А к тому же они не имеют никаких оснований трактовать науку как простую совокупность идей. Мы уже отмечали, почему науку как *производственный процесс* по добыче знаний и исследованию закономерностей природы и общества нельзя попросту отождествлять с теми или иными идейными *продуктами* этого производства.

В числе последних можно, конечно, назвать и те голые научные *идеи,* которые только еще *бродят* в головах ученых людей. Но это еще *незавершенная* продукция научного труда или полуфабрикат, получаемый лишь в самой начальной стадии производственного процесса, именуемого наукой. На дальнейших его стадиях плоды науки всегда появляются уже в *овеществленном виде,* в виде рукописей и книг, астрономических фотоснимков небосвода и геологических буровых скважин, химических анализов и бактериологических культур, ботанических гербариев и зоологических коллекций, в виде почвенных разрезов и археологических раскопок, архитектурных макетов зданий и механических моделей машин, инженерных про-

ектов великих строек коммунизма и экономических расчетов их эффективности, всеобъемлющих материалов статистических переписей и всеохватывающих перспективных планов народнохозяйственного развития.

Все это несомненно входит в состав научной продукции, хотя в своем *вещном* оформлении не влезло бы в башку ни одного идеалиста. Однако современная наука не ограничивает своих задач таким половинчатым овеществлением своих теоретических достижений. Она жаждет практического их *внедрения* в окружающую нас действительность, всемерно содействует этому внедрению и усматривает окончательное овеществление плодов науки не в одних лишь макетах и моделях того, что *может* быть реализовано по последнему слову науки, а и во всех достижениях общественного производства, в которых *фактически* реализуются требования науки. И с этой более широкой точки зрения плодами науки следует признать, например, не только те или иные физические теории, но и такие чудесные их воплощения, как кинофильмы и люминесцентное дневное освещение. радиоприемники и телевизоры в нашем повседневном быту. Или, скажем, плодами науки становятся в той же мере не только сухие формулы механики в инженерных проектах, но и все наши машины и орудия, домны и шахты, фабрики и заводы, построенные по этим формулам и облегчающие наш труд в общественном производстве.

Таково вкратце содержание понятия современной науки.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ НАУКИ

Величественное здание современной науки, подобно высотному сооружению, которое своей вершиной упирается в небо самых отвлеченных обобщений и тощих, а порой и пустых абстракций, но, опускаясь вниз, наполняется все более конкретным содержанием специальных дисциплин и, врастая в землю прикладным основанием технических применений, оплодотворяет ими все отрасли общественного труда. Но эта наука не всегда была такой. Ее становление — длительный процесс, уходящий своими корнями в далекое прошлое.

Как известно, зачатки науки возникли много раньше, чем появились первые магистры и доктора наук в пышных средневековых мантиях и диковинных головных уборах, доживших кое-где в буржуазных храмах науки и до наших дней. Несколько лет тому назад, когда мне впервые удалось увидеть эти красочные, как боевое оперение петухов, традиционные одеяния жрецов науки на ученых Лондонского королевского общества, прибывших к нам во всем параде в Москву, на юбилей Советской Академии наук, то, каюсь, мне невольно пришли на память не менее причудливые жреческие одеяния шаманов при исполнении ими своих профессиональных функций. По-видимому, жрецы всех культов, от самых захудалых шаманов до самых влиятельных магов и волшебников, чародеев и чудотворцев, оракулов и пророков, египетских жрецов и христианских иерархов, для успеха своих действий первым долгом стремились поразить воображение профанов уже внешним блеском своей необычайной одежды.

В нашей стране такого эффекта добиваются лишь *цирковые* маги и чародеи. Да и те после каждого сеанса умопомрачительных чудес и превращений готовы тут же чистосердечно заверить публику, что во всей их магии — «одно лишь проворство рук и никакого мошенства». Профессиональные шаманы всех культов в отличие от профессиональных фокусников наших дней не способны были бы на такие признания, ибо они *кормились* своим обманом. Собирая дань с простодушной паствы якобы в жертву своим богам, они обманывали не только эту паству, но и самих «богов», обращая все жертвы *богам* в собственную жратву. Недаром же народ грубо, но метко назвал их жрецами, по основному их занятию — от слова *жрать*.

Однако голым обманом долго не проживешь. К жрецам обращаются за помощью в болезнях и повседневных нуждах. А нужда — мать всех поисков истинного познания. От оракулов ждут предсказаний об удаче или неудаче предстоящей охоты или затеваемой войны. Но, чтобы успешно врачевать болезни, недостаточно симулировать общение с богами в бесноватой пляске у ложа больного и заклинаниях с пеной у рта мнимых злых духов покинуть страдальца. А для того чтобы предугадать будущее, недостаточно гаданий по полету птиц и внутренностям животных или даже на бобах и кофейной гуще. Для предвидения требуются знания, а не гадания, а для врачевания — действующие лекарства, а не бесплодные заклинания и завывания. Вот почему шаманы всех времен и рангов, основной профессией которых была эксплуатация богатейших рудников человеческого невежества путем самого грубого и низкого обмана, не прочь были в порядке совмещения профессий монополизировать в своей узкой касте и все доступные им зачатки научных знаний. Монополизировать на первых порах не ради самих знаний, а потому что в их руках и монополия знаний становилась надежнейшим средством обмана и эксплуатации профанов.

Уже древнейшие знахари и знахарки, ведуны и ведьмы, как это видно даже из их прозвищ от корня знать и ведать, промышляли не только волхованием да шаманством, заклинаниями и заговорами, опрыскиванием водицей с уголька и приворотными зельями, но и *лекарственными травами* народной медицины. И только знание их позволяло опытным ведунам действительно излечить или отравить за приличную мзду человека, в зависимости от того, какое из этих действий лучше оплачивалось. Очень долго пользовались для своих шаманских целей научными достижениями, строго засекречивая их в своем узком кругу, и профессиональные *жрецы* самых различных культов. Именно в этой среде получил свое начало и тот ныне основательно забытый цикл особо таинственных, оккультных «наук» Востока, который не прочь бы возродить у себя кой-где и ныне в новом влечении к мистике закатная мысль буржуазного Запада. С течением времени, однако, все труднее становилось удержать подлинную науку в замкнутом кругу прислужников теологии.

Оставаясь секретным достоянием немногих жрецов, без широкого применения, она не могла развиваться, а развиваясь, неизбежно теряла свою секретность. Ускользая из рук теологов, она становилась все более мирской, светской, независимой от церкви. Уже в средние века обнаружилось к тому же, что подлинная наука не мирится с догмами теологии, начисто отвергает все ее мистерии и таинства. Из монастырских келий наука перебралась в университеты. Вместо «святых отцов» ее стали изучать и двигать вперед целые коллективы светских ученых. Правда, и эта средневековая университетская наука еще недалеко ушла от всех пройденных уже этапов знахарства и шаманства. Философия, едва вылезая из-под башмака теологии, все еще занималась столь существенными проблемами, как вопрос о том, сколько ангелов может уместиться на острие иглы. Астрономия еще не вполне вылупилась из астрологии. Коперник, как известно, совмещал свои занятия астрономией с обязанностями католического священника, а Галилей, преследуемый церковью за правду о вращении Земли, все еще составлял астрологические гороскопы своей клиентуре. И, таким образом, они оба поддерживали на практике ту самую ложь и суеверия, с которыми боролись в теории. Химические науки еще не поднялись над уровнем алхимии, бьющейся над призрачными проблемами о жизненном эликсире и философском камне, способном все превращать в чистое золото.

Чего было больше во всех подобных исканиях — сознательного обмана или наивных заблуждений — сказать теперь трудно. Но наука стала уже ареной открытой борьбы истины с заблуждениями. И в этом соревновании все шансы были на стороне истины. Однако это соревнование, проте-

кающее и доныне еще в области мировоззренческих наук в форме самой острой борьбы суровой правды материализма против всех миражей идеализма и реакционной мистики, не дается даром. Освобождение наук от *внутренних* противоречий и привносимой *со стороны* фальши требует много времени и труда. Наука долго еще витала в абстракциях, и *производственные* эффекты ее на этом этапе развития были еще ничтожны.

Лишь в буржуазном обществе, с внедрением машин, когда, по выражению Маркса, и самый процесс производства превращается в *технологическое приложение науки*[1], и сама наука стала столь же неотъемлемым фактором производства, как все машины и орудия труда, в которых эта наука находит ныне свое реальное воплощение. Здесь, в непосредственном окружении трудящихся масс, она соприкасается с ними в трудовом процессе без каких-либо мистических покрывал. И теперь ее уже не скроешь от этих масс, засекретив под философским колпаком даже самого жуликоватого из современных жрецов науки. Но «науку» в лице инженеров, изобретателей и профессоров общества, в котором все продажно, можно еще купить, запатентовать и присвоить, обратив таким образом и ее наряду со всеми средствами производства в монопольную собственность буржуазии и орудие классовой эксплуатации ею чужого труда.

Понятно, однако, что в обществе, где хозяином науки становится буржуазия, все продажные носители и жрецы этой «науки», сменив своих богов на бога Маммону, и в этой новой своей роли приказчиков господина Капитала не могли еще отрешиться от всех прежних своих навыков и приемов шаманства. Правда, им уже не нужно, подобно шаманам, вертеться юлой, кривляться в изнурительной пляске, чтобы, так сказать, в поте лица своего вылгать свой хлеб насущный. В качестве жрецов *науки* они в основном и с еще большим успехом торгуют «истиной». Но, сделав для себя из науки кормушку и изготовляя свой товар на потребу буржуазии, они не могут, считаясь с запросами этого потребителя и потрафляя ему, не прилгнуть при случае в меру его потребностей. И вот, изворачиваясь перед ним и кривляясь уже не физически, а духовно, они препарируют и подают ему свою «науку» с такой философской приправой апологетической лжи и обмана, какая вполне достаточна для классового ее использования *против* трудящихся.

Таким образом, рассматривая содержание науки за весь период ее развития в классовом обществе, мы видим в ней постоянный симбиоз противоборствующих начал истины и заблуждений с изрядной дозой прямого обмана и корыстной лжи. Можно сказать при этом, что сама научная *истина* в своем развитии вытекает из обильнейших источников человеческих *заблуждений* и, лишь постепенно очищаясь в русле науки от мутных осадков невежества, приближает нас к абсолютному познанию объективного мира. Но все модификации лжи и обмана, от самого наивного шаманства до самой тонкой апологетики капитализма, по самому существу их совершенно чужеродны науке. Они привносятся в классовую науку лишь в корыстных интересах господства привилегированного меньшинства над большинством человечества. И с ликвидацией классов за ненадобностью они полностью изгоняются из коммунистической науки.

На том же рубеже с наукой происходит, однако, и другая, еще более существенная метаморфоза. Наукообразная ложь лишь прикрывает и приукрашивает собой современные процессы эксплуатации труда. Настоящей же основой самой возможности этой эксплуатации становится, как известно, *монополия* собственности буржуазии на все средства производства вообще, а поскольку процесс производства превращается ныне в технологическое применение науки, то и на такой производственный фактор, как наука, в частности. Орудия труда в этом процессе отделяются капиталом

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 638.

от труда и противостоят ему, как орудия его эксплуатации. То же, по свидетельству Маркса, происходит с наукой в капиталистической промышленности, «которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу» [1]. Ликвидация антагонистических классов в корне меняет это положение.

И орудия труда и наука в социалистическом обществе становятся уже *общим* достоянием всех трудящихся и служат всему обществу. Наука внедряется здесь в производство уже не *чужими* руками приказчиков буржуазии, а дружными усилиями своей собственной *рабочей* интеллигенции, своих собственных строителей и конструкторов, инженеров и агрономов. Но еще важнее то, что здесь и все трудящиеся вообще, у станков и за тракторами, становятся такой же рабочей интеллигенцией, уверенно продвигаясь вперед через среднюю школу к общему уровню инженерно-технического образования. Все результаты, какие обещает нам эта протекающая на наших глазах культурная революция, неисчислимы. Однако уместно все же будет напомнить следующий факт. Еще в самом начале первой пятилетки наши плановики установили, что производительность труда, а вместе с тем и сдельный заработок рядовых рабочих у станка, окончивших семилетку, при всех прочих равных условиях и тех же орудиях труда, т. е. за счет лишь лучшего их использования, повышается в среднем на 67% по сравнению с рабочими того же возраста и стажа, но без всякого образовательного ценза. Элементарный расчет показал при этом, что каждый миллиард рублей, расходуемый на школьное образование в СССР, повышает объем народного дохода страны за счет указанного прироста производительности примерно на *6* млрд. руб.

Таков эффект даже первых азов школьной науки, внедряемых в рабочей среде. Мы не говорим уже о том, что без расширенного воспроизводства таких азов общеобразовательных дисциплин в головах трудящихся невозможно было бы и успешное внедрение в производство всех новых и неизмеримо более продуктивных достижений творческой науки и техники, вплоть до электронной лампочки и полупроводников в приборах современной автоматики и телемеханики, исключающих невежественное с ними обращение. В оплодотворении труда наукой, во всех технологических ее применениях, мы уже теперь открываем возможность повышать производительную силу труда не только на десятки процентов, но и в десятки раз. И в социалистическом обществе мы не видим перед наукой никаких пределов ее применения.

В капиталистическом обществе с его коммерческими *тайнами* и производственными *секретами,* из которых важнейшим является секрет извлечения прибавочной стоимости из неоплаченного труда рабочих, было совсем не так. Так приобщение широких рабочих масс ко всем достижениям подлинной науки представляет уже само по себе смертельную угрозу существованию буржуазии. И она уже поэтому тормозит развитие науки, подменяя ее лживой апологетикой или скрывая ее только для себя и таким образом превращая даже научные *истины* в средства обмана всех непосвященных в подобные секреты, ибо всякое сознательное сокрытие истины в ущерб всем заинтересованным в ней есть уже прямой их обман. Однако даже при капитализме можно только притормозить рост науки, задерживая ее от проникновения в широкие массы, но невозможно остановить ее стихийное движение вперед. Практика общего производственного процесса в своем развитии повелительно требовала и сама содействовала росту соответствующих отраслей знания. И *производственный процесс* научного познания проходил на своем историческом пути те же ступени развития, какие прошли и все другие важнейшие отрасли общественного труда.

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 374.

Всего дольше, в частности, наука задержалась на самой примитивной стадии своего развития, когда каждый жрец науки, подобно кустарю-одиночке, создавал за свой собственный страх и риск из клочков и обрывков знаний целую систему крайне абстрактной и далекой от практики, но зато «всеобъемлющей» философии, отвергающей все другие. Сталкиваясь друг с другом, такие взаимно противоречивые системы, конечно, обнаруживали свою несостоятельность и сходили со сцены. Весьма отдаленное приближение таких абстрактных систем к конкретной истине делало их к тому же мало пригодными и для практического использования, сохраняя за ними в основном лишь чисто идеологический интерес — истории идей и человеческих заблуждений.

С гораздо большим успехом развивалась наука уже на следующей, «мануфактурной», стадии своего развития в больших коллективах буржуазных университетов с разделением труда и сложной кооперацией факультетов и кафедр. На этой стадии крупные успехи отдельных дисциплин все теснее сближали их с материальным производством родственных отраслей труда. А затем, в последнее время, монополистический капитал, мобилизовав на свою потребу современную буржуазную науку, вооружил ее в своих трестовских институтах и заводских лабораториях таким оборудованием и аппаратурой, что здесь можно уже говорить о «фабричном» производстве научных открытий и изобретений — от спасительных пенициллина и микромицина до смертоубийственных атомных бомб и чумных препаратов.

Совсем иначе, но еще теснее связана с общественным производством материальных благ наиболее высоко организованная и технически оснащенная советская наука. Ее связи с производством завязываются не в *частнохозяйственных* интересах отдельных монополий, а в принципиально ином народнохозяйственном плане *всей* страны. Основной задачей и отдельных так называемых прикладных дисциплин, и всей системы наук в целом становится разработка проблем, связанных со строительством коммунизма в СССР и других социалистических странах. Но в планах научно-исследовательских работ Академии наук Советского Союза находят свое отражение и все другие производственные проблемы социалистического хозяйства.

В частности, для подготовки очередных хозяйственных мероприятий и планов Академия наук ежегодно организует ряд научных экспедиций в целях комплексного изучения и использования производительных сил и природных ресурсов нашей страны. А из академических планов *внедрения* текущих исследований советских ученых легко убедиться, что *законченными* работами в этом плане считаются лишь такие, которые уже вполне пригодны к внедрению в *производство*.

Советские ученые, не ограничиваясь своими кабинетами и лабораториями, принимают живое участие в полевых исследованиях и геологических разведках, организуют пробное обогащение бедных руд и выплавку из них в полузаводских условиях металлов, осуществляют научную экспертизу целесообразности и экономической эффективности проектируемых в стране крупнейших строительств. Не говоря уже о том, что в действующих производственных предприятиях научный — конструкторский и инженерно-технический — труд занимает ведущее по своему значению место. А в общем в СССР связи науки с производством так тесны и непосредственны, что многие из наших научных учреждений уже теперь можно рассматривать как отраслевые «подготовительные отделения» к заводскому производству, а такой научный штаб, как Академия наук, становится чем-то вроде всесоюзного конструкторского бюро для всего народного хозяйства СССР, взятого в целом.

В конце концов из орудия обмана и эксплуатации труда в досоциалистических формациях наука при социализме, пробуждая классовое самосознание трудящихся, превращается в орудие их освобождения от экс-

плуатации и вместе с тем становится все более полноценным фактором общественного производства и неиссякаемым источником роста производительной силы труда. Таков наиболее общий итог исторического развития науки на службе обществу.

3. НАУКА И ПРОИЗВОДСТВО

Многогранная наука, взятая в целом как стройная *система* наук, изучает конкретно в своих подразделениях самые различные объекты весьма многоразличными специальными методами для разрешения очень различных теоретических и частных, прикладных, задач. Ее огромную роль невозможно, однако, ограничить даже всей суммой таких специальных задач. Над специальными задачами отдельных наук возвышаются и общие, присущие всей системе их, взятой в целом. В области теории такой наиболее общей задачей является задача познания всех объективных закономерностей вселенной, а в области практики — использование этих закономерностей и в идеологической борьбе с духовной реакцией за лучшие идеалы социальной правды, и в культурном строительстве народов, и в материальном *производстве* всего общества. Но последняя задача самая важная, ибо, воздействуя на производство, наука подводит *новый* базис и под все надстройки.

Принято думать, что производство связано только с так называемыми *прикладными* науками, а «чистая» наука витает где-то в облаках абстракций, в полном отрыве от всего земного, благодаря чему ей, очевидно, и приписывается эта пресловутая стерильная «чистота». Однако это глубокое заблуждение. Всякая стерилизация обрекает лишь на бесплодие. Теория в отрыве от практики, как цветок, вырванный из почвы, увядает и засыхает. Но социалистической науке не угрожает такая участь. Несмотря на возрастающую специализацию, наши науки все теснее кооперируются, взаимно обогащаясь, на общей службе социалистическому хозяйству. Организационно эта кооперация нашла уже свое отражение и в системе учреждений Академии наук СССР. Напомним, что в дореволюционной Академии имелись только гуманитарное и естественноисторическое отделения и только за советский период в ее стенах впервые появилось и выросло огромное Отделение наук технических. И если еще не так давно эти прикладные науки третировались кое-кем из «теоретиков» как науки *второго* сорта, то ныне их ведущая роль в той кооперации труда, в которой техника является важнейшим *приводом* от научной теории к хозяйственной практике, становится все очевидней.

В свое время наряду с Академией наук у нас возникла было еще одна *Социалистическая* академия, в рамках которой замыкались одни лишь общественные науки. Однако такой их отрыв от всех других наук не благоприятствовал взаимному их сближению и обогащению. И особая Социалистическая академия разделила судьбу особого Пролеткульта. О них мы уже начали забывать. А общественные науки, подкрепив собой общий фронт наук в единой Академии, все теснее объединяют свои усилия со всеми другими науками в общем плане научно-исследовательских работ всей Академии наук СССР. План этот, как известно, составляют сами ученые. Но, согласованный с текущими потребностями отдельных отраслей производства и ведомств и скорректированный в связи с общими требованиями народного хозяйства в Госплане, этот план по утверждении правительством, несомненно, служит задачам всего народнохозяйственного плана страны, взятого в целом. И, таким образом, не одни лишь прикладные дисциплины, но и вся наука в целом становится у нас на службу хозяйству.

Но, может быть, верно другое ходячее представление, по которому только прикладные, технические науки воздействуют на производство *непосредственно*, а все остальные — лишь посредственно, *теоретически*

воздействуя на уровень прикладных дисциплин и самой техники? Такое представление не подтверждается фактами. Жестких границ между теоретическими и прикладными науками нет. Любая наука может в том или ином случае непосредственно включиться в производство, получив хозяйственное использование. Например, задачам *разведки* полезных ископаемых ныне служит не только геология с ее буровыми скважинами, но и биохимия, анализируя золу растений, покрывающих почву, и геофизика

своими приборами высоко над землей, с самолетов. Микробиология культурами азотобактера удобряет землю. Химия создала всю химическую промышленность. Физика обеспечила производство всеми видами энергии, до внутриатомной включительно. А ныне даже такой теоретически тонкий ее раздел, как электроника, включается непосредственно в производство в качестве регулятора автоматики всей промышленности грядущего коммунизма.

И еще важно отметить, что ныне на службу социалистическому хозяйству привлекаются не отдельные науки (здесь — геология, там — почвоведение), а комплексы наук, целые коллективы ученых различных специальностей, достаточные для *всестороннего* освещения изучаемого объекта. Разумеется, различные хозяйственные объекты требуют различной комбинации в составе научных дисциплин и коллективов ученых. Но Академия наук СССР располагает широкими возможностями почти любых комбинаций. И в организуемых ею комплексных экспедициях «Совета по изучению производительных сил», и в академических бригадах содействия великим стройкам коммунизма можно увидеть ученых весьма различного рода оружия. Такие комплексные научные работы больших и разносторонних коллективов еще не получили у нас широкого развития. Но, несомненно, что ими прокладываются *новые* пути планомерно организованной, коллективной научной деятельности советских ученых.

Рассматривая тот или иной раздел науки в отрыве от всех других.

не всегда можно предугадать возможности производительных его применений. От первых наблюдений расщепления атома до овладения внутриатомной энергией — не близкий ведь путь. Но в системе наук из замкнутого их круга нельзя вырвать ни одного звена без ущерба для всей системы. И в полной мере оценить роль науки в производстве мы сумеем лишь тогда, когда мобилизуем на производственные задачи *планомерно* и *комплексно* всю систему наук и двинем ее вперед не мелкими партизанскими отрядами, а единым фронтом всех частей и родов научного оружия, действующих в тесной взаимной кооперации.

В составе этого фронта обычно различают общественные науки от наук естественных (о природе). Однако при такой систематике из цикла наук вовсе выпали бы, например, все философские и математические науки, охватывающие в своем круге ведения одновременно и общество и природу. Но и науки о природе слишком многообразны, чтобы можно было вместить их все в одну рубрику, пренебрегая даже такими качественными их различиями, как грань между живой и мертвой природой. А с учетом и других скачков от простейшего к сложному *система наук* в самой сжатой схеме представляется нам в таком цикле крупнейших своих разделов (см. диаграмму).

Предмет изучения в этом круге наук существенно меняется — от самых абстрактных понятий и простейших элементов как величина, движение, атомы и молекулы, до наиболее конкретных и сложных тел, организмов и сообществ. Но общества слагаются из отдельных лиц, организмы и тела — из молекул и атомов, движение неотделимо от вещества, а без понятия «величины» и логики суждений и умозаключений вообще не обошлась бы ни одна из наук. Этим утверждается их внутренняя цепная связь. А для уяснения их связи с производством проведем более детальное расчленение общего цикла наук по важнейшим их подразделениям.

Вот самый короткий их перечень.

I. Математические науки

(о величинах)

1. Арифметика
2. Алгебра
3. Геометрия
4. Тригонометрия
5. Аналитическая геометрия
6. Теория вероятностей
7. Дифференциальное исчисление
8. Интегральное исчисление
9. Вариационное исчисление
10. Векторное исчисление
11. Тензорное исчисление
12. Теория множеств и пр.

Математика наиболее абстрактная из наук. Ее формулы в своих буквенных выражениях обнимают любые величины: и сколь угодно большие, и бесконечно малые, и постоянные, и переменные, и реальные, и мнимые. Располагая значительным выбором представлений о пространстве, математика вполне последовательно изложит вам и геометрию Эвклида, и геометрию Лобачевского, и геометрию Римана. В первом случае вам придется признать при этом, что сумма углов треугольника всегда равна 2d, т. е. 180°, во втором — что она всегда *меньше* 2d, в третьем — что она всегда *больше* 2d. И какое бы из этих пространств не оказалось реальностью в нашем мире, это не изменит формул и формальных выводов математики. Вселенная во всяком случае уложится в ее формулы, как одна из математических возможностей. Этот формализм представляет известную опасность скатиться в объятия идеализма, о чем уже писал в свое время В. И. Ленин, имея в виду зарубежные физико-математические течения. Но это отнюдь не умаляет огромной роли математики во всех технических применениях науки в производстве и не только высшей, но и самой элементарной. Ведь без арифметики на заводе и геометрии в поле не только инженер и агроном, но и рядовой производственник ныне никак не обойдутся.

II. Механические науки

(о движении и силах)

1. Механика классическая
2. Квантовая механика
3. Теория относительности
4. Теория упругости
5. Сопротивление материалов
6. Гидромеханика
7. Гидравлика
8. Аэродинамика
9. Строительная механика
10. Механическая технология
11. Машиноведение
12. Телемеханика и пр.

Связь этого раздела наук с соседними — математикой и физикой — очень тесна и неразрывна. Но еще теснее она непосредственно с производством. И она настолько здесь *очевидна,* что не требует никаких пояснений.

III. Физико-химические науки

(о веществе)

1. Физика
2. Энергетика
3. Теплотехника
4. Светотехника
5. Электротехника
6. Радиотехника
7. Химия (классическая)
8. Квантовая химия
9. Термохимия
10. Фотохимия
11. Электрохимия
12. Химическая технология и пр.

Физику и химию объединяет общий предмет изучения — вещество, хотя физика в основном изучает только различные *состояния* вещества, а химия — более глубокие процессы его *превращения.* Но сближение этих наук видно уже из появления таких новых дисциплин, как физическая химия и химическая физика, заведомо гибридного происхождения. С механикой этот раздел наук связывается через физику, с астрономическими науками — через астрофизику и астрохимию. Но всего теснее связан он многими узами непосредственно с производством.

IV. Астрономические науки

(о телах небесных)

1. Космогония
2. Астрономия теоретическая
3. Астрономия
4. Небесная механика
5. Астрофизика
6. Астрохимия
7. Космография
8. Актинометрия
9. Метеоритика
10. Навигация
11. Аэронавигация
12. Служба времени и пр.

Тела небесные, казалось бы, слишком удалены от нас, чтобы непосредственно служить нашему общественному производству. И все же наука заставляет их служить ему и в сельском хозяйстве, где так важен учет поступления солнечной энергии (актинометрия), и в мореплавании, и в аэронавигации, и повсюду, где работа регулируется временем и необходима ориентировка в пространстве.

V. Геологические науки

(о земле)

1. Геофизика
2. Геохимия
3. Геология
4. Минералогия
5. Гидрогеология
6. Аэрология
7. География (физическая)
8. Почвоведение
9. Мерзлотоведение
10. Гидротехника
11. Геодезия
12. Топография и пр.

Поверхность и недра нашей планеты много ближе небесных тел и доступнее нам для использования. В связи с этим науки о Земле раскрывают перед нами все ее богатства: в недрах — несметные запасы полезных ископаемых, на поверхности — все ресурсы плодородия почвы, ее обводнения и орошения; изучая атмосферу, они обслуживают своими прогнозами погоды и сельское хозяйство и воздушный транспорт.

VI. Биологические науки
(о жизни)

1. Биология
2. Биохимия
3. Палеонтология
4. Микробиология
5. Ботаника
6. Зоология
7. Агрономия
8. Агрохимия
9. Агротехника
10. Лесоводство
11. Зоотехника
12. Ветеринария и пр.

Науки о живой природе служат самым непосредственным образом в каждом совхозе и колхозе и земледелию и животноводству, радикально повышая их продуктивность. Служат они и промышленности, освещая процессы брожения в виноделии и винокурении (микробиология), улучшая выпечку хлеба своими ферментами и энзимами (биохимия) и т. д. И даже такая, казалось бы, далекая от производства наука, как палеонтология, изучающая жизнь давно вымерших организмов, помогает геологическим поискам полезных ископаемых.

VII. Антропологические науки
(о человеке)

1. Антропология
2. Эмбриология
3. Анатомия
4. Патология
5. Физиология
6. Психология
7. Гигиена и санитария
8. Терапия
9. Хирургия
10. Психиатрия
11. Гинекология
12. Фармакология и пр.

Науки о человеке прежде всего служат ему самому. Но, сокращая заболеваемость и смертность людей, они вместе с тем значительно повышают и эффективность этой важнейшей части производительных сил общества. Достаточно напомнить, что широкое внедрение у нас этого раздела наук за советский период уже ознаменовано такими показательными фактами, как сокращение смертности в СССР по меньшей мере *вдвое* и увеличение средней продолжительности жизни и труда наших сограждан тоже минимум в 2 раза. По сравнению с нормами 1913 г. у нас ежегодно избегает преждевременной смерти до 3 млн. граждан. Правда, для этого нам пришлось раз в десять умножить свой врачебный персонал. Но все же, учитывая, что на каждого врача при этом ежегодно приходится до 15 спасенных жизней, а за всю его практику — хотя бы лет за 20 — на его долю выпадает и до 300 таких спасенных жизней, мало будет сказать, что его профессиональный труд окупается сторицей.

VIII. Общественно-исторические науки

а) Социально-исторические

1. Этнография и этногенез
2. Археология и история материальной культуры
3. История стран и народов
4. Правоведение и история права
5. Языковедение
6. Литературоведение
7. Искусствоведение
8. Военные науки
9. Педагогические науки

б) Общественно-экономические

1. Политическая экономия
2. История экономических учений
3. История народного хозяйства
4. Экономгеография
5. Народнохозяйственное планирование
6. Экономика отраслей труда
7. Наука о финансах
8. Статистика
9. Бухгалтерия

Науки о базисе и надстройках общества многочисленнее других и далеко не исчерпываются приведенным перечнем. Все они весьма далеки от техники производства, но тем более значительна их воспитательная роль и организующее воздействие на самих *производителей,* начиная со школьной скамьи и кончая всеми моментами *общественного* их бытия в повседневном труде и быте. Одни из них еще в школе дисциплинируют и развивают мозги будущих производителей, не позволяя никаким

шаблонным навыкам их мышления надолго сохранять инерцию застойной рутины. Другие, например, в учениях о государстве и праве служат при социализме организации и охране общественного труда. Третьи в науках о планировании и финансах, в статистике и бухгалтерии служат распределению и учету трудовых ресурсов по всей стране и хозяйственному расчету в каждой производственной ячейке, взятой в отдельности.

Особое место, наконец, в системе наук принадлежит таким философским дисциплинам, как история философии, логика, диалектический материализм и исторический материализм. Их можно поставить и во главе всей системы наук и в заключительном их звене, обобщающем и венчающем всю эту систему. Рассматривая все явления в процессе их развития и неразрывной внутренней взаимосвязи, они связывают в высшем единстве не только всю систему наук между собою, но и всю их совокупность с тем производственным основанием, возвышаясь над которым наука тем успешнее и сама развивается, чем последовательнее ему служит всеми своими рычагами. Оплодотворяя своим диалектическим методом познания все науки, философия марксизма обслуживает, однако, и *непосредственно* все производственные процессы, требующие хотя бы *элементарной логики* суждений и умозаключений. Без нее ведь не наладишь никакого производства. А широкое внедрение навыков *диалектического* мышления в нашей стране служит неиссякаемым источником новых творческих достижений не только в научной теории, но и в производственной практике новаторского труда.

Итак, даже самый беглый обзор организации, объектов изучения и текущих задач всей системы наук в СССР убеждает нас в том, что не отдельными лишь своими разделами и не между прочим, а вся целиком и по основной своей роли социалистическая наука служит одним из важнейших факторов общественного производства в нашей стране.

4. НАУКА И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ

О том, что наука является важным фактором производства, теперь уже нет спора. Но вот вопрос о том, можно ли назвать науку производительной силой общества и если можно, то *при каких условиях* и с *какими оговорками,* остается еще открытым.

Попытка его *закрыть* простой ссылкой на известное определение категории «производительных сил» в работе И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», где вовсе не упомянута в их числе наука, представляется нам совсем не убедительной уже потому, что одной цитатой вообще невозможно исчерпать все содержание даже догматического марксизма, не говоря уже о творческом. В этой работе сказано: «*Орудия производства*, при помощи которых производятся материальные блага, *люди*, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному *производственному опыту* и *навыкам к труду,*— все эти элементы вместе составляют *производительные силы* общества». В этом определении действительно названы и подчеркнуты в качестве элементов производительных сил только орудия труда и люди с их производственным опытом и навыками к труду. Но, конечно, такое сжатое определение далеко не исчерпывает всего сказанного классиками марксизма о производительных силах.

Однако попробуем прежде всего расшифровать содержание тех двух основных элементов — орудия труда и люди,— из которых складывается понятие производительных сил, согласно цитированному выше определению. Не скрывается ли уже в них забытая на первый взгляд наука?

Что такое орудия труда? Это прежде всего вся наша техника — машины и инструменты. Однако «природа не строит машин, паровозов, железных дорог»,— говорит Маркс. «Все это — *созданные человеческой рукой*

органы человеческого мозга; овеществленная сила знания». И даже самый процесс производства Маркс называет «*экспериментальной наукой*, материально-творческой и предметновоплощающейся наукой». С развитием крупной индустрии в ней наряду с машинами участвует все больше таких мощных агентов, как пар и электричество, производительность которых сама, по Марксу, «зависит от общего состояния науки и от степени развития технологии или от применения этой науки к производству». Вот почему, вслед за Марксом, можно сказать, что степень развития основного капитала или, говоря иначе, орудий труда, вместе с тем «является показателем того, до какой степени общественные знания, вообще наука, превратились в *непосредственную производительную силу*» [1].

А теперь напомним, как определяли классики производительную силу «людей», т. е. живого человеческого труда. «Производительная сила труда,— писал Маркс в «Капитале»,— определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями» [2]. Весьма показательно, что в этом перечне факторов, определяющих собой производительную силу труда, названы уже не только средства производства, включая сюда, конечно, и орудия труда, но и *уровень науки*, причем эта *потенция производства* поставлена даже впереди вещественных фондов производства, со включением орудий труда. Приведенные здесь «обстоятельства», однако, не исчерпывают всех факторов, определяющих производительную силу труда людей. В другом месте в числе факторов и условий, от которых «производительная сила труда должна зависеть главным образом», Маркс называет и плодородие земли, и приобретенные навыки, и разделение труда, и укрупнение производства, и концентрацию капитала, и машины, и всякие другие изобретения, «посредством которых наука заставляет силы природы служить труду» [3].

Таким образом, даже исходя только от орудий труда и людей с их опытом и навыками, мы должны будем признать, что в числе *составляющих* эти элементы производительных сил — и не между прочим, а «главным образом» — приходится назвать «общее состояние науки», или «уровень развития науки», и все ее применения, посредством которых она *заставляет* силы природы служить труду. Очень важно при этом отметить, что наука не только *содействует* росту производительных сил, а и сама при известных условиях превращается в «непосредственную производительную силу».

Можно даже сказать, при каких условиях происходит это превращение. В процессе производства научной продукции необходимо различать следующие три стадии ее готовности. В первой из них, самой зачаточной, научные идеи, не вышедшие еще за рамки чисто идеологических форм сознания, могут служить лишь *оружием идейной борьбы* соревнующихся мировоззрений и классов. Во второй, подготовительной, стадии эти идеи получают уже свое *предметное* опосредствование — от учебных пособий, схем и моделей до лабораторной и полузаводской их проверки в действии — и уже становятся признанной *потенцией производства*. И только в третьей, заключительной, стадии их реализации, *внедренные в производство*, т. е. воплощенные уже в орудиях труда и опыте производителей, они в этой практике получают окончательное подтверждение своей истинности и из потенциальной силы превращаются в действующую производительную силу общества.

---

[1] К. Маркс. Из неопубликованных рукописей.— «Большевик», 1939, № 11—12, стр. 61, 63, 65.

[2] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 48.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 128

Нам могут возразить, что наука, использованная для построения новых машин,— это уже не наука, а орудия труда. Но ведь металл, из которого строятся эти машины, не перестает быть металлом и в составе орудий труда. Точно так же и научные идеи, без которых не сконструируешь машину, не перестают быть научными в результате своей реализации в составе тех или иных орудий труда. Если бы наука переставала существовать как раз с момента внедрения ее в производство, она не выполняла бы своего основного назначения. Однако, анализируя *элементы*, образующие собой орудия труда, мы легко обнаружим среди них и материальную слагаемую, и живой труд рабочих, и научные идеи, заложенные в их конструкции. Но, если материалы и труд рабочих, овеществленные в машине, лишь воспроизводят себя в стоимости продукции этой машины, то заложенные в ней творческие идеи науки создают еще дополнительный эффект: они умножают количество продукта на единицу труда, позволяя использовать и *даровые* силы природы.

Еще менее позволительно было бы забыть об участии в общественном производстве тех элементов науки, какие суммируются в форме навыков мышления и профессионального искусства уже не в орудиях труда, а непосредственно в головах самих производителей. Напомним хотя бы следующее высказывание Маркса: «...Степень искусства наличного населения составляет всегда предпосылку всего производства, следовательно, главное накопление богатства: важнейший сохраненный результат прежнего труда, существующий однако в самом живом труде» [1]. Сокровища науки, накопленные трудом несчетных поколений исследователей всех времен, становятся общим и все более доступным достоянием человечества. Каждое достижение науки стоит своим первооткрывателям многих лет труда при полном напряжении творческих сил. Но открытие гения могут затем легко усвоить даже тупицы. И, конечно, те истины, над обоснованием которых такие умы, как Эвклид, Коперник или Дарвин, бились целую жизнь, усваиваются ныне миллионами наших школьников в тысячи раз скорее и легче. Но школьники — это будущие производители. И та несравненная легкость, с которой осваиваются все ранее добытые с величайшим трудом достижения творческой науки, позволяет нам и ее рассматривать как *даровую силу* в производстве. Она может быть реализована в производстве только в соединении с трудом и сама по себе как даровая сила не повышает *стоимости* его продукции, но умножает ее количество. И именно поэтому является основным источником, за счет которого растет производительная сила вооруженного наукой труда.

Воздействуя одновременно и на орудия труда, и на обслуживающих их людей, наука уже обеспечила нам своим внедрением в производство огромную экономию живого труда. В самом деле, приведем несколько примеров.

В производстве хлебов в нашей стране с заменой примитивной сохи плугом и лошадок тракторами, а серпа и цепа — комбайнами затраты живого труда на тонну зерна составляли около 1850 г. 117 человеко-дней, к 1913 г.— 71 и в 1937 г. в колхозах — 10,2, а в совхозах — не свыше 7—7,5 человеко-дней [2]. Таким образом, менее чем за одну сотню лет затраты труда на каждую тонну хлеба сократились не менее чем на 107 человеко-дней, т. е. раз в 10—12. Но сельское хозяйство это не только производство хлебов. Технические и прочие пропашные культуры еще более трудоемки. Судя по энергетическим затратам в сельском хозяйстве, в нем уже в 1955 г. тяговая мощность одних лишь тракторов (гусеничных — 16,5, дизельных — 12 и пропашных — 2,5) достигала 31 млн. л. с., а с учетом автомобилей и прочих механических двигателей общая их мощ-

[1] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III. М., 1936, стр. 229.

[2] С. Струмилин. К истории земледельческого труда. «Вопросы экономики», 1949, № 2, стр. 58—61.

ность была не менее 90 млн. л. с.[1] При этом можно считать, что каждая механическая сила замещает собою 10—12 человек в общем балансе потребного мускульного труда людей. Правда, в условиях сезонного характера земледельческого труда вся эта его механизация используется полностью лишь в летние месяцы. Тем не менее, высвобождая в самый напряженный пиковый летний сезон машинами минимум 90 × 10 = 900 млн. работников тяжелого мускульного труда, эта механизация экономит нам и в расчете за год не менее 900 : 4 = 225 млн. человеко-лет труда нашей деревни. Для сравнения отметим, что фактически за 1955 г. у нас занято было в ней не свыше 33,2 млн. работников в переводе на годовых [2].

В промышленности наука и техника тоже не стояли на месте. В частности, в черной металлургии затраты живого труда на тонну чугуна за последние 100 лет сократились уже раз в 50, а по стали и прокату — еще больше. В производстве пряжи и тканей благодаря современной машинной технике затраты труда по сравнению с ручным производством снизились у нас уже к 1940 г.: по ткачеству — раз в 80, в прядении — в 100 с лишком раз, а в среднем — в 93 раза. По другим производствам у нас нет аналогичных расчетов. Но известно, что одной лишь электрической энергии, не считая автомоторного парка, экскаваторов и других видов механических двигателей, используемых в промышленности и строительстве, у нас расходуется до 170 млрд. квт-ч. Каждый киловатт-час механической энергии замещает собою от 14 до 16 час. человеческого мускульного труда. Значит, 170 млрд. квт-ч электроэнергии высвобождают у нас не менее 300 млрд. 8-часовых человеко-дней, или 300 : 265 = 1,132 млн. человеко-лет физического труда, в то время как весь фактический персонал промышленности и строительства у нас в 1955 г. не превышал 20,5 млн. человек [3].

Очень значительную экономию труда обеспечивает нам и механизация транспорта. На колесах возчик с одной лошадью перевозил не свыше 30 пудов на 20 *км*, т. е. 10 т/км в день, или до 2650 т/км в год. А вот работа советских железных дорог за 1955 г. по перевозкам грузов и пассажиров дала 970,9 + 141,4 = 1112,3 млрд. приведенных тоннокилометров. Чтобы выполнить такую же работу *конной* тягой, потребовалось бы минимум 420 млн. годовых работников и столько же лошадей. А между тем фактически весь персонал наших железных дорог в 1955 г. не превышал 2301 тыс., т. е. был в 183 раза меньше, не говоря уже о выигрыше в скорости перевозок по железным дорогам раз в пять по сравнению с гужевыми обозами.

Общий эффект механизации производства в СССР в 1955 г. только по трем вышеуказанным отраслям хозяйства может быть выражен такими итогами экономии живого труда (в млн. человеко-лет):

Отрасли хозяйства	Затраты труда	Экономия труда	Итого
1. Сельское хозяйство	32,2	225	257,2
2. Промышленность и строительство	20,5	1130	1150,5
3. Железнодорожный транспорт . .	2,3	418	420,3
Итого . . .	55,0	1773	1828,0

Наши иллюстративные расчеты не претендуют на особую точность. В частности, они отражают в себе далеко не весь прирост затрат *прошлого*

[1] «Народное хозяйство СССР». Статистический сб. М., 1956, стр. 144, 150.

[2] В совхозах и других государственных сельскохозяйственных предприятиях 2832 тыс. человек, в МТС — 3120 тыс. человек и в колхозах — 10850 млн. трудодней, или 10850 : 1,5 = 7220 млн. человеко-дней; или, считая по 265 рабочих дней на год, около 27245 тыс. годовых работников («Народное хозяйство СССР», 1956, стр. 135, 138, 129).

[3] «Народное хозяйство СССР», 1956, стр. 190.

труда в процессе его механизации и потому преувеличивают учтенный ее эффект. Однако они показывают, сколь *различен* достигнутый у нас уровень механизации труда в разных его отраслях. В сельском хозяйстве за весь период механизации труда годовая выработка работника поднялась всего в 8 раз, в то время как в промышленности она выросла со времен безмашинного труда в 56 раз, а на железнодорожном транспорте — в 183 раза. И если этот уровень в условиях невооруженного конно-ручного труда принять за равный во всех этих отраслях, то на нынешнем уровне механизации производительность живого труда в промышленности придется признать раз в 7, а на железнодорожном транспорте даже в 23 раза выше, чем в сельском хозяйстве.

Однако нас в данный момент интересует лишь общий эффект механизации труда в нашем народном хозяйстве за весь период внедрения машин и механической энергии. Он тоже очень велик. Экономия в живом труде, достигнутая за этот счет, уже превзошла 1800 млн. работников и в 9 раз превышает все наличное население нашей страны. В среднем по всему хозяйству это дает повышение производительности живого труда в 33 раза. Ясно, что без механизации и энерговооруженности труда такой эффект был бы совершенно недосягаем.

Конечно, мы им обязаны *не только* науке и технике, воплощенной в механизмах и освоенных методах производства. Содействовал этому во многом и наш общественный строй, и другие обстоятельства. Но не следует забывать, что «машина,— по свидетельству Маркса,— является наиболее могущественным средством увеличения производительности труда, т. е. сокращения рабочего времени, необходимого для производства товаров» [1]. А в каждой машине как раз наиболее осязательно отражается творческая роль и даровая сила *науки.*

Необходимо также помнить, что эта даровая сила науки реализуется только в полном и неразрывном единении с трудом. Это значит, что в полной мере мы овладеем ею только в коммунистическом обществе, где с подъемом культурно-технического уровня всего рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда и ликвидацией противоположности между умственным и физическим трудом и такая мощная потенция производства, как наука, станет, наконец, общим достоянием всего трудящегося человечества. В рамках всех досоциалистических классовых формаций наука, оставаясь привилегией и объектом спекуляций верхушки шаманствующих жрецов науки и их хозяев, не могла рассчитывать на широкое внедрение и всенародное распространение. На Западе она и доныне пребывает в узком тупике. А между тем эффективность науки в качестве производительной силы как раз прямо пропорциональна объему внедряемых знаний, умноженному на глубину их усвоения и ширxоту распространения в трудящихся массах.

Все выводы из этой, казалось бы, весьма элементарной истины способно сделать только социалистическое плановое хозяйство.

---

[1] К. Маркс. Капитал. т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 414.

VII. БАЛАНС НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА КАК ОРУДИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ [1]

1. СХЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА МАРКСА

Как известно, схемы воспроизводства К. Маркса служили задачам теоретического анализа условий воспроизводства *капитала*, т. е. *капиталистических* общественных отношений. А баланс народного хозяйства, самое понятие которого возникло лишь в условиях социализма, призван прежде всего служить практическим задачам народнохозяйственного планирования в интересах расширенного воспроизводства *социалистических* общественных отношений. И тем не менее еще В. И. Ленин отметил мимоходом на полях книги Бухарина, что схемы Маркса сохраняют кое в чем свое значение и для *нашего* времени.

Прежде всего эти схемы могут послужить нам даже *исходным пунктом* для построений *баланса народного хозяйства.*

Чем же именно и в каком качестве схемы Маркса, обобщающие условия *капитализма*, могут послужить анализу *социалистических* отношений в нынешних балансах народного хозяйства, несмотря на все коренные качественные различия между капитализмом и социализмом?

Абстрактную схему воспроизводства Маркса, как известно, можно представить в виде следующей элементарной системы равенств, отображающей «воспроизводство и обращение общественного капитала в целом».

$$\begin{array}{c} \mathrm{I}\ (c_1 + v_1 + m_1) = P_1 \\ \mathrm{II}\ (c_2 + v_2 + m_2) = P_2 \\ \hline (\mathrm{I} + \mathrm{II})\ (c + v + m) = P \end{array}$$

Символами c и v в этой схеме обозначены соответственно постоянный и переменный капитал общества, символом m — прибавочная стоимость, создаваемая трудом без эквивалента, и символом P — общая стоимость всего совокупного продукта общества, которая складывается из стоимости продукта *первого* подразделения — средств производства $= P_1$ и *второго* — предметов потребления $= P_2$. Таким образом, в сумме по обоим основным подразделениям сферы материального производства получаем $P_1 + P_2 = P = c + v + m$, где P, обозначая собою величину общественного *продукта*, представляет вместе с тем, по Марксу, и весь воспроизведенный за данный период производства *капитал* общества. Напомним, что *товарный капитал*, выпускаемый из производства в качестве товарного продукта $(T + т)$, содержит как постоянную и переменную капитальную стоимость, так и прибавочную стоимость [2]. Таким образом, в том кругообороте превращений, анализируемых в схемах Маркса, в которых начальный капитал $c + v$ к концу производства превращается в $c + v + m$, движение *капитала* есть исходный и конечный пункт всего процесса его воспроизводства [3].

Само собою понятно, что такие экономические категории, как авансированный *капитал* в процессе его самовозрастания $(c + v)$, *органический*

[1] «Вопросы экономики», 1954, № 11.

[2] К. Маркс. Капитал, т. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 441.

[3] Там же, стр. 441—442.

его состав ($c : v$), *норма прибавочной стоимости* ($m : v$) и тому подобные соотношения и пропорции схем *воспроизводства капитала*, совершенно чужды социалистическим общественным отношениям и не могли бы получить никакого применения в балансах народного хозяйства СССР. Но нельзя забывать, что все элементы и пропорции вышеуказанных схем, утратив в новых общественных условиях свое прежнее *классовое* содержание, сохранили все же за собой другое, техно-экономическое значение и приобрели новый социальный и большой производственный интерес, не падающий, а даже растущий в новых условиях планового хозяйства.

Заостряя свое внимание на социальных отношениях своего времени и классовой подоплеке капитала, К. Маркс отвлекался на время в своих схемах от целого ряда конкретных обстоятельств, даже столь существенных, как различие в оборачиваемости основной и оборотной частей постоянного капитала. Объединяя их в едином символе — c и допуская, что весь этот постоянный капитал совершает полный оборот и реализуется целиком уже в *годовом* продукте общества, Маркс, несомненно, отвлекался от условий времени, необходимого для полного оборота основного капитала. Но он никогда не забывал о *двойственном* значении своих символов $c + v + m = P$. В частности, постоянный капитал — c он рассматривал в своих схемах не только как социальное *орудие классовой эксплуатации* пролетариата в руках буржуазии, но и в вещном его составе *средств производства*, как результат прошлого труда и мощный производственный фактор, вооружающий живой труд, повышающий его производительность и тем самым умножающий общественный продукт в его потребительном значении. Подобно этому, переменный капитал — v в качестве эвивалента стоимости рабочей силы, занятой в производстве, служил одновременно мерой труда и потребления пролетариата. А отношение $c : v$ выражало собою не только строение, или органический состав капиталов буржуазии ($c + v$), но и меру *вооруженности труда* в общественном производстве.

Этому показателю *вооруженности живого труда* средствами производства, т. е. уже ранее *овеществленным* в них *прошлым* трудом, Маркс придавал особое значение. «Специфическое развитие общественной производительной силы труда в каждой отдельной сфере производства различно по степени, выше или ниже в зависимости от того, каково количество средств производства, приводимых в движение определенным количеством труда, или — при данном рабочем дне — определенным числом рабочих» [1]. Таким образом, строение капитала, измеряемое отношением ($c : v$), рассматривается здесь вместе с тем и как возможное мерило сравнительной *производительной силы труда* на разные моменты, в различных сферах производства общественного продукта — P. А отсюда вытекает и необходимость вышеуказанного расчленения всего общественного производства и его продукта — P по всем его элементам ($c + v + m$), даже в самых сжатых схемах его воспроизводства, *по меньшей мере на два подразделения*, или группы, производства: первое подразделение — производство средств производства и второе подразделение — производство предметов потребления.

Впрочем, элементы такого расчленения образуют производственно-трудовые пропорции, представляющие большой интерес и в других отношениях. Прежде всего среди них заслуживает анализа соотношение элементов I ($v + m$), т. е. *живого* труда в *первом* подразделении с II c, т. е. с *прошлым* трудом в составе *второго* подразделения. Как известно, равенство этих величин обеспечивает лишь *простое* воспроизводство авансированного капитала и общественного продукта. В случае если I ($v + m$) меньше II c, то за недостатком вновь созданных в первом подразделении средств производства даже для возмещения израсходованных во втором

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 178.

неизбежно получится «проедание» капитала и *суженное* воспроизводство продукта. И только если I$(v + m)$ превысит II c, станет возможным *расширенное* воспроизводство капитала и общественного продукта — P на величину I $(v + m)$ — II c.

После ликвидации *капиталистических* отношений в результате *обобществления* средств производства последние, разумеется, перестали функционировать у нас в роли капитала, сохраняя лишь прежнее производственное свое назначение. В связи с этим изменилась трактовка и всех остальных элементов, определяющих воспроизводство общественного продукта в схемах Маркса. И в этой *новой* их трактовке эти схемы оказались вполне пригодными и для анализа условий расширенного воспроизводства *социалистических отношений*. Но такой анализ его схем составляет одну из важнейших задач и гораздо более развернутых балансов народного хозяйства наших дней. Именно поэтому схемы воспроизводства Маркса можно рассматривать как зачаточную, *исходную* форму или начальный, самый сжатый вариант построений, получивших дальнейшее свое развитие в теории социалистических балансов народного хозяйства, которые представляют собой уже вполне развернутую форму тех же схем. И об этой *преемственности* следует твердо помнить, ибо иные «непомнящие родства» авторы новейших балансов упускают в своих развернутых схемах нередко самые существенные элементы даже из того их минимума, какой содержался уже в начальных схемах Маркса [1].

Новейшие балансы народного хозяйства СССР отличаются от своих исходных прообразов в схемах Маркса, конечно, не только иной трактовкой значения их элементов, но и структурой, иными конкретными производственно-трудовыми *пропорциями* и *темпами*, отображенными в этих элементах в условиях социализма по сравнению с эпохой капитализма. Но из тех же новых условий социализма вытекает и другое существенное отличие балансовых схем Маркса от нынешних балансов народного хозяйства.

Схемы Маркса, обслуживая теоретическую потребность в анализе народнохозяйственных пропорций воспроизводства, вовсе не могли служить делу *сознательного регулирования* этих пропорций на практике. Да это и не требовалось, ибо в условиях капитализма ими управлял, независимо от сознания и воли людей, объективный *закон стоимости* через стихию рыночного товарообмена. Но в плановом хозяйстве, где эта стихия в основном уже обуздана, а борьба с диспропорциями в интересах бесперебойного хозяйственного роста становится поэтому еще более настоятельной *объективной потребностью* социалистического общества, мы можем ее удовлетворять только сознательным, плановым регулированием необходимых для этого производственных пропорций. Иными словами, объективный закон стоимости, регулировавший при капитализме производственные пропорции *стихийно*, отступает в этой своей функции перед столь же *объективной необходимостью*, именуемой в социалистической экономике законом планомерно-пропорционального развития и требующей выполнения той же функции уже вполне *сознательно*, в порядке *планирования* соответствующих мероприятий. И эта практическая потребность планирования ставит перед балансом народного хозяйства новые задачи. Чтобы стать одним из важнейших орудий планирования, он не может, подобно схемам Маркса, ограничиться одним лишь абстрактно-экономическим анализом закономерностей воспроизводства. Практика требует конкретного отображения в балансе *реальных* уровней, пропорций и темпов

---

[1] В частности, в схемах «Баланса народного хозяйства СССР», запроектированных в «Теории статистики» ЦСУ 1953 г., отсутствует даже расчленение общественного продукта на $c + v + m$, несмотря на прямое указание В. И. Ленина о том, что отношение I $(v + m)$: II c сохраняет свое значение и в условиях социализма.

воспроизводства. Говоря иначе, провизорно-плановые балансы должны строиться на твердой базе *отчетно-статистических* балансов народного хозяйства.

Однако построение такого *развернутого* статистического баланса невозможно без предварительного изучения тех самых начальных его форм и элементов, которые подлежат *дальнейшему* развертыванию и которые содержатся уже в абстрактно-экономических схемах Маркса. Конкретным объектом изучения является здесь самый *процесс* расширенного воспроизводства *общественного продукта* в основных его подразделениях и превращениях, которые *по своей форме — в* качестве целой системы *равенств* по горизонтальным и вертикальным направлениям,— легко укладываются в балансовую статистическую таблицу. Внутренним же *содержанием* последней приходится считать те незримые в таблице экономические взаимосвязи, которые организуют в процессе воспроизводства все образующие его элементы и *частные балансы* в такую *единую систему* производственно-трудовых пропорций, всякое нарушение которых неизбежно мстит за себя всему обществу. Выявление таких взаимосвязей всех элементов, из которых складывается общественное воспроизводство и вновь распадается на различных стадиях производственного цикла, и составляет основную задачу *экономического* анализа в статистических балансах народного хозяйства СССР.

В схемах Маркса мы уже видели образчик такого экономического анализа в сопоставлениях элементов $(v_1 + m_1)$ и c_2, соотношения которых определяют самую возможность и темпы расширенного воспроизводства. Но то или иное соотношение тех же величин весьма показательно и в других отношениях. Так, например, если в равенствах 1) $c_1 + v_1 + m_1 = P_1$ и 2) $c_2 + v_2 + m_2 = P_2$ можно установить, что $v_1 + m_1 = c_2$ (что соответствует условиям *простого* воспроизводства), то, подставив во второе равенство вместо c_2 равную ему величину $(v_1 + m_1)$, получим $(v_1 + m_1) + (v_2 + m_2) = P_2$. Но $v_1 + v_2 = v$, а $m_1 + m_2 = m$, значит $P_2 = v + m$, т. е. продукт второго подразделения, состоящий из одних лишь предметов потребления, в условиях простого воспроизводства *равен по стоимости* всему *национальному доходу*, или, в *вещном* выражении, всему вновь созданному *нетто-продукту* страны.

Напомним, что весь общественный продукт как продукт не единичного, а всего общественного капитала в составе $c + v + m$ Маркс назвал *брутто-продуктом* [1]. В таком случае тот же продукт, за вычетом из него части, возмещающей вложенный в производство и потребленный в нем постоянный капитал — c, можно назвать *нетто-продуктом*. Но, поскольку по стоимости элементы $v + m$ составляют *национальный доход*, то *нетто-продукт* наций можно обозначить и термином «национальный продукт». Впрочем, для такой *многонациональной* державы, как СССР, термин «*национальный* доход» (или продукт) совсем не подходит. И вообще для стран социализма, где весь доход наций $(v + m)$ служит интересам народа, предпочтительнее его именовать *народным* доходом, чтобы тем самым подчеркнуть его *качественное* отличие от национального дохода стран капитализма, где буржуазия использует его *против* интересов народа.

Обращаясь к формуле продукта первого подразделения в схемах Маркса $(c_1 + v_1 + m_1 = P_1)$ и подставив в ней вместо $v_1 + m_1$ равную им величину c_2, получим $c_1 + c_2 = P_1$. Но $c_1 + c_2 = c$ и, значит, $P_1 = c$, т. е. весь продукт первого подразделения, возмещает собой в условиях простого воспроизводства только прошлый труд или постоянный капитал — c, целиком потребленный в производстве брутто-продукта обоих подразделений $P_1 + P_2 = P$. Но если $P_1 = c$, а $P_2 = v + m$, то отношение $c : (v + m) = P_1 : P_2$, являясь показателем вооруженности живого труда средствами

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 408—409.

производства, определяет собою то самое «количество средств производства, приводимых в движение определенным количеством труда», которое, по Марксу, может служить мерой *развития*, а стало быть, и достигнутого уровня общественной *производительной силы труда* в стране. И с этой точки зрения точное расчленение всего общественного брутто-продукта ($P_1 + P_2$) представляет особо важную задачу. А если еще принять вместе с Марксом отношение $m : v$ *за постоянную* величину, равную для исследуемого момента, скажем, 100%, то пропорция $c : (v + m) = P_1 : P_2$ обратится, за исключением из нее m, в другую — $c : 2v = P_1 : P_2$, откуда $c : v = 2 \times P_1 : P_2$. Но отношение $c : v$ как отношение потребленного в производстве постоянного капитала к переменному, именуемое Марксом *строением* или *органическим составом капитала*, является тоже одним из важнейших объектов наблюдения и экономического анализа в процессе воспроизводства, тем более что в условиях социализма из элементов $c + v$ складывается вся *себестоимость* продукции любого предприятия.

В расширенном воспроизводстве, где $\text{I}(v + m) > \text{II}\,c$, в стоимость годового нетто-продукта входит, помимо всех предметов потребления P_2, и та доля средств производства в размере $\text{I}(v + m) - \text{II}\,c = r$, которая, превышая собой необходимый фонд возмещения материальных затрат в производстве, может быть обращена на его расширение. Но и в этом случае величина всего годового нетто-продукта, как и в простом воспроизводстве, будет равна по стоимости национальному доходу — $Д = v + m$ [1]. А фонд возмещения — c выразится разностью $P—Д$ или, что то же, $P - (v + m)$. Конечно, и в условиях расширенного воспроизводства отношения $c : v$ и $c : (v + m)$ сохраняют все свое значение для экономического анализа взаимосвязей общественного брутто-продукта в его основных подразделениях и элементах. Но здесь отношение $c : (v + m)$ выразится уже иной величиной, чем в простом воспроизводстве. Здесь мы получим следующее равенство: $c : (v + m) = (P_1 - r) : (P_2 + r)$, где r, как мы условились, представляет собой разность величин $\text{I}(v + m) - \text{II}\,c$, равную фонду возможного расширения средств производства в последующем году.

Однако все эти соотношения становятся достаточно точными и определенными в экономическом своем значении лишь при столь же определенной и четкой трактовке содержания основного понятия «общественный продукт» в схемах Маркса. И во всяком случае *экономическую* категорию совокупного брутто-продукта обоих подразделений в этих схемах не рекомендуется смешивать со *статистическим* понятием валовой продукции, как это делают некоторые статистики в своих построениях советского баланса народного хозяйства. Правда, брутто-продукт, или «валовой продукт» Маркса по созвучию слов как будто ничем не отличается от «валовой продукции» статистиков. Но это не свидетельствует о их тождестве или равнозначности. Нужно сказать, что «валовая продукция» статистики, включая в себя *повторный счет* фонда возмещения материальных затрат в производстве, к сожалению, не однозначна в своем составе даже сама себе в различных подразделениях производства.

Дело в том, что во втором подразделении — предметов потребления P_2, не поступающих в дальнейшее производство,— повторный счет материальных затрат в производстве вообще невозможен. Но зато в первом подразделении — средств производства P_1, где каждый продукт, переходя из одного производства в другое, становится материалом или полуфабрикатом и подсчитывается снова под рубрикой элементов c, общая сумма этой продукции всецело будет зависеть от возможных способов ее подсчета: 1) по каждому цеху в отдельности, 2) по каждому заводу в целом, 3) по каждому тресту, объединяющему ряд однородных заводов, 4) по каждой отрасли труда в отдельности, или, наконец, 5) по всему подразделению средств производства в целом. При этом цеховая сумма продукции даст максималь-

[1] $P_2 + r = \text{II}(c + v + m) + \text{I}(v + m) - \text{II}c = \text{I}(v + m) + \text{II}(v + m) = v + m.$

ный итог, заводская, за вычетом внутрицехового оборота,— меньший, трестовская — еще меньший, а по всему подразделению, очищенная от повторных переходов и подсчетов ее по всем ступеням воспроизводства,— минимальный. Понятно, что каждый из этих статистических подсчетов дает совершенно неоднозначные и несопоставимые с другими результаты. Какой же из них наиболее соответствует экономической трактовке общественного продукта $P_1 + P_2 = P$ в схемах Маркса?

Полагаем, что экономическая трактовка общественного брутто-продукта в народнохозяйственных его масштабах прежде всего требует полной *сопоставимости* его в обоих подразделениях ($P_1 + P_2 = P$). И если продукт P_2 дается нам без повторного счета элементов c_2, то и в подсчете P_1 должна быть обеспечена полная его очистка от повторного счета тех же элементов c_1. Только в этом случае и отношение $P_1 : P_2$ и показатели $c : (v + m)$ или $c : v$ отобразят собой вполне точно и однозначно реальные взаимосвязи элементов воспроизводства, а не статистические их аберрации. Напомним еще, что символом c Маркс обозначал в своих схемах *реальную* сумму постоянных капиталов общества, потребленных во всех подразделениях воспроизводства. Следовательно, в подсчетах общественных *капиталов* недопустимо никакое их дублирование. А это значит, и равный им фонд возмещения материальных затрат в тех же схемах мыслился Марксом без всякого повторного их счета или дублирования. Отсюда заключаем, что валовая продукция статистиков — P_c больше общественного брутто-продукта — P в схемах Маркса как раз на всю сумму *внутренних оборотов* валовой продукции в пределах первого подразделения.

Маркс сознательно отвлекался от этих внутренних оборотов, несмотря на то, что они составляли содержание реального *товарооборота* между различными группами капиталистов первого подразделения, тем более это осуществимо в наших балансах народного хозяйства, где все производство средств производства сосредоточено в руках одного хозяина и для своего внутреннего обращения в пределах первого подразделения вообще не нуждается в рыночном товарообороте. Таким образом, если мы внутренний оборот средств производства в качестве повторного счета их стоимости обозначим буквой «R» и учтем, что в производстве предметов потребления *повторный* счет конечной их продукции вообще исключен, то получим вполне определенное равенство $P_c - P = R$, в точности отображающее соотношение величин валовой продукции — P_c и общественного продукта — P в схемах Маркса.

2. ОТ ИСХОДНЫХ СХЕМ К РАЗВЕРНУТОМУ БАЛАНСУ

Свои схемы воспроизводства Маркс иллюстрировал многочисленными цифровыми примерами, не ограничиваясь исходными равенствами и прослеживая дальнейшие их превращения за ряд лет в процессе расширенного воспроизводства общественного продукта, его потребления и накопления. Его цифры можно уложить в таблицу. И если в их трактовке исходить из нынешних условий, то можно представить их в нижеследующем балансовом построении (см. табл. 1).

Соотношение исходных элементов в использованном нами цифровом примере Маркса, по-видимому, в известной части отображает *реальные* пропорции его времени. В частности, принятая им норма эксплуатации труда $m : v = 100\%$ подтверждается в основном для того времени и статистическими расчетами. Вполне правдоподобно и принятое им допущение, что на долю *непроизводительного* потребления буржуазии, включая сюда, конечно, и содержание государственного аппарата, обслуживающего ее господство, и оплату всех прочих ее идеологических апологетов и прихлебателей, приходится не менее 50% от всей суммы валовых накоплений m. Кстати сказать, и Ленин в своих более расчлененных схемах воспроизводства, разделяя «сверхстоимость» — m на части, потребляемую и

Таблица 1

Схемы расширенного воспроизводства *

Годы воспроизводства	Подразделения	Общественные издержки воспроизводства				Распределение национального дохода ($P - c$)			
						фонд потребления		фонд расширения (m_2)	итого ($P - c = Д$)
		c	v	m	P	рабочих (v)	буржуазии (m_1)		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Исходные цифры	I	4 000	1 000	1 000	6 000	1 000	500	500	2 000
	II	1 500	750	750	3 000	750	600	150	1 500
	I+II	5 500	1 750	1 750	9 000	1 750	1 100	650	3 500
Воспроизводство 1-й год	I	4 400	1 100	1 100	6 600	1 100	550	550	2 200
	II	1 600	800	800	3 200	800	560	240	1 600
	I+II	6 000	1 900	1 900	9 800	1 900	1 110	790	3 800
2-й год	I	4 840	1 210	1 210	7 260	1 210	605	605	2 420
	II	1 760	880	880	3 520	880	616	264	1 760
	I+II	6 600	2 090	2 090	10 780	2 090	1 221	869	4 180
3-й год	I	5 324	1 331	1 331	7 986	1 331	665	666	2 662
	II	1 936	968	968	3 872	968	678	290	1 936
	I+II	7 260	2 299	2 299	11 858	2 299	1 343	956	4 598
4-й год	I	5 856	1 464	1 464	8 784	1 464	732	732	2 928
	II	2 129	1 065	1 065	4 259	1 065	745	320	2 130
	I+II	7 985	2 529	2 529	13 043	2 529	1 477	1 052	5 058
5-й год	I	6 442	1 610	1 610	9 662	1 610	805	805	3 220
	II	2 342	1 172	1 172	4 686	1 172	820	352	2 344
	I+II	8 784	2 782	2 782	14 348	2 782	1 625	1 157	5 564

* Приведенные цифры см. К. Маркс. Капитал, т. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 581—585.

накопляемую, исходил из той же пропорции: «половина сверхстоимости накопляется и половина потребляется лично» [1]. Вполне закономерно также допущение Маркса, по которому органический состав капитала ($c : v$) в исходных цифрах первого подразделения вдвое превышает его величину во втором. Но совершенно неожиданным является его допущение, что все элементы обоих подразделений в расширенном воспроизводстве возрастают столь равномерно, что и на пятом году отношение $P_1 : P_2 = 2{,}06$ и среднее строение капитала ($c : v = 3{,}16$) остаются такими же, какими мы их получаем уже в первом году воспроизводства исходных пропорций.

В этом случае Маркс отвлекается в своих схемах даже от того «*закона*, что постоянный капитал имеет тенденцию возрастать быстрее перемен-

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 78.

ного». Это обстоятельство не ускользнуло от внимания В. И. Ленина, и, отмечая его еще в одной из самых ранних своих работ 1893 г., он поясняет: «положение о быстрейшем возрастании средств производства есть простая перефразировка этого закона применительно ко всему общественному производству» [1].

С своей стороны В. И. Ленин, развивая схемы воспроизводства Маркса, применил в них дополнительное расчленение первого подразделения общественного производства на две подгруппы, производящие средства производства: 1) для производства средств производства и 2) для производства предметов потребления. Воспользовавшись исходными цифрами Маркса, но с учетом воздействия на отношение $c:v$ условий технического прогресса, Ленин показал, что в условиях расширенного воспроизводства «всего быстрее возрастает производство средств производства для средств производства, затем производство средств производства для средств потребления и всего медленнее производство средств потребления» [2]. Этот последний вывод имеет для нас в условиях планового хозяйства особо важное *практическое* значение. Однако для практического использования его в планировании нам недостаточно одних лишь теоретических схем и иллюстративных расчетов. Основной задачей в условиях социализма является создание и приумножение изобилия *предметов потребления* — P_2. И если нам задано умножить их за определенный срок, скажем, на 10%, то мы должны заблаговременно предусмотреть, во что нам это обойдется, с учетом всех дополнительных вложений в необходимые для указанной цели фонды средств и предметов труда первого подразделения. А для такого учета необходимо исходить из вполне *реальных пропорций* в структуре народнохозяйственного баланса, свободного от всяких искажающих их абстракций и упрощений.

Так, например, в схемах Маркса, в элементе общественных издержек — c объединены «ради простоты» затраты и средств и предметов труда, исходя из допущения, «что постоянный капитал одинаково везде входит целиком в годовой продукт рассматриваемых капиталов» [3].

Но если в анализе Маркса такое абстрагирование от реальных условий оборачиваемости средств труда и не имело значения, то в наших плановых расчетах подобные упрощения совершенно недопустимы. Включение в состав текущих издержек — c вместо одного лишь годового *снашивания* средств труда *всей* их *суммы* существенно искажает и реальную величину и всю структуру фактических издержек производства, оставляя в то же время вовсе без специального анализа воспроизводство основных и оборотных ресурсов всего народного богатства страны. Вот почему, расширяя схемы Маркса в систему народнохозяйственных балансов, необходимо прежде всего предусмотреть в ней и расчленение средств производства — c во всех подразделениях на средства труда — c_1 и предметы труда — c_2 и особый учет основных и оборотных материальных фондов страны в полном их объеме.

С указанными уточнениями в схеме баланса мы получили бы уже совсем иную и притом гораздо более реальную картину закономерностей расширенного воспроизводства по сравнению с данными табл. 1. Исходные пропорции величин, приведенных в нижеследующей таблице, примерно соответствуют конкретной структуре советской промышленности к концу восстановительного периода. Сохранили мы для сопоставимости с примером Маркса и допущения, по которым отношение $m:v = 100\%$, а соотношение элементов $c:v$ в каждом из подразделений остается неизменным по сравнению с исходным. Допуская затем, что в исходном году мы имели

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 80.
[2] Там же.
[3] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 168.

простое воспроизводство, а в последующие годы расширяли производство предметов потребления на 10, 20 и 30% по отношению к исходной цифре, мы получили бы такую картину сдвигов в общей структуре общественного продукта (см. табл. 2).

Таблица 2

Схемы воспроизводства общественного продукта СССР

Виды и годы воспроизводства	Подразделения	Материальные фонды и резервы: основной ($Ф_1$)	Материальные фонды и резервы: оборотный ($Ф_2$)	Материальные фонды и резервы: итого ($Ф_1+Ф_2=Ф$)	Общественные издержки воспроизводства: материальные затраты: средств труда (c_1)	Общественные издержки воспроизводства: материальные затраты: предметов труда (c_2)	Общественные издержки воспроизводства: материальные затраты: итого ($c_1+c_2=c$)	Общественные издержки воспроизводства: живой труд: для себя (v)	Общественные издержки воспроизводства: живой труд: для общества (m)	Общественный продукт ($c+v+m=P$)	Народный доход ($v+m=Д$)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Простое	I	1 800	950	2 750	100	950	1 050	450	450	1 950	900
	II	700	850	1 550	50	850	900	300	300	1 500	600
	I+II	2 500	1 800	4 300	150	1 800	1 950	750	750	3 450	1 500
Расширенное 1-й год	I	2 120	1 119	3 239	118	1 119	1 237	530	530	2 297	1 060
	II	770	935	1 705	55	935	990	330	330	1 650	660
	I+II	2 890	2 054	4 944	173	2 054	2 227	860	860	3 947	1 720
2-й год	I	2 440	1 288	3 728	136	1 288	1 424	610	610	2 644	1 220
	II	840	1 020	1 860	60	1 020	1 080	360	360	1 800	720
	I+II	3 280	2 308	5 588	196	2 308	2 504	970	970	4 444	1 940
3-й год	I	2 760	1 457	4 217	153	1 457	1 610	690	690	2 990	1 380
	II	910	1 105	2 015	65	1 105	1 170	390	390	1 950	780
	I+II	3 670	2 562	6 232	218	2 562	2 780	1 080	1 080	4 940	2 160

В исходных цифрах таблицы принято, что оборотные фонды оборачиваются в составе общественного продукта всего один раз в год, и потому итоги графы 4 повторяются и в графе 7, в которой увеличиваются текущие затраты предметов труда (без повторного их учета) [1]. При ускорении оборота этих фондов или замедлении итоги 4-й и 7-й граф баланса, уже не совпадая, своим соотношением показали бы меру оборачиваемости материальных фондов страны в каждом подразделении. В абстрактных схемах Маркса, где показатель $c:v$ мыслится как отношение всего постоянного капитала к переменному, этот показатель органического состава капитала принимается за меру вооруженности труда и сравнительного уровня его производительной силы. Но конкретно элемент c содержит лишь *малую долю* основных средств труда, реально повышающих его производительность, и потому в нашей схеме это отношение такой мерой служить не может. В частности, сравнивая отношения $(c:v)$, исчисленные из данных 1-й и 2-й таблиц, мы получим такие отношения:

Величина $(c:v)$ по таблице	1-й	2-й
В I подразделении . . .	4,0	2,33
Во II » . . .	2,0	3,0
Итого (I + II)	3,14	2,6

[1] По отношению к *валовому* обороту предметов труда в производстве оборотные фонды совершают ныне не менее трех-четырех оборотов за год.

По табл. 1 получается более высокое строение для первого подразделения, по таблице 2 — для второго. И это вполне понятно, ибо во второй схеме в отношении $c : v$ решает величина *не средств*, а предметов труда, которых во втором подразделении требуется много больше. Если же за меру вооруженности труда по таблице 2 вместо $c : v$ принять более подходящий показатель $(\Phi_1 : v)$, то и здесь для первого подразделения мы получили бы его величину $1800 : 450 = 4{,}0$, для второго — $700 : 300 = 2{,}33$, а в среднем по обоим подразделениям — $2500 : 750 = 3{,}33$. Но самое важное отличие 2-й таблицы от 1-й заключается в том, что структура общественного продукта $(P_1 : P_2)$ в ней, как видно из нашей таблицы, вполне закономерно *возрастает* с ростом этого продукта. Притом P_1 опережает в своем росте P_2 на вполне определенную величину. Опираясь на данную закономерность, выведенную из отчетных балансов, плановые органы, в частности, получают возможность запроектировать в нужной мере и то *опережение* в росте средств производства, какое необходимо для заданного прироста предметов потребления.

В исходных пропорциях табл. 2-й $\mathrm{I}(v + m) = \mathrm{II}c$. И, стало быть, никакого накопления средств труда для расширения наличных масштабов воспроизводства не запроектировано. Спрашивается, однако, сколько же дополнительных ресурсов пришлось бы изыскать для того, чтобы расширить продукцию предметов потребления — P_2, скажем, на 10%, т. е. с 1500 до 1650 единиц? При сохранении в основном тех же соотношений элементов $(c : v : m)$ в данном подразделении они возрастут на те же 10%. В частности, и II c возрастает на 10% — с 900 до 990 единиц,— в том числе снашивание *средств труда* — c_1 возрастает на 5 единиц. Но, для того чтобы обеспечить такой прирост P_2, необходимы, помимо текущих издержек, и новые капитальные вложения в размере 70 единиц, или 10% сверх исходной цифры. А в общем, кроме дополнительных затрат живого труда во втором подразделении, потребуется еще $90 + 70 = 160$ единиц прироста *средств производства* в первом подразделении, которые могут быть получены только за счет прироста в нем народного дохода $(v + m)$ на эту сумму. Но прирост $\mathrm{I}(v + m)$ в 160 единиц на 900 составляет 17,8%; на эту величину следует увеличить и все остальные элементы первого подразделения, не исключая и необходимых для такого роста продукции капитальных вложений — P_1. Проделав такие же расчеты потребных ресурсов и для каждого дальнейшего расширения продукции предметов потребления на 10%, мы получим такие темпы роста продукции обоих подразделений P_1 и P_2 от исходного их уровня:

$$P_2 — 100;\ 110;\ 120;\ 130 \text{ и т. д.}$$
$$P_1 — 100;\ 117{,}8;\ 135{,}6;\ 153{,}4 \text{ и т. д.}$$

Такова при данной структуре общественного продукта *конкретная мера* опережения средствами производства предметов потребления в расширенном воспроизводстве. В той же мере и основные фонды первого подразделения опережают по своей стоимости рост их во втором подразделении.

Но вложение *новых* средств труда, как это уже учитывал в своих схемах В. И. Ленин, не обходится без их обновления в связи с требованиями технического прогресса и вытекающего отсюда роста производительности труда. А поскольку фонды первого подразделения опережают в своем росте фонды второго подразделения, то и производительность труда в первом подразделении должна расти быстрее, чем во втором. Значит, в *натуральном выражении* опережение в темпах роста продукции P_1 по сравнению с P_2 будет еще значительнее, чем *по стоимости*. И объективная *необходимость* такого *опережения*, вытекая, как естественный закон, из самих условий расширенного воспроизводства, не может быть отменена или ослаблена по произволу участвующих в нем людей.

Однако здесь возможен такой вопрос. Насколько оправдывается результатами такая необходимость, если только для того, чтобы поднять продукцию предметов потребления всего на 10%, или 150 единиц, приходится весь общественный продукт увеличивать на 14,4% с дополнительными затратами одного лишь живого труда на 220 единиц, не считая даже дополнительных вложений в основные фонды в сумме 390 единиц? [1]

На первый взгляд подобная картина представляется весьма парадоксальной. Ведь накопление средств труда, поскольку оно не оправдывается умножением предметов потребления, само по себе в условиях социализма никакого интереса не представляет. А воспроизводство 150 единиц нужного продукта с затратой в нем 220 + 390 = 610 эквивалентных им единиц труда было бы прямым его расточительством. Однако этот парадокс разрешается довольно просто. Из 220 единиц новых затрат живого труда во втором подразделении реализовано в виде предметов *потребления* только 150, потому, что 70 единиц потребовалось реализовать в виде *средств труда* для пополнения основных фондов второго подразделения. Но их нельзя прибавлять к издержкам данного года, так как они будут снашиваться постепенно в течение ряда последующих лет. То же самое следует сказать о 320 единицах вложений из накоплений прошлых лет в основные фонды первого подразделения, подлежащих снашиванию и воспроизводству в ряде лет. Их производственный эффект скажется полностью только в эти последующие годы. И скажется он в том, что производство *предметов потребления* окажется возможным в расширенных объемах по стоимости и с повышенной производительностью труда.

Нетрудно, конечно, представить себе и такие условия, в которых этот эффект растущих средств труда, направленный на подъем обороноспособности страны, помощь другим братским народам или иные задачи, не полностью реализуется в приросте *предметов потребления*. Но, даже отложенный на время, этот эффект опережения в росте средств труда в стране социализма может быть снова в любой момент обращен по своему прямому назначению. И чем больше было при этом достигнуто *опережение* средств производства, тем больше скажется и этот отложенный его эффект в росте изобилия предметов потребления, когда станет возможной его реализация.

Наращивание темпов опережения второго подразделения первым *не может быть постоянной* нашей задачей, ибо рост отношения $P_1 : P_2$ возможен лишь за счет возрастания общей суммы вложений в производство по отношению к продукции предметов потребления — P_2, т. е. за счет *падения* этого важнейшего для нас их эффекта. И чтобы не допускать *излишнего отставания* второго подразделения от первого, его приходится в плановом хозяйстве своевременно *подтягивать* к первому в подходящих для этого условиях, не нарушая, однако, самой этой закономерности. Поясним это примером. Допустим, что в результате длительного форсирования индустриализации страны со значительным опережением в росте средств производства мы уже достаточно гарантированы от всяких внешних случайностей и сможем заняться вплотную важнейшими внутренними проблемами. И пусть структура нашего общественного продукта может быть представлена в следующих пропорциях (табл. 3).

В приведенной табл. 3 $\mathrm{I}(v + m) > \mathrm{II}c$ и разность этих величин $r = 2520 - 1800 = 720$ представляет собою возможный *фонд расширения*. По отношению к общей величине $P = 8450$ этот фонд равен всего 8,5%, а по отношению к тем основным и оборотным фондам 6400 + 4730 = = 11 130, какие подлежат за счет него расширению, еще меньше — около

[1] От необходимого прироста *оборотных* средств на 254 единицы, поскольку он целиком воспроизводится в гр. 7 нашего баланса, составляя внутренний оборот в общей сумме общественного продукта, можно пока отвлечься.

Таблица 3

Структура общественного продукта

Подразделения	Основные фонды	Издержки производства ($c + v + m = P$)	Народный доход
I. Производство средств производства			
I_A — для средств производства . .	3625	1770+815+815=3400	1630
$I_Б$ — для предметов потребления .	1375	1160+445+445=2050	890
Итого по I	5000	2930+1260+1260=5450	2520
II. Производство предметов потребления	1400	1800+600+600=3000	1200
Всего по I + II	6400	4730+1860+1860=8450	3720

6,5%. Если же еще учесть нормальное опережение в расширении фондов первого подразделения, то на долю второго выпала бы еще более скромная цифра прироста. Но плановое хозяйство обладает возможностью довольно широкого маневрирования своими ресурсами. И, умерив на время рост первого подразделения, может заметно ускорить расширенное воспроизводство средств потребления. Нужно лишь твердо помнить, что эта возможность строго *ограничена* объективными условиями воспроизводства. И эти границы определяются прежде всего соотношением конкретных величин $\mathrm{I}\,(v + m) - \mathrm{II}\,c = r$. Даже направляя весь фонд расширения — r на рост одних лишь средств потребления — P_2, мы не смогли бы повысить их больше, чем на величину, равную $r : \mathrm{II}\,c$ или в нашем случае $720 : 1800 = 40\%$. В самом деле, повысив все элементы второго подразделения на 40% при неизменной величине первого, получим такие соотношения.

Таблица 4

Вариант в условиях простого воспроизводства

Подразделения	Основные фонды	Издержки производства ($c + v + m = P$)	Народный доход
I	5000	2930+1260+1260=5450	2520
II	1960	2520+840+840=4200	1680
I+II . . .	6960	450+2100+2100=9650	4200

Подтянув, таким образом, второе подразделение к первому настолько, что $\mathrm{I}\,(v + m)$ уже полностью сравнялось с $\mathrm{II}\ c$ $(1260 + 1260 = 2520)$, т. е. восстановив условия *простого* воспроизводства, мы убеждаемся, что дальнейший рост P_2 стал бы уже невозможен без нового возрастания P_1, с новым *опережением* в темпах его роста по сравнению с P_2, как это было показано в таблице 2. В этом случае новый цикл расширенного воспроизводства начался бы уже с более высокого исходного уровня.

Что же дает нам такой плановый маневр? Каков его производственный эффект?

Мы уже видели, что обычное использование фонда расширения в *обоих* подразделениях могло бы повысить наличные материальные фонды, а вместе с тем и общий их продукт — P всего на 6—7%, в том числе продукт — P_2 — на еще более низкий процент. А между тем возможность направить весь фонд расширения хотя бы за один год целиком в наиболее отстающие отрасли труда повышает в нашем примере их продукцию — P_2 на 40% и даже общий продукт обоих подразделений — вместо 6—7 на

14% (с 8450 до 9650 единиц). Это и есть реализация *отложенного* эффекта того все нарастающего за ряд лет *опережения* в расширении средств производства по сравнению с предметами потребления, которое измеряется отношением $P_1 : P_2$ и без которого вообще немыслимо расширенное воспроизводство.

Конечно, реализация подобных плановых маневров на практике гораздо сложнее, чем это представляется в чисто теоретических расчетах. Чтобы переадресовать ожидаемый фонд расширения из одного подразделения в другое, недостаточно, разумеется, перераспределения одних лишь бюджетных ассигнований. Необходимо предусмотреть уже в провизорных балансах производства и *реальное покрытие в натуре* этих ассигнований в соответствии с их назначением. В частности, это предполагает расширение производственной программы отраслей, производящих «средства производства для производства предметов потребления»,— $I_Б$ за счет соответствующего ограничения продукции «средств производства для производства средств производства» — I_A. Но, скажем, на Уралмаше, где строятся блюминги и прочие гиганты машиностроения, не наладишь вместо них производство швейных машинок и тому подобного мелкого оборудования. Однако, располагая избытком блюмингов и прочего машинного оборудования для *первого* подразделения (по группе I_A), можно с успехом вооружить им своих добрых соседей, получая от них взамен эквивалентное количество шерсти, хлопка, кожи и другого сырья для ускоренного расширения производства *предметов потребления.* Говоря иначе, каждый плановый маневр в области отечественного производства должен быть подкреплен в договорном порядке соответствующими маневрами и в области *международного* разделения труда и товарообмена в пределах всех миролюбивых стран мира и прежде всего социалистических стран.

Нельзя забывать также в практике планирования об объектах крупного строительства, рассчитанных на вложение в них средств труда в течение ряда лет. Затягивать такое строительство даже в *составе первого подразделения* (по группе I_A) ради усиления вложения в отстающие производства (по $I_Б$ и II) нецелесообразно. Но можно на год или два задержать приступ к стройке *новых* объектов этого рода. В связи с этим могут затянуться и сроки возможного подтягивания второго подразделения к первому, тем более, что ничто ведь и не вынуждает нас завершить этот маневр непременно за один лишь год. Повышение уровня потребления трудящихся на 30—40% и *за несколько лет* можно было бы считать тем бо́льшим достижением, что оно не потребовало бы значительной задержки и в общем росте средств производства, при непременной, однако, передвижке их в известной части из группы I_A в группу $I_Б$.

3. БАЛАНС НА СЛУЖБЕ ПЛАНИРОВАНИЯ

В моменты подобных экономических маневров, требующих сознательной перестройки ряда важнейших народнохозяйственных пропорций, баланс народного хозяйства, отражающий в своем построении все эти пропорции и их перестройки, становится особо актуальным инструментом народнохозяйственного планирования. Только постоянная балансовая увязка планируемых мероприятий между собою и с ожидаемыми их результатами, с учетом всех объективных закономерностей расширенного воспроизводства, может предостеречь Госплан от проектировок заведомо нежелательных и вредных диспропорций. И Госплан, как известно, широко пользуется балансовым методом в своих проектировках. Но в его практике доныне использовались чаще всего *частные* балансы всякого рода, вплоть до материальных балансов производства и потребления отдельных продуктов (руды, угля, железа, электроэнергии и т. п.), гораздо реже экономические балансы такого типа, как баланс потребления и накопления

народного дохода или баланс доходов и расходов населения, и, по-видимому, вовсе не были в ходу *общие* балансы народного хозяйства с охватом *всех* элементов и ступеней расширенного воспроизводства в их систематическом расчленении и связном *единстве.*

Таблица 5

Маневр подтягивания производства предметов потребления

Показатели	Подразделения	Основные фонды	Элементы издержек воспроизводства: прошлый труд	живой труд: для себя	живой труд: для общества	Общественный продукт — P ($v+m+c$)	Народный доход — $Д$ ($v+m$)
1	2	3	4	5	6	7	8
I. Пропорции исходные							
Средства производства	$I_А$	3625	1770	815	815	3400	1630
»	$I_Б$	1375	1160	445	445	2050	890
Итого	I	5000	2930	1260	1260	5450	2520
Предметы потребления	II	1400	1800	600	600	3000	1200
Всего	I+II	6400	4730	1860	1860	8450	3720
II. Пропорции заключительные							
Средства производства . .	$I_А$	3330	1520	705	705	2930	1410
»	$I_Б$	1670	1410	555	555	2520	1110
Итого	I	5000	2930	1260	1260	5450	2520
Предметы потребления	II	1960	2520	840	840	4200	1680
Всего	I+II	6960	5450	2100	2100	9650	4200

Впрочем, таких балансов не дает нам еще советская статистика. И это отнюдь не содействует успехам планирования. Так, например, наша балансовая практика доныне расчленяла общественное воспроизводство только на два основные подразделения, явно недооценивая даже ценнейшие замечания В. И. Ленина о выделении в особую подгруппу производства средств производства для воспроизводства средств производства. А между тем вся трудность каждого планового маневра в таких случаях, как перестройка мирной экономики на военную и обратно или подтягивание второго подразделения к первому, заключается как раз в том, что начинать все такие маневры приходится именно с этой забываемой нами подгруппы.

В вышеприведенном числовом примере мы ограничились лишь показом возможного расширения второго подразделения без увеличения *общих итогов* первого. Но *пропорции* и внутри первого подразделения потребуют при этом существенной перестройки. Это нетрудно показать на том же примере (см. табл. 5).

Мы уже отмечали, что исходные пропорции в данном примере обеспечивали фонд расширения средств производства — r в размере $\mathrm{I}(v+m)$ — $\mathrm{II}\ c = 2520 - 1800 = 720$. Но по своему вещному составу большая их часть годилась лишь для расширения фондов *первого подразделения.* Эту величину легко получить вычитанием из всей продукции подгруппы $I_А$ = = 3400 той ее доли, какая служит *возмещению все*го прошлого труда в первом подразделении, т. е. 2930 единиц, и, значит, она равна 3400—2930 =

$=470$ единиц. Тот же результат, конечно, дает и разность $\mathrm{I}_{\mathrm{A}}(v+m)$ — $\mathrm{I}_{\mathrm{Б}}c$, т. е. $(815+815)-1160=470$. И, чтобы использовать этот фонд для расширения предметов *потребления*, нужно прежде всего, сократив продукцию I_{A} на 470, расширить на столько же продукцию $\mathrm{I}_{\mathrm{Б}}$, т. е. средства производства для предметов потребления. Эта именно операция с соблюдением всех других необходимых пропорций и показана в приведенной таблице.

Как видим, указанный маневр требует наиболее существенной перестройки производственных программ как раз в группе I_{A}, в которой целому ряду предприятий и рабочих пришлось бы перестраиваться на новые виды продукции. В нашем примере такая перестройка потребовала бы переброски из этой группы на производство иных видов продукции до 13,5% рабочих, помимо увеличения общего числа рабочих по всем подразделениям на 12,9%. Правда, этой ценой продукция предметов потребления сделала бы целый *скачок* в 40%, но в результате его мы вступили бы в условия простого воспроизводства. При этом вся продукция $\mathrm{I}_{\mathrm{A}}=2930$ только возмещает собой материальные затраты Ic, продукция $\mathrm{I}_{\mathrm{Б}}=2520$ возмещает II c, а общая продукция $\mathrm{I}_{\mathrm{A}}+\mathrm{I}_{\mathrm{Б}}=5450$ тоже лишь возмещает общую сумму затрат прошлого труда в обоих подразделениях. И все возможное накопление сосредоточивается только в одном втором подразделении. Однако скачок в росте изобилия уже сам по себе обусловливает соответствующий подъем производительности труда, за счет которого начинается новый цикл расширенного воспроизводства с новым опережением в росте средств производства.

Схемы Маркса в интересах планирования должны быть расширены в балансах народного хозяйства СССР и во многих других направлениях. Например, в эпоху войн и революций наряду с нормальными подразделениями *средств производства* и *предметов потребления* особое к себе внимание привлекает еще одно важнейшее подразделение, которое следовало бы назвать производством *средств обороны*. Даже в странах социализма, которым угрожают враждебные силы воинствующего империализма, это подразделение, к сожалению, составляет пока неизбежное звено в народном хозяйстве, не увеличивая, а расточая его производительные силы. А заботы о наибольшей маневренности этого подразделения на случай необходимости общих перестроек всех производственных пропорций на порогах войны и мира составляют одну из ответственнейших задач планового хозяйства, о которой нельзя забывать ни на минуту.

Вместе с тем нельзя забывать и о столь существенных расчленениях средств производства в общественном продукте, как расчленение их на *средства труда* — орудия и машины — и *предметы труда,* включая сюда все виды энергии и материалов. План должен твердо предусмотреть не только, в каких именно количествах и где именно они производятся, но и куда будут направлены для потребления и накопления. Это — центральная часть плана. А так как они расходуются не только в производственной сфере, но и в сфере обслуживания общегосударственных нужд и бытовых потребностей населения, то в балансах социалистического хозяйства от *сферы обслуживания* никак нельзя отвлечься, ограничившись одними лишь задачами производства и реализации общественного продукта. Это было бы равносильно забвению о самой *цели производства* в условиях социализма, т. е. о самом обществе и основном экономическом законе его развития, о людях, их потребностях и их благосостоянии.

Учитывая все эти обстоятельства, а также классовую структуру современного общества, баланс народного хозяйства даже в самой сжатой его схеме должен содержать, на наш взгляд, следующие рубрики и подразделения (см. табл. 6).

Не располагая отчетными данными, мы не могли отобразить в приведенных цифрах баланса *конкретных* соотношений и пропорций нашего

народного хозяйства на какую-либо дату. Наши цифры показывают лишь в каких направлениях они балансируются в плановом хозяйстве.

Отношение $m : v$ в нашей таблице принимаем равным 100%. Допускаем также, что из валовых накоплений — m только половина обращается в фонды расширения производства, а вторая используется на общественное потребление. Такое распределение народного дохода, при котором личное и общественное потребление населения охватывает до трех четвертей всего народного дохода, соответствует, как известно, и нашей плановой практике. В частности, в нашей таблице из 2 тыс. единиц народного дохода только 500 единиц направлено в производственный фонд расширения, 500 ассигнуется в фонд общественного потребления и 1000 в качестве фонда заработной платы работников производственной сферы поступает в фонды личного потребления населения. Туда же переносятся 390 единиц *оплаченного* труда (продукт для себя) общественных учреждений, сокращая в общем итоге на ту же величину сумму в графе труда *обобществленного* (продукт для общества).

В сфере обслуживания эти фонды потребления подвергаются и дальнейшему перераспределению. Здесь часть из них обращается на хозяйственные, эксплуатационные расходы и необходимое расширение материальных фондов сферы обслуживания, а остальная доля предметов потребления используется уже непосредственно населением в его личном потреблении. В этом более тесном смысле масштабы потребления трудящихся суживаются с 1500 до 1125 единиц, но и остальные 375 — расходуются ли они на ремонт квартир, покупку мебели, холодильников, радиоприемников или на расширение парков отдыха, школ и амбулаторий,— умножая число удобств и услуг, приобретаемых населением, служат прямо или косвенно повышению их уровня благосостояния и культуры. Все это, служа общим задачам расширенного воспроизводства рабочей силы, не выходит за рамки личного и общественного потребления трудящихся.

Однако различные потребности сферы обслуживания трудящихся требуют столь же много различных способов и предметов их удовлетворения. И совершенно недостаточно сбалансировать их по общей стоимости в производственном плане второго подразделения. Необходимо запланировать нужное количество предметов потребления и в *надлежащем* их *ассортименте,* тем более что потребные пропорции этого ассортимента благ в условиях социализма служат *исходным* началом планирования и *производственных* пропорций первого, а затем и второго подразделения всей материальной сферы производства. Уже из этого ясно, что в составе балансов социалистического народного хозяйства в отличие от схем воспроизводства капитала нельзя обойтись без всей сферы обслуживания.

Особенно важным разделом баланса является, до тех пор пока сохраняются классовые различия, *классовое* расчленение в области распределения и потребления народного дохода. Пропорции классового *потребления* рабочих и крестьян в нашей стране являются важнейшей проверкой соблюдения социалистического принципа *распределения по труду* в данной области, а вместе с тем и той ненарушимой *смычки рабочих и крестьян,* которая является *основой* нашей партийной политики и нашего государственного могущества.

В этих пропорциях, где экономика всего теснее переплетается с политикой, всякий экономический просчет в плане, угрожая срывом рабоче-крестьянской смычки, граничит уже с тяжким политическим преступлением. И потому необходимость строжайшего *соблюдения* этих *пропорций* в соответствии с требованиями социалистического распределения предполагает постоянное их наблюдение и изучение.

Предложенная ниже схема баланса намечает лишь круг важнейших показателей и расчленений, необходимых в интересах планирования. Они могут быть представлены и в других вариантах схемы. Но каждая схема

Таблица 6

Примерная схема баланса народного хозяйства СССР

Рубрики баланса / Подразделения народного хозяйства	Материальные фонды и резервы к началу года: основные	Материальные фонды и резервы к началу года: оборотные	Общественные издержки воспроизводства: прошлый труд (c): износ средств труда (c_1)	Общественные издержки воспроизводства: прошлый труд (c): предметы труда (c_2)	Общественные издержки воспроизводства: живой труд: для себя (v)	Общественные издержки воспроизводства: живой труд: для общества (m)	Общественный продукт (брутто): средства труда	Общественный продукт (брутто): предметы труда	Общественный продукт (брутто): предметы потребления	Общественный продукт (брутто): итого P	Народный доход ($v + m = Д$): по месту производства	Народный доход ($v + m = Д$): по месту назначения (распределение)	Перераспределение (+, —)	Использование общественного продукта: фонд возмещения (гр. 4 + гр. 5)	Использование общественного продукта: фонд потребления (личного)	Использование общественного продукта: фонд расширения — r	Использование общественного продукта: в том числе основных средств	Использование общественного продукта: в том числе оборотных средств	Материальные фонды и резервы к концу года: основные	Материальные фонды и резервы к концу года: оборотные
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Сфера производства																				
I — средств производства																				
I А — для средств производства	1200	380	70	380	450	450	340	1010	—	1350	900	225	—	450	—	225	171	54	1371	434
I Б — для предметов потребления	600	770	30	770	300	300	100	1300	—	1400	600	150	—	800	—	150	66	84	666	854
Итого по I	1800	1150	100	1150	750	750	440	2310	—	2750	1500	375	—	1250	—	375	237	138	2037	1288
II — предметов потребления	700	950	50	950	250	250	—	—	1500	1500	500	125	—	1000	—	125	53	72	753	1022
Итого (I + II)	2500	2100	150	2100	1000	1000	440	2310	1500	4250	2000	500	—	2250	—	500	290	210	2790	2310
Сфера обслуживания																				
а) Общественных учреждений:																				
1. Социально-культурных	150	22	3	22	150	—150	—	—	—	—	—	183	—147	25	—	11	9	2	159	32
2. Жилищно-коммунальных	250	38	5	38	130	—130	—	—	—	—	—	185	—132	43	—	10	8	2	258	52
3. Управления и обороны	100	15	2	15	110	—110	—	—	—	—	—	132	—111	17	—	4	3	1	103	21
Итого по а)	500	75	10	75	390	—390	—	—	—	—	—	500	—390	85	—	25	20	5	520	105
б) В домашнем быту:																				
1. Рабочих и служащих	150	100	12	100	—	—	—	—	—	—	—	500	+390	112	760	18	10	8	160	108
2. Колхозников	330	90	26	90	—	—	—	—	—	—	—	465	—	116	340	9	6	3	336	93
3. Единоличников	20	10	2	10	—	—	—	—	—	—	—	35	—	12	25	—2	—1	—1	19	9
Итого по б)	500	200	40	200	—	—	—	—	—	—	—	1000	+390	240	1125	25	15	10	515	210
Итого (а + б)	1000	275	50	275	390	—390	—	—	—	—	—	1500	0	325	1125	50	35	15	1035	315
Всего по народному хозяйству	3500	2375	200	2375	1390	610	440	2310	1500	4250	2000	2000	0	2575	1125	550	325	225	3825	2625
В том числе за границей																				

подлежит еще дальнейшей расшифровке в специальных балансовых таблицах. Например, *продукция* — по производствам и социальным секторам хозяйства; *обращение* — во внутренней и внешней торговле, денежное и безналичное, по товарным группам и странам; *перераспределение* — по ценам, через бюджет и через кредит, по социальным секторам и в межотраслевом разрезе; *оплата труда* — в связи с его затратами в общем балансе труда, в отраслевом и классовом разрезах; *потоварное потребление* — в связи с уровнем оплаты труда и благосостояния трудящихся; *производственное накопление* — в отраслевой и секториальной группировках; *производительность труда* — в отраслевом и общенациональном уровнях, в связи с ростом вооруженности труда, структурой издержек и другими моментами и т. д.

Возможность всех таких расчленений и группировок в наших народнохозяйственных балансах в качестве мощного орудия планирования не подлежит сомнению. В них заложена одна из важнейших предпосылок вполне сознательного, *научного* планирования не ощупью и наугад с риском крупных и опасных просчетов, а с полной уверенностью в достижении намеченных результатов. К сожалению, наша статистика далеко еще не обеспечивает советских плановиков таким вооружением. Мы до сих пор не имеем еще достаточно проверенных и надлежаще апробированных работ по балансу народного хозяйства. Келейные опыты их построений в ЦСУ мало кому известны, и, казалось бы, пора уже эти опыты подвергнуть более широкому изучению и обсуждению. Прошло уже около 40 лет с начала работ ЦСУ над балансом народного хозяйства СССР. Это уже весьма великовозрастный младенец. И если он все еще не вышел из утробного состояния, то, очевидно, требуется неотложная помощь со стороны для появления, наконец, на свет божий этого очень нужного нашему плановому хозяйству младенца.

Думается, что организация широкой дискуссии с участием плановиков, экономистов и статистиков по докладу ЦСУ о балансе народного дохода и его использовании в практике планирования сильно продвинула бы вперед разрешение этой большой и важной, но почему-то на много лет застывшей в анабиозе проблемы.

VIII. ФИЗИЧЕСКИЙ И «МОРАЛЬНЫЙ» ИЗНОС СРЕДСТВ ТРУДА[1]

В процессе производственного использования со временем стареют и приходят в состояние физической *негодности* или экономической *невыгодности* дальнейшей их службы по своему назначению все известные нам орудия и прочие средства труда, существенно различаясь лишь *сроками* целесообразного их использования в этом процессе. Например, железнодорожные шпалы, подвергаясь гниению, служат бессменно не свыше 6—7 лет; стальные рельсы, истираясь с поверхности трением колес, могут все же безаварийно служить лет 25, а паровозы по своей технической годности могли бы служить и вдвое дольше. Но появление наряду с ними гораздо более экономичных тепловозов и электровозов приводит к *досрочному* вытеснению даже новых паровозов из эксплуатации, резко сокращая, таким образом, средние сроки фактической их службы.

Износ орудий труда, ограниченный лишь сроками физической их годности, называют *физическим износом.* А там, где сроки использования орудий труда определяются не ветхостью, а лишь досрочным *устарением* их по экономическим соображениям, т. е. относительной их невыгодностью по сравнению с новейшими, более прогрессивными орудиями труда, это устарение именуется весьма устаревшим термином — *«моральный» износ.* Устарение орудий труда определяется не годами их службы, а темпами технического прогресса и поэтому вовсе не зависит от степени физического износа этих орудий. Еще меньше оснований именовать его «моральным» или «аморальным». Лишь в обществе, где категорическим императивом поведения было, по Щедрину, правило: «В карман норови, в карман!» — понятия экономических потерь и морального ущерба представлялись неразличимыми. В наше время правильнее было бы противопоставить понятию «физический износ» термин *«экономическое устарение»,* а явно устаревший термин «моральный» износ как один из многих пережитков капитализма в сознании людей изгнать из употребления. Однако эта терминологическая проблема не должна заслонять другую, гораздо более важную. Дело не в словах, а в действиях.

До сих пор в течение многих лет некоторые экономисты пытались признать чуждым советской экономике не термин «моральный» износ, а самое явление, обозначаемое этим термином. Это было, конечно, ошибкой. Можно и нужно бороться против завышения норм амортизации средств труда под предлогом «морального» их износа. «Но значит ли это, что с «моральным» износом можно вовсе не считаться?» — спрашивали мы еще в годы планирования первой пятилетки. И отвечали: «Конечно, нет. Разве мы можем не считаться с техническим прогрессом, обусловливающим собою понятие «морального» обесценения всякого рода устаревших конструкций и сооружений?»[2]. Отрицать действие «морального» износа в СССР было тем более нелепо, что технический прогресс, являющийся повсюду его причиной, протекает в СССР намного быстрее, чем в странах капитализма.

---

[1] «Вопросы экономики», 1956, № 8.

[2] С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы. М.— Л., 1930, стр. 112.

А там, где энергичнее внедряется новая техника и обнаруживаются в действии все ее преимущества, неизбежно, с силой объективно действующего экономического закона, все учащаются случаи досрочной замены устаревшей техники, и она в конечном счете вытесняется в процессе расширенного воспроизводства все более прогрессивной *новой* техникой. В этих условиях отрицание явлений «морального» износа в СССР свидетельствовало о серьезном отставании теории от практики, ибо до тех пор, пока отрицался самый факт реальности «морального» износа в СССР, не могло возникнуть и научной проблемы: как именно, с какими особенностями это явление протекает в советской экономике, в какой мере оно ускоряет досрочный вывод из производства устаревшей техники и как это ускорение должно отразиться на действующих нормах амортизации в нашей практике.

После XX съезда нашей партии все эти вопросы встают перед нами с новой силой и настоятельно требуют ответа.

Мы уже можем не спорить о слишком очевидных вещах. С экономическим устарением действующих средств труда в условиях внедрения новой техники мы сталкиваемся в нашей практике на каждом шагу. Это бесспорно. Но в обновлении своей техники при расширенном воспроизводстве плановое хозяйство может на разных этапах своего развития ставить перед собой различные задачи, от которых будут зависеть и *темпы* обновления наличной техники. Можно, например, в известных условиях задаться целью догнать и перегнать опередившие нас страны прежде всего *по объему* создаваемой в стране продукции. В этом случае, до тех пор, по крайней мере пока это позволяет наличие рабочей силы, можно использовать *всю* — и новую и старую — технику, вовсе не вытесняя старую технику новой до полного физического ее износа. На такой именно стадии как раз легче всего и вовсе забыть на время о «моральном» износе. Это обеспечивает максимально возможные темпы роста *объема* продукции за счет соответствующего *замедления* темпов роста производительности труда.

Но возможна и другая политика. Можно поставить перед собой задачу прежде всего в кратчайший срок ликвидировать свое отставание от опередивших нас стран по уровню *производительности труда*, чтобы уже затем, опираясь на рост своих кадров, разрешать все другие задачи. В этом случае пришлось бы *весь* ежегодный прирост новой техники обращать лишь на досрочное замещение наиболее устаревших средств производства. Это обеспечило бы наиболее высокие темпы технического перевооружения труда за счет соответствующего замедления роста продукции. Вместе с тем благодаря этой политике были бы расширены — в размерах, предельно допустимых лишь в условиях *простого* воспроизводства,— границы подлежащего ликвидации «морального» износа.

Конечно, практически наиболее осуществимым был некий *средний* между этими крайними линиями путь. Но плановая политика в СССР могла на разных этапах значительно отклонять его в желательном направлении. И такие отклонения действительно имели место в нашем прошлом. На первых этапах развития советской экономики в условиях избытка рабочей силы они были направлены в сторону максимального *количественного* роста продукции, а затем в меру исчерпания избытка рабочей силы — в сторону максимально возможного улучшения *качественных* ее показателей, в том числе прежде всего по линии производительности труда. А отсюда вытекает возрастающее значение проблемы «морального» износа в наши дни.

Границы допустимости использования экономически устаревшей техники зависят от многих обстоятельств, в том числе и от целевых установок плана, т. е. от воплощенной в нем *технической политики* на заданный отрезок времени. Так, например, на транспорте эта политика до сих пор довольствовалась в основном только вытеснением одних, более устаревших

паровозов другими, менее устаревшими, с небольшой выгодой в их эффективности, но зато без малейших задержек расширенного воспроизводства в паровозостроении. Однако, учитывая, что умножение числа даже самых лучших паровозов по сравнению с возможностями тепловозной или еще более эффективной электровозной тяги является в сущности расширенным воспроизводством *отсталой техники* и ведет не к опережению, а к отставанию в технике от таких, например, стран, как США, где тепловозная тяга за последние годы уже в основном вытеснила паровозную, XX съезд нашей партии наметил определенный поворот в этой политике. Отныне паровозная тяга лишь донашивается до полного вытеснения ее тепловозами и электровозами. В связи с этим выпуск новых паровозов вовсе прекращается, а паровозостроительные заводы переоборудуются на расширенное воспроизводство тепловозов и электровозов. В таком же направлении происходит поворот и в других областях техники.

В отличие от стран капитализма плановое, социалистическое хозяйство в своей технической политике руководствуется не частными интересами тех или иных определяющих ее лиц или кругов, а потребностями всего общества в целом с трезвым учетом всех требований объективно действующих экономических факторов и законов. В числе этих факторов в условиях соревнования различных экономических систем особого внимания заслуживает учет воздействия на экономику объективного фактора времени. Во времени разными темпами на различных участках хозяйственного фронта протекает технический прогресс. Временем же определяется и степень относительного устарения, или «морального» износа, средств труда на отстающих участках этого фронта. Временем же, наконец, определяются и *сроки службы* средств труда до полного физического их износа и соответствующие этим срокам *нормы погашения* учтенного износа. *Досрочная* замена устаревшего оборудования новым, более эффективным сопряжена обычно с некоторыми потерями овеществленного в нем труда, но по общему правилу эти потери с выгодой окупаются получаемой в результате такой замены экономией *живого* труда. И хозяйственный расчет настоятельно требует от нас сопоставления этих плюсов и минусов для трезвой оценки экономических результатов осуществляемой технической политики.

Эта политика должна быть достаточно трезвой, чтобы не ставить перед собой заведомо непосильных задач. Известно, например, что кратчайшим путем к повышению производительности труда является путь максимального технического и энергетического его перевооружения. Известно также, что гидроэлектрические станции по экономии труда в несколько раз эффективнее тепловых. Но если бы мы решили по аналогии с устаревшими паровозами вовсе не строить впредь «устаревших» тепловых станций ради скорейшей замены их продукции гидроэлектрической или внутриатомной энергией, то такой максимализм очень дорого обошелся бы нашему народному хозяйству. Строительство крупных гидростанций, помимо больших капитальных затрат, требует в несколько раз больше *времени* по сравнению с тепловыми. И, прекратив совсем строительство тепловых станций, мы могли бы этим резко затормозить на ряд лет всякий прирост электроэнергии, создавая серьезнейшие диспропорции и тормозя развитие всех других отраслей хозяйства. А между тем производство электроэнергии в плановом хозяйстве должно *опережать* темпы роста всего народного хозяйства [1].

Проблема «морального» износа теснейшим образом связана со всей технической политикой страны и уже поэтому много сложнее, чем это представляется с первого взгляда. Многим кажется, что признание «морального» износа обязывает нас лишь к пересмотру норм амортизации в связи с *фактическими* сроками службы разных видов оборудования. Но

[1] Семилетний план предусматривает наращивание электроэнергетических мощностей главным образом за счет строительства тепловых электростанций.

задача осложняется тем, что «фактические» сроки службы в отличие от максимально возможных по условиям физического износа зависят от темпов технического прогресса, а эти темпы в плановом хозяйстве в свою очередь находятся в немалой зависимости от заданной планом технической политики, требующей обновления устаревшей техники в те или иные сроки. Получается в некотором роде заколдованный круг взаимозависимостей. В условиях анархии производства сроки замены устаревшего оборудования новым диктуются стихийным законом конкуренции: кто отстает в обновлении устаревшей техники, выбывает вместе с ней из строя в качестве банкрота. А в плановом хозяйстве имеется возможность строить техническую политику на разных этапах его соревнования с системой капитализма на базе сознательного хозяйственного расчета.

На чем же следует базировать этот расчет?

Известно, что средства труда в отличие от предметов труда потребляются и переносят свою стоимость на производимый продукт не целиком, а постепенно, в течение всего срока их годности к выполнению своих производственных функций. Конечно, средства труда, как и все другие продукты труда, обладают не только *стоимостью*, но и *потребительной стоимостью*, которая как раз определяется их физической годностью давать в течение своего срока службы известный производственный эффект, например такое-то число плавок мартеновской стали, или такое-то количество миллионов тонн проката, или столько-то тысяч паровозокилометров пробега. Предполагается, что эта потребительная стоимость средств труда мало меняется в течение срока их службы в условиях достаточного текущего — восстановительного и планово-предупредительного — ремонта. И поэтому физический износ и погашающие его нормы амортизации обычно распределяются равными долями, в процентах к начальной стоимости средств труда на все годы полного срока их службы. Но такая практика оправдывается лишь при стабильном во времени или очень медленном росте уровня производительности труда.

В условиях технического прогресса *стоимость* воспроизводства одних и тех же средств труда, даже при совершенно неизменной технической их годности и равной *потребительной* стоимости, меняется весьма существенно, и воспроизводство их по стоимости и в натуре измеряется по-разному. Поясним это примером. Допустим, что начальная стоимость некоего предприятия равна 1000 единиц и по средним нормам физического износа оно могло бы нормально работать лет 30, а с учетом капитального ремонта этот срок службы можно продлить до 36 лет. Если стоимость капитального ремонта при этом принять, скажем, в 20%, а цену лома при ликвидации предприятия в 5% к начальной его стоимости, то норма амортизации, потребная для погашения физического износа, в среднем за год составит $(100 + 20 - 5) : 36 = 3{,}2\%$ начальной стоимости. Но реальная стоимость годового износа при той же начальной стоимости в разных странах в зависимости от различных темпов технического прогресса выразится совсем иными величинами. Возьмем, например, две страны с ростом производительности труда в одной не свыше 2%, а в другой — не ниже 6% в среднем за год. В этом случае получим такие нормы физического износа по объему, т. е. в неизменных ценах и по стоимости изношенных средств труда (см. табл. 1).

Как известно, стоимость продуктов определяется не фактическими затратами труда в момент их производства, а общественно необходимыми издержками их *воспроизводства* в различные моменты времени. И если цены подчиняются закону стоимости, то средства труда в условиях технического прогресса *обесцениваются* в течение всего их срока службы, хотя это обнаруживается лишь в случае необходимости досрочной их ликвидации на рынке. В нашем примере это обесценение, независимо от физического износа, составило за 36 лет по первому варианту 52%, а по второ-

Таблица 1

Нормы физического износа

Сроки службы (в годах)	Производительность труда (в %)	Средства труда			Физический износ		Экономия (гр. 6—гр. 7)
		начальная оценка	восстановительная стоимость	потери в стоимости (гр. 3—гр. 4)	по объему (3,2%)	по стоимости (гр.6 : гр.2)	
1	2	3	4	5	6	7	8
I вариант							
0	100,0	1000	1000	—	—	—	—
1	102,0	1000	980	20	32	31	1
5	110,8	1000	903	97	160	144	16
10	122,7	1000	815	185	320	261	59
15	136,0	1000	735	265	480	353	127
20	150,7	1000	664	336	640	425	215
30	184,9	1000	541	459	960	519	441
36	208,3	1000	480	520	1150	552	598
II вариант							
0	100,0	1000	1000	—	—	—	—
1	106,0	1000	943	57	32	30	2
5	133,8	1000	747	253	160	120	40
10	179,1	1000	558	442	320	179	141
15	239,7	1000	417	583	480	200	280
20	320,7	1000	312	688	640	200	440
30	574,3	1000	174	826	960	167	793
36	814,7	1000	123	877	1150	141	1109

му — даже 87,7% от начальной стоимости средств труда. Эти потери объясняются воздействием технического прогресса. И на первый взгляд получается парадоксальный вывод, что, чем выше темпы технического прогресса, тем выше причиняемые им потери хозяйству; прогресс становится бедствием. Но это мнимое бедствие полностью окупается той экономией в затратах *на погашение износа,* которая достигается за весь срок службы предприятия [1]. Причем потери в *стоимости* средств труда при стабильном их *объеме* в натуре никак не отражаются на производстве и потому являются мнимым бедствием, а экономия на погашении износа является вполне *реальной,* ибо она означает *сокращение* реальных затрат труда на воспроизводство изношенных средств труда и снижает издержки производства за весь срок службы по статье «амортизация» в первом варианте на 598, а во втором — на 1009 единиц стоимости. И здесь уже ясно, что, чем выше темпы технического прогресса, тем выше эта экономия в затратах труда.

Однако здесь может возникнуть такой вопрос. Теория утверждает, что *стоимость* средств труда в размере фактической доли их износа *целиком* переносится в издержки производства и стоимость текущей продукции предприятия. Но та же теория, определяя стоимость продукции по издержкам ее *воспроизводства,* предполагает, что *начальная* стоимость средств труда в определенной ее части *теряется* с повышением общественной производительности труда. Мы не видим никакого противоречия в этих положениях теории. Нужно лишь различать понятия «стоимость» и «начальная стоимость». Поэтому в нашей таблице величина износа определяется в двух измерениях: по начальной и по реальной их стоимости. Спрашивается: какая же из них подлежит погашению с перенесением полностью в стоимость текущей продукции?

[1] В нашем расчете износ средств труда и его погашение достигают 115% начальной их стоимости, ибо погашению подлежат и затраты на капитальный ремонт минус стоимость лома (100 + 20 — 5 = 115).

Нам кажется, что на этот вопрос не может быть двух ответов. Износ, измеряемый в долях начальной величины средств труда или, что то же, в неизменных ценах, служит лишь мерой их *объема* в натуре или *потребительной* стоимости (гр. 6). Мерой же их *стоимости* может служить только необходимое для их воспроизводства количество труда, *падающее* в условиях роста его производительности (гр. 7). И, очевидно, только эта величина *стоимости* — настоящей, а не бывшей или будущей — и подлежит переносу целиком в издержки производства текущей продукции. В связи с этим *стоимость* годового износа средств труда, выраженная в процентах к *начальной* их стоимости, снижается в нашем примере с 3,2 до 1,53% в первом варианте (552 : 36) и даже до 0,39% — во втором (141,2 : 36).

А как же быть в таком случае с той долей начальной стоимости средств труда или капитальных вложений, которую предприятие не возместит за время их использования в стоимости продукции?

В течение *полных* сроков физического износа эти потери, как видно из табл. 1, полностью возмещаются удешевлением подлежащих замене средств труда. Но практика наших дней не допускает столь длительных сроков их службы. В сущности говоря, при неизменном уровне производительности труда сроки службы предприятий путем постепенной *замены* всех изнашиваемых частей и целых машин можно было бы продлить и сверх обычных 30—40 лет на любой иной срок. Однако технический прогресс исключает такую возможность, вытесняя устаревшую технику более совершенной и производительной, а потому и более рентабельной и тем самым сокращая фактические сроки службы установленного оборудования. Конечно, всякое сокращение физических сроков службы средств труда будет при этом сопровождаться уже реальной потерей их стоимости при нормах амортизации, рассчитанных на более длительные сроки погашения. Говоря иначе, часть их стоимости в результате досрочной замены еще годных средств труда останется неиспользованной, и эта потеря окажется экономически оправданной лишь в той мере, в какой новая техника, вытесняя устаревшую, обеспечит *не меньшую* экономию в затратах труда за счет повышения его производительности и соответствующего удешевления новой техники на единицу ее производственной мощности.

Конечно, всякое ускорение технического прогресса повышает выгоды от досрочного обновления устаревшей техники, а вместе с тем возможное сокращение сроков этого обновления уже само по себе ускоряет темпы технического прогресса. Но в капиталистическом обществе эти темпы сильно тормозятся свойственной ему анархией производства и периодическими кризисами. Однако и там условия рыночной конкуренции подстегивают заводовладельцев к досрочной ликвидации устаревшей техники каждый раз, когда это диктуется их собственной выгодой, т. е. возможностью за счет повышенной рентабельности в условиях обновленной техники перекрыть с избытком неизбежные потери или по меньшей мере избежать убытков, связанных с использованием отсталой техники.

Тем не менее потери за счет досрочной ликвидации еще годного оборудования, как бы их ни называть, *подлежат учету* уже потому, что, лишь сопоставляя эти потери с ожидаемыми выгодами от обновления техники, можно определить наивыгоднейшие сроки переоборудования тех или иных предприятий. Капиталистическая практика присвоила этим потерям наименование «*морального*» износа оборудования, объединив их в общих нормах амортизации с реальным износом. Правда, моральные факторы труднее всего поддаются бухгалтерскому учету. Но именно поэтому «моральный» износ открывает возможность почти бесконтрольно умножать амортизационные вычеты из прибылей миллиардеров и помогает им под этим моральным предлогом укрывать от подоходного обложения изрядную долю своих накоплений. Впрочем, в этом, очевидно, и находит свое наиболее яркое отражение подлинный дух буржуазной морали.

Анализ отчетности акционерных предприятий дореволюционной России показывает, что средняя реальная норма их накопления не превышала 6% на основной капитал (без земли), а нормы амортизации колебались от 4 до 5% начальной стоимости средств труда. Однако из амортизационных фондов на капитальное переоборудование промышленных предприятий, т. е. за счет их физического износа, расходовалось не свыше 60%, откуда можно заключить, что указанные нормы амортизации значительно *превышали* действительную потребность в погашении текущего износа.

Это подтверждается и теоретическими расчетами. Нормы физического износа по различным типам строений и оборудования неоднократно определялись на основе экспертных оценок и отчетных данных о сроках их службы до списания за ветхостью и негодностью. В частности, такие сроки и нормы, намеченные Госпланом, были опубликованы в 1924 г. По этим данным, средний срок службы имущества фабрик и заводов России в 1913 г. определился в 35 лет с колебаниями для разных видов оборудования от 20 до 30 лет, для строений и сооружений — до 80 лет; средняя норма погашения физического износа для 1913 г. составила не свыше 2,84%, а фактические изъятия амортизационных отчислений — не ниже 4% от учтенных нами фондов [1]. Отсюда заключаем, что на долю «морального» устарения в этих отчислениях приходилось не менее 1,2% (4,0—2,8) от стоимости фондов, или до 30% от суммы всех отчислений. Эта последняя цифра подтверждается и расчетами проф. Н. Ф. Чарновского, который отмечает, что собственно на физический износ в общей доле годового обесценения разного рода оборудования до 1913 г. падало от 10 до 95%, в том числе в строениях его доля достигала 75%, в станках падала до 50%, моторах — до 40—30% и т. д., составляя в среднем около 70%. Говоря иначе, на долю *экономического устарения* в этом обесценении приходилось в оценке строений не свыше 25%, но в станках его доля возросла уже вдвое — до 50%, а в моторах еще выше — до 60—70% общего итога [2].

Нет никакого сомнения, что отмеченная разница в нормах «морального» устарения разных видов оборудования является результатом различных темпов технического прогресса в соответствующих областях техники. В строительстве этот прогресс, по-видимому, всего медленнее, в станкостроении — быстрее, в моторостроении — еще быстрее, а в современном авиастроении, как показывает наша и мировая практика, он особенно стремителен. А в зависимости от этого неизбежно должны возрастать те фонды, какие должны быть предусмотрены планом для своевременной ликвидации возрастающего устарения средств труда в разных областях техники. Только эти фонды не следовало бы смешивать с амортизационными, погашающими износ средств труда в пределах требований *простого* лишь их воспроизводства. Фонды, погашающие так называемый «моральный» износ орудий труда, или, говоря точнее, *экономическое* их *устарение* от допускаемого планом уровня, правильнее было бы назвать в плановом хозяйстве фондами *планово-предупредительной модернизации* отстающей техники на определенном уровне ее относительной годности. И по своему целевому назначению, и по экономической природе фонды модернизации существенно отличаются от фондов амортизации текущего износа. Во-первых, возмещая полностью только *обесценение* начальной стоимости средств труда, они призваны путем модернизации устаревшей техники *повышать* ее производственную мощность и таким образом служат уже *расширенному воспроизводству* средств труда по их объему, без превышения, однако, *начальной* их стоимости. Второе, не менее существенное отличие фондов модернизации от амортизационных отчислений заклю-

---

[1] С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, стр. 103, 109.

[2] Н. Ф. Чарновский. Организация промышленных предприятий по обработке металлов. М., 1919. стр. 338.

чается в том, что, образуясь по своей экономической природе *за счет накоплений*, они не подлежат включению в счет издержек текущего производства.

Сроки *фактической* службы средств труда (до полного возмещения начальной их стоимости путем накопления целевых фондов модернизации) могут быть при этом значительно сокращены. Конечно, возможность накопления фондов модернизации расширяется с ускорением темпов роста производительности труда, а сокращение за их счет сроков физической службы устаревшей техники в свою очередь является одним из методов ускорения технического прогресса. Для цифровой иллюстрации указанной взаимозависимости вернемся к данным таблицы 1, дополнив ее расчетом отчислений в фонд модернизации, соответствующих масштабам «морального» износа основных фондов при различных темпах роста производительности труда (см. табл. 2).

В этом расчете потери средств труда в размере их обесценения, или так называемого «морального» износа, ежегодно полностью возмещаются отчислениями в целевой фонд модернизации. Это позволяет, с учетом снижения цен при заданных темпах производительности труда, досрочно накопить достаточные фонды для погашения всей остаточной стоимости действующих средств труда и приступить к модернизации их путем замены новыми, более экономичными, без дальнейших промедлений. В первом варианте это сокращает средние сроки службы средств труда до их обновления с 36 до 18 лет, т. е. ровно вдвое, во втором — примерно до 9 лет, или раза в четыре.

В каждом частном случае обновление устаревших орудий труда более совершенными не терпит ограничения никакими сроками службы, если его выгоды уже превышают остаточную стоимость досрочно сменяемого оборудования. Но плановая предусмотрительность требует накопления достаточных фондов для этой цели в зависимости от намеченных планом *средних сроков* обновления устаревшей техники при заданных темпах производительности труда. И для этой именно цели образуются фонды модернизации.

Таблица 2

Нормы погашения физического и «морального» износа

Сроки службы (в годах)	Производительность труда (в %)	Средства труда			Отчисления в фонды				Итого целевых фондов		Экономия за счет снижения цен (гр. 11 — гр. 10)
		начальная оценка	восстановительная стоимость	потери в стоимости (гр. 3 — гр. 4)	амортизации		модернизации		по объему (гр. 6 + гр. 8)	по стоимости (гр. 7 + гр. 9)	
					по объему (3,2%)	по стоимости (гр. 6 : гр. 2)	по объему (гр. 5 × ×гр. 2)	по стоимости (гр. 5)			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Вариант I											
0	100,0	1000	1000	—	—	—	—	—	—	—	—
1	102,0	1000	980	20	32	31	20	20	52	51	1
5	110,8	1000	903	97	160	144	107	97	267	241	26
10	122,7	1000	815	185	320	261	227	185	547	446	101
15	136,0	1000	735	265	480	353	360	265	840	618	222
18	144,8	1000	691	309	576	398	447	309	1023	707	316
Вариант II											
0	100,0	1000	1000	—	—	—	—	—	—	—	—
1	106,0	1000	943	57	32	30	60	57	92	87	5
5	133,8	1000	747	253	160	120	339	253	499	373	126
9	169,0	1000	592	408	288	170	690	408	978	578	400
10	179,1	1000	558	442	320	179	792	442	1112	621	491

Достаточные нормы отчислений в фонды модернизации в условиях указанных темпов технического прогресса по первому варианту не превышают за год 2%, а по второму они возрастают до 5,7% от начальной оценки всех средств труда. Но это верхний предел отчислений, который может потребоваться лишь в исключительных случаях, когда на слом обращаются не только устаревшие машины и орудия, но и все рабочие помещения и сооружения устаревшего предприятия. Однако для обновления техники за счет фондов модернизации обычно этого вовсе не требуется. Такие элементы средств труда, как производственные здания, шахты и плотины, мосты и туннели и другие долговременные сооружения, устаревают медленнее других и могут без всякой смены пережить несколько модернизаций прочего оборудования. А между тем на долю зданий и сооружений падает свыше 50% стоимости всех средств труда. Уже поэтому для своевременного обновления техники можно примерно вдвое снизить вышеуказанные предельные нормы отчислений в фонды модернизации. Кроме того, в тех случаях, когда полное обновление устаревшей техники повторяется в сроки не свыше 10 лет, отпадает вовсе потребность в капитальных ремонтах ликвидируемого оборудования. И, стало быть, если капитальный ремонт отпадает, то норма отчислений в фонд амортизации снижается с 3,2% по меньшей мере до 2,8% от начальной стоимости соответствующих средств труда. А в общей сумме на возмещение физического и «морального» износа, в зависимости от темпов обновления старой техники, потребовались бы такие отчисления (в %):

В фонды	Амортизации	Модернизации	Итого
По I варианту	3,2	1,0	4,2
По II варианту	2,8	2,9	5,7

Этот примерный расчет подтверждает, что фактические нормы «амортизации» акционерных предприятий дореволюционной России — от 4 до 5% — включали в себя возмещение не только физического, но и «морального» износа средств труда. Однако не надо все же забывать, что эти отчисления преследуют весьма различные цели, и объединять их в едином показателе никак не следует.

Задача амортизации средств труда теоретически предполагает текущее их воспроизводство на достигнутом уровне техники, в меру их выбывания за ветхостью и негодностью, т. е. не раньше истечения нормальных сроков их службы. И поэтому воспроизводство их полностью возмещается перенесенной стоимостью в ценах реализуемого общественного продукта. А задачи специальных фондов модернизации устаревших средств труда предполагают *досрочную* их ликвидацию и обновление в интересах *ускорения* технического прогресса. Для этого требуются, однако, уже дополнительные вложения за счет текущих накоплений. Эти дополнительные затраты из фонда накоплений могут быть оправданы, конечно, лишь в той мере, в какой они достаточно возмещаются производственным эффектом, за счет обновленной ими техники. И уже поэтому, чтобы иметь возможность соизмерить затраты по досрочному обновлению техники с их результатами, целевые фонды модернизации не следует смешивать с амортизационными фондами.

Правда, в повседневной практике капиталистических предприятий такое смешение в интересах сокрытия прибылей от подоходного обложения все же охотно допускается. Но такая практика не заслуживает подражания.

В условиях капитализма каждый владелец завода, особенно нового, создав фонд модернизации, вынужден был бы необходимые для этого фонда средства накапливать в *денежной* форме очень долго, десятки лет, маринуя их без должного использования по прямому назначению. В социалистическом хозяйстве, где все предприятия принадлежат одному

хозяину, оснащены самой различной по степени устарения техникой и обладают в связи с этим разной нормой рентабельности, этому хозяину нет нужды замораживать свои фонды модернизации в состоянии длительного анабиоза. В любой момент он может их направить по назначению с наибольшим эффектом, адресуя на замену самой отсталой техники в наименее производительных отраслях труда. И эта возможность является огромным преимуществом планового хозяйства. Оно может свободно избирать в своих планах наиболее эффективные пути технической политики.

Одним из важнейших рычагов этой политики в плановом хозяйстве является то или иное распределение капитальных вложений с направлением их в отличие от капиталистической практики не в наиболее рентабельные, а в наиболее *отсталые* отрасли труда и предприятия. Причем в межотраслевом разрезе этой цели в основном служат вложения в *новое* строительство, а внутри каждой отрасли — прежде всего *реконструкция* наиболее отсталых предприятий с подтягиванием их по уровню техники к передовым за счет внутреннего перераспределения накопляемых специально для этого в каждой отрасли целевых фондов *модернизации*. Реконструкция устаревших предприятий по сравнению с новым строительством требует по общему правилу меньше времени и меньше вложений на единицу продукта. И уже поэтому выделение для этой цели в достаточном количестве специальных фондов модернизации из общей суммы накоплений вполне оправдано, так как *повышает* общую эффективность всех вложений.

Именно в связи с этой повышенной эффективностью использования фондов модернизации по сравнению с другими приобретают особый интерес специальный их учет — под названием «морального» износа или любым иным,— а также методы наиболее рационального их перераспределения для использования по назначению в плановом хозяйстве.

Распределение новых вложений в любом перспективном плане определяется прежде всего заверстанными в нем *производственными* пропорциями. «Разумеется... общество,— как предусматривали еще классики марксизма,— должно будет знать, сколько труда требуется для производства каждого предмета потребления. Оно должно будет сообразовать свой производственный план со средствами производства... Этот план будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда» [1]. А вместе с тем сопоставлением запланированных средств труда с наличным их количеством определится, в какие наиболее отставшие по этому наличию от потребности отрасли труда надлежит направить больше всего *новых* вложений, чтобы получить за их счет необходимый прирост продукции. Но значительный прирост объема продукции можно получить и за счет реконструкции уже действующих предприятий в каждой отрасли труда — за счет перераспределения между ними наличных целевых фондов модернизации.

Для этого необходимо располагать группировкой наличных предприятий каждой отрасли по уровню их технического оборудования, за меру которого можно принять либо достигнутый ими уровень производительности труда, либо, еще проще, бухгалтерский показатель сравнительной их рентабельности, отражающей как раз самым непосредственным образом (в рублях) экономическое устарение техники и падающий вместе с тем уровень производительности труда.

Между прочим, такая группировка предприятий по убывающей рентабельности могла бы помочь определению и той границы, которая отделяет рентабельные предприятия от убыточных и которая может служить пре-

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 321.

делом допустимого срока их эксплуатации в связи с возрастающей физической их изношенностью и экономической устарелостью. В условиях капитализма таким пределом является известная норма прибыли. И, скажем, с прибылью ниже банковской нормы процента на капитал ни один предприниматель продолжать эксплуатацию своего предприятия не пожелает. В условиях социализма этот предел меняется. Здесь таким пределом может быть в некоторых случаях лишь возмещение затрат на производство данной продукции.

Это же следовало бы учитывать в политике цен при каждом их *снижении* в условиях растущей производительности труда. Если объем производства в различных отраслях труда, установленный планом, соответствует выявленным пропорциям потребностей общества и ни одно предприятие, даже наименее рентабельное из намеченных к эксплуатации, не может быть ликвидировано досрочно без ущерба для удовлетворения одной из этих потребностей, то тем самым определится и уровень плановых цен до следующего их пересмотра. Они должны *снижаться* только до такого уровня, при котором даже наименее совершенные по уровню техники или иным причинам предприятия оставались бы *безубыточными*, не принося прибыли, но и не требуя дотаций. Эта политика цен не всегда соблюдалась в нашей плановой практике, но требования хозрасчета за последнее время все более приближают нас к последовательному проведению в жизнь такой *бездотационной* политики отпускных цен в государственной промышленности. Конечно, уровень этих цен следует выравнивать по уровню предприятий не в худших, а в *средних* условиях производства, но и для худших предприятий эти цены должны быть *безубыточными*, а убыточные предприятия подлежат либо модернизации, либо ликвидации. Еще больше необходима ориентировка цен на *безубыточность* производства даже в *худших* условиях для оздоровления сельского хозяйства, с его еще более резкой дифференцированной рентабельностью. Нужно обеспечивать соответствующие условия труда даже в объективно наихудших условиях производства, чтобы, лучше стимулируя труд, выявить все его преимущества на более передовых по природным условиям и технике предприятиях и тем самым повысить общий их эффект в народном хозяйстве. Но эта истина, к сожалению, не пользуется еще общим признанием.

В группировке однородных предприятий по убывающей их рентабельности — от высшей (по *новым* предприятиям) до нулевой,— кроме этих крайних групп, особого внимания заслуживает деление их на «образцовые» — с наиболее высокой нормой рентабельности,— «передовые» — с рентабельностью выше средней,— «рядовые» — со средней рентабельностью при охвате в этой группе, скажем, до 40% всей занятой рабочей силы,— «отстающие» — с более низкой рентабельностью — и вовсе «устаревшие» — без всякой прибыли. Убыточные предприятия, как подлежащие ликвидации или долговременной *мелиорации* (в сельском хозяйстве), в эту группировку на годы перспективного эксплуатационного плана включать не следует. За меру рентабельности можно принять отношение прибыли к стоимости вложений — начальной или восстановительной — или величину прибыли на 100 единиц продукции в натуре или на 100 занятых в производстве работников. Первый показатель удобней для сравнения с зарубежными, последний — для межотраслевых сопоставлений в нашем плановом хозяйстве.

Пользуясь такими группировками, можно было бы желательную на тот или иной период техническую политику отразить в очень ясных и конкретных установках и общеобязательных директивах. В нижеследующем расчете мы исходим, например, из таких установок: обеспечить ежегодный прирост выработки рабочих не менее 6%. Для этой цели установить общую норму накоплений $m : v = 75\%$ с изъятием из них авансом через бюджет в фонд общественного потребления до 40%; остальные 60%

обратить на цели расширенного воспроизводства с выделением из них прежде всего фонда модернизации в размере годового обесценения наличных средств труда и направлением остальных ресурсов в фонд новостроек: фонд модернизации обращать на цели текущей реконструкции «отстающих» предприятий данной отрасли; фонд нового строительства использовать в тех отраслях, какие наиболее в этом нуждаются, независимо от того, где они накопляются; амортизационные фонды, за вычетом затрат на капитальный ремонт внутри каждого предприятия, обращать на погашение восстановительной стоимости *ликвидируемых* предприятий данной отрасли, а если они превышают текущую потребность этой отрасли, то направлять их для той же цели и в другие. Результаты нашего примерного расчета представлены в таблице 3.

Как видим, фонды накоплений в зависимости от различного срока службы и уровня техники эксплуатируемых предприятий распределяются между ними весьма неравномерно. В наиболее устаревших предприятиях, где потребность в обновлении наличного оборудования особенно велика, никаких ресурсов для этого не остается, а в новейших предприятиях, модернизация которых преждевременна, накопляется огромный избыток таких ресурсов. Конечно, этот избыток можно было бы направлять в фонды *нового* строительства, но в таком случае необходимо было бы не только обновлять устаревшие *орудия* труда, но и строить заново все производственные здания и жилища рабочих, а также завязывая в строительстве надолго большие материальные ресурсы, нести до их использования немалые потери в результате их обесценения (скажем, за пять лет до 25%). Все это удорожает новое строительство на единицу продукции по сравнению с реконструкцией по меньшей мере в 2 раза. Отсюда и возникает требование хозрасчета выделять из общих накоплений достаточные фонды модернизации для наиболее целесообразного их использования в процессе реконструкции наиболее устаревших предприятий.

В нашем примере из народного дохода $(v + m)$ в 7980 единиц на потребление выделяется 5929 единиц, или 74% вновь созданной стоимости, а на расширенное воспроизводство общественного продукта направляется 2051 единица, или 26% народного дохода. Годовая потребность в фондах модернизации для погашения так называемого «морального» износа, при заданных темпах роста производительности труда в 6%, определилась в 674 единицы, что достигает почти 8,5% народного дохода. Это величина немалая. Но, чтобы ее использовать по назначению, требуется перераспределение накоплений между предприятиями. Если эту задачу возложить на центральные органы планирования, то возникает опасность излишней централизации таких планов реконструкции отдельных предприятий[1]. Но возможен и другой путь. В действующей практике давно уже применяются, помимо отпускных, и так называемые *расчетные* цены с предприятиями, которые, несомненно, могут служить орудием более целесообразного распределения между ними фондов модернизации, чем то, какое получается автоматически рычагами рыночных цен. Это тоже одна из особенностей советской экономики, не имеющая аналогии в зарубежной коммерции. А между тем с развитием нашей экономики, подведя финансовую базу под местные возможности технической модернизации там, где она особенно необходима, мы сможем максимально использовать местную инициативу, изобретательность и самодеятельность новаторов в этой области. Кстати сказать, во многих случаях модернизация устаревшей техники освободит нас от необходимости капитальных ее ремонтов, сокращая, таким образом, соответствующую долю расходов за счет фондов физического износа.

---

[1] Проведенная ныне реформа управления по территориальному принципу, конечно, в значительной степени ликвидирует эту опасность.

Таблица 3

Группировка предприятий по их рентабельности
(цифры условные)

Показатели \ Типы предприятий	Образцовые	Передовые	Рядовые	Отстающие	Устаревшие	Всего
1	2	3	4	5	6	7
Число рабочих . . . . . . (N)	1000	2000	4000	2000	1000	10 000
Выработка рабочих . . . . . (p)	1,34	1,15	1,00	0,87	0,75	1,0
Продукция в натуре . . . . . (P)	1338	2300	4000	1740	750	10 128
Начальные вложения . . . . . (F_0)	1680	3180	6000	2890	1000	14 750
Сроки их службы в годах . . . (t)	1,0	2,5	5,0	7,5	10,0	1—10
Обесценение вложений	96	432	1518	1023	442	3 511
Восстановительная их стоимость (F_1)	1584	2748	4482	1867	558	11 239
Издержки производства						
Материалы и энергия . . . (C_2)	871	1497	2603	1132	637	6 740
Физический износ (3,2% F_0) (C_1)	54	102	192	92	32	472
Оплата труда . . . . (v)	456	912	1824	912	456	4 560
Итого ($C + v$)	1381	2511	4619	2136	1125	11 772
Прибыль фактическая . . . . (m)	626	939	1381	474	—	3 420
Продукция по отпускным ценам (W_1)	2007	3450	6000	2610	1125	15 192
Прибыль в % к F_0	37,3	29,5	23,0	16,4	—	23,2
Прибыль в % к F_1	39,5	34,2	30,8	25,4	—	30,4
Средняя норма накоплений (75% v) (m_1)	342	684	1368	684	342	3 420
Продукция по расчетным ценам (W_2)	1723	3195	5987	2820	1467	15 192
Назначение накоплений						
1. Фонд общественного потребления (40% m_1)	137	274	547	274	137	1 369
2. Фонд модернизации (6% F_1) . .	95	165	269	112	33	674
3. Фонд новостроек	110	245	552	298	172	1 377
Итого (1 + 2 + 3)	342	684	1368	684	342	3420
Избыток или недостаток (+, —).	+284	+255	+13	—210	—342	0
Использование фонда модернизации	—	—	—	232	442	674

В таблице 3 сопоставляется продукция в двух выражениях: по отпускным ценам реализации и по расчетным, или сдаточным, ценам, по которым — в интересах хозрасчета и требований социалистического соревнования — необходимо рассчитываться с отдельными предприятиями за сдаваемую ими продукцию. Для этого расчетные цены должны возмещать каждому отдельному предприятию *полные* издержки производства, включая и ту долю затрат труда, которая не оплачивается в текущих расчетах предприятия каждый раз непосредственно производителям, ибо подлежит обращению на нужды общественного потребления и накопления. В сумме по всем предприятиям, как видно из таблицы, стоимость продукции и по отпускным и по расчетным ценам выражается при этом в одной и той же величине — 15 192, поскольку *общественные* издержки производства складываются здесь из *индивидуальных* по каждому отдельному предприятию. Но по каждой отдельной группе, в зависимости от уровня техники и других условий производства, эти величины расходятся на десятки процентов. А между тем изъятия из накоплений в госбюджет производятся по ходу реализации продукции в *авансовом* порядке, независимо от реальности этих накоплений. Точно так же потребность в текущей модернизации

тех или иных средств труда возникает прежде всего в наименее рентабельных предприятиях. И если бы эти потребности не *предусматривались* планом в расчетных ценах за продукцию, то пришлось бы отстающим предприятиям бесхозяйственно расходовать свои оборотные средства и банковские кредиты, а затем задерживать очередные платежи по заработной плате и по отпущенным им кредитам, т. е. становиться «банкротами», что совершенно несовместимо с понятием *планового* хозяйства вообще и требованиями социалистического соревнования в особенности.

Таким образом, расчетные цены, предусматривающие в каждом предприятии нормальные фонды общественного потребления, модернизации и нового строительства по *средней* норме их накопления в стране, являются весьма целесообразным и совершенно необходимым в плановом хозяйстве методом распределения общественных накоплений между всеми создающими их трудовыми коллективами в соответствии с принципом «каждому — по его труду». Но это не исключает, а даже предполагает дальнейшее перераспределение этих фондов *общественного* назначения соразмерно с уже *назревшей* в них потребностью на том или ином участке хозяйственного фронта в данный момент. Так, например, фонд модернизации, создаваемый всеми трудовыми коллективами за год в размере 674 единиц, в нашем примере для наиболее эффективного его использования в интересах всего общества направляется целиком прежде всего в наиболее устаревшие предприятия. И лишь за полным возмещением накопившихся в них устарелых средств труда — 442 единицы — он обращается на модернизацию других, менее отстающих участков.

Подводя самый общий итог сказанному, можно лишь повторить, что «моральный» износ, или экономическое устарение, средств труда в нашем хозяйстве имеет место и даже возрастает в своем значении. Его учет и образование соответствующих специальных фондов для своевременной его ликвидации весьма целесообразны. Однако предназначенные для этой цели фонды модернизации отличаются от фондов амортизации в том отношении, что, являясь орудием прогрессивной технической политики, они служат задачам *расширенного* воспроизводства. И, стало быть, образование этих фондов специального назначения в числе других фондов накопления отнюдь не снижает общих норм накопления в нашей стране.

IX. О НАЛОГЕ С ОБОРОТА[1]

Изживая пережитки капитализма в *сознании* людей, нельзя забывать, что эти пережитки весьма живучи не только в сознании советских людей, но и в их словаре, научной терминологии и повседневной практике советских бухгалтеров, плановиков, финансистов и экономистов. И чтобы изжить эти пережитки капитализма, необходимо прежде всего ликвидировать практику их повседневного воспроизводства.

Так, например, еще в 1923 г., через шесть лет после Великой Октябрьской революции, советские экономисты требовали на партийном съезде создания у нас в государственной промышленности «прибавочной стоимости»[2]. Вполне понятно, что и тогда уже этот термин ни в какой мере не соответствовал условиям социалистического накопления в нашей стране. Могут, конечно, возразить, что одни и те же слова в разных условиях *меняют* свое значение, и, употребляя устаревшие термины, мы иной раз даже не замечаем того, что вкладываем в них совершенно новое содержание. Что верно, то верно. Но этот термин — «прибавочная стоимость» — слишком резал ухо советского слушателя, и в применении к условиям социалистической экономики он раньше других бесследно выпал из употребления. Много дольше, до конца первой пятилетки, т. е. в течение целых 15 лет после упразднения капитализма в СССР, все советские бухгалтеры в своих отчетах социалистические фонды страны совершенно безмятежно, по инерции, именовали «капиталами». Отказавшись от термина «прибавочная стоимость» в применении к социалистическим накоплениям, советские экономисты заменили его не менее сомнительным понятием — «прибавочный продукт». Но продукт, стоимость которого в качестве *прибавочной* отчуждается капиталом, заведомо предполагает эксплуатацию труда. И в этом качестве такое словосочетание становится уже *пережитком* в условиях социализма.

Впрочем, у нас остается еще немало аналогичных пережитков в теории и практике, мимо которых мы ежедневно проходим, вовсе не реагируя и даже не замечая их чужеродности новым, социалистическим условиям. Таковы, например, понятия прибыли, себестоимости, налога с оборота...

Наши бухгалтеры, отказавшись в конце концов в своем учете от чуждого нам понятия «капитал», бережно, как зеницу ока, сохраняют в нем и доныне вот уже более 40 лет теснейшим образом связанное с капиталом понятие «прибыль». Капитал и прибыль — это основные категории капиталистического общества, отражающие в себе отношения эксплуатации труда. Прибыль исчислялась на капитал как прямое ее порождение. Марксизм всегда усматривал в ней наряду с рентой основной элемент прибавочной стоимости, являющейся результатом эксплуатации. Капитал и прибыль неразлучные, как сиамские близнецы, в условиях капитализма не способны пережить друг друга. Капитал, не приносящий прибыли,— это уже не капитал. Прибыль, не образующая капитала,— это уже только доход. И в условиях СССР, где уже нет капитала, понятие прибыли становится явным пережитком. Здесь сохраняются, на наш взгляд, лишь раз-

[1] «К вопросу об учете стоимости». «Вопросы экономики», 1956, № 12.

[2] См. «Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет, 17—25 апреля 1923 г.», стр. 624.

личные *трудовые* доходы, в том числе «продукт для себя» работников *всей* сферы *материального* производства, и чистый доход предприятий, как часть «продукта для общества», назначением которой является расширенное воспроизводство социалистического народного хозяйства.

Наши плановики и прочие хозяйственники в своих заботах о снижении так называемой *себестоимости* продукции тоже все еще не могут отрешиться от использования этой в наших условиях явно чужеродной категории буржуазной экономики. Когда каждый буржуа, подсчитывая *себестоимость* своей продукции, ограничивает состав включаемых сюда затрат только издержками прошлого труда и *оплаченной* долей живого труда в своем обособленном частном хозяйстве, то это с точки зрения его частнохозяйственных интересов вполне логично. Ему нет никакого дела до *общественных* издержек производства соответствующих товаров. Его интересует лишь рыночная их цена и разница между этой ценой и себестоимостью, определяющая размер его прибылей или убытков. Но когда на *социалистических* предприятиях, хозяином которых является *все* общество, вместо *общественных* издержек производства ограничиваются учетом только такой урезанной частнохозяйственной «себестоимости» производства в отдельных предприятиях по аналогии с буржуазным хозяйством, то здесь логика начинает уже явно хромать.

Общество в целом в отличие от его отдельных хозрасчетных предприятий заинтересовано в снижении *всех* общественных издержек производства, т. е. полной стоимости своей продукции — по затратам и прошлого и живого труда,— независимо от тех пропорций, в каких общественный продукт распадается на продукт «для себя» и «для общества». А для того, чтобы такую полную экономию труда знать, ее надо полностью учитывать, что вовсе не обеспечивается учетом так называемой себестоимости. Вместе с тем если капиталист в своем частном хозяйстве ориентировался на известные ему цены стихийного рынка, то в плановом хозяйстве, за ликвидацией такого рынка, приходится и цены определять, ориентируясь на *общественные* издержки производства. А поскольку унаследованные из прошлого калькуляции себестоимости не дают нам того ориентира, то и практика нашего планового ценообразования нередко хромает.

Наши финансисты тоже очень долго сохраняют и лелеют в своей практике некоторые заведомо чужеродные нам формы и понятия. Элементы такой чужеродности чувствуются, в частности, уже в самом наименовании «налог с оборота» — этой важной опоры советского бюджета. Налог с оборота, как известно, возник у нас более четверти века тому назад, объединив в себе всю сумму унаследованных нами еще от старого режима акцизов на водку, табак и прочие объекты косвенного обложения. Косвенные налоги, как и прибыль, ссудные проценты на капитал и рента входят в состав общей прибавочной стоимости, извлекаемой в буржуазном обществе господствующими классами из продукта трудящихся. С одной лишь, впрочем, разницей. Косвенные налоги в отличие от прибылей, извлекаемых непосредственно в *производстве,* являясь надбавкой сверх нормальных цен производства облагаемых ими продуктов массового потребления, извлекаются уже в *процессе обращения* и, перелагаясь полностью на массового потребителя, служат очень удобным для фиска рычагом перераспределения общественного продукта. Вместе с тем, падая в основном на трудящихся, косвенные налоги являются особенно жесткой формой их *эксплуатации.* Поражая частично заработную плату, а стало быть, и *прожиточный минимум,* они ухудшают условия существования трудящихся и особенно наиболее низко оплачиваемых их категорий.

Само собой разумеется, что в СССР, за ликвидацией класса эксплуататоров, налог с оборота, даже сохраняя свою внешнюю форму, коренным образом изменил свою экономическую природу. Это ясно уже из того, что собираемые налогом с оборота сотни миллиардов рублей немедленно же

через бюджет снова возвращаются народу, обслуживая его важнейшие оборонные, социально-культурные и другие нужды и обеспечивая всем необходимым его мирный творческий труд. Но если уж столь существенно изменилось содержание данного понятия, то, во избежание неприятных ассоциаций и нежелательных недоразумений, не лучше ли отказаться и от заведомо устаревшего и одиозного для наших условий наименования?

В советской печати уже раздавались голоса в пользу такого предложения. «Учитывая указанные обстоятельства,— писал, например, еще в 1954 г. т. А. Бачурин,— следовало бы отказаться от существующего названия «налог с оборота», которое не отвечает его действительной природе и характеру социалистических производственных отношений»[1]. Однако дело не только в названии. Устарели и формы взимания этой важнейшей в нашем государственном бюджете статьи дохода. Источником всех наших доходов является производственный труд. И всего естественнее в наших условиях оттуда и извлекать в бюджет все подлежащие дальнейшему распределению государственные доходы, где они создаются, т. е. по месту их *производства.* Это позволит нам избрать и более правильный принцип определения сумм, подлежащих отчислению в государственные доходы из каждой данной отрасли труда и по каждому предприятию в отдельности.

Социалистический принцип распределения («каждому — по его труду») требует, чтобы в любой отрасли производства «продукт для себя» занятых в ней работников составлял такую же долю от *всего* создаваемого здесь вновь продукта, как и во всех других отраслях. Говоря иначе, соотношение между «продуктом для себя» и «продуктом для общества», устанавливаемое планом, должно быть равным для всех трудящихся. Известно, что «продукт для общества» в экономике СССР в качестве общегосударственного источника социалистических накоплений в стране поглощает у нас не менее 25% народного дохода. Из того же источника, ибо других нет, нам ежегодно приходится возмещать издержки управления, социально-культурные и прочие непроизводственные расходы государственного бюджета. Таким образом, уже в *производственном* плане социалистического хозяйства должен быть предусмотрен, помимо обычных издержек производства по фонду возмещения и фондам оплаты труда, и весь «*продукт для общества*» в качестве твердо установленных *отчислений* в фонд общественного потребления и фонды накоплений. Эти целевые отчисления в определенных процентах к «продукту для себя», т. е. к фондам зарплаты всей производственной сферы, стали бы при этом обязательным элементом всех производственных калькуляций. И, обеспечивая полностью регулярное поступление в бюджет необходимых ему ресурсов в установленные сроки, такая практика вместе с тем наладила бы и полный учет всех общественно необходимых издержек социалистического народного хозяйства, включаемых в стоимость общественного продукта и за счет его полностью возмещаемых.

Вместо нынешнего «налога с оборота» мы получили бы при этом «отчисления в фонд общественного потребления», или просто «отчисления», вместо «прибылей» — «фонд накоплений», или просто «накопления» предприятий и таким образом избавились бы от явно чужеродных нашей экономике терминов и понятий.

Необходимо подчеркнуть одну особенность предлагаемого решения в отличие от действующей практики в определении размеров налога с оборота и прибылей в различных производствах. Исходной позицией в этой практике является установление отпускных цен в соответствии с учтенной себестоимостью. Затем, исходя из разницы между ценой и себестоимостью, проектируется «нормальная» рентабельность в процентах к себе-

---

[1] А. Бачурин. К вопросу о прибыли и налоге с оборота в СССР. «Вопросы экономики», 1954, № 3, стр. 38.

стоимости, а весь избыток накоплений сверх такой «нормы», исчисляемый в процентах к отпускным ценам, изымается в сбытовых органах торговой сети в качестве налога с оборота. Цены на средства производства назначаются ниже их стоимости, и потому налог с оборота сосредоточивается в производствах предметов широкого потребления. В этой практике много произвола и субъективности так называемых экспертных оценок и определений. Но самым произвольным можно считать утверждаемую этой практикой *пропорциональность* вновь создаваемого «продукта для общества» затратам *прошлого* и живого труда.

Выравнивая рентабельность различных отраслей труда в процентах к себестоимости, т. е. к $(c + v)$, эта практика явно допускает, что прибыль советских предприятий создается не только живым, но и овеществленным трудом. Точно так же, устанавливая ставки налога с оборота в процентах к отпускным ценам промышленности, она исходит из того же допущения. Но овеществленный труд только *переносит* собственную стоимость на изготовляемые продукты и не создает новой. А соотношения в разных производствах прошлого и живого труда очень различны. И *равные* для таких *разных* производств и продуктов ставки налога в процентах от оборота и *равные* нормы прибыли в процентах к себестоимости означают на деле *перераспределение* стоимости с определенной переоценкой предметов потребления и особенным удорожанием тех из них, в которых живой труд содержится в наименьшей доле. А такие *отклонения* цен от стоимости по различным группам товаров в свою очередь по-разному меняют реальное значение оплаты труда различных групп рабочих и тем самым нарушают принцип социалистического распределения *по труду*.

Этой опасности при вполне уже назревшей, как нам кажется, реформе налога с оборота следует особенно остерегаться. Но предложенная выше схема включения всего «продукта для общества» уже в самую калькуляцию стоимости общественного продукта в равном для всех производств проценте к фондам зарплаты — примерно до 45% в фонд накоплений и до 30% в фонд общественного потребления — при всей простоте такого решения позволяла бы избежать и этой опасности.

Конечно, эти проценты целевых отчислений пришлось бы уточнять в соответствии с требованиями текущих планов и расходных назначений бюджетов.

Совершенно ясно, что новые *формы* изъятия продукта для общества из производства не должны привести к хотя бы временному ущербу советскому бюджету ни по масштабам, ни по срокам и обеспеченности необходимых в него отчислений. Но простота и ясность принципа, по которому они подлежат реализации в каждом предприятии в меру реализации его фондов накопления, позволяют надеяться, что эта задача может быть разрешена даже успешнее, чем при действующей системе обложения оборота. Содействовать успеху этой реформы сможет каждый бухгалтер на своем участке. Она будет понятна всем производственникам страны. Понятно также, что соответствующая реформа в области финансов потребовала бы ряд мероприятий и в других областях экономики. Весьма вероятно, что более полный и точный учет общественных издержек производства и обращения в различных отраслях народного хозяйства потребует пересмотра и всей действующей ныне системы цен и ценообразования, хотя отклонения цен от стоимости не исключаются в любых условиях ценообразования, а активная политика цен даже прямо их предполагает в наших условиях.

Конечно, пересмотр всей системы ценообразования дело сложное и потребует много времени. Но нет никакой необходимости в сколько-нибудь серьезной ломке и ныне действующих *цен у потребителя* на ближайшие годы. Для успеха реформы на первых порах достаточно было бы упорядочить лишь так называемые расчетные цены при расплате сбытовых организаций с предприятиями. Действующая практика не исключает воз-

можности слишком пестрой рентабельности различных предприятий в зависимости от разного в них уровня техники и энерговооруженности труда. И при изъятии в бюджет вместо налога с оборота соответствующих отчислений *непосредственно* из дохода хозрасчетных предприятий эти доходы в одних из них могли бы оказаться *недостаточными,* а в других — заведомо *избыточными* по сравнению с *едиными* нормами изъятий из «продукта для общества» по вышеуказанной схеме. Такая опасная для устойчивости государственного бюджета возможность сохраняется при любом уровне цен у потребителя. Но правильно организованные *расчетные* цены, дифференцированные для разных предприятий в соответствии с их плановыми издержками, полностью ликвидировали бы всякую в этом отношении опасность. При таких расчетных ценах каждое предприятие, выполняя план, получало бы в этих ценах не только полное возмещение всех своих материальных затрат и оплаты труда, но и «продукт для общества», достаточный для всех отчислений и накоплений, предусмотренных планом, совершенно независимо от тех цен, по которым его продукция достанется ее потребителям.

Вместе с тем все предприятия уравняли бы свои шансы в общем их соревновании за возможное снижение установленных планом издержек производства. Всякий *перерасход* этих издержек явился бы при этом чувствительным вычетом из накоплений, предоставляемых планом для внутренних нужд предприятия. А всякая *экономия* в издержках производства и обращения могла бы рассматриваться как премия за успешную работу коллектива и дополнительный стимул к повышению требований хозяйственного расчета.

Методы взимания плановых отчислений и накоплений могут быть различными. Например, можно представить себе, что в каждой платежной ведомости по заработной плате определяется за итогом, сколько именно причитается начислить по ней: 1) текущих отчислений в бюджет из расчета, скажем, в размере 30% от заработной платы и 2) годовых накоплений, скажем, в размере 45% от заработной платы. Узаконив одновременно перечисление текущих отчислений в бюджет, скажем, в трехдневный срок по выплате заработной платы, а изъятие накоплений — наполовину поквартально, а в остальной части — по утверждении годового отчета, можно было бы в достаточной мере обеспечить и интересы государственного бюджета и всех планов капитального строительства в стране.

Конечно, при более конкретном рассмотрении всей проблемы в целом могут быть предложены и другие, более приемлемые ее решения, а также возникнут новые проблемы. В частности, вслед за упорядочением расчетных цен и накоплением отчетных калькуляций *полной* стоимости обращающихся в стране товаров возникнет, несомненно, возможность и даже необходимость в периодических пересмотрах и всех цен *у потребителя,* оптовых и розничных, в соответствии с меняющимися издержками производства товаров и требованиями других объективных экономических законов. Однако одновременное решение всех таких взаимно связанных между собой проблем едва ли возможно и необходимо. И потому, не осложняя ближайших задач всеми другими, терпящими отлагательства, придется, по-видимому, все же начать с реформы налога с оборота.

Эта проблема давно уже ждет своего разрешения.

X. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА [1]

1. АВТОМАТИЗАЦИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В РАЗВИТИИ ПРОИЗВОДСТВА

Автоматизацию производственных процессов мы рассматриваем как одно из главнейших направлений в развитии технического прогресса в условиях современной мировой экономики. Она стала возможной в широких масштабах только теперь, на базе высокого уровня *механизации* индустриального труда и последних достижений *мировой науки* в области энергетики, гидравлики, электроники, телемеханики и радиотехники. XX съезд КПСС поставил перед нами проблему автоматизации во весь рост. В резолюциях съезда указывается: «В целях обеспечения дальнейшего технического прогресса, повышения производительности и облегчения условий труда *резко усилить* темпы механизации работ и внедрить в промышленность в широких масштабах *автоматизацию производственных процессов*». А в связи с этим съезд требует «перейти от автоматизации отдельных агрегатов и операций к автоматизации цехов, технологических процессов и созданию *полностью автоматизированных предприятий*» [2]. И нужно сразу сказать, что это не только труднейшая техническая задача, но и важнейшая социально-политическая проблема наших дней. Успешное ее решение позволит нам и обогнать в кратчайшие исторические сроки самые передовые форпосты капитализма, и, обеспечив невиданное еще изобилие производимых благ, приблизиться уже вплотную к вершинам коммунизма.

Советский Союз вступил ныне в новый период своего развития — в период *развернутого строительства коммунистического общества.* «Главные задачи этого периода,— указывается в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде партии,— создание материально-технической базы коммунизма, дальнейшее укрепление экономической и оборонной мощи СССР и одновременно все более полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей народа. Практически должна быть решена историческая задача — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения» [3].

Решающий шаг в реализации этих задач должен быть сделан в предстоящем семилетии, в связи с чем в контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. предусматривается «*более широкая автоматизация* производства, которая должна коренным образом облегчить и улучшить условия труда и резко поднять его производительность» [4].

Конечно, такие грандиозные задачи не решаются без соответствующего напряжения усилий и планомерной их целеустремленности в нужном направлении. Но уже теперь можно предвидеть, что дальнейшее развитие автоматизации производства, начало которой мы наблюдаем уже сегодня,

---

[1] С. Г. Струмилин. Экономические проблемы автоматизации производства. М., 1957.

[2] «Резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза». Госполитиздат, 1956, стр. 52. (Курсив наш.— *С. С.*).

[3] Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Госполитиздат, 1959, стр. 15—16.

[4] Там же, стр. 31 (Курсив наш.— *С. С.*).

обещает как новый фактор экономии труда *новое ускорение* роста производительных сил современного общества. Ясно также уже ныне, что возможные пределы автоматизации производства в зависимости от ее народнохозяйственной эффективности или частнохозяйственной рентабельности в различных экономических условиях — социализма и капитализма — будут весьма различны. И эти различия в условиях *экономического соревнования* различных мировых систем приобретают серьезнейшее значение. А между тем они еще очень мало изучены. Конкретной меры эффективности автоматизации производства в различных его условиях мы не знаем. И в этой области перед экономической наукой возникают немаловажные задачи.

Анализируя процесс общественного производства на различных ступенях его развития и наблюдая в нем все более успешное вытеснение живого ручного труда гораздо более дешевой работой неодушевленных механизмов и неограниченных источников природной энергии, мы различаем в этом историческом процессе прежде всего следующие стадии.

На первой и древнейшей стадии его (кончая эпохой феодализма), характерной решающим преобладанием ручного ремесленного производства, труд человека универсален. Его живой ручной труд в производстве совмещает в себе трoякие функции: это, во-первых, функции непосредственного *исполнителя* ручным инструментом всех трудовых движений, во-вторых, функции основного *источника энергии* в производстве и, в-третьих, функции *управления* всеми процессами и орудиями труда.

В дальнейшем в эпоху капитализма, как известно, машина прежде всего овладевает непосредственным инструментом труда, освобождая рабочего от его исполнительных функций и навыков ремесленного труда, а затем, вооружая его все более мощными источниками механической энергии, высвобождает из производства все большую долю рабочих, занятых наиболее тяжелым трудом в неблагодарной роли живых двигателей. Но с умножением машинного и энергетического оборудования в результате механизации производственных процессов произошли существенные сдвиги в структуре занятой в производстве рабочей силы. А именно при общем сокращении ее затрат на единицу продукции доля ручного труда резко сократилась, но зато доля труда, используемого в обслуживании машин и управлении механизированным производством, существенно возросла за последние сто-полтораста лет машинной индустрии.

И это поставило на очередь новую проблему радикального высвобождения из производства и этой столь возрастающей на стадии механизации армии функционеров в области обслуживания механизмов и управления всей системой машинного производства.

Эта задача технически уже давно назрела в странах с высоким уровнем развития науки и техники. Решается она в основном методами автоматизации машинного производства. Являясь высшей стадией и завершением *комплексной механизации* производства, автоматизация подготовлялась на всем протяжении капиталистической эпохи массового производства на быстро расширяющийся мировой рынок. А зачатки автоматики в отдельных ее элементах восходят еще к временам феодализма, например в часовых механизмах или водяных мельницах средневековья. Накопляясь в своем развитии от таких элементарных машин, как ручная «самопрялка», которую рабочий обслуживает еще и двигательной энергией, и подачей материала, и непосредственным участием в его обработке, до все более совершенных станков — полуавтоматов и автоматов, полностью освобождающих рабочего от всех исполнительных функций у машин, мы все же умножаем только *элементы* автоматики в процессе механизации труда. Но все такие элементы автоматики, пока они появляются лишь на отдельных, изолированных участках производства, не образуют еще *автоматической системы машин*, которая, как предвидел уже Маркс, «выполняет все

движения, необходимые для обработки сырого материала, без содействия человека и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего» [1].

Потребности рынка в *массовом* производстве толкают, однако, технический прогресс в направлении к *непрерывности* производственного потока, что уже само по себе, логикой вещей, при наличии детальной специализации механизмов и многосложного разделения механизированного труда в производстве требует объединения этих механизмов, включая все элементы питающих их транспортеров и конвейеров, в единую, синхронно действующую систему.

Пока мы имеем дело с отдельными станками-автоматами, с достаточно стабильным рабочим режимом, задача управления ими ограничивается лишь пуском и своевременной остановкой действия такого отдельного агрегата. Но, чем сложнее система синхронно действующих агрегатов, тем ответственнее становятся и задачи управления этой системой. Как бы ни был стабилен при этом рабочий процесс, через некоторое время различные случайные помехи и возмущения выводят динамическое равновесие всех элементов системы за допустимые пределы. И поэтому в задачу управления таким процессом входят уже, помимо пуска и остановки, «выбор желательного хода процесса, контроль хода процесса и воздействие на систему, обеспечивающее желательный ход» [2]. А между тем с прогрессом техники требования к точности соблюдения необходимых режимов настольков возрастают, что органы чувств человека и его реакции уже не справляются со всеми задачами управления автоматическим производством, и их уже в силу необходимости приходится заменять автоматическими устройствами. На долю коллективного разума людей остается при этом лишь творческая работа по изобретению этих устройств, их наладке и контролю за регулярностью их действия в производстве.

Вместе с тем технический прогресс в области энергетики, отвечая той же потребности рынка, позволяет все более наращивать производственные емкости сосудистой системы агрегатов, а также мощности и скорости рабочих механизмов. Высокие скорости и громадные мощности таких механизмов, как современные бумагоделательные машины, блюминги и тому подобные гиганты индустрии, не дают возможности осуществить ручное управление ими. Еще в большей степени необходимо автоматическое управление и регулирование скоростей во всех случаях, когда в непрерывный поток производства включаются уже целые блоки и автоматические линии механизмов и когда зачастую промежутки между вступлением в действие отдельных рабочих органов этих блоков измеряются секундами и долями секунды. Но, когда, таким образом, в силу вещей мы от отдельных элементов автоматики переходим уже к автоматическим линиям или целым автоматическим заводам, количество переходит в качество — мы вступаем в область автоматической системы машин.

Это не исключает дальнейшей механизации труда методами все более высокой его энерговооруженности, но открывает вместе с тем новые возможности ускорения технического прогресса методами автоматизации непрерывных потоков производства. Эти возможности, по-видимому, очень значительны даже по сравнению с тем, что дают рост энерговооруженности труда и высокие темпы электрификации и химизации производства. Непрерывность производства надо рассматривать при этом не только как одну из важнейших *предпосылок* автоматизации производства, но и в качестве важнейшего ее *результата*. *Непрерывность* и *автоматическое* действие машины — это в автоматизации производства два начала, или, по выражению Маркса, «два великих принципа», обусловливающих исключительную ус-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 392.

[2] В. А. Трапезников. Задачи технических наук в развитии автоматического управления и технических средств автоматизации. Изд-во АН СССР, М., 1956, стр. 4.

пешность совокупного их действия. Рассматривая в качестве образца такого действия бумагоделательную машину, этот удивительный автомат, в котором «сполна воплощены» эти великие принципы успешности труда, Маркс замечает: «Одним из наиболее важных факторов во всех отраслях индустрии является *непрерывность производства*. Наиболее совершенной и наиболее производительной машиной является та, которая способна к *беспрерывной* производительности»[1]. Это ценное качество *непрерывности* приобретают, однако, в условиях автоматического обслуживания не только механические производства, но даже в еще большей мере химические реакции и химические производства. Именно поэтому раньше и легче других поддаются автоматизации такие отрасли промышленности, как химическая, нефтяная, металлургическая и др. Таким образом, и химизацию производства не в меньшей мере, чем комплексную его механизацию, следует рассматривать как подготовительные стадии к последующей, завершающей их стадии — автоматизации крупного производства.

2. ЭФФЕКТИВНОСТЬ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ СССР

О высокой эффективности автоматизации в области экономии живого труда, повышения точности производства, улучшения качества продукции и резкого сокращения производственного цикла свидетельствуют очень многие общеизвестные примеры и неоспоримые факты. Так, в машиностроении замена обычных токарных станков автоматами увеличивает выработку рабочих в 3—4 раза и больше. Вот, например, несколько показателей сравнительной их эффективности при выполнении одного и того же объема работ (табл. 1).

Таблица 1

Показатели сравнительной эффективности

Виды станков	Число станков	Число рабочих	Выработка 1 рабочего (в %)	Производственная площадь (в *кв. м*)
1. Токарные	30	30	100	250
2. Револьверные	20	23	130	180
3. Токарные автоматы:				
одношпиндельные	16	7	428	140
многошпиндельные	4	2	1 500	60

Автоматические поточные линии позволяют уменьшить примерно в 5—10 раз количество рабочих и в такой же степени сократить рабочее время на обработку изделий. Автоматизация гидроэлектростанций позволяет уменьшить численность дежурного персонала по меньшей мере в 2—3 раза.

О высокой эффективности автоматизации свидетельствуют такие конкретные расчеты по отдельным предприятиям. Например, на комплексную автоматизацию Уральского алюминиевого завода требуется затратить около 27 млн. руб. при годовой экономии текущих затрат в 20 млн. руб. Комплексная автоматизация Днепропетровского электродного завода потребует 4,5 млн. руб., а годовая экономия за этот счет исчисляется в 3 млн. руб. Автоматизация одной доменной печи требует 0,5 млн. руб. и повышает выпуск продукции на 8%. Таким образом, затратив всего 6 млн. руб. на автоматизацию 12 старых домен, можно заменить этим постройку одной

[1] К. Маркс. Тетради по вопросам техники. «Большевик», 1932, № 1—2, стр. 18.

новой домны, стоящей около 100 млн. руб. На лучших мартеновских печах в результате частичной их автоматизации съем стали с 1 м^2 пода печи повышается до 10,8 т в сутки (для сравнения можно указать, что в США этот показатель исчисляется в 7,8 т). Автоматизация производства синтетического спирта на Сумгаитском заводе позволила повысить суточную выработку спирта на 70% и сократить число рабочих вдвое. В производстве искусственного волокна автоматизация сокращает расход сырья на 7%, потребность в рабочих — на 26%, значительно повышая качество и сортность продукции. В сахарной промышленности автоматизация повышает выпуск сахарного песка на 7%, сокращая рабочую силу на 23%. В машиностроении на лучших автоматических линиях производительность возрастает в 10—30 раз, а издержки снижаются на 20—30% [1].

3. СТЕПЕНЬ АВТОМАТИЗАЦИИ В СССР И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Однако все эти преимущества автоматики реализованы в нашей стране пока еще в самой ограниченной степени, с большим отставанием от того уровня новейшей техники, который достигнут, например, в США. В самом деле, самыми крупными по числу занятых рабочих отраслями труда в советской индустрии являются машиностроение (свыше 31%) и текстильная промышленность (17% всего числа рабочих) [2]. И внедрение автоматики в оборудование этих отраслей обещает нам особенно значительную экономию в рабочей силе и рост производительности труда. А между тем, скажем, в составе металлорежущего оборудования наиболее прогрессивные виды станков в СССР к 1955 г. составляли всего 33,4% [3], а в США уже в 1953 г. — 44,2% от всего станочного парка. Еще более отстало по линии автоматики наше ткацкое оборудование. В шерстоткацком производстве станки-автоматы составляли в СССР в 1955 г. едва 21% всех шерстоткацких станков, а в США в 1954 г. — не менее 89%; в бумаготкацком производстве у нас станков-автоматов насчитывается не свыше 38%, а в США — уже 97% от общего числа бумаготкацких станков. Как известно, один рабочий-ткач обслуживает обычно не свыше 6—12 ткацких станков-полуавтоматов (Плятта) и раз в пять больше станков-автоматов (Нортропа). А это означает, что американский ткач при данном соотношении станков только за счет более высокого уровня их автоматики может почти *удвоить* свою выработку по сравнению с производительностью советских ткачей.

На железнодорожном транспорте наиболее прогрессивными достижениями новой техники являются электрификация и вытеснение устаревшей паровозной тяги тепловозами и электровозами. Но удельный вес такой наиболее прогрессивной тяги на транспорте в 1955 г. составлял в СССР всего 13%, в то время как в США он достигает уже 85%.

Электрификация производства и сама по себе является одной из самых важных предпосылок и надежных методов автоматизации производственных процессов в любой отрасли труда. К тому же уровень автоматизации электростанций — тепловых и гидравлических,— несомненно, выше, чем уровень автоматизации любой другой отрасли. В частности, первая автоматическая электростанция, работающая совершенно без рабочих, с дистанционным управлением, пущена у нас в системе канала имени Москвы в 1937 г., а в 1956 г. телемеханизация действовала уже на 46 гидроэлектростанциях с 46% общей их мощности. На тепловых электростанциях

---

[1] См. «Коммунист», 1956, № 16, стр. 58—61.

[2] См. «Экономика промышленности СССР». Учебник. Госполитиздат, 1956, стр. 353. Данные 1954 г.

[3] Автоматы и полуавтоматы, револьверные, фрезерные, шлифовальные и др.; в том числе на автоматы и полуавтоматы падает всего 2,8% всех станков.

автоматизировано регулирование процессов горения на 805 котельных агрегатах с 80% общей паропроизводительности всех котельных; автоматизация регулирования питания котельных охватывает 1053 агрегата — 97% всей паропроизводительности тепловых электростанций [1]. И все же нужно признать без всякого зазнайства, что и в этой области мы еще очень отстаем от США, и не только по масштабам продукции электроэнергии (в СССР за 1957 г.— 210 млрд. квт-ч, а в США — 716 млрд., т. е. в 3,4 раза больше), но и по общей энерговооруженности индустриального труда. В частности, по данным зарубежной статистики, энерговооруженность индустриального труда в США измерялась в 1953 г. показателем 8 л. с. на одного рабочего (против 6,4 л. с. в 1939 г.), в Англии — 3—4 л. с., а в среднем по Западной Европе — 2,5 л. с. С учетом сменности из расчета на одного рабочего первой смены эти показатели для США повысятся, по-видимому, раза в полтора, если не больше, т. е. примерно до 12 механических лошадиных сил на одного рабочего. Наши данные не вполне сравнимы с зарубежными. По электровооруженности труда СССР идет впереди Англии, но еще значительно отстает от США. Что же касается уровня автоматизации электростанций, если не прямой, то косвенной мерой его может, пожалуй, послужить такой показатель: на электростанциях СССР в 1956 г. на 1000 квт установленной мощности насчитывалось около *пяти* рабочих, а в США, по данным американской статистики,— *вдвое* меньше. При наличии полной автоматизации электростанций и американская норма оказалась бы, конечно, слишком высокой.

Но хуже всего, пожалуй, то, что на автоматизацию производства даже столь важных отраслей промышленности, как химическая, нефтяная, металлургическая, по расчетам специалистов Гостехники [2], в СССР выделялось всего 3—4% вложений, в то время как в США — от 15 до 25%. Конечно, и в плановом хозяйстве не обходится без известных просчетов. Но, поскольку они обнаруживаются, их легче всего здесь исправить. И кое-что в этом отношении удастся исправить уже в плановых заданиях текущей семилетки.

4. ПЕРСПЕКТИВЫ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА В СССР

Кстати сказать, вложений на автоматизацию, по-видимому, потребуется в ближайшие годы гораздо меньше, чем на комплексную механизацию и энерговооружение труда, без которых не даст своих плодов и завершающая их автоматизация производства. Но есть и много других моментов, тормозящих ее развитие. И они уже неоднократно отмечались в нашей печати. В частности, особого внимания заслуживают выступления на эту тему академика В. И. Дикушина и других ученых на сессии Академии наук СССР, посвященной проблемам автоматизации (15—20 октября 1956 г.).

«Выбор первоочередных объектов автоматизации,— отмечал, например, В. И. Дикушин,— должен прежде всего определяться экономическим расчетом, величиной возможной экономии общественного труда» [3]. А это далеко не всегда у нас удается. В частности, первоочередными для успехов автоматизации являются задачи расширения приборостроения и производства прочих средств автоматизации. Однако наши промышленные министерства в 1956 г. получали едва 60% необходимых им приборов, 50% счетных машин и лишь 15% электронных математических устройств.

[1] См. «Народное хозяйство СССР в 1956 году». Статистический ежегодник. М., 1957, стр. 80.

[2] Государственный комитет Совета Министров СССР по новой технике.

[3] В. И. Дикушин. Автоматизация в машиностроении. «Правда», 21 декабря 1956 г.

«Представляется просто странным при современном высоком уровне развития электронной техники,— удивляется т. Дикушин,— что необходимое для машинного привода преобразование переменного тока в постоянный осуществляется еще громоздкими, дорогими и шумными мотор-генераторными установками. Необходимо развить работы по созданию комплектных полупроводниковых выпрямителей» [1].

В станкостроении, по расчетам Дикушина, предстоит в несколько раз увеличить выпуск автоматических и полуавтоматических линий и оборудования для автоматических цехов и заводов. В тяжелом машиностроении необходимо создать средства автоматизации многих процессов обогащения, выплавки и первичной обработки металлов для заводов черной и цветной металлургии. Следует увеличить выпуск автоматического оборудования для химической промышленности, электростанций и других отраслей народного хозяйства.

Конечно, автоматизация производства привлекает нас не только своей экономической эффективностью, но и возможностью *облегчить* с ее помощью наиболее тяжелые и вредные виды труда. Именно поэтому, например, один из цехов Ефремовского завода синтетического каучука, где применение ртути создавало опасные для здоровья условия труда, был полностью автоматизирован, что позволило весь персонал полностью вывести из этого цеха. Используя удачный опыт Горьковского автозавода, необходимо в кратчайшее время завершить механизацию и автоматизацию наиболее трудоемких и тяжелых операций — по выбивке земли, зачистке и обрубке отливок — и в других литейных цехах и заводах. Такая забота об оздоровлении и облегчении труда особенно отличает нашу страну от буржуазного Запада с его потогонной практикой поточного и конвейерного методов интенсификации труда.

Уже из приведенных фактов видно, что в области автоматизации производства и вообще в области внедрения новой и новейшей техники перед нами стоят еще очень большие задачи. Но для решения их в условиях социалистического хозяйства имеются и соответствующие этим задачам поистине неисчерпаемые возможности. Они таятся уже в самой системе планового хозяйства, обеспечивающей странам социализма совершенно недосягаемые в капиталистическом мире темпы развития. Достаточно сказать, что в странах капитализма за 1950—1955 гг. промышленная продукция поднялась всего на 31%, в то время как в странах социализма она за те же 5 лет почти удвоилась, дав втрое более высокий прирост. Еще показательнее факт, что, по американским данным, среднегодовой темп роста всего «национального дохода» США (в неизменных ценах) с 1929 по 1955 г. не превышал 3% в год, в то время как в СССР он ежегодно возрастал в среднем на 9%, т. е. *втрое* быстрее. Важнее всего, однако, то, что производительность индустриального труда — этот решающий показатель — повышалась в США за тот же период всего на 1,75—2% в год, тогда как у нас за последние 25 лет она росла примерно в *четыре* раза более высоким темпом.

Такие темпы роста социалистической экономики — яркое свидетельство ее ценнейшего преимущества. Это преимущество целеустремленного плана в действии над самотеком слепой стихии. Оно позволяет, сосредоточив планомерно максимум усилий на важнейшем в данный момент направлении, достигать даже с меньшими, чем у других, материальными ресурсами лучших результатов. Одним из важнейших направлений нашей экономической политики на ближайшие годы становится борьба за ликвидацию отставания в области новейшей техники, борьба за самую передовую энергетику и наиболее эффективное ее применение методами возмож-

---

[1] В. И. Дикушин. Проблемы автоматизации в машиностроении. «Промышленно-экономическая газета», 3 октября 1956 г.

но более полной автоматизации производственных процессов повсюду, где это уже ныне экономически целесообразно. На очередь, в частности, у нас становится использование в мирных целях самой мощной, *атомной*, энергии, которую в интересах безопасности труда можно широко использовать *только в условиях самой полной автоматизации производства.* И в этой связи перед нашей наукой и техникой в области автоматики и телемеханики стоят особо ответственные и неотложные задачи. Однако нет никаких оснований сомневаться, что советская наука справится с этими задачами, и мы с уверенностью можем смотреть вперед.

5. АВТОМАТИЗАЦИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Конечно, и в странах капитала наука и техника не стоят на месте. В частности, в США за последние годы можно отметить серьезные достижения в области электрификации и автоматизации производства. Очень характерно, однако, что наряду с дифирамбами по поводу этих успехов и успокоительными призывами к рабочим — «Пусть рабочий смотрит на это с надеждой в сердце, а не с тревогой. Автоматизация — это магический ключ... в сказочный мир будущего...» — успехи эти уже порождают и известную тревогу в буржуазных кругах. Так, например, в американском журнале «Нью рипаблик» была опубликована статья о новом автоматизированном магниевом заводе в Медисоне, который один может давать больше продукции, чем до него давала вся магниевая промышленность США. Автор этой статьи, учитывая «гипотетические возможности автоматизации в создании безработицы», приходит к весьма неутешительным выводам. По его расчетам, автоматизация *всей* американской промышленности сократила бы ее потребность в рабочей силе до полутора миллионов рабочих, т. е. *более чем в 10 раз,* что привело бы к «депрессии во всей экономике». И буржуазный журнал, исходя уже «из нынешнего опыта автоматизации», заключает, что «безработица, к которой ведет автоматизация, будет, учитывая наше нынешнее экономическое положение, *очень значительной, постоянной и совершенно беспрецедентной по своим последствиям».*

Вот какой воистину устрашающей своей стороной обращаются уже ныне ближайшие перспективы технического прогресса в стране самой «передовой» *капиталистической* экономики!

Но, умножая армию безработных, автоматизация в условиях капитализма обращается и к работающим своей наименее привлекательной стороной. Получив наибольшее распространение в своих первичных формах фордизма — поточного производства с принудительным ритмом и применением конвейера, автоматика служит здесь орудием тягчайшей эксплуатации труда. Рабочая пресса США полна сообщений о том, какого напряжения физических и духовных сил требует от рабочего *усиление потогонной системы,* связанное с внедрением новейшей техники непрерывного действия. В газете «Дейли уоркер» рабочие пишут: «Нигде больше в мире рабочие не ощущают на себе такой ужасной потогонной системы, как в наших Соединенных Штатах... С каждым годом потогонная система становится все хуже. К концу дня рабочий становится, как выжатый лимон. Он едва может дойти на улице до автобуса. Не удивительно, что рабочий сегодня страдает от истощения нервной системы, что он физически быстро выходит из строя и что в США наивысший процент психических заболеваний в мире». А в другом письме рабочего из Детройта читаем: «Тысячи рабочих-автомобилестроителей, ныне уволенные (а многие из них с большим стажем), с отчаянием думают о том, что им никогда снова не получить работу, даже при высоком уровне производства автомобилей, поскольку усиливаются автоматизация, потогонная система и децентрализация производства».

Немудрено, что такие последствия автоматизации вызывают энергичное противодействие ее внедрению со стороны рабочих организаций, принимающее форму широкого забастовочного движения. Примером крупнейшей «стачки против автоматизации» может, в частности, служить упорная забастовка 55 тыс. рабочих-электриков на 40 заводах компании Вестингауз, длившаяся целых пять месяцев. Не случайно с расширением автоматизации растут и общие масштабы забастовочного рабочего движения в США. Весьма поучительно, например, следующее сопоставление. За довоенное десятилетие, 1931—1940 гг., в США, по официальным данным, имела место 22 021 стачка с 9,5 млн. участников, потерявших 145,3 млн. рабочих дней, а за 10 послевоенных лет, 1946—1955 гг., число стачек возросло уже до 43 159, число участников в них — до 26,6 млн., а потерянное страной рабочее время — до 434,3 млн. человеко-дней [1]. Это значит, что за последние годы в США *ежедневно* возникает не менее дюжины новых стачек и в этих классовых боях *ежегодно* принимают участие миллионные армии трудящихся, а потери, которые в этих боях терпят обе стороны, оцениваются уже сотнями миллионов долларов. Конечно, трудно сказать, какая доля этих потерь связана непосредственно с борьбой против автоматизации, но несомненно, что она непрерывно возрастает. И если, несмотря на это, в США все же растут успехи автоматизации, то и противодействие ее внедрению усиливается также весьма энергично.

Технические возможности автоматизации производства в этой стране значительнее, чем в любой иной. Но экономические предпосылки выглядят совсем иначе, и во всяком случае они здесь гораздо менее благоприятны, чем в любой из стран социализма, которым отнюдь не угрожают бедствия безработицы.

И в Англии, как видно из откликов международной печати, автоматизация «не встречает восторженного приема», к ней относятся «со страхом и недоверием». Так, например, в английском парламенте уже прозвучало такое заявление одного из его членов — Чарльза Паннела: «Если автоматизация будет внедрена с той скоростью, которую предсказывают в некоторых комментариях американской печати, то забастовки докеров, железнодорожников и моряков окажутся детской игрой по сравнению с тем бременем, которое ляжет на плечи министра труда».

«Сказочный мир будущего», обещанный рабочим Национальной ассоциацией промышленников США в результате автоматизации производства, прежде всего, вовсе не улыбается никому из рабочих, изведавших уже и без автоматизации все прелести хронической безработицы в странах капитализма. И потому автоматизации в этих странах обеспечено активное сопротивление всех рабочих организаций. Английские рабочие, ощутив по-настоящему, какие опасности несет им автоматизация производства, осуществляемая предпринимателями не за счет своих прибылей, а за счет роста безработных, выдвигали на конгрессе британских тред-юнионов в Брайтоне, в сентябре 1956 г., уже такие требования: «Автоматизация,— заявил член союза транспортного машиностроения Эдвардс,— должна контролироваться трудящимися, она должна гарантировать повышение, а не снижение их жизненного уровня». «Единственное возможное решение вопроса,— добавил к этому член союза машиностроителей Диннинг,— заключается в том, чтобы рабочие сами владели промышленностью» [2].

Можно еще отметить и резолюцию VIII сессии Генерального Совета Всемирной федерации профсоюзов, в которой указывается на необходимость борьбы против *пагубных последствий автоматизации* для условий

---

[1] Т. Тимофеев. Миф о «классовой гармонии» и американская действительность. «Правда», 24 февраля 1957.

[2] «Правда», 5 сентября 1956 г.

жизни и труда и, в частности, против безработицы и увольнений в условиях капиталистического хозяйства, где все выгоды автоматизации присваиваются лишь капиталистами.

Но, и помимо противодействия рабочих, экономика капитализма ставит перед автоматизацией довольно узкие границы реализации. Еще Маркс отмечал, что *для капитала* применение машин «целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы» [1]. Говоря иначе, для капитала вся экономия от замещения рабочего машиной ограничивается выигрышем только за счет оплаченной доли труда, т. е. за счет заработной платы этого рабочего, в то время как общество в действительности экономит при этом *весь* замещенный машиной труд. «Поэтому,— читаем мы в «Капитале» Маркса,— в коммунистическом обществе машины имели бы совершенно другой простор, чем в буржуазном обществе» [2]. И это замечание Маркса ныне, на стадии автоматизации производства, в эпоху общего кризиса всей капиталистической системы хозяйства, становится еще более актуальным, чем на первых ступенях механизации труда.

Нужно сказать, что и на первых ступенях механизации ее успехи в странах капитализма ограничивались в наибольшей мере не техническими трудностями, а прежде всего экономическими условиями эксплуатации труда. Высокий уровень техники наталкивался здесь на еще более высокие нормы эксплуатации труда и все чаще в бессилии отступал перед этим растущим барьером. Капиталист всегда находил для себя выгодным замещать ручной труд машинами лишь в той мере, в какой это окупалось ему с избытком экономией на оплате наемного труда в издержках производства изготовляемого машинами товара. Но доля заработной платы в *стоимости*, вновь создаваемой трудом, с ростом норм эксплуатации при этом падала. И если еще в условиях свободной конкуренции она не превышала 50% этой стоимости, то ныне, в условиях монополистического капитализма, она уже значительно ниже, а вместе с тем в той же мере снижаются и возможности экономии за счет заработной платы, и, стало быть, сужаются границы «рентабельности» внедрения новой техники за счет этой экономии. Но сокращение доли заработной платы в создаваемом общественном продукте в эпоху империализма означает одновременное увеличение в нем доли прибавочной стоимости. И если реализация созданной товарной продукции в доле необходимого рабочим продукта вполне обеспечена уже на внутреннем рынке фондами выплаченной им заработной платы, то сбыт всего остального *прибавочного* продукта каждой империалистической страны с расширением его доли требует и соответствующего расширения его *внешних* рынков. И это создает новую ситуацию и новые трудности в условиях империализма.

Механизация труда вообще предполагает *массовое* производство на широкий рынок, но автоматизация, производственные возможности которой неизмеримо шире, требует уже *непрерывного массового производственного потока*. Вместе с тем автоматизация производства, требуя немалых новых вложений на модернизацию и реконструкцию действующей техники, может стать достаточно рентабельной в условиях империализма лишь в том случае, если будет обеспечен верный сбыт непрерывно возрастающему потоку новой продукции, что потребует, несомненно, небывалого еще *расширения мирового рынка*. А между тем современный империализм, растерявший большую часть своих внешних рынков, не может избежать и сокращения *внутренних* рынков в связи с новым сокращением рабочей силы в результате автоматизации предприятий и с ростом безработицы. Странам социализма не страшна такая угроза. Сокращение потребности в

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 404.
[2] Там же, примечание.

рабочей силе здесь будет использовано для сокращения рабочего дня, рост производительности — для повышения заработной платы, а изобилие продуктов — для скорейшего построения коммунизма.

Вот почему можно сказать, что если капитализм был классической эпохой механизации труда, то только коммунизм откроет собой новую эру полной автоматизации производства.

6. ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

Процесс автоматизации производства можно рассматривать как высшую и завершающую ступень механизации труда, когда не только тяжелый ручной труд, но и всякий иной физический труд по обслуживанию машин, кроме наблюдения за их действием и регулирования самодействующей электронной аппаратуры, контроля и управления ими, становится уже излишним и малоцелесообразным. Но установить точные границы, где кончаются задачи комплексной механизации и начинается подлинная автоматизация производства, было бы очень трудно. Теоретически эту границу следовало бы искать по линии, отделяющей механизмы, которые вытесняют исполнительный *физический* труд человека, от аппаратуры, облегчающей или заменяющей собой его организующий *умственный* труд в производстве. На первой из этих ступеней физический труд человека полностью возмещается затратами энергии моторов. На второй — таких затрат по общему правилу вообще не требуется, так как автоматическое регулирование производственных процессов в непрерывном действии механизмов повышает коэффициент полезного действия их и тем самым даже *сокращает* необходимые затраты энергии двигателей. Но зато вместо сберегаемого в управлении производством умственного труда требуются дополнительные затраты его в области конструкторского изобретательства и в сфере питающего технику *научного* творчества. Однако в нашей практике границы между умственным и физическим трудом все более стираются, а вместе с тем и комплексная механизация труда, все более насыщаясь элементами автоматики и телемеханики, приближается к нашему представлению о полной автоматизации производства.

Можно думать, что при различении специальных задач автоматизации в области экономии умственного труда от задач механизации физического труда в производстве эффективность автоматизации в экономике производства окажется даже много значительнее, чем вся та экономия, какая достигалась в нем доныне методами механизации менее квалифицированного физического труда. Правда, автоматизация производства в еще большей мере, чем его механизация, базируется на достижениях всей мировой науки. Но эти вековые достижения науки в меру их освоения в производстве становятся общедоступными, как вода и воздух, и наравне со всеми даровыми силами природы, не зная износа, не нуждаются даже в текущей их амортизации. Энергетические же затраты в производственном применении всех элементов электроники, автоматики, телемеханики и прочих достижений науки в области автоматизации совершенно ничтожны по сравнению с затратами по энерговооружению физического труда. Однако эти априорные соображения требуют еще проверки. Экономическая наука еще не знает конкретной меры сравнительной эффективности различных методов механизации и автоматизации труда. И в этой области перед нею стоит еще немало неразрешенных проблем.

Впрочем, уже теперь можно отметить показательный факт, неоднократно приводившийся в американской прессе и у нас. В США после жестокого кризиса 1929 г. происходит явный перелом в эффективности капитальных вложений. Если до этого кризиса она оставалась стабильной или даже снижалась, то за последние десятилетия — определенно возрастает. Из расчета на каждые 100 долл. (в ценах 1929 г.), вложенных

в средства производства, национальный продукт страны с 1929 по 1949 г. возрос с 34,5 до 45,7 долл. (в тех же неизменных ценах), т. е. на целых 33%. Этот чреватый последствиями перелом, на наш взгляд, объясняется прежде всего новым, *более эффективным* направлением технического прогресса — внедрением элементов автоматики в производственные процессы. Открывая собой перспективы нового подъема в странах социализма, этот перелом лишь усиливает и без того серьезную угрозу очередного кризиса перепроизводства в странах империализма. Но, прибегая под угрозой кризиса к дальнейшему усилению «холодной войны» и бесплодной гонки вооружений, они все ярче обнаруживают в этой трагедии расточительства всю бесперспективность своего развития в условиях мирного соревнования с экономикой социалистических стран, не знающих кризисов перепроизводства.

Уровень механизации различных производств наша статистика измеряет долей продукции тех или иных участков механизированного, машинного труда во всей продукции данного вида. Например, валка леса в лесной промышленности СССР была механизирована в 1955 г. на 86,1%, доставка руд черных металлов из забоя — на 93,6, зарубка и отбойка угля — на 98,7, погрузка угля в железнодорожные вагоны — на 99, 9%; экскавация торфа в торфодобыче уже в 1954 г. была механизирована на все 100% и т. д. Однако наряду с такими высокими показателями механизации на одних работах на других преобладает вовсе немеханизированный ручной труд. Комплексная механизация всех трудовых процессов представляет собой редкое исключение. И даже там, где полностью механизированы целые автоматические линии, они нередко вовсе не обеспечены для непрерывности своей работы механической подачей материалов и прочим обслуживанием на смежных с ними производственных участках. И это самым печальным образом отражается на экономической эффективности такой незавершенной автоматизации. Обобщающего эти отдельные сведения общего показателя механизации, скажем хотя бы в целом по всей тяжелой промышленности, у нас нет.

Если обратиться к составу рабочих различных отраслей, то доля ручного труда — не у машин,— по переписи на 5 мая 1954 г., достигала: в черной металлургии — 34,6%, в угольной промышленности — 44,1, в машиностроении — 48, на лесозаготовках — 67,8, в строительстве — 69%. И даже в среднем по всем этим отраслям труда, охватывавшим по 15 министерствам свыше 7,2 млн. рабочих, ручным трудом — вне обслуживания машин — было занято не менее 55% общего числа рабочих. Но и это не все. На ремонте и обслуживании машин ручной труд тоже являлся преобладающим. И только труд около 23% рабочих, занятых «управлением механизмами», можно отнести целиком к категории труда, механизированного в полном смысле этого слова.

О чем же это говорит?

Как видно, по объему машинной продукции в основных отраслях промышленности мы уже очень близки к завершению первой стадии механизации. Но это еще не комплексная механизация. И хотя не охваченные ею участки вспомогательного ручного труда невелики, но труд этот малопроизводителен и именно поэтому занимает еще очень большую часть общей армии индустриальных рабочих. Тем не менее экономия труда в СССР, достигнутая в период плановых пятилеток (с 1928 по 1955 г.) за счет механизации, очень велика. По данным ЦСУ, выработка рабочих за эти 28 лет, а за вычетом лет войны и восстановления народного хозяйства (1941—1948 гг.) всего за 20 лет, выросла на 579%. Значит, если бы мы остались на уровне механизации 1928 г., то для производства продукции 1955 г. нам потребовалось бы использовать в промышленности до 96,3 млн. рабочих вместо фактического их числа в 14 275 тыс. Таким образом, можно сказать, что годовая экономия, достигнутая за этот период, составляет

около 82 млн. рабочих лет, или 85% от всей потребности в живом труде, считая по уровню его производительности в 1928 г.

К сожалению, наша статистика по непонятным причинам прекратила исчисление показателей полной энерговооруженности труда, хотя они крайне необходимы для анализа факторов его производительности.

Правда, мы располагаем общими данными о росте электровооруженности труда в советской промышленности (в квт-ч на 1 отработанный человеко-час):

Годы	*квт-ч*	%	Годы	*квт-ч*	%
1913	0,28	100	1937	2,64	943
1928	0,68	243	1948	4,20	1 500
1932	1,28	457	1950	(4,80)	1 714
1936	2,19	782	1955	(8,00) *	2 857

* В скобках приводятся расчетные данные.

Но показатели *электровооруженности* без учета затрат других видов энергии, достигавших в 1928 г. до 50% всей расходуемой в промышленности энергии, явно недостаточны для этой цели. Однако прирост одной лишь электроэнергии с 1928 по 1955 г. из расчета на каждый человеко-час живого труда повышает энерговооруженность труда в промышленности СССР в 6 раз [1]. И уже поэтому один рабочий в 1955 г. смог давать продукцию *за шестерых*. Таким образом, *почти вся* экономия живого труда, достигнутая за весь этот период, может быть объяснена одним лишь фактором *механизации труда* — в основном электрификацией производства.

Что же остается в нашей стране на долю автоматизации и всех других факторов технического прогресса? Пока, по-видимому, весьма немного. И это объясняется, конечно, тем, что в стадию автоматизации производства мы только еще вступаем. В частности, наш парк металлорежущих орудий в 1955 г. насчитывал уже 1760 тыс. станков, но *автоматических линий* в этом огромном парке было всего 54. Поточных линий у нас, конечно, гораздо больше. Только за один 1955 г. их было внедрено в производство не менее 200. Но все же это еще очень скромное начало, если учесть, что на поточных линиях тоже используется не в малых дозах весьма напряженный ручной труд сверх той огромной его доли (свыше 50%), какая у нас еще ждет своего замещения машинами на разных *подсобных* работах вне машинного производства. Такие задачи не решаются в 2—3 года, для них не слишком велик и срок в 2—3 плановые пятилетки. Проблема автоматизации производства в СССР, несомненно, займет почетное место и в перспективном плане развития народного хозяйства Союза на 15 лет.

В этом плане придется решать и вопрос о масштабах возможных капитальных вложений на модернизацию устаревшей техники и автоматизацию производства, и вопрос о сравнительной их эффективности в различных отраслях труда, и проблему новых кадров в условиях автоматизации производства, и целый ряд других не менее сложных экономических вопросов.

Доныне некоторые из этих вопросов решаются слишком примитивно, а потому и не без ущерба народному хозяйству. Например, наряду с высокоэффективными автоматическими линиями, дающими большой рост производительности труда и соответствующее снижение стоимости продукции, строятся и такие агрегаты, которые удорожают эту продукцию. Примеры таких неудач уже приводились в печати.

Так, например, себестоимость заготовок напильников, изготовляемых на автоматической линии, оказалась в 2 раза выше, чем до автоматизации; на Ульяновском заводе малолитражных двигателей в автоматизированном производстве поршней вместо непрерывного производства на первых порах

[1] Энерговооруженность труда составляла в 1928 г. примерно 1,3 квт-ч на 1 отработанный человеко-час.

имели место штурмовщина, громадные простои и значительное недоиспользование мощностей [1]. «Переход от погрузочно-разгрузочных работ вручную к механизированному выполнению их с помощью тельфера или кошки, снижая трудоемкость работ на 41%, ведет к повышению себестоимости работ на 20%, переход к выполнению тех же работ с помощью крана «ДИП» или «Пионер», снижая трудоемкость работ на 43%, ведет к повышению себестоимости работ на 24%» [2].

Спрашивается, чем же объясняется возможность такого рода просчетов? Разве наши инженеры не умеют считать? Или еще не всем механизаторам ясно, что экономия в затратах живого труда за счет механизации и автоматизации всегда покупается лишь ценой дополнительных затрат труда овеществленного и что реальным выигрышем при этом можно считать лишь *разность* между этой экономией живого и перерасходом прошлого труда? Ведь это азбучная истина.

Да, это, бесспорно, азбука науки. Но, к сожалению, в нашей статистической практике вопреки этой азбуке и доныне еще господствует требование в учете производительности труда считаться *только с затратами живого труда*, совершенно не учитывая ни экономию, ни перерасход в издержках труда прошлого. А производительность труда, как известно,— это самое главное. И при такой трактовке этого понятия статистиками и экономистами нетрудно и инженерам заблудиться в своих расчетах. Подсчитав, что, скажем, машина марки «ДИП» повышает производительность труда грузчиков на целых 43%, они спешат поскорее внедрить ее в производство как одно из пионерных орудий технического прогресса. Кстати сказать, марка «ДИП» расшифровывается в лозунге «догнать и перегнать». Но, делая при этом заведомо лишь шаг вперед и два назад, такие пионеры технического прогресса никого никогда не догонят.

7. О МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ АВТОМАТИЗАЦИИ

С проблемой определения эффективности новой техники у нас вообще не все благополучно. Во второй половине 1956 г. с участием всех заинтересованных ведомств была разработана специальная «Временная типовая методика определения эффективности внедрения техники», включая в это понятие все современные способы механизации и автоматизации производства и организации труда. В самом начале этой «Методики» дается такое вполне правильное исходное определение: «Под эффективностью внедрения нового технического мероприятия понимается степень повышения производительности труда и соответственно степень снижения затрат общественного труда на удовлетворение какой-либо потребности общества. Чем выше эта степень, тем выше и эффективность мероприятия».

На первый взгляд может показаться, что в данном определении предлагается не один, а два различных критерия эффективности: 1) рост производительности труда и 2) экономия общественных затрат труда или снижение трудовой стоимости продукции. Однако из политической экономии нам известно, что стоимость изменяется *обратно пропорционально* производительной силе труда. И поэтому «степень *повышения»* производительности труда $\frac{p}{t}$ и «степень *снижения*» затрат общественного труда, т. е. стоимости продукта, $\frac{t}{p}$ — равнозначные понятия, ибо всякое увеличение первой из этих дробей уменьшает вторую ровно во столько же раз. И, в сущности, при правильной трактовке данных понятий «Методика» предлагает нам не два, а один и тот же критерий эффективности внедрения новых мероприятий по механизации и автоматизации производства.

[1] «Коммунист», 1956, № 16, стр. 56. 57.
[2] «Экономика промышленности СССР», 1956, стр. 123.

И потому его достаточно измерять экономией труда на единицу продукции в натуре, выраженной, скажем, в человеко-часах или иной эквивалентной мере труда. Но всякая экономия текущих затрат в производстве не дается даром. Она требует, по общему правилу, тех или иных предварительных затрат труда и капитальных вложений. И это усложняет все расчеты эффективности мероприятий в области обновления нашей техники и организации труда.

Основная трудность в решении этой задачи заключается в том, что предварительные затраты в виде капитальных вложений приходится расходовать единовременно, завязывая их в производстве сразу на много лет, а эффект этих вложений в виде экономии текущих затрат отсрочивается на ряд разновременных поступлений в течение целых десятилетий. Но эффект *разновременных* затрат труда в условиях технического прогресса не вполне сопоставим без значительных поправок во времени, ибо, создавая всегда при прочих равных условиях *равную стоимость*, например за час труда, мы вместе с тем повышаем его продуктивность и создаем за тот же час труда все *бóльшую массу потребительных благ*.

Конечно, в более грубых расчетах можно и пренебречь в первом приближении этими поправками на фактор времени. И наша практика обычно довольствуется в качестве меры эффективности новой техники отношением $E : C$, где E — годовая экономия текущих затрат, а C — сумма соответствующих начальных вложений, или обратной дробью $C : E$, которой определяется число лет, в течение которых добавочные вложения в новую технику могут полностью «окупиться» добавочной экономией в текущих затратах по сравнению с нормами капитальных вложений и текущих затрат в предприятиях с более отсталой техникой, используемых проектировщиками для своих сопоставлений.

Но при этом в нашей практике допускается еще одна систематическая погрешность. Исчисляя годовую экономию текущих затрат в денежном выражении по так называемой «себестоимости», наши практики систематически занижают реальную экономию, учитывая лишь экономию на оплате труда, а не весь сбереженный при этом живой труд. Поясним это конкретным примером. Допустим, что в целях автоматизации предприятия нам пришлось дополнительно вложить в него 300 тыс. руб., и мы получили при том же объеме продукции такое снижение общественных издержек производства (табл. 2).

Как видим, прежняя стоимость продукции в 700 тыс. руб. *снизилась* на 150 тыс. руб., или на 21,4%, а общественная производительность труда с учетом экономии на живом и прошлом труде *поднялась* на ту же величину «экономии» — 150 тыс. руб., деленную на 550 тыс. руб., или на 27,3%. И эффективность наших дополнительных затрат на автоматизацию ($E : C$) определится в $150 : 300 = 0{,}5$, или 50%, а «срок окупаемости» ($C : E = 300 : 150$) — в 2 года. Но наша практика, учитывая лишь экономию в себестоимости, т. е. в нашем случае лишь 90 тыс. руб., определила бы эффективность вложений $90 : 300 = 0{,}3$, а срок окупаемости — в 3,33 года, с ошибкой в 67%. И эту ошибку надо считать принципиальной, ибо она воспроизводит буржуазную практику, занижая общественную эффективность новой техники и тем самым тормозя возможные темпы ее внедрения в наших социалистических условиях.

Что же рекомендует в этом отношении новая «типовая методика»?

Она полностью воспроизводит старую рецептуру нашей повседневной практики, не делая от нее ни шагу вперед. В пункте 13 «Методики» читаем: «Для установления эффективности внедрения нового технического мероприятия необходимо потребные для его внедрения капитальные затраты разделить на годовую экономию от снижения *себестоимости* и определить срок, за который капитальные затраты будут компенсированы экономией от снижения *себестоимости*». Дважды подчеркиваем, что речь идет

Таблица 2

Реальное снижение издержек производства

Показатели	Предприятия		
	старое	новое	разница
1. Продукция (в тыс. *т*)	11 000	10 000	—
2. Капитальные вложения (в тыс. руб.)	1 000	1 300	300
3. Издержки производства			
а) амортизация, материалы и энергия (*c*) *	350	340	10
б) заработная плата (*v*)	200	120	80
в) продукт для общества (*m*)	150	90	60
Всего (по стоимости)			
в тыс. руб.	700	550	150
в %	100	78,6	21,4
в том числе себестоимость			
в тыс. руб.	550	460	90
в %	100	83,6	16,4

* Конечно, символы *c*, *v*, и *m*, применявшиеся Марксом при анализе капиталистической экономики, в условиях социализма приобретают совершенно иное значение.

здесь об экономии за счет снижения одной лишь себестоимости, т. е. за счет заведомо заниженной общественной экономии труда. И авторы вступают здесь в противоречие не только с некоторыми высказываниями Маркса, но и с самими собою, ибо в пункте 3 той же «Методики» они требовали измерять эффективность тех же мероприятий снижением «затрат *общественного труда*», куда входит не только оплаченный, но и *весь* овеществленный — живой и прошлый — труд.

При обсуждении этой «Методики» на октябрьской сессии Академии наук СССР (1956 г.) один из ответственных представителей Гостехники — И. Кураков — понял мои замечания по пункту 13 «Методики» как отрицание «необходимости определения степени снижения себестоимости продукции». Это — явное недоразумение. Я не отрицаю этой необходимости, а лишь отмечаю *недостаточность* учета одной только «себестоимости» вместо полного учета *всей стоимости*, а стало быть, и *всей экономии* за счет ее снижения в социалистическом обществе в результате внедрения новой техники и организации труда.

В условиях расширенного воспроизводства растет и стоимость и объем общественного продукта, причем объем его в своем росте неуклонно обгоняет рост стоимости. Обращаясь к факторам этого роста, мы твердо знаем, что по своей стоимости продукт растет только за счет роста овеществляемого в нем труда. Возрастает количество труда или его качество (квалификация, интенсивность) — растет и стоимость, не возрастают затраты труда — не увеличивается и стоимость продукта. А вот количество, или объем, продукта в его потребительном значении, обгоняя рост стоимости, возрастает, стало быть, и за счет других факторов, не зависящих уже от количества и *индивидуальных* качеств применяемого труда. Какие же это факторы? Это как раз те общественные мероприятия в области механизации, автоматизации и научной организации труда, осуществление которых ставит своей задачей Гостехника.

Они требуют от нас определенных первичных вложений из накоплений прошлого труда, экономическая эффективность которых и подлежит прежде всего внимательному изучению в плановом хозяйстве. Эффектом

этих добавочных вложений можно считать весь тот *добавочный продукт*, который мы получаем сверх его прироста за счет расширения затрат труда, или всю *экономию* в издержках производства, на весь его объем, оценивая его по стоимости базисного периода. Учитывая эту годовую экономию издержек в рублях и выражая ее в процентах на 100 руб. соответствующих капитальных вложений, мы уже в этом показателе без дальнейших его уточнений получаем известную меру эффективности тех или иных из наших рационализаторских мероприятий. Сопоставляя затем такие показатели по вложениям на механизацию или автоматизацию производства, легко будет, кстати сказать, определить, какое из этих направлений в реконструкции нашей техники и в какой именно мере эффективнее другого в различных отраслях труда на данном уровне его производительности.

Такие показатели эффективности капитальных вложений очень похожи на обычные в капиталистической практике показатели текущей рентабельности предприятий в процентах на вложенный в них капитал. Однако сходство здесь только внешнее. Напомним общеизвестный факт, что рентабельность различных предприятий определяется прежде всего разностью между *ценой* и *себестоимостью* продукции. А конкуренция предпринимателей в условиях капитализма *выравнивает* эти показатели рентабельности в предприятиях разного уровня техники. И уже поэтому нормы рентабельности не могут служить надежной мерой для сравнения этого уровня в различных условиях труда. Не мог бы служить мерой эффективности вложений процент рентабельности и в советских условиях ценообразования, где накопления в порядке перераспределения сосредоточиваются в одних отраслях труда за счет других. Именно поэтому за меру эффективности новой техники следует принимать те показатели, какие исходят не из рентабельности, а из сравнительной производительности труда, и не из цены и себестоимости, а из *стоимости* продукции, исключающей все моменты перераспределения, и *объемного* ее роста во времени.

Основной порок теории эффективности капитальных вложений, усматривающей ее в сравнительной их рентабельности, в поисках наибольшего «удельного» накопления на рубль вложений, заключается в том, что между вложениями и накоплениями нет прямой связи. Накопления m, измеряемые всегда в единицах *стоимости*, создаются только живым трудом $(v + m)$ и определяются в пределах этой суммы лишь отношением $(m : v)$, т. е. «нормой прибавочной стоимости» в условиях капитализма или «нормой планового накопления» в наших условиях. Прошлый труд *вовсе не участвует* в создании новой *стоимости* $(v + m)$, а стало быть, и накоплений m. Но вложения прошлого труда, вооружающие живой труд, повышают его производительность, т. е. количество *потребительных* благ, создаваемых в единицу времени. Вот почему *прямым* эффектом капитальных вложений, повышающих вооруженность труда и технический уровень производства, можно считать только массу создаваемых в нем *потребительных* благ, независимо от их стоимости и «норм» удельного накопления этой стоимости. Но, создавая большее количество благ в единицу времени, мы тем самым экономим *время* из расчета на единицу этих благ. А поэтому и эффект новой техники за счет вложений прошлого труда можем измерять масштабами сбереженного таким образом рабочего времени.

Это, по-видимому, труднее всего усваивается нашими практиками. Само понятие «стоимости» трактуется ими по-разному. Так, например, т. Кураков в своем письменном обращении в Академию наук СССР от 17 октября 1956 г., ссылаясь на материалы Гостехники, утверждал, что «при установлении указанной выше методики *стоимость* продукции понималась как *сумма из трех основных элементов* затрат; себестоимости, капитальных затрат в год, приходящихся на единицу продукции, и общегосударственных расходов (налогов)», а «для определения эффективности внедрения новой техники принимались два основных элемента затрат, а именно: себе-

стоимость и капитальные затраты на единицу продукции». Впрочем, в том же обращении т. Кураков допускает, что «стоимость продукции» можно считать и проще, «как сумму эксплуатационных и капитальных затрат на тонну продукции». Ему и невдомек, по-видимому, что капитальные затраты полностью никак не могут войти в стоимость годовой продукции, а в эксплуатационные затраты $(c + v)$ не входит такой основной элемент стоимости, как накопление m.

Не ясно ли, что в этих определениях гораздо больше тумана, чем подлинной стоимости?

Впрочем, в Гостехнике, по-видимому, уже чувствуют, что на одной «себестоимости» в нашей практике внедрения новой техники далеко не уедешь. Это подтверждается и официальным признанием со стороны Гостехники «*острой необходимости внесения ясности* в вопрос о методах определения *стоимости* изготовления продукции в социалистическом народном хозяйстве», и предложением «безотлагательно» включить эту тему в план работы Академии наук СССР. Тема, конечно, важная. Не ясно, однако, стоит ли привлекать к ее разработке весь этот большой коллектив ученых — от астрономов до микробиологов и исследователей атомного ядра? Ведь заранее известно, что ни в микромире протонов, ни в живой клетке, ни даже в собрании всех галактик вселенной экономические категории не обретаются. Гораздо хуже, что для категории стоимости не нашлось места там, где оно особенно необходимо. Характерно, что даже термин «*стоимость*» ни разу не встречается во всей «Методике» по определению эффективности новой техники. И такой отрыв практики от теории типичен не только для этого документа, именуемого «*типовой* методикой». А между тем, казалось бы, каждый марксист и без Академии наук мог бы справиться с проблемами категории стоимости, располагая для этого неисчерпаемым богатством всех трех томов «Капитала».

В «типовой методике» вместо научного термина «стоимость» используется менее определенное бытовое понятие — «*трудоемкость*» продукции, которую рекомендуется определять в часах труда. Но и для этой цели предлагается слишком упрощенный рецепт. «Расчет в человеко-часах,— гласит «Методика»,— должен производиться путем деления затрат в рублях на среднечасовую зарплату рабочего, занятого в данной отрасли» (стр. 4 «типовой методики»). Приводится в ней и конкретный пример такого расчета: «Допустим, что среднечасовая зарплата рабочего в данной отрасли составляет 4 руб., удельные капитальные затраты на тонну цемента — 200 руб., а себестоимость — 70 руб. тонна, тогда соответствующие цифры в человеко-часах будут — для удельных капитальных вложений $200 : 4 = 50$ человеко-часов и для себестоимости изготовления тонны цемента $70 : 4 = 17{,}5$ человеко-часа».

Расчет действительно простой, но неверный. Авторы его забывают, что «себестоимость» продукта складывается из двух весьма различных элементов $(c + v)$. Правда, делением всей суммы заработной платы, потраченной на тонну цемента, на часовую плату мы действительно получим проработанное время в часах. Но в стоимость *материальных* затрат на ту же тонну цемента входит не только заработная плата, но и накопление. И если рабочий за час труда создает новой стоимости, включая продукт для общества, уже не 4, а, скажем, 7—8 руб., то делением этой стоимости продукта на одну лишь часовую зарплату мы можем раза в два преувеличить его трудоемкость в часах труда. Во избежание таких просчетов нужно и здесь исходить не из себестоимости, а из полной стоимости тонны цемента и делить ее на полную оценку элементов $(v + m)$, создаваемых за час труда, и не только рабочих, а вообще всего персонала, учитываемого в издержках производства, и не только в пределах данной отрасли, а в средней величине за час труда по всей сфере материального производства.

В противном случае ошибки неизбежны, элементарные, но тем более

досадные, что их можно и должно избегать в нашей практике. Экономическая наука, приходя на помощь хозяйственной практике, должна бы на корню ликвидировать такие ошибки. Да и статистика, пристальнее изучая нашу практику в области автоматизации производства, могла бы во многом ей помочь.

У нас нет, в частности, ни одной специальной работы по изучению сравнительной производительности автоматических линий или цехов с аналогичными производствами без автоматизации. В учебнике по экономике промышленности [1] можно найти лишь несколько строк на эту тему. А между тем сравнительный анализ издержек производства таких цехов мог бы оказаться весьма поучительным для нашей практики в этой области.

Большой интерес в этом отношении представляет опытный автоматический цех на Первом подшипниковом заводе (Москва) [2]. В нем функционируют две автоматические линии — для производства шарикоподшипников и для выпуска конических роликоподшипников. В цехе автоматизирован весь процесс производства: от обработки заготовок, токарной и термической обработки деталей, шлифовки их и полировки, мойки и сушки до сборки, контроля и упаковки подшипников. Автоматизация обработки и контроля прежде всего обеспечила здесь резкое улучшение качества продукции. Вместе с тем удвоилась производительность труда, сберегается труд свыше 100 рабочих и, что очень важно, изменился самый характер труда. В частности, ликвидирован наиболее монотонный и утомительный труд станочников-операторов и сборщиц. Цикл производства на этих линиях сократился с 45 до 3 суток. Программа производства, намеченная в 1,5 млн. подшипников за год, значительно перевыполняется. Об этом цехе имеется отзыв американского специалиста, посетившего СССР. В беседе с редактором журнала «Мэшинери» этот эксперт, Невиль Л. Бин, заявил: «Любая техническая организация может проникнуться уважением к автоматизации, применяемой на этой линии, так как эта конструкция исключительно совершенна» [3]. Однако об издержках производства по этому цеху его конструкторы Людмирский и Власов никаких конкретных данных в своей статье не привели.

Приведем поэтому еще один поучительный пример из английской практики. В опубликованном в 1956 г. в Лондоне докладе «Управления научных и промышленных исследований» об автоматизации мы находим любопытные указания на то, что за последние годы в Англии «много говорилось о сопротивлении со стороны рабочих и административного персонала техническим новшествам», о том, что «все труднее становится приводить в соответствие предложение и спрос», о недостаточности квалифицированной рабочей силы и о других препятствиях на путях к автоматизации производства. Но наряду с этим в докладе приводится нижеследующее сопоставление затрат по одной автоматической линии в 13 станков, на которой компания «Остин мотор» обрабатывает блоки цилиндров, с издержками таких же станков, работающих без автоматической их связи. Автоматическую линию обслуживают всего 2 человека (один — для загрузки, другой — для разгрузки линии) с оплатой 11 шиллингов за час. Оплата рабочих на 13 «стандартных» станках в 5,2 раза больше. Остальные показатели приведены в табл. 3.

Очень любопытно, что автоматика, обеспечивая непрерывность работы станков, только за этот счет повышает их производительность на 20%. А вместе с тем снижаются и затраты по всем статьям. Существенно (на

---

[1] «Экономика промышленности СССР». Учебник, Госполитиздат, 1956.

[2] Д. Людмирский и С. Власов. Автоматизация — путь к повышению производительности и облегчению труда рабочих. «Правда», 16 декабря 1956 г.

[3] «Коммунист», 1956, № 16, стр. 53.

Таблица 3

Сравнительная экономичность автоматической линии (13 станков) в Англии

Показатели за 240 дней работы по 8,5 час.	Стандартные станки	Автоматическая линия	Экономия	
			абс.	в %
1	2	3	4	5
I. Стоимость оборудования по ценам 1955 г. (в ф. ст.)	30 850	25 903	4 947	16
II. Занимаемая станками площадь (в кв. фут.)	500	390	110	22
III. Общая мощность моторов (в *л. с.*)	127	90	37	29
IV. Издержки по обработке блоков цилиндров (в ф. ст.)				
1. Заработная плата рабочим .	5 831	1 122	4 709	81
2. Энергия по 1 пенсу за силу за час	1 069	765	304	28
3. Амортизация — 12,5% . . .	3 849	3 238	611	16
4. Ремонт — 5%	1 542	1 295	247	16
5. Вспомогательные материалы—2%	617	518	99	16
6. Страхование	76	65	11	14
7. Рента за помещение — по 15 шилл. за 1 кв. фут. . .	371	292	79	21
8. Процент на капитал — 5%	1 542	1 295	247	16
Итого за год (по IV) . .	14 897	8 590	6 307	42
V. Продукция — число блоков в неделю (в шт.)	2 500	3 000	500	20

22%) сокращается и площадь под станками, собранными в автоматическую линию. Значит, сокращаются и вложения в строительство, и оплата заводских помещений. Еще любопытнее, что и оборудование автоматической линии обходится на 16% дешевле, чем при раздельной эксплуатации такого же числа станков. Объясняется это, по-видимому, тем, что на 13 станков в автоматической линии потребовалось меньшее число моторов (общей мощностью 90 *л. с.* вместо 127) с экономией по мощности в 29%. И эта экономия с избытком перекрыла дополнительные затраты на автоматизацию линии.

Еще значительнее экономия в эксплуатационных затратах на этой линии. По рабочей силе она достигает 81%, по расходу энергии — 28, по остальным статьям — около 16%, а по всем учтенным статьям, включая и 5% прибыли на капитал, эта экономия достигает 6307 ф. ст., или 42%. Очень поучительно, что из расчета на единицу продукции затраты начальных вложений при этом падают на 30%, а расход энергии — даже на 40%.

Но в связи с сокращением затрат живого труда строение капитала резко повышается, и при возрастании энерговооруженности труда на 266% капиталовооруженность его сразу поднимается на 336%, т. е. в 4 с лишним раза. Полные затраты труда — прошлого и живого — падают при этом за счет автоматики на 52%, и, стало быть, производительность труда возрастает на 108%, т. е. более чем в 2 раза.

Если же учитывать в затратах только живой труд, то рост продукции на 20% при сокращении затрат рабочей силы в 5,2 раза означает повышение индустриальной выработки рабочего в 6,24 раза (5,2 × 1,2), или на 524%. И это не предел. На Харьковском тракторном заводе имеется автоматическая линия для обработки головки блока цилиндров. Линия состоит из 14 станков, обслуживаемых 2 рабочими. Но она заменила собой

работу 80 универсальных станков с 58 рабочими, повысив их суточную продукцию на 91% и сократив время обработки одной головки блока со 195 до 3,5 мин., т. е. уже не в 6, а почти в 56 раз!

Таковы намечающиеся уже ныне в тенденции ближайшие экономические перспективы автоматизации производства.

8. АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И КАДРЫ

В связи с автоматизацией большие структурные сдвиги потребуются в составе и уровне квалификации трудящихся масс. Особенно сильно должна возрасти армия инженерно-конструкторского труда. У нас, по данным 1955 г., на каждую сотню рабочих насчитывалось 22 служащих и инженерно-технических работника, а в США — 27. И эта прослойка быстро растет. Но по числу инженеров мы превзошли США. В СССР их числилось, как известно, уже в 1955 г. 586 тыс., в то время как в США число инженеров не превышало 550 тыс., а в Англии и Франции, даже вместе взятых,— не свыше 222 тыс. И это преимущество социалистической системы хозяйства, стремящейся весь рабочий класс поднять до уровня инженерно-технического персонала, будет с каждым годом у нас возрастать.

Но дело не только в количественном, но и в качественном росте инженерно-технических кадров в нашей стране. Вступая в эпоху автоматизации производства, нужно воспитать и кадры, соответствующие задачам этой эпохи. Не всякий, даже вполне грамотный в своей узкой специальности, инженер готов к творческой, новаторской деятельности в области техники. Наши инженеры, технологи и путейцы очень хорошо обучались паровозной технике и эксплуатации, но, может быть, именно их долголетние навыки в этой устаревшей технике и инерция паровозных традиций мешали нам так долго осуществлять даже скромнейшие планы *электрификации* железных дорог. Для инженеров нового профиля по автоматизации нужно создавать новые программы, новые учебники, а может быть, и новые специальные школы. Это уже вполне назревшая задача.

Неумеренные скептики полагают, что с развитием полной автоматизации производства и в нем могут укорениться весьма косные навыки и традиции мышления. К этому располагают и монотонные ритмы автоматических линий, и навязанные ими темпы работы, и стандартный состав всегда одной и той же, шаблонной, продукции, и крайне ограниченная роль людей в этом потоке — роль *пассивных наблюдателей* за движением стрелок контрольной аппаратуры. Целый завод работает, как часы, дни и годы без перемен, а значит, и без улучшения. Остановить в нем хоть одно колесико — значит остановить с большими потерями весь завод. Все эти особенности полной автоматизации могут показаться даже угрозой техническому прогрессу в его непрерывном продвижении вперед. Но такие опасения не имеют под собой оснований. Не следует забывать, что автоматизация производства — это процесс, в котором всегда наряду с массовыми производствами, созревшими уже для автоматизации и сокращающими свои рабочие кадры, всегда будут оставаться и вновь возникать новые потребности и новые производства, требующие новой техники и нового увеличения рабочих кадров. Вместе с тем неизбежно дальнейшее расширение высококвалифицированных кадров и за пределами собственно производства, в области науки и культуры. В этом росте — наилучшая гарантия того, что *шаблонная* продукция машин на одном полюсе будет освобождать все большие силы для *творческих достижений* на другом. А все растущая пробивная сила науки, оплодотворяя технику, в свою очередь позволит поднимать на новый технический уровень не только самые отсталые, но

и наиболее передовые автоматические линии и заводы, по мере их физического износа и «морального» устарения.

Мы коснулись немногих проблем, связанных с внедрением новой техники, механизацией труда и завершением ее в процессах автоматизации производства. Все эти проблемы, тесно связанные между собой и с общей проблемой повышения производительности труда, весьма актуальны, но совершенно недостаточно освещены экономической наукой. Особенно слабо изучены у нас конкретная практика внедрения автоматизации в СССР и за границей и экономическая эффективность ее в различных условиях производства и разных отраслях труда. Недостаточно разработана и сама методика определения эффективности капитальных вложений в новую технику в различных ее применениях. В связи с этим затруднено и рациональное планирование масштабов автоматизации производства, а также достаточных для этой цели вложений. Все эти задачи и являются, на наш взгляд, первоочередными на ближайшие годы в области *экономического* изучения процессов автоматизации производства.

Важность этих задач можно усмотреть уже из того, что автоматизация производства в сочетании с мирным использованием атомной энергии ознаменует собой в нашей стране, несомненно, целый промышленный переворот на подступах к коммунизму.

XI. К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕРЕНИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА[1]

По вопросу об учете и планировании себестоимости продукции и производительности труда было уже высказано в печати немало ценных критических замечаний и рационализаторских предложений. Правда, в критике действующей практики все имевшие место высказывания оказались гораздо единодушнее и убедительнее, чем в рецептах ликвидации выявленных уже недочетов этой практики. И это вполне естественно. Обсуждаемые проблемы очень сложны, и к решению их можно подходить с разных сторон, а без светоча теории нетрудно и вовсе сбиться с пути.

В сущности говоря, такие важные качественные показатели, как общественная производительность труда и издержки производства, теснейшим образом связаны и между собой и с экономической категорией *стоимости*. А между тем, как известно, наличие этой категории в СССР сначала вовсе отрицалось, а затем, когда эта категория получила у нас некоторое признание *в теории*, с нею все же, по инерции, вовсе еще не считается наша *практика* ни в ценообразовании, ни даже в учете стоимости, подменяя его учетом себестоимости продукции, т. е. пренебрегая той истиной, что часть всегда меньше целого. И такой разлад между теорией и практикой не приводит к добру.

Теория нас учит, что «стоимость товара определяется всем рабочим временем, прошлым и живым трудом, который входит в этот товар»[2]. Стало быть, в денежной оценке в нее входит у нас не только себестоимость хозрасчетного предприятия $(c+v)$, но и весь продукт для общества (m). И производительность труда также измеряется *общей* суммой затрат прошлого и живого труда на единицу товара, т. е. величиной, обратной его *стоимости*. Значит, если бы мы калькулировали на наших предприятиях не себестоимость, а полную *стоимость* продукции, то тем самым получили бы в этом показателе и меру изменений общественной производительности труда во времени. Например, если стоимость чугуна снизилась за год с 300 до 277 руб. за тонну, то, значит, производительность труда поднялась в 300 : 277 раз, или на 8%.

Иными словами, если величина стоимости какого-либо продукта измеряется дробью $t:p$, где t — все овеществленное в продукте рабочее время среднего качества, а p — величина продукта в его потребительном значении, то мерой производительной силы труда в изготовлении этого продукта будет обратная величина той же дроби $p:t$. Это отношение между величиной стоимости и производительной силой труда заслуживает особого внимания. Дело в том, что если закон повышающейся производительной силы труда, по общему признанию, приобретает для нас в условиях социализма еще более важное значение, чем при капитализме, то категорию *стоимости* большинство советских экономистов склонно рассматривать лишь как некий пережиток прошлой эпохи со все более ограниченным кругом своего действия. А между тем это равносильно тому, как если бы мы стали «ограничивать» в условиях социализма действие

[1] «Промышленно-экономическая газета», 23 декабря 1956 г.

[2] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 286.

закона повышающейся производительной силы труда, т. е. самое важное, самое главное условие для победы нового общественного строя.

Нельзя забывать, что даже во второй фазе коммунизма отпадает вместе с обменом лишь *меновая* стоимость, т. е. лишь одна из *форм проявления* стоимости трудовой, которая определяется *общественными* издержками воспроизводства или овеществленными в продуктах затратами труда. Обмен товаров может отпасть, но издержки производства и различная *трудоемкость* производимых благ, как бы мы их ни называли, остаются. И если производительность труда должна и впредь неуклонно расти, то трудоемкость продукции столь же неуклонно по этому закону должна падать. Напомним, что Маркс закон, «по которому издержки производства *постоянно падают*», называл всеобщим экономическим законом. Выражая собой требование закона экономии времени, к которой, по Марксу, в последнем счете сводится вся экономия, этот закон не только остается и при социализме, но становится еще «в гораздо более высокой степени законом».

Указанная взаимосвязь между величиной стоимости и производительностью труда может быть с успехом использована и в измерении этих величин. Когда мы подходим к учету динамики производительности труда по формуле $p : t$, основной трудностью является несоизмеримость величин числителя и знаменателя этой дроби. Числитель ее представляет собой суммы потребительных благ, а знаменатель — затраты рабочего времени. Но разнокачественные блага даже между собой непосредственно несоизмеримы, а с рабочим временем их тем более мудрено соизмерить. Правда, продукцию разного качества мы пытаемся соизмерить и в так называемых «сопоставимых» ценах валовой, или чистой, продукции, и в нормо-часах затрат, и пропорционально фондам оплаченного живого труда на разных участках производства, и в иных разного рода условных «учетных единицах». Каждый из этих суррогатных методов обеспечивает, однако, лишь известное приближение к искомым величинам. При этом каждый из таких рецептов, предлагаемых практиками без достаточной увязки с требованиями теории, дает весьма различные результаты. А какой из них ближе к истине, сказать невозможно, ибо все они в связи с условностью предложенных методов и сами весьма условны.

Но если верно, что общественную производительность труда можно рассматривать как величину, обратную стоимости, то тем самым открывается еще один путь измерения производительности труда, исходя из учета снижения *стоимости*. Учет снижения издержек производства, или так называемой себестоимости, ведется у нас и ныне в каждом предприятии в порядке текущей бухгалтерской отчетности. И нужно было бы в этой области учета только подняться еще на одну ступеньку — от учета экономии в издержках производства *данного* предприятия к учету *общественных* издержек производства и полной экономии этих издержек на каждом предприятии, а затем — по целым отраслям труда и по всему народному хозяйству в целом.

Чего не достает в действующем учете для указанной цели?

В нем недостает лишь учета одной статьи общественных издержек, именуемой ныне «*продуктом для общества*». В соединении с «продуктом для себя» «продукт для общества» составляют в сумме всю вновь создаваемую в стране стоимость $(v+m)$. Она создается только *живым* трудом, а потому измеряется во времени и пространстве на каждом предприятии пропорционально количеству и качеству труда. Продукт для себя, т. е. оплата труда (v), тоже распределяется у нас в той же пропорции:

$$(v_1 + m_1) : v_1 = (v_2 + m_2) : v_2 = (v_3 + m_3) : v_3 \ldots \text{ и т. д.}$$

А если вычесть из этих равных величин по единице, то получим новое равенство:

$$m_1 : v_1 = m_2 : v_2 = m_3 : v_3 \ldots = q \text{ const}.$$

Иными словами, «продукт для общества» в плановом хозяйстве, исходя из принципа социалистического распределения по количеству и качеству труда, должен определяться по стоимости в любом производстве в той же пропорции, в какой распределяется между ними и «продукт для себя», или фонды заработной платы. Отношение это полностью определяется действующими планами общественного потребления и расширения производства. И если в общем по всему государственному хозяйству на данный отрезок времени эти целевые фонды составляют, скажем, 75% всего запланированного фонда зарплаты, то достаточно дать соответствующую директиву всем бухгалтерам, чтобы они включили в текущих калькуляциях продукции отчисления на зарплату в указанном проценте, обеспечивая этим необходимую норму накоплений продукта для общества и вместе с тем исчисляя вместо себестоимости уже полную стоимость текущей продукции.

Для отдельных предприятий это будет, конечно, только их индивидуальная, или локальная, стоимость данной продукции с большими или меньшими отклонениями от общественной их стоимости по всему кругу предприятий данной отрасли труда, в зависимости от различного уровня их техники и других локальных условий. Но и такая *локальная* стоимость может послужить более рациональному планированию тоже локальных сдаточных цен в расчетах с каждым из таких предприятий, а также многим другим задачам и прежде всего важной задаче учета *экономии* за счет снижения стоимости в каждом из таких предприятий в отдельности и в общей сумме по любой отрасли труда. Эта экономия — $Э$ в сопоставлении со всей стоимостью — W, полученной за отчетный период, и покажет достигнутое повышение производительности труда, измеряемое дробью $Э : W$. Так, например, если экономия $Э = 23$ млн. руб., а вся стоимость $W = 277$ млн., то повышение производительности труда $Э : W = 23 : 277$, или $+8\%$.

Преимущество этого метода перед другими заключается в том, что для использования его вовсе не требуется исчислять объем произведенной продукции в потребительном ее значении, вместе с тем отпадают и все связанные с этим подсчетом условности. И числитель, и знаменатель нашей дроби $Э/W$ выражен в полностью соизмеримых величинах — в рублях общественных издержек производства на данный объем продукции.

Правда, то же отношение можно было бы выразить и в соответствующих затратах труда, например в днях или часах. Но учет стоимости в трудовом измерении наталкивается на ряд других трудностей. Например, экономия затрат живого труда, подсчитанная непосредственно в часах, если на одном участке его сберегается высококвалифицированный, а на другом, наоборот,— только самый рядовой, подсобный труд, далеко не сравнимы по своему экономическому эффекту. А в учете издержек по оплате труда приведение сложного труда к простому уже предусмотрено тарифными расценками различных категорий труда и не требует никаких условных пересчетов. Не менее трудностей возникает при трудовом учете экономии в материальных издержках производства.

Выразить непосредственно в днях или часах стоимость сбереженных в производстве энергии, материалов и прочих элементов прошлого труда невозможно без тех или иных условных допущений. И, например, в учете производительности по валовой выработке на рабочего, рекомендуемой ЦСУ, экономия или перерасход элементов прошлого труда вообще не находят себе никакого отражения. А между тем при таком учете вполне возможны случаи, когда в погоне за высокими показателями производительности планируются такие мероприятия, при которых экономия в *живом* труде с излишком перекрывается дополнительными затратами труда, *овеществленного* в материальных издержках производства. Выработка на рабочего при этом возрастает, а производительность труда, исчисленная

правильно, по суммарным его затратам, падает. И это наиболее осязательно обнаруживает недостаточность даже для самых практических нужд планирования тех индексов производительности, какими ныне располагает наша статистическая практика. В самом деле, представим себе нелепое положение директора, который, по показателям статистики, должен *премировать* свой персонал за повышение производительности труда, а по показаниям бухгалтерии, вынужден *штрафовать* его за общее повышение издержек производства на единицу выпускаемой продукции!..

Возможность такого расхождения этих показателей на практике является прямым свидетельством наличия теоретической неувязки в их построении. А возможность в условиях хозрасчета *контролировать рублем* реальность любых показателей подтверждает, что за повышением издержек вполне закономерно снижаются и накопления предприятия и специальные фонды премирования, а стало быть, и возможность премирования за такое «повышение производительности», показатели которого сами обнаруживают в этом случае свою нереальность. Таким образом, за показателями бухгалтерии в этой специфической области учета приходится признать явное превосходство перед статистическими индексами нашей практики. А там, где статистика обобщает итоги бухгалтерии, оперируя в масштабах целых отраслей труда и всего народного хозяйства, она во всяком случае не должна расходиться в реальности своих выводов по сравнению с данными бухгалтерии.

Возможно, однако, и такое сочетание статистики с бухгалтерией, в котором они без всяких расхождений лишь подкрепляют и взаимно обогащают свои выводы, позволяя целесообразной группировкой своих данных облегчить их анализ и повысить научное значение. В частности, в таком тесном сочетании этих данных, начиная с самых низовых калькуляций общественных издержек производства в пределах каждого предприятия, а затем в группировках этих калькуляций по группам предприятий различного уровня производительности и рентабельности, мы усматриваем большие возможности улучшений в области *планирования* этих важнейших для нас качественных показателей. А, между прочим, в том же сочетании данных бухгалтерии и статистики, на мой взгляд, открывается и наиболее прямой путь перехода от денежного к трудовому учету всех издержек производства.

Некоторым практикам такой переход рисуется в слишком упрощенном виде. Достаточно, утверждают они, разделить стоимость материальных затрат в производстве на среднюю заработную плату за час в рублях, и тем самым мы определим уже эту стоимость в часах труда средней квалификации. А с прибавкой к этой сумме человеко-часов живого труда, фактически затраченных на обработку соответствующих предметов труда, мы получили бы, значит, и общую сумму затрат труда на данную продукцию. Это действительно очень просто, но не верно. Практики забыли, что в любом производстве за каждый человеко-час живого труда к стоимости материалов — c прибавляется не только оплата этого часа — v, но и вновь созданный за этот час продукт для общества — m. Значит, если, скажем, $v = 4$ руб., а $m = 3$ руб., то вся вновь созданная стоимость за час труда $v + m = 7$ руб. И если допускается, что в предметах прошлого труда овеществлялась за каждый час равная стоимость, то для перевода денежной стоимости c в трудовую надо ее делить не на 4, а на 7 руб., на *полную стоимость,* создаваемую за час. В противном же случае мы преувеличим оценку прошлого труда на 75%, что едва ли допустимо даже в самых непритязательных глазомерных прикидках.

Однако никто не обязывает нас к допущению столь грубых погрешностей. Труднее избежать тех ошибок, которые вытекают из различий в отклонении цен от стоимости в разных отраслях труда. Но, наладив учет стоимости по всем отраслям труда и сопоставляя ее с ценами соответст-

вующей продукции, возможно будет учесть и величину этих отклонений для каждой отрасли при переходе от денежных оценок к трудовым.

Конечно, для определения сдвигов в уровне общественной производительной силы по всему народному хозяйству в целом отраслевые отклонения цен от стоимости не имеют для нас особо существенного значения, поскольку они взаимно погашаются в общей оценке всего общественного продукта. Кроме того, в масштабе всего народного хозяйства облегчаются и трудности учета всего «прошлого» труда, ибо, подсчитав живой труд по всей производственной сфере за год, мы тем самым подсчитываем и весь прошлый труд, овеществленный за год в народном доходе на всех ступенях его производства. А поскольку наша статистика дает нам и динамику объемного роста этого дохода («в сопоставимых ценах») за все годы, то рост общественной производительности труда в целом по СССР может быть измерен примерно такими показателями (табл. 1).

Таблица 1

Рост производительности труда

Показатели	1940 г.	1950 г.	1955 г.	1957 г.
1. Рабочая сила в млн. человеко-лет	66,5	69,2	66,5	75,9
в %	100	104	108	114
2. Народный доход в млрд. руб. 1926/27 г.	128,3	210	(361) *	(427) *
в %	100	164	281	333
3. Доход на 1 работника в руб.	1 929	3 035	5 028	5 626
в %	100	157	261	292

* В скобках даны расчетные данные автора.

Конечно, в приведенном расчете имеются условности, требующие оговорок. В общем итоге рабочей силы производственной сферы колхозники учтены весьма приблизительно по числу отработанных ими трудодней, считая на человеко-день полтора трудодня и в году 265 рабочих дней. Еще менее точен учет труда единоличников и колхозников на приусадебных участках. Едва ли вполне сравнимы и данные об объеме народного дохода ЦСУ за все годы, поскольку были изменения за это время в методике его исчисления. Весьма условны и цены 1926/27 г. в применении к продукции 1940—1950 гг. Лучше было бы потребительную стоимость чистой продукции страны измерять не в рублях, а числом пайков определенного состава продуктов потребления, какое соответствует по *текущим* ценам всей стоимости народного дохода. Но в динамике ряда все такого рода условности и дефекты слабо сказываются. И внушительный прирост производительности по всему народному хозяйству почти в *три раза* всего за 17 лет, повидимому, не далек от истины. Еще внушительнее этот результат выражается в достигнутой *экономии* труда. Для производства народного дохода СССР в объеме 1957 г. по нормам затрат 1940 г. потребовалось бы до 221 млн. работников, и, значит, экономия времени за один лишь 1957 г. составляла до 145 млн. человеко-лет труда.

Гораздо чаще в повседневной практике нам требуется, однако, учитывать экономию затрат и производительности труда не в таком всеобъемлющем народнохозяйственном охвате, а в гораздо более узких *локальных* масштабах каждого завода, каждой отдельной из соревнующихся бригад или даже каждого рабочего за его станком в отдельности. В таких ограниченных местных масштабах к учету стоимости и производительности труда предъявляются особые требования и нужен особый подход. Вместо

общественной стоимости продукта с учетом всех ступеней его производства, здесь получается лишь *индивидуальная* их стоимость в данных конкретных условиях производства. Вместо *общественной* производительности труда, с учетом его затрат на всех ступенях производства,— только *локальная* производительность данного коллектива работников, на данном конкретном участке их труда. Однако и такая локальная успешность их труда определяется не только достигнутой экономией в затратах живого труда, но и той экономией или перерасходом материальных затрат на данном участке, какие можно получить только из сравнительной калькуляции всех издержек производства на этом участке труда за два смежных производственных цикла или периода.

Для иллюстрации таких калькуляций приведем следующий примерный расчет (см. табл. 2).

В приведенном расчете мы и прошлый труд переводим из рублей в часы по той же расценке (6 руб. за 1 час труда), какая вытекает из оценок *чистой* продукции базисного периода, т. е. исходит из допущения, что отклонением цен от стоимости в данном случае можно пренебречь и что эти цены еще не пересматривались в отчетном периоде. Но эти данные в человеко-часах мы рассматриваем лишь как контрольные к отчетным цифрам достигнутой экономии по издержкам прошлого труда в денежном их исчислении. С такой калькуляцией издержек справились бы, как мне кажется, на любом заводе. А между тем она дает не только итог достигнутой экономии затрат, но и все существенные элементы, из которых эта экономия складывается.

Как видим, наиболее значительная экономия получается за счет элементов живого труда. Причем, учитывая только долю труда «для себя» по так называемой себестоимости продукции, мы очень значительно снижаем общий итог экономии, получаемой за счет повышения производительности труда. Экономия затрат по издержкам на оплату труда за этот счет в нашем случае равна 300 тыс. руб., а вся экономия по вновь созданному продукту достигает 525 тыс. руб., т. е. в 1,75 раза больше. И это очень серьезный аргумент против нынешней практики калькуляции одной лишь себестоимости производимой продукции, при которой прирост «продукта для общества» вообще выпадает из учета.

Сопоставляя экономию затрат с общей суммой чистой продукции завода, легко убедиться, что экономия, исчисленная в рублях по нашей таблице, составляет всего 525 : 25 179 = 2,09%, в то время как та же экономия, выраженная в часах, достигает 204 : 4080 = 5%. Это расхождение объясняется тем, что труд различных категорий оплачивается по-разному. И, скажем, при *сдельной* оплате, по одним и тем же нормам выработки, не получается никакой экономии, хотя за счет фактического перевыполнения этих норм на 5% эта экономия в нашей таблице достигает 115 тыс. человеко-часов. В этом случае контрольный учет часов дает более правильную картину. Он обнаруживает, что фактическая оплата труда в отчетном периоде была *повышена* на 399 тыс. руб., или 2,9%, за счет чего снизилась учтенная экономия в денежном выражении. Без этого повышения фонд заработной платы составил бы, значит, 14388 тыс. руб.— 399 тыс. руб. = = 13989 тыс. руб., продукт для общества (75% от v) — 10492 тыс., а всего $v + m$ = 24481 тыс. руб. И вся экономия по чистой продукции за счет производительности труда в денежном выражении составила бы 1223 тыс. руб., или те же 5%, как это получается и по данным о затратах труда.

Однако экономия в затратах живого труда не исключает, а даже прямо предполагает дополнительные затраты энергии и орудий труда, обусловливающих повышенную эффективность живого труда. А вместе с тем наряду с повышением затрат по таким элементам, как износ орудий и расход энергии, обычно достигается известная экономия в предметах труда, подвергающихся обработке. В нашем примере суммарные затраты овеще-

Таблица 2

Заводские издержки производства

Статьи издержек	1955 г.		1956 г.				Экономия (+, —)	
			по нормам 1955 г.		по отчету			
	количество	на сумму	количество	на сумму	количество	на сумму	в тыс. руб. (гр. 5—гр. 7)	в тыс. час.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Овеществленный труд (*c*)								
1. Износ средств труда (в тыс. руб.)	—	3 000	—	3 213	—	3 300	—87	—
2. Энергия (в *квт-ч* и тыс. руб.)	. . .	3 600	. . .	3 856	. . .	3 960	—104	—
3. Материалы (в *т* и тыс. руб.)	. . .	26 400	. . .	28 274	. . .	28 132	+142	—
4. Услуги (в тыс. руб.)	—	3 000	—	3 213	—	3 213	0	—
Итого (в тыс. час. и тыс. руб.)	(6 000)	36 000	(6 426)	38 556	(6 434)	38 605	—49	—8
(в % итога)	60,0	60,0	60,0	60,0	61,2	60,5	—	—
II. Живой труд (в тыс. час. и тыс. руб.)								
А. Труд для себя (*v*)								
1. Производственный								
а) нормированный	2 560	8 960	2 742	9 597	2 627	9 597	0	+115
б) ненормированный	640	1 920	685	2 056	653	1 958	+98	+32
2. Обслуживающий								
а) ИТР и служащих	600	2 334	643	2 500	600	2 333	+167	+43
б) МОП и пр.	200	500	214	535	200	500	+35	+14
Итого — продукт для себя (*v*)	4 000	13 714	4 284	14 688	4 080	14 388	+300	+204
Б. Труд для общества ($m = 75\%\ v$)	—	10 286	—	11 016	—	10 791	+225	—
Итого ($v + m$) в тыс. час. и тыс. руб.	4 000	24 000	4 284	25 704	4 080	25 179	+525	+204
в % итога	40,0	40,0	40,0	40,0	38,8	39,5	—	—
Всего издержек ($c + v + m$) (в тыс. час. и тыс. руб.)	10 000	60 000	10 710	64 260	10 514	63 784	+476	+196
То же на 1 час труда (в тыс. руб.)	—	6,00	—	6,00	—	6,07	—	—

ствленного труда возрастают быстрее затрат живого труда, снижая общую экономию по всем затратам, что, конечно, должно сказаться и на показателях локальной производительности рабочих, занятых на данном участке труда.

В приведенной калькуляции вся валовая продукция в неизменных ценах возрастает за год из расчета на час живого труда с 15 руб., до 15 р. 75 к., т. е. на 5%. Тот же результат получается, если мы попросту экономию живого труда 204 тыс. час. отнесем к общему итогу его затрат (4080), независимо от размеров валовой продукции. Этот показатель обычно и принимается у нас за меру прироста производительности данной группы рабочих. Но если учесть, что экономия в живом труде в 204 тыс. час. потребовала *перерасхода* средств труда, созданных *на другом* участке труда или позаимствованных из запасов *прошлых* лет, на сумму 49 тыс. руб., или около 8 тыс. час., то реальная экономия труда на данном его участке составит только около 196 тыс. час. при общей их затрате в 4080 тыс. час., т. е. не свыше 4,8%. В случае *экономии* на средствах труда мы получили бы прирост производительности выше 5%. Но в том и другом случае мы получаем более точное представление о достигаемой экономии рабочего времени, с учетом и прошлых и текущих его затрат, по сравнению с общепринятым ныне методом валовой выработки.

Мы не сомневаемся, конечно, что для разных специальных задач и в различных отраслях труда могут быть использованы и другие методы. В дискуссиях последнего времени было затронуто слишком много экономических проблем, по которым нет еще необходимой договоренности. А между тем она необходима. Было время, когда казалось, что одна творческая голова может за всех разрешить все проблемы. И лишенный доверия коллективный разум, оставаясь за ненадобностью без работы, почивал на покое. Но органы и функции без повседневного упражнения, как известно, атрофируются. И на экономическом фронте очень многие головы старшего возраста разучились, а более молодые не успели научиться думать самостоятельно, без затасканных цитат и повторов. Но с этим печальным наследием недавнего прошлого, к счастью, уже покончено.

Нерешенных старых и повседневно возникающих новых вопросов накопилось у нас очень много. Над ними задумывается немало людей. Затеваются публичные дискуссии. Созываются совещания. Коллективный разум вступает в свои права. Но для достаточной авторитетности его решений требуется и коллектив достаточно широкий. Много лет тому назад созывались не только совещания, но и большие съезды. Был, например, очень плодотворный съезд электриков. Были и съезды плановиков. Может быть, назрело уже время подготовить и созвать Всесоюзный съезд экономистов? Думаю, что для обсуждения на нем нашлось бы достаточно вполне назревших конкретных проблем.

Коллективный разум в наши дни не должен дремать!

XII. ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОВОЙ ТЕХНИКИ[1]

Вопрос об эффективности новой техники — это один из важнейших частных вопросов, вытекающих из самой общей проблемы народнохозяйственного планирования. Как можно с *наименьшими* затратами добиться в *кратчайший* срок *максимальных* народнохозяйственных достижений? Эта самая общая экономическая задача на максимум и минимум не может быть, однако, решена в общем виде без разложения ее на ряд более частных и гораздо более конкретных. Например, если за максимум достижений мы примем максимальный объем продукции в ее потребительном значении, то немедленно встанет задача, при каких пропорциях распределения этой продукции будет достигнут *максимальный* эффект в удовлетворении всех общественных потребностей. И в каких пропорциях следует распределить при этом наличные ресурсы прошлого и живого труда для удовлетворения выявленного оптимума потребностей с *минимальными* затратами этих ресурсов. И какое распределение этих ресурсов между производством средств производства и предметов потребления решает поставленные перед нами задачи без излишнего напряжения наличных сил в *кратчайшие* сроки?

Решая последнюю из этих задач, мы как раз и сталкиваемся с проблемами новой техники. Никакая экономия времени, а стало быть, и никакое ускорение в развитии хозяйства невозможно без повышения уровня техники, а обновление техники неизбежно предполагает дополнительные вложения в отрасли тяжелой индустрии. Средства производства должны обгонять в своем росте увеличение предметов потребления и численность армии трудящихся, ибо без этого немыслим рост вооруженности труда, а стало быть, и его производительности.

Лишь в меру удешевления и расширения средств и предметов труда в первом подразделении возможно также и удешевление и расширение производства средств существования трудящихся.

Все это обусловливает обязательное, как объективный *закон* экономики, опережение в развитии первым подразделением второго. Трудной проблемой является здесь лишь та *мера опережения* вложений в первое подразделение, которая может быть признана достаточной и необходимой в конкретных общественно-исторических условиях, и соответствующее распределение капиталовложений. Дело в том, что, чем быстрее растут вложения в средства труда, тем медленнее повышается уровень благосостояния, и, наоборот, чем больше вложений будет использовано непосредственно на рост благосостояния, тем медленнее будет возрастать уровень техники на данном этапе ее развития. А задача заключается в том, чтобы найти *оптимальный* план распределения этих вложений, который обеспечил бы максимально достижимый уровень и техники и благосостояния трудящихся за счет планомерного опережения в росте первой на заданном отрезке времени.

Генеральный план хозяйственного строительства и должен быть прежде всего таким планом размещения капитальных вложений во времени и пространстве.

---

[1] С. Г. Струмилин. Очерки социалистической экономики СССР. Госполитиздат, 1959.

1. О КРИТЕРИЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

В процессе непрерывного технического прогресса все средства труда — машины и орудия — постоянно обновляются. Одни из них, отслужив свой срок, заменяются за ветхостью и негодностью новыми машинами и орудиями того же образца или равной производственной мощности, другие же вытесняются из производства даже досрочно, если им на смену поступают новые, технически более совершенные и *экономически более производительные*. При этом мы сталкиваемся с понятием «новая техника». В это понятие мы включаем не все машины и орудия, *заново* внедряемые в производство, а лишь те из них, которые технически наиболее совершенны и *производительнее* всех других средств труда того же назначения и представляют собой в этом смысле, на данный момент, последнее слово науки и техники. Таким образом, понятие «новой» техники весьма *динамично*, ибо то, что еще вчера было *новой* техникой, в результате дальнейших ее успехов назавтра становится уже техникой *устарелой*.

В чем же сказывается эффект новой техники?

Как видно уже из самого понятия новой техники, основным экономическим эффектом обновления устарелой техники является использование технического прогресса в качестве решающего фактора *повышения производительности труда*. Это значит, что новая техника должна обеспечить либо увеличение количества продукта на единицу затрат труда, либо снижение этих затрат на единицу продукта, либо и тот и другой эффект одновременно, что во всех этих случаях означает *удешевление* создаваемой продукции, т. е. снижение ее *стоимости*. Таков *основной* эффект внедрения новой техники.

Побочными эффектами внедрения ее в условиях социализма можно считать также облегчение труда, повышение его безопасности и оздоровление условий работы. Однако и эти побочные эффекты, даже такие элементарные, как улучшение освещения производственных цехов или кондиционирование воздуха, не только улучшают самочувствие рабочих, но и заметно повышают их *производительность*. Поэтому рост производительности труда, или, что то же, соответствующее *снижение стоимости* создаваемой *продукции*, во всех случаях может служить вполне объективной *мерой эффективности* внедряемой нами новой техники.

Снижение стоимости продукции всегда содействует расширению производства в меру достигнутой экономии затрат общественного труда. Следовательно, эффект внедрения новой техники можно измерить и *приростом продукции* — $\Delta П$ (в натуре или в неизменных ценах) в результате такого внедрения при *неизменном* количестве и качестве использованной при этом рабочей силы. Однако такой эффект не дается задаром. Расширение производства, даже без соответствующего прироста рабочей силы, как правило, предполагает затрату дополнительных капитальных фондов — $\Delta Ф$ на полное обновление или частичную модернизацию действующей техники. И потому, лишь сопоставляя ожидаемый эффект внедрения новой техники — $\Delta П$ с необходимыми для этой цели затратами — $\Delta Ф$, мы получаем вполне пригодный измеритель эффективности такого внедрения. Полученный показатель эффективности, в котором измеряемый эффект, скажем, прирост продукции, обусловленный внедряемой техникой, исчисляется на единицу соответствующих вложений — $\Delta П : \Delta Ф$, можно назвать мерой *удельной* эффективности новой техники различного рода и назначения. При достаточной сопоставимости таких измерителей они могли бы стать ценнейшим показателем планового внедрения наиболее прогрессивных видов техники.

Нужно лишь помнить, что не всякое расширение производства происходит в результате внедрения новой техники. Расширенное воспроизводство материальных благ возможно и на базе давно уже *освоенной* техники и технологии труда. Можно сказать даже больше. Доля новой и новейшей

техники в общей сумме ежегодных вложений в средства производства занимает обычно далеко не первенствующее место. Большинство новых предприятий обычно по инерции массового производства строится в основном по старым типовым проектам, образцам и шаблонам. И в этом случае, если даже эти шаблоны и образцы еще не устарели, воспроизводство их в расширенном объеме потребует и расширения затрат труда и вложений в *том же объеме,* т. е. не обеспечит никакого *повышения* производительности труда за счет технического перевооружения, а стало быть, не даст и никакого эффекта, измеряемого приростом продукта на единицу вложений.

В более общем случае, поскольку вложения в старую и новую технику практически неотделимы, мы сможем измерить этим выигрышем в продукции лишь *суммарную* эффективность *всех* вложений, независимо от их назначения. Хотя, конечно, чем большую долю в общих вложениях, в том или ином их сочетании, займут вложения в *новую*, более прогрессивную технику, тем значительнее будет и эффект этих общих вложений.

Отсюда заключаем, что понятие «эффективность новой техники» можно рассматривать лишь как частный случай эффективности капитальных вложений в средства производства вообще. И в том и в другом случае эффект определяется новой техникой и исчисляется приростом продукции на единицу вложений. Но во втором случае (эффективность *всех* вложений) величина вложений — $\Delta\Phi$, в знаменателе дроби — $\Delta\Pi/\Delta\Phi$, охватывая вложения и в новую и в старую технику, больше, а стало быть, общая величина показателя меньше, чем в первом случае.

Мы знаем, что производительность труда определяется не только уровнем техники, но и различным *качеством* труда, применяемого в тех или иных случаях. Но различия в квалификации, или интенсивности, труда, в среднем по целым отраслям производства, невелики. К тому же такие различия в качестве труда легко учесть и устранить из расчета путем приведения более ценного для нас сложного труда к простому при помощи различной их тарифной расценки. Стоит лишь для этого учет затрат труда *по времени* заменить учетом их в более сопоставимых *фондах зарплаты.* И тогда мерой эффективности новой техники можно будет уже безусловно признать *весь* учтенный нами прирост продукции на единицу такого приведенного к простому труда.

В понятие внедряемой новой техники мы включаем не только новые машины и прочие средства труда, но и *новые методы* их использования, позволяющие осуществить более высокий уровень механизации труда и автоматизации производства и более прогрессивную технологию всех трудовых процессов. Конечно, новая техника всегда внедряется и функционирует наряду со старой. В связи с этим и ее эффективность может быть измерена лишь в сопоставлении с нормами эффективности этой старой, уже ранее освоенной техники и технологии. Но для этого требуется прежде всего найти меру сравнимости всех видов уже внедренной и вновь внедряемой техники и самых многообразных технических мероприятий. Общим для них всех признаком является лишь то, что все они стоят труда, т. е. обладают большей или меньшей *стоимостью.* А потому и соизмерить сравнительную их значимость мы можем только теми затратами труда, которые требуются для их внедрения в производство. Это облегчает и сопоставимость таких затрат с их эффектом, т. е. с той экономией в затратах, какая ожидается от внедрения новой техники (в трудовом или в денежном выражении).

«...Производительность машины.— по Марксу,— измеряется той степенью, в которой она замещает человеческую рабочую силу» [1]. Распространяя это определение на всю совокупность машин и орудий, входящих в состав внедряемой новой техники, можно сказать, что и совокупная про-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 402.

изводительность этих средств труда измеряется тем же эффектом от их внедрения, т. е. той степенью, в которой они *экономят* человеческую рабочую силу, замещая ее собою. В этом случае эффект новой техники, измеряемый экономией человеческого труда, и по названию отождествляется с понятием *производительности машин* и прочих средств труда.

Заслуживает, однако, внимания и следующее высказывание Маркса: «Специфическое развитие общественной производительной силы труда в каждой отдельной сфере производства различно по степени, выше или ниже в зависимости от того, каково количество средств производства, приводимых в движение определенным количеством труда, или — при данном рабочем дне — определенным числом рабочих, т. е. оно обратно пропорционально количеству труда, требуемого определенным количеством средств производства» [1].

В отличие от органического состава капитала, где отношение $c : v$ означает отношение постоянного капитала к переменному *по стоимости*, в данном случае Маркс имеет в виду технический состав тех же элементов, т. е. отношение их *в натуре* (*количества* средств производства *к числу* рабочих). Этот показатель *технической вооруженности* труда (обозначим его дробью $Фн/Тж$, где $Фн$ — основной производственный фонд в натуре или в неизменных ценах, а $Тж$ — приводящая этот сам по себе мертвый фонд *в движение* живая рабочая сила) в условиях социализма приобретает особо важное значение. Органический состав наших фондов $c : v$, где символу v соответствует переменный фонд одной лишь *индивидуальной* оплаты труда, без все возрастающих добавок по фондам общественного потребления, уже теперь теряет всю свою определенность, а со временем, в условиях коммунистического принципа распределения, и вообще утратит всякий смысл. Но значение показателя технической вооруженности труда как наиболее объективного мерила уровня техники и темпов роста его производительности в стране будет непрерывно возрастать.

В приведенной трактовке производительной силы труда, последняя рассматривается Марксом как прямая функция средств производства, приводимых в движение определенным количеством труда. Правда, в понятие средств производства входят, помимо средств труда, и предметы труда, и даже инертные стены, вмещающие весь процесс производства. Однако труд в этом процессе вовсе не приводит в движение стены; совершенно пассивную роль выполняют в нем и подвергаемые обработке предметы труда. И, стало быть, самую активную роль в процессе производства выполняют лишь приводимые в движение рабочей силой *средства труда,* поскольку, вооружая живой труд все более мощными генераторами дешевой механической энергии и все более совершенными орудиями труда, эта новая техника *повышает* его производительность. Вот почему во всех случаях, когда новая техника внедряется в порядке *модернизации* устарелой, без расширения рабочих помещений и прочих пассивных элементов производственного процесса, удельная ее эффективность, по формуле $Э = \Delta П : \Delta Ф$, будет при прочих равных условиях много выше, чем в случаях *нового строительства,* ибо, при неизмененных числителях, знаменатель этой дроби $\Delta Ф$ будет значительно меньше, включая дополнительные вложения только на новое оборудование — этот наиболее активный элемент средств производства.

2. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Уяснив себе основные понятия удельной эффективности новой техники на единицу вложений и самого эффекта, за меру которого можно принять достигаемую за счет внедрения новой техники экономию затрат или соот-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 178—179.

ветствующий этой экономии выигрыш в продукции, мы тем самым как будто приобретаем уже вполне надежные критерии и предпосылки для измерения этой эффективности на практике. Но, к сожалению, наша практика и доныне не располагает еще общепризнанной методологией таких измерений, пробавляясь в затянувшейся дискуссии на эту тему лишь теми или иными «временными» методиками и прочими суррогатами недостающих решений.

Спорным оказался прежде всего вопрос *об исчислении экономии текущих затрат*. Как ее исчислять? По так называемой себестоимости или по полной стоимости изготовляемой продукции? А если по стоимости, то в каких именно модификациях она проявляется у нас, в условиях социализма? И как ее можно определять в этих условиях?

В обоснованиях экономической целесообразности проектируемых строительных объектов наши практики обычно исходят из сравнительной *себестоимости* продукции в сопоставляемых вариантах, по разности текущих затрат определяют возможную их экономию на заданный объем продукции и затем исчисляют сроки окупаемости потребных вложений по каждому из сопоставляемых вариантов. Срок окупаемости определяется при этом очень простой формулой:

$$(C_1 - C_0) : (S_0 - S_1) = t \text{ лет}, \qquad (1)$$

где в делителе учтена годовая экономия текущих затрат, а в делимом — разность начальных вложений. Варианты с кратчайшими сроками окупаемости таких вложений объявляются наиболее эффективными, и, без дальнейшего анализа получаемого эффекта, задача отбора лучших вариантов считается решенной. Однако в таком решении скрываются весьма существенные дефекты.

Один из них давно уже отмечен критикой. Снижая себестоимость продукции на $(S_0 - S_1)$ за счет новых вложений $(C_1 - C_0)$, мы, несомненно, получаем положительный эффект, ибо при данном уровне цен как раз на эту сумму повышаем *прибыль* данного предприятия. А если при этом срок окупаемости снижается, то, значит, повышается и *норма* рентабельности, измеряемая величиной этой добавочной прибыли на единицу добавляемых вложений. В данном случае эта норма выразится величиной $n = (S_0 - S_1) : (C_1 - C_0)$. Нетрудно заметить, что эта величина $n = {}^1/_t$ в формуле наших практиков. Иными словами, предлагаемый ими показатель эффективности вложений ровно ничем не отличается от давно известной капиталистическому миру нормы прибыли, несмотря на то что ныне она стыдливо выступает перед нами в совсем необычном виде — вверх ногами, вниз головой,— и *повышение* рентабельности поэтому именуется *понижением* сроков окупаемости.

В чем же дефект такого подхода?

И в условиях социализма расширенное воспроизводство не мыслится без соответствующих норм накопления. Вполне целесообразно для сопоставлений с уровнем рентабельности капиталистических предприятий использование и таких показателей их рентабельности, как норма прибыли. И незачем даже прятаться при этом за сроки окупаемости. Нужно лишь помнить принципиальное различие в основных законах социализма и капитализма. Лишь в условиях капитализма высшим законом поведения и критерием всех оценок является устремление к наиболее высоким нормам прибыли. Социалистическое общество в интересах всех трудящихся ставит своей задачей обеспечить им возможно полное удовлетворение всех их потребностей. А этому в наибольшей мере соответствует не самая высокая рентабельность производства, а наиболее высокая мера производительности труда при минимальных его затратах. Это весьма различные критерии

оценок. А потому и эффект вложений в новую технику с применением того или иного из этих критериев может оказаться весьма различным.

Впрочем, рентабельность не могла бы стать надежной мерой эффективности новой техники и по другой причине. Та или иная норма прибыли определяется не только уровнем техники, но и уровнем цен, которые в условиях капитализма под влиянием конкуренции капиталов разного органического состава следуют закону средней нормы прибыли. А это значит, что, отклоняясь от стоимости, эти так называемые цены производства в отраслях труда с высоким уровнем техники повышаются сравнительно с индивидуальной стоимостью и падают в отраслях с низким уровнем как раз в такой степени, что все они становятся *равно* рентабельными, и тем самым показатели рентабельности теряют всю свою ценность в качестве меры эффективности технического прогресса.

Не могли бы служить этой задаче нормы рентабельности и в условиях нынешнего ценообразования в СССР, хотя и по другой причине. У нас, как известно, накопления перераспределяются через цены из тяжелой промышленности в легкую, из отраслей с высшим уровнем техники — в отрасли с более низким ее уровнем, т. е. в обратном направлении по сравнению с требованиями закона цен производства. И тому, кто вздумал бы у нас по уровню рентабельности судить об эффективности больших вложений в технику, пришлось бы заключить, что наиболее эффективным является низкий уровень техники.

Вот почему там, где цены являются рычагом значительного перераспределения стоимости в межотраслевом разделении труда, рентабельность разных отраслей не может служить мерилом эффективности вложений в них вообще и эффекта новой техники в частности и в особенности. Но и в условиях полного совпадения цен со стоимостью продуктов теория, усматривающая меру сравнительной эффективности вложений в нормах их рентабельности, не выдерживает даже снисходительной критики. Дело в том, что между вложениями и накоплениями нет непосредственной функциональной зависимости.

Разлагая стоимость любого продукта на ее элементы $(c + v + m)$, где c — перенесенный *прошлый* труд, величина которого зависит только от размеров вложений в средства труда и сроков их службы, а $(v+m)$ представляет собой совокупность оплаты труда — v и накопления — m, т. е. новую стоимость, создаваемую только *живым* трудом, убеждаемся, что вложения *прошлого* труда вовсе не участвуют в создании *новой* стоимости, а стало быть, и всех накоплений. Это азбука марксизма. Но, вооружая живой труд достижениями новой техники, такие вложения прошлого труда могут повысить его производительность, т. е. количество *потребительных* благ, создаваемых трудом в единицу времени, совершенно независимо от полученных при этом *накоплений* за счет вновь созданной стоимости. Именно поэтому прямым эффектом новой техники нужно считать не рентабельность соответствующих ей дополнительных вложений, а только тот добавочный прирост продукции в потребительном ее значении, который определяется этой новой техникой и ничем иным. При ином подходе, с ориентировкой на рентабельность вложений или пресловутые сроки их окупаемости могут получиться и совсем иные, а подчас заведомо неверные оценки в определении их эффективности.

Поясним это примером такой калькуляции по двум вариантам проектировки на один и тот же объем продукции, исходящей из уже достигнутых в данной отрасли производства норм и пропорций (см. табл. 1).

Как видим, в обоих вариантах вложения в новую технику сокращают текущие затраты живого труда, по первому варианту — на 2,5 %, а по второму — даже на 7%. И это дает преимущество второму варианту. Если же судить по их сравнительной рентабельности, то первый вариант, требуя меньше вложений, определенно рентабельнее второго. Но и первый

Таблица 1

Эффективность дополнительных вложений в новую технику
(цифры условные)

Показатели на 1 млн. *т* продукта	Норма	Варианты I	Варианты II
1	2	3	4
Основные фонды — Φ (в тыс. руб.)	1 000	1 100	1 200
В том числе дополнительные вложения — $\Delta\Phi$		100	200
Издержки производства (в тыс. руб.)			
1. Амортизация (5% от Φ) c_1 . .	50	55	60
2. Энергия и материалы c_2 . . .	950	950	950
Итого прошлого труда c	1 000	1 005	1 010
3. Заработная плата (v)	200	195	186
Итого по себестоимости ($c + v$)	1 200	1 200	1 196
4. Накопление (75% от v) m	150	146,3	139,5
Всего по стоимости ($c + v + m$)	1 350	1 346,3	1 335,5
Экономия издержек и срок окупаемости			
1. По себестоимости:			
в тыс. руб.	—	0	4
в % от $\Delta\Phi$	—	0	2,0
Срок окупаемости (в годах) . .	—		50
2. По стоимости			
в тыс. руб.	—	3,75	14,5
в % от $\Delta\Phi$	—	3,75	7,25
Срок окупаемости (в годах) . . .	—	26,5	13,8
Рабочая сила (в % от нормы) . .	100	97,5	93

и второй варианты в этом отношении стоят ниже отправной нормы. И если руководствоваться нормами рентабельности или сроками окупаемости дополнительных вложений, исходя из калькуляций *себестоимости*, как это принято в нашей практике, то оба варианта пришлось бы сразу же забраковать. Дело в том, что в первом варианте снижение заработной платы на 2,5% только возмещает возросшие затраты на амортизацию дополнительных капитальных вложений. Никакого *снижения* себестоимости этот вариант предприятию не сулит. И, конечно, с точки зрения частного предпринимателя, такие вложения, не обещающие ему при данном уровне цен никакой дополнительной прибыли, ничем не могут быть оправданы. Не устроит его никак и перспектива окупить, по второму варианту, свои вложения за 50 лет, если средняя норма прибыли в стране значительно выше 2%. И новая техника, не обещающая ему более значительных эффектов, в условиях *частного* предпринимательства внедрена не будет.

Карл Маркс уже в первом томе «Капитала» отмечал, что для *капитала* применение машин «целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы» [1]. Но с точки зрения интересов всего общества внедрение новой техники целесооб-

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 404.

разно в значительно более широких пределах, а именно в пределах *всей экономии* по затратам труда, независимо от размеров экономии по оплате труда. А, как видно из приведенного расчета, она значительно выше и в абсолютных цифрах и по срокам окупаемости соответствующих вложений.

Практика, которая суживает эти пределы, считаясь в своих расчетах эффективности новой техники только с экономией по себестоимости и вовсе игнорируя таким образом весь *продукт для общества*, несомненно, отражает опыт уже пройденной ступени, опыт капиталистического прошлого. В ней ясно отражается один из многих еще в нашем быту пережитков капитализма в сознании людей. С ним пора, однако, покончить, ибо он может стать тормозом технического прогресса в СССР.

В наших условиях в отличие от капиталистических устремлений максимум вложений направляется не в те отрасли производства, какие обеспечивают максимальную норму прибыли, например не в легкую и пищевую промышленность, а в такие, как машиностроение и энергетика, которые даже при минимальной рентабельности обещают нам максимальный рост вооруженности и производительности труда во всем народном хозяйстве. В плановом хозяйстве капитальные вложения распределяются прежде всего в той пропорции между разными отраслями труда, какая вытекает из заранее учтенной *потребности* общества в продукции разного назначения. На этой стадии планирования соображения о различной рентабельности разных отраслей труда, таким образом, никакой роли не играют, тем более что сравнительная рентабельность разных отраслей в последнем счете определяется уровнем плановых цен, устанавливаемых по калькуляции на те или иные продукты, и, стало быть, с изменением уровня техники может заметно меняться. И лишь с той минуты, когда планом уже определены объекты необходимого нового строительства или модернизации устаревших заводов заданной производственной мощности, возникает новая задача: спроектировать эти объекты с учетом всех достижений новейшей техники в данной отрасли труда и, стало быть, с максимальной удельной эффективностью потребных вложений.

Эта задача обычно и решается нашими проектантами методом вариантных приближений к оптимальному эффекту. Для решения такой задачи в общем виде нет еще общепризнанной методики и готовых шаблонов, пользуясь которыми можно было бы загрузить электронно-счетную машину нужным количеством заданных параметров, чтобы извлечь из нее через известное число секунд *оптимальное* решение. Задача в каждом отдельном случае решается конкретно и с большим числом допусков, требуя от проектантов очень разносторонних конкретных знаний и очень сложной *творческой* работы по комбинированию этих знаний в завершенных проектных решениях. Это не всегда по силам даже большим коллективам. И потому в каждом частном случае такая задача должна быть ограничена строго определенными лимитами. Одним из таких лимитов обычно является производственная программа строительного объекта, другим — масштаб допустимых вложений на заданную программу. И тогда на долю творческих усилий проектантов остается такое техническое решение, которое обеспечит наиболее *дешевую* продукцию при заданных вложениях, что и определит основной экономический эффект этого решения.

В таком простейшем случае, при равенстве и продукции и вложений в сопоставляемых вариантах, выбор лучшего из них, исходя из текущих затрат на единицу продукции или по суммарной экономии в стоимости всей продукции заданного объекта, не представляет никаких трудностей. Однако гораздо чаще приходится сопоставлять варианты, в которых удешевление продукции получается за счет возрастающих вложений. Например, сопоставляя первый и второй варианты приведенной выше таблицы, мы усматриваем, что годовая экономия в стоимости продукции

по второму варианту по сравнению с первым достигает 14,5 тыс. руб.— 3,75 тыс. руб. = 10,75 тыс. руб., но зато по первому варианту экономится 100 тыс. руб. капитальных вложений. Непосредственно эти величины несопоставимы, ибо капитальные вложения служат не один, а десятки лет. Спрашивается, как же их привести к сопоставимому виду?

В качестве первого приближения можно бы рекомендовать такой, например, подход. Сберегая по первому варианту по сравнению со вторым из наличных ресурсов средств труда фонд в 100 тыс. руб. в данной отрасли труда, мы тем самым сохраняем за собой возможность использовать его эффективно в любой другой. Но поскольку нам еще неизвестно, куда именно придется направить этот фонд, и вероятности использования его в любой из отраслей труда можно считать равными, то и эффективность вложений из этого фонда можно принять лишь по *средней норме* для всего народного хозяйства. Допустим, что такая средняя норма нам уже известна. Допустим, что при наличном темпе обновления техники производительность труда в стране ежегодно возрастает на 6%, а экономия в производстве на каждую сотню рублей новых вложений при этом может составить, скажем, 5 р. 70 к. Тогда весь годовой эффект по первому варианту, с учетом вложенных в данный объект средств труда и сбереженных фондов — для вложений в другие объекты,— определяется в 3750 + 5700 = = 9450 руб. из расчета на 200 тыс. руб. возможных вложений. По второму варианту соответствующий эффект, при равной сумме вложений, составит 14 500 руб. и, стало быть, при прочих равных условиях заслуживает предпочтения.

Однако тот или иной вариант можно считать оптимальным лишь в том случае, если в нем учтены все лучшие технические решения и другие привходящие обстоятельства, в связи с чем возникают новые проблемы.

3. О ЗАМОРАЖИВАНИИ НОВОЙ ТЕХНИКИ

Некоторые авторы готовы эффективность новой техники измерять не достигаемой *за счет техники* экономией в труде или за счет соответствующей *доли прироста* валовой продукции, а *общим ее приростом* за определенный период, независимо от тех факторов, какие его обусловили, или, что то же, общим *темпом расширенного воспроизводства* этой продукции при заданном объеме вложений.

С такой концепцией, в частности, выступал в Гостехнике в январе 1957 г. известный теплотехник З. Ф. Чуханов. Резюмируя свой доклад «Об эффективности новой техники», он говорил: «Единственно правильным методом сравнения эффективности различных способов производства в условиях социалистического хозяйства является сравнение при одинаковых условиях коэффициента расширенного воспроизводства P, или, что в принципе одно и то же, построение «графика эффективности» производства, то есть графика увеличения выпуска ежегодной продукции».

К сожалению, т. Чуханов не приводит в своем докладе такого графика. Но, утверждая, что ежегодный прирост продукции за последние две пятилетки составлял около 15%, не считая фондов амортизации на «простое воспроизводство» изношенного оборудования в 5%, он заключает: «Таким образом, при нормальном функционировании каждые 100 млн. капиталовложений дают государству не менее 20 млн. рублей средств на воспроизводство». И это дает известное представление о рекомендуемой им методике исчислений коэффициента расширения, который должен служить мерой эффективности новой техники. Для определения этой меры ему вполне достаточно знать динамику капиталовложений и ежегодные приросты объема валовой продукции. Количество рабочей силы, необходимой

для этих приростов, его не интересует. Как будто техника может создать что-либо и без затрат труда. И в этом первый порок этой концепции.

Второй порок ее заключается в том, что за меру эффективности вложений принимается динамика *валовой* продукции, без учета сдвигов в ее составе, а между тем эти сдвиги весьма существенны. Так, например, структура издержек производства советской промышленности с 1932 по 1955 г. изменилась следующим образом [1]: (см. табл. 2).

Таблица 2

Сдвиги в структуре валовой продукции

Элементы издержек	1932 г.	1955 г.
1. Материалы	47,5	66,1
2. Топливо и энергия	6,0	6,2
3. Денежные расходы (услуги)	7,4	3,1
Итого (1—3)	60,9	75,4
4. Амортизация	3,5	3,4
Всего материальных затрат (c)	64,4	78,8
5. Заработная плата (v)	30,0	19,8
6. Начисления на зарплату	5,6	1,4
Всего издержек ($c+v$)	100,0	100,0

Как видим, доля затрат прошлого труда возрастает значительно быстрее затрат труда живого. Отношение $c:v$ за 23 года возросло с 215 до 398 руб. материальных затрат на 100 руб. заработной платы, или на 85%. Это очень серьезный сдвиг, которым нельзя пренебрегать. Он означает, что чистая продукция, или народный доход, как и следовало ожидать, растет у нас, как и везде, медленнее валовой продукции [2]. Но затраты прошлого труда, требуя полного возмещения в производстве, не создают никакого дополнительного эффекта сверх того, что дает прирост *чистой* продукции, и потому темпы роста валовой продукции, как *заведомо преувеличенные* по сравнению *с реальным ростом* народного дохода (и по стоимости, и по объему), не могут служить мерой эффективности вложений в новую технику.

Переходя в расчетах от себестоимости к полной стоимости продукции, с учетом «продукта для общества» по нормам 1955 г. и считая $m = 0{,}75\ v$, найдем, что доля чистой продукции в 1955 г. составит около 30,6% от валовой, а для 1932 г. она будет не меньше 44,8%. Исходя из этих соотношений, можно определить и темпы роста чистой продукции. Основные производственные фонды промышленности, учтенные на 1 октября 1928 г., составляли, включая электростанции, 10,7 млрд. черв. руб. по тогдашним ценам. К 1932 г. они возросли в неизменных ценах в 2,42 раза [3]. Известны масштабы и дальнейшего их роста — по полной стоимости, без вычета

[1] «Социалистическое строительство СССР». М., 1936, стр. 32; «Народное хозяйство СССР в 1956 году», 1957, стр. 100.

[2] Валовая продукция растет по преимуществу в результате повторного счета материальных ее элементов, в то время как износ средств труда и зарплата учитываются лишь однажды, и потому удельный вес их падает в итоге издержек по сравнению с материалами.

[3] Социалистическое строительство СССР». М., 1934, стр. 36.

износа, в сопоставимых ценах [1]. Пользуясь этими данными в сопоставлении с итогами численности рабочих и служащих и динамикой их продукции, получаем такую картину (см. табл. 3).

Таблица 3

Показатели объемного роста промышленности *

Годы	Основные фонды (в млрд. руб.)		Рабочая сила (в тыс.)		Продукция в млрд. руб. (в расчете на уровень цен 1926/27 г.)			
					валовая		чистая	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	по объему	по стоимости
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1928	10,7	100	(5 600)	100	21,5	100	10,1	10,1
1932	25,9	242	8 000	143	43,3	202	19,4	14,4
1937	57,2	535	10 112	181	95,5	446	39,8	18,3
1940	83,1	777	10 967	196	138,9	646	69,3	19,8
1945	81,6	763	9 508	170	127,5	593	46,9	17,2
1950	127,9	1 195	14 144	253	240,6	1 119	81,1	25,6
1955	219,1	2 048	17 367	310	444,8	2 069	136,1	31,3
1956	243,2	2 273	18 457	330	492,4	2 290	147,7	33,3

* Исчислено на основании данных, опубликованных в статистическом справочнике «Народное хозяйство СССР в 1956 году», стр. 34, 50, 52.

Фонды и продукция приведены здесь к уровню цен 1926/27 г. по итогам первой и второй пятилеток. Допуская, что чистая продукция с 1928 г. растет пропорционально затратам живого труда, мы исчислили ее динамику не только по объему, но и по стоимости, в соответствии с ростом всей рабочей силы. Как видим, валовая продукция СССР до 1940 г. росла с отставанием от роста вложений, а затем за 1945—1956 гг. она заметно опережает рост фондов (386 : 298 = 130%). Динамика этих показателей за военные годы (1941—1945) не показательна, и мы на ней не останавливаемся. Чистая продукция за все 28 лет выросла всего в 14,6 раза, в то время как валовая увеличилась в 22,9 раза. Но в сопоставлении с фондами и чистая продукция в своем росте за довоенные годы заметно отстает от первых, а за 1946—1956 гг. уже опережает их (314 : 289 = 105%). И это как будто свидетельствует о возрастающей эффективности вложений. Однако динамика объема продукции определяется не только вложениями, но и ростом рабочей силы. А потому раньше всяких выводов необходимо расчленить действие каждого из этих двух факторов, взятых в отдельности. В отличие от т. Чуханова эффектом вложений в новую технику мы считаем лишь ту долю прироста продукции, какая получается за счет повышения производительности труда. По расчетам ЦСУ, эта доля за 1929—1932 гг. составляла 51% от всего прироста продукции, за вторую пятилетку — 79, за 1940—1950 гг.—69, за 1951—1955 гг.—68% [2]. Можно оспаривать точность подобных расчетов. Но нельзя считать эффектом *вложений* весь прирост продукта, когда мы увеличиваем его заведомо и за счет возрастания *рабочей силы.*

В нижеследующем расчете мы определяем интересующий нас эффект вложений ориентировочно в следующих цифрах (см. табл. 4).

Как видим, хотя в абсолютных размерах ежегодный прирост чистой продукции за послевоенные годы и возрос с 4,9 млрд. до 9,1 млрд. руб.,

---

[1] «Промышленность СССР». М., 1957, стр. 16; «Народное хозяйство СССР в 1956 году», стр. 38.

[2] «Народное хозяйство СССР в 1956 году», стр. 41.

Таблица 4

Показатели эффективности вложений
(в среднем за год)

Годы	Основные фонды (в млрд. руб.)		Прирост чистой продукции за год		Эффект вложений в среднем за год		
	в среднем за год	прирост за год	в млрд. руб.	в % к гр. 2	в млрд. руб.	в % к гр. 2	в % к гр. 4
1	2	3	4	5	6	7	8
1929—1932	18,3	3,8	2,3	12,6	1,17	6,4	51
1933—1937	41,6	6,3	4,1	9,9	3,24	7,8	79
1938—1940	70,2	8,6	9,8	14,0	7,64	10,9	78
За 12 лет	41,0	6,0	4,9	12,0	3,65	8,9	74
1946—1950	104,8	9,3	6,8	6,5	3,47	3,3	51
1951—1955	173,5	18,3	11,0	6,3	7,48	4,3	68
1956	243,2	24,1	11,6	4,8	7,08	2,9	61
За 11 лет	148,6	14,7	9,1	6,1	5,62	3,8	62
За 23 года	92,5	10,2	6,9	7,5	4,59	5,0	67

но в процентах к величине основных фондов он упал с 12 до 6,1%, т. е. почти вдвое. Вместе с тем упала и та доля прироста, какую мы можем рассматривать в качестве прямого эффекта вложений, с 74 до 62% всего прироста. А в общем, в отношении к основным фондам, этот эффект в среднем за все 23 года не превышает 5%. Это ровно *втрое меньше* той средней нормы в 15%, которую желает получать З. Ф. Чуханов, ориентируясь на коэффициент расширенного воспроизводства валовой продукции.

В ориентировочных расчетах не приходится добиваться слишком большой точности, в особенности если мы имеем дело с такими показателями, как основные фонды, в момент, когда они как раз подлежат еще переучету по восстановительной их стоимости. Но ошибка т. Чуханова не счетного, а принципиального характера. Игнорируя вовсе такой фактор расширенного воспроизводства, как живая рабочая сила, и приписывая весь эффект возрастания продукции росту капитальных вложений, он явно сползает с обязательных для всякого марксиста теоретических позиций. А отсюда и неверный расчет. Промышленная продукция СССР выросла по объему за 28 лет в 22,9 раза. Если б такой рост наблюдался при неизменном числе рабочего персонала, то его можно было бы объяснить за счет новой техники, повысившей эффективность живой рабочей силы. Но поскольку нам известно, что и рабочий персонал за те же годы возрос в 3,3 раза, то на долю технического прогресса остается уже только часть валового прироста, пропорциональная отношению 22,9 : 3,3 = 6,9. И это означает просчет уже не на десятки, а на целые сотни процентов. Но такая точность даже в наиболее ориентировочных инженерных расчетах делает последние совершенно непригодными.

Эффективность вложений можно измерять и в процентах основных фондов. Однако этот показатель эффективности вложений отнюдь не соответствует понятию рентабельности, измеряемой нормой прибыли в условиях капитализма. Прибыль образуется как разность между себестоимостью и отпускной ценой продукта даже при стабильной производительности труда. А эффект от обновления техники проистекает из другого источника, и природа его совсем иная. Не создавая новой стоимости, новая техника вовсе не приумножает вложенных в нее *капиталов* и, стало

быть, в этом смысле не служит задачам *расширенного их воспроизводства.* Она увеличивает лишь *потребительную* стоимость выпускаемой при ее посредстве продукции. И источником этого увеличения является уже не труд, а используемые им даровые силы природы.

Этого, по-видимому, не усвоил т. Чуханов и впал в новую серьезную ошибку. Это видно уже из того, что свой «коэффициент расширения» он измеряет по объекту прироста продукции, без анализа составляющих его элементов. Полагая, что прирост объема валовой продукции должен служить задачам расширенного воспроизводства, он уподобляет этот прирост понятию прибыли в условиях капитализма. Если капитал не приносит хозяину ожидаемой прибыли, то он рассматривает это как прямой себе *ущерб.* «Этот ущерб определяется,— по словам т. Чуханова,— как сумма недополученной (по сравнению с максимальной при нормально протекающем строительстве) прибыли на вложенный капитал». В условиях социализма, заменяя прибыль приростом продукции, т. Чуханов требует, чтобы и *недополученный прирост продукции,* по сравнению с установленной им нормой в 15% от суммы вложений в технику, рассматривался как *ущерб.* И, мало того, он требует, чтобы этот «ущерб» включался в учет полной себестоимости, сверх всех фактических затрат прошлого и живого труда. Аналогией и здесь для него служит «цена производства, включающая, кроме издержек производства, также среднюю норму прибыли», которая к тому же определяет, по его мнению, и «полную стоимость» продукции.

В этом словоупотреблении проявляется лишь полное смешение таких категорий политической экономии, как цена производства, стоимость и себестоимость, причем полная себестоимость, по Чуханову, даже превышает стоимость, известную нам по Марксу, включая в себя сверх прошлого и живого труда и еще нечто неведомое даже Марксу. Учитывая, однако, что т. Чуханов — теплотехник, а не экономист, мы не стали бы предъявлять ему слишком преувеличенные требования в этой области. Можно было бы даже поставить ему в заслугу, что, не преклоняясь ни перед какими «догмами», он смело выступает в качестве новатора в политической экономии социализма. К сожалению, вместо достижений творческого марксизма у него получилась пока только новая погудка на старый, капиталистический лад.

Особое внимание т. Чуханов уделяет ущербу от «замораживания» капиталовложений в *строительстве* производственных предприятий. Исходя из своего требования, чтобы каждые 100 млн. руб. вложений давали ежегодный прирост продукции на 15 млн. руб., т. Чуханов думает, что вложения в строительную технику до пуска строящегося объекта в эксплуатацию «бездействуют», и исчисляет мнимый ущерб от этого мнимого бездействия. Однако это наивнейшее заблуждение. Разве в результате строительства не получается ежегодного прироста продукции? Или вложения в новую строительную технику не повышают производительность труда? Нужно еще доказать, что эффективность вложений в строительство ниже, чем соответствующий эффект вложений в другие отрасли производства, прежде чем исчислять вытекающие отсюда потери или выгоды. А статистика свидетельствует, что темпы роста производительности труда в строительстве не ниже, чем в промышленности.

З. Ф. Чуханов считает почему-то «замороженными» и те вложения в технику эксплуатируемых предприятий, которые заведомо действуют и, повышая в них производительность труда, тем самым увеличивают объем создаваемой в них продукции. И он хотел бы этот *положительный эффект* под названием «ущерба от замораживания вложений» записать *в расход* в качестве издержек производства, распределив этот мнимый расход пропорционально вложениям в технику различных предприятий. Включая этот «расход» в издержки по статье, именуемой им «полные амортиза-

ционные начисления», т. Чуханов достигает поистине изумительных результатов.

Ратуя за повышение уровня техники, он, во-первых, предлагает эффект от ее внедрения рассматривать как ущерб народному хозяйству. Затем, распределяя этот «ущерб» между отдельными производствами в пропорции, обратной эффективности их техники, он сам лишает себя возможности определить, какая же из них в действительности эффективнее. И, наконец, завышая нормы амортизации в предприятиях с наиболее высоким уровнем техники, он тем самым уже прямо *штрафует* их за внедрение прогрессивной техники.

Мы думаем, что не поздоровилось бы новой технике от таких ее пропагандистов и теоретиков, как З. Ф. Чуханов.

Но особенно печальные выводы от применения его теории получаются для развития наиболее высокой и прогрессивной техники в производстве гидроэлектроэнергии. И эти выводы на первый взгляд как будто подкрепляются современной ориентацией в строительстве электростанций. Но это только на первый взгляд.

Если учесть различные сроки строительства тепловых и гидроэлектростанций и коренную проблему предстоящего семилетия, проблему максимального выигрыша времени в соревновании с капиталистическим миром, то станет вполне понятной установка новой плановой семилетки на преимущественное строительство *тепловых* станций. Фактор времени в этом случае является решающим, и, как известно, мы будем строить *главным образом* тепловые станции. Однако не только их. Ведь отдавая должное фактору времени, мы не можем оставлять без учета и такие качества гидростанций, в которых они, несомненно, превосходят тепловые, в особенности если отвлечься от более длительных сроков строительства и учитывать весь срок эксплуатации тех и других. З. Ф. Чуханов готов вообще отказаться от строительства гидростанций. И в этом с ним никак нельзя согласиться.

Если забыть на время о таких новаторских идеях т. Чуханова, как «замораживание» новой техники в наиболее эффективных ее проявлениях, то вполне объективное сопоставление показателей тепловых и гидроэлектростанций не оставит никаких сомнений в техническом и экономическом превосходстве гидроэлектростанций. Правда, из расчета на 1000 квт установленной мощности они в среднем примерно в 2,5 раза дороже тепловых, но зато себестоимость 1 квт-ч энергии на них раза в четыре с лишним дешевле. Не располагая отчетными данными по всем издержкам производства электроэнергии, мы все же можем представить их в таком примерно сопоставлении (см. табл. 5).

Приведенные соотношения ясно отражают преимущества гидроэлектростанций по сравнению с тепловыми и по стоимости энергии (в 4—5 раз), и по выработке ее на одного работника (раз в 5), и по энерговооруженности (раз в 6), и по органическому строению фондов (раз в 15). Кроме того, при средней стоимости электроэнергии в 9,9 коп. за 1 квт-ч тепловые станции являются явно убыточными в размере 0,1 коп. на каждый киловатт-час [1], а прибыль гидростанций в 7,7 коп. на 1 квт-ч, несмотря на высокие капиталовложения, делает их вполне рентабельными. По нашей калькуляции годовая прибыль гидростанции с продукцией электроэнергии в 800 млн. квт-ч по 7,7 коп. составила бы 61,5 млн. руб., или 8,2% к основным фондам, исчисленным в 750 млн. руб.

Дополнительных капитальных затрат для замены тепловой станции гидростанцией потребовалось бы на 1 млн. установленных киловатт мощности максимум около 2250 млн. руб. [2] при годовой экономии в эксплуа-

---

[1] Фактические цены достигают в среднем 12,8 коп.

[2] С учетом вложений в угольную промышленность для тепловых станций гораздо меньше.

тации около 427 млн. руб. И если измерять эффективность вложений сроком их «окупаемости», то и этот срок (около пяти лет) не вызвал бы возражений даже со стороны такого патриота теплотехники, как З. Ф. Чуханов. Но его сильно подводит принятая им теория «замораживания» вложений в долговременные сооружения. Он начинает исчислять свои «полные» амортизационные начисления, и, получив 30 коп. одних

Таблица 5

Сравнительные показатели производства электроэнергии на тепло- и гидроэлектростанциях *

Показатели / Род станций	Тепловые	Гидростанции	В общем
1	2	3	4
1. Установленная мощность (в тыс. *квт*)	1 000	200	1 200
2. Срок амортизации (в годах)	20	100	27
3. Продукция за год (в млн. *квт-ч*)	4 700	800	5 500
4. Основные фонды — *Ф* (в млн. руб.)	1 500	750	2 250
5. Производственный персонал (чел.)	6 000	200	6 200
6. Издержки производства (в млн. руб.)			
а) материалы	22	2	24
б) топливо и энергия	284	—	284
в) амортизация	75	7,5	82,5
г) прочие	17	5,7	22,7
Итого материальных затрат (c)	398	15,2	413,2
д) заработная плата (v)	72	2,4	74,4
Итого себестоимость ($c+v$)	470	17,6	487,6
е) продукт для общества ($m = 0{,}75\ v$)	54	1,8	55,8
7. Всего по стоимости ($c+v+m$)	524,0	19,4	543,4
То же за 1 квт-ч (в коп.)	11,2	2,4	9,9
В том числе по себестоимости	10,0	2,2	8,9
8. Выработка на 1 работника (в тыс. *квт-ч*)	783,0	4 000,0	887,0
9. Строение фондов ($Ф : v$)	20,8	312,0	30,2
10. Энерговооруженность труда (в *квт*)	167,0	1 000,0	194,0

* Цифры условные. Однако они отражают действительную структуру мощностей.

лишь этих начислений на 1 квт-ч гидроэнергии, при полной его стоимости в 2,5 коп., он, вместо того чтобы поставить себе при такой оказии термометр под мышку и холодный компресс на голову, открывает кампанию против гидроэлектростроительства. Конечно, преувеличив совершенно произвольно раз в тридцать норму амортизации вложений в гидроэнергетику, легко «доказать», что энергия гидростанций много дороже, чем тепловых, и обосновать безусловное предпочтение этим последним.

Исчисляя норму амортизации на погашение износа гидростанции в 30 коп. на 1 квт-ч вместо 1 коп., Чуханов тем самым хочет полностью амортизировать ее не за 100 лет, а всего за 3,1 года. А затем что с ней делать? Выбросить, что ли? Это совершенно бредовая идея. И, чтобы удостовериться в этом, не нужно быть великим математиком.

4. О ФАКТОРЕ ВРЕМЕНИ

Среди многих привходящих обстоятельств особое значение в оценке эффективности вложений имеет учет фактора времени при различных сроках строительства проектируемых объектов и разных сроках службы завязанных в эксплуатации средств труда. Дело в том, что технический прогресс, неуклонно повышая производительность живого труда, тем самым в результате так называемого «морального» устарения действующей техники столь же неуклонно обесценивает все уже овеществленные в ней плоды труда прошлого. Стоимость любых орудий труда, как и всех иных продуктов, определяется не фактически овеществленными в них затратами труда, а средними общественно необходимыми по условиям их *воспроизводства* в тот или иной момент затратами. Таков объективный экономический закон производства. И если внедряя новую технику, мы повышаем производительность труда в народном хозяйстве, скажем, на 6%, то вместе с удешевлением всей новой продукции на 5,7% [1] в той же пропорции обесценятся и все действующие и бездействующие производственные фонды страны. И если эти фонды подвергаются переоценке, то изменяется и их реальная эффективность, отнесенная к новой, восстановительной их оценке.

Однако производственное значение машин и орудий не меняется в результате таких переоценок их по стоимости. И потому во всех случаях, когда изучается *производственный* эффект обновления техники в расширенном ее воспроизводстве, растущий объем средств труда надлежит сопоставить в неизменных ценах, без всякой переоценки. О производственном эффекте средств труда, впрочем, можно говорить лишь за тот период, когда они находятся в действии. Бездействующее оборудование не может создать никакого положительного эффекта. Но с увеличением сроков службы действующих средств труда до полного их износа или замены в результате устарения производственный эффект их возрастает. И при сопоставлении вариантов с разными сроками вступления в действие и выбытия из него различных производственных фондов оценка их эффективности без учета фактора времени может оказаться весьма дефектной. Дело в том, что ежегодный эффект внедренной техники, выраженный объемом добавочной продукции или в неизменных ценах этого объема, не меняется во времени, а стоимость его в условиях технического прогресса неуклонно из года в год снижается.

Мерой стоимости продукта, как известно, является овеществленный в нем труд. При этом принимается, что за единицу времени, скажем за человеко-час труда, всегда создается *равное* количество новой стоимости. Известно также, что стоимость можно выразить и в денежной форме. Поэтому построение динамических стоимостных рядов производится в денежном выражении, в ценах любого года, принимаемого за базис для динамических сопоставлений. Возвращаясь к разным вариантам вложений и допуская, что уровень техники в проектируемых объектах остается за весь срок их службы неизменным, а средний уровень производительности труда в связи с обновлением техники во всей стране будет ежегодно возрастать на 6%, мы получим такой суммарный эффект по каждому из них за ряд лет из расчета на 100 тыс. руб. начальных вложений (см. табл. 6).

Как видим, и суммарный эффект вложений за целых 36 лет по второму варианту (по объему и по стоимости) выше, чем по первому, в том же отношении, как и за один первый год на 53%. Говоря иначе, учет воздействий фактора времени в этом случае ничего не меняет. И это понятно, ибо оба объекта функционируют одновременно. Но допустим, что в связи с различными сроками строительства второй объект вступит в строй, скажем, на пять лет позже первого, и мы убедимся, что эффект этого варианта

[1] 100 : 106 = 94,3%.

Таблица 6

Эффект вложений в новую технику
(на 100 тыс. руб., цифры условные)

Годы	Производительность труда	I вариант			II вариант		
		по объему	по стоимости		по объему	по стоимости	
			за 1 год	за все годы		за 1 год	за все годы
1	2	3	4	5	6	7	8
Базис	100	4 725	4 725	4 725	7 250	7 250	7 250
1	106	4 725	4 458	4 458	7 250	6 840	6 840
2	112,4	4 725	4 204	8 662	7 250	6 450	13 290
3	119,1	4 725	3 967	12 629	7 250	6 087	19 377
4	126,2	4 725	3 744	16 373	7 250	5 745	25 122
5	133,8	4 725	3 531	19 904	7 250	5 419	30 541
10	179,1	4 725	2 638	34 782	7 250	4 048	53 369
20	320,7	4 725	1 473	54 199	7 250	2 261	83 164
30	574,3	4 725	823	65 044	7 250	1 262	99 805
36	814,7	4 725	580	69 090	7 250	890	106 013

по стоимости сразу резко снизится на 30,5 тыс. руб. Снизятся и его преимущества по сравнению с первым, а при разрывах в сроках пуска до 10 лет эти преимущества окажутся в данном примере уже на стороне первого варианта.

С устарением техники эффект начальных в нее вложений падает в геометрической прогрессии обратно пропорционально возрастанию производительной силы труда. Так, например, при темпах этого возрастания в 6% за год начальный эффект, равный, скажем 10% вложений, через 10 лет не превышает 5,5%, через 30 лет падает до 1,8%, а через 40 лет становится уже меньше 1%, через 100 лет снижается до 0,03% и т. д. Поэтому различные сроки службы внедряемой техники сверх обычных 30—40 лет уже не играют существенной роли в учете ее эффективности, тем более что запроектировать с достаточной точностью рост производительности труда даже на пять лет вперед не всегда удается, а при расчетах эффективности на 50 лет вперед и выше возможная их точность, несомненно, будет много ниже вероятной ошибки. Но в пределах более кратких периодов эксплуатации обновляемой техники ожидаемое продление или сокращение сроков службы этой техники с учетом фактора времени может оказать заметное влияние на величину измеряемого эффекта. В таких случаях игнорировать этот фактор не следует.

Здесь уместно сделать следующее замечание. Задержка в пуске новой техники в эксплуатацию хотя бы на один год чревата такими потерями в ее эффективности, которые не возмещаются продлением службы этой техники сверх 30 лет даже за 6 лет (—6840 и +6208). В связи с этим большое внимание уделяется «замораживанию» капитальных вложений в длительном строительстве тех или иных объектов. Однако, исчисляя вытекающие отсюда потери, не следует забывать, что и строительная отрасль промышленности, как и все другие, в условиях технического прогресса повышает производительность труда и, стало быть, вложения в нее могут быть даже более эффективными, чем, скажем, в металлургические заводы или большие гидростанции с наиболее длительными сроками строительства. Известно, в частности, что в 1950—1956 гг. производительность труда в промышленности выросла на 54%, а в строительстве — на 60% [1].

[1] «Народное хозяйство СССР в 1956 году», стр. 40.

И, стало быть, далеко не всякие вложения в строительство «замораживаются» в нем безрезультатно.

Истина всегда конкретна. А потому и в оценке эффективности вложений по вариантам с разными сроками строительства лучше всего подсчитать ее конкретно за все годы действия этих вложений, начиная с первого года строительства. При этом может оказаться, что уже за годы строительства гидростанции, например Братской ГЭС, благодаря конкретным условиям ее проекта будут получены такие выгоды, которые полностью или даже с избытком перекроют потери в эксплуатации готовой станции, обусловленные длительностью этого строительства.

И еще одно замечание о факторе времени. Мы учитываем связанный с ним эффект внедрения новой техники за тот или иной срок в единицах *стоимости.* Но ни одна денежная валюта не обладает высокими качествами этой трудовой валюты. И даже наиболее устойчивый золотой рубль, покупательную способность которого можно бы признать достаточно стабильной по отношению к другим товарам, по отношению к стоимости, создаваемой, скажем, за один человеко-час труда, является в условиях технического прогресса *падающей* валютой. И потому одну и ту же стоимость средств труда, скажем на 100 золотых рублей по оценке базисного года, через год при заданном росте производительности труда пришлось бы оценить в 106 руб. золотом, через два — в 112,4 руб. в той же валюте и так далее с возрастанием за каждый год по сложным процентам.

В таком случае, поспешат заключить апологеты капиталистической эксплуатации труда, все предприниматели, требуя в такой падающей валюте проценты на свой капитал, только полностью возмещают действительную стоимость своих капитальных затрат. Где же тут эксплуатация чужого труда?

Однако это слишком поспешный вывод. Если бы все предприниматели извлекали из производства в виде процентов только эквивалент своих вложений в средства труда, то они никогда не выполнили бы основной своей задачи — приумножения своих капиталов и обогащения. Если падает стоимость рубля, то растут товарные цены. И капиталисты ничего на этом не теряют, а даже кое-что выигрывают, оплачивая рабочую силу падающим рублем. А если при этом в результате технического прогресса средства труда дешевеют, то предпринимателю предоставляется возможность не только восстановить полностью их износ за счет извлекаемых из производства сумм амортизации, но даже приумножить производственную мощность обновляемых средств труда для расширенного воспроизводства его основной продукции. Однако все прочее, чего требует капитал *сверх* эквивалента,— это уже от лукавого.

Конечно, предпринимателю свойственно добиваться, чтобы его капитальные затраты окупались и дважды, и трижды. Но в *наших* условиях даже самый термин «окупаемость» в применении к таким категориям политической экономии, как норма прибыли или проценты на капитал, звучит грубой фальшью и режет ухо грамотного марксиста. Там, где каждому предпринимателю монопольное владение средствами производства предоставляет возможность, помимо возмещения своих затрат, извлекать еще и приличную норму прибыли из неоплаченного труда своих рабочих, он не столько окупает этим свои затраты, сколько попросту весьма бесцеремонно залезает в чужой карман. И этот его акт в условиях капитализма ничем уже — ни тюрьмой, ни иными санкциями,— к сожалению, не «окупается».

Таким образом, источник обычной нормы прибыли ясен. Это продукт дополнительного труда рабочих, который в условиях капитализма попросту присваивается их хозяевами, а в условиях социализма обращается рабочими уже в собственных своих интересах на общественное потребление и расширение производства.

Но эффекты, вытекающие из внедрения новой техники, не следует отождествлять с теми эффектами, какие определяют нормальную рентабельность производства. Средняя норма прибыли обеспечивается всем предпринимателям в условиях капитализма и при *стабильном* уровне техники. А внедрение новой техники на том или ином участке общественного производства, являясь новым источником повышения рентабельности, каждый раз лишь нарушает уже установившееся равенство норм прибыли в предприятиях с различным строением капиталов. Эффект внедрения новой техники прежде всего является результатом творческих усилий ума изобретателей, двигающих вперед технический прогресс. Но это лишь капля в море никем не оплаченного умственного труда, ибо той же цели служат и общие успехи всей мировой науки и культуры всех времен и народов. Говоря иначе, эффекты новой техники, кто бы их ни присваивал, нельзя приписывать отдельным коллективам трудящихся на том или ином предприятии. Они являются в основном результатом *всеобщего* труда, а потому и принадлежать должны, подобно всем даровым благам природы, никому в частности и всему обществу в целом, как это имеет место в условиях советской социалистической экономики.

5. СТОИМОСТЬ ИЛИ ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА

В наши дни как будто не осталось экономистов, которые, признавая действие закона стоимости в условиях социализма, упорно отрицали бы возможность учета стоимости в этих условиях. Положение «закона» такой непознаваемой стоимости становилось тем безнадежнее, что и никакого будущего за ним не признавалось, поскольку во второй фазе коммунизма сама категория стоимости предполагается отпавшей, а что придет ей на смену, пока неизвестно. С законом «непознаваемой» стоимости нечего было делать, и его игнорировали на практике, а закон, по-видимому, все же действовал, в свою очередь игнорируя эту практику.

Теперь большинство советских экономистов уже не сомневается в необходимости считаться с этим законом, учитывая не только себестоимость, но и полную *стоимость* создаваемой в стране продукции. Особенно актуальной эта проблема становится для учета и планирования эффективности капитальных вложений в новую технику. Но здесь возникают новые сомнения. А как же именно и в каких модификациях подлежит учету стоимость в наших социалистических условиях?

Наряду с классической трактовкой понятия стоимости Марксом в первом томе «Капитала» ряд экономистов ставит на обсуждение при этом, как более для нас предпочтительную, ту модификацию этого понятия, которую Маркс анализирует в третьем томе «Капитала» под названием «превращенная форма стоимости», или «цена производства» [1]. И, хотя этого мнения придерживаются лишь немногие советские экономисты, с ним следует посчитаться.

Практически различие между стоимостью и ценой производства сводится здесь к тому, что прибавочная стоимость — m в межотраслевом ее распределении по закону стоимости создается пропорционально *переменному* капиталу или живому труду — v, по формуле $m_1 : v_1 = m_2 : v_2 = m_3 : v_3 = q$ const., а в ценах производства та же прибавочная стоимость — m перераспределяется пропорционально всему авансированному капиталу $v + C = K$ по формуле: $m_1 : \kappa_1 = m_2 : \kappa_2 = m_3 : \kappa_3 = n$ const., где n означает среднюю норму прибыли. Теоретически же предпочтение, отдаваемое второй формуле перед первой, означало бы с нашей стороны

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, гл. IX. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 168—188.

сползание на чуждые нам позиции капиталистической практики в ценообразовании.

Впрочем, поступила уже в обращение и третья концепция, эклектически объединяющая обе первые, утверждая, что «стоимость прибавочного продукта», присоединяемая к «себестоимости» его для получения полной «общественной стоимости», образуется пропорционально «массе живого труда, занятого в данной отрасли, и объму основных и оборотных фондов, закрепленных обществом за данной отраслью»[1]. Здесь как будто предлагается руководствоваться тем же отношением $m : (v + C) = q$, или $m : K$, но только не в стоимостном, а в *натуральном* измерении. Но как себе мыслит автор сложение рабочей силы с объемом постоянных фондов, пока неизвестно.

Казалось бы, что только вульгарные экономисты, возводящие идею самовозрастания капитала в незыблемую догму своей теории, могут и в практике цен производства усматривать логическое завершение своей теории. Марксистов, рекомендующих исчислять *стоимость*, подменяя ее *ценами производства*, которые заведомо и вполне закономерно отклоняются от стоимости, по-видимому, гораздо менее беспокоит необходимость логической связи между собственной теорией и практикой.

Конечно, они могут сослаться на факт господствующей практики цен производства во всем капиталистическом мире и, рассматривая социализм лишь как переходную ступень ко второй фазе коммунизма, заключить, что до тех пор, пока у нас все еще сохраняются товарные отношения, унаследованные от прошлой эпохи, из этого наследия отнюдь еще не исключены и цены производства, независимо от той или иной теории.

Однако и в оценке фактов следует исходить из правильно освещающей их теории. В частности, в отношении цен производства мы находим в теории Маркса вполне достаточное объяснение их возникновения для того, чтобы предвидеть и неизбежный конец их применимости. Маркс давно уже показал нам, что в простом товарном производстве цены соответствовали требованиям *эквивалентности* товаров в обмене, и, стало быть, *нормой* был обмен их по стоимости в точном смысле этого слова. Стойкие отклонения цен от стоимости в товарообмене с равнением в этих отклонениях на прошлый труд вместо живого стали возможны лишь в условиях капиталистических отношений в результате *конкуренции* частных капиталов между собою за максимальную норму прибыли[2]. Никаких других причин для утверждения в стихийной практике капиталистического рынка таких цен производства, кроме конкуренции частных предпринимателей, не было. И, стало быть, с устранением этой единственной их причины должна отпасть и вызванная ею практика ценообразования.

Но обобществление всех средств производства, реализованное в результате Октябрьской революции, радикально раз и навсегда устранило у нас конкуренцию частных капиталов, ликвидировав заодно и весь класс российских капиталистов. Конкурировать за равную норму прибыли у нас уже некому. Это и означает конец ценам производства — этой, по выражению Маркса, *внешней* форме товарной стоимости, «которая выступает в процессе конкуренции, следовательно, в сознании обыкновенного капиталиста, а значит и в сознании вульгарных экономистов»[3]. Так это дело понимал Маркс.

Цены производства в условиях капитализма Маркс объяснял тем, что «товары обмениваются не просто как *товары*, но как *продукты капиталов*,

---

[1] И. Малышев. Использование закона стоимости в плановом хозяйстве. «Плановое хозяйство», 1957, № 7, стр. 72.

[2] К. Маркс. Капитал, т. III, гл. X «Выравнивание общей нормы прибыли посредством конкуренции». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 189—218.

[3] Там же, стр. 217.

которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их величин — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости»[1]. Анализируя случай, когда «сами рабочие владеют соответствующими средствами производства и обменивают свои товары друг с другом», Маркс подчеркивает, что стоимость их дневного продукта с учетом потребленных средств производства была бы очень различна, в зависимости от совокупной стоимости последних. Тем не менее при прочих равных условиях каждый из них за день создал бы равное количество *новой* стоимости, которую можно рассматривать как заработную их плату плюс прибыль. И хотя индивидуальные нормы прибыли при таком анализе были бы очень различны, каждый из них при эквивалентном обмене получил бы за вычетом стоимости авансированных постоянных элементов за продукт своего дневного труда равную стоимость. «Таким образом,— заключает Маркс,— при этом предположении различие норм прибыли было бы безразличным обстоятельством»[2].

Еще более безразличным обстоятельством является такое различие норм прибыли в условиях СССР, где вся прибыль поступает в один карман и перераспределяется в любом направлении. Кстати сказать, мы уже лет сорок и не исчисляем никаких норм прибыли, настолько они нам безразличны были до сих пор. Но зато нашим рабочим и крестьянам далеко не безразлично любое отклонение цен от стоимости в товарообмене города и деревни.

По теории Маркса, закон стоимости в отличие от закона цен производства управляет ценами и движением цен не в одной, а в целом ряде экономических формаций. «Это относится к таким общественным условиям, когда работнику принадлежат средства производства»[3],— поясняет свою мысль К. Маркс в «Капитале». Но ведь и в СССР средства производства принадлежат работникам. В другом месте, имея в виду уже заведомо социализм, в той его самой ранней фазе, когда он *только что выходит* из капиталистического общества и сохраняет еще родимые пятна старого общества, Маркс опять-таки предвидит в нем не «цены производства», а такой принцип распределения, по которому «известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой»[4], т. е. предвидит действие закона стоимости в его классической форме *эквивалентного обмена.* Так этот принцип трактуется и ныне в теоретическом органе нашей партии[5].

Особого внимания заслуживает частный случай, когда мы имеем дело с производством *одного и того же товара* на предприятиях различного технического уровня. В этом случае цена этого товара остается, конечно, одной и той же, независимо от различного уровня издержек производства, а рентабельность вложений в наиболее передовых предприятиях быстро в связи с удешевлением продукции возрастает. Некоторые экономисты готовы усмотреть в этом *росте* рентабельности вслед за возрастанием вложений проявление закона цен производства. Но это явное самообольщение. Закон цен производства предполагает *равенство* нормы прибыли, а в данном случае мы получаем *рост* ее, который противоречит закону цен производства, но вполне объясняется в условиях действия закона стоимости как прямой эффект возрастающих вложений в более прогрессивную технику.

Поясним это следующим сопоставлением (см. табл. 7).

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 192.

[2] Там же, стр. 193.

[3] Там же, стр. 194.

[4] К. Маркс. Критика Готской программы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 19.

[5] С. Ковалев. Пережитки капитализма в сознании людей и пути их преодоления. «Коммунист», 1957, № 3, стр. 33.

Таблица 7

Показатели предприятий разного уровня техники (цифры условные)

Показатели \ Предприятия	Отсталое	Рядовое	Передовое	Итого
1	2	3	4	5
1. Основные фонды (в тыс. руб.)	54 000	60 000	66 000	180 000
2. Число рабочих	1 100	1 000	900	3 000
3. Продукция (в тыс. *т*)	1 840	2 000	2 160	6 000
Выработка рабочего (в %)	84	100	120	100
4. Издержки производства (в тыс. руб.)				
а) материальные (c)	23 920	26 000	28 080	78 000
б) заработная плата (v)	8 800	8000	7 200	24 000
Итого ($c + v$)	32 720	34 000	35 280	102 000
в) продукт для общества (m)	6 600	6 000	5 400	18 000
5. Индивидуальная стоимость (W_i)	39 320	40 000	40 680	120 000
6. Общественная стоимость (W_0)	36 800	40 000	43 200	120 000
7. Эффект вложений $Э = W_0 - W_i$				
в тыс. руб.	—2 520	—	+2 520	—
в % основных фондов	—4,7	—	+3,8	—
8. Фактическое накопление ($m + Э$)				
в тыс. руб.	4 080	6 000	7 920	18 000
норма прибыли в (%)	7,6	10,0	11,0	10,0

Если бы в наших предприятиях производились продукты различного назначения, например хлеб, уголь, цемент, то сопоставление их по массе произведенной потребительной стоимости оказалось бы неосуществимым, и продукт для общества — m, создаваемый живым трудом, изменялся бы здесь в прямой пропорции к затратам этого труда. Но в нашем случае все три предприятия дают один и тот же продукт, скажем, уголь, и при равном его качестве и цена его будет равная —20 руб. за тонну. А между тем затраты на тонну угля в связи с различной производительностью труда в них не равны. Экономию или перерасход этих затрат против средней нормы мы и рассматриваем в качестве *эффекта* различных вложений в технику. Нетрудно заметить, что этот эффект как раз равен разнице между общественной и индивидуальной стоимостью продукции. Закон стоимости при этом не терпит, стало быть, никакого ущерба. А фактическая рентабельность передовых предприятий повышается по сравнению со *средней* нормой накоплений как раз на величину этой экономии затрат, вытекающей из индивидуальных различий капиталовооруженности и производительности труда в этих предприятиях.

Норма прибыли при этом не обнаруживает никакой тенденции к выравниванию в предприятиях различного уровня техники. А если б мы попытались искусственно ее выравнять в процессе ценообразования, то пришлось бы вопреки здравому смыслу и законам экономики один и тот же товар продавать по разным ценам, например, сталь с передовой Магнитки продавать много дешевле стали самых отсталых металлургических заводов. И это никчемное выравнивание нормы рентабельности лишь затруднило бы нам правильное соизмерение сравнительной эффективности различных вложений в обновление техники, создавая ложное впечатление, что любые вложения, даже самые нерациональные, *равно эффективны,* ибо в равной мере рентабельны.

Таким образом, ни для какого уклона в сторону цен производства оснований в нашей теории нет. Что же касается нашей практики ценообра-

зования, то в ней такой ясности доныне не чувствовалось. Вполне понятно, что практики не имеют достаточно времени, чтобы слишком углубляться в *теорию* планирования цен в совершенно новых экономических условиях, когда стихия рынка уже не приходит им на помощь в этой нелегкой задаче. В таких условиях нетрудно и заблудиться в каких-нибудь идеологических пережитках прошлого, тем более что и теоретики, игнорируя закон стоимости, не спешили к ним на помощь. Во всяком случае за много лет планирования цен только один из прямых в нем участников, освободившись от своей нагрузки в этой практике, удосужился написать целую диссертацию о ценообразовании в СССР. Автор этой давнишней книги Ш. Турецкий, в отображении всей кухни тогдашнего ценообразования был, несомненно, на высоте своих задач. Он сам ведь стряпал в этой кухне. Ему, как говорится, и книги в руки. Но при всем том теоретическая ценность отображенной им практики поражает своим убожеством.

Цены планировались, по-видимому, от случая к случаю, скорее ощупью, чем следуя определенным общим теоретическим критериям. Не руководствуясь ни законом стоимости, ни превращенной его формой цен производства в поисках этих критериев, эта практика пыталась нащупать некую золотую середину между идеями Маркса и вульгарных экономистов, предлагая за норму рентабельности советских предприятий принять отношение $m:(C+v)$. В отличие от нормы прибыли $(m:K)$, предполагающей, что накопление создается капиталом, и нормы накопления $(m:v)$, по которой оно создается только живым трудом, мы в этой эклектической отсебятине практиков находим «примирение» этих противоположных концепций, ибо, принимая за меру рентабельности отношение прибыли к себестоимости, мы тем самым молчаливо допускаем, что эта прибыль создается и живым, и мертвым трудом. А поскольку из прибыли при этом исключается весь налог с оборота, то для исчисления полной стоимости продукции и этот ублюдочный критерий — равнения прибыли на себестоимость — теряет всякую определенность.

Теперь, с признанием закона стоимости, все это уходит уже в прошлое. Но к чести наших практиков следует признать, что даже в те годы, когда они в планировании цен еще плавали вовсе без руля и без ветрил, они не сбивались с пути в сторону цен производства. Скорее можно сказать, что в допускавшихся ими отклонениях цен от стоимости наблюдалась обратная тенденция. Дело в том, что в условиях капитализма цены производства, как известно, в отраслях с высоким строением капиталов отклоняются в сторону повышения, а в отраслях с низким строением — в сторону понижения от уровня стоимости. Но всякое повышение цен ограничивает сбыт и, стало быть, сокращает производство тех отраслей труда, где они растут, по сравнению с теми, где они падают. И, стало быть, такое повышение цен производства в отраслях наиболее вооруженного труда и высокой техники является тормозом технического прогресса. Наша практика ценообразования, наоборот, в отраслях высокого уровня техники планирует *пониженные* по отношению к стоимости цены, переадресовывая излишки накоплений повышением цен в отрасли более низкого строения.

Таким образом, не только наша теория, но и вся сорокалетняя практика советского ценообразования не пошли по линии цен производства, на которую пытаются нас столкнуть некоторые экономисты. Весьма поучительно также, что эта практика планирования, даже продвигаясь ощупью, прошла уже за последние годы немалый путь по линии все большего *сближения* оптовых и розничных цен с уровнем *стоимости* всех видов продукции.

Решения XX съезда нашей партии и территориальный принцип управления промышленностью, несомненно, потребуют и дальнейшего упорядочения нашего ценообразования на базе полного учета всех элементов

общественных издержек производства и обращения. А всякое улучшение в учете стоимости в огромной степени облегчит нам не только полный учет эффективности наших вложений, но и более успешное *планирование* внедрения новой техники в народное хозяйство СССР.

Конечно, новая техника, повышая производительность передовых предприятий, повышает одновременно и уровень их рентабельности по сравнению с более технически отсталыми — при прочих равных условиях. Но это повышение рентабельности одних предприятий в порядке перераспределения, за счет снижения ее в других, не нарушает закона стоимости, поскольку он регулирует не индивидуальные, а общественные издержки производства и поскольку за каждым повышением производительности следует соответствующее снижение уровня *стоимости* в соответствующих отраслях производства, независимо от тех или иных цен.

Снижение *стоимости* — при любых ценах — это наиболее верный и совершенно незаменимый критерий эффективности новой техники. Значит, без учета стоимости нельзя обойтись в нашем планировании.

XIII. СЕМИЛЕТНИЙ ПЛАН НА 1959—1965 гг.[1]

1. РЕШАЮЩИЙ ЭТАП НА ПУТИ К КОММУНИЗМУ

Величественная программа народнохозяйственного строительства в СССР, намеченная нашей партией на ближайшие годы, несомненно, представляет собой не только новый *крупный* шаг, но и *решающий* этап в нашем продвижении к высотам коммунизма. Она свидетельствует о том, что уже лет через 12—15, а может быть и раньше, СССР сможет выйти на *первое место в мире* как по абсолютному объему производства, так и по производству продукции на душу населения, тем самым советскому народу будет обеспечен *самый высокий в мире* уровень жизни. Вместе с тем эта программа рассчитана на то, чтобы уже за ближайшие *семь лет* (к 1965 г.) производство *главнейших* видов продукции в СССР превзошло *современный* уровень США. Это будет *решающим* этапом в мирном соревновании с капитализмом.

Ставя своей главной задачей *создание материально-технической базы коммунизма,* семилетний план намечает грандиозную программу роста и бурного технического прогресса всех отраслей производства на основе преимущественного развития тяжелой индустрии. Семилетний план является *решающим* этапом в осуществлении идеи Ленина о сплошной электрификации страны. Строятся крупнейшие в мире тепловые, гидро- и атомные электростанции. Выработка электроэнергии в 1965 г. достигнет 500—520 млрд. квт-ч. Расширяется почти в два раза машиностроение с основным его направлением на производство оборудования для комплексной механизации, автоматизации и химизации производства. За семилетие обеспечивается ввод в действие не менее 1300 автоматических линий, в 2,6 раза увеличивается приборостроение, в 4,7 раза — производство счетно-вычислительных машин. И весь этот план подкрепляется небывалой суммой капитальных вложений государства в народное хозяйство — около 2 триллионов руб. А если учесть еще вложения колхозов, а также жилищное строительство за счет населения, то общая сумма капиталовложений за семилетие достигнет почти 3 триллионов руб. в старых деньгах (до 430 млрд. руб. в среднем за год), т. е. суммы, примерно равной капиталовложениям за все годы Советской власти.

Больше всего средств направляется на развитие промышленности, продукция которой за 1959—1965 гг. должна возрасти на 80%, в том числе продукция средств производства — на 85—88 и предметов потребления — на 62—65%. Заметим, что ежегодный прирост предметов потребления будет не ниже 7,3%, что в несколько раз превышает американские темпы их роста. Нужно также учесть, что и продукция сельского хозяйства за последние годы возрастала в СССР не менее чем на 7,1% в год, в то время как в США этот рост не превышал 1,1%. За 1959 — 1965 гг. в сельское хозяйство СССР будет вложено до 500 млрд. руб. с *удвоением* вложений против прошлых (1952—1958) лет. Сбор зерна увеличится за семилетие до 10—11 млрд. пудов (164—180 млн. т), поголовье крупного скота возрастет в 3,2 раза, в том числе коров — в 2,2 раза.

[1] С. Г. Струмилин. Очерки социалистической экономики СССР. Госполитиздат, 1959.

Одной из важнейших задач текущей семилетки партия намечает новый *подъем реальных доходов* трудящихся города и деревни, а также дальнейшее развитие *социалистической культуры*, рост духовного богатства и уровня сознательности советских людей — активных строителей коммунизма. Семилетний план предусматривает рост фондов народного потребления в СССР на 60—63%, с решительным качественным сдвигом в структуре питания. Избытки зерновой продукции в размере до 85—90 млн. т будут обращены на корм скоту, и это позволит увеличить годовую продукцию молока до 105 млн. т — в 1,7—1,8 раза, мяса в убойном весе — до 16 млн. т — в два раза. Значительно расширяется также улов рыбы, производство животных и растительных жиров, овощей, фруктов и т. д. По уровню потребления ряда важнейших продовольственных товаров на душу населения СССР уже в 1965 г. догонит и перегонит наиболее развитые капиталистические страны.

В то же время семилетний план намечает огромное расширение жилищно-коммунального строительства, обеспечив его вложением 380 млрд. руб. В городах будет построено 15 млн. новых квартир с полезной площадью до 660 млн. м². Это превышает весь городской жилищный фонд, созданный за годы Советской власти. В селениях будет построено около 7 млн. новых домов. Говоря иначе, новое жилье получит не менее 22 млн. семей, или 100 млн. человек. При условии, что квартирная плата у нас в несколько раз ниже американских норм, это немалый вклад в растущий уровень благосостояния трудящихся СССР.

Вместе с тем снижаются цены на ряд продуктов широкого потребления. Расширяется более чем вдвое и удешевляется общественное питание. Повышается *минимум* денежной заработной платы сначала до 400—450 руб., а затем до 600 руб. в месяц. К этому надо прибавить еще расходы государства на социально-культурные нужды (выплата пенсий и стипендий, бесплатное обучение и лечение, развитие народного образования, здравоохранения, советской науки и др.), которые вырастают с 215 млрд. руб. в 1958 г. до 360 млрд. в 1965 г. и составят в расчете на одного работника 3800 руб. в год. Сюда не входят затраты государственных средств на строительство жилищ, школ, различных культурно-бытовых и медицинских учреждений, которые также составляют немалую величину — 800 руб. на одного работника в год. Одновременно к 1960 г. завершается перевод всех рабочих и служащих на семичасовой и шестичасовой рабочий день без снижения зарплаты; а с 1964 г. предусматривается дальнейшее сокращение рабочего времени до 35 и 30 час. в неделю, которое будет завершено к 1968 г. В общем реальный уровень жизни рабочих должен возрасти примерно на 40% при сокращении рабочего дня в промышленности процентов на 20. Не менее чем на 40% возрастают при заданных планом ценах и реальные доходы колхозников.

Предусматривается коренное улучшение советской школы. Главная ее задача — сочетанием науки с трудовым политехническим обучением подготовить нашу молодежь к широкой общественной деятельности и полезному на любом поприще систематическому труду. Особое внимание обращается на развитие *общественного* воспитания детей в *школах-интернатах*, сеть которых возрастает к концу семилетки в 14 раз. В них на полном бесплатном иждивении будет обучаться до 2,5 млн. детей. Число учащихся во всех начальных и средних школах возрастет с 30 млн. до 38—40 млн. человек, в специальные техникумы и средние школы будет принято 4 млн. человек, из высших учебных заведений будет выпущено 2300 тыс. специалистов (на 40% больше, чем за предшествующие семь лет, в том числе инженеров — на 90% больше).

Общее число рабочих и служащих возрастает за семь лет с 54,6 млн. до 66,1 млн. человек (на 11,5 млн., или 21%), народный доход — на 62—65%. Производительность труда повысится за семилетку: в промышленно-

сти — на 45—50%, в строительстве — на 60—65, в сельском хозяйстве — на 55—60% в совхозах и на 100% в колхозах; на железных дорогах производительность труда возрастет на 34—37% и превысит нынешний уровень ее в США.

За годы семилетки будут достигнуты крупные успехи в дальнейшем совершенствовании социалистических производственных отношений. Развитие колхозного строя пойдет по линии ускоренного роста *неделимых фондов* сельскохозяйственных артелей, по линии укрепления *межколхозных производственных связей*. Значительно расширится практика объединения средств для совместной организации и строительства общих электростанций, оросительных и осушительных систем, различных промышленных предприятий, а также школ (особенно школ-интернатов), домов для престарелых, больниц, клубов. При этом материальные, бытовые и культурные потребности колхозников все в большей мере будут удовлетворяться за счет *общественного* хозяйства колхозов, в связи с чем личное подсобное хозяйство колхозников будет терять свое значение и постепенно отмирать. Вместе с тем совхозы будут развиваться в направлении более активного вовлечения работников в *непосредственное управление* производством. Все это приведет к сближению двух форм социалистической собственности — колхозной и общенародной, к созданию в дальнейшем единой *коммунистической* формы собственности.

Здесь нам хотелось бы поставить на обсуждение вопрос о конкретных путях, об организационных формах, в которых может протекать процесс образования единой формы собственности в сельском хозяйстве.

Практика объединения колхозов для совместного межколхозного строительства и использования объектов производственного и культурно-бытового назначения открывает прямой путь к широкому объединению колхозов в *союзы* областного и республиканского масштаба. С другой стороны, демократизация в управлении совхозами логически может завершиться лишь *выборным* их управлением, скажем, по образцу колхозов. Именно таков, на наш взгляд, кратчайший путь к сближению двух форм социалистической собственности в советской деревне.

Рационализация и демократизация управления промышленностью и строительством с привлечением всех местных сил в советах народного хозяйства нашла у нас уже всеобщее признание. Однако наибольший эффект эта система может дать лишь в том случае, если она будет распространена и на продовольственно-сырьевую базу промышленности — на сельское хозяйство. В самом деле, оставляя управление наиболее распыленным сельским хозяйством в едином центре, в то время как управление промышленностью осуществляется многочисленными территориальными органами, мы существенно затрудняем межхозяйственные связи между ними. Отсутствие *непосредственной* хозяйственной *увязки* между ведущими отраслями индустрии и сельским хозяйством *на местах* становится в этих условиях особенно чувствительным. И завершение демократизации управления рано или поздно, несомненно, потребует планового подчинения местным совнархозам, наряду с промышленностью, и преобразованного колхозно-совхозного сельского хозяйства.

Вопрос о необходимых *сроках* для таких преобразований, правда, еще не вполне ясен, но развернутое строительство коммунизма, предрешенное в установках семилетнего плана, настоятельно требует его скорейшего решения.

Выполнение величественных заданий семилетки уже к 1965 г. позволит обеспечить в *изобилии* население высококачественными предметами потребления, добиться самого высокого в мире *материального* уровня жизни трудящихся при самом коротком в мире рабочем дне.

Все это раскрывает перед нами уже зримые черты грядущего коммунизма. Эти черты не менее ярко сказываются в области *культурного* стро-

ительства и в методах коммунистического воспитания, в труде и на отдыхе, в домашнем быту. Они проявляются и в том задании плана, по которому каждый совхоз и колхоз будет обеспечен особой киноустановкой, и в том, что к концу семилетки в СССР появится почти 30 млн. новых радиоприемных точек, в том числе 12,5 млн. телевизоров, и в том, что тираж книг возрастет на 1600 млн. экземпляров, и в удвоении выпуска журналов, и в развитии советской литературы, искусства и науки, которые призваны отразить и разрабатывать проблемы, связанные с постепенным переходом к коммунизму.

Величественные задания предусмотрены и в области международных связей и разделения труда. Подсчеты показывают, что доля СССР в мировой промышленной продукции за время с 1917 по 1958 г. уже возросла примерно с 3 до 20%, что в 1965 г. все страны социализма будут производить *более половины* всей мировой промышленной продукции. Намечается дальнейшее расширение развития *специализации* и *кооперирования* производства стран социалистической системы, расширение практики товарищеского согласования планов, что открывает замечательные перспективы укрепления сотрудничества этих стран и ускоренного развития их экономики. Крепнут экономические связи СССР со слабо развитыми в экономическом отношении странами мира, которым наша страна всегда готова оказать бескорыстную помощь в развитии их национального хозяйства.

Семилетний план — это конкретное предложение Советского Союза всему капиталистическому миру и прежде всего наиболее развитым его странам соревноваться не на путях бесплодной и опасной «холодной войны» и истощающей гонки вооружений, а на *мирном поприще*. И если идеологи и заправилы «свободного» мира действительно верят в превосходство капиталистической системы над социалистической, то ничто, казалось бы, не мешает им принять этот вызов.

2. О ЗРИМЫХ РОСТКАХ КОММУНИЗМА

Переход от социализма к высшей фазе коммунистического общества — закономерный исторический процесс. К коммунизму общество не может перескочить из капитализма, не пройдя социалистической стадии развития. «От капитализма,— указывал В. И. Ленин,— человечество может перейти непосредственно только к социализму, т. е. общему владению средствами производства и распределению продуктов по мере работы каждого. Наша партия смотрит дальше: социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого стоит: «каждый по способностям, каждому по потребностям»» [1]. Но для этого, конечно, должны быть шаг за шагом созданы все необходимые материальные и духовные предпосылки.

При всем отличии развитого коммунизма от низшей его фазы между двумя этими стадиями зрелости коммунистического общества, однако, нет какой-то стены, отделяющей их друг от друга. Коммунизм вырастает из социализма, являясь прямым его продолжением. Уже сейчас мы наблюдаем, как развиваются и крепнут ростки этой высшей формы общественного развития. Все более внедряются в нашу жизнь коммунистические формы труда и организации производства и такие формы совместного удовлетворения потребностей граждан, как общественное питание, школы-интернаты, детские сады, ясли и т. п. Эти ростки и впредь будут развиваться и совершенствоваться.

Закономерный и непрерывный процесс перерастания социализма в коммунизм происходит постепенно. Скорость его протекания зависит от того уровня развития производительных сил и материального производства, который достигается еще в период социализма. Чем выше будет этот

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 179—180.

уровень, тем быстрее мы сможем *по мере вызревания условий* шаг за шагом последовательно построить коммунистическое общество.

Одним из основных признаков коммунизма, как известно, является распределение продуктов по потребностям. Но перейти к такой форме распределения можно лишь тогда, когда будет достигнуто изобилие материальных благ, а люди будут подготовлены к тому, чтобы работать и жить по-коммунистически. Перейти к коммунистическому принципу распределения сейчас, когда для этого еще не созданы условия, преждевременно. Это значило бы нанести ущерб самому делу строительства коммунизма. Нельзя вводить то, что еще не созрело. Это привело бы к компрометации нашего дела. Но нельзя и задерживаться на достигнутом, так как это вело бы к застою. Отсюда возникает конкретный вопрос о характере коммунистического принципа распределения, сроках его реализации и, следовательно, о темпах нашего продвижения к коммунизму.

Крупный вклад в решение этого вопроса сделал XXI съезд КПСС. В докладе Н. С. Хрущева указывается: «Полное удовлетворение потребностей всех советских людей в питании, жилье, одежде в необходимых и разумных пределах, вероятно, можно будет осуществить в недалеком будущем. Не так много нужно времени, чтобы, скажем, обеспечить школьников бесплатными завтраками и обедами, охватить всех детей садами, яслями, школами-интернатами с полным содержанием за счет общества. Что касается взрослого населения, то надо учитывать, что потребности людей в средствах существования не безграничны. Человек не может потребить, например, хлеба и других продуктов питания больше, чем это нужно для его организма. Существуют также известные пределы в пользовании одеждой и жильем. Конечно, когда говорится об удовлетворении потребностей людей, то имеются в виду не прихоти и не претензии на предметы роскоши, а здоровые потребности культурно развитого человека.

Более длительный срок необходим для того, чтобы у людей выработалась внутренняя потребность трудиться по способностям. Пока этого нет, общество не может обойтись без определенного нормирования рабочего времени, при котором каждый работоспособный должен давать определенное количество труда для создания необходимых обществу ценностей» [1].

Мы знаем, что уже в условиях социализма значительная и все более возрастающая часть материальных и культурных благ распределяется между членами общества независимо от количества и качества их труда, т. е. бесплатно. Общество расходует большие средства на бесплатное образование граждан, на бесплатное лечение, на пенсионное обеспечение, на пособия многосемейным, на бесплатное обслуживание клубами, библиотеками и т. д. И в дальнейшем, как учит нас партия, «расходы государства на эти цели будут увеличиваться. По мере нашего продвижения к коммунизму все больше будет возрастать забота общества о каждом человеке от его рождения до глубокой старости» [2].

В плановых заданиях семилетки намечена уже довольно конкретная программа построения коммунистического общества, программа рассчитанная на создание условий для непрерывного и быстрого развития ростков этого нового общества. Конечно, это еще не календарный план развития общественного питания и воспитывания детей и всего переустройства производственных отношений, но здесь уже раскрыты главнейшие направления в развитии такого генерального плана. Понятно, что все намеченное будет достигнуто не сразу, а шаг за шагом. Потребуется еще огромная работа по коммунистическому воспитанию людей, которому будет содействовать и сокращение рабочего дня, и соединение школьного обучения с трудом, в результате чего вместе со всесторонним развитием людей и сам

---

[1] «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС». Госполитиздат, 1959, стр. 85—86.
[2] Там же, стр. 88—89.

труд станет все больше превращаться в их первейшую жизненную потребность.

А пока у нас еще нет изобилия материальных благ, недостаточен уровень коммунистической сознательности, труд не стал жизненной потребностью людей, и необходимо материальное его стимулирование. В этих условиях основным критерием распределения, главным мерилом доли, получаемой каждым работоспособным от общества при распределении продуктов, является *труд*, его количество и качество. Это исключает, конечно, уравнительность в распределении и потреблении продуктов, но повышает материальную заинтересованность людей в результатах производства и стимулирует столь необходимый нам ныне рост производительности труда. Вот почему такой порядок мы считаем неизбежным для *первой* фазы коммунистического общества.

С победой колхозного строя этот принцип распределения утвердился и в колхозной деревне. Колхозный строй полностью отвечает уровню и потребностям развития современных производительных сил в деревне. Правда, до недавнего времени возможности и преимущества, которые открывает колхозный строй, использовались недостаточно полно. Но успехи, достигнутые за последние пять лет в сельском хозяйстве, убедительнее всего говорят о том, что колхозно-кооперативная форма производственных отношений далеко еще не исчерпала своих возможностей. И здоровый рост колхозных фондов, и рост *межколхозных* производственных связей, и широкие задачи электрификации сельскохозяйственного производства, его механизации и автоматизации, в процессе которых сельскохозяйственный труд постепенно превращается в разновидность труда индустриального,— все это потребует более систематического *объединения усилий многих колхозов*. Вместе с тем будет происходить соединение, своеобразное слияние колхозных средств производства с государственными, общенародными, а следовательно, и сближение колхозно-кооперативной собственности с общенародной, постепенное стирание граней между ними. Когда же произойдет полное слияние обеих форм собственности на высшем уровне их обобществления, это будет одновременно и решением более глубокой проблемы *преодоления существенных различий между городом и деревней.*

В современных условиях, когда образовалась мировая система социализма, когда социализм в СССР победил *окончательно* и *бесповоротно,* встают новые теоретические вопросы борьбы за победу социализма и коммунизма.

Эти вопросы нашли дальнейшую разработку на XXI съезде КПСС.

Победа социализма в Советской стране явится залогом общей победы всех социалистических стран на путях строительства коммунизма. Конечно, одни из них вступают на этот путь раньше, другие — позже. Но, связанные между собою нерасторжимым единством идеологии и практических задач планомерно-пропорционального развития, более отсталые из них, опираясь на опыт, сотрудничество и помощь всех других, быстро навертывают время и подтягивают свою экономику и культуру к общему уровню. И это успешное выравнивание общего экономического фронта всех стран социализма убеждает нас в том, что, используя заложенные в социалистическом строе закономерности и возможности, эти страны в *высшую* фазу коммунизма будут переходить более или менее *одновременно.*

В связи со строительством коммунизма важное значение приобретает вопрос о *морали,* о нравственности людей будущего общества.

Буржуазные идеологи и политики, подпевающие им оппортунисты тратят немало усилий, чтобы доказать, будто коммунисты отрицают мораль. Себя же они рекламируют, как защитников моральных ценностей, гуманизма, свободы и прав личности. Но о моральных устоях буржуазии надо судить по ее делам, а не по словесной ханжеской рекламе ее апологетов и проповедников, тем более что, с молитвенниками в кармане и

атомными бомбами в руках, они уже дали урок своей морали жертвам Хиросимы и Нагасаки в 1945 г.

В противовес этой морали эксплуататорских классов с ее звериной формулой: «Человек человеку волк», коммунизм утверждает иную мораль — мораль сотрудничества и коллективизма, дружбы и взаимопомощи. Здесь на первое место выдвигается забота об общем благе народа, о всестороннем развитии человеческой личности в условиях коллектива, где человек человеку не враг, а друг и брат. Вот мораль, какую воспитывает в нашей стране борьба за коммунизм. О ней заботился еще Ленин. Он требовал, чтобы «все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали» [1].

Этому же учит нас партия и теперь. «Чтобы прийти к коммунизму,— говорил Н. С. Хрущев на XXI съезде КПСС,— самому справедливому и совершенному обществу, когда полностью раскроются все лучшие нравственные черты свободного человека, нам надо уже сейчас воспитывать человека будущего. Нужно развивать у советских людей коммунистическую нравственность, в основе которой лежит преданность коммунизму и непримиримость к его врагам, сознание общественного долга, активное участие в труде на благо общества, добровольное соблюдение основных правил человеческого общежития, товарищеская взаимопомощь, честность и правдивость, нетерпимость к нарушителям общественного порядка» [2]. И эти устои коммунистической морали столь неразрывно связаны со всеми представлениями коммунистов о их социальном идеале общежития, что преданность этому идеалу уже сама по себе предполагает и верность этим моральным заветам.

Воспитывая коммунистическую молодежь, наша партия прежде всего укрепляет ее моральные устои. Вместе с тем все большее значение приобретают *моральные* стимулы к труду, все выше поднимается трудовой энтузиазм людей, растет эффективность всех наших народнохозяйственных планов. За их выполнение вступают в соревнование новые пополнения *все более сознательных* борцов за коммунизм. И само соревнование этих пополнений поднимается на новую, уже более высокую ступень. Многие тысячи бригад коммунистического труда уже ныне стремятся учиться, работать и жить *по-коммунистически*. И можно не сомневаться, что это вызовет к жизни еще небывалую волну энтузиазма и трудового героизма.

3. О РЕАЛЬНОСТИ СЕМИЛЕТНЕГО ПЛАНА

Наметки семилетнего плана подверглись всенародному обсуждению, в процессе которого, следуя призыву партии развертывать шире критику и самокритику, предложено было немало конкретных поправок и дополнений. Но прежде всего хотелось бы остановиться на вопросе о *реальности* всего этого величественного плана в целом, присмотреться ближе к заверстанным в нем главнейшим направлениям, темпам и пропорциям развития.

Сопоставляя задания семилетнего плана с фактическими темпами роста экономики СССР за предшествующие годы, можно установить следующие факты (табл. 1).

Намеченные в плане темпы роста величественны, это особенно становится ясным с учетом одновременного сокращения рабочего дня до 6—7 час. И это вынуждены признать даже все более или менее серьезные приверженцы буржуазной идеологии. Уже 15 ноября 1958 г. лондонские специалисты из консервативного «Таймса» в редакционной статье, озаглавленной «Русский вызов», признали задания семилетнего плана СССР *смелыми* и намеченный рост продукции *грандиозным*. С некоторым опо-

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 309.
[2] «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС», стр. 46.

зданием к той же оценке примкнули и американские эксперты. Несколько дней спустя американский «Бизнес уик» (22 ноября) назвал советские темпы роста промышленной продукции *колоссальными,* отметив вместе с тем *огромное* увеличение этой продукции и в абсолютных цифрах. Они

Таблица 1

Темпы роста экономики СССР

	Темпы роста (в %)	
	1950—1957 гг.	1958—1965 гг. (план)
Народный доход СССР	202	162—165
Объем промышленной продукции	225	180
Производительность труда	164	145—150

вынуждены оценить этот план как программу, которая, бесспорно, должна «зажечь воображение» народа, и не пытаются даже оспаривать *реальность* этой программы. Напротив, по свидетельству «Бизнес уик», «американские специалисты по Советскому Союзу сделали следующие заключения: у СССР есть *все основания достигнуть* своих общих промышленных заданий». Однако западные специалисты, признав наши темпы грандиозными, пытаются найти утешение хоть в том, что эти темпы уже несколько замедляются в новой семилетке.

Но, увы, приходится лишить их и этого слабого утешения. О замедлении темпов роста в СССР можно говорить лишь по недоразумению или сознательно игнорируя общеизвестные факты. Конечно, в связи с меняющейся системой заданий на разных этапах планового хозяйства меняются и темпы роста отдельных отраслей труда. На одном этапе важнее всего обеспечить наиболее высокие темпы развития одним из них, например индустрии, на другом требуется крутой подъем сельского хозяйства или большой скачок в области жилищного строительства, или ликвидация временного отставания на каком-либо ином участке хозяйственного фронта. И потому даже заметные колебания в росте отдельных отраслей хозяйства в зависимости от тех или иных замыслов плана неизбежны. Но решающим преимуществом планового хозяйства во всех его отраслях остаются высокие темпы роста *производительности труда.* И этот показатель при оценке возможностей семилетнего плана должен быть учтен прежде всего.

До 1957 г. рабочая неделя в СССР много лет оставалась стабильной, а потому и годовая и часовая выработка рабочих росла в одних и тех же темпах. А по семилетнему плану рабочая неделя сокращается с 46 до 40—35 час. и ниже, в среднем процентов на 20. И в сопоставлении темпов роста до и после сокращения рабочего времени с этим фактом нельзя не считаться. Если годовая производительность труда за семилетку возрастает только на 45—50%, то часовая возрастет при этом на 87% (1,5 : 0,8) против 64% прироста за истекшее семилетие. Значит, реально темпы роста производительности труда по заданиям новой семилетки не замедляются, а получают *новое ускорение* против прошлых лет. А значит и в темпах роста продукции это ускорение незамедлительно скажется, как только рабочий день приблизится к намеченному по плану уровню. И во всяком случае за пределами 1965 г. мы имеем все основания на него рассчитывать.

К тому же необходимо учесть, что по всем заданиям семилетки, как и в прежних планах, заверстан изрядный «запас прочности». И потому *плановые* темпы роста вообще *не вполне сопоставимы с фактическими* за истекший период. Видимое их снижение может быть поэтому лишь признаком достаточной *реальности* плановых заданий на предстоящий пе-

риод. Фактические наши возможности, несомненно, выше указанных заданий по наметкам плана. И это совсем не плохо: известный резерв прочности *необходим* в перспективных планах. И в заданиях на *семь* лет, в расчете на разные не поддающиеся предвидению оказии, этот резерв может быть и побольше, чем в пятилетках. Напомним, что такие резервы имели место и во всех прежних планах, которые неизменно перевыполнялись в нашей практике.

Реальность семилетнего плана подкрепляется и огромными капитальными вложениями в основные фонды страны за 1959—1965 гг., которые *значительно превышают* намеченные темпы роста народного дохода и общественного продукта и потому позволяют рассчитывать на невиданный еще скачок в развитии техники. Таким образом резервы для перевыполнения заданий семилетнего плана на этот раз, пожалуй, больше, чем когда-либо раньше.

Это замечание следует полностью учесть всем, кто в соревновании с СССР возлагает особые надежды на гнилую теорию «затухающих кривых» роста при абсолютном увеличении масштабов советской экономики. Социалистической экономике присущи особые закономерности. Не ведая кризисных спадов, она готовится к новому взлету, и ни на какой «кривой» западным мудрецам не удастся ее объехать. Во всяком случае если сравнить весьма осторожные задания обсуждаемого советского плана с самыми оптимистическими прогнозами «комитета Энсли» на 1965 г., доложенными конгрессу США, то получим такой результат. В СССР национальный доход в неизменных ценах должен с 1955 по 1965 г. возрасти на 112—116%, а в США — всего на 37%. В таких же примерно пропорциях исчисляется и рост производительности труда за 10 лет: в США — не свыше 1,5%, а в СССР — не ниже 6% в среднем *за год,* в среднем же *за час* в США — до 2,5%, в СССР в промышленности — до 7—8%, а в других отраслях еще и выше. К этому можно добавить лишь, что плановые задания в бескризисном хозяйстве СССР *перевыполняются,* а прогнозам «комитета Энсли», рассчитанным на «автоматически стихийное развитие частной экономики», уже нанес решительный удар *непредвиденный* экономический кризис (начался еще в конце 1957 г. и продолжается поныне), вызвавший попятное движение.

Экономические законы развития властно требуют соблюдения определенных народнохозяйственных пропорций.

В *сфере производства* энергетика и машиностроение должны *опережать* в своем росте другие отрасли производства, что необходимо в интересах облегчения труда и повышения его эффективности. Это тем более необходимо в предстоящей семилетке, коренной проблемой которой является проблема максимального выигрыша времени в мирном экономическом соревновании социализма с капитализмом. И ничто не может служить лучшим шансом в этом соревновании, кроме скорейшей ликвидации нашего отставания от США в области энергетики. Лишь опережение в области энерговооруженности и производительности труда дает ключ к опережению во всех других областях соревнования.

В *сфере потребления,* как известно, быстрее всего растут *культурные* потребности. И на путях к коммунизму в интересах *всестороннего развития всех членов общества* соответствующее *опережение* в развитии культурного строительства тем важнее, что наука и культура в век автоматики и электронной техники сами являются важнейшими двигателями прогресса. Анализируя главные направления семилетнего плана, можно лишь горячо приветствовать его общее устремление по линиям решающих сдвигов в росте уровней производства, его технической базы и потребления трудящихся. Это действительно ведущие линии в намеченной ныне программе *развернутого* строительства коммунизма, в которой так ярко выражена забота о человеке и его наиболее насущных нуждах.

НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕМЫ

I. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОБЕДА СССР[1]

Бесславное поражение гитлеровской Германии, после того как, опьяненная слишком легкими победами на Западе, она повернула свое оружие на советский Восток, против СССР, особенно поучительно в одном отношении. Оно явилось в свое время решающим актом исторического соревнования двух полярно-противоположных социально-экономических систем. И в этом акте военного поражения германского фашизма приходится усматривать прежде всего один из итогов длительного и упорного *мирного* строительства Советского Союза и одно из наиболее осязательных выражений *экономической победы* СССР в указанном соревновании систем.

Германия еще к началу первой мировой войны заняла по своему экономическому развитию и передовой технике первое место в Европе. Вместе с тем много дальше других стран капитализма она ушла вперед и в области организации своих промышленных монополий. Картельное движение началось в Германии уже после кризиса 1873 г., и именно здесь оно получило наибольшее развитие. К 1896 г. здесь насчитывалось уже 250 картелей, в 1911 г. число их возросло до 600, в 1922 г., после Версаля, — до 1000, а в 1930 г. насчитывалось уже до 2 100 картелей, которые охватывали до 50% всей промышленной продукции страны, в то время как в Англии даже в 1931 г. было только 1700, а во Франции еще меньше — всего 800 картелей. Недаром Ленин еще весной 1918 г. видел в Германии образец «государственного капитализма»[2]. «Нового экономического строя, более высокого, чем организованный государственный капитализм превосходно оборудованной технически Германии, *еще* нет», — писал тогда же Ленин. «Он только основывается»[3], — предусмотрительно добавлял к этому Ленин в предвидении неограниченных возможностей новой, Советской России. И отдавая должное достижениям Германии, уже тогда представлявшей, по Ленину, «последнее слово» крупнокапиталистической техники и планомерной организации[4], не приходилось забывать и того, что эта образцовая организация, целиком подчиненная задачам самой реакционной и агрессивной разновидности юнкерски-буржуазного империализма, является серьезнейшей угрозой самому существованию всех соседних с ней миролюбивых народов.

Усвоив со временем фашистскую идеологию о своей принадлежности к «высшей расе», призванной господствовать над миром, вооруженная до зубов гитлеровская Германия стала еще более опасным очагом агрессии. С этой опасностью пришлось уже не раз очень серьезно посчитаться даже

---

[1] С. Г. Струмилин. Очерки социалистической экономики СССР. Госполитиздат, 1959.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 346.
[3] Там же.
[4] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 300.

наиболее передовым державам Запада. Царская же Россия в экономическом отношении была «невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой» [1]. А после ее окончательного развала в огне мировой и гражданской войн новая, Советская Россия, сломив гнет царизма и капитализма, вышла из этого кризиса еще более ослабленной в экономическом отношении. По своим социальным устремлениям и экономическому строю новая, Советская Россия стала прямым антиподом старой, захватнической Германии. И перспектива предстоящего устремления германской агрессии прежде всего по линии наименьшего сопротивления на этот ослабленный Восток — на Советский Союз представлялась более чем вероятной. Предотвратить эту угрозу традиционного германского «дранг нах остен» можно было только одним путем. Нужно было ликвидировать экономическую отсталость юной Советской республики раньше, чем потрепанная войной Германия снова будет готова к очередной агрессии. И Советский Союз сознательно избрал этот наиболее приемлемый для миролюбивых народов путь предупреждения опасности военного нападения.

Предусматривая опасность грядущей второй мировой войны еще в тот момент, когда продолжалась первая, В. И. Ленин в сентябре 1917 г. писал о важнейшей задаче своей страны: «Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также *и экономически*». И его категорический завет своей родине: «Погибнуть или на всех парах устремиться вперед» [2] — нашел свое полное осуществление в наших плановых пятилетках. Устремление вперед такими темпами, каких еще не знал свет, во имя скорейшей индустриализации страны имело, таким образом, в СССР, помимо всех остальных назначений, и чисто оборонную задачу. Оно стало нашим основным методом экономического развития.

В отличие от гитлеровских «четырехлеток» по форсированию *непосредственной* подготовки к войне советская программа добивалась общего гармонического подъема всего народного хозяйства и прежде всего его энергетической базы, а также таких ведущих отраслей, как металлургия, машиностроение и химическая индустрия, без которых нечего было бы мобилизовать и на случай войны. Но попутно в меру общего роста не забывались, конечно, и специальные нужды обороны. Как известно, уже в результате выполнения первого пятилетнего плана к 1933 г. наша страна из аграрной превратилась в индустриальную, подняв объем промышленной продукции более чем *втрое* по сравнению с дореволюционным уровнем 1913 г. А вместе с тем и из страны слабой и не подготовленной к обороне Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне. Но это было только начало. За первой пятилеткой последовала вторая, за второй — третья.

Преимущества плановой системы советского хозяйства становились все осязательнее. В то время как капиталистический мир, и в том числе Германию, после первой мировой войны потрясали глубокие экономические кризисы, сводившие почти к нулю все достижения предшествующих периодов подъема, кривая бескризисного развития советской индустрии неизменно устремлялась вверх. В отличие от стран капитализма, где ограниченность рынков сбыта еще усугубляется все возрастающим нажимом монополистов-предпринимателей на уровень оплаты труда, в СССР, где у власти находится сам рабочий класс, он не ставит подъему уровня зарплаты иных пределов, кроме роста уровня производительности труда в

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 360.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 198.

стране. А это в связи с одновременным ростом численности самих рабочих кадров приводит к небывалому росту емкости внутреннего рынка СССР. Только за счет растущих фондов зарплаты ежегодный прирост этой емкости за 1928—1940 гг. достигал в среднем 8—10 млрд. руб., или около 2,5 млрд. долл. по текущему курсу рубля. Для сравнения укажем, что Китай перед войной закупал за границей товаров на сумму от 150 млн. до 200 млн., а вся Африка — на 400 млн. долл. Таким образом, мирные советские пути расширения внутреннего рынка, которые, кстати сказать, никому не заказаны, дают несравненно больше, чем может дать любая агрессия для захвата колониальных рынков.

В СССР нет ни капиталистов, ни безработных. Поэтому оказалось возможным обращать на расширение производства гораздо большую долю народного дохода, чем это осуществимо в других странах. А всякое новое расширение обеспечивало новые ресурсы для той же цели. За 1918—1928 гг. вложения в советское хозяйство не превышали 16,5 млрд. руб., за 1929—1932 гг. они составили уже 64,9 млрд., а за 1933—1937 гг. возросли более чем вдвое — до 147,6 млрд. руб. За три с половиной года третьей пятилетки было вложено 145,3 млрд. руб.[1] Благодаря столь значительным капиталовложениям Советский Союз уже к концу 1932 г. по масштабам своей индустриальной продукции опередил Германию и вышел на первое место в Европе.

1932 год был годом кризиса в Европе. Однако с приходом к власти Гитлера, подстегиваемая золотым дождем военных заказов, германская промышленность сильно ускорила темпы своего роста. На подготовку войны в Германии было затрачено за 1932—1938 гг. не менее 9 млрд. марок с повышением раз в пять ежегодной суммы вложений в народное хозяйство по сравнению с догитлеровским периодом. Но это были в большей своей части непроизводительные затраты. И, хотя продукция германской промышленности увеличилась за эти шесть лет на 136%, советская продукция росла еще быстрее, обогнав германскую к 1938 г. уже раза в полтора.

Советское машиностроение на ту же дату выпускало вдвое больше продукции, чем германское. Эта поучительная экономическая победа Советского Союза над фашистской Германией тогда еще в мирном соревновании хозяйственных систем уже сама по себе заслуживает глубочайшего внимания. Но она в то же время создавала неплохой базис обороны. В современных войнах — на этой величайшей арене состязания моторов — машиностроение играет далеко не последнюю роль. Располагая мощным машиностроением, советским народам все легче становилось оснащать попутно передовой техникой и свои Вооруженные Силы. По свидетельству К. Е. Ворошилова, на каждого бойца Советской Армии еще в 1929 г. приходилось всего 2,6 механической силы в моторах, в 1934 г.— 7,74, а в 1939 г.— уже 13[2]. 13 л. с., или в переводе на человеческую энергию по меньшей мере 130 *железных соратников* на каждого советского воина,— это очень высокая степень механизации. И если этого оказалось недостаточно в *первый* момент вероломного нападения гитлеровских захватчиков, когда они бросили против нашей армии военную технику и ресурсы почти всей захваченной ими Западной Европы, то затем мощь советского машиностроения очень скоро позволила ликвидировать временные успехи зарвавшегося агрессора, обеспечив нам решающее превосходство моторов и в воздухе и на земле.

---

[1] «СССР в цифрах», 1958, стр. 254.

[2] «XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет». М., 1934, стр. 229; «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет. М., 1939, стр. 196.

Немалое оборонное значение, помимо всего иного, имела и культурная революция в СССР, осуществленная за период плановых пятилеток. Когда-то говорили, что франко-прусскую войну выиграл немецкий народный учитель. Следует отметить, что в гитлеровской Германии и число учителей, и школ, и учащихся, а вместе с тем число издаваемых книг и запатентованных изобретений заметно упало. В то же время в Советской России наблюдался огромный рост науки и техники, а также мощных кадров новой советской интеллигенции, ставших неисчерпаемым резервом культурнейших командных кадров Советской Армии на случай войны. Одних лишь учителей в СССР насчитывалось уже к 1937 г. 969 тыс. В Германии же в 1938 г. насчитывалось всего 51 тыс. народных школ, 179 тыс. учителей и менее 7,6 млн. учащихся, т. е. раза в три меньше, чем в начальных школах СССР. Студентов в Германии обучалось при этом в 8 раз меньше, чем в СССР, в том числе в инженерных вузах — в 23 раза меньше. Пренебрегая всеми этими моментами, бесноватый фюрер немецких фашистов в расчете на внезапность нападения и молниеносность успехов «высшей расы» все же вторгся в пределы Советской страны. Что из этого вышло, всем известно. Советская система и в военном состязании выявила все те же свои преимущества, которые обеспечили ей экономическую победу в мирном хозяйственном соревновании этих двух столь чужеродных систем. Поучительнее всего в этом военном состязании было то, что решающие успехи советского оружия были одержаны еще задолго до того, как наши англо-американские союзники открыли второй фронт. Оказалось, что воинствующий фашизм не имел решительно никаких шансов на победу, даже выступая против одного Советского Союза. Еще меньше их было в борьбе против всей мощной коалиции свободолюбивых народов. И самоуверенным гитлеровским молодчикам, еще недавно приветствовавшим друг друга горделивым взмахом руки и возгласом «Хайль Гитлер!», пришлось просалютовать в последний раз перед лицом своих победителей в Берлине, подняв уже сразу обе руки вверх с воплем:

— Гитлер капут!

II. О ЛЕЙБОРИСТСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ

1. «СВОБОДНОЕ» ПЛАНИРОВАНИЕ М-РА МОРРИСОНА[1]

Преимущества планового хозяйства над бесконтрольным господством рыночной стихии, влекущей своих апологетов от одного кризиса к другому, становятся с каждым годом убедительнее и очевиднее. Но в разных условиях существуют различные подходы к планированию. И необходимо ясно себе представить хотя бы основные условия наиболее рационального, социалистического планирования.

Первейшим условием и предпосылкой такого планирования является, разумеется, приход к власти правительства, готового искренне, т. е. не на словах, а на деле взяться за разрешение этой задачи и твердо знающего, что̀ именно для этого надо делать. Вторым, но не менее важным условием возможности социалистического планирования, как известно, является достаточная для этого степень обобществления средств производства. Известны различные пути к осуществлению указанных условий. И каждый из них имеет свои достоинства и недостатки. Выбор этих путей определяется, однако, не склонностями и произволом отдельных лиц, а всем культурно-историческим прошлым страны, ее учреждениями и традициями, социальной структурой и сложившимся характером целых народов. Не пришлось бы удивляться поэтому, что и в самом планировании у разных народов будут проявляться весьма своеобразные различия. Существенные различия наблюдаются в методах планирования на разных этапах его развития и в одной и той же стране. Планирование в младенческом и зрелом возрасте планового хозяйства — это не одно и то же. Но эти различия иного порядка, и их не следовало бы смешивать с национальными своеобразиями в этом деле.

Вот, например, англичане, которые с приходом к власти лейбористов стали пропагандировать у себя плановую систему хозяйства, с гордостью утверждают, что Британия *впервые* открыла совсем новый тип «свободного» планирования в сочетании «с полноценными правами и свободой индивидуума»[2]. Спрашивается, однако, в чем же новизна этого открытия? Как известно, в Англии обобществлены пока, кроме каменноугольных шахт и транспорта, только весьма немногие частные предприятия. И вот, не имея возможности предписать что-либо всем остальным нанимателям, правительство избрало следующий метод «планирования». Его агенты изучают «тенденции развития» и составляют «прогнозы на будущее», а затем на базе этих прогнозов и соответствующие им варианты хозяйственных планов. Правительство же, избрав лучший из этих вариантов, *осведомляет* о нем «широкую публику», всячески стимулируя, убеждая и поощряя ее к выполнению этого плана, после чего «выполнение или невыполнение основных положений экономического плана уже зависит от деятельности нанимателей и рабочих в целом».

---

[1] «Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права». 1947, № 2.

[2] Герберт Моррисон. Путь Британии к будущему. «Британский союзник», 17 ноября 1946 г.

Опыт советского планирования, насчитывающий уже десятки лет, свидетельствует, однако, что в изложенной концепции очень мало нового и оригинального, кроме разве ничем не оправданных иллюзий того, что предложенным методом англичане смогут достигнуть большего, «чем это способны достигнуть другие нации» своими методами. Метод *косвенных воздействий* на чужие хозяйства, побуждающий их к выполнению общехозяйственного плана, вместо *прямого управления* собственным, социалистическим хозяйством — это в сущности даже вовсе еще *не планирование,* а только самая первая и несовершенная ступень его, именуемая *регулированием,* которое не исключается и условиями государственного капитализма. Этот метод не раз уже был испытан в условиях войны во многих странах. Находил он свое применение и в советских условиях в первые годы социалистического строительства — в пределах всего тогда еще очень широкого *частнохозяйственного* сектора страны. Но эффективность его в этих пределах была все же крайне ограниченной. И нет никаких особых оснований возлагать на него преувеличенные надежды и в Англии.

В самом деле, на чем зиждутся эти надежды? Не на том ли, что лидерам лейбористов удастся своим красноречием убедить всех нанимателей, что их интересы настолько совпадают с интересами рабочих, возглавляемых партией лейбористов, что нанимателям остается лишь вместе со своими рабочими *в порядке доброй воли* дружно *выполнять* все хозяйственные планы лейбористов? Но едва ли даже наивнейшие из нанимателей поймались бы на эту удочку. Они не хуже рабочих знают, что их классовые интересы прямо противоположны интересам пролетариата, и уже поэтому всегда предпочтут красноречию Эттли или Моррисона красноречие мистера Черчилля и его друзей. Еще в условиях войны, когда Эттли и Черчилль *совместно* диктовали им свою стеснительную для предпринимателей политику хозяйственного контроля, наниматели не слишком охотно ей подчинялись. Тем менее оснований надеяться, что теперь, когда уже отпала опасность вторжения внешнего врага, они безропотно потерпят сколько-нибудь серьезное вмешательство одного Эттли в сферу своих хозяйственных интересов и захотят *добровольно* следовать планам своих политических противников.

Правда, у лейбористов, помимо красноречия, нашлись бы при желании и более мощные рычаги воздействия на злостных нарушителей плановой дисциплины. Ведь в их руках уже теперь находятся такие плановые козыри, как огосударствленная углепромышленность, транспорт, Английский банк. И эти козыри могут быть еще значительно умножены. Поэтому если бы какой-либо слишком несговорчивый сторонник устаревшего ныне принципа «лессэ фэр», отстаивая свою свободу действия, отказался подчиниться установленному плану, то руководители общественного хозяйства могли бы ему весьма резонно заметить:

— Достоуважаемый м-р Адам Смит! Вы, конечно, вполне свободны в пределах вашего частного хозяйства действовать по вашему усмотрению. Но разрешите и нам пользоваться в пределах нашего общественного хозяйства не меньшей свободой. И если вы рассчитывали получить от нас топливо, и транспортные услуги, и банковские кредиты, то вам придется либо как-нибудь *обойтись* без всего этого собственными средствами, либо пересмотреть свой индивидуальный план действий в соответствии с общественным, ибо мы, к нашему крайнему сожалению, не смогли предусмотреть в своем плане всех запросов наших бесчисленных клиентов в пределах их ничем не ограниченных индивидуальных претензий.

И так как современное крупное производство *не смогло бы обойтись* без угля, железных дорог и банковского кредита, то даже самому принципиальному из адамов смитов в наши дни пришлось бы, взвесив все про и контра, разрешить вполне свободно — в *собственных* интересах — такую дилемму в пользу *общего* плана. Таков именно, по-видимому, идеал «сво-

бодного» планирования, к которому стремятся его британские пропагандисты, отнюдь не смущаясь перед лицом попыток изобразить его как «антипод свободы».

Совсем иначе эта проблема свободы разрешается, однако, в *советском* планировании. В условиях *полного* обобществления средств производства решительно ничья свобода не подвергается в процессе планирования никакому, даже косвенному, стеснению или ущемлению. И поэтому здесь даже *попыток* изобразить планирование как *антипод* свободы нельзя себе представить. В самом деле, свобода частных предпринимателей не подвергается здесь никакому риску уже потому, что их давно уже нет в стране. Свобода рабочих — и подавно. Ведь выполнение рабочими производственных заданий своего хозяина даже в странах капитализма не считается нарушением их свободы, поскольку такое выполнение является лишь прямым их служебным долгом, вытекающим из договора найма. В стране социализма, где хозяином всех предприятий является сам народ и где план рассматривается как *задание пролетариату* от имени этого хозяина — в интересах самих трудящихся, выполнение ими этого плана становится уже не только служебным, но и гражданским их долгом. Здесь хозяйственный план — это уже не просто благое пожелание, а прямое задание коллективного хозяина всем сочленам коллектива, директива, имеющая силу общеобязательного закона для всей страны. И тем не менее каждый гражданин охотно подчиняется этому закону. Он знает, что он работает в своем собственном, а не в чужом хозяйстве, и поэтому по хозяйски выполняет свой долг; тем самым он сознательно и свободно кует свое собственное благополучие.

Вместе с тем здесь существенно меняется и сама методология составления народнохозяйственных планов. Советские экономисты отказались от гаданий на кофейной гуще, именуемых «прогнозами будущего», и тому подобных малодостоверных спекуляций, к которым безуспешно прибегают экономисты на Западе. Известно, что западные конъюнктуристы ни разу еще не предугадали вовремя ни одного промышленного кризиса. К тому же — ориентироваться в планировании на объективные «тенденции развития» хозяйственной конъюнктуры — не значит ли сознательно направлять государственный корабль в пучину неизбежно вытекающих из этих тенденций промышленных кризисов? Советскому планированию нет нужды гадать о грядущей конъюнктуре, ибо оно само твердо определяет ее в пределах своей страны в своих планах строительства, производства и распределения. Ему нечего бояться утечки накоплений буржуазии в ущерб стране за границу, ибо здесь нет буржуазии. Определяя на каждый год полностью весь объем производства, а также нужное для него число работников и их суммарный заработок, план заранее балансирует возможные на внутреннем рынке спрос и предложение. А допустимые масштабы внешне торгового баланса регулируются законом о монополии внешней торговли. И, таким образом, как показал многолетний опыт, здесь исключена всякая возможность промышленных кризисов.

Как видим, и это теперь следовало бы понять, принципы социалистического планирования никак не увязываются с традициями школы Адама Смита и практикой «лессэ фэр», т. е. с полной бесконтрольностью каждого индивидуального хозяина в границах общественного хозяйства. И если в Англии все еще находятся чудаки, способные радоваться сочетанию у себя хозяйственного плана со «свободой» каждого индивидуума безнаказанно нарушать этот план, рассматривая это сочетание как особое преимущество британцев перед «другими нациями», у которых план давно уже приобрел силу закона, то объяснимо это лишь тем, что эти чудаки проходят еще только приготовительный класс труднейшей школы планирования.

2. ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «МАНЧЕСТЕР ГАРДИАН»[1]

Как старого русского экономиста, меня заинтересовала напечатанная в «Манчестер гардиан» от 16 августа статья по поводу новой книги профессора Мида «Планирование и механизм цен».

Очевидно, серьезные неудачи экономической политики правительства м-ра Эттли вызвали двойную реакцию в Вашей стране. Рассматривая лейбористских министров как ревностных поборников государственного планирования, противники его весьма обрадовались этим неудачам, а разочарованные сторонники весьма опечалены ими. Я думаю — совершенно напрасно. Люди, ставящие в связи с неудачами лейбористского правительства под сомнение самый *принцип* планирования и готовые уже отступиться от него, встав на излюбленный в Англии «средний» путь «британского компромисса» между планированием и бесплановостью, глубоко заблуждаются. Почему в одних странах, например в СССР или в государствах Юго-Восточной Европы, планирование неизменно увенчивается блестящими успехами, а в других, например в Англии, столь же неизменно сопровождается горькими неудачами. Очевидно, дело здесь *не в принципе* планирования, а в *общественно-экономических условиях,* в которых его пытаются применить.

Я вспоминаю, что года два назад м-р Герберт Моррисон выступил с гордым утверждением, что Британия *впервые* открыла совсем новый тип «свободного планирования». Метод этого «нового» британского планирования в отличие от «старого» советского, где каждый государственный план является общеобязательным *законом* для всей страны, по разъяснению м-ра Моррисона, сводится к тому, что английские планы, базируясь на «тенденциях развития», строятся как «прогнозы» на будущее. При этом их выполнение или невыполнение всецело предоставляется на свободное усмотрение самих предпринимателей в каждом отдельном случае.

По существу в этом методе уже в полной мере осуществлен тот пресловутый «средний» путь британского компромисса между планом на словах и бесплановостью на деле, который ныне вновь рекомендуется профессором Мидом как спасительный выход из обнаружившегося провала. В классовом обществе, подобном тому, которое существует в Англии, государственный план лишь благодушно *рекомендует,* скажем, «заморозить» на время не только уровень заработной платы, но вместе с тем также и уровень цен и нормы прибыли предпринимателей. Нет никакого сомнения в том, что в этих условиях фактически будет выполняться последними только *первая* из этих рекомендаций. Уровень жизни рабочих будет падать, а прибыли предпринимателей — неуклонно расти.

Разрешите мне отметить, что планы-прогнозы, пропагандируемые м-ром Моррисоном и его коллегами как величайшее их открытие,— совсем уж не такая новинка. И у нас, в СССР, в свое время их весьма усердно пропагандировали противники социализма, в расчете на реставрацию капитализма. Но для науки планирования уже давно стало азбучной истиной, что, ориентируясь на стихийные тенденции развития современного частнокапиталистического хозяйства, можно «запланировать» лишь один вполне безошибочный прогноз — прогноз неизбежности очередного кризиса данного хозяйства. Планы-прогнозы — это в сущности вовсе даже *не планы.* Никого ни к чему не обязывая, они уже в своем зародыше обречены на неудачу.

Говорить о государственном планировании всерьез можно лишь там, где, как в СССР, созданы для этого все необходимые социально-экономические предпосылки, где средства производства и государственная власть действительно находятся в руках трудящихся и где имеется твердая ре-

[1] «Manchester Guardian», 10.XI 1948.

шимость правительства без гнилых компромиссов и внутренне противоречивых полумер использовать эти предпосылки. В стране, где компромисс является высшим принципом государственной мудрости, где даже осуществление социализма не мыслится без активного ему сочувствия имущего класса и где поэтому и в колесницу планирования впрягаются в «свободном» сотрудничестве рак, лебедь и щука,— в такой стране нет условий для планирования. Вот почему мне хочется сделать следующий вывод, который представляется мне весьма утешительным для сторонников подлинного социализма в Англии.

Никакого провала принцип планирования в Англии не потерпел уже потому, что там до сих пор вовсе еще не было, нет и в ближайшем будущем не предвидится государственного планирования.

III. О «КРИЗИСАХ» В СССР

1. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ОБСЕРВЕР»[1]

Г-н редактор!

В Вашей газете от 2 марта[2] немало изумила советских читателей корреспонденция об «экономическом кризисе» в СССР, в которой он изображается по образу и подобию английского — с «низкой добычей угля», остановками домен и прочими признаками «опасной дезорганизации» хозяйства. Кризисы не свойственны советской системе, и мы успели уже основательно забыть о них, тем более нас изумило «открытие» на столбцах «Обсервера» таких признаков экономического кризиса в СССР, которых мы, советские наблюдатели, добросовестно присматриваясь к окружающей действительности, нигде вокруг себя даже через микроскоп усмотреть не можем.

Правда, война нанесла советскому хозяйству тяжелые раны, а прошлогодняя засуха и недород усугубили трудности послевоенного восстановительного периода. Не облегчает их и то усердие, с которым некоторые круги из среды наших недавних военных союзников стремятся умалить или хотя бы затормозить получение причитающихся нам репараций из стран агрессоров, беспощадно обращавших наши цветущие провинции в зоны пустыни. Но все же советское плановое хозяйство до сих пор совсем не плохо справлялось с этими трудностями.

В самом деле, мы не получили, подобно Англии, миллиардных займов от богатого американского дядюшки на восстановительные работы, хотя СССР подвергся гораздо более тяжелым разрушениям, чем Англия. Тем не менее мы сумели все же выделить из своих собственных, трудом сколоченных скромных ресурсов на финансирование народного хозяйства и восстановительные работы еще в 1945 г. 74,4 млрд. руб., в 1946 г.— свыше 95,7 млрд., а по бюджету 1947 г.— уже 131,8 млрд. руб., что по курсу рубля составит до 25 млрд. долл. за один лишь 1947 г.

Не эти ли именно факты наводят Вашего корреспондента на «мрачные» размышления о судьбах советского хозяйства?

За один лишь 1946 г. в СССР построено, восстановлено и введено в действие около 800 предприятий. Восстановлены и вступили в строй 6 домен, 18 мартенов, 9 прокатных станов и мощный блюминг, 11 коксовых батарей, 36 крупных угольных шахт, 117 турбин на электростанциях, в том числе две турбины по 100 тыс. квт. Включено вновь в работу в пострадавших районах 300 тыс. прядильных веретен. Восстановлена мощность сахарных заводов по переработке свеклы на 100 тыс. ц в сутки. Построено и восстановлено в разрушенных районах 6 млн. м^2 жилой площади и обеспечено по плану 1947 г. *удвоение* размеров этого строительства. Восстановительные работы в 1947 г. вообще развиваются в ускоренных темпах, и уже за первых два месяца вошла в строй Зуевская электростанция на 300 тыс. квт и пущена в эксплуатацию еще более грандиозная — Днепровская гидростанция.

---

[1] «The Observer», 16.III 1947

[2] 1947 г.

Спрашивается, таковы ли признаки экономического кризиса?

Несмотря на разрушение войной Донбасса, добыча угля в СССР за 1946 г. возросла на 10%, в то время как в Англии она поднялась только на 5%, и наши домны не стояли, ибо выпуск чугуна возрос на 12%. Не придется им стоять и в 1947 г., в котором продукция угля возрастает уже на 17%, а выплавка чугуна — на 21%. Конечно, советских хозяйственников ныне и столь значительные темпы роста не вполне удовлетворяют. И они поэтому нередко очень крепко критикуют друг друга за отставание на отдельных участках в полной уверенности, что советские возможности намного превышают наличные достижения. И действительно, в отраслях, которые менее пострадали от вражеского вторжения и которые легче восстановить, чем, скажем, угледобычу или черную металлургию, мы уже за 1946 г. имели такие приросты продукции: по бумажным тканям — на 17%, по обуви — на 28, по химудобрениям — на 50%, по машинам и орудиям — тоже в полтора раза выше продукции 1945 г., а в среднем по всей гражданской продукции — на 20% за год. Еще выше задания по приросту продукции в СССР, утвержденные законом на 1947 г. По всей легкой промышленности она может и должна подняться на 27%, по бумажным тканям и кожаной обуви — на 42, по сахару — на 94%. Продукция стройматериалов увеличивается: по оконному стеклу — на 42%, по деловой древесине — на 47, по кирпичу — на 67, по цементу — на 71, по стандартным домам — на 188%. По сельскохозяйственному машиностроению продукция возрастает на 178%, по тракторам — на 187, по комбайнам — на 420%. Посевная площадь при этом увеличивается на 10 млн. га за один год, а выпавшие у нас доныне повсюду глубокие снега позволяют ожидать (после такого стихийного бедствия, как прошлогодняя засуха) обильнейшего урожая. К этому можно прибавить, что государственный бюджет СССР на 1947 г. сверстан с превышением доходов над расходами в 20 млрд. руб. и с увеличением относительно предшествующего года на 22%.

Таковы ничем не прикрашенные голые факты. И если все это на английском языке именуется экономическим *кризисом,* по поводу которого столь «дружески» скорбит Ваш собственный корреспондент из Москвы, то в каких же красках и тонах прикажете трактовать определившееся на сей день экономическое «процветание» Англии нашим советским корреспендентам из Лондона?

2. БЕЗ КРИЗИСОВ И БЕЗРАБОТИЦЫ (1917—1947 гг.)[1]

Прошло всего 30 лет с тех пор, как старая, царская Россия — жандарм Европы и тюрьма народов — в результате победоносной Октябрьской революции вступила на путь социализма. В жизни народов год — это одно мгновение. И все же за эти 30 мимолетных мгновений наша юная республика совершила больший скачок вперед, чем старая Россия за последние 300 лет царизма. Будучи всего 30 лет назад одной из самых отсталых, аграрных стран Европы, СССР уже ныне стал родиной самой передовой, а в Европе и самой мощной, машинной индустрии. Небывалые темпы роста производительных сил и самые выдающиеся достижения науки и техники, искусства и литературы — все это надо рассматривать как естественный результат победы *планового* начала в этой первой в мире стране социализма, сумевшей раз и навсегда избавиться от таких величайших социальных бедствий, как *кризисы* и *безработица.*

В царской России экономические кризисы были столь же неотъемлемой и неизбежной фазой каждого промышленного цикла, как и в любой иной капиталистической стране. А безработица проявлялась здесь не толь-

---

[1] «Redgio Democratica», 3.XI 1947.

ко в обычной для всех этих стран явной форме, когда на улицу выбрасывались индустриальные рабочие, но и в особой, *скрытой* форме застарелого аграрного «перенаселения», постоянно выталкивавшей из нашей русской деревни свои пополнения в резервную армию пролетариата. И с этим тяжелым наследием обанкротившегося царизма совсем не так уж легко было справиться молодой Советской стране. Не легче было в первые годы революции изжить и всю ту хозяйственную разруху, развал железнодорожного транспорта, глубокий топливный кризис и еще более глубокий продовольственный дефицит, в который нашу обескровленную и голодающую страну ввергли мировая и гражданская войны, экономическая блокада и предательские военные интервенции еще совсем недавних милых «союзников» России.

Английские лейбористы, которые в своих первых опытах планирования уже испытали столько горьких неудач, хотя Англия несравненно менее потерпела ныне от своих страшнейших врагов — гитлеровцев, чем Советская Россия — в тогдашние годы и от врагов и от «союзников», могли бы легче других оценить все наши тогдашние трудности. И все же все эти трудности были преодолены и изжиты. Как только последний интервент (из заведомых врагов или вчерашних союзников) был выброшен наконец за пределы нашей страны, советское плановое хозяйство, быстро залечив свои раны, встало на ноги и с тех пор не знает уже никаких экономических кризисов. А еще спустя немного времени, с первых же лет первой плановой пятилетки индустриализации, в СССР исчезли и последние признаки как явной, так и скрытой безработицы.

В наши дни, когда, несмотря на долларовые интервенции или кредитные блокады и прочие помехи, к опытам планирования прибегают уже во многих странах, стоит призадуматься и над советским опытом в этой области. Как известно, Советская республика после первой мировой войны, *несмотря* на строжайшую кредитную блокаду со стороны всего капиталистического мира, без единого зарубежного доллара восстановила и наладила свое плановое хозяйство. Спрашивается, как же это оказалось возможным?

Ответ на это чрезвычайно прост. Все ценности создаются, к счастью, трудом, а не долларами. А в СССР — многие десятки миллионов трудящихся. К тому же рабочие создают больше ценностей, чем потребляют. И если этот добавочный продукт их труда поступает не в карманы частных предпринимателей, а в общенародную кассу в целях дальнейшей рационализации их труда и расширения производства, то и беднейший народ, даже вопреки всем «планам» Маршалла и прочих благодетелей, сможет и собственными своими силами обеспечить себе вполне безбедное и независимое будущее.

Именно этим методом, за счет собственного труда и собственных социалистических накоплений по своим планам, создавал свою индустриальную мощь и благосостояние советский народ. Этим методом при желании могли бы воспользоваться и другие народы.

Немалый интерес для многих представляет и другой вопрос: каким секретом пользуются в СССР, чтобы избежать столь разорительных в других странах экономических кризисов? Полагаю, что американские миллиардеры готовы были бы уплатить немалую цену за рецепт спасения от этого регулярно посещающего их, неотвратимого, как рок, бедствия. Недаром же они по «плану» Маршалла наделяли своими долларовыми займами другие страны только для того, чтобы повысив их платежеспособный спрос на *американские* товары, хоть на время *отсрочить* кризис в собственной стране. Мы можем, впрочем, сообщить им свой секрет и без всякого вознаграждения. СССР вовсе не гоняется за чужими колониальными или иными зарубежными рынками, предпочитая расширять в меру надобности свой собственный рынок. А сделать это всего проще, повышая

в меру роста товарной продукции широкого потребления *заработную плату* многомиллионной массы трудящихся своей собственной страны.

Не думаю, чтобы этот рецепт очень приглянулся американским или иным миллиардерам. Но миллионы советских рабочих такой метод расширения внутреннего рынка вполне устраивает. Да и от кризисов он обеспечивает гораздо вернее любых «планов» Маршалла. И нет разумных оснований, почему бы этот метод не использовать и в других странах. Правда, не все народы могут обойтись собственной продукцией без ввоза из-за границы отдельных продуктов. Но, как показывает опыт СССР и стран народной демократии, им ничто не мешает договориться и о международном обмене продуктами своего труда.

Проблема безработицы в СССР оказалась особенно трудной, ибо для ее решения требовалось изжить не только кризисы, но и аграрное «перенаселение» деревни. Дело в том, что советская демократия унаследовала от царизма не только очень слабую и к тому же полуразрушенную индустрию, но и крайне отсталое сельское хозяйство. Земли в России всегда было много больше, чем в других странах. Но обрабатывалась она здесь так плохо, что едва ли окупала полностью даже тот скудный труд землероба, который он в нее вкладывал, оставляя вовсе не использованными в деревне все бо̀льшие излишки крестьянского труда. Население русской деревни, при крайне отсталой и застойной агротехнике, умножалось, однако, весьма быстрыми темпами, удваиваясь за каждые 40 лет. И это создавало тем более тягостное ее «перенаселение», что выталкиваемые из деревни «лишние» рабочие руки не находили себе достаточного приложения и в слаборазвитых *отхожих* индустриальных промыслах царской России. И если учесть, что 130-миллионное сельское население тогдашней России только в качестве естественного прироста выделяло не менее 2 млн. душ ежегодно, а прирост индустриальной армии труда не поглощал и *десятой* доли этой цифры, то станет ясно, какие резервы неиспользованного труда накоплялись тогда в деревне.

Плановое хозяйство должно было прежде всего разумно использовать эти огромные трудовые резервы. И оно решило эту задачу. Уже на другой день после революции в результате национализации земельной собственности беднейшее крестьянство, получив безвозмездно в свое распоряжение все дворянские и царские земли, обрабатывавшиеся чужим трудом или вовсе заброшенные, смогло значительно, вдвое и больше, *расширить* свои запашки, а стало быть, и использование своего труда в собственном своем хозяйстве. Но этого было мало. И в СССР еще к 1928 г. насчитывалось до полутора миллионов безработных. Однако к этому времени был уже разработан и вступил в действие великий советский план индустриализации СССР. И за первую же пятилетку его действия (1928—1932 гг.) армия рабочих и служащих СССР выросла почти вдвое, с 11,6 млн. до 22,6 млн. работников. Призыв на работу за столь короткий срок свыше десятка миллионов новых работников сразу же рассосал не только все видимые, но и скрытые в аграрном перенаселении резервы потенциальной безработицы. И уже за следующий 1933 г. получилась даже весьма чувствительная остановка в росте индустриальных советских кадров.

Вместо одной трудности назревала другая. Изжив тягостную безработицу, страна могла бы надолго остаться без достаточных кадров рабочей силы для дальнейшей ее индустриализации столь же высокими темпами. Однако и эта трудность была предусмотрена ленинским планом коллективизации сельскохозяйственного труда путем объединения мелких крестьянских хозяйств в крупные трудовые коллективы с достаточно большими массивами земли для использования на них самой передовой машинной техники — тракторов и комбайнов. Этот план был подкреплен соответствующей программой машиностроения. Как известно, каждый трактор за смену экономит не менее трех поденщин землероба, а ком-

байн — даже до десятка их. А между тем в сельское хозяйство СССР уже к 1938 г. (за две пятилетки) было внедрено свыше 600 тыс. тракторов, до 200 тыс. грузовых автомобилей и более 150 тыс. комбайнов, не считая множества других машин. Общая мощность их достигала 20 млн. л. с., что способно заменить 200 млн. рабочих! Не мудрено, что это повысило производительность крестьянского труда раза в три и позволило безболезненно привлечь из деревни в город новые миллионы работников для индустриального труда. В общем итоге с 1928 по 1940 г. число всех рабочих и служащих СССР выросло почти втрое и составило 31,2 млн. человек, и во многих областях городское население уже превзошло сельское. Таким образом, и без резервной армии безработных плановое хозяйство нашло возможность высвобождать необходимые ему трудовые резервы из одних областей труда для того, чтобы немедленно же использовать их в других с еще большим эффектом для всего народного хозяйства в целом.

Таковы лишь некоторые наиболее осязаемые итоги *планового* развития социалистической экономики СССР. Советский Союз еще очень молод. Но он вырастил уже целое поколение новых людей, не испытавших в своей жизни никакого гнета, никакой эксплуатации и никакой, ни расовой, ни национальной, дискриминации. Ему чужды тенденции расширения за чужой счет. Но он не допустит никаких агрессивных покушений и на свою свободу. Его опыт учит, что для планового хозяйства *нет* непреодолимых трудностей. И советский народ смело смотрит вперед с полной уверенностью, что за следующие 30 лет его страна, уже обеспеченная от бедствий кризисов и ужасов безработицы, добьется в мирном труде еще более славных и величественных побед.

IV. О ПАРИЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1947 г.

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ТАЙМСА»)[1]

Г-н редактор!

Читатели «Таймса» привыкли всегда находить в нем самую широкую и достоверную информацию из первоисточников. И потому, вероятно, не один из них с большим недоумением прочел в столь солидном органе печати крайне легковесное сообщение из Парижа о том, что Москва «заставила» Чехословакию отказаться от приглашения на Парижскую конференцию за американскими кредитами по «плану» Маршалла.

Казалось бы, что первоисточников для такой информации следовало искать скорее в Москве и в Праге, чем в Париже, а если уж в Париже, то из действительно осведомленных источников. А между тем Ваш парижский корреспондент считает вполне достаточной для своей аудитории и такую ссылку на свой первоисточник: «Почти все уверены, что...» и т. д. Не думает ли он, что вполне пригодным для «Таймса» источником информации о дипломатических взаимоотношениях держав может служить даже болтовня посетителей любой кофейни с Больших бульваров Парижа? Но не слишком ли преувеличивает он в таком случае наивной доверчивости солидных читателей этой газеты?

И в Париже можно было получить вполне достоверную информацию по данному вопросу. Ведь именно там советскими дипломатами было показано, почему державам, дорожащим своим суверенитетом, даже при более реальном звоне гипотетических пока американских долларов, не следует особенно спешить туда, где расплачиваться за эту приманку им в конце концов неминуемо пришлось бы той или иной долей этого суверенитета. И если ряд держав, внявших убедительной логике этого дружеского предостережения, последовал примеру СССР, то именно потому, что они больше других дорожат своей экономической и политической независимостью и не желают подвергать излишнему риску свой суверенитет. Такие державы никто не «заставит» — ни силой, ни золотом — плясать против их воли под чужую дудку.

Совсем не случайно, однако, что не соблазнились на сей раз звоном золота в чужих карманах как раз страны народной демократии, которые ныне не на словах, а на деле взялись за *плановое* развитие своей экономики. И им, конечно, очень пригодилось бы золото. Но им вовсе не улыбается перспектива импортировать к себе вместо него экономический кризис. Кредиты не даются ведь даром. И потекут они во все страны, конечно, не золотым, а товарным потоком, перед которым, кстати сказать, вынуждены будут почтительно расступиться все местные, доморощенные товары этих стран. Добрейший «дядюшка Сэм», который дает капиталистическому миру до двух третей потребляемой им товарной продукции, вполне способен предоставить ему по самым сходным ценам и остальную треть. Но если в царстве доллара такое расширение, хотя бы в известной мере даже бросового экспорта, сможет на время задержать надвигающийся кризис, то в странах, куда устремится этот экспорт, он лишь ускорит и усилит все бедствия кризиса. А затем перед ними встанет новый вопрос. Чем же они смогут расплатиться за весь предоставленный им щедрым за-

[1] «The Times», 4.VIII 1947.

океанским «дядюшкой» товарный экспорт? Собственным экспортом? Но куда, если все внешние рынки станут уже безраздельной добычей монополизировавшего их американского капитала? Новыми займами у него же? Но не вовлечет ли это их уже в совершенно безнадежную экономическую, а вместе с тем и политическую кабалу к своим заимодавцам?

Страны народной демократии, укрываясь от бедствий кризисов испытанным уже щитом *планового* хозяйства, весьма резонно *не желают* впустить в свою плановую крепость опасного троянского коня, хотя в его чреве укрываются ныне уже не вражеские воины и не разрушительные атомные бомбы, а лишь самые мирные мешки с бумажными долларами — в качестве аванса по самым многообещающим займам и задатка за участие в самом симпатичном из возможных блоков. И эта их предосторожность вполне понятна.

Менее понятно, почему такие старые капиталистические страны, как Англия и Франция, которым еще никак не удается — даже с помощью чужих долларов — наладить сколько-нибудь сносный порядок в собственном хозяйстве, с такой готовностью ухватились за подсказанную им идею *перепланировать* по чужой указке всю Европу. Во-первых, это не так уж просто, во-вторых, не столь уж соблазнительно для Европы, а в-третьих, и не совсем безопасно для нее. Извергаемые троянским конем чужие миллиарды, как показал послевоенный опыт, чересчур уж быстро и бесследно уплывают. Обязательства же остаются. И, вынуждая к выполнению *чужих* требований, они способны подорвать *собственную* экономику. Нам очень жаль, однако, что этой опасности все еще никак не могут или не хотят понять в одной из старейших буржуазно-демократических республик мира, которая впустила к себе троянского коня и *уже расплачивается* за это столь ей самой необходимыми для экспорта рынками своих собственных доминионов.

Не думает ли редакция «Таймса», что в интересах всесторонней информации своих читателей их не мешало бы осведомить и о всех качествах этого нового троянского коня наших дней?

V. ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

1. НЕОБХОДИМО ВОССТАНОВИТЬ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТОРГОВЫЙ ОБМЕН [1]

Международное экономическое совещание, созываемое на апрель сего года в Москве, ставит перед собой весьма важную и притом отнюдь не утопическую задачу. Оно должно разрядить то все нарастающее напряжение в международной обстановке, которое, раскалывая мир на два противоположных лагеря, нарушает нормальные экономические связи в мировой экономике, ведет к вреднейшей экономической изоляции издавна связанных между собой соседних народов, к прекращению международного обмена материальными и культурными ценностями, к подрыву международных кредитных взаимоотношений, к углублению мирового валютного хаоса и пагубной для трудящихся масс денежной инфляции в доброй половине всего мира.

В обращении инициаторов этого совещания, составленном группой общественных деятелей разных стран в Копенгагене, выражается глубокое беспокойство по поводу вышеуказанного развала экономических связей, уже ныне пагубно сказывающегося на жизненном уровне населения целого ряда стран и народов. Вместе с тем они выражают надежду, что укрепление и расширение экономического сотрудничества между странами могли бы способствовать улучшению жизненных условий народов и явиться началом ослабления напряженности в международной обстановке. Не признавая фатальности такого раскола мира, который исключал бы возможность подлинного международного сотрудничества народов, несмотря на различие экономических систем в разных странах, инициаторы Московского совещания предлагают только *обсудить* вопрос о том, *что можно сделать для улучшения жизни людей* во второй половине XX в. при условии сохранения мира и возможном расширении международных экономических связей.

На совещание приглашаются экономисты-теоретики и деловые люди торгово-промышленных кругов, хозяйственники, кооператоры, представители профсоюзов, специалисты в области передовой техники самых различных стран, социальных состояний и политических убеждений. Само собой разумеется, что при таком составе совещания на нем вовсе не предполагается дебатировать спорные вопросы высокой политики, разделяющие ныне участников совещания. Непосредственной прямой его целью являются прежде всего самые конкретные и деловые вопросы экономического сотрудничества в области международного обмена и культурных связей между странами, сотрудничества на равных началах, без всяких взаимных дискриминаций ради достижения возможных уже ныне соглашений на этом пути.

Расценивая шансы на успех такого совещания, было бы, конечно, очень наивно игнорировать те глубочайшие экономические противоречия интересов, которые, раздирая современный мир на враждебные блоки и классы, разделяют его и в отношении к данному совещанию и его задачам. Одни силы будут ему, несомненно, противодействовать, а другие,

[1] «News», 1952, № 3.

наоборот, всемерно содействовать. Но трезвый экономический анализ международной обстановки и тех реальных жизненных интересов, удовлетворению которых призвано служить Московское совещание, убеждает нас, что оно не может быть безуспешным.

В самом деле, посмотрим спокойно в глаза нелицеприятным фактам и попробуем оценить вполне объективно, без всякого пристрастия, о чем они свидетельствуют. Основным фактом мировой экономики наших дней является, конечно, параллельное сосуществование двух принципиально различных систем народного хозяйства, организованных политически в два противостоящих друг другу сверхмощных блока стран и народов. Можно по-разному расценивать этот факт, но игнорировать его невозможно. Нельзя не считаться также и с другим бесспорным фактом, что многолетний опыт доказал полную возможность *мирного* сосуществования двух экономических систем, при котором народнохозяйственное их *соревнование* отнюдь не исключало и международного *сотрудничества* на поприще мирового товарообмена и на путях технического прогресса, науки и культуры. И это взаимное сотрудничество шло на пользу обеим системам, расширяя общий мировой рынок, снабжая каждую сторону дефицитными элементами производства и тем самым повышая благосостояние трудящихся в рамках одной системы и прибыли капиталистов в рамках другой.

Спрашивается, почему же это мирное сотрудничество, вполне осуществимое и небезвыгодное для обеих систем, ныне столь решительно отвергается одной из них? Почему Западный блок во главе с недавними «изоляционистами» из Соединенных Штатов воздвигает ныне свой «железный занавес» изоляции в форме законов Беттла, торговых эмбарго и общей экономической блокады всех стран лагеря мира и социализма, добиваясь теперь уже очень далеко за рамками «Америки для американцев» *раскола всего мира* на две примерно равномощные половины? И в чьих, собственно говоря, интересах осуществляется эта изоляция?

Похоже на то, что Западный блок, уже сильно разочаровавшись в преимуществах своей экономической системы и ее шансах на победу в *мирном* соревновании на мировом рынке, спешит прочно оградить свои пределы от всякого экономического воздействия и соприкосновения восточных стран, с тем чтобы скорее подготовиться к более успешному соревнованию с ними уже иными, более решительными, *внеэкономическими* методами. Однако даже злейшие агрессоры Запада не решаются обосновывать эту тактику «холодной войны» иными мотивами, помимо оборонных задач на случай агрессии с Востока, ибо народы отнюдь не хотят превращаться в пушечное мясо. И так как никакой угрозы агрессии с Востока нет и не предвидится, а заварить без нее горячую войну вопреки ясно осязаемой воле народов трудно даже крайним авантюристам, то вполне реальной угрозой миру еще на весьма длительный срок остается лишь тягостная для всех народов гонка вооружений и дальнейшее расстройство мировых экономических связей.

Возомнив себя новым Наполеоном, г-н Ачесон заговорил уже о новой «континентальной блокаде», которой желал бы подвергнуть на этот раз всю восточную половину мира. Но когда одна половина мира блокирует другую, то и сама прежде всего попадает в состояние добровольной самоблокады. Ачесону известно, что даже такой гениальный стратег, как Наполеон, в апогее своего могущества, навалившись целым континентом на островную Англию, не только не смог задушить ее блокадой, но и сам пал жертвой своей бредовой идеи о мировом господстве. Навязчивые идеи г-на Ачесона чреваты для его хозяев не меньшими неприятностями. Г-н Ачесон утверждает, что экономическая блокада в наши дни глубочайшей индустриализации мира окажется гораздо эффективнее, чем в дни Наполеона. Да, это верно. Но, для какой половины индустриального мира

она окажется на сей раз губительнее, этого, по-видимому, еще не додумали новоявленные наполеоны. А между тем совсем нетрудно сообразить, что в соревновании двух систем *плановая* система хозяйства, несомненно, в гораздо меньшей степени подвержена губительным воздействиям блокады, чем страны Западного блока, где еще господствует рыночная стихия.

И это легко подтвердить бесспорными фактами. Плановое хозяйство СССР уже выдержало целую полосу интервенций и блокады в самом начале своего самодеятельного бытия. И, как известно, не только не пришло в результате этой блокады в упадок, а, наоборот, несмотря на нее, опередило в своем развитии многие блокировавшие его страны Запада. Первая блокада Советского Союза была сорвана еще в 1920 г. И не потому, конечно, что западноевропейская буржуазия воспылала неожиданными симпатиями к коммунизму, а просто потому, что она к 1920 г. уже сильно соскучилась по русскому сырью и русскому рынку. Но опыт блокады не остался для нас бесплодным.

Перестроив в плановом порядке свое хозяйство так, чтобы в наименьшей мере зависеть от периодических потрясений и прочих «случайностей» мирового рынка, Советский Союз уже через несколько лет вышел по масштабам своей продукции на первое место в Европе, обогнав уже к 1935 г. не только Францию и Англию, но и Германию. По сравнению с царской Россией 1913 г. это означало возрастание индустриальной продукции в Стране Советов почти в 6 раз, в том числе по машиностроению — в 22 раза, а по электроэнергии — в 32 раза. Вместе с тем если в 1913 г. потребность страны в машинах и орудиях покрывалась иностранным ввозом на 62%, то в 1935 г. импорт их не превышал уже 0,3% внутренней потребности. Подобно тому же импорт химикалий сократился за тот же срок с 27 до 0,3% от во много раз возросшей в них потребности, импорт целлюлозы с 22% упал до 0,7% потребности, ввоз хлопка, достигавший 55,5% потребности, вовсе стал излишним. Точно так же упал до нуля ввоз суперфосфата, электроферросплавов, алюминия, цинка и др. И вообще с тех пор уже никакая блокада не сможет поколебать экономической независимости Советского Союза от внешнего мира, хотя его рынок по-прежнему представляет собой для западных стран не малую величину.

Современные горе-наполеоны пытаются снова задушить СССР в кольце экономической блокады, сковав на этот раз вместе с ним целый континент свободолюбивых народов Востока. Ну что ж, на таком просторе в содружестве 800 млн. трудящихся *плановое* хозяйство этих народов получит лишь новые возможности бескризисного роста за счет собственных внутренних ресурсов.

Но кто же из держав Западного блока останется от этого в выигрыше? Ведь ни одна из них в существующих условиях не обладает возможностями развиваться, подобно СССР, за счет одних лишь *собственных* ресурсов. Всем им до зарезу необходим выход на внешние рынки для реализации излишков своей индустриальной продукции. Все они крайне нуждаются в продовольственных или сырьевых ресурсах. Англия, например, вследствие своего однобокого развития питается русским хлебом, строит из русского леса и не может жить без ввоза хлопка, каучука, нефти, бокситов, железной руды, меди, никеля, цинка. Германия всегда зависела от ввоза нефти, хлопка, каучука, марганца, бокситов, железной руды. США вынуждены почти целиком удовлетворять свои потребности в каучуке, марганце, никеле, сахаре, хромитах за счет ввоза. В не меньшей степени нуждаются в импорте сырья и другие индустриальные страны Запада.

Диктуемая из Вашингтона блокада Востока грозит им всем весьма серьезными неприятностями. И прежде всего существенным сокращением производства, а стало быть, не только снижением доходов предпринимателей, но и расширением армии безработных, а вместе с тем нищеты и голода народных масс. Правда, США усиленно «помогают» этим странам

форсировать гонку вооружений ввозом своего оружия и других американских изделий. Но такой импорт в еще большей мере суживает рынок для внутреннего производства этих стран, изнемогающих от американской помощи. Газеты сообщают, что во Франции из-за конкуренции американских монополий к началу 1952 г. не имело работы свыше 100 тыс. текстильных рабочих. В Италии уже за первый год американской «помощи» по «плану» Маршалла закрылось 394 предприятия, на следующий год — 864, за 1949 г. — 1208, за 1950 г. — 1783. И, конечно, в этих условиях еще торговое эмбарго на 313 товаров, торговать которыми с Востоком гг. Ачесоны уже запретили западным странам, не могло послужить к улучшению торгово-промышленной конъюнктуры на Западе. Недаром лейборист Р. Кроссмэн давно уже взывал к милосердию Уолл-стрита, заверяя тамошних наполеонов, что «полная блокада» СССР *разорила* бы Англию; г-н Моррисон выразил опасение, что Англия могла бы даже «погибнуть» от такой блокады, а мистер Черчилль заявил, что Англия уже оказалась перед фактом финансового кризиса и даже «национального банкротства».

Перед лицом таких фактов, знаменующих собой развал экономики европейских партнеров США, можно бы подумать, что потери слабейших партнеров в этой опасной игре новейших изоляционистов по крайней мере окупаются огромными достижениями сильнейшего из них — заатлантического партнера. Но и этого нельзя сказать. Авантюристическая политика «холодной войны» и гонки вооружений, избранная наполеонами с Уолл-стрита ради избежания промышленного кризиса перепроизводства, не принесли американскому народу никакого облегчения, ибо вместо одного бедствия ввергает его в другие, еще большие. Ведь перестройка всей экономики в мирное время на военный лад ни для одной страны не может пройти безнаказанно. Отвлекая от *производительного* использования важнейшие трудовые и материальные ресурсы страны, такая перестройка уже сама по себе означает величайшее расточительство производительных сил и глубокий кризис мирного гражданского производства. Пушки не заменяют трудящимся масла. Но их производство нужно чем-то окупать. И налоги на трудящиеся классы в США возросли к 1952 г. в 5 раз по сравнению с 1939 г. Покупательная сила доллара упала вдвое, а индекс дороговизны, по данным профсоюзов, уже к середине 1951 г. достигал 162% довоенного уровня. Если к этому еще добавить много миллионов полных и частичных безработных, то и «американский образ жизни» не покажется уже никому слишком завидным.

А со временем он будет еще менее завидным. В докладе министра обороны Вильсона президенту Трумену ясно сказано, что в 1952 г. в результате военной программы американский народ будет испытывать еще бóльшую нехватку товаров гражданского потребления, чем в прошлом. Стали для мирной промышленности будет предоставлено на 40% меньше, чем год тому назад, меди и алюминия — на $^2/_3$ меньше, никеля она вовсе не получит; коммерческое строительство прекращается, все поставки станков «фирмам, не работающим на оборону», с февраля будут вовсе запрещены. Таким образом, целый ряд мирных производств претерпит дальнейший урон и сокращение. Безработица еще умножится. Политика блокады стран Востока в условиях нарастающего товарного голода на Западе все более представляется многим деловым людям безрассудной, если не самоубийственной для Запада. В выигрыше от нее, несомненно, остаются, загребая миллиарды сверхприбылей от военных поставок, пока что только воротилы Уолл-стрита, играющие ва-банк в этой азартной игре, в которой, как показал уже опыт Нюрнберга, нетрудно потерять и голову. Но ведь в каждой стране, помимо таких профессиональных торговцев смертью, даже в предпринимательской среде имеется немало людей, которые предпочли бы торговать менее одиозными товарами и которым известно, что всякая блокада благоприятствует лишь контрабандистам за счет разоре-

ния нормальной торговли. Точно так же понятно, что даже «холодная война», обогащая собственников немногих отраслей *военной* промышленности, способна разорить все остальные, мирные отрасли труда, поражая в них не только рабочих, но и хозяев, одних — голодом, других — банкротствами.

Вот почему можно с уверенностью сказать, что международное экономическое совещание в Москве привлечет к себе внимание не только экономистов миролюбивых стран Востока, но и очень многих деловых людей воинствующего Запада. Всем тем из них, кто непосредственно не связан с *военной* промышленностью и потому уже лично, *по-деловому* заинтересован в восстановлении торгово-промышленных и культурных связей Запада с Востоком, личное участие в Московском совещании поможет без всякой посторонней помощи, лично разобраться в сложной мировой конъюнктуре и принять те или иные деловые решения.

Кое-кто из западных гостей не откажется, вероятно, побывать в Красной Москве из одного лишь любопытства, из желания посмотреть собственными глазами на то, что скрывается за пресловутым «железным занавесом». И они действительно смогут даже невооруженным глазом увидеть здесь для себя немало поучительного, например величайшие мирные стройки вместо военных приготовлений. Во всяком случае можно надеяться, что и они, осмотревшись в Москве, лишний раз убедятся в том, что с нашей страной гораздо выгоднее и приятнее торговать, чем сражаться.

Будем же крепить мировые экономические связи!

2. ИТОГИ МОСКОВСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ 1952 г. [1]

(ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ УЧАСТНИКА)

В советской прессе Международному экономическому совещанию было уже уделено достаточно внимания. И это позволяет мне без излишних повторений остановиться лишь на тех моментах этой международной встречи, какие, по моим личным наблюдениям и впечатлениям, особенно любопытны.

Заурядная торговля представляется нам часто самой бесцветной, плоской и пошлой житейской прозой. А между тем, перерастая известные масштабы (с переходом количества в качество), она из экономических глубин поднимает на политические высоты уже незаурядные проблемы и может стать рычагом мощных воздействий на мир.

Наиболее узким местом, чувствительнейшей болячкой и слабейшим звеном в цепи межхозяйственных мировых связей на данном этапе, несомненно, является область *международной* торговли. Эта область подверглась наибольшему ущемлению в условиях предвоенной конъюнктуры. Вот почему, ухватившись за это звено, легче всего мобилизовать силу личной экономической заинтересованности не только деловых кругов, но и широких масс трудящихся в *бесперебойности* общественного производства в международном обмене, направив эту заинтересованность против поджигателей войны.

Реальные торговые сделки между Западом и Востоком осязательнее любых резолюций обнаруживают возможности получить в условиях мира заработок миллионам безработных и избежать миллионных убытков и банкротств тысячам фабрикантов и коммерсантов, занятых в мирных отраслях хозяйства. А это наиболее доходчивый аргумент за сохранение мира, за *экономическое* лишь соревнование противоположных систем и тем самым против безумного самоистребления человечества с беспощадным разрушением всех его производительных сил. Конечно, расширение международной торговли с ликвидацией на ее пути всех искусственных

[1] С. Г. Струмилин. Очерки социалистической экономики СССР. Госполитиздат, 1959.

преград и дискриминаций и само по себе представляет немалое благо. Но неизмеримо ценнее тот опыт, в котором деловые люди различных стран, политических воззрений и социальных положений впервые нашли *общий язык* в оценке своих общих экономических интересов и пришли наперекор всем препятствиям к единодушным решениям первостепенного значения.

Если народы начинают успешно договариваться между собой даже без дипломатов и изъявлять свою волю уже через головы своих правителей, с этим — хочешь не хочешь — приходится считаться. И этот опыт Международного экономического совещания в Москве, как мне кажется, открывает *новую* страницу в истории международных отношений.

Предыстория Московского совещания общеизвестна. Механизм хозяйственной системы империализма со времени второй мировой войны с каждым годом приходит во все большее расстройство. Эта война прежде всего послужила крайне резкому перераспределению богатств в лагере империализма. Больше всего при этом потеряли побежденные страны-агрессоры. Но и в лагере победителей произошли огромные сдвиги в перераспределении их хозяйственных ресурсов. Так, например, еще недавно одна из богатейших стран мира — Великобритания в результате войны, по свидетельству лорда Бойд-Орра, английского делегата на Московском совещании, «утратила свои богатства, ее иностранные авуары были ликвидированы, страна стала бедной... Крупные состояния, существовавшие до войны, тают, как снег под лучами весеннего солнца» [1]. Сильно обнищала и Франция. Зато тем сильнее обогатились в результате войны США. И в условиях столь резких *нарушений равновесия* на международном рынке одни Соединенные Штаты вынуждены экспортировать ныне больше товаров, чем их можно сбыть на всех доступных им рынках. Эта задача осложняется еще тем, что целый ряд стран народной демократии и стран Востока вовсе выпал из сферы влияния западного империализма.

Капиталистический мир и прежде страдал глубокими внутренними противоречиями, приводившими его периодически к жесточайшим потрясениям мировых экономических кризисов. Но после второй мировой войны эти противоречия еще многократно умножились и углубились. Обострились внутренние социальные противоречия и *классовая борьба* в отдельных странах. Выросли до неузнаваемости противоречия между *бывшими колониями и их метрополиями.* И, наконец, весь мир уже раскололся на два принципиально различных лагеря *империализма* и *социализма.* Вместе с тем, как известно, капиталистические страны развивались крайне неравномерно и *однобоко,* с громадным опережением индустриальных отраслей труда над остальными. В результате каждая из них, располагая большими избытками индустриальной продукции, страдает от недостатка тех или иных видов крайне необходимого сырья и продовольствия и потому не может существовать без международного товарооборота и внешней торговли, в экономической изоляции от других стран. Даже богатейшие страны империализма, в том числе и США, не свободны от этой зависимости, пожалуй, они даже больше других нуждаются в международном рынке. Американский бизнесмен Оливер Викери на Московском совещании выразил эту закономерность следующими словами: «Ни одна из представленных здесь стран не является самообеспеченной. Нравится нам это или нет,— мы нуждаемся друг в друге для того, чтобы существовать» [2].

С этой истиной в особенности следовало бы посчитаться странам империализма, в лагере которых послевоенное расстройство мировых экономических связей уже сказалось самыми тяжелыми последствиями. Основательно порастеряв свои колониальные рынки и авуары при сниженной за

---

[1] «Международное экономическое совещание в Москве» 3—12 апреля 1952 г. («МЭС»). М., 1952, стр. 71—72.

[2] «МЭС», стр. 32.

время войны покупательной способности собственного трудового населения, большинство этих стран в условиях валютного хаоса уже несколько лет подряд не справляется со все возрастающими дефицитами в своих торговых и платежных балансах. Одни лишь США продают несравненно больше товаров, чем покупают, вынуждая свою клиентуру методами маршаллизации приобретать в США даже то, что ей вовсе не требуется, и форсируя у своих сателлитов долларовый голод, девальвации и безбрежную инфляцию. Но перспектива надвигающегося кризиса витает уже не первый год и перед США. Чтобы избежать кризиса, мудрецы Уолл-стрита, как известно, стали раздувать военный психоз и под предлогом отпора мнимой коммунистической агрессии предприняли бешеную гонку вооружений. Военная конъюнктура, однако, вполне устраивает только те круги крупнейших представителей монополистического капитала, которые питаются казенными заказами за счет бюджетных ресурсов, т. е. за счет налоговых изъятий у населения.

Военные бюджеты стран Североатлантического блока, возглавляемого США, колоссальны. Но нетрудно понять, что, направляя колоссальные ассигнования в интересах одной лишь группы буржуазии на совершенно непроизводительные затраты и взимая средства для этого у населения, бюджет *ровно на столько же* снижает его покупательную способность в отношении продукции всех отраслей мирного труда. А это означает соответствующее сокращение мирного производства, умножение безработицы, снижение уровня жизни трудящихся и по меньшей мере огромные потери, если не банкротства, большого числа предпринимателей и коммерсантов во всех отраслях экономики. Иными словами, высокая военная конъюнктура, создавая *видимость* процветания на отдельных участках хозяйственной системы империализма, лишь ускоряет и углубляет *общий ее кризис*. Но такая политика, которая только поджигателям войны и фабрикантам смерти позволяет снимать конъюнктурные сливки, не оставляя всем остальным «деловым кругам» даже кислого молока, не может рассчитывать на продолжительный успех и в *буржуазной среде*, не говоря уже о трудящихся массах.

Рыцари атомных бомб и барды чумы и холеры, отнюдь не содействующие развитию международной торговли, потеряли уже всякий кредит у серьезных коммерсантов даже на своей родине. И это с полной ясностью обнаружилось на Международном экономическом совещании в Москве. Упомянутый уже выше делегат О. Викери, экспортирующий из США электроприборы и химикалии и отдающий дань «философии Маркса», хотя сам он лично оказывает предпочтение «системе свободного предпринимательства», как «более справедливой», высказался на Московском совещании следующим образом: «Огромное большинство деловых людей Америки, так же как и подавляющее большинство американцев других профессий, считает третью мировую войну *совершенным безумием»*. И в пояснение этого утверждения м-р Викери привел следующее весьма веское с точки зрения здоровой коммерции соображение. Современная война истребляет миллионы людей, являющихся потенциальными покупателями. Но какой же разумный купец вздумает убивать своих покупателей? «Делец, желающий убивать своих клиентов,— заключил наш экспортер,— *нуждается в смирительной рубашке* и должен быть водворен в палату для *умалишенных»* [1].

Это не очень лестная оценка разума столь известных сограждан м-ра Викери, как гг. Трумэн, Ачесон, Макартур, Риджуэй и др., но, по-видимому, довольно уместная и даже великодушная. Ведь умалишенных не судят. Если бы покойному военному министру США Форрестолу вовремя надели смирительную рубашку, он бы и по сей день еще здрав-

[1] «МЭС», стр. 32 (Курсив наш.— *С. С.*).

ствовал. Если деловые люди США применят рецепт м-ра Викери и к некоторым дельцам из Пентагона, то такая профилактическая мера и для этих дельцов оказалась бы весьма великодушной, да и весь мир вздохнул бы после того свободнее.

«Великолепное выступление мистера Викери нужно расценить как голос *американского народа*» [1],— сказал на следующий день почтенный лидер английской делегации лорд Бойд-Орр. И если он имел в виду признание новой войны безумием, то к этому мнению пришло уже и много других народов.

Следует напомнить, что инициатива Московского совещания исходила от деловых кругов Запада. Более года тому назад инициаторы этого совещания, как докладывал нам один из них — француз Робер Шамбейрон, собрались впервые в Париже. Их тревожили экономические трудности в области международной торговли, сделавшие «практически невозможным уравновесить *торговый баланс* их стран». Чтобы преодолеть эти трудности, следовало «попытаться предпринять какие-либо шаги в целях восстановления нормальных экономических отношений со странами *Восточной Европы,* что было желательно в связи *с быстрым экономическим развитием* этих стран и *большой стабильностью их рынков».* Выяснилось при этом, что договориться с заинтересованными кругами по таким вопросам легче всего будет путем созыва «конференции *частных* лиц, а не представителей правительств». Договорились также в интересах делового характера совещания — и это было закреплено в его регламенте,— что «всякие дискуссии о сравнительных преимуществах различных экономических и социальных систем исключаются». Местом созыва совещания была избрана Москва потому, что только здесь оказалось возможным получить в отношении виз и других условий все гарантии, необходимые для такого рода собраний, хотя Советская страна, вероятно, менее всех других была заинтересована в улучшении *своего* торгового баланса. Но она никогда не отказывалась от торговли на равновыгодных условиях и без всякой дискриминации с другими странами. Поэтому и в данном случае она не отказалась от активного участия в созванном совещании.

Несмотря на строгое соблюдение всех требований политической нейтральности и полной независимости от каких-либо правительств или от какого бы то ни было общественного движения созываемого международного совещания, созыву его было поставлено в ряде стран немало преград. Но заинтересованность деловых кругов мира в разрешении экономических задач в области международной торговли позволила им преодолеть все трудности и преграды. В Москву на совещание прибыл 521 человек из 49 стран мира с населением *до 2 млрд. душ.* Такого представительства не достигала еще ни одна международная ассамблея!

Проанализировав опубликованный список 48 делегаций, мы можем расчленить представленные на этой ассамблее страны по их социально-политической и экономической структуре на три весьма различные группы. Это прежде всего мощный «Западный блок» наиболее индустриализованных *стран империализма*, возглавляемый США, с включением всех стран Западной Европы, а также Канады и Японии. Наряду с ним можно поставить не менее мощный «Восточный блок» народов, уже вступивших или только вступающих на путь социализма, во главе с СССР. И в третью группу мы относим все *слаборазвитые* в индустриальном отношении, а также *колониальные и полуколониальные страны мира.* По своим особым интересам они представляют собой еще один потенциальный блок, который, занимая промежуточные позиции в соревновании двух основных экономических систем, способен оказать немаловажное содействие поддержанию хотя бы неустойчивого равновесия мировых потенций.

---

[1] «МЭС», стр. 72 (Курсив наш.— *С. С.*).

По числу стран, представленных на совещании, на первом месте оказалась группа так называемых слаборазвитых стран (в числе 20 делегаций), на втором — страны «Западного блока» (17 делегаций) и только на третьем — 11 делегаций стран социализма. По числу делегатов, не включая сюда «гостей» и «экспертов», первое место занял «Западный блок» стран империализма, 179 делегатов (41%), второе — слаборазвитые страны, 135 делегатов (31%) и третье — страны «Восточного блока», 125 делегатов (всего 28%). Зато по представленному на совещании населению на первом месте оказались социалистические страны (41% населения земного шара), на втором — слаборазвитые страны, включая Индию и Пакистан, Индонезию и Египет, Иран и прочие малые страны Юго-Восточной Азии, Африки и Южной Америки (36% населения), и только на третьем месте — западные империалистические страны (23% населения).

По социальному составу, который, кстати, очень пестр, делегации можно подразделить тоже на три основные группы. Наиболее значительной из них на совещании, как и следовало ожидать, оказалась группа так называемых деловых людей, куда вошли предприниматели всякого рода и хозяйственники, фабриканты и коммерсанты, финансисты, плантаторы, директора и инженеры разных фирм. Общее их число — 255 человек — составляло 58% всего числа делегатов. Но финансовый их удельный вес был, конечно, много больше. «Наши представители, если вы посмотрите на них,— все молодые люди,— так рекомендовал, например, совещанию своих деловых коллег делегат Пакистана Х. А. Алави,— но каждый из них может лично заключить торговые сделки на миллионы и миллионы фунтов стерлингов» [1]. Ко второй группе делегатов можно отнести интеллигентскую прослойку: профессоров, ученых, экономистов, журналистов, общественных деятелей. Эта группа (99 человек) составляла около 23% от общего числа делегатов. И, наконец, третью группу составили деятели рабочих профессиональных союзов и кооперативных организаций в числе 85 делегатов, или 19% членов совещания. Последние две группы делегатов не располагали, разумеется, миллионами фунтов стерлингов. Но и они внесли свой идеологический вклад в общие итоги совещания.

Заслуживает внимания факт, что, несмотря на всю пестроту своего социального состава, совещание проходило чрезвычайно гладко, дружно и целеустремленно, без малейших инцидентов и бесплодных дискуссий по тем проблемам, какие не стояли в порядке дня данного совещания. Основной проблемой совещания было, конечно, расширение мировых экономических связей, прежде всего уничтожение дискриминаций и ограничений в области торговли. Эта проблема так тесно связана с борьбой за мир во всем мире, что к ней невольно обращалось большинство ораторов, причем сочувствие аудитории неизменно оказывалось на стороне борцов за мир. Советским ораторам не было никакой нужды кого-либо агитировать в пользу своих концепций. О преимуществах планируемой экономики над «свободной» говорили неоспоримые факты. Каждый оратор из лагеря этой «свободной» экономики, поднимаясь на трибуну, *жаловался на полное ее расстройство,* сокращение производства и сбыта, рост цен и безработицы, в то время как делегаты из стран планируемой экономики в один голос свидетельствовали о *бурном росте* продукции и товарооборота, снижении цен и подъеме уровня жизни трудящихся.

За «железным занавесом» открывались для наших гостей по контрасту с тем, что они видели у себя, исключительно заманчивые перспективы.

Приведем, однако, ряд подлинных высказываний приезжих делегатов из разных стран.

Делегат Англии — лорд Бойд-Орр сказал: «Наша страна испытывает недостаток продовольствия, многие продукты питания приходится норми-

---

[1] «МЭС», стр. 109.

ровать... До сих пор нам еще приходится ввозить 60% потребляемой нами пищи. Мы должны ввозить сырье и находить рынки для нашего экспорта, чтобы оплатить ввоз сырья. Расширение международной торговли является *жизненно* необходимым для моей страны... Надеюсь, это совещание явится великой исторической вехой, и люди будущего, вспоминая об этом совещании, будут говорить: здесь мы положили начало, здесь мы вступили на путь, ведущий к созданию мира сотрудничества, мира дружбы и всеобщего мира» [1].

Делегат Франции — коммерсант Бернар де Пла отмечал, что «дефицит французского торгового баланса возрастает: в 1951 году этот дефицит составил 339 млрд. франков против 102 млрд. в 1950 году... долларовые кредиты постепенно уменьшаются, и возможности экспорта в Соединенные Штаты ограничены... Короткая история существования Европейского платежного союза — это история его кризисов... мы хотим основывать политику будущего... не на отчаянии, а на надежде. А наша надежда имеет только одно лицо: мир» [2].

Делегат Италии — сенатор Джованни Роведа так характеризовал положение своей страны: «В течение многих лет в стране насчитывается два миллиона официально зарегистрированных безработных... Свертываются крупные промышленные комбинаты... Наряду с сокращением производства растут цены, причем рост заработной платы рабочих значительно отстает от повышения стоимости жизни... Особое значение для итальянской экономики... имеет укрепление и усиление торгового обмена с Советским Союзом, Китаем, странами народной демократии, рынки которых свободны от конъюнктурных колебаний и неустойчивости... Итальянские трудящиеся..., испытавшие ужасы и лишения, вызванные войной, знают, что наряду с их борьбой лучшей гарантией мира является установление нормального международного торгового обмена» [3].

Делегат Индии — профессор Гьян Чанд говорил о своей стране: «Будучи страной, которая все еще тяжело страдает от результатов длительного экономического подчинения, она нуждается в полной ликвидации колониальной зависимости в области экономики... Отсталый, аграрный характер нашей страны с избыточным населением... и большим количеством безработных... приводит к внутреннему противоречию... Сельскохозяйственное продовольствие в нашей стране не увеличивается, а, наоборот, сокращается... Промышленное производство... все время снижается... Понизилась реальная заработная плата... Мы имеем большой торговый дефицит... После войны значительно увеличилось значение Соединенных Штатов как в нашей экспортной, так и в нашей импортной торговле, и это включило нас в почтенную компанию тех стран, которые страдают долларовым дефицитом... Для Индии, так же как и для любой другой страны, ослабление международного экономического напряжения и осуществление политики доверия к другим странам являются *жизненно важной* необходимостью» [4].

Другой делегат Индии — экономист Джозеф Кумараппа особо подчеркнул следующий существенный момент: «Слаборазвитые страны находятся в тяжелом положении. Торговля с ними — это не взаимный обмен, а большей частью лишь форма *эксплуатации*. Внешняя торговля Индии организована иностранцами и стала средством не только экономической, но и политической эксплуатации... Наша торговля должна быть прежде всего связана с развитием и укреплением *международного мира*» [5].

Делегат Пакистана — депутат М. Ифтикаруддин тоже начал свое выступление на совещании с признания, что «мы не можем сегодня похва-

[1] «МЭС», стр. 71, 73, 75 (Курсив наш.— *С. С.*).
[2] Там же, стр. 22, 25.
[3] Там же, стр. 151, 152.
[4] Там же, стр. 90, 91, 92, 93 (Курсив наш.— *С. С.*).
[5] Там же, стр. 216, 217 (Курсив наш.— *С. С.*).

литься *высоким уровнем жизни»,* что «Пакистан стремится всеми силами преодолеть отставание его экономики от передовых стран», что «ограничение международной торговли идет во вред Пакистану». А в заключение им было прямо сказано: «Не может быть *большего несчастья* для нас теперь, когда мы находимся на пути к развитию, чем *катастрофа новой мировой войны.* Поэтому вместе с другими миролюбивыми народами мы стремимся к *настоящему миру»* [1].

В том же духе высказался и делегат Ирана — экономист Хосейн Дариуш: «Наш экспорт значительно сократился и в настоящее время составляет лишь около *одной трети* нашего импорта... Что касается нынешнего экономического положения, то похвастаться мне нечем, но я вовсе не собираюсь просить подаяния от имени моей страны. Единственное, чего мы просим,— это экономического сотрудничества с другими странами *на основе равноправия...* Я финансист и торговец, а не политик, и я считаю, что самое лучшее для всех — это свобода и безопасность в области торговых отношений и целесообразная система расчетов... Я твердо убежден, что в результате настоящего совещания будет сделан большой шаг вперед по пути к сплочению человечества... Я уверен также, что это совещание сыграет большую роль в обеспечении прочного всеобщего мира, основанного на взаимном уважении... и здоровой экономике». Заключил свою речь этот оратор вдохновенными строками поэта о мире грядущего, «где не реют знамена войны» [2].

Делегат Бразилии, порвавшей дипломатические отношения с СССР,— депутат Рубенс до Амарал жаловался совещанию: «За последние 20 лет мировые рынки не поглощают сырьевого производства нашей страны. Это вызвало понижение цен на продаваемые нами продукты, в то время как цены на необходимые нам машины и сырье растут все больше и больше... Бразилия... нуждается в получении благоприятного сальдо во внешней торговле, чтобы иметь возможность выплачивать проценты и дивиденты по иностранным капиталовложениям. Между тем в 1951 году мы закончили наш торговый баланс с дефицитом до 4 млрд. крузейро, что составляет около 12% нашего экспорта... Соединенные Штаты, Франция и Англия поддерживают дипломатические и экономические отношения с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря. Более того, они продают Советскому Союзу наш собственный кофе. Почему же,— восклицает с неподдельным возмущением оратор,— мы сами непосредственно не торгуем с Советским Союзом и со странами народной демократии?.. Мы ощущаем *необходимость* установить торговые отношения с этой частью мира, где живет около 800 млн. человек. Мы убеждены в том, что *мирное* сосуществование различных систем и режимов не только возможно, но и является *требованием* всех народов мира... Пословица моей страны говорит: «Хорошие деловые взаимоотношения порождают *хороших друзей»»* [3].

Делегат Аргентины, инженер-промышленник Фелипэ Флоренсио Фрейре, докладывал о таких трудностях в развитии своей страны: «Многие виды сырья, необходимые для экономического развития Аргентины, не могут быть приобретены на южноамериканском рынке, потому что свободному товарообмену препятствуют мощные *иностранные тресты* и вмешательство иностранной политики... Усугубляющееся расчленение мира на зоны и введение плана Маршалла привели к ликвидации возможности обеспечить снабжение нашей страны необходимыми товарами и выгодную торговлю. Импорт промышленного оборудования, металлов и пр. уменьшился в 1951 году по сравнению с 1947 годом почти в *два раза».* Далее

---

[1] «МЭС», стр. 76, 77, 78 (Курсив наш.— *С. С.*).
[2] Там же, стр. 68, 69, 70 (Курсив наш.— *С. С.*).
[3] Там же, стр. 87, 88, 89 (Курсив наш.— *С. С.*).

приводятся данные о значительном сокращении экспорта и отмечается дефицит в электроэнергии. «Это,— объясняет оратор,— является в значительной степени результатом препятствий, которые чинят *крупные международные организации,* действующие *как монополисты* на большей части рынков... Мы понимаем,— заключает оратор,— что развитие *мирных* взаимоотношений между народами означает отдаление таких призраков, как призрак войны... Мир и процветание, полнокровная жизнь неотделимы друг от друга. Так полагает аргентинская делегация, и потому она прибыла сюда [1].

В отношении латиноамериканских стран вообще отмечалось, что, несмотря на большие природные богатства, они «имеют крайне низкий жизненный уровень». Отмечалось «обнищание широких крестьянских масс, недоедание, низкая заработная плата, все уменьшающаяся покупательная способность населения... отсталость промышленности, мизерный национальный доход». Большие препятствия к улучшению этого положения один из делегатов усматривал в том, что «их внешние экономические связи ограничивались только торговлей с США», тем более что американские торговые организации проводят экономическую политику, «связанную с военным производством» [2].

Об этой политике торговой «блокады» восточных стран с длиннейшим запретным списком якобы стратегически опасных товаров, в числе которых упомянуты даже касторовое масло и губная помада, не слишком лестно отзывались на совещании. В частности, один из делегатов Голландии уподобил ее поведению торговца картами и глобусами, изображенного в одной газете: «Он продает глобусы с огромной дырой в них, проделанной специально для тех клиентов, которые не хотят признавать социалистическую часть мира» [3].

Трудно постигнуть стратегическое значение для Атлантического блока таких товаров, как губная помада или касторовое масло. Не кроется ли тут коварный замысел устрашить большевиков и обратить их в бегство корпусами своих красавиц с ярко накрашенными губами? Возможно также, что предусмотрительный Пентагон, учитывая свой корейский опыт, прибегает касторовое масло для смазывания пяток своим храбрецам на случай больших «стратегических» отступлений. Конечно, и касторка в известных случаях — сильно действующее средство.

О роли США в судьбах латиноамериканских стран высказывались и другие американские делегации. Так, например, рабочий-железнодорожник из Мексики отмечал, что трудности слаборазвитых стран усугубляются растущим вмешательством иностранного капитала. 87% мексиканского импорта составляют товары, ввозимые из США. Торговый баланс страны носит резко дефицитный характер. Мексика вывозит хлопок, но в этом году монополисты-экспортеры назначили такие цены, что большая часть урожая осталась непроданной и сельских хозяев ожидает нищета [4]. Делегат Чили тоже отмечал тревожное сокращение внутреннего рынка, инфляцию и тяжелое положение страны как результат монополизации США внешней торговли Чили. «Нас заставляют,— пояснял он,— очень дорого платить за плохие товары, получаемые из США, и, наоборот, получать низкие цены за экспортируемые нами товары. Вследствие этого мы ежегодно теряем на импорте 22 млрд. чилийских песо, а на экспорте — 12 млрд. песо. Разрыв отношений с Советским Союзом... большинство чилийских патриотов считает предательством национальных интересов» [5]. Делегат Канады находил, что «в широком смысле слова Канада тоже сла-

---

[1] «МЭС», стр. 94, 96, 97 (Курсив наш.— *С. С.*).
[2] Там же, стр. 157, 158.
[3] Там же, стр. 167.
[4] См. там же, стр. 215.
[5] Там же, стр. 205.

боразвитая страна». «Это значит,— говорил он,— что наша экономика не уравновешена. Мы полностью зависим от США, которые полностью контролируют нашу промышленность». Общая сумма капиталовложений в Канаде достигала в 1949 г. 8 млрд. долл., из которых 6 млрд. принадлежит США, 65% экспорта из Канады поглощают США, и все же свой торговый баланс с США Канада заключает с дефицитом [1].

С глубоким вниманием делегаты совещания заслушали чрезвычайно содержательное выступление генерального секретаря Всемирной федерации профсоюзов Луи Сайяна. «От имени 80 миллионов членов,— заявил Сайян,— Всемирная федерация профсоюзов хочет принять участие в дискуссии. Принимая во внимание международное значение этого совещания, мы, представители профсоюзов трудящихся, хотим еще раз подтвердить нашу верность целям международного *сотрудничества,* которое является вкладом в *дело мира*... Профсоюзы трудящихся *торжественно заявляют* здесь о своей *поддержке* усилий, предпринимаемых с целью быстрого восстановления нормальной торговой связи между народами». Показав прямую причинную связь между такими явлениями, как практика дискриминации в торговле и милитаризация экономики, с одной стороны, и такими, как 7,6 млн. полностью безработных в Западной Европе и около 18 млн. частично и полностью безработных в Японии, как рост дороговизны, жилищная нужда, питание впроголодь и тому подобные бедствия трудящихся, Луи Сайян сказал: «Развивать торговлю на благо человечества — это значит выполнить человеческий долг. Служить человечеству...— это значит желать людям другой судьбы, чем быть уничтоженными орудиями массового истребления на полях битв и во время ужасающих бомбардировок». В числе предложений Луи Сайяна от имени рабочих, помимо ликвидации всех препятствий к международной торговле, особого внимания заслуживает требование *сокращения военных расходов* с использованием этих сумм на социальные, культурные и другие мероприятия для повышения уровня жизни народов [2].

Не все выступления на Московском совещании были в равной мере удачны и целеустремленны. Некоторым диссонансом с общим настроением аудитории прозвучала, например, речь одного австрийского делегата, который, начав за здравие, с того, что «возможному решению проблем экономического обмена мешают *лишь политические противоречия* великих держав», закончил за упокой неомальтузианской концепцией, по которой причиной всемирного напряжения является «огромный рост народонаселения» при неизменной сельскохозяйственной площади. «Своим размножением в огромных масштабах,— убеждал нас этот оратор,— *человек* нарушил биологическое равновесие... *Человека,*— взывал он,— нужно призвать к ответственности за все его дела», нужно добиться *прекращения* дальнейшего роста населения [3]. В кулуарах по этому поводу шутили: «Не является ли этот австрийский мальтузианец попросту фабрикантом презервативов?» «В таком случае он выбрал не совсем удачное место для торговой рекламы своего товара».

Некоторые ораторы отрывались в своих практических предложениях от грешной земли. Были, например, предложения создать «международную торговую плановую комиссию», предлагалось совещанию создать «международную организацию», поручив ей «искоренять причины накоплений запасов, кризисы, инфляции и т. д.». Пакистанская делегация, в частности, хотела бы, чтобы в результате расширяющегося интереса Советского Союза к благоденствию народов Азии был создан *план* помощи всем странам этого района. Все эти предложения исходили при этом,

---

[1] «МЭС», стр. 231.
[2] См. там же, стр. 85 (Курсив наш.— *С. С.*).
[3] Там же, стр. 39, 40 (Курсив наш.— *С. С.*).

конечно, не от «оголтелых» большевиков, а от весьма деловых людей, коммерсантов и фабрикантов.

Мы, разумеется, отнюдь не возражали бы ни против мирового Госплана, ни против искоренения кризисов на Западе общими усилиями всех деловых людей. Но если приняться за это слишком поспешно, то что же станет со всеми клиентами торговцев глобусами с «социалистической» дырой? Ведь им придется тогда приобретать вместо глобуса одну лишь сплошную дыру.

Гораздо более интересным по своей актуальности нужно признать призыв одного из делегатов Латинской Америки к созданию «единого фронта стран — производителей сырья», какими являются все слаборазвитые колониальные и полуколониальные страны. «Пока слаборазвитые страны Латинской Америки, производящие сырье,— говорил инициатор этого призыва,— будут по-прежнему изолированно выступать перед крупными и жадными международными монополиями, результатом будет грабеж и эксплуатация. Тресты и картели сверхкапитализма, имеющие свое пребывание в крупных промышленных центрах, неуязвимы для простых слов... Мы не хотим ростовщичества... Необходим общий фронт, т. е. сила... Если монополии покупки мы не будем противопоставлять монополию продажи, то нас бесконечно будут грабить» [1]. Этот призыв к самопомощи экономически зависимых стран, поддержанный аплодисментами многих делегаций, заслуживает большого внимания. Превратить потенциальный блок этих стран в организованную силу — это не маленькая, но благодарная задача. К тому же ее легче реализовать, чем, скажем, мировой Госплан и искоренение кризисов во всем зарубежном мире.

Но в порядке дня совещания стояли еще более осуществимые конкретные предложения. И обобщивший их доклад главы советской делегации М. В. Нестерова стал кульминационным пунктом всего совещания. Выяснилось, что Советский Союз со своей стороны вполне готов пойти на расширение торговли при условиях, исключающих какую-либо дискриминацию. «Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами,— говорили у нас,— тот всегда найдет у нас поддержку». Выяснилось, что в отличие от стран Запада, переживающих кризисное сокращение внутренней и внешней торговли, развитие народного хозяйства Советского Союза опирается на непрерывно расширяющийся внутренний рынок и неуклонный рост платежеспособного спроса населения. К тому же, несмотря на сокращение, по не зависящим от нас причинам, товарооборота со странами Запада, наша страна уже втрое увеличила свою торговлю с внешним миром по сравнению с довоенным уровнем за счет социалистических и других дружественных нам стран. Было подчеркнуто, что наши торговые организации не имеют в виду вытеснить кого-либо с международных рынков или добиваться каких-либо привилегий. И были названы огромные цифры возможных закупок и продаж разным странам на весьма льготных условиях и с расширением в общей сумме не менее 30—40 млрд. руб. на ближайшие два-три года, т. е. в 2—3 раза против уровня 1948 г. [2]

Предложения, оглашенные М. В. Нестеровым, были встречены продолжительными аплодисментами аудитории и приняты с большим энтузиазмом всеми деловыми людьми. О таких крупных возможностях сделок в трудных условиях момента многие из них и не мечтали. Речь М. В. Нестерова получила очень высокую оценку. Делегат Англии — член парламента Гарольд Дэвис признал ее «наиболее важным заявлением за последние 20 лет» [3]. После нее все деловые люди Запада решили, что пора от слов переходить уже «к делу», или, говоря точнее, к заключению тор-

---

[1] См. «МЭС», стр. 218.
[2] Там же, стр. 55.
[3] Там же, стр. 220.

говых сделок. На следующий же день экспортер м-р Б. Бакмэн от имени всей английской делегации предложил разделиться на шесть потоварных групп и, предоставив профессорам и парламентариям продолжить общие дискуссии, перейти к делу. Он так и сказал: «Давайте делать дело... Успех этого совещания в значительной мере зависит от того, сколько сделок нам удастся заключить» [1]. А еще день спустя мы узнали уже о заключенных сделках на сотни миллионов рублей. Это сильно повысило общий тонус совещания. Делегации, прибывшие в слабом составе и долго не выходившие из пассивной роли наблюдателей, вдруг заволновались, что их обойдут более предприимчивые и сильные конкуренты, и активизировались. Из делегации Западной Германии, которая не решалась раньше даже включить кого-либо из своих сочленов в президиум совещания, теперь выступил некий фабрикант стекла Отто Прокш с таким предостережением Западу: «В наших отношениях с Востоком нужно учитывать, что Восток если не сегодня, то завтра или послезавтра *скорее может отказаться от нас, чем мы от него.* Это большая опасность для западных стран. Если мы закроем двери, которые нам необходимо распахнуть, мы совершим шаг, который потом нельзя будет исправить» [2].

А еще через пару дней, к концу совещания, когда уже намечено было образование «Комитета содействия развитию международной торговли» для подготовки и созыва второго Международного экономического совещания, выступил с новой попыткой «распахнуть» двери и другой делегат Западной Германии — фабрикант кожаных изделий Генрих Крумм. Признав проделанную Московским совещанием работу «полезной», он предложил, не дожидаясь полномочий от г-на Аденауэра, избрать местопребыванием нового «Комитета содействия» город *Берлин* и установить отношения со всеми организациями, «которые ставят своей целью стимулирование мировой торговли и *достижение общего мира»* [3].

Слабой по своему составу — за отсутствием в ее рядах крупных промышленных тузов — казалась многим и делегация США. Но когда дело дошло до крупных сделок, то и у «второстепенных» бизнесменов, как говорят, оказались в кармане мандаты на заключение таких сделок уже от имени воротил первостепенных, не пожелавших на первый раз особенно огорчать м-ра Ачесона своим личным посещением красной столицы. Можно, однако, не сомневаться, что на втором международном совещании того же рода все торговые делегации, как бы это ни огорчало г-на Ачесона и его присных, окажутся еще многочисленнее и сильнее.

Трудно и даже невозможно в кратком докладе исчерпать все богатейшее содержание высказываний и обмена мнений на этой первой московской встрече представителей всего мира. А между тем пора уже подводить первые итоги этой знаменательной встречи.

Каковы же эти итоги?

Первым из них можно считать уже фактически законченные торговые сделки. Они важны как первый шаг к решительному прорыву того фронта блокад и дискриминаций, который привел к пагубному развалу всех мировых экономических связей. За первым шагом последуют, разумеется, и дальнейшие, ибо уже проложены пути и завязаны новые широкие связи.

Вместе с тем намеченные масштабы расширения мировой торговли за счет заказов одних лишь стран социализма откроют возможность предоставить в различных странах работу в течение ближайших лет нескольким миллионам безработных. И это тоже не маловажный итог.

Далее, Московское совещание выявило новые резервы великого движения за мир во всем мире. Оно показало, что это движение диктуется

---

[1] «МЭС», стр. 111, 112.
[2] Там же, стр. 175, 176 (Курсив наш.— *С. С.*).
[3] Там же, стр. 246 (Курсив наш.— *С. С.*).

не одиозной пропагандой большевиков, а самыми жизненными экономическими интересами производства и товарного обращения. Оно доказало, что против войны, помимо сотен миллионов трудящихся, их жен и матерей, готовы ратовать и весьма широкие круги деловой буржуазии Запада, хотя они и не подписывали Стокгольмского Воззвания. И это тоже очень поучительный итог.

Наконец, на Московском совещании мы приобрели очень ценный опыт делового общения людей доброй воли, способных решать проблемы международного значения даже без дипломатических полномочий. Собравшиеся здесь деловые люди вовсе не хотели бы подменить собой уже апробированные всеми международные организации ООН, и, выполнив свою подготовительную работу, они обращаются теперь уже к официальной Ассамблее объединенных народов за необходимыми санкциями намеченных решений. И можно думать, что после столь солидной общественной подготовки даже самые тупые представители международной дипломатии не решатся на сей раз *игнорировать* это обращение. А если все же решатся, то созданный в Москве из деловых людей доброй воли «Комитет содействия мировой торговле», использовав уже приобретенный опыт, сможет и *через головы дипломатов* выполнить еще не одну из своих задач.

Но и помимо этих итогов мы обязаны Московскому совещанию постановкой целого ряда новых и важнейших проблем. Намеченная на совещании грандиозная программа товарообмена с капиталистическим миром чревата большими последствиями. Мы и прежде вывозили на Запад лес, хлеб, пушнину. Но теперь к нам с надеждой на помощь обращаются с разных сторон взоры целой плеяды *слаборазвитых* стран потенциального сырьевого фронта. Им до зарезу требуются *машины* для спасительной индустриализации. Но империалистические страны «спасать» в этом отношении свои бывшие колонии менее всего склонны, почему они и обращаются прежде всего к нам. Мы не можем отказать им в этой помощи. А это значит, что вывозить туда придется уже оборудование, а не пушнину. И тут возникает нелегкая *проблема конкурентоспособности* наших цен мировому их уровню. Взамен оборудования нам придется вывозить из этих стран сырье. Стало быть, возникает новая проблема рационального использования этого сырья в крупных масштабах. «Сырьевой фронт» отсталых стран уже теперь сплачивается против ростовщически низких цен на сырье, диктуемых монополистами». Он добивается справедливых, «*эквивалентных* международных цен». Но, как приблизиться к таким *эквивалентным* расценкам в международном обмене,— это еще тоже не решенная проблема, хотя ясно, что нам не по пути с барышниками и ростовщиками-монополистами.

Еще недавно мы осуществляли соревнование с капиталистическим миром в довольно замкнутом кругу своей собственной страны. Затем с включением в социалистическую систему целого ряда сопредельных стран этот круг сильно расширился. А теперь крупнейшим скачком на широкий простор международного товарообмена мы поднимаемся еще на одну ступень, вступая в новую фазу открытого *рыночного соревнования* двух систем. Это свидетельствует о небывалом еще росте наших возможностей, но требует нового, гораздо более широкого охвата в планировании, неизмеримо большей инициативности и поворотливости от наших красных купцов и новых общих творческих усилий в борьбе за *самую высокую* в мире технику и *самые низкие* товарные цены.

Московское международное экономическое совещание еще раз подтвердило, что именно *низкие* цены на данном этапе могут стать ключом к решению самых *высоких* проблем. И мы можем лишь гордиться, что именно такая мудрая политика цен стала уже руководящей в нашей стране.

3. О РАСШИРЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ[1]

Вопрос о расширении торговли между странами Запада и Востока уже не первый год привлекает к себе внимание все более широких общественных кругов. Но интересы разных кругов, переплетающиеся вокруг этого вопроса, столь противоречивы, что сдвинуть его с места никак не удается. Получается совсем как в известной басне: «Однажды лебедь, рак да щука везти с поклажей воз взялись... Поклажа бы для них казалась и легка: да лебедь рвется в облака, рак пятится назад, а щука тянет в воду».

«Если бы товары и рынки коммунистического мира могли быть снова открыты,— меланхолически рвется в облака «Манчестер гардиан» (24 июня 1953 г.),— наши экономические проблемы, несомненно, стали бы более легкими». И действительно, по подсчетам швейцарской газеты «Ля сюис» (8 июня 1953 г.), Западная Европа *сейчас* импортирует из стран Восточной Европы лишь одну пятую того, что импортировалось в 1938 г., а Восточная Европа импортирует из Западной только половину того количества товаров, которое ввозилось оттуда в 1938 г. Но экономические возможности стран Востока с тех пор в огромной степени возросли. И, в частности, по подсчетам французской буржуазной газеты «Монд» (20 июня 1953 г.), франко-советская торговля должна бы увеличиться в 5—6 раз, достигнув приблизительно 20 млрд. франков. А Экономическая комиссия ООН для Европы подсчитала, что «советский блок» мог бы увеличить свой экспорт леса, угля и зерна на Запад на 300 млн. долл., даже без какого-либо изменения нынешнего списка «стратегических» товаров, на которые Запад наложил эмбарго.

Спрашивается, зачем же дело стало?

Социалистические страны не отказываются торговать с Западом на началах взаимной выгоды и равноправия. К тому же, не особо нуждаясь в долларах, эти страны, продавая Западной Европе свои товары, не требуют в уплату за свой экспорт ни единого доллара и готовы ограничиться импортом на равную сумму нужных им товаров. А между тем известно, что долларовый дефицит — подлинный бич торговли в странах Западной Европы. Он уже в первой половине 1953 г. исчислялся в 2—2,5 млрд. долл. и с дальнейшим ростом кабальной задолженности, именуемой «помощью США вместо торговли», может лишь возрасти. Почему же западноевропейские деловые круги упускают возможность снизить этот губительный дефицит в своих торговых балансах за счет бездолларового товарообмена с Востоком хотя бы на 300 млн. долл. в год, даже при сохранении эмбарго, и, разумеется, на много большую сумму — отказавшись от этого экономически ничем не оправданного, нелепого мероприятия?

Дело в том, конечно, что, помимо интересов экономики, существует еще «высокая» политика. Существуют Даллес, сенатор Маккарти и другие столь же проницательные дипломаты, которым повсюду мерещится страшная коммунистическая пропаганда и которые, пятясь от нас раками, запугивают и других робких людей угрозой, что даже советские лес, уголь и хлеб, допущенные на рынки Атлантического блока, заговорят там языком коммунизма. Впрочем, за спиной этих высокопоставленных дипломатов стоят и совсем неробкие щуки с Уолл-стрита и других омутов. Убежденные, что для них новая мировая война оказалась бы наиболее прибыльной из возможных ныне бизнесов, эти щуки сами раздувают военный психоз и, запрещая своим сговорчивым сателлитам торговлю с одиозным для них Востоком, тем с большей выгодой для себя навязывают им под соусом военной «помощи» свои собственные американские товары.

Казалось бы, что такая слишком прозрачная щучья стратегия, направленная против стран Востока, не может рассчитывать на длительный

[1] «News», 1953, № 15.

успех в торговом деле. «Капиталистический деловой мир, — как сообщалось в одной буржуазной шведской газете,— заключает сделки с кем угодно — с турком, с папой или с сатаной, только бы платили хорошо». Еще менее, казалось бы, следовало поддаваться политическим предубеждениям против расширения торговли с Востоком в рабочей среде Запада, которой оно обещает и сокращение безработицы и более дешевый кусок хлеба. Но и в этой среде по данному вопросу полного единения еще не наблюдается. Вот, например, Британский конгресс тредюнионов еще в 1952 г. высказался за расширение торговли с Китаем, СССР и другими восточными странами в расчете, что это внесет серьезный вклад и в дело улучшения международных отношений. А всего лишь год спустя, по сообщению лондонского радио (26 июня 1953 г.), Генсовет БКТ уже пятится назад от этого прошлогоднего решения своего конгресса, заявляя, что «утверждать, будто расширение торговли поможет улучшить международное положение, значит *поставить телегу впереди лошади*». Надо полагать, что вдохновители этого решения из рабочей среды в отличие от сенатора Маккарти и других щук, сознательно спекулирующих на военной конъюнктуре, очевидно, предпочли бы мир новой мировой бойне. Их готовность заключить при случае выгодные сделки не только с римским папой, но и с самим сатаной тоже не вызывает особых сомнений. Но коммунизм для них даже в безобиднейшем образе советского хлеба на английском рынке, по-видимому, страшнее сатаны, и эти политические раки неудержимо пятятся назад, в сатанинские объятия самых отъявленных поджигателей мирового пожара.

Аргумент против расширения мировых *экономических* связей в интересах умиротворения *политических* международных страстей и распрей, по которому не следует ставить «телегу *впереди лошади»*, весьма забавен. Он исходит из наивного представления, что экономика буржуазного мира — это просто инертная телега с ценным грузом, который могут куда угодно тащить и по своему произволу растащить те или иные политические лошадки. Однако это совсем не так. В капиталистическом мире действуют стихийно вполне объективные экономические законы, которые сами, как ведущее начало, определяют ту или иную политику народов и партий. В числе таких экономических законов на мировом рынке, как известно, господствует и властный закон торговой конкуренции и многие другие, которые вопреки всем ухищрениям политиков периодически ввергают подчиненные им народы в пучину всех потрясений, кризисов и безработицы. В экономическую телегу, спереди и сзади, повседневно впрягаются легионы политических лошадок и дипломатических ослов всех рангов, повседневно воспроизводя старую басню о лебеде, раке и щуке в одной упряжке. Но не они продвигают свой воз вперед — к желанной всем народам цели мирного разделения труда и его общих плодов. А воз этот движется все же к этой цели, увлекая за собой даже самых упрямых ослов в этой политической упряжке. И тем самым «телега» оказывается *впереди* тщетно тянущих ее назад раков в этом вполне закономерном их движении.

Экономические законы нельзя преодолеть. Но их следует учитывать и можно хорошо использовать в благоприятный момент. Мы имеем в виду, что к настоящему времени уже достаточно определилось вполне сознательное сопротивление народных масс вовлечению их в новую мировую войну. В таких условиях даже самым бесшабашным агрессорам трудно ее начать, и они поневоле вынуждены откладывать ее начало — этот столь желанный для них день «Икс» — в дальний ящик. Но экономика не ждет и каждый день предъявляет мировому рынку новые требования. В условиях обостряющейся международной торговой конкуренции на суживающемся мировом рынке, под влиянием которой более слабые страны — контрагенты чувствуют себя уже под угрозой финансового банкрот-

ства, возможности значительного расширения этого рынка за счет стран «блокируемого» Востока становятся все осязательней. Политические миражи коммунистических опасностей бледнеют по сравнению с гораздо более реальной угрозой экономического разорения и явно отступают перед трезвыми требованиями полновластных здесь законов спроса и предложения. Не видеть этого может лишь слепой. А отрицать благодетельное воздействие расширения культурно-экономических связей Запада с Востоком и на смягчение *политических* расхождений во взаимоотношениях этих стран сможет разве лишь полный невежда в проблемах экономической политики. Экономика всегда оказывала решающее воздействие на реальную политику партий, и не считаться с ней, на свою беду способен лишь политический авантюризм. Это азбука экономической науки.

Нам кажется, что восточный лагерь стран грядущего коммунизма в гораздо меньшей степени, чем Запад, нуждается в расширении мирового рынка, так как ему не угрожают кризисы сбыта и он может процветать в рамках собственной экономической системы. Но в интересах мирного сотрудничества всего человечества он готов и на любое расширение международного товарообмена. Разумеется, это не исключает *мирного* соревнования сотрудничающих в таком рыночном товарообмене экономических систем. Но, в корне отвергая такие методы их соревнования, как кровавые агрессии с разрушительными и истребительными атомными бомбами, химическим и бактериологическим оружием, мы в общих интересах всего человечества предпочли бы совершенно бескровное соревнование этих противоположных систем лишь такими средствами, как наилучшие орудия производства, наиболее дешевые товары, самая высокая зарплата и самый производительный труд.

Почему бы бизнесменам Запада, если они действительно верят в превосходство своей экономической системы, и со своей стороны не предпочесть те же средства соревнования? Борьба могла бы оказаться длительной и упорной, но ее конечные результаты пришлось бы признать наиболее для всех убедительными.

VI. О СОТРУДНИЧЕСТВЕ И СОРЕВНОВАНИИ МИРОВЫХ СИСТЕМ

1. ОТВЕТ М-РУ ГЕРБЕРТУ ГАРРИСУ[1]

В журнале американской торговой палаты «Нейшнл бизнес» за сентябрь 1953 г. помещена пространная статья Герберта Гарриса под тревожным заголовком: «Русские нагоняют нас...»

В этой статье совершенно справедливо отмечается, что «Советский Союз по росту экономической мощи *опережает любую другую страну»,* что в настоящее время темп экономического роста в Советском Союзе *«в 2—3 раза выше,* чем у нас», т. е. в США, что уже к 1960 г., как это предвидит м-р Гаррис, если не раньше, «советское производство, если измерить его по таким основным показателям, как уголь, сталь, электроэнергия и станки, *превзойдет* производство Англии, Франции, Западной Германии, Бельгии, Голландии и Италии, вместе взятых». Можно согласиться и с той общей оценкой наших темпов м-ром Гаррисом, по которой «Советский Союз мчится во весь дух, в то время как *мы* (т. е. США.— *С. С.*) идем легким скоком...», в особенности если к этому еще добавить, что за каждым «легким скоком» США вперед незамедлительно следует совсем не легкий отскок назад, как это уже было в 1932, 1937 и 1947/1948 гг. и, конечно, еще не раз будет.

Все это совсем не ново. И при минимальной наблюдательности м-р Гаррис мог бы открыть отмеченные им ныне непревзойденные темпы экономического роста СССР даже лет на 15 раньше, чем ему удалось, наконец, это сделать в 1953 г. Но и теперь еще, признав уже советские темпы «поразительными, м-р Гаррис не прочь все же попутно прихвастнуть и тем, что советская техника — турбины и тракторы — позаимствованы у атлантических стран, и даже тем, что будто бы американские «рекорды» в области производства и производительности труда и до сих пор еще остаются «непревзойденными». Однако осведомители американской общественности по этой части, не исключая и м-ра Гарриса, как видно, и сами еще очень слабо осведомлены о положении дел в СССР. И только из желания прийти им на помощь в этом отношении мы можем сообщить им, между прочим, следующее.

В советской технике, как, впрочем, и в американской, действительно можно указать немало позаимствованных у добрых соседей технических идей и образцов. Но в плановом хозяйстве СССР эти идеи получают гораздо более успешное дальнейшее развитие и лучшее использование, чем у себя на родине. В частности, широко известно, что советские турбины давно уже превзошли американские образцы не только по мощности, но и по коэффициенту полезного действия. Подобно этому, советские тракторы превосходят американские не только по средней их мощности, но и по среднему числу часов использования в сельском хозяйстве. И это известно не со вчерашнего дня. Мощное советское машиностроение при этом не только совершенствует и умножает машины общеизвестных образцов, но и создает новые, вовсе неизвестные капиталистическому миру.

[1] «News», 1953, № 19.

Только за три года (1949—1951 гг.) в СССР было создано около 1600 машин и механизмов *новых* типов. К числу таких механизмов относятся, в частности, первые в мире советские угольные комбайны, турбобуры в нефтедобыче, а также небывалые еще по своей мощности шагающие экскаваторы, заменяющие каждый до 7 тыс. землекопов, и землесосные снаряды, заменяющие каждый до 25 тыс. землекопов, таким образом, и СССР вносит свой творческий вклад в мировую технику и не останется, конечно, в долгу перед атлантическими странами за полученную от них старую технику, так как располагает возможностью снабжать и их в случае нужды продукцией новейшей советской техники.

К сведению м-ра Гарриса мы можем сообщить, что уровень техники в СССР, по оценкам вполне осведомленных людей, и теперь уже во многих отраслях не ниже американского. В соревновании его с США за качество оборудования, а вместе с тем и за механизацию труда и рост его производительности американские «непревзойденные рекорды» с каждым днем во все большем числе отходят в область одних лишь сладостных воспоминаний. Ни для кого, в частности, не секрет, что коэффициент полезного действия советских электростанций давно уже выше американских норм. Механизация добычи угля в США, по последним имеющимся данным, не превышала 84% всей добычи, а в СССР уже к 1949 г. она достигла 98,1%. Удельный вес наиболее совершенных домен, с полезным объемом в 1000—1300 м^3 и суточной продукцией до 1700 т чугуна, в черной металлургии СССР к 1951 г. превышал уже 51% общего числа печей, а в США едва достигал 46%. А процент наилучших мартенов емкостью в 200 т и более в СССР к тому же времени превышал американскую норму уже втрое. Вместе с тем коэффициент использования объема домен даже в среднем по всем печам СССР достигал в 1955 г. 0,8, а в США — 0,98, а съем стали с 1 м^2 пода печей по всем мартенам составлял в СССР не менее 6,4 т, а в США — 4,5 т, причем эти средние показатели для СССР превышали уже, по-видимому, даже рекордные достижения США в данной области. Мы не говорим уже о мировых рекордах отдельных советских рабочих-новаторов во всех отраслях труда. Достаточно отметить лишь общий их результат. Производительность труда в среднем по всей промышленности СССР возросла с 1928 по 1956 г. более чем в 7,2 раза. В том числе за 12 довоенных лет (с 1928 по 1940 г.) этот прирост производительности в СССР достигал 243%, превышая 10% в год, тогда как средняя американская норма за 1928—1956 гг. не достигала и 1,5% в год [1].

Таковы факты. Освещая их, м-р Гаррис и американский *легкий скок* находит «довольно быстрым». Значит, не он возбуждает его тревогу. Но он явно недоволен *советскими* темпами роста и *пугает* ими свою аудиторию, усматривая в них прямую «угрозу» Западу. И такое явно тенденциозное освещение объективных фактов не может быть оставлено без ответа.

В чем же именно усматривается опасность высоких темпов роста советской экономики для западных стран, по мнению м-ра Гарриса?

«Поскольку для Кремля,— запугивает он своих американских бизнесменов,— производство является политическим, а не экономическим процессом, он сможет продавать по сниженным ценам как товары, так и оборудование народам малоразвитых районов для того, чтобы втянуть их в коммунистическую орбиту. Он может использовать свои излишки для продажи товаров по бросовым ценам и для подрыва цен с целью нанести ущерб рынкам свободного мира, особенно поскольку он рассматривает торговлю как оружие в «холодной войне». Кремль может выработать свои собственные варианты плана Маршалла и использовать против нас и

[1] «СССР в цифрах», 1958, стр. 31.

Запада вообще те самые турбины и тракторы, которые он заимствовал у атлантических стран».

Утверждение м-ра Гарриса, что производство для Кремля является *не экономическим* процессом, конечно, нелепо. Но экономика не исключает политики. И мы можем пояснить это м-ру Гаррису весьма наглядными примерами. Производство в США оружия для агрессивного блока атлантических стран или экономическая «блокада» ими стран Востока — это не только экономика, но и определенная политика, в которой и производство и торговля служат задачам «холодной войны». А производство предметов широкого потребления и орудий, облегчающих труд, в СССР, необходимое для всех народов и Запада и Востока, а также расширение международной торговли ими, без всякой дискриминации кого-либо из контрагентов — это тоже не только экономика, но и вполне последовательная политика стран Востока. Только это политика не войны, а мира. Но для кого же политика мира может показаться *опасней* политики, прямо рассчитанной на войну?

М-ру Гаррису особо опасным представляется *снижение цен* на мировом рынке. Ему даже мерещатся уже *бросовые* цены советских товаров на атлантическом рынке. Однако советские люди не так уж богаты, чтобы расточать свой труд по всему миру, не исключая даже очагов завтрашней агрессии, без достаточного эквивалента. Правда, советские цены могут все же оказаться *ниже* обычного уровня стран империализма с господствующими в них *монопольными* и, стало быть, сверхприбыльными ценами. Но кому же это угрожает, кроме разве слишком зарвавшихся монополистов? Впрочем, считаясь с масштабами инфляционных явлений на Западе и господствующей там тенденцией к стихийному повышению цен, можно думать, что планомерное их снижение в СССР, даже при полном возобновлении нормальной торговли между Западом и Востоком, сказалось бы лишь некоторой задержкой общего роста мировых цен. Однако такую задержку, а тем более хотя бы медленное снижение цен, несомненно приветствовал бы весь мир потребителей. Вместе с тем восстановление нормальных торговых и культурных связей между странами Востока и Запада означало бы прежде всего приобретение новых национальных рынков сбыта для тех и других на вновь обретенном едином интернациональном мировом рынке. А затем, помимо смягчения международных трений и отрезвления от жутких психозов «холодной войны», существенное расширение спроса на продукцию всех отраслей мирного труда оживило бы и их на Западе к новому подъему в интересах самых широких кругов производителей. Да и широчайшие торговые круги Запада при расширении мировой торговли не остались бы, конечно, в убытке.

Кому же угрожает Кремль своей продукцией мирного труда на западных рынках, кроме разве кучки крупнейших фабрикантов оружия, жаждущих крови?

М-р Гаррис еще опасается, как бы Кремль, соблазнившись примером Белого дома, не выработал и «своих собственных вариантов плана Маршалла», направив их «как оружие холодной войны» на этот раз в обратную сторону, против Запада. В этом опасении м-ра Гарриса всего похвальнее та откровенность, с которой он сам попутно признает, что американский план Маршалла — это оружие «холодной войны» против СССР, а не средство помощи слабейшим странам Запада, как это представлялось некоторым простакам. Однако и это опасение м-ра Гарриса совершенно напрасно. В Кремле не найдется подражателей планам Маршалла уже потому, что там, как это общеизвестно, никто не хочет войны, ни горячей, ни холодной. Но, отвергая подобные планы в качестве оружия агрессии, мы не стали бы подражать им и в целях *помощи* своим союзникам. Советский Союз в этих целях избирает совсем иные пути. Так, например, предоставив целый миллиард народно-демократической Северной Корее на восста-

новление ее хозяйства *без всякой экономической компенсации,* Кремль не связал ее никакими политическими обязательствами. Так приобретаются истинные друзья. А тот, кто, сколачивая себе агрессивный блок союзников, *закабаляет* их своими подачками, требуя от них не только безропотного подчинения своим политическим директивам, но и все более разорительных экономических обязательств, с повседневным вмешательством в их бюджетную, валютную и торгово-промышленную политику, тот должен помнить одно: рано или поздно такой блок под неумолимым воздействием объективных экономических законов неизбежно развалится, закончившись либо прямым бунтом наиболее ущемленных членов блока против своих принципалов, либо полным экономическим их банкротством.

Это нетрудно предвидеть. И нам кажется, что такой именно конец предчувствуют уже с тревогой многие и в лагере друзей м-ра Гарриса. Они еще пугают весь мир мнимой коммунистической опасностью, но сами больше всего боятся потерять последний кредит в рядах своих собственных, все менее надежных союзников.

2. ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ ИЛИ «ГОНКА» ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ? [1]

Непрерывная гонка вооружений в странах Атлантического блока мотивируется повседневно мнимыми угрозами агрессии со стороны СССР. Правда, миролюбивая внешняя политика Советского Союза и в особенности его широкие мероприятия в области внутренней экономики, направленные к дальнейшему подъему благосостояния трудящихся Союза, никак не поддаются истолкованию в интересах поджигателей войны. Но, очевидно, именно поэтому западная печать долго замалчивала эти мероприятия, потом попробовала в редакционной статье «Нью-Йорк таймс» от 30 октября изобразить новейшую программу по расширению производства потребительских товаров в Советском Союзе как признак его «слабости». Но этому, по-видимому, никто не поверил. Почти одновременно обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Роско Друмонд опубликовал статью, в которой уже ясно отражена тревога влиятельных кругов США по поводу того, что рост благосостояния советского народа может «показать бедным народам мира, еще не определившим свою позицию, что коммунизм по своим экономическим благам — лучшая для них система». А 8 ноября версия об экономической «слабости» СССР получила отпор и на столбцах «Нью-Йорк таймс», опубликовавшей письмо представителя научных кругов Дж. Пика.

Пик указывает, что вопреки утверждениям редакции «Нью-Йорк таймс» производство в Советском Союзе и в странах народной демократии является «настолько здоровым и энергичным, что несколько знатоков русских дел видят *величайшую угрозу* Западу не в военной или идеологической области, а в области экономики». В чем заключается эта угроза, уже разъяснил м-р Друмонд, говоря о *бедных народах мира* и их тяготении к *лучшей* для них системе. «Не говоря уже об Азии, Индии и Африке», м-р Друмонд причисляет к ним и союзные Соединенным Штатам Америки народы Европы, заявляя, что и «Европа сегодня *уязвима* в социальном и экономическом отношениях». Следовало бы к этому добавить, что и США «уязвимы» в том же отношении не меньше, поскольку и там *бедных* гораздо больше, чем богатых, тем более что так называемый «спад» в «мирной» промышленности и там по всем признакам усиливается. Во всех этих странах люди труда все хуже питаются, беднее одеваются, все чаще

[1] «News», 1953, № 23.

лишаются жилья, теряют работу. И *в этом* действительно можно усмотреть величайшую для них угрозу. Но усматривать такую угрозу в том, что эти бедные люди могут предпочесть *«лучшую для них систему»*, было бы, на наш взгляд, по меньшей мере странно. Кто же предпочтет *худшую* для себя экономическую систему?

В связи с этим большой интерес вызывает сообщение газеты «Джорнэл оф коммерс» от 10 ноября 1953 г. о том, что представитель Объединенной экономической комиссии конгресса Гровер Энсли представил членам этой комиссии *конфиденциальный доклад,* в котором выражается беспокойство по поводу программы Советского Союза, предусматривающей расширение производства потребительских товаров, и высказывается мнение, что выполнение Советским Союзом этой программы «скажется *на настроениях*» в западноевропейских странах. По признанию Энсли, «Россия уделяет много внимания улучшению снабжения». По его мнению, «Запад *должен считаться* с этими темпами экономики Советского Союза». Важнейший, вытекающий из создавшейся обстановки вывод Энсли таков: в целях сохранения капитализма в Западной Европе западноевропейские страны должны соревноваться с Советским Союзом «в этой *гонке* повышения уровня жизни».

Такой крутой поворот от поощрения самой бешеной гонки вооружений на Западе к рецептам заведомо несовместимой с ней «гонки» повышения уровня жизни весьма знаменателен. Симптоматично и то, что над этим задумываются уже не только безответственные журналисты, но и почтенные конгрессмены, когда им не спится. Жаль только, что, предлагая столь спасительные рецепты своим друзьям, они не спешат применить их в собственном доме. Если уж признано, что Советский Союз «угрожающими» темпами напрягает свою экономику в мирных целях повышения уровня жизни своих сограждан и, стало быть, никому не угрожает *военной* агрессией, то почему бы и США не использовать это в интересах собственных граждан. Ведь и им не заказано, отбросив за ненадобностью гонку вооружений, использовать освободившиеся огромные ресурсы в мирном соревновании с СССР на повышение уровня жизни трудящихся и доказать им не на словах, а на деле все преимущества своей экономической системы.

Известно, например, что в СССР давно уже нет ни безработицы, ни кризисов. Почему бы и США не избавиться от этих вопиющих бедствий? Известно, что в СССР заработная плата ежегодно повышается, и не только в денежном, но и в реальном значении. Почему бы и США не усвоить эту практику? Ведь такая практика, несомненно, обеспечила бы и США и всем странам Запада несравненно более значительный и притом все *возрастающий* спрос на всю продукцию промышленности и земледелия, чем это возможно в условиях гонки вооружений.

Если в странах Запада действительно назревает угроза, вынуждающая правящие круги доказывать трудящимся массам, что экономическая система этих стран — «*лучшая* для них система», то им придется вступить именно на такой путь *мирного* соревнования экономических систем — соревнования в *темпах* развития производительных сил, в борьбе за самые низкие цены и самую высокую заработную плату, в «гонке» за повышение *уровня жизни* трудящихся масс. И если гонка вооружений встретила уже всеобщее осуждение и гневный протест сотен миллионов мирных людей, то эта новая «гонка», несомненно, была бы встречена лишь вздохом облегчения во всем мире.

Во всяком случае советские люди как пионеры самой новой экономической системы к такому соревнованию *всегда готовы.*

3. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ИЛИ ТОРГОВЛЯ?[1]
«С позиции силы»

Война, хотя бы и «холодная» — без напалма и водородных бомб в действии,— создает опаснейшее международное напряжение, вызывает бешеную гонку вооружений, финансовое истощение, нарастающую инфляцию и валютный хаос, возбуждает истерию человеконенавистничества, разоряет сотни миллионов налогоплательщиков, сокращая их покупательный спрос на внутреннем рынке, умножает товарные запасы в каналах обращения и армию голодающих безработных в странах капиталистического Запада. В то же время эта «холодная война», затеянная «с позиции силы» против миролюбивых демократий Востока, ускорила формирование двух обособленных и потому резко суженных мировых рынков. И хотя агрессивные силы, вызвавшие этот распад рынка методами прямых запретов торговли с Востоком, устрашающих «блокад» и эмбарго, имели в виду, собственно, удушение в кольце этих «блокад» экономики Востока, но фактически в экономическом тупике, задыхаясь от недостатка внешних рынков, оказались перед угрозой кризиса многие страны Запада.

Их торговые интересы вступили в непримиримое противоречие с дальнейшим участием в слишком затянувшейся «холодной войне». И это противоречие между навязанной этим странам политикой «с позиции силы» и властными требованиями их собственной экономики настоятельно требует своего разрешения. Война и торговля исключают друг друга. Из них надо выбирать либо то, либо другое. Народная мудрость гласит, что и худой мир *лучше* доброй ссоры. Что же или кто же мешает такому решению?

Страны Запада и Востока придерживаются весьма различных экономических систем хозяйства. Но это *внутреннее* дело каждого народа. И твердо придерживаясь принципа невмешательства в чужие дела, советские люди всегда высказывались за *мирное* соревнование этих систем без каких-либо интервенций и взаимных дискриминаций, что подкрепляется всей многолетней практикой СССР в его международной политике. Ни разу СССР не выступал в роли агрессора по отношению к другим народам, охотно заключая с ними мирные договоры о дружбе и ненападении и никогда односторонне их не нарушая. Отразив в содружестве с другими нациями опаснейшую и для них гитлеровскую агрессию, СССР для предотвращения новых покушений того же рода предложил своим союзникам по борьбе с нею закрепить завоеванный совместно дорогой ценой мир новыми договорами. И такие многолетние мирные договоры, как известно, были подписаны между СССР, Англией и Францией. Таким образом, возможность мирного сосуществования двух различных экономических систем находила свое признание с обеих сторон. И ныне *не* СССР пытается изгладить самое воспоминание о подписанных договорах. Что же изменилось с момента их подписания?

Изменилось после второй мировой войны прежде всего, конечно, соотношение сил великих мировых держав. В Западной Европе не только побежденные, но и победившие страны, разоренные войной, потеряли все прежнее свое значение и уже явно выбывают из числа «великих». Они согласны уже и на второстепенные роли, поступаясь под нажимом извне подчас даже своим государственным суверенитетом. Зато для США та же война обернулась блестящим бизнесом. Здешние бизнесмены настолько разбогатели на *второй* мировой войне, что не прочь уж финансировать и *третью*. И если еще недавно в США господствовала доктрина «Америка для американцев», то ныне многие из них в головокружении от успе-

---

[1] «News», 1954, № 11.

хов не прочь уж и расширить эту доктрину новыми вариантами: «и Европа — для американцев», «и Азия — тоже», и вообще «весь мир — для американцев»! В Европе содействие этой новой доктрине кое-каких обедневших родственников они намеревались купить по дешевке, в порядке «плана» Маршалла и прочих долларовых подачек вместо торговли, которую американские бизнесмены предпочитают сохранить в качестве собственной монополии. А в отношении тех стран и народов, которые не продаются с публичного торга, они предложили тактику их устрашения «с позиции силы», известную ныне под именем «холодной войны».

Весь огонь в этой «холодной войне», как известно, был направлен против восточного лагеря стран социализма и демократии. Раздувая призрак коммунистической опасности этого лагеря для всего остального мира, поджигатели войны под соусом *оборонных* мер против этой «опасности» сколачивают атлантические и прочие антикоммунистические военные пакты народов, вооружают их американским оружием под предлогом военной помощи, оккупируют другие страны, создают там военные базы, бороздят их небо летающими крепостями с бомбовой начинкой, требуют их прямого участия в тех или иных военных авантюрах на Востоке и, втянув в такие авантюры, запрещают огулом всем своим союзникам даже торговать с Востоком.

Однако такая политика, представляющая довольно выгодный бизнес для американских торговцев оружием, становится все более разорительной и нетерпимой для их европейских союзников. Союзники эти уже успели убедиться, что политика «с позиции силы» не дает никаких результатов в борьбе не только против таких гигантов, как СССР и Китай, но и более скромных противников. И, по-видимому, убедившись в полном миролюбии Советского Союза и его демократического окружения, эти союзники США предпочли бы видеть страны Востока в качестве покупателей своих товаров, а не противников с оружием в руках. Правда, лондонские аэродромы уже готовы принять транзитом американские бомбы для Москвы. Но от Москвы до Лондона не дальше, чем от Лондона до Москвы. И, как видно из одной речи м-ра Черчилля в палате общин, лондонские политики, учитывая трезво не только американские, но и свои собственные интересы, приходят к выводу, что опасная игра атомными бомбами не стоит свеч и что путь мирных переговоров за круглым столом надежнее путей взаимоистребления.

Кажется, что и другие европейские партнеры м-ра Даллеса готовы усвоить столь же разумные выводы.

За круглым столом

Добиться необходимой разрядки международной напряженности за круглым столом после многолетних трудов по ее раздуванию — дело не легкое. Уже не мало переговоров осталось безрезультатными за последнее время, несмотря на все усилия защитников мира довести их до более благополучного конца. Конец этот определяется не красноречием дипломатов, а реальным соотношением сил и интересов договаривающихся сторон. Однако общественное мнение — тоже сила, с которой за круглым столом нельзя не считаться и которая настоятельно требует в интересах мира расширения мировой торговли. И это, конечно, не случайно.

На Западе, несмотря на крупные военные заказы за счет налогоплательщиков, а скорее всего как раз в связи с ними, все ощутительнее становится очередной спад конъюнктуры в промышленности и торговле[1]. Надвигаются бедствия кризиса, облегчение которых могло бы принести только расширение торговли с совсем не знающим кризисов Востоком. И чем больше противятся этому США, тем сильнее раздражает это их союзников. Так, например, в английской газете «Ивнинг стандарт» можно

[1] Развитие кризисных явлений в 1953—1954 гг.

было прочесть следующее откровенное признание: «Английский народ раздражен позицией Америки, ибо, если рынки Востока окажутся закрытыми для английских дельцов, где еще они могут найти замену им. Американцы должны понять, что торговля с Востоком является не только экономической необходимостью для Англии, но и политической необходимостью для всего мира».

Деловые люди Запада осознали это раньше своих политиков, заседающих за круглым столом. Им ясно, что потерять почти миллиард возможных покупателей в условиях уже бесспорного экономического спада и истощения последних порций долларовой «помощи» США ради прекрасных глаз симпатичного м-ра Маккарти и его вдохновителей, затеивающих новую авантюру где-либо во Вьетнаме или Корее,— это не деловая политика. Они вовсе не симпатизируют Мао Цзэ-дуну, но уже признали КНР весьма подходящим для себя рынком и потому усердно подталкивают и своих политиков последовать их примеру. Они еще весьма симпатизируют взглядам как будто уже обанкротившегося м-ра Даллеса, но не настолько все же, чтобы и собственные фирмы подвергнуть риску банкротства. И все это не может не отразиться и на дебатах за круглым столом в Женеве.

Еще недавно в западной прессе, не исключая даже солидного лондонского «Экономиста» и других американских подголосков, политику дискриминации торговли с Востоком пытались оправдать, нарочито преуменьшая реальные возможности этой торговли и изображая СССР как полуголодную страну с ничтожными импортными и экспортными ресурсами. Однако эта лживая пропаганда потерпела фиаско. Достаточно сказать, что выплавка стали в 1954 г. по сравнению с 1950 г. возросла в СССР на 51%, добыча угля — на 33, выработка электроэнергии — на 63, продукция цемента — более чем на 80, производство машин — на 90%. И в общем задания пятилетнего плана на 1951—1955 гг. в СССР выполнены досрочно, за четыре года.

В Москве побывала английская делегация промышленников, и в лондонской прессе появились статьи о «Волне процветания в России», о магазинах, переполненных товарами, о заводах, работающих полным ходом, о первоклассном техническом оснащении посещенных авторами заводов и т. д.. Любопытно, что авторы признают при этом «полную неожиданность» для них самих сообщаемых ими фактов. И все это печаталось в таких газетах, как «Дейли экспресс», «Лондон стар», которых даже м-р Маккарти не заподозрил бы в сочувствии коммунизму. Но еще неожиданнее для западных читателей, вероятно, показалась статья в американской газете «Нью-Йорк геральд трибюн» от 11 апреля 1954 г. с такими признаниями: «Пока мы,— пишет газета,— продолжаем убаюкивать себя избитыми легендами об «отсталых русских», гигантская советская держава упрочивает свое экономическое могущество гораздо скорее, чем это делает Западная Европа... Хотите верьте, хотите нет, но это, вероятно, самое опасное (!?) событие во второй половине XX века. Печальный и неопровержимый факт,— жалуется перепуганный журналист,— заключается в том, что после войны в Советском Союзе наблюдается колоссальный промышленный и технический прогресс...»

На наш взгляд, самым печальным в данном случае является тот факт, что американские газетчики, замалчивая правду о советской экономике, питали доныне своих читателей лишь вздорными о ней легендами, т. е. занимались заведомой дезинформацией своего народа. Да и теперь они сообщают *правду* о советском прогрессе лишь для того, чтобы *обмануть* этот народ новой мнимой опасностью. Однако факты свидетельствуют о том, что Советский Союз, развивая свою мирную экономику, никому не угрожает своей мощью.

Но ведь западные державы все свои военные приготовления оправдывают лишь задачами укрепления *обороны* против «угроз» Востока. Где же логика? Конечно, тем, кто раздувал доныне военную истерию против стран Востока, не было нужды в правдивом освещении таких фактов, как растущее благосостояние трудящихся СССР, без кризисов и безработицы, и их обоснованное стремление, не поддаваясь никаким провокациям, обеспечить не на словах, а на деле международное сотрудничество и прочный мир на земле. Но такую правду не скроешь надолго от народов. А когда она всплывает, у большинства налогоплательщиков возникает естественный вопрос: зачем нам нести непосильное бремя налогов на оборонное вооружение, которое, ржавея без употребления, уже через два-три года станет безнадежно устаревшим браком, если нам никто серьезно не угрожает и если при общем отвращении к взаимному истреблению обо всем остальном очень легко мирно договориться за круглым столом?

Думается, что такое общественное мнение могло бы сильно посодействовать ныне возможной разрядке международной напряженности.

Торговля способствует миру

Больше всего, однако, надежд на смягчение этой напряженности в настоящее время вызывают требования международной торговли. Общественное мнение кое-где можно сфальсифицировать. Кое-где им можно и пренебречь. А торговые интересы капиталистического рынка — сила стихийная. Без товарооборота вообще немыслимо капиталистическое производство. И всякое нарушение его требований вызывает непреодолимое сопротивление стихийных сил рынка. Этим и объясняется очевидный уже провал политики дискриминации стран Востока в международной торговле. Жизнь показала, что *неумная и близорукая* политика дискриминации причинила *серьезный ущерб* тем государствам, которые следовали американскому диктату. И действительно, какой смысл можно обнаружить в политике, которая бьет не по тем, против кого она направлена, а как раз по тем, кто ее послушно проводит к своему собственному ущербу.

Американцы, пугающие своих союзников колоссальным промышленным и техническим прогрессом Советского Союза, могли бы понять, что все их запреты торговли с Востоком ничуть не вредят его развитию на базе его собственных внутренних рынков. А вот союзники США, в условиях падающей конъюнктуры, отсутствие этих запретных для них рынков чувствуют все острее и болезненнее. И хотя эмбарго еще не отменено полностью, но домогательства о его дальнейшем пересмотре становятся все настойчивее со всех сторон. Вместе с тем, по авторитетному сообщению председателя Экономической комиссии ООН для Европы г-на Мюрдаля, торговля между большинством стран Востока и Запада значительно увеличивается, и успехи, достигнутые в увеличении объема торговли между Восточной и Западной Европой и в улучшении торговых и платежных отношений, «поощрили все правительства *активизировать* усилия, чтобы достигнуть этих целей».

Воспрепятствуют ли США этим усилиям, рискуя оказаться в изоляции даже в среде ближайших своих союзников? И какими средствами? Отказом им в долларовой «помощи», которая и без того уже прекращается? Или предоставлением американских рынков взамен восточных в соответствующих масштабах? Все это очень проблематично, тем более что, как известно, один лишь Советский Союз может предоставить английской промышленности заказов на сумму до полумиллиарда фунтов стерлингов, в то время как американский импорт не растет, а даже уменьшается. Он упал только за 1953 г. более чем на 7%. А британская покупка русского золота на 30 млн. фунтов показала, что американские бумажные доллары не единственный и даже не лучший вид устойчивой мировой валюты.

Сегодня трезво мыслящие американцы понимают, что провозглашенные законом Беттла отношения патрона и клиента — отнюдь не лучший путь для приобретения США друзей и в условиях текущего момента могут привести лишь к подрыву американского престижа в Европе. Все это убеждает, что крупнейшие сдвиги в сторону расширения международной торговли между Западом и Востоком неизбежны. А это откроет важнейшие пути к ослаблению политической напряженности их взаимоотношений и к *мирному* соревнованию соответствующих экономических систем.

4. О МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ[1]

Оглядываясь назад, на пройденный за минувший 1954 г. путь, можно с удовлетворением сказать, что этот год, несомненно, принес миру известное смягчение напряженности в области международных отношений. Оно уже сказалось прекращением последних вспышек огня в Юго-Восточной Азии, заметным расширением товарообмена между странами Запада и Востока и явным оживлением разносторонних культурных связей между странами двух мировых систем, несмотря на все различие разделяющих их хозяйственных принципов и культурных традиций.

Нельзя сомневаться, что этот год прошел под знаком дальнейшего признания широкими кругами делового и политического мира важнейшего принципа советской внешней политики, основанного на убеждении в возможности *мирного сосуществования* социалистической и капиталистической систем хозяйства при наличии обоюдного желания сотрудничать, при готовности выполнять взятые на себя обязательства, при соблюдении начал равноправия сторон и невмешательства во внутренние дела других государств.

С советской стороны это убеждение высказывалось неоднократно всеми руководящими лидерами Коммунистической партии и правительства. Оно подтверждается и всей практикой советской международной политики.

Но агрессивные круги Запада, отвергающие возможность мирного сосуществования двух систем, усиливают гонку вооружений на Западе, мотивируя ее тем соображением, будто бы СССР сам готовится к войне, чтобы силой оружия свергать капиталистический режим в чужих странах, хотя это опровергается всем опытом многолетних взаимоотношений СССР с капиталистическими странами. Советскому Союзу, начиная с 1917 г., не раз уже пришлось отражать вероломные вторжения в свою страну разных агрессоров. Доказывая на деле свое миролюбие, СССР заключал договоры о ненападении с рядом государств и даже с фашистской Германией. После вероломного нарушения этого договора Германией СССР вступил в союз с США, Англией и Францией, подкрепляя союзные отношения целым рядом военных договоров — в Тегеране, Ялте, Потсдаме — и послевоенных, на 20 лет, с Англией и Францией. И ни один из этих договоров не был нарушен Союзом Советских Социалистических Республик, чего никак нельзя сказать о его партнерах.

Так, например, Уинстон Черчилль, в 1949 г. осчастливил мир ценным признанием, что он еще в 1945 г., т. е. в условиях незавершенной войны с фашистами, будучи руководителем союзной с СССР страны, подготовлял не на словах, а на деле совместные с побитыми фашистами вооруженные действия *против* этого своего союзника. Чем это мотивировалось? Нелепым страхом уважаемого сэра перед тем, что русские коммунисты не остановятся в своем стремительном движении на запад за стенами Берлина и по инерции освободительного движения того и гляди докатятся до своих друзей в Париже и до Ламанша. Если судить обо всем в политике только с беспринципной «позиции силы», то победоносная Советская Армия действительно обладала в тот момент достаточной силой для таких действий.

[1] «News», 1955, № 1.

И м-р Черчилль не смог бы приостановить ее даже с помощью уже разбитых наголову фашистов. Но он ошибался, рисуя себе коммунистов по собственному своему образу и подобию. Они *не изменили* своим союзникам. Это факт, которого никто уж не сможет опровергнуть.

В 1949 г. создание Североатлантического блока, как известно, тоже мотивировалось страхом его организаторов, утверждавших, что Западной Европе нужно быстро вооружиться потому, что она не имеет достаточной защиты против угрозы военного нападения со стороны СССР. Однако и *будучи сильнее* Западного блока, по собственному признанию его лидеров, СССР в течение этих лет не только не нарушил ни одного из своих договоров с другими народами, но и никому не угрожал, выступая вообще против политики «с позиции силы». И это тоже бесспорный факт, заслуживающий внимания.

Но вот еще пять лет спустя, в середине 1954 г., главнокомандующий вооруженными силами Североатлантического блока в Европе американский генерал Грюнтер громогласно заявил, что военные силы Западного блока уже настолько выросли, что ему теперь не приходится бояться вторжения Советской Армии. Однако и в эти годы (1949—1954) СССР, располагая признанным перевесом сил над Западным блоком и несмотря на угрожающую ему все более ожесточенную гонку вооружений в странах Запада, не сделал ни одной попытки воспользоваться своим перевесом, все время выступая лишь с мирными предложениями запрета опаснейших видов оружия массового уничтожения и постепенного разоружения всех стран. Разве все это еще недостаточно свидетельствует о принципиальном миролюбии коммунистических сил Востока?

А между тем пароксизмы безотчетной злобы и страха перед призрачной коммунистической опасностью с Востока все еще толкают многих слишком нервозных людей Запада не только на дальнейшую гонку вооружений, но и на много других неразумных действий, способных, как игра с огнем вокруг открытой бочки с порохом, привести весь мир к неисчислимым бедствиям.

Еще в 1953 г. в американском журнале можно было прочесть доклад м-ра Эрнеста Уэйра, председателя «Нейшнл стил корпорейшн», который, обращаясь к своим согражданам с призывом: «Необходимо добиваться мира!», напомнил им, что «одной лишь из тех водородных бомб, которые сейчас создаются, достаточно для того, чтобы полностью разрушить весь район Большого Нью-Йорка». А что же будет, если кто-то спровоцирует новую мировую войну и на все культурные страны Востока и Запада обильно посыпятся с неба *тысячи* таких бомб!..

Уже м-р Уэйр сообщал, что, по мнению некоторых «высших военных руководителей» США, «никто не в состоянии *выиграть* будущую войну» и что главная цель их военных усилий — «*не допускать* войны». А по сообщению Юнайтед Пресс от 24 ноября 1954 г. о позициях высших инстанций США, «американское и советское соперничество в атомном вооружении достигло той степени, когда обе стороны располагают такими разрушительными силами, что они по существу нейтрализуют друг друга. Поэтому существует перспектива, что в будущем соперничество между советским блоком и свободным миром будет проявляться в основном в *области экономики*, причем ни одна страна не пойдет на серьезный риск большой войны».

Если серьезные деловые люди США, разочаровавшись в успехе возможных военных авантюр, действительно готовы заняться разумным соревнованием двух систем на экономическом фронте, то это можно лишь приветствовать. Это бескровное соревнование будет, несомненно, длительным и очень серьезным для обоих лагерей. Но оно не потребует уж от народов столь тяжелых жертв, какие ими приносятся в бесплодной гонке вооружений даже в условиях «холодной войны».

Конечно, переход от «холодной войны» к мирному экономическому соревнованию двух систем не предполагает какого-либо пересмотра принципиальных основ, на которых строится хозяйство Запада и Востока. Останутся, стало быть, и все расхождения во взглядах и настроениях сталкивающихся в этом соревновании общественных кругов. Меньше всего можо при этом надеяться, что скажем, сенатор Маккарти и его друзья проявят вдруг более нежные чувства к идеалам репрессируемых ими коммунистов, а коммунисты всего мира придут в неистовый восторг от американского образа жизни и деяний м-ра Маккарти и других господ из Ку-клукс-клана. Однако чувства чувствами. Но не следует забывать, что, когда слишком громко говорят чувства, умолкает разум. А от этого могут серьезно пострадать и немаловажные интересы очень многих деловых людей.

Мы имеем ввиду прежде всего интересы международной торговли между Западом и Востоком, которые уже очень долго к ущербу самых широких торговых кругов Западной Европы приносятся в жертву антикоммунистическим чувствам известных кругов США.

Иногда эти чувства выражаются в совершенно неразумной форме. Так, например, в редакционной статье «Нью-Йорк таймс» от 18 ноября 1954 г. под названием «На экономическом фронте» мы обретаем такие перлы. В начале статьи, отдавая дань своим чувствам, автор уверяет, что «коммунисты эксплуатируют нищету и невежество», мобилизуя *«инертные* и *отсталые* общины», в связи с этим он открывает некий «контраст» между *быстрым* восстановлением «свободных» стран Запада и «состоянием *застоя»* коммунистических районов Востока и даже делает на этом основании смелый вывод, что Россия и другие страны, в которых господствуют коммунисты, развивались бы при капиталистической системе *«быстрее* и *больше,* чем при коммунистическом владычестве». А затем, как бы очнувшись от этого гипноза чувств, сам изобличает себя, подтверждая факт «растущей экономической мощи Советской России», основанной на капиталовложениях в расширение экономики «почти *вдвое больших,* чем в значительной части капиталистических стран». И мало того, он вынужден тут же признать, что потенциальный рынок Востока почти в миллиард человек не только «манит» к себе многие страны Запада, но и «может стать *необходимым* для некоторых из них, склоняя их тем самым добиваться урегулирования с Советами». Вместе с тем его обуревает особая тревога о малоразвитых странах Азии, правительства которых под влиянием успехов в развитии стран социализма обнаруживают явное «стремление использовать *такую же тактику*, чтобы поднять свои страны за счет *собственных* ресурсов».

Спрашивается, разумно ли было столь безапелляционно заявлять о *застое* в странах социализма, если заведомый *страх* перед их «растущей экономической мощью», преодолевая все другие чувства, так явно изобличает беспомощность автора, его неумение хоть как-нибудь связать свои концы с концами. Как видно, чувства и в этом случае оказались плохими советниками.

Возникает, однако, естественный вопрос. Почему бы сторонникам капиталистической системы на Западе страшиться успехов экономического развития стран социализма, если они вполне уверены в превосходстве своей системы хозяйства? Ведь экономическое соревнование на международном рынке — это наиболее удобный способ выявить это превосходство. К тому же в условиях мирного сосуществования двух систем даже каждый новый успех стран социализма будет лишь расширять обороты мировой торговли, а вместе с тем и возможности расширения собственного производства стран капитализма. Ни одна из них не захочет приобретать ненужные ей или более дорогие товары, чем те, какие можно купить у себя дома. А международное разделение труда на этой основе позволит всем странам развиваться в меру своих собственных, *внутренних* возможно-

стей. Только в силу *внутренних* причин страны могут заменять действующую в них систему хозяйства другой, более совершенной. Внешняя агрессия с этой целью, представляя собой огромный риск для самого агрессора, оказалась бы к тому же и ненужной. Для слабейшей стороны в этом соревновании она была бы непосильной, а для сильнейшей — попросту излишней. Созревшие плоды и сами опадают с ветвей.

Экономическое соревнование означает собой не только расширение торговых и культурных связей в международных масштабах, но и международное *сотрудничество* в интересах наиболее плодотворного разделения труда, а в частности, и международную помощь *слаборазвитым странам* мира в целях ускорения общего прогресса в развитии и росте благосостояния всех народов. СССР уже оказывает такую помощь ряду стран не только предоставлением на приемлемых условиях нужнейших им машин и орудий, но и *технической* помощью в людях, строительных проектах и чертежах. Было бы только в интересах всего человечества, если б страны Запада в порядке соревнования с Востоком предложили бы слаборазвитым странам такую же помощь в еще более широких масштабах и на более льготных условиях. Наиболее дешевые товары при наиболее высоком уровне жизни трудящихся — вот что определит высшие успехи в предстоящем соревновании двух систем.

Оно еще только завязывается, так как на его пути остается еще очень много преград. Далеко еще не отпала даже страшнейшая из них — угроза войны. Но уже становится бесспорным, что даже самый прохладный мир предпочтительнее *для всех народов* самой пламенной войны, угрожающей испепелить весь мир в своем пожаре — при 20 млн. градусов гарантированной температуры. Мирные переговоры становятся *неотвратимыми*. Неизбежны переговоры и о разоружении, и о новых условиях международной торговли. И на будущее мы можем пожелать лишь одного: *скорейшего* успеха этим неизбежным мирным переговорам, без чего неосуществимы и все остальные предпосылки плодотворного *экономического* соревнования Запада и Востока, отвечающего общим интересам.

5. ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ[1]

Наличие в современном международном обществе противоречий и противоборствующих социально-экономических идей, сосуществование противоположных систем в разных странах само по себе не представляет никакой проблемы. Это только *факт*, но факт исключительного значения. Факт, вопиющий о раздирающих наш мир противоречиях. Факт, чреватый слишком угрожающими последствиями, чтобы с ним не считаться. Факт, который нельзя замолчать или изжить одними лишь словесными заклинаниями и причитаниями. А отсюда уже возникает ряд больших проблем.

Важнейшей из них и доныне является проблема: какой «модус вивенди», или форму сосуществования, противоборствующих идей и систем следует избрать народам, чтобы наилучшим образом обеспечить свой мирный труд от всяких посягательств на него потенциальных агрессоров? Решается эта проблема по-разному.

Одни, рассуждая «с позиции силы», полагают, что опасные идеи всего радикальнее устраняются физическим уничтожением их носителей. Отсюда ведут свое начало подготовка превентивной мировой войны, гонка вооружений, разрыв всех экономических и культурных связей между народами, атомный психоз и продиктованная им политика систематических дискриминаций и провокаций. Другие же, учитывая опыт истории, знают, что идеи не падают с неба. И нравятся они нам или нет, но, поскольку они возникают и распространяются независимо от нашей воли, по объективным законам развития питающей их реальной среды, с ними приходится так или иначе считаться.

[1] «News», 1955, № 13.

Идеи людей лишь отражают их жизненные интересы, вытекающие из материальных условий труда и быта. Идеи здесь приходится рассматривать как неизбежное *следствие* порождающих их причин. А таких следствий нельзя избежать, пока еще находятся в действии вызывающие их к жизни причины.

Мы не удивляемся, например, что фабриканты оружия, получая миллиарды сверхприбылей от гонки вооружений, не увлекаются идеями разоружения. Было бы весьма неожиданным также, если б боевые генералы, забыв о своем ремесле, объявили вдруг забастовку против подготовки войны, признав саму идею войн как орудия международной политики бесчеловечной. Вместе с тем было бы очень наивно удивляться неизбежным успехам идей социализма в рабочей среде, поскольку эксплуатация их труда является для них наиболее осязательным и тяжким повседневным фактом.

Идейных противников можно истреблять в любых масштабах. Но этот метод борьбы с идеями обычно приводит лишь к *расширенному* воспроизводству тех же идей. Идеи неуязвимы никаким оружием уже потому, что они бесплотны. Истребительная практика святейшей инквизиции в далеком прошлом и столь же беспощадного фашистского гестапо совсем недавно неслучайно обнаружила полное банкротство своих идейных вдохновителей. Еще меньше успехов методам устрашения инакомыслящих сулит и бездарная практика современных эпигонов того же направления, известного ныне под именем маккартизма.

Все это может служить аргументом против политики «с позиции силы». Но это только одна сторона проблемы. Современный мир расколот на два противостоящих лагеря в соответствии с разделяющими его идеями социализма и капитализма. Но, несмотря на это идейное разделение, весь мир давно уже тесно связан очень многообразными экономическими интересами. Неравномерное развитие различных стран привело к такому международному разделению труда, при котором одни страны обладают избытком индустриальной продукции для экспорта и нуждаются в сельскохозяйственном сырье и продовольствии из других стран, а те в свою очередь остро нуждаются в продуктах промышленности и экспортируют в обмен на них свой хлеб и сырье. Международный товарообмен в этих условиях становится самой повелительной необходимостью для всего мира. Но уже «холодная война» между странами Запада и Востока, разрывая мировой рынок на два обособленных рынка, влечет за собой серьезное расстройство и немалый ущерб для хозяйства многих стран. А мировая война привела бы их уже к полному развалу и всенародным бедствиям. И если немногим фабрикантам оружия такая перспектива сулит лишь обогащение, то всем остальным деловым кругам она угрожает банкротствами, а широким народным массам — нищетой и голодом.

Но и это еще не все. Мировая война при современных средствах взаимного истребления угрожает миру катастрофическим разрушением его производительных сил и массовым, поголовным уничтожением многомиллионного мирного населения воюющих стран. Естественно, что народные массы не могут хотеть такой войны, и повсюду единодушно поддерживают идеи *мирного* сосуществования всех народов, независимо от их общественного строя и экономических идеалов общежития. На Востоке, в странах социализма, эта идея давно уже пользуется всеобщим признанием. Но и на Западе, даже в кругах, одобряющих агрессивную политику «с позиции силы», находится немало трезвых людей, признающих, что мировая война в наши дни явилась бы слишком уж рискованной авантюрой.

Конечно, делая ставку на силу, западные поджигатели мировой войны готовы мобилизовать для этого огромные средства истребления и разрушения. Но это вызовет лишь ответную мобилизацию на оборону против

агрессии всех метериальных и моральных потенций Востока. И тот из двух лагерей будет победителем, который окажется организованнее и сильнее. Опыт прошедшей войны и современное развитие двух систем показывают, что победителем выйдут социалистические страны, которые располагают всеми преимуществами плановой экономики. И если этот вывод кое-кому на Западе еще не ясен, то они убедятся в его справедливости в конце войны, когда уцелевших виновников агрессии призовут, как это было однажды, на суд, к ответу за все их преступления перед человечеством.

Впрочем, сторонники западной концепции крайне пессимистически оценивают возможность чьей-либо победы в будущей войне. В февральском номере журнала «Гретер Филадельфия» за 1955 г. мы находим по этому поводу статью председателя совета директоров «Нейшнл стил компани» м-ра Эрнеста Уэйра. В статье под заголовком «Какое будущее — война или мир?», высказываясь за мир, он, между прочим, объясняет, почему «сегодня ни одна страна *не осмеливается* развязать войну». Ссылаясь на выступления президента США об атомной войне, он резюмирует их в следующем выводе: «После ядерной войны так называемый победитель окажется господином мира, превращенного в *развалины и пепел*».

Однако, отступая перед риском большой военной авантюры, в США находится немало сторонников авантюр помельче — так называемых локальных войн, направленных на поддержку штыками насквозь прогнивших режимов, возглавляемых столь жалкими марионетками, как Ли Сын Ман. Чан Кай-ши, Нго Динь Дьем и тому подобные политические банкроты. Они им нужны, впрочем, лишь для оправдания гонки вооружений, которая рассматривается как спасение от надвигающегося экономического кризиса. Но перестройка мирной экономики на военные рельсы в связи с гонкой вооружений на ряд лет уже сама по себе хуже всякого кризиса.

В самом деле, по официальным данным американской статистики, расходы США на вооружение за 1946—1954 гг. превысили 291 млрд. долл., особенно увеличившись за последние годы. По сравнению с расходом довоенного 1939 г. они, даже с учетом обесценения доллара, возросли в 1954 г. в 20 раз. Весьма понятно, что вооружение, не использованное в самые краткие сроки, при современных темпах технического прогресса становится безнадежно устарелым браком, способным обеспечить лишь заведомое поражение его владельцам. Стало быть, все эти сотни миллиардов долларов в сущности выбрасываются на ветер. А между тем связанный с этим ущерб народному хозяйству уже в несколько раз превышает *максимальные* потери в народном доходе за годы самых тяжелых промышленных кризисов. Вместе с тем объем *мирной* промышленной продукции за последние годы не только не растет, но даже падает, а безработица умножается.

Американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» от 31 октября 1954 г. засвидетельствовала, что «число людей, в тот или иной период страдавших от безработицы, в этом году достигает огромной цифры — 12 млн. человек». И если «холодная война», чреватая такими эффектами, чем-либо отличается от обычных кризисов, свойственных капитализму, то разве тем, что фабриканты оружия, несмотря на огромный ущерб народному хозяйству от гонки вооружений и бедствий безработицы, вместо убытков получают миллиарды сверхприбылей, а рабочие оплачивают их падающими на них налогами, которые, все возрастая, в 1954 г. поглощали уже до 30 центов из каждого доллара заработной платы.

Нужно ли удивляться, что и в США такие деловые люди, как м-р Уэйр, выражают желание, «чтобы США, Англия, Франция и Россия собрались вместе и подписали декларацию, в которой они дали бы официальное обязательство отказаться от войны как орудия политики». Такое обязательство, дополненное пактами о полном запрете атомного оружия и *фактическом сокращении* всех наличных вооруженных сил, действительно могло

бы положить конец бесцельной и разорительной гонке вооружений. Вместе с тем открылся бы путь для мирных соглашений и по всем другим, менее спорным вопросам, не урегулированным доныне между странами Запада и Востока.

С гонкой вооружений связаны и ненормальные условия международной торговли последних лет. Между тем в этой области, пожалуй, было бы легче, чем в других, наладить в общих интересах экономическое сотрудничество и мирное соревнование всех народов, независимо от их общественного строя. А это очень благоприятно сказалось бы на смягчении всей международной обстановки в целом.

Каждому ясно, что без торговли, которая учитывала бы взаимные интересы, не может быть нормальных отношений между странами. И если *гонка вооружений* не оправдывает возлагаемых на нее надежд, то почему бы им не принять джентльменское предложение социалистических стран об *экономическом* соревновании двух систем?

Экономически США, несомненно, самая сильная страна в капиталистическом мире. Деловые круги США еще крепко верят в безусловное превосходство своей экономической системы над любой другой. А им очень любезно предлагают только подтвердить это свое преимущество *на деле*. Ведь, пожалуй, и действительно, ничего лучшего для США и придумать нельзя. У них высокая техника и производительность труда. Они могут продавать свои товары на мировых рынках очень дешево. И тогда им не будет страшна никакая конкуренция на этих рынках. Они богаты и тароваты: миллиарды долларов выбрасываются на бесплодные военные авантюры. Так почему бы им, соревнуясь с СССР, не обратить эти миллиарды на бескорыстную помощь в экономическом развитии беднейшим странам. Это помогло бы им самим расширить свои *внешние* рынки и завоевать симпатии даже там, где, как обнаружилось в Бандунге, зреют лишь семена ненависти ко всем странам империализма. Американские бизнесмены — неплохие организаторы. Так почему бы им по примеру СССР не ликвидировать и у себя безработицу и, неуклонно повышая жизненный уровень своих трудящихся, тем самым обеспечить и неистощимый *внутренний* рынок своим товарам.

Такую политику весь мир будет приветствовать. За чем же дело стало?

Король американской газетной прессы Херст, побывав в Советском Союзе, усвоил себе, что *для борьбы* с коммунизмом «без провокаций» «следует превратить западную программу наращивания вооруженной мощи в *более гибкую и проницательную* стратегию для *конкурентного* сосуществования с коммунистами в любых областях и на любом фронте». «Конкуренция» — дело, хорошо знакомое всем бизнесменам и в их руках более надежное, чем любое иное оружие. И вот отныне уже и Херст вместо гонки вооружений предлагает более разумное мирное сосуществование и «конкуренцию» с коммунистами в любых областях. «Я думаю,— уверяет он при этом свою аудиторию,— что любой культурный обмен между Россией и США, несомненно, будет в *нашу* пользу», т. е. в пользу США. Это делает честь его патриотизму. Но в то же время проницательный Херст для полного успеха поставленной задачи требует «создания *постоянного совета планирования*, который должен разрабатывать стратегию на всех фронтах в связи с конкурентным сосуществованием».

Вот именно, без Госплана, как видно, даже в США трезвые люди не рассчитывают на большие успехи. А завести его не так уж просто. Однако такие люди, как Херст, достаточно осведомлены о тех идеях, какие уже носятся в воздухе их страны. Здоровая идея мирного сосуществования и честного соревнования двух систем — соревнования без провокаций и дискриминаций завоевывает себе все больше сторонников.

Мир должен победить войну!

VII. СОРЕВНОВАНИЕ МИРОВЫХ СИСТЕМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ [1]

Соревнование мировых систем социализма и капитализма, развертываясь все шире, становится все более серьезной и грандиозной мировой проблемой: кто — кого? Но от великого до смешного — только один шаг. И эту истину весьма наглядно подтверждают адвокаты капитализма каждый раз, когда они выступают с якобы научной аргументацией против позиций социализма. Типичный образчик такого выступления представляет собой новейший коллективный «труд» гг. Бэрка и Паркера, опубликованный в февральском номере американского журнала «Форчун» за 1957 г. под интригующим заголовком «Кризис советского *капитализма*» (!).

Этим курьезным заголовком авторы, видимо, пытались развеселить свою аудиторию. Он состоит всего из трех слов и содержит по меньшей мере две грубые экономические ошибки. «Советский капитализм» — это, конечно, смешное и нелепое словосочетание. «Советский кризис» у всех хорошо осведомленных американских бизнесменов может вызвать лишь скептическую улыбку. К тому же общеизвестно, что экономические кризисы в системе капитализма никогда не ограничиваются рамками одной лишь страны. И если уже Бэрк и Паркер обнаружили его в *одной* из стран «капитализма», то им следовало бы сразу возвестить о «кризисе *мирового* капитализма». Это было бы менее весело, но более правдоподобно.

Однако это не входило в их задачи.

1. С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ

Почтенные авторы спешат поделиться со своей аудиторией большой сенсацией о «новом» экономическом кризисе в СССР — кризисе, «который потрясает самые основы советской мировой системы». Пользуясь случаем выявить свое близкое знакомство с доктриной Маркса, по которой накопление капитала «достигается при капиталистической системе только путем жестокой эксплуатации рабочего», авторы статьи заверяют попутно своих читателей, что Советское государство «можно назвать *самым капиталистическим* из всех» и что в СССР накопление капитала осуществляется «деспотами, по сравнению с которыми американские капиталисты... *выглядят* добрыми социалистами».

Бэрку и Паркеру, конечно, известно, что советские рабочие давно уже вытряхнули из своей страны всех капиталистов и прекрасно обходятся без них вот уже сороковой год, не ведая ни кризисов, ни эксплуатации труда. Понятно также, что «капитализм» без *капиталистов* — это, подобно выеденному яйцу, совершенно пустопорожнее понятие, лишенное всякого смысла. Но что же было делать Бэрку и Паркеру? В понятном стремлении как можно сильнее уязвить немилый им советский режим, они, за неимением в своем арсенале более крепких слов, обозвали этот режим «самым капиталистическим». К советской системе, за отсутствием в ней капиталистов, это определение явно не подходит. Но вот американские капиталисты пока еще налицо. И если они даже «выглядят» при этом добрыми социалистами, как это в порядке подхалимажа удостоверяется на страни-

[1] «В помощь политическому самообразованию», 1957, № 6.

цах американского журнала, это отнюдь не мешает им по-прежнему накоплять капиталы. А между тем в условиях, когда даже явные лакеи буржуазии не пытаются дольше скрывать, что такое накопление достигается при капиталистической системе «только путем жестокой эксплуатации рабочего» и готовы поэтому даже американский капитализм подрумянить в более приемлемые для трудящихся масс цвета социализма, это не предвещает капитализму больших достижений в соревновании с социализмом.

Но хороши и нынешние защитники капитализма, которые пользуются словом «капитализм», чтобы обругать своих противников, и восхваляют своих подзащитных миллиардеров как «добрых социалистов».

Поневоле чувствуешь себя как на представлении известной оперетки Оффенбаха, где для увеселения честной публики привлекаются даже богини с Олимпа.

Эвоэ! богини эти,
Как они могут насмешить!..

Конечно, Бэрк с Паркером не олимпийцы, но и они могут кого угодно насмешить. Даже столь серьезных деловых людей, как Морган с Рокфеллером, если они представят себя в ролях «добрых социалистов» хоть на минуту. Но не следует забывать, что в США живы еще традиции м-ра Маккарти и его друзей из Ку-клукс-клана. Значит, здесь смогут и Бэрка с Паркером притянуть к ответу за их столь неосторожно обнаруженные явные симпатии к «социализму». И это будет еще смешнее.

2. КОМУ ЖЕ УГРОЖАЕТ КРИЗИС?

Бэрк и Паркер усматривают признаки глубокого кризиса в СССР. Американцам за последние 30—40 лет пришлось пережить не один тяжелый кризис. И они легко могли бы определить важнейшие из таких признаков. Это, как известно, сокращение спроса и затоваривание, это спад производства и умножение банкротств слабейших фирм, это возрастание безработицы и снижение уровня жизни трудящихся, это умножение голода и нищеты, повышение смертности и заболеваний и много других тяжелых последствий господствующей анархии производства.

Какие же из этих признаков кризиса обнаружили пытливые умы Бэрка и Паркера в СССР?

Может быть, сокращение спроса, затоваривание и спад производства, периодически наблюдаемые в условиях капитализма?

О, нет. Этого Бэрк и Паркер не смогли бы усмотреть в СССР. Наоборот, они очень озабочены тем, что советские граждане страдают, по их выражению, от «высокого уровня недопотребления», в связи с той теорией, по которой росту тяжелой промышленности в СССР отдается «полное предпочтение перед товарами массового потребления». Жаль только, что Паркер с Бэрком забыли упомянуть при этом своим читателям, что, несмотря на указанное ими предпочтение тяжелой промышленности, в СССР и продукцию массового потребления удалось повысить по объему за 27 лет (с 1928 по 1955 г.) почти в 9 раз, на 795%. Из расчета на душу этот прирост за те же годы составил 595%, а в среднем за год — свыше 7%. И все же спрос на внутреннем рынке СССР неизменно *опережал* рост предметов потребления. На языке нормальных экономистов это именуется многообещающей рыночной конъюнктурой, но Бэрк с Паркером, говоря об СССР, предпочитают высокую советскую конъюнктуру представить своим читателям под псевдонимом «высокого уровня недопотребления».

Спрашивается, какие же темпы роста эти авторы сочли бы удовлетворительными для своей страны?

По их собственной весьма оптимистической оценке, «Соединенные Штаты увеличивают свое промышленное производство примерно на 4% в год». И этого, очевидно, вполне достаточно, по их мнению, для процветания США. Конечно, и 4% роста, если он не прерывается глубокими провалами и обеспечивает повышение уровня жизни трудящихся, можно приветствовать. Только если 4% объемного роста в США могут служить признаком их «процветания», то почему же 7% и более ежегодного роста в СССР угрожают ему кризисом?

Хуже всего, однако, то, что и 4% роста в США никак нельзя считать обеспеченной нормой роста промышленной продукции за сколько-нибудь продолжительный срок. И хотя и в США тяжелая промышленность опережает рост легкой, но ни та, ни другая отнюдь не может порадовать адвокатов капитализма здоровыми темпами роста. В самом деле, с 1914 по 1939 г., т. е. за целых 25 лет, объем всей промышленной продукции США в неизменных ценах вырос всего на 100% [1], что дает не свыше 2—3% в год, в то время как в СССР за тот же срок он поднялся более чем в 7 раз, на 663%, по 8% в год. А если учесть и рост населения США за 1914—1939 гг. с 99 млн. до 131 млн., то из расчета на душу этот прирост за 25 лет составит всего около 50%, а в среднем за год — не свыше 1—1,5%. Норма более чем скромная. Но мировая война и последующая гонка вооружений как будто ускорили эти темпы роста. Посмотрим, что же выиграл американский потребитель в результате милитаризации экономики США?

С 1939 по 1955 г. (за 16 лет) промышленная продукция США выросла по объему на 142%, что в среднем за год дает уже не 3, а около 5%. Но Паркеру с Бэрком, вероятно, известно, какую роль в этом приросте сыграла сначала война, а затем непрерывная гонка вооружений. Населения пушками вместо масла не насытишь. А потому для сравнения с темпами довоенных лет военную продукцию необходимо изъять из общих итогов всей продукции. По официальным данным бюджетов США, динамика военных расходов выглядела следующим образом (см. табл. 1.)

За пять лет второй мировой войны все военные расходы США по тому же источнику исчисляются в 297 млрд. долл. Но за последующие 10 лет после войны они превзошли эту цифру на 54 млрд. При этом по сравнению с довоенной нормой 1938/39 г. военные расходы США выросли к 1956 г. уже в 27 раз, и даже удельный вес их в бюджете повысился в 3,7 раза. Но это еще не все, ибо итоги последних лет явно занижены. В них не учтены, например, платежи по займам на военные расходы (в 1955/56 г.— 6,8 млрд. долл.), затраты на так называемую экономическую «помощь» зарубежным странам в интересах заполучения в этих странах военных баз (1,8 млрд. долл.) и др.[2] А в общем с учетом только этих статей итог 1955 г. составит уже около 52,8 млрд. Вместе с тем понятно, что такое повышение военных расходов потребовало и соответствующего роста капитальных вложений в новые средства производства для реализации этой большой военной программы. В послании Трумэна конгрессу еще в январе 1952 г. указывалось, что *более одной трети* всего строительства США составляет строительство для *военных* целей [3]. И здесь, однако, следует учитывать не только прямые затраты казны на сооружение *военных* заводов и стратегических путей сообщения, но и все другие вложения, необходимые для того, чтобы военное строительство было обеспечено стройматериалами, а военные заводы — энергией, металлами и прочими предметами труда. Из этой именно потребности возник тот «бум» в области расширения средств труда на переоборудование старых и строительство

---

[1] «Statistical Abstract of the United States». 1956, p. 791, tabl. № 993.

[2] Ibidem, p. 234, 358, 359.

[3] Ср. Ю. Покатаев. В чем выражается милитаризация экономики США. Госполитиздат, 1956, стр. 31, 63.

новых предприятий, который создавал иллюзию процветания американской экономики последних лет.

Бэрк с Паркером охотно отмечают в своей статье, что «богатые Соединенные Штаты в настоящее время выделяют на капитальные вложения (включая жилищное строительство) примерно одну пятую (?) часть своего валового национального продукта», в то время как все еще «относительно бедный» СССР вынужден уделять на эту задачу «четверть своего национального продукта». Но они забыли добавить, что все эти обильные вложения США оседают либо непосредственно в военной промышленности, либо «в отраслях, наиболее тесно связанных с выпуском *военной* продукции» [1], и что при этом загрузка производственных мощностей в промышленности США, по американским данным, уже в 1952 г. не превышала 55% всей наличной мощности. И, стало быть, дальнейший рост вложений в эти мощности свидетельствует не столько о богатствах США, сколько о невозможности *рационального* их использования в условиях «холодной войны», а вместе с тем и о нарастающем *перепроизводстве* средств производства в США.

Таблица 1

Военные расходы США
(в млн. долл. и в % бюджета) *

Годы	Военные расходы			
	прямые	косвенные	итого	
			в млн.	в % бюджета
1	2	3	4	5
1938/39	1 075	560	1 635	18,4
1946/47	14373	7 381	21 754	55,7
1947/48	11771	6 654	18 425	55,7
1948/49	12907	6 726	19 633	49,7
1949/50	13009	6 646	19 655	49,6
1950/51	22444	5 342	27 786	63,1
1951/52	43976	4 863	48 839	74,7
1952/53	50363	4 298	54 661	73,6
1953/54	46904	4 256	51 160	75,4
1954/55	40626	4 457	45 083	69,8
1955/56	39467	4 793	44 260	68,9
За 10 лет	295 840	55 416	351 256	—

* «Statistical Abstract...», 1956, p. 234.

В условиях мирного развития с 1919 по 1938 г., в среднем за 20 лет, национальный доход США исчислялся в 66,7 млрд. долл., а капитальные вложения, с учетом потерь за кризисные 1932—1934 гг., достигали 4,87 млрд. долл. в среднем за год, т. е. не свыше 7,3% от всего национального дохода в текущих ценах, и еще скромнее, около 6%, в ценах 1929 г.[2] В последующие годы, в условиях гонки вооружений, вложения США в обесцененных долларах выглядят импозантнее. В особенности велики нормы *валовых* накоплений в США. Но, расточаемые непроизводительно, они резко сокращаются. И ограничиваясь лишь реальными вложениями в основные капиталы страны, мы можем оценить их в общих итогах, а также по стоимости нового строительства и в процентах от национального дохода в следующих цифрах (см. табл. 2).

[1] «Survey of Current Business». 1951, N 12, p. 17.
[2] S. Kuznets. National Income and Its Composition, 1919—1938. New York, 1941, p. 269.

Таблица 2

Национальный доход и капитальные вложения США
(в млрд. долл.) *

Годы	В текущих ценах					Оптовый индекс цен	В долларах 1947 г.			
	национальный доход	капитальные вложения		новое строительство			национальный доход		капитальные вложения	
	за 1946—1955 гг.	абс.	в % к гр. 2	абс.	в % к гр. 2		абс.	в % к 1945 г.	абс.	в % к 1945 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1939	72,5	5,51	7,6	5,5	7,6	52,8	137	54	10,4	85
1945	181,2	8,69	4,8	3,8	2,1	71,4	254	100	12,2	100
1946	179,6	14,8	8,2	10,3	5,7	81,6	220	87	18,1	148
1947	197,2	20,6	10,4	14,0	7,1	100,0	197	78	20,6	169
1948	221,6	22,1	10,0	17,9	8,1	108,3	205	81	20,4	167
1949	216,2	19,3	8,9	17,5	8,1	102,9	210	83	18,8	154
1950	240,0	20,6	8,6	22,7	9,5	107,0	224	88	19,3	158
1951	277,0	25,6	9,2	23,3	8,4	119,1	233	92	21,5	176
1952	289,5	26,5	9,2	23,7	8,2	115,8	250	98	22,9	188
1953	303,6	28,4	9,4	25,8	8,5	114,2	266	105	24,9	204
1954	299,7	26,7	8,9	27,8	9,3	114,4	262	103	23,3	191
1955	322,3	28,7	8,9	32,4	10,1	114,8	281	111	25,0	205
За 10 лет	2 546,7	233,3	9,2	215,4	8,5	105,4	2 348	—	214,8	—

* «Statistical Abstract...», 1956, p. 293, 295, 320, 757. Ср. «Вопросы экономики», № 1. 1955, стр. 88; «Плановое хозяйство», № 4, 1957, стр. 81.

Большой рост национального дохода в США отмечается лишь за годы войны. В дальнейшем, за первые послевоенные 10 лет, национальный доход реально возрос всего на 11%, а из расчета на душу даже упал — на 10,5% (111 : 124 = 89,5). Но вложения в основные фонды страны росли значительно и составили в среднем за 10 лет не менее 9% от национального дохода. А если учесть, что итоги национального дохода в США завышены, а накопления, укрываясь от обложений, обычно занижены, нужно думать, что полученную нами норму вложений следовало бы еще процентов на 30 повысить. Но и в этом случае американская норма вложений была бы все же раза в два ниже советской.

Приведенные выше итоги роста послевоенной экономики США убеждают, что если отвлечься от тех показателей, которые характеризуют лишь военное перенапряжение экономики США, а не здоровый ее рост, то никаких сколько-нибудь заметных успехов в ней вообще не окажется, пожалуй, а из расчета на душу наблюдается даже некоторое падение реального дохода нации.

Еще яснее это обнаруживается на итогах *промышленной* продукции, если хотя бы грубо расчленить ее на продукцию гражданского и военного назначения. Точных данных для этого американская статистика не дает. Но если учесть, что в условиях гонки вооружений *текущие военные расходы могли быть* реализованы лишь за счет *текущей индустриальной продукции*, так как сельскохозяйственное сырье непригодно для этой цели, то получим примерно такие итоги (см. табл. 3).

Как видим, военная конъюнктура 1941—1945 гг. заметно повысила довоенный уровень промышленной продукции США. Даже с учетом обесценения доллара объем этой продукции с 1939 по 1947 г.— за восемь лет — поднялся на 74%, что дает около 7% в год. Но эта конъюнктура *неповторима*, ибо при современной реактивной военной технике уже ни одна страна, даже за океаном, не сможет рассчитывать на одни лишь барыши от

Таблица 3

Динамика промышленности США за 1939—1955 гг. *

Показатели / Годы	1939	1947	1950	1953	1954	1955
1	2	3	4	5	6	7
I. Персонал промышленности (в тыс.)						
а) добывающей	1026	943	889	852	770	748
б) обрабатывающей	9527	15 290	14 967	17 238	15 989	16 552
Итого (в тыс.)	10 553	16 233	15 856	18 090	16 759	17 300
в % населения	8,1	11,3	10,5	11,4	10,4	10,5
II. Продукция (edded value, в текущих ценах)						
а) добывающей (в млрд. долл.)	3,8	9,6	11,9	14,4	14,0	15,7
б) обрабатывающей (в млрд. долл.)	24,5	74,4	89,7	121,7	116,0	129,0
Итого	28,3	84,0	101,6	136,1	130,0	144,7
В том числе						
военные расходы	1,6	18,4	27,8	51,2	45,1	52,8
гражданская продукция	26,7	65,6	73,8	84,9	84,9	91,9
III. Объем продукции (в млрд. долл. 1947 г.)						
а) военной	2,7	18,4	25,7	42,3	36,5	42,6
б) гражданской	45,6	65,6	68,5	70,0	68,7	74,1
Итого	48,3	84,0	94,2	112,3	105,2	116,7
IV. Индекс оптовых цен (взвешенный)	58,5	100	108	121,0	123,6	124
V. Индекс производительности труда	89	100	115	120	121	130
VI. Гражданская продукция на душу населения (в долл. 1947 г.)	349	457	452	443	427	451
в % к 1947 г.	76	100	99	97	93	99

* «Statistical Abstract...», 1956, p. 13, 322, 726, 732, 791, 792. Ср. М. Волков. Сдвиги отраслевой структуре промышленности США. «Плановое хозяйство» № 3, 1957, стр. 77; Ю. Покатаев. В чем выражается милитаризация экономики США, стр. 31.

войны без тяжелых потерь и катастрофических разрушений. Если же обратиться к последующей эпохе «холодной войны» и гонки вооружений, то эффект этой политики окажется совсем незавидным. Правда, и за 1947—1955 гг. продолжался рост продукции. Но весь ее прирост за восемь лет уже вдвое ниже — 39 вместо 74%,— а если откинуть при этом военную продукцию, которая все равно расходуется без всякого эквивалента, т. е. с таким же эффектом, как если бы ее выбрасывали в море, то весь прирост гражданской продукции за те же послевоенные годы не превысит уже и 13% за восемь лет. И, значит, с учетом прироста населения за эти годы на 14,6% наблюдается прямое *падение* из расчета на душу необходимой ему продукции.

В отношении таких предметов первой необходимости, как продукты пищевой, текстильной, швейной и кожевенно-обувной промышленности, это можно подтвердить еще следующими конкретными данными (см. табл. 4).

Продукция названных отраслей легкой промышленности, как видим, за пятилетие 1951—1955 гг. из расчета на душу населения упала еще заметнее, чем вся гражданская промышленность США. И поскольку вся

Таблица 4

Динамика важнейших отраслей легкой промышленности США

Показатели / Годы	1939	1947	1950	1953	1954	1955
1	2	3	4	5	6	7
А. Продукция (в млн. долл.)						
1. Пищевкусовые продукты	3835	9664	10 910	12 925	14 441	15 530
2. Ткани, одежда и обувь	3787	11 296	11 317	12 538	11 342	12 705
Итого						
в текущих ценах	7 622	20 960	22 227	25 463	25 783	28 235
в % ко всей обрабатывающей промышленности	31,1	28,2	24,8	20,9	22,2	21,9
Б. Физический объем той же продукции						
1. Пищевкусовые продукты	7,3	9,66	10,70	12,17	13,76	10,44
2. Ткани, одежда, обувь	7,1	11,30	10,47	11,88	11,45	12,35
Итого:						
в млрд. долл. 1947 г.	14,4	20,96	21,17	24,05	25,21	22,79
в % нормы 1947 г.	68,7	100,0	101,0	114,7	120,3	108,7
В. То же на 1 душу населения						
в долл. 1947 г.	1100	1462	1400	1519	1564	1387
в % нормы 1947 г.	75	100	96	104	107	95
Г. Рабочие тех же отраслей						
в тыс.	3051	3672	3855	3771	3547	3602
в %	83	100	105	103	97	98

верхушка американского общества за эти годы отмечала свое процветание, значит, сокращение предметов первой необходимости падало всей своей тяжестью лишь на самые широкие народные массы США. Таковы бесспорные факты, не поддающиеся никаким кривотолкам.

При сравнении темпов роста объема продукции всей промышленности за 1939—1955 гг. с предшествующим периодом прежде всего поражает бурный рост *военной* продукции — 16 *раз* за 16 лет — с охватом в США уже после войны от 22 до 37% всей промышленной продукции. В условиях общего мира и заведомого стремления всех народов к разоружению и полной ликвидации всех опаснейших средств массового истребления мирного населения такой рост вооружений представляется парадоксальным. Но зато рост всей остальной и действительно необходимой населению *гражданской* продукции даже в США, этой богатейшей из стран империализма, ограничивается весьма скромной цифрой в 62,5% за целые 16 лет, т. е. менее 3% в среднем за год. А если еще учесть прирост населения за те же 1939—1955 гг., то из расчета на душу весь прирост полезной продукции в США не превысит за эти 16 лет 29% (451 : 349 · 100 = 129), составляя до 1,5% в год, как и за весь предшествующий период 1914—1939 гг. И все же это еще рост. Но за 1947—1955 гг., т. е. за восемь лет «холодной войны», мы наблюдаем уже остановку и прямое падение не только легкой, но и всей гражданской продукции из расчета на душу населения.

И хотя наличие растущей *военной* продукции создает еще и в эти годы видимость процветания, но по существу это уже не прогресс, а, скорее, явные признаки загнивания на корню господствующей в США системы хозяйства. И это обнаруживается каждый раз, когда однобокий

рост за счет военной продукции по той или другой причине снижается и открывается общий спад всей продукции.

Таких спадов наблюдалось уже несколько даже за послевоенные годы. Сильнее всего это сказалось уже в первые годы после победы. Началась демобилизация военной промышленности, и сразу же, уже в феврале 1946 г., этот объем упал на 38,5% по сравнению с рекордным объемом продукции в разгар войны, в октябре 1943 г. Предпринятая агрессивными кругами Запада новая «холодная война» лишь отчасти ликвидировала этот кризисный спад, так как уже с октября 1948 г. по октябрь 1949 г. в США обнаружился новый спад промышленного производства на 23%. Потребовалась новая военная авантюра в Корее, чтобы обеспечить новый подъем с 1949 по 1953 г. на 33%. А с ликвидацией агрессии в Корее за один лишь год, начиная с августа 1953 г., вся продукция США снова снизилась на 9,6%. Все эти лихорадочные зигзаги вверх и вниз показывают лишь одно, что усилия агрессоров предотвратить кризис перепроизводства гонкой вооружений не оздоровляют производственного организма, а загоняют лишь эту болезнь внутрь, затягивая скрытый период ее созревания. Острая болезнь становится хронической. И когда, наконец, она созреет до конца, неизбежный кризис, говоря языком медицины, будет уже чреват *летальным* исходом для этого истощенного болезнью организма.

И эти нездоровые колебания вверх и вниз, трижды за одно десятилетие, и прямое падение всей гражданской промышленности из расчета на душу в течение последних лет представляют собой уже не только угрозу кризисом. Для всего мирного населения США реальное снижение уровня его жизни — это уже не угроза бедствиями кризиса, а конкретное их начало, хотя и в новой, весьма экстраординарной форме — однобокого «процветания».

Сторонники гонки вооружений прописывают ее своим друзьям в качестве предохранительной прививки *против* кризиса. Но, во-первых, это очень дорогое лекарство, если за него *ежегодно* приходится расплачиваться населению такими потерями — по 40—50 млрд. долл. и более,— каких не смог бы вызвать, пожалуй, и любой из ординарных промышленных кризисов. А, во-вторых, оно «спасало» доныне только паразитирующие отрасли военного производства, ничего не давая всем другим и очень много требуя от них. США по уровню своих производительных сил, несомненно, занимают первое место во всем лагере империализма. Именно поэтому они и могли так долго расходовать столь непроизводительно избыток своих производственных мощностей на бесплодную гонку вооружений. Менее богатым сочленам этого лагеря это было бы давно уж не под силу без щедрых даяний из-за океана. Однако всякому расточительству приходит неотвратимый конец. Понятно, что безмерное расточение наличных ресурсов без крайней нужды, с вооружением всеми видами оружия даже своих потенциальных конкурентов на мировом рынке, диктуется не экономическим разумом, а какими-то иными, внеэкономическими побуждениями. Но экономика имеет свои собственные объективные законы, требования которых нельзя нарушать безнаказанно.

Производство в больших массах оружия создает видимость высокой рыночной конъюнктуры и общего производственного подъема. Но если уж рассматривать этот подъем как признак процветания США, то прежде всего следует задаться вопросом: «Кто же именно, какие круги или классы, действительно процветают в результате гонки вооружений в этой стране?»

Конечно, фабриканты оружия и все поставщики необходимых им средств и предметов труда процветают в условиях «холодной войны» даже полнее, чем это возможно в настоящей большой войне, не свободной от повседневного риска не только на фронте, но и в далеком тылу. А кроме того, лишь «балансируя на грани войны», они не рискуют и такими неприятностями, какими завершилась в Нюрнберге блестящая карьера

Геринга и Гиммлера после взятия Берлина. Не исключено, что и проницательные Бэрк с Паркером достаточно расценивают все эти преимущества «*холодной* войны». Но как должна ее расценивать вся остальная масса производителей и потребителей страны, не участвующих в производстве оружия? В личном потреблении пушки и бомбы совершенно неудобоваримы, никакого производственного назначения они тоже не имеют. Но платить за них все же нужно и притом недешево. И не случайно налоги с населения в государственном бюджете США возросли только за 15 лет — с 1940 по 1955 г.— более чем на 60 млрд. долл. [1]

Они изымаются у населения США только для того, чтобы выбросить их в море бесперспективной «холодной войны» с наиболее миролюбивыми народами зарубежного мира и тем самым ограничить свои собственные возможности в международном товарообороте. На те же 60 млрд. долл., однако, сокращается и платежеспособный спрос населения внутри США на всю продукцию мирных отраслей труда, что и приводит одни из них к застою, а другие — и к прямому спаду. Иными словами, однобокое процветание фабрикантов оружия приводит к кризисной депрессии и ущемлению жизненных интересов всех остальных деловых кругов огромного большинства трудящихся масс США. И хотя все это, конечно, не очень разумно, но вполне закономерно в условиях США.

Кризисные явления не исчезли из американской экономики. Наоборот, они приобретают в настоящее время даже более зловещий характер. Правда, так называемый валовой национальный продукт в текущих ценах увеличился в 1956 г. с 390,5 млрд. до 412 млрд. долл., или на 5,5%, но оптовый индекс цен на промышленные товары поднялся еще выше, в среднем за год на 8%, а по ряду товаров и выше. В обрабатывающей промышленности объем продукции в неизменных ценах возрос за год почти на 3%, но главным образом за счет военных или тесно связанных с ними отраслей труда. Вместе с тем наблюдалось дальнейшее ухудшение конъюнктуры в отраслях легкой промышленности. Например, выпуск текстильной продукции снова упал за год на 3,7%. Да и в 1957 г. продолжается перевод ряда текстильных предприятий на сокращенную рабочую неделю — в пять или даже четыре рабочих дня. Жилищное строительство сократилось за 1956 г. на 16%, и ожидается дальнейшее его сокращение в 1957 г. еще на 20%. Производство легковых автомобилей упало к концу 1956 г. на 26%. Продолжаются кризисные явления в сельском хозяйстве. Возрастают товарные «излишки», намечено дальнейшее сокращение посевных площадей на 4,5 млн. *га* за один лишь 1957 г. Фермерская задолженность возросла с 10,8 млрд. долл. в 1950 г. до 18,8 млрд. долл. в 1955 г. и 20,7 млрд. долл. в 1956 г. Отмечается дальнейшее обострение проблемы сбыта промышленных товаров. Товарные запасы в промышленности, на транспорте и в торговле выросли за 1956 г. на 9% и достигли уже 88 млрд. долл. против 29,2 млрд. долл. в 1947 г. Федеральная система банков повысила в 1956 г. учетную ставку до рекордного уровня за последние 20 лет (3%) и, зажимая кредит, оказывает его лишь наиболее солидным фирмам. В результате число банкротств в США за 1956 г. возросло на 16% и достигло 12 750 случаев, цифры рекордной с 1940 г. [2]

Не так ли, гг. Бэрк и Паркер?

Все такие признаки нарастающих противоречий в военизированной экономике США способны внушить тревогу даже заведомым оптимистам. Правда, президент США Эйзенхауэр в своем обращении к конгрессу от 23 января 1957 г. еще раз выразил уверенность в том, что «всеобщее процветание страны в *ближайшие месяцы* (!) будет продолжаться». Но и эта зыбкая уверенность за ближайшие лишь *месяцы* свидетельствует о зыбко-

---

[1] «Statistical Abstract...», 1956, p. 358; «Вопросы экономики», 1956, № 12, стр. 82.
[2] «Плановое хозяйство», 1957, № 4, стр. 82.

сти всех расчетов на прочность такого «всеобщего процветания» в этой стране. Гораздо решительнее звучит тревога в выступлениях других представителей деловых и политических кругов Америки [1]. Вполне уместным было, например, недавнее предупреждение министра финансов Хэмфри, что «ужасающее бремя налогов может повергнуть страну в глубочайшую депрессию». А еще в декабре 1956 г. председатель правления банкирского дома «Дж. П. Морган» Генри Александер, имея в виду новую волну вложений в военную промышленность, остерегал деловые круги США: «Мы пытаемся сделать слишком много и слишком быстро... Нам лучше было бы отложить часть закупок, строительства, займов. Надо помнить, что бум капиталовложений, подобный нынешнему, обычно всегда был кульминационной фазой экономического цикла».

За кульминационной фазой подъема, как известно, в каждом цикле непосредственно следует кризис со всеми своими последствиями. Именно их имел в виду сенатор Дуглас, предупреждавший недавно о *возможности* «значительного застоя, когда безработными будут 6 или 7 млн. человек и наступят плохие времена». А председатель Национальной ассоциации промышленников США — этой влиятельнейшей организации американских монополистов — заявил 3 февраля 1957 г. уже вполне категорически, что экономический спад *неизбежен* и что «чем дольше он задерживается, тем сильнее он будет».

Итак, кому угрожает кризис, как будто довольно ясно.

Неясно это, по-видимому, только Паркеру и Бэрку. И не чувствуя никакой тревоги за собственное процветание на своей родине, они в поисках кризисов простирают свои трогательные заботы на чужедальние советские края, подальше от США, за океаном.

3. В «ЗАБОТАХ» ОБ СССР

Что же их привлекло сюда? И в чем именно они готовы усмотреть здесь кризис?

Паркер с Бэрком знают, что советские темпы развития много выше американских. И их как раз особенно волнует мысль, что «Кремль руководствуется всепоглощающим стремлением догнать и превзойти Запад (т. е. США.— *С. С.*) как в военном, так и в экономическом отношении». Но, по их соображениям, «СССР превратился в огромную военно-промышленную державу не столько благодаря росту производительности, сколько в результате мобилизации все большего и большего числа людей в промышленность... принудительно (?) мобилизовав (?) крестьян на промышленные предприятия и преднамеренно сдерживая производство товаров массового потребления». Однако, возлагая известные надежды на «недовольство» потребителей такой политикой, на то, что трудовые резервы советской деревни уже исчерпаны, Бэрк с Паркером заключают: «Таким образом, новый кризис сводится к следующей дилемме: поскольку недовольство народа фактически начинает сказываться на производстве, Кремль должен теперь пойти на реальные уступки потребителям. Но, если Кремль пойдет на эти уступки, он *не сможет поспеть* за военным и экономическим прогрессом США, не говоря уже о том, чтобы *превзойти его*».

Кризис сводится здесь к дилемме, т. е. к вопросу, который еще не решен и может получить двоякое решение. Это весьма оригинальное представление о кризисе, который, по словам авторов, уже потрясает самые основы «советской» мировой системы. Ведь если еще неизвестно даже, куда «пойдет Кремль», то, значит, и возвещенный ими кризис весь впереди, в неопределенном будущем, и пока он может «потрясать» лишь нездоровое воображение Паркера с Бэрком. В трогательных заботах об интересах советских народов Бэрк с Паркером надеются, что Кремль пойдет на

[1] «Правда», 17 марта 1957 г.

уступки потребителям и тем самым замедлит темпы своего прогресса. Но разве повышение благосостояния народа при соблюдении надлежащих пропорций между потреблением и накоплением ведет к кризису? И разве весь советский опыт не учит, что высокие темпы прогресса не уменьшают, а увеличивают возможности повышения уровня жизни трудящихся, а это повышение в свою очередь не тормозит, а ускоряет темпы технического прогресса. Все дело в соблюдении надлежащих пропорций, которое осуществимо лишь в условиях планового социалистического хозяйства.

Как бы то ни было, но в качестве важнейшей предпосылки предполагаемого кризиса в СССР Паркер и Бэрк указывают на «недовольство народа» в нашей стране, которое будто бы «начинает сказываться» в наши дни. На этом пункте следует остановиться. Недовольных Кремлем во всем мире, конечно, немало, не считая даже Бэрка с Паркером в их числе. Но народ — это не отдельные лица или группы лиц. И почему это его недовольство приурочивается авторами именно к настоящему моменту? Казалось бы, были времена, когда для его проявления нашлось бы и побольше оснований, чем вчера и сегодня. Очевидно, осведомители Бэрка с Паркером что-то явно напутали. За рубежом давно уже обсуждают вкривь и вкось «новый курс» советской экономической политики. Однако это праздные разговоры. Генеральная линия советского курса на опережающий рост тяжелой промышленности *не изменилась*. Но возможности у нас стали иные. И благодаря этим возросшим возможностям мы при старом курсе вступили в новую фазу развития.

Весьма осязательным фактом последних лет является как раз подтягивание производства предметов потребления. Если вся промышленность СССР, например за 1950—1955 гг., выросла по объему на 85%, а тяжелая — на 91%, то товарное снабжение населения в розничной торговле поднялось в неизменных ценах на 89%, с отставанием от тяжелой промышленности всего на 2%. По сравнению с предшествующим периодом, когда за целое десятилетие розничный товарооборот реально поднялся всего на 10%, это означает огромное ускорение в темпах снабжения населения предметами широкого потребления. В этом ускорении можно усмотреть кое-что новое. Но оно никак не могло бы послужить поводом к недовольству потребителей. Впрочем, для полной ясности в этом вопросе приведем еще аналогичные данные из американской практики последних лет. Может быть, темпы роста товаров широкого потребления в США еще выше, чем в СССР? И Паркер с Бэрком находят *в этом* основание для своих забот о населении СССР. Может быть, они готовы и с нами поделиться избытками своей товарной продукции? На военную продукцию американцев мы не претендуем, готовые и свою собственную вместе со всеми другими народами в любой момент ликвидировать. Но к обмену излишками *мирной* продукции, на условиях взаимной выгодности для обеих стран, мы всегда готовы.

Посмотрим же, как велики те избытки, какие гг. Бэрк и Паркер в качестве коммивояжеров богатейшей в мире страны могли бы предложить внешнему миру.

В области внешней торговли США таких избытков, за исключением разве *военной* продукции, как будто не обнаруживается. Вот, например, итоги торгового экспорта из США за последние годы. В 1947 г. он составил 16 млрд. долл., в 1951 г.— 11,6 млрд., в 1955 г.— 11,5 млрд. долл. в тех же ценах 1947 г.[1] В 1956 г. в результате разрушения Суэцкого канала объем вывоза из США поднялся процентов на 12, но все же оставался много ниже уровня 1947 г. Значительно расширялся за эти годы лишь бросовый экспорт военной продукции в качестве эквивалента за разбазариваемый кое-где государственный суверенитет. Однако американские налогопла-

[1] В текущих ценах экспорт 1951 г.— 14,1 млрд., 1955 г.— 14,2 млрд. долл.

тельщики, оплачивающие эти подарки, никак не могут рассматривать их рост как доходную статью в своем потребительском бюджете.

Возможно, впрочем, что резервы здорового роста американской экономики следует искать в развитии не внешнего, а внутреннего товарооборота. Проверим и эту возможность. Во избежание повторного счета обратимся к итогам *розничного* оборота. Кстати сказать, в розницу ни пушками, ни атомными бомбами не торгуют. И потому итоги розничного оборота всего полнее отражают собой и покупательную способность нации и рост или падение народного благосостояния. Каковы же эти итоги?

По официальным данным, с учетом обесценения доллара и роста населения США получаем такую картину (табл. 5).

Таблица 5

Итоги розничного оборота в США *

Показатели	1950 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
1. Население США (в млн.)	151,2	158,3	161,2	164,3
2. Индекс розничных цен	102,8	114,4	114,8	114,5
3. Розничный оборот (в млрд. долл.)				
а) в текущих ценах	148,7 **	170,7	170,7	185,5
б) в долларах 1947—1949 гг.	145	149	149	162
4. Оборот на 1 душу				
а) в долларах 1947 г.	959	941	924	986
б) в %	100	98	96	103
5. Потребительский кредит (в млрд. долл.)				
а) в текущих ценах	20,8	29,5	30,1	36,2
б) в долларах 1947—1949 гг.	20,2	25,8	26,2	31,6

* «Statistical Abstract...», 1956, p. 5, 324, 460, 500, 845.

** Исчисленная по старому методу цифра 143,7 для сравнимости ее с последующими «новой серии» (с 1951 г.) повышена на 3,5%.

Как видим, в долларах неизменной покупательной силы прирост розничного оборота за 1950—1955 гг. в США был так ничтожен, что из расчета на душу населения он даже падает к 1954 г. А если учесть еще быстрое возрастание задолженности потребителей по приобретениям в рассрочку обстановки и других предметов первой необходимости, то обнаружится, что покупательная способность этих потребителей падает еще быстрее, чем товарное их снабжение. И когда Паркер и Бэрк «дружески» сожалеют о «высоком уровне недопотребления» в СССР, то нам хотелось бы их хоть несколько утешить следующим простым соображением.

По-видимому, уровень потребления широких масс в СССР по некоторым продуктам действительно значительно еще ниже, чем в США. Именно поэтому мы и поставили своей задачей догнать и превзойти их по производству и потреблению на душу населения. И в то время как товарное снабжение широких народных масс в США падает, у нас оно неуклонно растет и в общих итогах и из расчета на душу. А это — весьма существенное обстоятельство.

Паркеру с Бэрком, в частности, известно, что в СССР «реальная заработная плата значительно возросла с 1948 г. и продолжает расти». Но, по их соображениям, «она, очевидно (!), еще не достигла уровня 1928 г.», и жизненный уровень «среднего русского», внушают они своей аудитории, «вероятно (!?), ненамного выше, чем в 1913 г.» Похоже, однако, на то, что они плохо осведомлены в этой области, и мы охотно готовы помочь им в установлении некоторых вполне достоверных фактов. Каков был жизненный уровень «среднего русского» до революции — при слишком большом диапазоне колебания этих уровней от крестьянина до

помещика или от рабочего до фабриканта — этой задачи решать не стоит. Но уровень жизни рабочего мы пристально изучаем.

Реальная заработная плата советских рабочих, как известно, уже к началу 1928 г. превышала дореволюционный уровень рабочих царской России на 82%. При этом по основным статьям расходного бюджета рабочих в ноябре 1927 г. их нормы питания за месяц достигали на взрослого едока: хлеба — 23 *кг*, в том числе белого — 13,8, картофеля — 13,2 *кг*, мяса и сала — 6,6, молока — 6,4, сахару — 2,1 *кг*, масла коровьего — 322 *г*, яиц — 307 *г*[1] и т. д. В общем за сутки на взрослого рабочего это давало 3676 *кал* усвояемой энергии[2], в том числе 547 *кал*, или 15%, животного происхождения. Правда, на питание в этом бюджете приходилось до 43,8% всех расходов рабочей семьи. Это свидетельствует об известной напряженности в удовлетворении многих второстепенных потребностей советского рабочего. Но по сравнению с уровнем жизни рабочих царской России уже в этих бюджетах конца 1927 г. реализованы большие достижения.

Для сравнения укажем, что по «физиологическим» нормам питания, принятым Государственным советом научных исследований США в 1948 г., суточная потребность взрослого работника-мужчины весом в 70 *кг* при труде среднего напряжения не превышает 3000 *кал*, а для женщин, при среднем весе в 56 кг, она определяется в 2400 *кал*. Таким образом, *по калорийности* советские нормы питания уже в 1927 г. были достаточно высокими — 3676 *кал* и в дальнейшем нуждались лишь в качественном улучшении его состава. И это улучшение действительно наблюдалось с каждым новым успехом в общем развитии всей экономики СССР.

В период с 1928 по 1940 г. — в напряженной борьбе за индустриализацию СССР и коллективизацию советской деревни — пришлось, преодолевая немало трудностей, наращивать прежде всего объем своих средств производства. Но и в эти годы, как уже было указано выше, производство средств существования в СССР не стояло на месте. Вот конкретные цифры:

	1928 г.	1940 г.	1955 г.
1. Население СССР, млн.	152	191,7	197
2. Продукция предметов потребления:			
а) общие итоги по стране, % . . .	100	415	899
б) в том числе на душу населения	100	329	694

С 1928 по 1940 г. продукция средств существования в СССР в неизменных ценах возросла на душу населения более чем *втрое*. Росла за эти годы и реальная оплата труда. Правда, за годы второй мировой войны она снизилась. Но после войны рост ее возобновился, и к 1955 г. по объему, в общих итогах по стране, она была на 116% выше, чем в 1940 г., а из расчета на душу — на 110%, т. е. более чем вдвое. Таким образом, снабжение населения с 1928 г. из расчета на душу возросло за 27 лет на 594%, или почти в 7 раз. Розничный товарооборот на душу населения в 1955 г. достигал 2541 руб. против 1258 руб. (в сравнимых ценах) в 1940 г.; он вырос за 15 лет вдвое (на 102%), в том числе продажа продовольственных товаров увеличилась на 71%[3]. А реальная заработная плата всех рабочих и служащих страны за те же 15 лет поднялась на 75%[4]. И в общем за 40 лет Советской власти она уже в несколько раз превзошла уровень дореволюционной России. О том же говорят и такие объективные

[1] С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда. М., 1957, стр. 538, 539, 541.
[2] В среднем на душу это составит около 2700 кал.
[3] «Советская торговля». Статистический сборник. Госстатиздат, 1956, стр. 32.
[4] «Народное хозяйство СССР», 1956, стр. 37, 243.

факты, как снижение смертности в СССР с 30,2 до 8,4 промилли в 1955 г., что значительно ниже американской нормы, и рост средней продолжительности жизни *вдвое* за советский период.

Конечно, ни для кого не тайна, что производство таких продуктов сельского хозяйства, как молоко, масло и в особенности мясо, в среднем на душу населения в СССР еще ниже, чем в США. По молоку это отставание в 1956 г. не превышало 28,5% американской нормы, по маслу — 27%, но по мясу достигало даже 68,5%. Правда, американские средние нормы потребления сильно завышены за счет потребления буржуазии, отсутствующей в нашей стране. Буржуазия, конечно, предпочитает мясо рыбе, значительно шире потребляемой в рабочей среде, заменяет растительные жиры сливочным маслом, дешевые хлебные продукты — более дорогими молочными, что сказывается и на средних нормах потребления в США, повышая их по самым дорогим видам продуктов, хотя в общем по суммарной калорийности и составу питания *рабочих* советские нормы едва ли заметно отличаются от обычных норм питания американских *рабочих.* Тем не менее мы готовы к соревнованию и за высшее качество советского питания. Именно поэтому в СССР уже встретило самое широкое одобрение новое решение повысить уже в ближайшие годы продукцию масла, молока и мяса до уровня средних душевых норм США. Тысячи колхозов уже взялись в течение двух-трех лет увеличить производство мяса в 3—4—5 раз, а по продукции молочных продуктов выясняется возможность обогнать США в еще более сжатые сроки. И общий крутой подъем сельского хозяйства в СССР за последние годы свидетельствует, что и эти новые планы достаточно реальны.

Правда, это еще далеко не все, к чему мы стремимся, но все же предпочитаем повышать свой уровень жизни вместо того, чтобы по-американски повышать военные расходы и прибыли фабрикантов оружия за счет сокращения народного потребления.

Бэрку с Паркером, вероятно, известно, что фактические нормы питания в США за последнее время не растут, а падают. По официальным подсчетам, средняя душевая норма потребления американцев в брутто-калориях за день составляла[1]:

Годы	Калории	Проценты
1935—1939	3270	100
1947—1950	3235	99
1951—1955	3215	98
1957	3160	97

Это довольно высокие нормы, но, конечно, их нельзя сравнивать с нормами питания советских рабочих, прежде всего потому, что они даны без поправок на усвояемость и потери хранения, а главное, потому, что это *средние* нормы для *рабочих* и всей *буржуазии.* Но буржуазия едва ли сокращает свое питание, выручая миллиардные прибыли за счет военных бюджетов. Значит, в наибольшей мере его сокращает рабочий люд и прочие налогоплательщики США, оплачивающие эти миллиарды военных прибылей.

Средний уровень заработной платы рабочих в США и уровень жизни в стране по сравнению с другими капиталистическими странами высок. Но нельзя забывать о глубоком неравенстве этого уровня, в результате которого верхушка рабочей аристократии располагает значительными избытками средств существования, а большинство рабочих нуждается даже в самом необходимом. По массовому обследованию 1955 г., охватившему 55 млн. семей, годовой доход 5,9 млн. семей в США (11%) не превышал 1 тыс. долл. в год, и свыше 12,4 млн. семей (23%) с доходом в

[1] «Statistical Abstract...», 1956, p. 87.

2 тыс. долл. находились на уровне «ниже нищенского». Половина семей (27 млн.), получая до 4 тыс. долл., стояла на уровне ниже прожиточного стандарта, исчисляемого статистикой труда; 64% американских семей получали до 5 тыс. долл., т. е. все еще ниже «стоимости жизни» по бюджету Геллера (5500 долл. на семью в 4 души). Но зато 6% семей получали свыше 10 тыс. долл. и 2% семей — свыше 15 тыс. долл. в год. А в общем даже *средний* заработок рабочего в США в 1956 г. был еще ниже прожиточного стандарта статистики труда на 260 долл. в год.

Все это так, не правда ли, гг. Бэрк и Паркер? Почему же вы столько внимания уделяете заботам о благосостоянии советских рабочих, которое неуклонно растет, забывая о своих собственных согражданах, которые вынуждены себя урезывать даже в обычных нормах питания. Или вы думаете, что если сложить их недоедание с переобременением желудков в верхах американского общества, то в общем балансе, на круг, все требования гигиены питания можно будет считать выполненными?

Особое внимание Паркер с Бэрком уделяют жилищной нужде в СССР. Они утверждают, например, что средняя площадь на человека в советских городах не превышает 4,7 *кв. м*^{2} и что это в несколько раз ниже американской нормы. И в этом случае, однако, «средняя» норма жилой площади рабочих и миллиардеров не показательна и не сравнима с нормами нашей страны, где вовсе нет буржуазии. Но зато весьма показательно, что наличный жилищный фонд в городах СССР вырос с 180 млн. *м*^{2} в 1913 г. до 640 млн. *м*^{2} в 1955 г.[1] и продолжает быстро расти с каждым годом, в то время как в США жилищное строительство сокращается и за один лишь 1956 г. снизилось на 16%[2]. А между тем если во дворцах миллиардеров живется просторно, то нельзя забывать, что даже в США гораздо меньше дворцов, чем трущоб, в которых ютятся миллионы низкооплачиваемых белых и черных рабочих, безработных и прочей бедноты. И поскольку о них ничего неизвестно Бэрку с Паркером, то придется привести здесь кое-какие оценки этих трущобных жилищ из более осведомленной американской прессы.

Жилищная перепись, проведенная в 1950 г., показала, что свыше 15 млн. жилищ в США «не пригодны для жилья», а по заявлению профсоюзов, в жилищах, которые не соответствуют даже «минимальным нормам приличия», проживает в действительности более 15 млн. семей. Корреспондент американской газеты «Сан» так пишет о жителях нью-йоркских трущоб: «Я был потрясен тем, что людям приходится жить в условиях, напоминающих средневековье... Я видел здесь жилища, где крысы кусают детей в их люльках... В некоторых квартирах единственный источник освещения — свечи и керосиновые лампы, так как электрическая проводка испорчена. Уборные и коридоры разрушены и находятся в неописуемом состоянии». Уполномоченный по вопросам жилищного строительства член правительственной комиссии Слассер, вернувшись из инспекционной поездки по стране, заявил: «Мне постоянно приходилось говорить: «Худших трущоб не может быть», но на следующий день я находил еще более ужасные трущобы». В этих трущобах, по словам Слассера, более половины жителей болеют туберкулезом. В газете «Нью-Йорк таймс» было опубликовано письмо о жилищных условиях в Гарлеме (негритянском районе в Нью-Йорке). «Каждый свободный клочок земли,— пишет его автор,— представляет собою свалку гниющего мусора... Комнаты в этом районе похожи на мышеловки, в которых живет по 15 человек»[3].

---

[1] Кстати, 640 млн. м², деленные на 87 млн. душ городского населения, дают не 4,7, а 7,36 м² на 1 жителя (апрель 1956 г.). См. «Народное хозяйство СССР», 1956, стр. 17, 163.

[2] «Правда», 17 марта 1957 г.

[3] Ю. Покатаев. В чем выражается милитаризация экономики США. М., 1956, стр. 119, 122.

Спрашивается, не этим ли гниющим свалкам и мышеловкам должны позавидовать советские рабочие, о жилищном утеснении которых так пекутся заботливые Паркер с Бэрком.

Усматривая в СССР из-за океана и мнимые кризисы, и «брожение», и «недовольство народа» без всяких к тому поводов, эти авторы как будто выполняют чей-то заказ изобразить желаемое как действительное. В то же время в собственной стране, у себя под носом, они не замечают ни действительных кризисов, ни массовой безработицы, ни гнилых трущоб, ни многих других серьезнейших поводов к недовольству народа. Они забывают даже о тех миллионах рабочих, которые уже весьма активно выявляют в США свое недовольство во все учащающихся стачках и забастовках. А между тем опыт русской революции 1917 г. довольно наглядно показывает, во что именно перерастают в конце концов эти забастовки как массовое оружие пролетариата. При такой куриной слепоте Бэрка и Паркера к своим собственным болячкам вся ценность проявленных ими «забот» о далеких им нуждах советских рабочих становится более чем проблематической.

К тому же советский рабочий класс достаточно зрел, чтобы и самому о себе в случае нужды позаботиться.

4. О ЦЕЛЯХ «НЕМЫСЛИМЫХ»

«Немыслимой целью» Паркер и Бэрк считают задачу СССР «обогнать США по уровню промышленного производства». Основные аргументы в защиту этого положения сводятся к трем. Во-первых, американский уровень много выше советского, во-вторых, в СССР уже исчерпаны резервы рабочей силы и, в-третьих, для этого требуются более высокие темпы производительности советских рабочих.

Вся убедительность их соображений, однако, зиждется только на том, что конкретные итоги советской статистики об экономике СССР они произвольно заменяют, без всяких к тому оснований, другими, более подходящими для нужных им выводов.

Так, например, утверждают они: «Создается впечатление (!), что выпуск продукции советской промышленности... возрос по сравнению с 1928 годом не в 22 раза, как утверждают в Советском Союзе, а в 8 раз; с 1940 года — не на 250 процентов, а на 165 процентов; за время пятого пятилетнего плана (на 1951—1955 гг.) — не на 85 процентов, но немногим более чем на 65 процентов» и т. д. Никакого анализа советских данных в обоснование своих «впечатлений» авторы не приводят. Создается впечатление и баста. Однако мало ли что может померещиться двум журналистам в неведомой им и далекой чужой стране...

В СССР статистика ведется не напоказ или для парада перед лицом искушенных потребителей всевозможных индексных построений гарвардской или иных школ. Она служит здесь весьма практическим хозяйственным задачам планирования. И неплохо служит, так как ее показатели ежегодно проверяются и подтверждаются практикой выполнения задуманных планов. Плохая статистика была бы совершенно нетерпима в плановом хозяйстве. А двух бухгалтерий: одной — секретной, для себя, а другой — открытой, для податной инспекции, как это практикуется иногда у частных предпринимателей, или для иных показных целей, в общественном хозяйстве СССР заведомо не ведется. И в США, где ежегодно не менее сотни миллионов долларов расходуется на агентуру по раскрытию всевозможных чужих секретов, это, очевидно, не безызвестно. Таким образом, всякий разумный человек может легко понять, насколько «впечатления» Бэрка и Паркера о советском учете фантастичны.

Но и в своей собственной, американской, статистике они не очень тверды. Например, они утверждают, что «оборонные» расходы США

«составляют лишь половину общей суммы американских капиталовложений». Но мы уже видели, что военные ассигнования по бюджетам США за 1952—1955 гг. составляли от 44 млрд. до 54 млрд. долл., а вложения за те же годы колебались около 28 млрд. долл. И, стало быть, оборонные расходы составляли не половину, а от 157 до 193% от суммы вложений. В то же время авторы этих расчетов сами исчисляют советские капиталовложения в 33 млрд. долл. за год. В советской валюте за 1955 г. эти вложения достигали 167 млрд. руб., или, по курсу доллара в СССР, до 42 млрд. долл. Но, даже по счету Паркера с Бэрком, наши вложения уже превышают американский их уровень. Ежегодный прирост советской промышленной продукции они определяют весьма скупо,— очевидно, в меру своих «впечатлений» о нем — в 5 млрд. долл., а прирост в США — весьма оптимистически, в 8 млрд. долл. Однако факты не подтверждают этого оптимизма. Так, например, в ценах 1947 г. вся индустриальная продукция США с 1947 по 1955 г. выросла всего с 84 млрд. до 116,7 млрд., на 32,7 млрд. за восемь лет, т. е. всего по 4 млрд. за год. А за вычетом военной вся гражданская продукция за те же восемь лет повысилась всего на 8,5 млрд., т. е. в среднем около миллиарда в год (см. табл. 3). Таким образом, «немыслимый» обгон Соединенных Штатов становится уже весьма реальным.

Паркер и Бэрк заверяют свою аудиторию, без всяких, впрочем, обоснований, что уровень промышленного производства в США «в два с половиной раза больше» советского. В США в 1955 г. промышленная продукция достигала примерно 145 млрд. долл., значит, советская продукция оценивается ими в 145 : 2,5 = 58 млрд. долл. 1955 г. Однако при современном валютном хаосе всякие переводы из одной бумажной валюты в другую не очень надежны. Гораздо надежнее их можно считать для исходных соотношений, до первой мировой войны, по золотому паритету. Условно чистая продукция мануфактурной и добывающей промышленности США к 1914 г. оценивалась в 11,6 млрд. долл. в тогдашней золотой валюте. Объем ее к 1955 г. вырос, по американским индексам, за 41 год в 4,85 раза. Значит, по ценам 1914 г. она в 1955 г. достигала 56,3 млрд. долл. Валовая продукция русской крупной промышленности в 1913 г. оценивалась по всей бывшей империи в 7358 млн. руб. золотом, условно чистая — в 3570 млн. руб. (47,7%). В переводе на доллары по паритету это составляет 3570 : 1,945 = 1836 млн. долл. В границах СССР до 1939 г. этот итог, впрочем, не превышал 1,4 млрд. долл., но с учетом роста по объему в 27,3 раза в 1955 г. он достигал уже не менее 1,4 × × 27,3 = 38,2 млрд. долл. (по курсу 1914 г.), или 67,9% от соответствующего уровня США.

Конечно, приведенный расчет очень условен. Он опирается на твердый, золотой паритет рубля 1913 г., но зато индексы цен и объемов производства за 1913—1955 гг., исчисляемые в США и СССР весьма различными методами и приемами, не обеспечивают достаточной сравнимости получаемых выводов. Поэтому было предложено уже несколько различных вариантов такого рода сопоставлений. Однако даже по самым осторожным из имеющихся в советской экономической литературе оценок объем промышленного производства в СССР составлял в 1958 г. не ниже 53—55% от уровня США [1]. Такая же примерно оценка уровня нашей промышленной продукции дается и в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде партии. Расхождения крайних оценок этого уровня, как видим, весьма значительны. Но разница в *темпах* роста продукции в СССР и США так велика, что, даже исходя из самых низких оценок достигну-

---

[1] А. Ефимов. Решающий этап в мирном экономическом соревновании двух систем. «Мировая экономика и международные отношения», 1958, № 12, стр. 10.

того уже уровня, вероятный срок обгона американских масштабов производства, исчисляемый ныне в 12—15 лет, может измениться всего в пределах двух или трех лет. И советский народ вполне устраивают такие сроки.

Переходя к вопросу о рабочей силе в СССР, они начинают с волнующего заголовка: «Не хватает 7 млн. человек!» Бэрка с Паркером в данном случае волнует забота о выполнении шестого пятилетнего плана в СССР, для чего будто бы не хватает столько народу. Но затем, спохватившись, они уже сами указывают такие резервы, как 3 млн. из естественного прироста населения и свыше 2 млн. уже освобожденных для труда в порядке сокращения Советской Армии. К этому можно было бы еще добавить свыше миллиона работников за счет последних сокращений в аппарате советских учреждений. Немалые резервы высвобождает для производительного труда и проведенная реформа в управлении производством. Не исключена возможность и дальнейшего сокращения Вооруженных сил. Но самый важный вывод, который могли бы сделать даже Паркер с Бэрком из своих подсчетов дефицита в рабочей силе советского хозяйства, сводится к тому, что никакая безработица этому хозяйству даже в будущем не угрожает, в то время как в США она и в настоящем исчисляется миллионами, а в ближайшей перспективе должна еще возрасти до 6—7 млн., по вышеприведенной оценке сенатора Дугласа.

И можно лишь пожалеть, что Бэрк с Паркером и здесь, в увлечении мифической нехваткой 7 млн. работников в СССР, упустили из виду гораздо более реальную опасность вот-вот заполучить до 7 млн. безработных в собственной своей стране.

Менее всего ясности проявили эти авторы в своих оценках сравнительной производительности труда в США и СССР. Начинают они с того, что с 1928 по 1940 г. часовая производительность труда в советской промышленности «почти не возросла». Это, конечно, соответствует лишь «впечатлениям» американских журналистов, ибо реально, по отчетным данным советской статистики, она возросла за эти годы в 3,43 раза. В мире науки принято в доказательство своих утверждений ссылаться на первоисточники. Но это никак не устроило бы наших авторов. И потому, изучая советскую экономику, они предпочитают сослаться на авторитет английского статистика Колин Кларка, соглашаясь с тем, что абсолютный уровень производительности труда в СССР составляет якобы всего до 20% американской нормы, а по темпам своего роста она с 1928 по 1938 г. возрастала в СССР на 1,6% в год и с 1938 по 1953 г.— на 2% в год, в то время как в США за тот же период она поднималась на 2,3% в год. Поэтому и Паркер и Бэрк единодушно заключают, что производительность труда в СССР «росла *медленнее*, чем национальная производительность труда в США». При таких условиях, казалось бы, отпадает и самая проблема о возможности обгона американского уровня промышленности. И тем не менее у них, уже вопреки Кларку, в конце концов «создается впечатление», что производительность труда в советской промышленности «возрастала не на 8% в год, а на 6% или даже меньше». Это уже втрое и вчетверо выше темпов, допускавшихся для СССР К. Кларком. А дальше следует и такое невольное признание: «Советский Союз *смог бы обогнать США* по уровню промышленного производства, скажем, к 1970 г. лишь в том случае, если бы он добился увеличения производительности труда примерно на 8—9% в год».

Что ж можно заметить на это? И условие, достаточное для достижения этой цели, вполне осуществимо в СССР, и срок подходящий. Производительность возрастала уже у нас и в прежние годы по 8—10% в год. В этом, стало быть, нет ничего «немыслимого», в особенности если намеченная в наших планах модернизация техники и автоматизация произ-

водства будут в срок реализованы. А планы наши, как известно, обычно выполняются и досрочно, с перевыполнением.

На этом можно было бы и покончить с Бэрком и Паркером. Но заслуживает внимания еще одна черта в их выступлении. Они как будто и жаждут смены вех в экономической политике СССР в сторону сокращения темпов роста средств производства, и в то же время их пугает возможное при этом ускорение темпов роста средств существования. Смена вех была бы для них «приятной новостью» лишь в том случае, если бы от этого могло пострадать «монолитное единство» Советской власти. Но быстрое повышение уровня жизни советского народа лишает всех зарубежных болельщиков о его «благополучии» последних надежд на такой поворот событий, какой им удалось спровоцировать в Венгрии. От экономики здесь очень прямой переход к политике. Напомним хотя бы такой характерный факт. Еще в 1954 г. в американской газете «Нью-Йорк геральд трибюн» (11 апреля) наши мероприятия по расширению производства предметов потребления расценивались, как «*самое опасное* событие во второй половине XX века».

Конечно, это смешно, но не так уж наивно для тех, кто раздувает пламя «холодной войны». Нам смешно, что лишний кусок говядины и стакан молока на столе советского рабочего представляется зарубежным агрессорам «опаснее» даже водородных бомб с термоядерной начинкой. Но американские фабриканты оружия и их прихлебатели-оруженосцы рассуждают по-своему: «От чужих бомб можно еще отсидеться в стальных убежищах, а вот от собственных рабочих, когда они, наконец, сами убедятся, что советские люди избрали себе лучшую долю, и захотят последовать их примеру, никуда не спрячешься со своими тантьемами, дивидендами и прочими миллиардами сверхприбылей агрессивной буржуазии». Вот такая пока еще весьма отдаленная угроза содержимому наиболее увесистых хозяйских кошельков и показалась, по-видимому, кое-кому «самой опасной» еще в 1954 г.

С тех пор прошло уже несколько лет успешной борьбы за крутой подъем сельского хозяйства СССР, а вместе с тем и умножаются потребительские товары, чему не только не мешает, а даже способствует «ортодоксальный» курс коммунистической экономики — курс на опережающий все остальное рост средств производства и новой техники в нашей стране. Мы уже в 1957 г. могли отметить первые серьезные успехи наших планов догнать и превзойти США по производству и потреблению молочных продуктов на душу населения. Все возрастают наши ресурсы и по другим предметам широкого потребления. Но у Паркера с Бэрком все еще теплятся некие сокровенные надежды, и, возвращаясь к памятному выступлению Н. С. Хрущева в феврале 1955 г., они пишут: «Он сказал в прошлом году: всем, кто рассчитывает, что Советы откажутся от коммунизма — и от упора на первоочередность капиталовложений в тяжелую промышленность,— придется ждать, пока рак свистнет. И все же,— упорствуют Бэрк с Паркером,— может быть, скоро настанет такое время, когда советские раки попробуют свистнуть».

Тщетные надежды! Натуральным ракам сама природа отказала в этой способности. А всем остальным — и заокеанским, и более близким,— сколько бы они сами ни пятились раком в упоении своей злостной дезинформацией, не дано повернуть назад колесо истории.

Правда сильнее любой лжи!

VIII. ТЕМПЫ НАШЕГО РОСТА [1]

За мирное соревнование

Можно по-разному расценивать тот факт, что в мировом хозяйстве уже давно сосуществуют и соревнуются между собой две принципиально различные системы — страны капитализма и социализма,— но игнорировать сам факт невозможно. Каждая из этих систем достаточно могущественна, и риск катастрофических последствий любой авантюры «на грани войны» становится все очевиднее для народов мира. Политика гонки вооружений в «холодной войне», выгодная фабрикантам оружия, слишком разорительна для налогоплательщиков и уже только поэтому не может свидетельствовать о превосходстве системы, которая цепляется за такую политику, как за якорь спасения.

Превосходство той или иной экономической системы может обнаружиться лишь в мирном экономическом соревновании. И Советский Союз, предлагая странам капитализма соревнование за самый полный расцвет науки и культуры, за самые низкие цены на средства существования, за самый высокий уровень жизни трудящихся, никому не желает горечи поражения: ведь речь идет о благе народов. А если тот или иной народ убедится в превосходстве социализма, никто не сможет закрыть ему путь к использованию всех преимуществ социалистической системы.

В чем же мы усматриваем эти преимущества?

Экономика царской России была очень отсталой, и если вычесть годы войн, интервенций, блокад, то окажется, что мы располагали очень коротким сроком для развития новой экономики СССР, а потому она далеко еще не выявила всех своих преимуществ. Но одно из них, наименее оспоримое и наиболее осязаемое, известно ныне всему миру. *Речь идет о безусловном превосходстве советских темпов экономического развития.* Благодаря им промышленность СССР по объему продукции и производительности труда давно уже вышла на первое место в Европе. И, хотя кое в чем мы еще отстаем от США, превосходство советских темпов роста даже по сравнению с американскими так велико, что ликвидация нашего отставания — вопрос недалекого времени.

Приведем несколько цифр. С 1913 по 1962 г. вся промышленная продукция США выросла в неизменных ценах на 466%. Но по сравнению с советскими темпами и эти американские достижения представляются более чем скромными (табл. 1).

Сейчас в Советском Союзе за каждые 5 дней вырабатывается столько же промышленной продукции, сколько было произведено ее за весь 1917 г.

Как видим, цифры достаточно показательны. Но надо еще учесть, что США не испытывали нашествия интервентов, не подвергались экономической блокаде и всяким иным дискриминациям, а мировые войны лишь повышали спрос на американскую продукцию и обогащали заокеанских бизнесменов. И все же за годы Советской власти промышленная продукция увеличилась в СССР по сравнению с 1917 г. в 68 раз, тогда как в США — всего примерно в 4,5 раза. В среднем за весь этот период она росла в Соеди-

[1] «Советский Союз», 1959, № 1.

Таблица 1

Темпы роста промышленной продукции *

Годы	СССР	США	ФРГ	Франция	Англия
1913	100	100	100	100	100
1917	71	127	90	56	85
1928	132	166	115	127	93
1932	267	99	68	102	82
1940	769	210	143	111	121
1950	1332	358	139	135	148
1955	2463	462	249	183	177
1960	4032	520	347	240	201
1962	4816	566	385	269	205

* «Народное хозяйство СССР в 1962 г.». Госстатиздат, 1963, стр. 79.

ненных Штатах 3% в год, в Советском же Союзе, невзирая на военные потрясения, годовой прирост ее был не менее 10%.

Таковы факты. Правда, кое-кто в США пытается объяснить высокие советские темпы... низким уровнем индустриализации страны, заведомо преуменьшает этот уровень в своих расчетах и пытается уверить всех, что со временем, когда экономика СССР достаточно «созреет», она снизит темпы роста до уровня американских 2—3%. Однако это — слабое утешение. Ведь индустриальная зрелость народов определяется уровнем развития производительных сил и масштабами производства. Обогнав в этом отношении все старейшие страны капитализма в Европе, СССР уже достаточно засвидетельствовал свою зрелость. Однако ни одной из таких заведомо *менее зрелых стран* капитализма не удавалось ни в прошлом, ни в наши дни опередить в своем росте наши, советские темпы. Не удается это и наиболее зрелой и мощной из них — США. Не помогает им в этом ни зрелость, ни незрелость. И, значит, те, кто ищет разгадки успехов Союза ССР в его мнимой «незрелости», обнаруживают лишь незрелость собственных суждений.

Чем объясняются советские темпы

Высокие темпы нашего роста не случайны. Это не временное и не преходящее явление, в чем хотели бы уверить себя и других публицисты буржуазного Запада. Нет, *это вполне закономерный результат социалистической системы планового хозяйства.* Ведь в основе нашего планирования, которое и определяет темпы роста советской экономики, лежит стремление к наиболее полному удовлетворению непрерывно растущих материальных и культурных потребностей населения. Советские планы разрабатываются с учетом гармоничного и всестороннего развития производительных сил в интересах всего социалистического общества. Таков вывод, к которому приходит любой объективный наблюдатель.

Наоборот, в странах капитализма, где единственным стимулом увеличения производства является стремление к получению наибольшей прибыли, ожесточенная конкурентная борьба и анархия производства неизбежно приводят к спадам, к кризисам.

Вот почему капиталистическое производство развивается значительно медленнее, нежели социалистическое. Именно поэтому высокие темпы индустриального роста свойственны не только СССР, но и всем странам социализма. Это можно подтвердить такими цифрами (табл. 2).

Велики успехи Чехословацкой Республики, которая, по расчетам автора, в производстве на душу населения электроэнергии и стали еще в 1955 г.

Таблица 2

Рост промышленного производства в странах социализма и в капиталистических странах *

Годы	Страны социализма	Страны капитализма
1937	100	100
1950	190	146
1955	362	198
1960	681	246
1962	Примерно в 7,5 раза	269

* «Народное хозяйство СССР в 1962 г.», стр. 71.

обогнала Францию и Италию, в выпуске шерстяных тканей и обуви — США, Англию, ФРГ и Францию, а в добыче угля втрое превзошла Францию, намного опередив США и ФРГ.

Впереди всех по выявленным естественным ресурсам и другим возможностям развития идет пока Советский Союз. Достаточно сказать, что *наши разведанные запасы железных руд втрое больше запасов США, Англии, Франции и Федеративной Республики Германии, вместе взятых.* На территории СССР запасы гидроэнергии определяются цифрой 3700 млрд. квт-ч в год. В недрах страны находится до 57% мировых геологических запасов угля, огромные нефтяные богатства. *Советский Союз занимает первое место в мире по лесным ресурсам, по запасам калийных солей, фосфатного сырья, марганца, меди, свинца, цинка, никеля, бокситов, ртути, серы, вольфрама.* Разведаны богатейшие месторождения алмазов. Конечно, этих сокровищ было не меньше и в недрах царской России. Но только освобожденный от эксплуатации народ, овладевший всеми средствами производства, передовой техникой и наукой, смог обнаружить их и с каждым годом все шире использовать в плановом порядке на благо всего общества.

США гордятся своим богатством. И они действительно богаче любой другой страны. Но основная масса этого богатства находится в полном распоряжении господствующей буржуазии. Она определяет «американский образ жизни», при котором 90% населения страны достается не больше 50% национального дохода. Если такой образ жизни устраивает американцев, никто не собирается мешать им жить по-своему. В СССР нет буржуазии, и именно поэтому рабочий класс нашей страны — полный хозяин национального дохода — получил возможность не только все время повышать уровень своей жизни, но и расширять производство такими темпами, которые раза в три выше американских.

Став хозяевами продуктов своего труда и планомерно его используя, советские люди не только навсегда избавили свою страну от периодических кризисов и бедствий безработицы, но и приумножили за сорок лет основные производственные фонды СССР примерно в 15 раз, сократили рабочий день на 2—3 часа, повысили реальный уровень жизни втрое-вчетверо. И как следствие этого у нас сократилась смертность: с 30,2 в 1913 г. до 7,3 случая на 1 тыс. жителей в 1963 г., т. е. почти в 4 раза. В то же время *средняя продолжительность жизни в Советской стране возросла с 32 до 70 лет.*

Это, конечно, еще не предел и не идеал. Но пока, для начала нас устраивают и такие успехи, тем более, что высокие темпы роста сулят уже в самом ближайшем будущем неизмеримо большее. *Отнюдь не завидуя «американскому образу жизни», советские люди хотят лишь одного: чтобы и им никто не мешал спокойно жить по своему вкусу.*

Вынужденные признания

Еще не перевелись охотники наводить тень на хозяйственные и культурные достижения нашей страны, произвольно оперируя заниженными данными. Но нетрудно понять, что статистика планового хозяйства, не знающая мистерий «коммерческой тайны» и требующая в интересах успешного управления производством максимальной строгости учета, точнее и достовернее всякой иной. В частности, она много точнее американских индексов общего роста промышленной продукции, исчисляемых по немногим выборочным данным и не чуждых произвола путаной методологии. Ведь в Советском Союзе темпы роста рассчитываются на основе сплошного учета всей продукции в одних и тех же неизменных ценах. Тем не менее издателям журнала «Форчун» и некоторым иным путаникам вместо нашего роста мерещатся «кризисы», «мятежи» и прочие столь же желательные им вещи. Однако ни один разумный человек давно уже не верит подобным россказням.

Да и как верить, если даже в 1957 г. «Форчун» сообщал о «новом кризисе в СССР», потрясающем «самые основы советской мировой системы» (!). Экономистам из «Форчуна», видимо, очень хотелось, чтобы именно так и было, а на поверку вышло иное: и в 1957 и 1958 гг. рост промышленности СССР составлял по 10%, американское же производство, топтавшееся в 1957 г. на месте, за семь месяцев 1958 г. упало на 10%. Это уже четвертый — с 1946 г.— кризисный спад в США. Стало быть, бравые журналисты, нацелившись сослепу в СССР, попали, как говорится, «пальцем в небо».

Серьезные люди в Соединенных Штатах теперь уже понимают, что излишнее самодовольство их соотечественников, проявляемое при оценках советской экономики, культуры и науки, весьма неуместно, хотя некоторые почувствовали это только после выхода на орбиту первого советского спутника Земли. На съезде Национальной ассоциации промышленников в декабре 1957 г. вице-президент США Никсон признал это в следующих выражениях: «Слишком много американцев в прошлом с блаженной уверенностью предполагало, что мы всегда автоматически будем первыми в области экономического прогресса, военной мощи и научных изобретений. Спутники напомнили нам, что этого не было в прошлом и не будет в будущем».

Можно привести еще высказывание министра обороны США Макэлроя, который недавно назвал экономический и культурный рост Советского Союза, а также развитие в стране просвещения подлинно феноменальными и потрясающими. Отмечая более быстрое по сравнению с США развитие техники и промышленности в СССР, известный специалист по ракетам Браун заявил: «Становится до ужаса ясно, что темпы их прогресса намного превосходят наши».

Не совсем ясно, почему прогресс Советской страны воспринимается с *ужасом* в Америке, всегда называющей себя прогрессивной. Ведь СССР никому не угрожает своими достижениями, никого не окружает своими атомными базами и аэродромами, не шлет флотов к чужим берегам, не высаживает на чужие земли своих десантов, не подготовляет никаких агрессий. Нет, ничего такого Советский Союз не делает, наоборот, он всегда и во всем проявляет свое миролюбие, настойчиво ратуя за скорейшее прекращение «холодной войны», за разоружение, за полный запрет атомного и водородного оружия. Мы предлагаем взаимовыгодное экономическое сотрудничество, развитие научных и культурных контактов.

Мы считаем необходимым достигнуть полного взаимопонимания. Надо, чтобы и те люди, которые сами куют оружие, уразумели, наконец, что миролюбие СССР диктуется отнюдь не его слабостью или беззащитностью. Из приведенных нами вынужденных признаний американских дея-

телей можно заключить, что это уже понимают и в Вашингтоне. А взаимопонимание содействует взаимоуважению. Если говорить всерьез, то только надуманные причины мешают сторонам договориться, наконец, на самом высоком уровне по всем вопросам, нерешенность которых еще разделяет мир на враждебные группировки, и найти пути к мирному сосуществованию в общих интересах всех народов.

Совершенно очевидно, что наиболее высокие темпы развития возможны лишь в условиях взаимного обмена и мирного сотрудничества во всем мире.

Решающий шаг

Теперь известно, какие величественные планы предстоит осуществить советскому народу в ближайшем семилетии. Эти планы говорят сами за себя. Достаточно сказать, что лишь государственные капитальные вложения за семилетку составят от 1940 до 1970 млрд. руб. и что это почти равно объему капитальных вложений за все годы Советской власти. Таков решающий шаг, который делает сейчас страна.

В США тоже неоднократно составлялись если не планы, то прогнозы хозяйственного развития на ближайший период вплоть до 1965 и даже до 1975 г. Эти прогнозы рассчитаны «на *автоматически-стихийное* развитие частной экономики», и, сопоставляя их с советскими заданиями планового хозяйства, можно уже из оценок самих американцев сделать вывод о сравнительных достоинствах той и другой системы хозяйства. По расчетам «комитета Энсли», на 1955—1965 гг. валовой национальный продукт в США должен возрасти с 390,9 млрд. до 535 млрд. долл., т. е. на 37% при увеличении занятости на 15,5% — с 63,2 млн. до 73 млн. работников — и сокращении рабочей недели на 11%. Это дает рост годовой производительности за десять лет на 18,6%, а за год — примерно на 1,5%. В СССР народный доход в неизменных ценах за те же десять лет возрастет на 112—116%, продукция промышленности — на 141%. Производительность труда будет возрастать не менее чем на 6% в среднем за год.

Как видим, в соревновании *«автоматически-стихийного»* роста США с *плановыми возможностями* СССР шансы капиталистической экономики, даже в оценке самых верных поклонников и апологетов стихии, до смешного жалки. К тому же планы СССР, составляемые всегда с большим «запасом прочности», обычно перевыполняются, а преувеличенные надежды, возлагаемые на стихию, вообще обманчивы. И, в частности, расчеты «комитета Энсли», вовсе не предусмотревшего на десять лет кризисных потрясений, уже потрясены спадом 1957—1958 гг., который сообщил экономике США попятное движение.

Можно, конечно, сколько угодно доказывать плодотворность «автоматически-стихийного» развития экономики. Однако практически такой спор решится лишь в активном соревновании систем. Никакая гонка вооружений разрешить его не сможет. «Семилетний план — это конкретное предложение Советского Союза капиталистическому миру соревноваться на мирном экономическом поприще» [1]. И, если этот мир действительно верит в превосходство своей экономической системы, ему только остается принять вызов.

---

[1] «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС», стр. 249.

IX. КРИТИКАМ НОВОЙ СЕМИЛЕТКИ

1. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «ТАЙМС» [1]

Уважаемый сэр!

Некоторое время тому назад на столбцах редактируемой Вами газеты от 15 ноября была опубликована редакционная статья под заголовком «Русский вызов», с комментариями к обсуждаемому ныне в СССР проекту семилетнего плана на 1959—1965 гг. В этой статье, наряду с вполне объективными признаниями заданий советского плана смелыми и намеченного роста индустриальной продукции грандиозным, содержится и утверждение, что советские темпы роста уже явно замедляются в этом плане по сравнению с фактическими достижениями прошлых лет. Это утверждение с особенным удовольствием было подхвачено на страницах американского журнала «Бизнес Уик» от 22 ноября 1958 г. и доныне повторяется как совершенно бесспорное во всей зарубежной прессе Запада. В частности, журналисты Нью-Йорка, повторяя вслед за Лондонским «Таймсом», что советские темпы роста промышленной продукции, намеченные в новой семилетке, «колоссальны», и отнюдь не оспаривая их реальности, подчеркивают, однако, что отмечаемое ими «замедление» темпов роста в планах СССР вполне закономерно и они уже заранее предвидели его и предсказали. В связи с такой трактовкой версия о «замедлении» советских темпов приобретает особый интерес и значение. А между тем в ней скрывается элементарное недоразумение, которое с Вашей помощью в интересах самих читателей «Таймса» хотелось бы разъяснить и рассеять.

Высокие темпы роста продукции в СССР объясняются прежде всего и главным образом за счет высоких темпов растущей производительности труда в плановом хозяйстве. И она не замедляет своего роста и в предстоящей семилетке. Особенно заметный скачок ее в связи с крупными реформами в сельском хозяйстве ожидается в колхозном земледелии и животноводстве — за семь лет на 100%. В промышленности за 1950—1957 гг. она выросла на 64%, а в новой семилетке из расчета на годового работника она должна подняться по плану на 45—50%. Но никто из западных комментаторов семилетки не обратил внимания своих читателей на одновременное снижение рабочего времени в той же семилетке до 30—35 часов в неделю, а в среднем примерно процентов на 20, если не больше. Значит, часовая производительность возрастает на 81—88% против 64% за истекшую семилетку. Таким образом, по этому важнейшему показателю, вопреки предсказаниям американских провидцев, рост советских темпов продолжается. И когда сокращенный рабочий день достигнет заданного уровня, это скажется и на темпах объемного роста продукции в последующие годы.

Зарубежные комментаторы справедливо отмечают серьезные трудности, с которыми нам предстоит посчитаться в СССР для успешной реализации больших задач нового плана. В СССР нет столь больших резервов производственных мощностей, как в США и других странах Запада, где эти мощности обычно простаивают чуть ли не на 50% в ожидании улучшения конъюнктуры. Нет у нас и резервной армии безработных, позво-

[1] «The Times», 31.XII.1958.

ляющей на Западе, подчиняясь законам рынка, столь быстро подниматься из глубин особого «спада» к высотам очередного перепроизводства. Но мы не завидуем этим сомнительным преимуществам западной экономики.

Конечно, нам не легко будет мобилизовать многие сотни миллиардов вложений, необходимых для расширения недостающих нам производственных мощностей. Но зато они не будут у нас простаивать и, быстро обновляясь, быстрее достигнут вершин современной техники. Нелегко было бы нам умножить и свою армию труда за 7 лет на целых 11,5 млн. душ за счет одного лишь естественного прироста населения, при полном отсутствии «резервов» безработицы. Но мы очень охотно обходимся без таких резервов. Тем более, что удвоение производительности труда в одном лишь колхозном секторе сельского хозяйства высвободит из него резерв рабочей силы, достаточный, по плану, для восполнения дефицита во всех других отраслях труда.

Плановое хозяйство в своем продвижении, поднимаясь всегда по плавной кривой, без излишних зигзагов вверх и вниз, приближается тем самым к своим целям кратчайшим путем. Поэтому его главным резервом как раз являются высокие темпы роста производительности труда. Эти темпы не замедляются, а растут и будут расти по советским планам на ближайшую семилетку, что бы на сей счет не предсказывали мудрецы из «Бизнес Уик» и другие пророки, не сумевшие предсказать очередного спада даже в своей собственной стране.

Вот все, о чем, во избежание недоразумений, я хотел бы осведомить широкие круги просвещенных читателей Вашей газеты.

19 декабря 1958 г.

2. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «ТАЙМС»[1]

Сэр! Позвольте прежде всего выразить Вам свою признательность за предоставленную и мне, советскому экономисту, возможность высказаться по поводу той трактовки советского семилетнего плана, какая на столбцах «Таймса» предлагается английскому читателю. На мое письмо в редакцию «Таймс» от 31.XII мною уже получен ряд ободряющих откликов от читателей Вашей газеты, удостоверяющих, что оно было не лишним для более полного освещения поднятых вопросов. Но письмо г. А. Ноу в редакцию «Таймс» от 13 января 1959 г. показывает, что полной ясности еще нет. Он настаивает на том, что темпы экономического роста СССР замедляются и, сославшись на конкретные цифры годового прироста промышленной продукции СССР в пятой пятилетке — 13%, в шестой (по плану) — 10,5% и в плане новой семилетки — 8,6%, заключает с удовлетворением: «Такова элементарная арифметика». Однако если он считает, что тем самым уже решена проблема о закономерностях и темпах советского роста, то глубоко в этом ошибается.

Элементарная арифметика действительно такова. Но для решения экономических проблем требуется помимо арифметической и еще некоторая экономическая грамотность. Нельзя, например, сопоставлять цифры экономически неоднородные и потому не сравнимые по своему значению. Не следует также произвольно выхватывать из ряда цифр в сопоставлениях только те цифры, которые лучше всего подходят для желательных их потребителю выводов. В самом деле, почему г. А. Ноу избрал в качестве начальной для своих сопоставлений пятую пятилетку? Разве советская экономика начала развиваться только с 1950 г.? И разве любому экономисту не ясно, что после разрушений мировой войны и восстановления разрушенного, темпы роста в годы пятой пятилетки нельзя считать типичными для нормальных условий развития СССР?

---

[1] Публикуется впервые.

Мы считаем более правильным определять советские темпы роста в среднем за весь период развития СССР. И в этом случае средний ежегодный темп прироста, включая и годы войны и восстановительных периодов, измеряется за целых сорок лет (1918—1957) средней нормой в 10,1%. За последние 3 года шестой пятилетки (1956—1958) ежегодный прирост составлял тоже не менее 10%. Значит, доныне никакого замедления темпов, несмотря на колебания их за отдельные годы, если не принимать желательное за факт, еще не было. Об этом свидетельствует и экономика, и арифметика, если ею пользоваться без всяких натяжек.

Но вот в плане на 1959—1965 гг. намечается средний промышленный прирост всего по 8,6% в год. Это, разумеется, тоже факт. Но его можно объяснить по-разному. И г. Ноу, в числе многих других, пытается его объяснить естественной, как ему кажется, для всех стран мира тенденцией замедления темпов роста с возрастанием общего уровня производства. Но поскольку наличия такой тенденции в условиях СССР еще не обнаружено, то отпадает и само объяснение ею чего-либо в этой стране на основе простой аналогии со странами капитализма. В СССР ведь неведомы, например, ни кризисы, ни безработица, ни много других явлений, совершенно неизбежных в условиях капитализма. И мы полагаем, что задания нового плана о приросте промышленной продукции за семь лет на 80% неправильно рассматривать вне связи со всеми другими заданиями того же плана.

В пятой и шестой пятилетках были выше темпы роста промышленной продукции, но ниже темпы роста сельского хозяйства. В новом плане обеспечивается возможность крупного подъема в сельском хозяйстве, намечается огромное расширение жилищного строительства и целого ряда других социальных мероприятий в интересах рабочих, включая сюда и резкое сокращение рабочей недели трудящихся до 35 часов и ниже без снижения оплаты труда и даже с повышением реального ее значения на целых 40%. Такие большие новые замыслы потребовали, конечно, существенной перестройки всех производственных пропорций. Именно поэтому их начали пересматривать уже на ходу, не ожидая завершения шестой пятилетки. И новый план, присоединяя два последних года шестой пятилетки к плановым заданиям на следующую, стал семилетним планом. При всем том часовая производительность труда не снижается в новом плане, а даже растет. И только замалчивая этот факт, а вместе с тем и реальность ускорения темпов советской индустрии в ближайшие годы, можно усмотреть в новом плане тенденцию к замедлению темпов хозяйственного роста СССР.

Г. А. Ноу, конечно, не верит в осуществимость заданий нашего семилетнего плана по производительности труда. И если бы их реализация зависела только от доброй воли г. А. Ноу и других критиков советских планов, то можно было бы считать их заранее обреченными на полнейший провал. Однако эти планы все же не плохо выполнялись доныне. И это понятно. Ведь осуществляют их не критики, а глубочайшим образом заинтересованные в скорейшей их реализации сотни миллионов советских людей.

Москва
23 января 1959 г.

3. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «ТАЙМС»[1]

Сэр! Недавно в редактируемой Вами газете от 12 сентября м-р Ф. Сэтон, возвращаясь к старым спорам о темпах роста экономики СССР и стран Запада, несколько неожиданно привлек и меня в этом споре в свои

[1] «The Times», 18.X.1960.

союзники. Ссылаясь на указанный мною факт, что чистая продукция, т. е. национальный доход, возрастает медленнее, чем валовой общественный продукт, включающий элементы повторного счета, он предлагает соизмерять темпы роста разных стран только по чистой продукции или национальному доходу. Отмечая, что этот показатель «знаком» и Западу, и в отличие от «путаных цифр» валовой продукции, не вызовет излишних дискуссий, м-р Ф. Сэтон, очевидно. надеется найти на этом пути наиболее достоверные и бесспорные для обеих стран показатели роста соревнующихся стран.

Задача эта, однако, гораздо труднее, чем это представляется м-ру Ф. Сэтону. Прежде всего следует отметить, что и Западу знакомы не только национальный доход, но и такие показатели экономического роста страны, как «гросс-националь» и «нэтт-националь продукт», без которых нельзя исчислить и национального дохода. И «путаными» такого рода исчисления представляются только тем экономистам, которые совсем мало в них разбираются. Каждый из таких показателей может быть использован для международных сопоставлений при известных условиях. Но уже первым из них является требование достаточной сопоставимости в их трактовке и вытекающих отсюда методах исчисления. К сожалению, фактически эти показатели в разных странах исчисляются по-разному и, пожалуй, наименее сопоставимыми доныне приходится считать как раз исчисления национального дохода в СССР и на Западе, т. е. именно тот показатель, на который особые надежды возлагает м-р Сэтон.

Анализ элементов, включаемых в состав национального дохода в СССР и на Западе, показывает, что на Западе в него включаются и такие сомнительные статьи «дохода», как оплата «услуг» армии, полиции и других представителей непроизводственной сферы, которые лишь расходуют реальные блага. создаваемые в стране. В СССР эти услуги рассматриваются как повторный счет доходов производственной сферы и не включаются в состав национального дохода. А между тем за счет этого повторного счета национальный доход на Западе преувеличивается на десятки процентов, с определенной тенденцией все большего роста удельного веса таких услуг в официальных итогах национального дохода за последние годы. Так, например, в национальном доходе США за 1948 г. этот повторный счет составлял около 19,5%, а в 1956 г.— уже 33,7% опубликованного официального итога [1]. Таким образом, и этот показатель без серьезного исследования и неизбежных дискуссий не может обеспечить нам бесспорных выводов.

Конечно, разница в темпах роста СССР и Западных стран так велика, что о ней можно судить и по официальным данным о национальном доходе, без всяких коррективов. Понятно, такие сопоставления следует рассматривать лишь как первое приближение к истине. Но и они достаточно показательны. По последним данным, опубликованным в СССР, национальный доход Англии с 1913 по 1959 г. возрос всего на 94%, в США — в 3,38 раза, а в СССР — почти в 25 раз (24,71) [2]. Возможно, что м-р Сэтон и к этим цифрам предложит свои поправки, но едва ли они изменят тот основной вывод, что темпы роста новой, плановой экономики СССР — и по предложенному им самим показателю — во много раз опережают все, что может противопоставить нам в этом отношении старейший из оплотов капитализма, современная Англия.

Надеюсь, что против этого вывода не станет спорить и уважаемый мистер Ф. Сэтон.

Прошу принять уверения в совершенном почтении.

8 октября 1960 г.
Москва

[1] М. В. Колганов. Национальный доход. Госполитиздат, 1959, стр. 334—335.
[2] «Народное хозяйство СССР в 1959 году», стр. 116.

4. РЕДАКТОРУ «НЕЙЕ ЦЮРХЕР ЦЕЙТУНГ»[1]

Уважаемый г-н редактор!

Недавно на столбцах редактируемой Вами газеты (от 16 декабря 1958 г.) появилась за подписью некоего Эрнста Кукса большая статья с комментариями к проекту советского народно-хозяйственного плана на 1959—1965 гг. Полагая, что этот план, привлекающий к себе внимание широчайшего круга читателей, заслуживает более объективного освещения, чем это удалось сделать названному автору, считаю своим долгом в интересах читателей и в интересах истины внести некоторые существенные пояснения и фактические поправки к суждениям г-на Кукса.

В семилетнем плане Советского Союза, как известно, намечаются высокие темпы хозяйственного развития. Эти темпы в несколько раз выше американских, и поэтому авторы плана рассчитывают, и не без основания, на существенное приближение советских масштабов индустриальной продукции 1965 г. к достигнутому уже в США уровню 1958 г. Эрнст Кукс уже в заголовке своей статьи именует этот план «утопическим». В дальнейшем изложении советские темпы и планы называются им «фантастическими», «воздушными замками», поставленные в них задачи — «непосильными» и цели — «несбыточными», «страдающими гигантоманией» и даже «галлюцинациями» изобилия. При этом Кукс с особым усердием навязывает своим читателям мысль, что «плановая утопия» советских экономистов требует «усиления эксплуатации трудящихся», так как «сокращение рабочего дня — это одна из форм эксплуатации», и в конце концов объявляет «лозунг» советского плана о возможности *обогнать* наиболее развитые капиталистические страны «пустой пропагандой».

Все эти весьма решительные оценки и заявления г-н Кукс «подкрепляет» многочисленными цифровыми справками и ссылками на сведения, якобы полученные им из самых первых рук. Например, по его словам, из различных мест Советского Союза к нему уже поступают сведения, что «рабочие противятся переходу на семичасовой рабочий день» и даже за последние годы неоднократно прибегали к забастовкам «на советско-русских предприятиях».

Это насквозь лживые сведения. И получил их г-н Кукс, конечно, не из Советского Союза. Семилетний план, гарантирующий рабочим сокращение рабочей недели с 46 до 40 и 35 час. *без сокращения заработка* и даже с *повышением* его реального значения процентов на 40, вызвал самое горячее одобрение в советской рабочей среде. Мнений можно придерживаться различных, и если они легковесны, то, высказывая их, журналист причиняет вред лишь своей собственной репутации. Но если он сочиняет, искажает или замалчивает *факты*, обманывая свою аудиторию, это не может быть терпимо на страницах уважающей своих читателей независимой прессы. Допустим, однако, что в данном случае автор был просто плохо осведомлен о настроениях советских рабочих.

Что же касается «утопичности» нового плана, то тут, вероятно, не один из западноевропейских читателей его статьи вспомнит, что обсуждаемый советский план далеко не первый из их числа, что уже многие из них и раньше расценивались как несбыточные, и все же они своевременно выполнялись и перевыполнялись, в результате чего Советский Союз давно уже занял по размерам своей продукции *первое место в Европе.* Не окажется ли г-н Кукс в незавидной роли тех, кто и в прошлом занимался подобными прогнозами?

---

[1] С. Г. Струмилин. Очерки социалистической экономики СССР. Госполитиздат, 1959.

Справедливости ради надо сказать, что г-н Кукс признает за Советским Союзом «значительные» успехи. Однако при этом высшая мудрость г-на Кукса сводится к весьма неоригинальной идее, что «значительные успехи советской экономики» достигнуты не благодаря преимуществам ее плановой системы, а с помощью... «полицейской власти». Как будто неуспехи в странах капитализма зависят от того, что там наблюдается хронический дефицит именно в полицейских властях...

Семилетний план СССР является прямым призывом, обращенным к самой мощной из стран капитализма — США. Он предлагает им вместо гонки вооружений мирное экономическое соревнование. И читателям Вашей газеты, г-н редактор, было бы, конечно, интересно узнать, как расценивается этот план в наиболее заинтересованных деловых кругах США. Широко известно, кстати сказать, что трезвые американцы совсем не склонны вслед за г-ном Куксом рассматривать задания плана как несбыточную утопию. Они называют эти советские задания «колоссальными», но тут же сообщают, что, по отзывам «американских экспертов по советской экономике», «у СССР есть *все основания* достигнуть своих общих промышленных заданий» [1]. Вероятно, было бы справедливее, если бы г-н Кукс, давая свои оценки плану, упомянул и о трезвых голосах американских экспертов.

Г-н Кукс готов убеждать читателей в самых неправдоподобных вещах. Так, например, он внушает им, что советская экономика, подобно капиталистической, подвержена «циклическим колебаниям» вверх и вниз, хотя совершенно бесспорным является факт, что за все годы своего мирного роста эта экономика не испытывала еще ни одного кризисного спада. Он утверждает, что советская экономика резко замедляет темпы своего роста. И, произвольно выхватывая из общего ряда отдельные годы, он приводит такие цифры: за 1925 г. промышленная продукция возросла на 66,1% [2], а за 1957 г. — всего на 10%. Однако если, отказавшись от такого произвола в манипулировании экономическими данными, вспомнить, что 1925 г., в котором были еще большие резервы неиспользованных производственных мощностей, нельзя считать типичным и взять *средние* приросты за целый ряд лет, то окажется, что и в среднем за 40 лет после революции этот прирост не превышал в СССР 10,1%, и за последние годы не был ниже 10%, в то время как в США за те же 40 лет он не превышал 3,2%, а за последние три года (с 1955 г.) имело место даже снижение на 6—7%.

Г-н Кукс утверждает также, что новый семилетний план появился на смену еще не завершенной шестой плановой пятилетке (1955—1960 гг.) в результате того, что высокие задания этого плана в области промышленности, как якобы выяснилось уже в декабре 1956 г., оказались будто бы «непосильными». Однако общеизвестно, что задания плана не превышали 10% прироста в год. Фактический же прирост за истекшие три года, несмотря на предпринятое сокращение рабочего дня, составил уже 34%, и, стало быть, задания плана были выполнены.

Досрочный пересмотр пятилетнего плана на семилетний срок, с 1959 г., оказался необходимым не потому, что отставала промышленность, а главным образом потому, что крутой подъем сельского хозяйства, колоссальная программа жилищного строительства (за семь лет только в городах и рабочих поселках будет построено 15 млн. новых квартир, в которые переедет *около половины* городского населения СССР) потребовали перестройки всех плановых пропорций и инвестиций.

Г-н Кукс, следуя расчетам американских экономистов, утверждает, что общий объем продукции СССР составляет «сейчас» приблизительно

---

[1] «Бизнес уик», 22 ноября 1958 г.
[2] По фактическим данным — на 62%.

треть объема продукции США и заключает отсюда, что у Советского Союза нет «никаких» шансов ликвидировать такое отставание до 1972 г. Однако о расчетах за 1955 г. он писал в декабре 1958 г. А между тем за эти три года советская продукция поднялась на 34%, а американская даже снизилась на несколько процентов. И *сейчас*, по самым осторожным расчетам советских экономистов, продукция СССР не ниже 53—55% уровня США. А если еще учесть разницу в темпах роста продукции в этих странах, которая в СССР по меньшей мере на 5—6% превышает американский прирост за год, то за две семилетки, до 1972 г., советская продукция как раз имеет *все* шансы обогнать американскую. *Замалчивая* такие факты, автор безусловно дезориентирует своих читателей.

Но и тем конкретным цифрам, которые он приводит в своей статье, далеко не всегда можно верить. Приведем только несколько примеров. Прирост выпуска стали в СССР за 1958 г. автор определяет «всего лишь в 5%». На самом же деле он возрос с 51,2 млн. до 54,9 млн. т, т. е. на 7,2%. Вместе с тем он умалчивает, что выпуск стали в США за последние годы снижался и упал за 1957—1958 гг., по данным доклада Эйзенхауэра об экономическом положении страны, на огромную величину — 40%. И вот, по цифрам г-на Кукса, советский уровень по стали составляет все еще только 50% американского, а между тем, по фактическим данным производства за 1958 г., он составляет уже свыше 80% от уровня США. В своих сопоставлениях уровней индустриальной продукции автор статьи неуклонно приводит данные по всем тем отраслям, где особенно велико отставание СССР, например по природному газу, нефти, электроэнергии, и вовсе забывает те отрасли, где это отставание уже на стороне США, например по шерстяным тканям, металлорежущим станкам, сахарному песку, кирпичу, древесине.

Но особенно бесцеремонно искажаются советские достижения в области сельского хозяйства. Например, по продукции мяса в СССР за 1957 г. автор вместо 7,4 млн. т показывает только 5,1 млн. т (с ошибкой в 45%), по молоку вместо 54,7 млн. т — только 20,5 млн. т (с ошибкой в 34,2 млн. т, или 167%). По сбору зерна за 1958 г. вместо 140 млн. т амбарного урожая г-н Кукс показывает только 115 млн. т. А затем, утаив от своего читателя *целых* 25 млн. т советского зерна (это без малого два урожая такой страны, как Западная Германия!), автор внушает ему, что за отсутствием кормов в СССР не будет хватать и впредь ни мяса, ни молока. Конечно, его цифры по молоку за 1957 г. (57,3 млн. т в США и только 20,5 млн. т в СССР) как будто вполне подтверждают такие прогнозы. Но истина заключается в том, что по производству молока СССР догнал США уже в 1958 г.: 57,8 млн. т.

Такие весьма тенденциозные манипуляции с цифрами подтверждают знакомство автора с той практикой, какую он сам именует в своей статье «шулерскими приемами в статистике». Однако его осведомленность в области советской экономики и статистики такова, что он, и независимо от любых тенденций, безнадежно путается в цифрах и фактах, как в глухом лесу, спотыкаясь на каждом шагу. Не выше, впрочем, его познания и в других областях.

Это подтверждает, между прочим, следующий курьез. Полемизируя с авторами семилетки, г-н Кукс совсем некстати напоминает софизм, «с помощью которого можно доказать, что черепаха движется быстрее, чем Александр» (?!). Знающие люди сразу же сказали бы: Какой Александр? Македонский? А если Македонский, то причем он тут? Ведь греческий философ Зенон доказывал, что черепаху не сможет догнать даже Ахиллес быстроногий. Об Александре Македонском он не мог говорить уже потому, что сей Александр родился лишь в следующем столетии, после смерти Зенона. Но дело не в этом. Перепутав эти столь известные даже школьникам имена, г-н Кукс подтвердил лишний раз, что и в гре-

ческой философии он столь же сведущ, как и в советской экономике. Курьезнее другое. Смешна та роль, которую избрал себе сам г-н Кукс в поднятом им споре о возможностях догнать США. Советские экономисты не сомневаются в этой возможности. Оспаривает ее г-н Кукс. О том, что советские темпы выше американских, вообще спора нет. Так кто же софист?

Самоотверженно беря на себя эту роль, автор сам же и напоминает своим читателям, что, если уж на долю США выпала роль медлительной черепахи, то быстроногий Ахиллес ее непременно догонит и перегонит. Всякий, кто это оспаривает,— только жалкий софист.

Думается, что такой автор, как г-н Кукс (к слову сказать, из видных западных экономистов мне никто не известен под такой фамилией), вообще не стоит на уровне возлагаемых на него сложных и тонких задач в области оценок советской экономики.

Полагаю, что об этом следует сказать, и надеюсь, что, опубликовав письмо советского экономиста в Вашей газете, г-н редактор, Вы не нанесете никакого урона ее престижу в глазах всех ее культурных читателей.

* * *

Редакция «Новой Цюрихской газеты» не довела до сведения своих читателей этот мой ответ на измышления г. Кукса. Но он все же был опубликован в «Литературной газете» от 9.IV 1959 г. под заголовком «Ответ клеветникам» с таким послесловием Редакции:

«С той поры прошло уже почти три месяца. Как же откликнулась швейцарская газета на письмо крупного советского экономиста, принимавшего участие еще в разработке первых пятилеток? Никак. Редакция не только скрыла письмо от читателей, но и выказала отсутствие элементарной вежливости, даже не ответив академику Струмилину.

Впрочем, отклик был. В конце марта газета поместила заметку «Сообщение из Восточной Европы». Ссылаясь на неких таинственных осведомителей, которым, с одной стороны, якобы можно верить, а с другой стороны, вроде бы и нельзя, газета намекала, будто видные советские экономисты-плановики находятся «в оппозиции» к семилетнему плану и что правительство СССР не то собирается арестовать их, не то «заключить компромисс» с ними. Словом, такого туману подпустили, что куда там Хлестакову до «Нейе цюрхер цейтунг»!

А зачем намеки, к чему туман? Взяли бы да и опубликовали письмо одного из видных советских экономистов,— сразу все стало бы ясно. Тем более, что газета не прочь при случае подчеркнуть «подлинную свободу печати» на Западе. Очевидно, эта свобода состоит в свободе использования приемов желтой прессы. Со своей стороны, «Литературная газета» может заявить: если г-н Э. Кукс напишет нам, каким образом при переводе с русского языка на немецкий число 54 превращается в 20, а 140 — в 115, то мы его объяснения напечатаем. Объяснения того, как он спутал Александра с Ахиллесом, мы не ждем — тут все ясно.

Уж если речь зашла об Ахиллесе, то на этого древнегреческого героя, нам кажется, кое-чем похожа сама «Нейе цюрхер цейтунг». У Ахиллеса, как известно, было одно уязвимое место — его пята. И нет сомнения, что письмо советского академика поразило тоже весьма уязвимое место газеты — ее недобросовестность и шулерское обращение с фактами».

5. В РЕДАКЦИЮ «ДЕЙЛИ ТЕЛЕГРАФ ЭНД МОРНИНГ ПОСТ»[1]

Уважаемый мистер Редактор!

Недавно в Вашей газете появилась статья мистера Давида Флойда, в которой он уверяет своих читателей, что в городах СССР «тысячи рабочих выбрасываются из производства» уже сегодня и что «20 или 30 млн. сельскохозяйственных рабочих станут излишними в последующие 10—15 лет», в результате чего и там «появится армия безработных колхозников». При этом автор в подтверждение своих прогнозов ссылается на мои высказывания в советской печати. Не желая содействовать заведомой дезинформации читателей Вашей газеты таким сообщением о Советском Союзе, считаю своим долгом категорически их опровергнуть. Никакой «безработной армии» ни в городах, ни в деревне в пределах СССР не наблюдается. Не ожидается она и в дальнейшей перспективе развития экономики Союза, поскольку плановое хозяйство в предвидении быстрого роста производительности уже наметило и проводит необходимое сокращение рабочего дня при дальнейшем повышении заработной платы и уровня жизни рабочих в городе и деревне.

Только об этом и шла речь в опубликованной мною статье, на которую столь неудачно ссылается мистер Флойд. Уверяя своих читателей, что сокращением рабочего дня только «маскируется» фактическая безработица, он, без сомнения, исходит из опыта западной экономики, где сокращение рабочего времени при неизменной часовой ставке оплаты труда действительно снижает уровень жизни и расширяет фронт частичной безработицы. Но в СССР действует иная практика. И если бы, применив ее и в Англии, предложить и там рабочим реальный план сокращения рабочего дня, скажем, с восьми часов до шести с увеличением, вместо сокращения, их недельной заработной платы на 20—30%, то едва ли бы и они отказались от такой перспективы, исходя лишь из слишком туманных представлений мистера Флойда о «безработице».

Кажется, что в туманной Англии и без Флойда не ощущается недостатка в досадных туманах. В интересах взаимопонимания и дружбы миролюбивых народов Востока и Запада хотелось бы разрядить эти туманы.

Москва
25 сентября 1960 г.

6. В РЕДАКЦИЮ «ФИГАРО»[2]

(Париж)

Господин Редактор!

На столбцах Вашей газеты я с изумлением прочел недавно весьма сенсационное сообщение об экономическом кризисе в СССР. По этим сообщениям, нашу страну потрясает не только промышленный кризис со всеми его бедствиями и движениями протеста, вплоть до массовых забастовок... в Сибири, но и сельское хозяйство находится «также в крайне тяжелом положении». Население кормится лишь благодаря возврату к мелкому хозяйству на индивидуальных участках. Частный сектор обнимает уже «примерно треть» всей сельскохозяйственной продукции СССР. В связи с этим, сообщает «Фигаро» своим читателям, в советской стране намечаются новые реформы, необходимость которых вызывается «срывами, бесхозяйственностью и слабостями» экономической системы СССР. Советский профессор Либерман, по сведениям газеты, предлагает «восстановить в СССР режим свободного предпринимательства». И вот информаторы «Фигаро» предвидят уже близкий «возврат к капитализму» в СССР. И озабочи-

[1] Публикуется впервые.
[2] «Фигаро», 13—15.XI.1962.

вает их лишь то, что первому секретарю партии, выступающему инициатором предстоящей реформы, «придется столкнуться с упорной оппозицией» на ноябрьском Пленуме партии в Москве.

Какая изумительная осведомленность и проницательность осведомителей Вашей газеты о советской действительности!

Впрочем, с предвидениями кризисов в СССР на столбцах западной прессы мы сталкиваемся уже не первый раз. В последний раз признаки «глубокого кризиса» в СССР были открыты американскими обозревателями журнала «Форчун» в 1957 г. Но, как известно, в СССР обошлось дело без кризиса, который, к великому конфузу этих обозревателей, уже в 1958 г. посетил как раз собственное их отечество. Будем надеяться, что обозревателям из «Фигаро» не угрожает подобная же участь. Но как совместить их оценки экономической конъюнктуры в СССР даже с теми фактами, какие уже ныне известны всему миру, не исключая и читателей «Фигаро»?

Обозреватели эти усматривают промышленный кризис в СССР, где прирост промышленной продукции за год не ниже 8—10%, а за последние четыре года — 45%, т. е. намного выше, чем во Франции (25%). Но в таком случае пришлось бы признать, что Франция давно уже переживает еще более глубокий кризис. Обозревателей «Фигаро» огорчает «тяжелое» состояние сельского хозяйства СССР. Но им известно, что именно текущий год принес нам чрезвычайно богатый, рекордный урожай. Но стоит ли огорчаться по поводу рекордных урожаев, даже если они наблюдаются в чужой стране.

Правда, их очень радуют «успехи» мелкого индивидуального хозяйства в СССР. На его долю в СССР, по отчетным данным, исключая приусадебные участки колхозников, рабочих и служащих, приходится всего одна десятая процента всей валовой продукции сельского хозяйства, а по информации обозревателей «Фигаро» — целая треть этой продукции, т. е. в 300 с лишним раз больше. Но при таком баснословном расхождении инфорации с действительностью, когда все облекается в дымку миражей и фантомов, теряется уже возможность здравых суждений о действительности. Еще меньше, однако, правдоподобия в смехотворных сообщениях тех же информаторов о «возврате к капитализму» в СССР или об «упорной оппозиции» инициаторам дальнейших реформ на путях к коммунизму в нашей стране. Это похоже на арабские сказки в новейшем парижском их издании, но совсем не отвечает требованиям сколько-нибудь компетентной политической информации. И у нас, естественно, возникает к редакции «Фигаро» следующий вопрос:

Не находит ли она, что ее французские читатели заслуживают хотя бы и менее сенсационной в стиле сенсаций барона Мюнхгаузена, но более осведомленной и достоверной информации о действительном направлении в развитии экономики такой великой страны социализма, как СССР?

Прошу принять уверения в совершенном почтении

Москва
23 ноября 1962 г.

X. НОВОЕ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ СССР — США[1]

Недавно, в редакционной статье «Таймс» от 16 ноября 1961 г., сообщалось о новых планах США в области экономического соревнования стран Запада и Востока. Отвечая на новую московскую программу экономического подъема СССР в течение двух ближайших десятилетий, Вашингтон и сам уже готов усвоить методы многолетнего планирования ради ускорения темпов индустриального развития США и побуждает всех своих союзников по НАТО вступить на тот же путь в общих интересах более успешного хозяйственного соревнования этих стран с содружеством стран социализма.

Для этой цели, по образцу действующего в странах социализма Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), уже создана и в Париже новая Организация Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), в которой предстоит обсуждение американского плана, именуемого «Контрольными цифрами», для совместного производства 20-ти европейских и североамериканских стран, членов НАТО, и предусматривающего расширение этого производства к 1970 г., за 10 лет, на 50%, т. е. в пределах до 4,2% в год.

При всей скромности такой товарной экспансии в процентах, она все же намного превышает фактические темпы роста продукции в таких странах, как США (от 2 до 3%) и Англия (до 2%). И если даже только одни США почти удвоят темпы расширения своей продукции на мировых рынках, это будет весьма серьезным ударом по интересам всех западных стран-экспортеров, включая в их число и Англию. Весьма вероятно, что именно поэтому и сама редакция «Таймса» без всякого энтузиазма приветствует предложения и мероприятия американцев, напоминая им и о тех прискорбных последствиях в области торгового и платежного балансов страны, которые обычно наступают, когда форсируется промышленный бум.

В какой мере американские планы подготовки промышленного подъема по всему лагерю стран Атлантического блока в целях экономического соревнования с лагерем социализма встретят поддержку в Парижском ОЭСР и смогут рассчитывать на серьезный успех, это еще не известно. Но независимо от этого, можно лишь приветствовать уже самую идею такого мирного соревнования экономических систем, рассчитанного на десятилетия. И прежде всего потому, что такое соревнование означает сознательный отказ обоих лагерей от решения всех спорных между ними проблем катастрофическим методом термоядерной войны. Тем самым станет, наконец, вполне осуществимо и столь необходимое всему миру всеобщее разоружение. А ликвидация военных бюджетов освободит огромные ресурсы для расширения помощи слаборазвитым странам и для многих других общенародных нужд.

Спор о том, какая из экономических систем — капитализм или социализм — прогрессивнее, лучше служит человечеству и заслуживает пред-

[1] Публикуется впервые.

почтения в применении к задачам народнохозяйственного развития, может быть решен только в хозяйственной практике. Социалисты, обобществляя у себя все средства производства, признают наиболее действенными и эффективными в этой практике методы народнохозяйственного планирования. Идеологи капитализма, ориентируясь на частную собственность и частнохозяйственные интересы предпринимателей, наоборот, убеждали доныне весь мир в том, что лучшим двигателем хозяйственного прогресса как раз является лишь частнохозяйственный интерес и свободная от всяких ограничений индивидуальная предпринимательская инициатива. А с этой точки зрения, методы народнохозяйственного планирования, властно вторгаясь в сферу частнохозяйственных интересов и на каждом шагу ограничивая частную предпринимательскую инициативу, тем самым, несомненно, нарушают самые священные и неприкосновенные принципы мира, именующего себя свободным.

Тем более показательно, что когда авторитетнейшие лидеры этого «свободного мира» во главе с мистером Джоном Кеннеди признали необходимым вступить в решающее экономическое соревнование с лагерем социализма, им прежде всего пришлось, отступая от своих принципов, признать более действенным оружие своих противников и вступить на путь организации планирования хозяйственных мероприятий в масштабах чуть ли не всего мирового хозяйства.

В этих американских идеях можно усмотреть кое-что принципиально новое. Скептики из редакции «Таймс» усмотрели в них пока лишь «признание факта застоя в двух наиболее развитых странах Запада: в США и Великобритании». Но мы видим в них и другое молчаливое признание. Признание того факта, что преодолеть этот застой даже в США уже не мыслят без применения такого же типа перспективных планов народнохозяйственного развития, какие оказались столь эффективными в практике стран социализма.

Это весьма ценное признание. Но для успехов планирования, помимо желания ускорить застойные темпы развития, требуются и некоторые объективные предпосылки. Не столь уж трудно набросать самый великолепный план. Гораздо труднее, однако, контролировать на ходу намеченные этим планом темпы роста и добиться неуклонного выполнения всех плановых заданий.

В странах социализма этому содействует вся система организации и управления народным хозяйством, весь их общественно-экономический строй. Все предприятия принадлежат здесь одному хозяину — народу. Никаких коммерческих тайн и производственных секретов в этих предприятиях от такого хозяина быть не может. И в этих условиях чрезвычайно облегчается общественный контроль над их действиями и выполнением всех заданий плана. Его функции выполняют не только государственный контроль, статистика и бухгалтерия, но и вся общественность страны, весь рабочий актив любого предприятия, глубоко заинтересованный в успешном выполнении народнохозяйственных планов. Напомним, кстати, что все эти планы еще в стадии их выработки обсуждаются всенародно и не только в порядке общих парламентских дебатов и откликов печати, но и гораздо конкретнее, в каждом низовом рабочем коллективе, где сами рабочие по собственной инициативе вносят немало ценных предложений, выполнимых в данном предприятии в интересах улучшения и скорейшей реализации и общего плана всей страны.

А добиваться выполнения этих планов тем легче, что в этом кровно заинтересованы здесь все его исполнители. Ведь всякий новый успех планового хозяйства сопровождается и новым подъемом уровня жизни трудящихся СССР. Существенным разделом каждого плана является провизорный баланс платежеспособного спроса и предложения на весь срок действия этого плана, в котором заранее предусматривается необходимое

повышение заработной платы и фондов общественного потребления и накопления, достаточное для полной реализации всей запланированной товарной продукции. Располагая всеми рычагами ценообразования и оплаты труда, социалистическое хозяйство уверенно справляется с этими труднейшими для Запада проблемами рыночного равновесия и, как известно всему миру, достигает весьма высоких темпов своего планового развития.

Позволительно думать, что Западному блоку стран НАТО, если они даже решатся вступить на путь планирования, будет особенно трудно решать задачи рыночного равновесия на внутренних и внешних рынках. Производительные силы этих стран огромны. Но и противоречия частнохозяйственных интересов в конкурентной борьбе за рынки сбыта не меньше. Угроза перепроизводства выявляет избыток производительных сил. Простаивают сотни тысяч станков. Остаются без использования в резерве миллионы безработных рук и пустых желудков. С такими резервами, казалось бы, можно обеспечить любые темпы роста. А снижая цены и повышая заработки трудящихся, вполне осуществимо и очень крупное расширение емкости внутренних и внешних рынков сбыта. Но захотят ли частные предприниматели такой ценой расширять свой сбыт? И легко ли будет согласовать в едином плане интересы всех стран-экспортеров на мировом рынке?

Американский план предусматривает расширение выпуска продукции к 1970 г. на 50%. В какой мере, однако, учтены в этом плане все трудности, стоящие на путях его реализации, нам пока еще не известно. Я не сомневаюсь, что, располагая большими возможностями, американцы смогут достигнуть за отдельные годы высоких темпов роста. Но где гарантия, что в течение целого десятилетия такой рост не будет прерван двумя или даже тремя «спадами»? Таких гарантий нет.

Но если этот план даже будет полностью выполнен, это очень мало отразится на общих судьбах соревнования США и СССР. Учитывая, что продукция СССР уже в 1960 г. составляла не менее 60% американского уровня и что к 1970 г. она по советским планам возрастает не на 50, а на 150%, ясно, что уже за ближайшее десятилетие СССР по объему своей индустрии догонит США, а за следующее десятилетие — при тех же темпах роста — он оставит их далеко позади за собой. Произойдет ли этот обгон на год раньше или позже, ничего не решает.

Решающим будет самый ход соревнования, в процессе которого с каждым годом станут все яснее — не на словах, а на деле — все преимущества и недостатки каждой из соревнующихся экономических систем.

25 ноября 1961 г.

XI. О ВЫСТУПЛЕНИИ ЖУРНАЛА «ШТЕРН» [1]

В одном из своих последних номеров (№ 2 от 14 января 1962 г.) гамбургский журнал «Штерн» коснулся весьма необычной для него материи — проблем строительства коммунистического общества в СССР. Можно было бы только приветствовать усилия редакции широко распространенного журнала, если бы эти усилия были направлены на то, чтобы дать возможность его читателям составить себе объективное представление о важнейших преобразованиях, осуществляемых сейчас в Советском Союзе. К сожалению, два разворота, отведенные в журнале, преследуют цель дать лишь пародийное, искаженное представление о коммунизме.

В материалах, помещенных в журнале «Штерн», дается ссылка на мою статью, опубликованную в журнале «Новый мир», № 7, 1960 г. Больше того, там даже содержатся цитаты из моей статьи, исковерканные до неузнаваемости, обильно пересыпанные комментариями редакторов «Штерн». Не лучше ли было бы, однако, вместо всего этого поместить хотя бы один отрывок из моей статьи с тем, чтобы читатель смог составить собственное мнение? Но, очевидно, что это-то как раз и не входит в планы редакции журнала. А где еще во всей так называемой свободной западногерманской прессе гражданин ФРГ может прочитать хоть слово правды о коммунизме?

Авторы из журнала «Штерн» пытаются изобразить коммунизм, как некое общество, члены которого обречены на «деградацию», на «растворение в общей массе», лишение того, что называется «собственным стилем жизни и собственной волей». Если «Штерн» под «стилем жизни» понимает право одних эксплуатировать других и жить в роскоши и изобилии лишь на том основании, что в их руках находятся деньги и власть, то в коммунистическом обществе действительно не будет места такому «стилю жизни».

Но именно коммунизм впервые сможет обеспечить любому члену общества раскрытие всех его дарований, всестороннее развитие физических и духовных способностей. Именно коммунизм обеспечит изобилие материальных и культурных благ для наиболее полного удовлетворения постоянно растущих потребностей всех членов общества. И именно при коммунизме будет обеспечено то равенство, которое недостижимо ни при каком эксплуататорском строе. Не деньги, не связи, не происхождение будут иметь значение для успеха в жизни, а талант, способности, одаренность, которые могут быть проявлены в полной мере на благо общества.

Программа Коммунистической партии Советского Союза предусматривает уже в течение ближайших двадцати лет создать в стране основы коммунизма:

бесплатное жилище;
бесплатные коммунальные услуги;
бесплатное питание на производстве;
бесплатный городской транспорт;

[1] «Schtern», 4.III.1962.

бесплатные детские сады и ясли;
бесплатное образование;
бесплатную медицинскую помощь.

Претворение в жизнь этих и многих других социальных достижений позволит уже в ближайшие годы реально перейти к осуществлению лозунга — «каждому по потребностям». По мере роста общественного богатства, широкого внедрения автоматики и механизации в различные отрасли производства, все меньше времени людям будет требоваться для работы непосредственно в производстве. Но зато все больше внимания они смогут уделить участию в управлении делами своего города, своего района, своей коммуны. Все больше времени они смогут уделить повышению своего образования, занятию каким-то любимым видом искусства.

Редакторы журнала «Штерн» иронизируют по поводу той «райской жизни», которую коммунисты стремятся обеспечить всем трудящимся уже через 20 лет на земле.

Программа коммунистов их явно не устраивает. «Как у муравьев»! — отмахиваются от нее наши критики. Как будто участь трутней для них соблазнительнее. Но каковы же их собственные идеалы и та программа, какую они сами готовы реализовать в интересах трудящихся, если это не тот *рай в небесах*, о каком нам твердят все святые отцы уже около 2000 лет? К сожалению, этот рай еще не обнаружен в небесах современными космонавтами. Да в наше время он, пожалуй, никого уже и не устроил бы. Праздное блаженство в раю, без конца и срока, было бы слишком утомительно даже для лодырей. А ведь в условиях коммунизма владыкой мира будет труд, — увлекательный и свободный, — но все же труд, а не мнимое блаженство загробной праздности.

По нашим представлениям, жизнь людей в условиях коммунистического труда и быта и через сотни лет будет еще наполнена не только радостями, но и печалями, встречами и разлуками, победами и поражениями и всем тем, чем она дорога нам и сегодня, т. е. не райским блаженством, а *полнотой жизни*. Но эта жизнь будет еще полней романтикой борьбы с природой, героикой космических перелетов, радостью научных открытий и удовлетворением от хорошо выполняемой работы, ибо это будет уже жизнь без войн, без грабежа, без всего, что порождается частной собственностью и без тех «законов общества», по которым человек человеку становится волком.

«Штерн» публикует фотографию Нердлингена, который должен, очевидно, изображать идиллический германский город, населенный счастливыми согражданами. Я никогда не был в Нердлингене, но я глубоко уверен в том, что, если с высоты птичьего полета, с которой сделан снимок, спуститься на землю, то очень скоро вся идиллия, созданная воображением редакторов «Штерн», лопнет, как мыльный пузырь.

Я уверен, что в этом идиллическом городе проживают не только всем обеспеченные господа предприниматели, но и их рабочие, которых много больше, и что в связи с этим значительная часть населения живет в старых, давно не ремонтировавшихся и неблагоустроенных домах, тратя при этом на расходы за квартиру весьма существенную долю своего бюджета. Я уверен, что дети жителей этих домов мало видят солнца и свежего воздуха, так как играть им приходится в узких «романтических» улочках и дворах. Я уверен, что этим детям мало приходится учиться, что очень скоро идут они в ученики к сапожнику, на фабрику, в подмастерья к парикмахеру, в местную гостиницу, чтобы помогать подносить чемоданы богатым туристам. Я могу наверняка сказать, что почти никто из этих детей — каким бы одаренным он не был — не может рассчитывать стать инженером или адвокатом, или врачом.

Я имею также основание предположить, что зато все дороги открыты детям живущих в виллах и домах, которые принадлежат другой — гораздо

меньшей — части населения Нердлингена. Эти дети не дружат с теми, кто живет в небогатых кварталах города. И учатся они дольше и иначе. А когда они вырастают, именно в их руки попадает Нердлинген вместе со своими гостиницами, фабриками, домами и ресторанами. И для приумножения их капиталов трудятся те, кто составляет бо́льшую часть населения старинного идиллического городка Нердлингена.

Я говорю все это так уверенно потому, что хорошо знаю жизнь подобных же городков дореволюционной России.

Чтобы покончить навсегда с этим, русские рабочие и крестьяне в 1917 г. и совершили социалистическую революцию. Чтобы этого никогда не было, в невероятно трудных условиях строили они экономику страны и сейчас с воодушевлением трудятся над построением основ коммунистического общества.

И дело, конечно, не в том, во дворце или в небольших коттеджах будут жить люди коммунистического общества. И не в том, что коммунисты намереваются будто бы разрушить современную семью. Просто уже отчетливо определившиеся тенденции развития человеческого общества таковы, что женщина, веками находившаяся в зависимом положении от мужчины, становится равноправным членом общества. Но для того чтобы женщина могла активно заниматься общественным трудом, производственной деятельностью, обеспечивающими ей подлинное равноправие, должны быть созданы возможности для этого. И общество несомненно позаботится о том, чтобы создать широкую сеть детских учреждений, в которых воспитание детей будет доверено квалифицированным педагогам, широкую сеть предприятий общественного питания, которые освободят миллионы женщин от привязи к горшку и кастрюле. Ясно одно, чем разумнее, чем организованнее будет общество, тем лучше будут жить люди. Шаблон и готовые схемы коммун, пригодные для всего и вся, существуют только в головах редакторов журнала «Штерн». «Мы же считаем,— я цитирую свою статью в журнале «Новый мир»,— чем больше свободного творчества и меньше шаблонной регламентации будет в формировании семейного и трудового быта в каждой из будущих коммун самого различного назначения, тем многообразнее и богаче будет и вся жизнедеятельность коммунистического общества».

Я очень бы хотел, чтобы эти мои слова могли услышать жители города Нердлингена и других городов ФРГ. Надеюсь, что редакция журнала «Штерн», уделившая столько места иллюстрации моей статьи, сможет опубликовать и это мое заявление, хотя оно, конечно, ни в какой мере не соответствует политической линии журнала.

20 января 1962 г.

XII. ПРОГНОЗЫ ЗАПАДНЫХ МУДРЕЦОВ О СУДЬБАХ СССР[1]

Великая Октябрьская социалистическая революция оказалась переломным моментом не только в судьбах всех национальностей старой, царской России. Она стала великим рубежом в судьбах всего человечества, отметив поворот во всемирной истории от капитализма к социализму. В октябре 1917 г. история сделала первый действенный шаг на этом пути. Тогда еще не вполне ясно было миру все грядущее значение этого шага. И в его оценках — внутри страны и далеко за ее рубежами — многие люди разных социальных состояний сходились и расходились, руководствуясь иногда скорее своими классовыми инстинктами, симпатиями и антипатиями, чем точным предвидением дальнейших его последствий.

Но теперь, сорок лет спустя после этой знаменательной даты, можно уже подвести некоторые, гораздо более ясные всему миру итоги Октябрьской революции. И в свете их по-новому предстают перед нами не только все ее победы внутри страны, но и реакция буржуазного мира на социалистическую революцию в России, которая, как в кривом зеркале, но все же вполне осязательно отражала в откликах за рубежом все возрастающую мощь и значение нашей революции. Особенно показательны в этом отношении все несбывшиеся прогнозы зарубежных пророков о «неминуемой гибели» революционных замыслов народов Советского Союза и их утопические надежды на буржуазное «перерождение» социальных устремлений трудящихся нашей страны. А еще показательнее, пожалуй, те вынужденные полупризнания зарубежной печати, из которых видно, как от полного пренебрежения к возможностям нашей страны в первые дни революции она постепенно переходит ко все более трезвой их оценке. Даже за наиболее самоуверенными угрозами развязать войну против социалистических стран явственно ощущается невольный страх перед новым международным форпостом миролюбия — крепнущим лагерем социализма.

1. В БОРЬБЕ ЗА ПРИЗНАНИЕ

8 ноября 1917 г. американские газеты опубликовали телеграмму о победе Октябрьской революции. И первым откликом буржуазного мира на эту волнующую весть, окрылившую весь мировой пролетариат новой радостной надеждой, была бурная биржевая паника. 9 ноября в «Нью-Йорк таймс» сообщалось: «Вчера биржа пережила наиболее сильное падение акций. Причиной послужило известие о свержении правительства Керенского. Падение акций было тем более чувствительным, что оно произошло совершенно неожиданно, в разгаре исключительного роста цен». Говорят, что «бумага все стерпит». Однако на этот раз даже самые солидные биржевые бумаги, именуемые «ценными» (хотя в условиях социализма они сразу лишились бы всей своей мнимой ценности), при первом же известии о социализме в действии почувствовали себя дурно и вдруг покатились вниз, к ужасу всех их держателей. Факт, не лишенный символического значения.

В числе особо красочных откликов на победу Октября можно привести следующее излияние английского министра Уинстона Черчилля, в кото-

[1] «Мировая экономика и международные отношения», 1957, № 4.

ром этот хитроумный Одиссей современного капитализма дал полный простор своим чувствам.

«Навеки погибли империя Петра Великого и либеральная Россия, о которой так долго мечтали, и Дума, и только что созванное Учредительное собрание...» — оплакивал этот джентльмен старую Россию, к которой никогда не питал особых симпатий. А затем уже вполне откровенно излил свои чувства и к новой, социалистической стране: «Верховный большевистский комитет — эта нечеловеческая или сверхчеловеческая организация, как вам угодно... взял власть 8 ноября» [1].

В книге «Мировой кризис» Черчилль не раз высказывал злобные суждения о Советской стране. «Ее правители,— писал он,— обманутые естественными и экономическими факторами, обречены из-за своих убеждений на продолжительное прозябание и самоистязание» [2]. Но истекло не так уж много лет, как ему самому пришлось искать спасительной помощи у Советского Союза. Всем памятны годы второй мировой войны. Черчилль не торопился в течение двух лет создать «второй фронт», чтобы прийти на помощь советскому фронту. Когда же, наконец, «второй фронт» образовался на Западе и был глубоко прорван немцами в Арденнах, то, по просьбе Черчилля от 6 января 1945 г., Советская Армия, как известно, срочно пришла на помощь Западному фронту и спасла англо-американские войска от неминуемого разгрома.

Так посмеялась сама история над близорукостью иных стратегов современного капитализма.

В числе первых же откликов на Октябрьскую революцию прозвучал и чрезвычайно характерный голос официальной Америки. В те же дни американский посол в России Фрэнсис заявил, что «большевистское правительство не продержится долго». А в конгрессе США вскоре устами некоего Поиндекстера были сделаны и все вытекающие отсюда выводы. «Россия,— заключил этот прыткий джентльмен,— является просто географическим понятием, и ничем больше она не будет. Ее сила сплочения, организации и восстановления ушла навсегда. Нация не существует». Поэтому перед США стоит важная задача «как следует распорядиться Россией, ее 170-миллионным населением и ее безграничными продовольственными, топливными и металлическими ресурсами». Как деловые люди, американцы сразу же решили унаследовать от большевиков это «географическое понятие» с его безграничными ресурсами.

Во французском посольстве в Петрограде, по свидетельству буржуазной прессы, в середине ноября 1917 г. были убеждены, что большевики продержатся не более 8—10 дней. В лондонской «Таймс» от 19 ноября того же года сообщалось о большевиках: «Гарнизон поддерживает их, и хотя они сильны, у них не хватит ума управлять страной». В передовой «Дейли телеграф» от 5 января 1918 г., возражая против признания Советов, пророчествовали о том, что русское правительство «может быть сметено в любой час, и ни один здравомыслящий человек не даст им больше, чем один месяц жизни». Месяц спустя, в феврале 1918 г., американский посол Фрэнсис сообщил своему правительству: «Немцы в семидесяти верстах от Петрограда. Они могут быть в городе через сорок восемь часов». А консул США в Москве Саммерс в том же месяце телеграфировал государственному департаменту: «Германские войска грузятся в эшелоны для занятия Москвы».

Даже простой перечень таких сенсаций западной прессы был бы слишком громоздким и утомительным. По подсчету Джорджа Сельдеса, только газета «Нью-Йорк таймс» сообщила «о конце Советов или об их крахе точно 91 раз за три года (1918—1920). «Нью-Йорк таймс» сдавала

---

[1] W. S. Churchill. The World Crisis. The Aftermath. London, 1929, p. 80.
[2] Ibid., p. 455.

Петроград белым русским генералам шесть раз. Русская столица (Москва.— *С. С.*) также была накануне захвата три раза; она дважды сжигалась и еще два раза была в состоянии паники. Петроград, согласно сообщениям «Нью-Йорк таймс», а это значит, согласно информации Ассошиэйтед Пресс и всех утренних газет США, шесть раз восставал против большевиков» [1].

Прогнозами о неминуемой гибели большевиков утешалось немало самых ярых наших врагов. Только сроки этой гибели отодвигались ими на все более отдаленные даты. В 1917 г. эти сроки исчислялись днями и неделями, в 1918 г.— месяцами. В феврале 1919 г. маршал Фош на Парижской мирной конференции предрекал наш конец уже с большим запасом времени: «1919 год увидит конец большевизма». Однако и в 1921 г. советский строй в России, по свидетельству пророков из газеты «Морнинг пост», все еще доживал свои «последние годы». 5 января 1926 г. нефтяной король Генри Детердинг в той же «Морнинг пост» снова обещал, что уже «через несколько месяцев Россия вернется к цивилизации», а «с большевизмом в России будет покончено еще в текущем году» [2]. Наконец, в 1928 г. наш старинный «доброжелатель» Уинстон Черчилль великодушно отложил «конец» большевизма еще сразу на целых семь лет, до 1935 г. Но, как известно, и в этом году вместо конца большевизма наблюдалось лишь начало нового бурного подъема социалистического соревнования в стране. Так проходили все сроки и умолкали посрамленные пророки. А Советский Союз становился все богаче и крепче.

В подкрепление многочисленных прогнозов о гибели советского строя не раз уже подводилась и идеологическая база. Так, например, английский профессор Диллон, считавшийся знатоком истории России, писал в 1918 г., что «в большевистском движении нет и следа конструктивной или социальной идеи». В четырехтомном труде «Русская революция» Клода Анэ, вышедшем в 1918—1919 гг., Октябрьская революция объяснялась особыми свойствами русского народа и, в частности, тем, что «русская мысль никогда не была философской», а «русский народ всегда был склонен к лени» [3]. В английском парламенте член парламента Хальфорд Мэкиндер, говоря о России, заявлял: «Вы надеетесь, что демократия может развиваться, когда около 85% народа (России.— *С. С.*) не умеет читать, когда интересы этих 85% не выходят за пределы того района, в котором они живут? Я не думаю, что демократия может у них развиваться». А другой член парламента — консерватор Лайл тут же подкрепил мнение своего коллеги вздорным слухом, «что благодаря отсутствию дисциплины и порядка на русских фабриках рабочие советы и фабричные комитеты уничтожены и назначены директора с неограниченной властью над рабочими». Глава правительства буржуазной Чехословакии Т. Г. Масарик задавался вопросом: «Как можно иметь в России научный социализм, когда жители ее не умеют ни читать, ни писать?» [4]. Находились и «социалисты», осуждающие большевизм как «безумную попытку... провести в жизнь неосуществимую программу» [5]. «Форвертс» не верила «в вечное существование большевистского господства» [6].

Однако в рабочей среде на Западе явное сочувствие этому режиму неудержимо росло и ширилось. «Освобождение России и создание Рабочей Республики воодушевляет рабочих всего мира,— свидетельствовал об этом, например, в 1920 г. один из популярнейших в те годы рабочих лиде-

---

[1] G. Seldes. The Facts are... New York, 1943, p. 17—18.

[2] М. Сейерс и А. Кан. Тайная война против Советской России. М., 1947, стр. 174—175.

[3] Claude Anet. La révolution russe, v. III. Paris, 1919, p. 13. 15.

[4] T. G. Masaryk. Sur le bolchéviswe. Genève, 1921, p. 9.

[5] См., например, книгу John Spargo. Greatest Failure in all History. N. Y., 1920.

[6] «Vorwärts», 5.IX.1918.

ров США, Юджин Дебс.— Это народное правительство — яркая звезда на политическом небе, которая будет освещать путь миру, она (республика) является великой надеждой человечества, и ее пример приведет к освобождению рабочих всего мира...» [1]. А в Англии это сочувствие рабочих масс Советской России выражалось весьма энергично и на деле. Здесь в 1919 г. возникла чрезвычайно активная организация «Руки прочь от России», а в августе 1920 г. конференция тред-юнионов и других рабочих организаций создала Национальный комитет действия с полномочиями в случае объявления войны Советской России немедленно призвать массы к всеобщей забастовке. И это, конечно, оказало свое влияние. Немало надежд на освобождение от колониального гнета пробудила Октябрьская революция и в странах Востока.

Но, конечно, то, что являлось надеждой пролетариата, не могло не возбуждать тревоги, прямого или скрытого противодействия со стороны его классовых врагов.

Одна из таких контрмер была, между прочим, осуществлена президентом США Вильсоном. Советская Россия отчаянно боролась с контрреволюцией и голодом. И это возбуждало еще большее к ней сочувствие в рядах мирового пролетариата. Чтобы направить это сочувствие в наиболее аполитичное русло благотворительности, а кстати подкормить и русскую контрреволюцию, президент Вудро Вильсон создает свою организацию АРА с целью помощи голодающим (а также шпионажа) в России.

Чему же, каким политическим задачам служило это «архигуманное» мероприятие?

Сам Вильсон в своем послании конгрессу США от 11 января 1919 г. избрал такую мотивировку: «Большевизм неуклонно продвигается на Запад. Он охватил уже Польшу и отравляет Германию. Его нельзя остановить силой, но можно остановить продовольствием...» [2]. Возвращаясь к тому же вопросу о большевизме в одном из своих выступлений в сентябре 1919 г., Вильсон говорил: «Я говорю о России, но разве не видели вы симптомов распространения этого хаотического состояния на другие страны?.. Этот яд бежит по венам всего мира... Апостолы Ленина среди нас» [3].

Идея интервенции против большевиков с первых же месяцев после Октября зрела в лагере бывших союзников России. Показательно, например, что американский посол Шарп срочно телеграфировал из Парижа в государственный департамент США уже в январе 1918 г., что «достаточно будет трех или четырех японских или американских дивизий, чтобы свергнуть власть большевиков». Значит, интервенция против революционного русского народа замышлялась вчерашними союзниками России уже в эти дни.

Но сначала им надо было еще справиться с Германией. И, очевидно, поэтому интервенция откладывалась. А может быть и потому, что преувеличенные надежды возлагались на возможность внутреннего распада многонациональной российской державы. Английский посол в Париже лорд Берти так и писал в декабре 1918 г. в своем дневнике: «Нет больше России! Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами в Средней Азии и кавказскими княжествами».

---

[1] «Speeches of Eugene V. Debs», N. Y. 1928, p. 70.

[2] S. Bane and R. Lutz. Organization of American Relief in Europe 1918—1919. California, 1943, p. 177.

[3] «The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace», vol. II, p. 108.

Этот циничный план, рассчитанный на разложение и распад России, кое-кому казался, по-видимому, верхом буржуазной мудрости. Центробежные силы всех ущемленных в царской России народностей действительно были велики. Никаким буржуазным клейстером их не удалось бы снова склеить после того, как распались сковывавшие их цепи. Но, начав с провозглашения ленинского принципа самого широкого национального самоопределения всех народов, новый строй сцементировал их между собой великой дружбой и полным равноправием.

Однако надежды на внутренний самораспад Советской России уже с 1918 г. подкреплялись все более тесным кольцом внешней экономической блокады и прямыми вооруженными вторжениями в Россию ее вчерашних союзников. Еще накануне Генуэзской конференции один из бывших представителей иноземного капитала в России — француз Омон, возлагая большие надежды на блокаду, писал: «Советы еще храбрятся, но положение их отчаянно... С точки зрения экономической они прижаты к стене» [1]. Но интересы блокирующего нас антисоветского окружения были слишком противоречивы. И советская дипломатия, начиная с 2 февраля 1920 г., успела заключить мирные договоры с «буферными» государствами — Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей, а 16 апреля 1922 г.— и с ущемленной Версальским договором Германией. Тем самым удушающее нас кольцо блокады было окончательно прорвано.

С военной интервенцией было покончено еще раньше. Нам нет нужды останавливаться на том, что представляла собой эта интервенция. Ее характер достаточно хорошо изображен самими интервентами. «Находились ли союзники в состоянии войны с Советской Россией?» — спрашивает в своей книге «Мировой кризис» Уинстон Черчилль и в припадке откровенности отвечает: «Конечно нет. Но они стреляли в советских людей, как только те попадались им на глаза. Они находились на русской земле как завоеватели. Они вооружали врагов советского правительства. Они блокировали его порты. Они топили его военные суда. Они страстно желали его гибели и строили планы его сокрушения» [2].

Говоря проще, это был самый беспримерный разбой на большой дороге и прямое издевательство над чувствами народа, который только что пролил целые реки крови в защиту чуждых ему интересов тех же «союзников». Интервенты чувствовали себя при этом совершенно безответственными перед судом истории и своих современников. Но после того, как внутренняя контрреволюция в Советской России была на всех фронтах наголову разбита, им пришлось несолоно хлебавши уносить из нашей страны свои ноги. И в этом уже сказался суд истории. Дело в том, что если зарубежные правители «страстно желали» нашей гибели, то народы Запада совсем не разделяли этих чувств и, наоборот, все определеннее обнаруживали свое сочувствие идеям революции. Прекрасно осведомленный об этом английский премьер Ллойд Джордж еще в 1919 г. на Парижской мирной конференции предостерегал своих соратников по интервенции: «Повсюду среди рабочих наблюдается глубокое чувство не только недовольства, но и гнева, и возмущения против довоенных условий. Весь существующий порядок в его политической, социальной и экономической формах ставится под сомнение массами населения из одного края Европы в другой ее край» [3].

А когда западноевропейским интервентам пришлось спешно убраться из Советской России, тот же Ллойд Джордж выступил со следующим признанием: «Пришло время, чтобы убедиться в том, что Советы долговечны,

---

[1] «L'Eclair», 16.II.1922.

[2] W. S. Churchill. The World Crisis. The Aftermath, p. 235.

[3] D. Lloyd George. The Truth about the Peace Treaties. London, 1938, v. I, p. 407.

безразлично от того симпатичны они нам, или нет, и что, по-видимому, тем или другим из грозных государственных людей, управляющих ныне Россией, придется управлять ею еще многие годы. Чем скорее мы будем иметь мужество признать этот факт, тем раньше установится прочный мир» [1].

С возобновлением нормальных дипломатических отношений с Англией (2 февраля 1924 г.), Францией (28 октября 1924 г.) и Японией (15 апреля 1925 г.) закончился первый период военных испытаний прочности новой, социалистической державы. Она с боями доказала свое право на мирное сосуществование с капиталистическим окружением.

2. НА ТВОРЧЕСКОМ ПОДЪЕМЕ

Победоносно закончив гражданскую войну, Советское государство сразу же направило все свои силы на хозяйственное возрождение страны. Уже в 1921 г. были провозглашены начала так называемой новой экономической политики. От вынужденных крайностей военного коммунизма страна перешла к формам более свободного экономического развития. Продразверстка была заменена продналогом. Отпали запреты мелкой частной торговли. Была открыта возможность мелкого предпринимательства и даже крупных иноземных концессий на определенных условиях. И хотя условия эти совсем не привлекали к нам иностранные вложения, среди некоторых недальновидных слоев буржуазии создавалось впечатление явной «идейной капитуляции» большевизма.

На Западе расцветали в связи с этим несбыточные надежды. Близкий к Ллойд Джорджу «Обсервер» сообщал 3 апреля 1921 г.: «Свободная торговля может послужить могилой для коммунизма в России, и Ленин признает возможность возвращения капиталистов и помещиков». Еще решительнее это подтвердил сам Ллойд Джордж, заявив в палате общин, что большевики отходят от коммунизма и эволюционируют к капитализму. В связи с введением в Советской России нэпа злобно торжествовал Уинстон Черчилль, заявляя о «полном крахе ее социалистических и коммунистических теорий» [2]. «Возврат Ленина к капитализму развивается гигантскими шагами»,— захлебывалась от радости «Морнинг пост» в июне 1921 г. Солидная «Таймс» в большой статье «Русские факты и теория», опубликованной тогда же, доказывала, что начавшийся процесс восстановления капитализма нельзя остановить, и убеждала, что «судьба коммунизма в России решена». Во Франции вдохновитель буржуазной реакции Раймонд Пуанкаре писал в «Ревю де дё монд» 15 января 1922 г.: «Ленин уже учредил Государственный банк, который имеет все признаки капиталистического учреждения, и нет ничего невозможного в том, что русская революция рано или поздно закончится тем, что обуржуазится».

Это уже было явное самообольщение. Наши враги очень охотно принимали желаемое за действительное. Они готовы были пожинать все плоды «идейной капитуляции» большевизма. В английском парламенте в июле 1922 г. консерватор Гопкинсон заверял свою аудиторию, что Советское правительство будет вынуждено предоставить иностранным капиталистам в концессию большие области страны, население которых перейдет в подданство концессионерам [3]. Он уже рисовал бредовые картины колониального господства иноземного капитала на территории бывшей Российской империи. Обольщаясь надеждой на «идейное перерождение» большевизма, такие лидеры интервенции, как Ллойд Джордж и др., тем охотнее пошли на мирные переговоры с Советской Россией, что в военных

---

[1] Д. Ллойд Джордж. Мир ли это? Л.— М., 1924, стр. 202.
[2] «The Manchester Guardian», 9.VI.1921.
[3] Parliamentary Debates. House of Commons, 26.VII.1922, v. 157, № 106, col. 521.

своих авантюрах они уже не раз были здесь биты, финансы их были истощены, армии утомлены многолетней войной и никакого энтузиазма к новым авантюрам возбудить в народах Запада не представлялось возможности.

Между тем, пользуясь этой передышкой, Советская Россия уже к 1926 г. восстановила полностью довоенный уровень производства и поставила перед собой новую задачу грандиозной реконструкции своего хозяйства. В 1928 г. продукция крупной советской индустрии уже в полтора раза превысила уровень 1913 г. Но это все же был невысокий уровень. Коммунистическая партия Советского Союза одобрила план индустриализации страны, по которому продукцию всей планируемой промышленности требовалось поднять за пять лет (1928/29—1932/33 гг.) в 2,8 раза (на 179%)! Это было небывалое доселе плановое задание. Оно предполагало ежегодный прирост продукции в среднем около 23%, в то время как даже темпы США не превышали 3—4% в среднем за год.

Наша первая пятилетка, конечно, привлекла к себе внимание зарубежной критики. Она подверглась нападению с самых различных сторон. Прежде всего заволновались деловые круги США. Журнал «Бизнес уик» от 9 апреля 1930 г. объявил, что пятилетний план большевиков представляет собой гигантскую кампанию демпинга с целью подорвать капитализм и осуществить мировую революцию. Крайним скептицизмом в отношении реальности этого плана отличалось большинство буржуазных откликов. Так, например, американский сенатор Б. Уилер, неоднократно посещавший Советский Союз в 20-е годы, писал о большевиках в октябре 1930 г. в газете «Вашингтон геральд»: «Мне кажется, что даже при наиболее удачном стечении обстоятельств они пытаются осуществить невыполнимую задачу. Прибавьте к этому то, что они начали действовать с невежественным, неграмотным народом, большая часть которого жила в условиях средних веков, поэтому можно сделать только один вывод — это невозможно». Другие деятели буржуазных кругов успокаивали самих себя. «Не тревожьтесь по поводу пятилетнего плана,— заявил, например, журнал «Нейшнс бизнес» в июле 1931 г.,— пятилетний план — бумажная программа». Того же мнения придерживался и журнал «Бэрроус».

Бывший президент США и бывший акционер предприятий, национализированных в России в годы революции, Герберт Гувер в подозрительной заботе о западной культуре дарил миру в 1931 г. такие признания: «Говоря по правде, цель моей жизни — уничтожение Советской России... Существование советского строя ставит под угрозу все прошлое, настоящее и будущее нашей западной культуры» [1]. Напоминая о пропавших акциях, успехи советской пятилетки причиняли Гуверу и чисто личные огорчения, тем более что потеря собственных акций на Советском Востоке была гораздо реальнее фантастических опасений за судьбы западной культуры.

Оригинально расценил нашу первую пятилетку известный итальянский политический деятель Карло Сфорца в своей книге «Диктаторы и диктатуры в послевоенный период». «Главной ошибкой советского правительства,— писал этот «провидец»,— окажется, по всей вероятности, его пятилетний план. Из этого опыта Советский Союз выйдет, вероятно, еще более нищим, голодным и униженным, чем он был раньше» [2]. И это было написано в 1931 г., т. е. на третьем году блестящих успехов первой пятилетки, когда продукция крупной промышленности СССР уже превысила вдвое уровень 1928 г. и в нашей стране были окончательно изжиты бедствия унаследованной от старого строя безработицы. Впрочем, Сфорца мог и не доглядеть этого из-за рубежа. Но вот перед нами книга американца Э. Уолтера «Решающий год для России», опубликованная в 1932 г.

[1] «Новое время» 1947, № 46, стр. 5.
[2] C. Cforza. Dictateurs et dictatures de l'après-guerre. Paris, 1931, p. 189—190.

В качестве корреспондента газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Уолтер провел в СССР целых шесть месяцев, исколесив 24 тыс. км по стране. И все же основной задачей его книги было доказать, что пятилетний план не будет осуществлен. В заключении своей книги он самоуверенно предрекал: «Поднять 160-миллионный народ от феодализма до века современной техники за пять лет — героическая, но абсурдная мечта!» [1].

А между тем, как известно, вопреки этому запоздавшему замогильному «прогнозу» первая пятилетка была с блеском досрочно завершена именно в 1932 г.

Можно было бы изумляться куриной слепоте подобных прогнозов о судьбах СССР, если бы мы не знали, что ненависть ослепляет, а бывает также и «слепота» по заказу. Не следует, однако, думать, что все зарубежные оценки нашей действительности страдали подобной слепотой. Не только в рабочей среде, но и в буржуазных кругах находились люди, смотревшие правде прямо в глаза. Так, американский полковник Рэймонд Робинс, пробывший в России до лета 1918 г. и неоднократно встречавшийся с В. И. Лениным, писал в 1920 г.: «Проверенная жизнью Советская республика оказалась не слабым организмом — это было мощное целое, создающее свою мощь посредством собственной силовой станции»; «...Большевизм — это система, которая в действительности может организовать миллионы людей в управляемый социальный организм». Вся жизнь советского общества, по наблюдениям Робинса, была пронизана идеей, «подобно плану города, еще не созданного, но уже начертанного на кальке, улица за улицей, который должен стать вечным городом объединенного человечества» [2].

А вот как писал о большевиках весной 1919 г. известный американский журналист буржуазный радикал Линкольн Стеффенс, побывавший несколько раз в Советской России в первые годы после революции: «Они медленно истощаются, едят раз в день, но они бедствуют одинаково, и народ знает, что Ленин получает то же, что и другие квалифицированные рабочие. Несмотря на то что у них тиф, оспа и другие болезни, они держатся хорошо — интервенция и угрозы ею сплотили их. Но что я лично узнал с наибольшим удовлетворением — это то, что они действительно победили старый порядок, при котором мы живем, заложили и строят коммунистическое государство...» [3].

Вот что могли увидеть в нашем будущем люди без повязок на глазах еще в те давние героические годы нашей революции.

И в более поздние годы первой пятилетки некоторые буржуазные деятели выступали с довольно трезвыми оценками. Так, уже в условиях самого тяжелого кризиса в США вице-председатель Экспортной ассоциации американских фабрикантов Элдридж заявил в апреле 1931 г.: «Цель пятилетнего плана не в том, чтобы дать России возможность завоевать чужие рынки. Россия покупает машины, чтобы удовлетворить свои внутренние потребности и повысить жизненный уровень. Рудники, электрические станции, заводы создаются для того, чтобы удовлетворить большие потребности самих русских. Советский Союз всегда останется хорошим рынком для наших экспортных товаров в этой области» [4]. Этот трезвый прогноз оправдался, и советско-американские торговые связи после установления дипломатических отношений между двумя странами стали быстро развиваться. Однако после второй мировой войны правящие круги США сами отгородились от советских заказов новым барьером запретов и торговых дискриминаций.

---

[1] E. Walter. Russia's Decisive Year. N. Y., 1932, p. 267.
[2] William Hard. Raymond Robins' Own Story. N. Y.— London, 1920, p. 185, 190.
[3] L. Steffens. The Letters of Lincoln Steffens. 1889—1919, v. 1, N. Y., p. 463
[4] «Мировое хозяйство и мировая политика», 1931, № 7—8, стр. 177.

Наряду с этим можно отметить и отклики Берлинского конъюнктурного института, который еще в мае 1931 г. признал, что «среди всех стран мира... охваченных кризисом, Россия представляет исключение», что «плановое развитие русского хозяйства сделало дальнейшие успехи». В отношении советской пятилетки институт сделал следующее замечание: «Удастся она или не удастся, об этом еще не сказано последнего слова, но факт, что в течение последнего времени общественное мнение всего мира уже начало отказываться от прежней презрительной усмешки. Теперь люди рассуждают так: если план будет осуществлен всего на 50%, то и это будет фактором, значение которого в мировом хозяйстве все более возрастает»[1]. А когда через год стало известно, что план все же выполнен полностью, и даже не в пять лет, а на девять месяцев раньше срока, то тому же Берлинскому институту пришлось удостоверить и еще один неожиданный факт, что СССР по объему своей индустриальной продукции уже в 1932 г. вышел на первое место в Европе.

После этого, как известно, буржуазная пресса не могла уже удержаться от целого потока откровенных признаний.

«Коммунизм гигантскими темпами завершает реконструкцию... В состязании с нами большевики оказались победителями»,— писала, например, французская газета «Тан». «Достижения пятилетнего плана представляют собой изумительное явление. Тракторные заводы Харькова и Сталинграда, автомобильный завод АМО в Москве, автомобильный завод в Н.-Новгороде, Днепровская гидроэлектрическая станция, грандиозные сталелитейные заводы в Магнитогорске и Кузнецке, целая сеть машиностроительных и химических заводов на Урале, который превращается в советский Рур,— все эти и другие промышленные достижения во всей стране свидетельствуют, что, каковы бы ни были трудности, советская промышленность, как хорошо орошаемое растение, растет и крепнет...» — свидетельствовал английский буржуазный журнал «Раунд Тэйбл». «Не пытайтесь недооценивать русских планов и не делайте ошибки, надеясь, что Советское правительство может провалиться... Сегодняшняя Россия — страна с душой и идеалом. Россия — страна изумительной активности... Быть может, самое важное — в том, что вся молодежь и рабочие в России имеют одну вещь, которой, к сожалению, не достает сегодня в капиталистических странах, а именно — надежду»,— меланхолически звучал предостерегающий голос английского капиталиста, председателя банка «Юнайтед доминион». «Четыре года пятилетнего плана принесли с собой поистине *замечательные достижения... Лицо страны меняется буквально до неузнаваемости...* Впервые в истории Россия добывает алюминий, магнезит, апатиты, йод, поташ и многие другие ценные продукты. *Путеводными точками советских равнин не являются больше кресты и купола церквей, а зерновые элеваторы и силосные башни... Россия начинает «мыслить машинами»*»,— деловито подытоживал наблюдения туристов буржуазный американский журнал «Нейшнс».

Подобных высказываний можно было бы привести немало.

3. В СОРЕВНОВАНИИ ДВУХ СИСТЕМ

Вслед за первой пятилеткой вступил в действие второй пятилетний план с еще более грандиозными заданиями на 1932—1937 гг. После опыта первой пятилетки выступать с новыми прогнозами о «провале» советских планов было уже гораздо труднее. Правда, и в 1932 г. вышла еще книжка американского инженера Рукэйсера с выражением надежды, что энтузиазм, вызванный первым пятилетним планом, исчезнет и Советский Союз встанет перед экономическими трудностями[2]. Но энтузиазм не ослабевал.

[1] «Frankfurter Zeitung», 10.V.1931.

[2] M. Lovenstein. American Opinion of Soviet Russia. Washington, 1941, p. 136.

Если за первую пятилетку выработка рабочих в СССР поднялась на 41%, то за вторую, в связи с небывалым еще подъемом социалистического соревнования, производительность труда возросла уже на 82%! Тактика замалчивания советских успехов в зарубежной буржуазной прессе стала с тех пор явно преобладать над мифическими прорицаниями нашей гибели.

Но зато, когда и вторая пятилетка оказалась досрочно выполненной, тем радостнее прозвучали для нас из-за рубежа иные голоса. «Создан новый мир,— писал в марте 1937 г. в газете «Дейли геральд» английский профессор Гарольд Ласки.— Подобно эпохе Ренессанса, русская революция означает огромный этап в развитии человечества. Ее цели и достижения питают наши надежды на будущее». Из Франции звучал голос нашего верного друга Ромена Роллана: «Юной Октябрьской революции, празднующей сегодня свое двадцатилетие, я приношу благодарное приветствие сыновей старой революции Запада... Вы, советские товарищи, подняли факел, выпавший из наших рук, и в руках вашего великого Ленина, разжегшего пламя, свет свободы засиял на весь мир... Ваша мощная твердыня возвышающаяся над Европой и над Азией, служит им оплотом» [1].

К этому времени социализм в СССР можно было уже считать построенным, и перед нами встала новая цель постепенного перехода к высшей фазе коммунизма. А в связи с этим перед страной была поставлена уже и основная задача в экономическом соревновании с капиталистическим миром — догнать и перегнать наиболее развитые страны этого мира по производству на душу населения. Для решения этой задачи и в мирных условиях потребовалось бы несколько пятилеток. Но этих условий нам не дано было даже на одну третью пятилетку.

Выполняя третий пятилетний план не менее успешно, чем второй, мы все шире раздвигали грани индустриального развития СССР. С каждым годом возрастала экономическая мощь Советского Союза. А вместе с тем росла и его обороноспособность. Недаром даже Черчилль, который еще в 1928 г. в беседе с Теодором Драйзером оспаривал военное значение СССР, в 1939 г. признал, что Россия является наиболее передовой военной державой в мире [2]. Однако политики и стратеги фашистской Германии в своем ослеплении от успехов в Европе не хотели видеть этого. Легко справившись с англо-французскими армиями, Гитлер, как известно, вероломно вторгся в 1941 г. в пределы СССР. И вместо мирного соревнования наша страна еще раз подверглась жестокому испытанию оружием.

Позорный конец этого гитлеровского похода известен. Но все же очень показательно, что и в этом испытании, в котором мы оказались сильнейшими союзниками англичан и американцев, дело не обошлось без самых мрачных пророчеств о нашей судьбе с их стороны. Уже 27 июня 1941 г. херстовская газета «Нью-Йорк джорнэл энд Америкен» категорически предсказала: «Россия обречена». Председатель комиссии конгресса по расследованию антиамериканской деятельности Мартин Дайс предрек и точный срок нашего поражения: «Через месяц Гитлер завладеет Россией». Можно подумать, что в это учреждение специально подбираются люди, достаточно проницательные, чтобы усматривать даже то, чего нет, и «предвидеть» то, чего не будет.

После того как новый социальный строй в нашей стране с честью выдержал во второй мировой войне суровое испытание огнем и мечом, после того как он увлек своим примером целый ряд народов Европы и Азии, вступивших на путь создания государств народной демократии, игнорировать или замалчивать лагерь социализма, объединивший почти миллиард душ, стало невозможно. Но тем серьезнее становится проблема экономического соревнования двух мировых систем. Лагерь социализма готов

---

[1] «Коммунистический Интернационал», 1937, № 10—11, стр. 43.
[2] «Masses and Mainstream», December, 1955, p. 17.

к сотрудничеству с любой страной, которая обнаружит к этому склонность. И он получил уже немало дружелюбных откликов в ответ на эту готовность. Вот что, например, сказал Джавахарлал Неру советским ученым, прибывшим в Индию в январе 1947 г.: «В течение многих лет мы с интересом взирали на Советский Союз по различным причинам, но больше всего из-за его огромных достижений в последнюю четверть века... Вы изменили лицо вашей страны на наших глазах с быстротой, которая поразила мир. Поэтому теперь, когда мы намерены произвести большие перемены в Индии, мы хотим учиться на вашем примере. Мы желаем знать, что вы сделали и как вы это сделали» [1]. Аналогичные отклики получали мы также из Бирмы, Индонезии, Египта и других стран Азии и Африки.

Нельзя сказать, что с реальными фактами совершенно не считаются все деятели правящих кругов в США и Англии. Влиятельный в США Уэнделл Уилки, посетивший во время войны СССР, заявил, что с Россией придется считаться: «Мы должны научиться работать с ней в одном мире после войны» [2]. И в Англии раздаются трезвые голоса. «В настоящее время,— пишет Фрэнсис Уильямс, бывший советник английского премьера Эттли,— имеются только три сильные мировые державы — Америка, Россия и Британия... Если они смогут сотрудничать, каждая из них может спокойно жить. Если нет — ни одна из них не будет чувствовать себя в безопасности» [3].

Учитывая известное всему миру миролюбие СССР и эти трезвые голоса в буржуазном мире, казалось бы, нетрудно при всех идейных расхождениях договориться о мирном сотрудничестве и экономическом соревновании двух ныне сталкивающихся систем. Мешает этому, по-видимому, только ничем не оправданное стремление со стороны правящих кругов крупнейших стран лагеря капитализма, и особенно США, «с позиции силы» навязать свою волю лагерю социализма, вести дело к мировой войне. Отсюда и разрыв экономических и культурных связей, и разорительная гонка вооружений, и опаснейшие испытания термоядерного оружия...

«Холодная война» оказалась неспособной помешать быстрому экономическому развитию Советского Союза. По-прежнему социалистическая индустрия намного опережает по темпам своего развития США. Сами американцы недавно на страницах журнала «Форчун» признали, что рост советской промышленности за 1950—1955 гг. составлял 10% в год, в то время как в США он был не выше 4% [4]. Кстати сказать, по отчетным данным, наш рост за эти годы достигал не 10%, а 13% в год [5]. Спор идет лишь о том, сколько лет еще потребуется СССР, чтобы перегнать США и по абсолютному уровню продукции. При этом в февральском номере журнала «Форчун» исходят из допущений, что уровень промышленного производства в СССР не выше 40% (?) от уровня США, причем он будет расти и дальше, а в США он увеличивается лишь на 4% в год. Момент возможного обгона США Советским Союзом по этому уровню исчисляется авторами статьи не позднее 1970 г. [6] В июльском же номере редакция «Форчун» предпочитает уже другой вариант расчета, по которому американской промышленности проектируется рост по 4% в год на целых 50 лет вперед, а советской (на тот же срок) — не выше 6%, «учитывая кризис советского капитализма» (?!). Этот прогноз тоже не исключает, но все же как будто «отодвигает» неизбежный исход соревнования, как этого хотела бы буржуазная статистика США.

---

[1] «Новое время», 1947, № 11, стр. 26.
[2] Wendell L. Willkie. One World. N. Y., 1943, p. 37.
[3] Francis Williams. Fifty Years March. London, 1949, p. 365.
[4] «Fortune», July 1957.
[5] «Народное хозяйство СССР в 1956 году», 1957, стр. 36.
[6] «Fortune», February 1957.

Очень забавна при этом ссылка американцев на советский «кризис» на целых 50 лет вперед при 6% ежегодного роста, в то время как в США даже хроническое «процветание» не сулит больше 4% прироста производства. Уже одно лишь такое признание адвокатов капитализма удостоверяет полную безнадежность его позиций. Но важнее всего то, что кризисы как раз свойственны капитализму и полностью чужды социалистическому хозяйству. За весь период существования Советского Союза мы их не знали. За 1956 г. прирост продукции в СССР составил 11% и за 1957 и 1958 гг.,— не менее 10%. Откуда же извлекла пресловутые 6% редакция «Форчун»? А вот американцам процветание на 50 лет вперед никто еще не гарантировал. И об этом напрасно забыли в редакции «Форчун».

Такие статьи, как в этом журнале, переполненные самой грубой ложью и дезинформацией по адресу СССР, едва ли делают честь американской прессе, даже в условиях обострения «холодной войны». Но крайне любопытен отклик одного из американских читателей, помещенный в апрельском номере «Форчун». Этот читатель, Генри Липпит, недавно побывавший в СССР, пишет, что советская экономика отнюдь не сталкивается с кризисом, а уверенно идет по пути роста и процветания и что журнал «Форчун» «оказывает дурную услугу, пытаясь списать со счетов почти невероятные успехи, достигнутые Советским Союзом в последние годы». Такие отклики уже тем хороши, что, осуждая явную дезинформацию, они служат делу мира и взаимопонимания народов.

Конечно и в нашей стране еще очень многого не достает. И мы очень чутко прислушиваемся к критике, откуда бы она ни исходила. Это верно, что наша страна была в прошлом полуграмотной и очень отсталой. Но мы давно уж ликвидировали свою неграмотность и некультурность, да и былую отсталость в разных областях все полнее ликвидируем с каждым годом. Это верно, что, добиваясь прежде всего больших успехов в индустриальном своем развитии, мы столкнулись с некоторым отставанием сельского хозяйства. Но партия и правительство сделали все необходимые выводы и, наметив крупный подъем в этой области, за самый краткий срок добились значительных результатов и в расширении зерновой и кормовой базы и в области животноводства. Это верно, что у нас еще недостаточно высок и уровень жизни трудящихся масс в стране, хотя он намного выше, чем в старой России и многих современных странах капитализма. Но нас это все же не устраивает. А потому и на этом пути мы наметили очень серьезный сдвиг. Заметно, на целую треть, повышена заработная плата низкооплачиваемых рабочих и служащих. Повышены сразу в полтора раза ставки пенсионного обеспечения трудящихся. Сокращается рабочий день во всех отраслях производства. Значительно расширен план жилищного строительства. Поставлена задача перегнать США уже в ближайшие годы по производству молока, масла и мяса на душу населения.

Однако и доныне еще некоторые из политиков империализма очень охотно подчеркивают, что «огромный рост тяжелой и военной промышленности» в СССР «не сопровождался быстрым расцветом сельского хозяйства... и всего сектора экономических усилий, направленных на повышение жизненного уровня населения» [1]. Но другие более объективные наблюдатели заметили все же новые усилия нашей страны по подъему сельского хозяйства и повышению жизненного уровня. И, усматривая в них особую опасность для капиталистических порядков, уже давно бьют тревогу.

Эту «опасность», угрожающую апологетам империализма, один из крупных буржуазных экономистов — Гувер (однофамилец бывшего президента) предвидел еще в 1930 г. «Если придет время,— писал он,— когда более высокий уровень жизни, в части элементарного комфорта, сможет

---

[1] См., например, статью Т. Уитни в «New Republic», 29.IV.1957.

быть предложен коммунизмом большинству трудящихся классов капиталистических стран, возникнет весьма серьезное положение...»[1].

Именно в наши дни, когда идет *конкретное* соревнование за высшие нормы молочного и мясного питания рабочих, за килограммы масла и сахара на душу населения, и за общий уровень жизни трудящихся, вопросы эти приобретают особую остроту. Серьезность положения на фронте экономического соревнования стран социализма и капитализма начинают понимать ныне и в США. Характерно в этом отношении выступление по докладу Эйзенхауэра вице-президента АФТ — КПП Рейтера от 10 февраля 1959 г. Возглавляя профессиональные объединения США, Рейтер выразил серьезное беспокойство по поводу большой безработицы в США, продолжающегося застоя во многих отраслях промышленности и перспектив дальнейшего экономического развития страны. Застой экономического развития принес, по выражению Рейтера, *трагические* лишения миллионам семей в Америке, вынудив их урезать расходы на питание и на другие необходимые вещи. С нескрываемым страхом Рейтер заявил, что если в США не будет в самое ближайшее время принято «решительных мер» по ликвидации экономического застоя, то при нынешних темпах развития экономики Советский Союз в ближайшие годы догонит, а затем и обгонит США[2].

Как видим, «американский образ жизни» не столь уж блистательно выглядит даже в оценках своих апологетов. Жаль только, что и Рейтеру не ясно, что наиболее действенной мерой против застоя было бы прекращение «холодной войны» и ликвидация гонки вооружений.

Советские люди менее всего рассчитывают усилить свои позиции в мирном экономическом соревновании за счет лишений трудящихся каких-либо других стран. Преимущества планового хозяйства позволяют им обгонять в темпах роста эти страны не только в годы переживаемых ими кризисных «спадов», но и в лучшие для них годы так называемого «процветания». И, опираясь в этом соревновании на преимущества *социалистических* методов хозяйства, мы отнюдь не стремимся оставить *народы* этих стран где-то далеко за собой — за флагом. Ведь каждый народ, убедившись в преимуществах социализма, имеет возможность использовать их в собственном хозяйстве.

Этот момент еще впереди. Но в условиях мирного соревнования экономических систем он неуклонно и все осязательнее приближается усилиями наших рук и волей наших сердец. И мы с удовлетворением можем оглянуться на пройденный Советским Союзом за 40 лет путь творческого труда и великих достижений.

---

[1] В. В. Куйбышев. Статьи и речи, т. V. М., 1937, стр. 19.
[2] «Правда», 11 февраля 1959 г.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Автоматизация производства 15, 60, 288—309, 320, 342, 347, 419, 420
Автоматизации эффективность 289, 291, 292, 298—308
Автоматика 61, 67, 75, 239, 242, 290, 292, 298, 299, 307, 350, 440
Автоматические линии 61, 294, 299, 300, 306—308, 342
Аграрное перенаселение 362, 363
Автоматизации эффектность 289, 291, 270, 303, 307, 324, 327, 332, 335
Амортизации нормы 269, 271, 272, 331, 332
Амортизационные отчисления 217, 275, 330—332

Баланс народного хозяйства 251—256, 258, 263, 265, 267, 268
Баланс торговый 373, 374, 377, 378, 383, 436
Банк 410, 447
Безработица 80, 115, 118, 133, 140, 141, 146, 152, 295—297, 360, 362, 369, 370, 373, 375, 376, 379, 381, 384, 390, 391, 394, 400, 401, 403, 417, 419, 423, 427, 428, 432
Блокада экономическая 149, 362, 368—370, 378, 388, 391, 421, 446
Бригады коммунистического труда 65, 66, 68, 69, 348
Буржуазия 20, 45, 50, 73, 79—82, 85—87, 90, 94, 95, 98, 112, 125—131, 135, 144, 157, 159, 160, 163, 238, 239, 252, 253, 256, 257, 347, 357, 369—371, 381, 403, 415, 416, 420, 423, 447, 448
Бюджет 23, 29, 30, 33, 35—39, 43, 113, 126, 129—131, 145, 146, 160, 268, 279, 284—287, 360, 404, 413, 414, 416, 418, 440
Бюджет военный 73, 111, 113, 138, 139, 143, 152, 155, 159, 373, 415, 436
Бюджет государственный 33, 76, 77, 101, 112—114, 128, 129, 131, 139, 281, 285, 286, 361, 410

Валюта 40, 114, 131, 132, 134, 394
Валюта золотая 131, 418
Ввоз (импорт) 93, 150, 369, 370, 378, 394
Война 47, 48, 71—83, 85—90, 95—97, 99, 102—104, 111—116, 118—125, 130, 135—137, 139, 142—145, 147—149, 151—154, 156—159, 161, 162, 237, 265, 299, 352—354, 360, 372—374, 376, 378, 388, 391, 393, 395, 396, 398—401, 404, 407, 409, 414, 421, 427, 440, 442, 444, 446, 448, 452
Война гражданская 48, 108, 362, 447
Война первая мировая (1914—1918 гг.) 76, 77, 79, 80, 93, 98, 103, 107, 108, 116, 118, 119, 132, 351, 362, 418
Война вторая мировая (1939—1945 гг.) 75—77, 80, 85, 87, 94, 103, 107, 111, 119, 130, 139, 140, 144, 352, 372, 391, 404, 414, 443, 449, 451
«Война холодная» 125, 130, 131, 135, 140, 141, 144, 145, 147—149, 153, 155, 157—161, 345, 368, 370, 371, 387, 388, 391, 392, 396, 397, 399, 400, 405, 407—410, 420, 421, 424, 452—454
Войны поджигатели 371, 373, 389, 399
Вооружения гонка 73, 75, 125, 138—140, 142, 143, 145, 148, 150, 158, 160, 161, 345, 368, 370, 389, 395, 396, 398—401, 404—407, 408, 418, 425, 431, 452, 454
Воспроизводство 38, 39, 41, 78, 79, 81—83, 219, 221, 251—262, 264, 272—274, 277, 238, 311, 333
Воспроизводство капитала 255, 266
Воспроизводство простое 78, 81, 92, 221, 252, 254, 255, 259, 262, 265, 270, 275, 326
Воспроизводство расширенное 75, 78, 80, 81, 84—86, 112, 213, 214, 221, 222, 226, 239, 251, 253—260, 262—266, 270, 271, 275, 280, 282, 284, 303, 319, 320, 322, 326, 329, 330, 399
Вывоз (экспорт) 121, 146, 150, 365, 366, 376—378, 383, 399, 412
Выработка рабочего 47, 48, 54, 57, 65, 250, 279, 281, 291, 299, 307, 312, 317, 331, 332, 339, 349, 451

Голод 192, 369, 371, 403, 444
Город капиталистический 9—11, 13, 14, 20, 24, 26, 28, 29, 43
Город социалистический 7—13, 16—20, 22—30, 33, 35, 36, 41—43, 338, 434
Госплан 8, 13, 24, 28, 34, 40, 70, 120, 199, 214, 241, 263, 275, 380, 401
Государство 33, 38, 126, 155—157, 246, 326, 342, 343, 394, 395, 449, 451

Деньги 75, 76, 110, 131—133, 137, 138
Доход 80, 113, 114, 125—130, 138, 139, 217, 264, 284, 285, 287, 314, 343, 360
Доход народный (национальный) 30, 38, 69, 79, 85, 89, 101, 117, 126, 129, 220, 222, 239, 253, 259, 260, 262, 264, 266, 267, 280, 285, 295, 314, 327, 343, 349, 350, 353, 378, 400, 405, 406, 423, 425, 429

Животноводство 124, 245, 426, 453

Займы 112—114, 118, 129, 362, 366, 404, 411
Закон 134, 253, 257, 272, 322, 333, 357, 409, 427
Закон средней нормы прибыли 92, 214—216, 323
Закон стоимости 91—93, 215, 227, 228, 231, 253, 272, 336, 338—341
Закон цен производства 323, 338
Закон экономический 134, 265, 270, 287, 311, 318, 350, 384, 389
Заработная плата 30, 32, 34—43, 80, 98, 106, 126—132, 134, 135, 143, 146, 239, 282, 284, 287, 297, 298, 303, 305, 307, 312, 313, 324, 327, 332, 338, 339, 343, 352, 357, 358, 363, 376, 378, 385, 390, 400, 413—416, 430, 432, 438, 453
Здравоохранение 11, 25, 40, 41, 144, 343
Земледелие 163, 177, 179—181, 186, 190, 191, 193, 198, 202, 204, 206, 207, 212, 245, 426

Издержки производства 132, 166, 257, 259, 262, 264, 273—275, 281, 284—286, 297, 302—306, 310—313, 316, 324, 327, 330—332, 339, 341
Издержки обращения 286
Издержки транспорта 227
Издержки труда 284
Импорт (см. ввоз)
Индекс 79, 141, 209
Индекс производительности труда 210, 212, 313, 407
Индекс цен 105, 412, 418
Индекс цен оптовый 407, 410
Индустриализация 17, 36, 52, 97, 119, 153, 261, 382, 414, 422, 451
Инфляция 79, 112, 114, 125, 131—134, 367, 373, 378, 379, 391

Калькуляция 220, 227, 284—286, 313, 315, 317, 323, 325, 331
Капитал 14, 78, 79, 82, 86, 87, 93, 104, 119, 125, 126, 131, 134, 161, 215, 218, 220, 247, 251—253, 258, 266, 279, 283, 284, 297, 304, 329, 330, 335, 337, 340, 403, 441, 447
Капитал авансированный 251, 252, 336
Капитал основной 79, 106, 247, 252, 275, 405
Капитал переменный 82, 85, 251, 252, 255, 257, 259, 321, 336
Капитал постоянный 82, 85, 251, 252, 254—259, 321
Капитала органический состав (строение) 252, 255, 259, 307, 321, 323, 336, 340
Капитальные вложения 22—26, 28, 32, 36, 65, 69, 82, 89, 98, 101, 113, 114, 117, 119, 146, 204, 213, 214, 216—218, 221, 224, 225, 227—229, 231, 254, 260, 261, 263, 298, 300, 302—305, 308, 320, 322—326, 328, 331, 334, 336, 338, 339, 342, 343, 350, 353, 379, 397, 405, 406, 411, 418, 420, 425
Капитальные вложения дополнительные 214, 217, 227, 228, 258, 261, 304, 307, 318, 321, 323, 324, 331
Капитальные вложения начальные 218, 220, 226, 229, 281, 322
Капитальных вложений эффективность 89, 219, 220, 302, 304, 308, 320, 323, 326—330, 332—335, 339, 341
Капитальный ремонт 273, 280
Классы 247, 348, 359, 370, 409, 454
Коллективизация 16, 17, 44, 110, 210, 414
Колхозы 16, 17, 59, 69, 123, 168, 198, 245, 246, 249, 342, 344, 345, 415
Колхозники 58, 63, 267, 343, 434
Коммунизм 15, 59, 61, 65—67, 69, 71, 97, 242, 288, 289, 309, 342, 344, 350, 385, 439, 440, 447, 451, 454
Коммунистическая мораль 66, 348
Коммунистические субботники 47, 48, 50, 66
Коммунистическое воспитание 65, 346
Конкуренция капиталистическая 45, 46, 81, 124, 134, 151, 160, 215, 297, 304, 323, 337, 370, 384, 401, 422, 427
Кредит 117, 150, 153, 268, 282, 356, 365, 410, 413
Крестьяне 8, 97, 101, 207, 266, 338, 363, 411, 413, 441
Кризис 78—80, 88, 140, 141, 145, 298, 351, 355, 364, 366, 373, 376, 379, 380, 390, 391, 392, 394, 400, 402—404, 409, 411, 412, 417, 422, 424, 428, 435, 449, 450, 453
Кризис промышленный 80, 81, 98, 140, 141, 161, 357, 370, 400, 409, 434, 435
Кризис экономический 350, 352, 360, 362, 365, 372, 402, 434
Кризисы периодические 140, 274, 299, 409

Моральный износ (см. экономическое устарение)
МТС (машинно-тракторные станции) 16, 122, 124, 249
Монополии капиталистические 45, 297

Накопление 17, 85, 91, 112, 129, 131, 145, 214, 215, 223, 225, 227, 229, 230, 248, 256, 260, 261, 263, 266, 268, 276, 280—282, 287, 303—305, 313, 323, 324, 340, 357, 406, 438
Накопление капиталистическое 86, 91, 112, 405
Накопление социалистическое 114, 220, 227, 282, 285, 286, 362
Накопления норма 222, 230, 275, 279, 281, 282, 286, 322, 340
Налоги 32, 113, 125—134, 144, 146, 163, 284, 304, 394, 410
Налог с оборота 283—287, 340
Население 18, 24, 30, 35, 36, 46, 84, 94, 107, 112—114, 116, 118, 123, 126—128, 138, 139, 144, 146, 166, 177—180, 183, 205, 206, 220, 248, 250, 264—266, 288, 342—344, 363, 373, 376, 378—380, 404, 407, 408, 410, 412—415, 419, 420, 422, 423, 427, 434, 441, 446, 451, 453, 454
Население городское 10, 11, 13, 15, 16, 29, 364, 431
Население мирное 76, 110, 399, 408, 409
Население сельское 10, 13, 18, 177, 179, 364
Наука 14, 67, 134, 136, 139, 142—145, 151, 166—169, 171, 172, 186, 207, 232—250, 288, 289, 295, 298, 301, 306, 319, 336, 343, 345, 354, 360, 368, 385, 421, 423, 424
Начисления на заработную плату 32, 36, 327

Обмен 338, 363, 371, 382, 425
Оборудование 25, 26, 82, 84, 115, 121, 221, 271, 274—278, 280, 289, 292, 294, 307, 326, 342, 377, 387

Образование (просвещение) 11, 25, 35, 62, 66, 128, 144, 343, 346, 348, 440
Обращение 150, 284, 381, 391
Общество капиталистическое 239, 284, 347
Общество классовое 238, 265
Общество коммунистическое 439, 441
Общество социалистическое 8, 20, 46, 239
Орудия труда 238, 246, 247, 248, 265, 269, 280, 289, 333

Партия коммунистическая Советского Союза 44, 345—348, 395, 439, 448
Перераспределение 86, 284, 286, 304, 341
Питание 30, 31, 205, 206, 346, 414, 415, 439, 454
Питание общественное 30, 31, 343, 345, 346
Питания нормы 31, 32, 414—416
План 15, 17, 44, 59, 68—70, 77, 89, 120, 143, 241, 265, 266, 275, 276, 285—287, 318, 342, 345, 350, 355, 358, 360, 388, 415, 419, 420, 422, 425—428, 430, 431, 434, 436—438, 446, 448, 450
План генеральный 9, 71, 166, 318
План индустриализации 48, 448
План коллективизации 363
План народнохозяйственный 112, 240, 348, 357, 363, 430, 437
План перспективный 278, 300, 437
План производственный 44, 45, 278, 285
План семилетний 65, 66, 68, 70, 271, 288, 333, 342—350, 425—435
«План Маршалла» 362, 363, 365, 377, 387, 388, 392
Планирование 44, 70, 71, 88, 143, 165, 245, 246, 251, 253, 258, 263—266, 268, 269, 280, 309, 310, 313, 318, 325, 340, 341, 356—358, 362, 382, 401, 417, 436—438
Планирование лейбористское 355—359, 362
Плодородие 167—171, 177, 186, 195, 202, 206—211, 244
Площадь посевная 121, 199, 200, 201, 203, 206, 361, 410
Потребление 23, 84, 112, 129, 252, 256, 268, 342, 350, 370, 403, 413, 415
Потребление личное 266, 410
Потребление общественное 266, 312, 335
Предметы потребления (средства существования) 23, 146, 214, 215, 251, 254, 255, 258, 260, 261, 263—267, 318, 342, 403, 407, 412, 414, 420
Прибыль 32, 79, 80, 86, 93, 107, 125, 126, 131, 146, 160, 161, 215, 217, 218, 224, 274, 277, 281, 283, 285, 307, 322, 329, 331, 338, 340, 415
Прибыль добавочная 322
Прибыли норма 106, 125, 126, 161, 214, 215, 286, 322, 324, 329, 330, 335—340, 358
Продукт 38, 133, 234, 251, 377
Продукт валовый (брутто-продукт) 255, 256, 259, 261, 284, 286, 297
Продукт необходимый (продукт для себя) 266, 284, 285, 311, 312
Продукт прибавочный (для общества) 266, 284—287, 297, 303, 304, 311—313, 315, 327, 332, 337, 339
Продукт чистый (национальный, нетто-продукт) 254, 255, 299, 405, 410, 425
Продукты питания 17, 104, 105, 107, 134, 175, 205, 375, 407
Продукты ширпотреба 86, 284, 343, 407
Продукция 58, 70, 71, 84, 98, 99, 101, 210, 225, 231, 261, 268, 281, 303, 308, 311, 313, 314, 326, 328, 330, 332, 339, 343, 361, 369, 375, 387, 404, 407—409, 412, 417, 430, 436, 452
Продукция валовая 105, 146, 231, 256, 311, 317, 326, 327, 328, 330, 418, 429
Продукция военная 82, 84, 85, 88, 103, 104, 105, 108, 143, 144, 160, 404, 405, 407, 409, 412
Продукция гражданская 408
Продукция потребительная 414
Продукция промышленная (индустриальная) 51, 65, 93, 98, 101, 122, 124, 133, 141, 345, 349, 351, 352, 369, 372, 390, 400, 404, 406, 418, 421, 422, 424—428, 430—432, 450
Продукция сельскохозяйственная 17, 18, 119, 342, 434
Продукция товарная 297, 363, 365, 412, 438
Продукция чистая 224, 231, 311, 315, 327—329, 428, 429
Продукции объем 86, 270, 421, 431, 432
Производительность 35, 53, 223, 224, 306, 341, 411, 417, 425, 426, 434
Производительность труда 35, 36, 47—50, 60, 62—64, 66—68, 82, 88, 98, 111, 113, 133, 138, 151, 152, 207, 210—212, 219, 221, 222, 226, 234, 241, 250, 251, 255, 260, 261, 265, 268, 270—274, 278—280, 288, 292, 294, 298, 300—302, 304, 306, 309—317, 330, 333, 334, 339, 343, 344, 347, 349, 352, 385—387, 401, 419, 421, 425, 428, 451
Производительные силы 15, 36, 45, 46, 48, 59, 62, 74, 78, 81, 89, 90, 93, 112, 115, 119, 125, 126, 138, 146, 151, 153, 163, 164, 206—212, 220, 231—233, 236—241, 244, 246—248, 252, 255, 259, 289, 310, 313, 345, 361, 371, 390, 399, 409, 422, 438
Производство 13, 21, 32, 33, 67—70, 88, 104, 106, 115, 130, 148—150, 161, 166, 207, 234—236, 238, 239, 241, 252, 254, 255, 258, 261, 265, 270, 274, 281, 284, 285, 288, 290, 308, 314, 315, 319, 327, 338, 347, 368—371, 375, 377, 381, 388, 403, 409, 413, 414, 422, 432, 436, 441, 448, 453
Производство военное 81, 84, 160, 378, 409
Производство капиталистическое 78, 91, 422
Производство крупное (массовое) 7, 13, 15, 17, 45, 76, 290, 297, 300, 356
Производство мелкотоварное 7, 15, 45
Производство механическое (машинное) 32, 40, 76
Производство предметов потребления (II подразделение) 80, 82, 215, 256, 258, 262, 286, 318, 388, 389, 411, 412
Производство промышленное 15, 18, 376, 404, 409, 417—419, 423, 452
Производство средств производства (I подразделение) 82, 153, 215, 256, 258, 262, 318
Производства анархия 247, 403, 422
Производства механизация 249, 289, 299, 301, 342, 347, 353

Производства объем (уровень) 295, 342, 350, 428
Производства отрасли 36, 71, 81, 86, 159, 285, 320, 323, 330, 341, 350, 453
Производственная мощность 274, 275, 319, 325, 405, 426, 427
Производственная программа 115, 263, 265, 306
Производственный процесс 81, 238, 299, 321
Пролетариат (рабочий класс) 20, 21, 34, 44, 45, 52, 60, 97, 98, 126, 129, 250, 252, 357, 362, 357, 362, 417, 444
Промышленность 22, 44, 59, 68, 105, 107, 119, 123, 141, 142, 146, 149, 161, 165, 214, 242, 249, 250, 286, 288, 291, 306, 334, 340, 341, 344, 350, 370, 378, 379, 387, 389, 392, 394, 410, 412, 421, 431
Промышленность военная 86, 103, 116, 142, 143, 146, 371, 405, 409, 411, 453
Промышленность государственная 103, 279, 283
Промышленность гражданская 104, 407, 409
Промышленность крупная 14, 48, 75, 105, 418, 448
Промышленность легкая 104, 115, 146, 153, 323, 325, 361, 407, 408, 410
Промышленность машиностроительная 86, 89, 96, 97, 99, 101, 102, 108, 114—116, 119, 292, 295, 325, 350, 352, 353, 361, 369
Промышленность металлургическая 104, 106, 114, 119, 181, 249, 290, 293, 352
Промышленность нефтяная 291, 293
Промышленность обрабатывающая 79, 407, 410
Промышленность пищевая 104, 106, 115, 123, 146, 292, 325
Промышленность советская (социалистическая) 15, 47, 60, 300, 327, 352, 419, 423, 448, 452
Промышленность текстильная 104, 292
Промышленность тяжелая 53, 117, 146, 299, 318, 323, 342, 403, 404, 412, 420, 453
Промышленность угольная 53, 114, 122, 299, 331, 356
Промышленность химическая 86, 89, 97, 104, 106, 108, 115, 242, 291, 293, 294, 352
Промышленности отрасли 14, 30, 123, 293, 299
Противоречия 14, 15, 61, 72, 80, 87
Процент 153, 279, 284, 285, 305, 307, 329, 335, 377, 405, 406, 412, 417, 432, 436
Пятилетка 30, 97, 299, 350, 352, 354, 362, 393, 431, 433, 449, 450, 451
Пятилетка первая 44, 50, 53, 97, 98, 239, 269, 283, 328, 352, 363, 364, 448—451
Пятилетка вторая 44, 51, 98, 328, 352, 364, 450, 451
Пятилетка третья 98, 352, 451
Пятилетка пятая 427, 428
Пятилетка шестая 419, 427, 428, 431

Рабочая сила 14, 15, 18, 21, 23, 26, 34, 36, 38, 41, 62, 71, 81, 102, 105, 110, 132, 142—144, 146, 160, 224, 252, 266, 270, 289, 292, 295, 297, 298, 306, 307, 314, 319, 321, 324, 326, 328, 335, 337, 363, 417, 419
Рабочие 8, 10, 22—24, 30, 31, 34—36, 39, 40, 47, 49—52, 55, 57—60, 62—69, 78, 80, 94, 97, 98, 101, 105—107, 109, 126—129, 132—134, 142, 144, 153, 235, 239, 248, 252, 257, 265—267, 280, 281, 286, 290—293, 295—297, 299, 300, 305, 307, 308, 317, 319, 320, 328, 329, 335, 338, 339, 343, 353, 355—357, 362—364, 371, 376, 379, 387, 402, 403, 408, 414, 415—417, 420, 428, 430, 435, 441, 444, 450, 453, 454
Рабочие индустриальные (промышленные) 36, 39, 41, 51, 82, 299, 362
Рабочие квалифицированные 38, 42, 64
Рабочее время 67, 71, 304, 310, 311, 317, 343, 346, 349, 426, 434
Рабочий день 49, 71, 152, 249, 252, 298, 344, 346, 349, 410, 423, 426, 430, 431, 343
Рабочий класс (см. пролетариат)
Районирование 163—165, 168—170, 172, 173
Районирование естественноисторическое 171—174
Районирование экономическое 164—166
Разоружение 72, 77, 130, 135, 136, 138, 139, 142, 144—159, 162, 399, 408, 424, 436
Распределение 25, 39, 41, 108, 151, 266, 268, 278, 285, 286, 312, 321, 346, 347
Расход 33, 36, 39, 40, 113, 127, 139, 280, 304, 361, 414, 418, 440, 454
Расход военный 76, 77, 107, 112—114, 129, 130, 138, 379, 404, 406, 415
Расход денежный 327
Расход накладной 32, 160
Реализация 281, 286, 296, 297
Революция 55, 110, 265, 413, 431, 441, 448
Революция Великая Октябрьская социалистическая 14, 36, 61, 163, 164, 203, 283, 337, 417, 442—444, 451
Революция культурная 101, 239, 354
Революция промышленная 59, 234
Рента 307
Рентабельность 81, 214—216, 218—220, 222, 231, 274, 278, 279, 281, 285—287, 289, 297, 304, 313, 322—325, 329, 336, 338—341
Ресурсы 78, 84—87, 90, 102, 110, 112—114, 117—120, 125, 145, 147, 148, 163, 166, 170, 180, 182, 185, 189—191, 194—197, 202, 204—206, 226, 244, 258, 260, 262, 280, 353, 360, 369, 372, 373, 377, 393, 397, 423, 436, 443
Ресурсы земельные 179, 181
Ресурсы естественные 165, 166, 169, 171, 172, 200, 207, 423
Ресурсы материальные 76, 78, 88, 160, 259, 280, 370
Ресурсы пищевые (продовольственные) 369, 443
Ресурсы природные 164—168, 172, 175, 177—179, 211, 240
Ресурсы производственные 109, 115, 165, 213 224
Ресурсы сельскохозяйственные 166, 167
Ресурсы сырьевые 166, 167, 369
Ресурсы трудовые 79, 111, 246, 318, 326, 370
Рынок 20, 80, 81, 84, 86, 87, 90—92, 98, 103, 107, 115, 124, 131, 133, 137, 149, 151, 215, 227, 234, 235, 272, 290, 352, 372, 374, 376, 378, 383, 387, 388, 393, 394, 397, 399, 439
Рынок внутренний 91, 94, 98, 142, 297, 353, 357, 362, 363, 369, 378, 380, 391, 394, 401, 403, 439

Рынок капиталистический 45, 337, 394
Рынок колониальный 353, 362, 372
Рынок мировой (внешний) 91, 92, 94, 119, 125, 142, 160, 289, 297, 366, 368, 369, 383, 384, 388, 391, 397, 401, 409, 436, 439
Рыночная конкуренция 134, 215, 274, 403, 438
Рыночная конъюнктура 80, 143
Рыночная стихия 140, 214, 340, 355, 369, 394

Сбор (урожай) 171, 187, 189, 190—195, 198, 200—204, 206, 342, 361, 432, 435
Сбыт 133, 375
Себестоимость 113, 160, 217, 218, 220, 221, 224, 227, 228, 255, 283—286, 300—305, 310, 311, 315, 322, 324, 327, 329—332, 336, 337, 340
Снабжение 377, 390, 414
Совхозы 16, 17, 168, 198, 245, 248, 344, 345
Соревнование 49, 51, 59, 64, 66—69, 71, 348, 385
Соревнование мирное капиталистической и социалистической систем 99, 151, 161, 289, 299, 331, 342, 350, 351, 353, 354, 368, 369, 371, 374, 382, 386—420, 421, 425, 431, 438, 450—454
Соревнование социалистическое 37, 44—47, 49—52, 62—66, 71, 444, 451
Спрос и предложение 150, 151, 306, 357, 380, 384, 388, 390, 437
Средства производства 108, 146, 213, 215, 217, 218, 221, 238, 247, 251, 253—255, 258, 260, 262—265, 267, 270, 278, 286, 299, 320, 321, 335, 338, 342, 347, 358, 404, 405, 414, 420
Средства труда 258—261, 265, 267, 269—278, 280, 282, 316—319, 321, 323, 326, 327, 333, 335, 404, 409
Статистика 35, 244, 246, 268, 313, 416, 424, 437
Статистика зарубежная 144, 293, 406, 417, 419, 452
Статистика советская 264, 299, 300, 417, 419, 432
Стоимость 12, 20, 32, 36, 82, 131—134, 157, 208, 218—220, 222—226, 228, 230, 231, 248, 251, 252, 255, 256, 260, 266, 272, 273, 274—276, 281, 285, 286, 300—306, 310—315, 319—321, 323—325, 327, 330—341, 416
Стоимость, вновь созданная 221, 222, 225, 226, 297, 305, 323, 329, 338
Стоимость восстановительная 219, 273, 276, 281, 329
Стоимость индивидуальная 221, 315, 323, 339
Стоимость меновая 214, 311
Стоимость начальная 272—275, 277
Стоимость общественная 221, 337, 339
Стоимость перенесенная 221, 228, 277
Стоимость полная 218, 227, 228, 284, 304, 310, 312, 313, 322, 327, 330, 332, 336, 337, 340
Стоимость потребительная 213, 214, 219, 274, 330, 339
Стоимость прибавочная 78, 215, 239, 251, 252, 283, 284, 297, 304, 336
Строительство 13, 19, 21, 22, 24—26, 29, 50, 81, 96, 103, 115, 116, 146, 149, 166, 213, 216, 240, 249, 271, 275, 280, 299, 307, 318, 330, 331, 333—335, 342, 344, 351, 355, 360, 370, 404, 411
Строительство жилищное 9, 11, 12, 25, 28, 35, 144, 146, 342, 343, 349, 405, 410, 416, 428, 431, 453
Строительство капитальное 23, 114, 287
Строительство коммунизма 14, 43, 61, 64, 65, 67, 240, 344, 347, 350, 439
Строительство культурное 35, 71, 113, 114, 128, 241, 344, 345, 350
Строительство новое 55, 144, 215, 226, 263, 278, 280, 282, 321, 325, 405
Строительство социализма 15, 233, 234
Страхование социальное 32, 38, 40, 41, 43, 144, 307

Техника 32, 49, 53, 56, 60, 61, 63, 65, 67, 136, 137, 148, 151, 165, 166, 235, 241, 242, 244, 246, 249, 270, 271, 274, 275, 277, 278, 289, 294, 295, 302, 304, 308, 339, 350, 354, 360, 386, 387, 424
Техника военная 73—76, 89, 90, 99, 115, 130, 154, 156, 160, 161, 406
Техника новая (передовая) 50, 52, 56, 69, 91, 92, 99, 102, 116, 117, 120, 134, 153, 204, 213, 218, 221, 270, 274, 292, 294, 297, 302, 304, 305, 308, 309, 318—341, 351, 363, 367, 401, 420, 427
Техника устаревшая (отсталая) 270—272, 274, 276, 277, 300, 308
Техники износ (физический) 269, 271—275, 277, 279, 281, 308
Техники уровень 17, 166, 213, 215, 218, 221, 222, 277, 278, 280, 281, 287, 292, 297, 304, 308, 320, 321, 323, 325, 331, 333, 339, 386
Техники эффективность 45, 50, 63, 213, 305, 318—341
Технический (промышленный) прогресс 7, 75, 76, 92, 93, 133, 151, 160, 203, 216, 218—222, 228, 258, 260, 269, 271, 272—277, 288, 290, 299—302, 308, 319, 323, 325, 329, 333, 335, 336, 340, 388, 393, 394, 400, 412
Товарооборот (товарообмен) 150, 263, 338, 375, 385, 394, 395, 410, 412—414
Товар 119, 131, 150, 153, 238, 286, 310, 311, 337, 338, 343, 368, 377—379, 385, 387, 390, 392, 410, 414, 420
Торговля 146, 149, 228, 371, 372, 375, 377, 378, 380, 383, 384, 387, 388, 391, 392—395, 398, 401, 410, 412, 447
Торговля внешняя 145, 150, 151, 268, 357, 370—372, 374, 376, 378, 379, 381, 388, 397, 412
Торговля внутренняя 145, 268
Торговля розничная 134, 412
Транспорт 11, 17, 19, 23, 25, 32, 51, 105, 109, 114, 119, 120, 122, 146, 166, 227, 244, 249, 250, 292, 356, 362, 410, 439
Труд 8, 10, 11, 14, 16, 19—22, 29, 30, 33, 34, 43, 47—52, 56, 60, 61, 69, 73, 75, 85, 118, 122, 125, 126, 133, 138, 166, 167, 175, 177, 178, 183, 195, 207, 208, 210, 213—215, 219, 225, 228, 230, 231, 234, 240, 241, 244, 246—249, 252, 254, 259, 260, 261, 265—267, 271, 284—286, 288, 289, 293—295, 298, 299, 307, 310, 311, 313, 315, 317—319, 327, 333, 336, 343, 345, 347, 348, 350, 362, 388, 389, 414, 427, 441

Труда вооруженность 215, 254, 259, 260, 268, 287, 293, 300, 332, 340
Труда интенсификация 294
Труда затраты (количество) 10, 32, 36, 92, 166, 168, 175, 204, 208, 210, 214, 219, 220, 222, 223, 225, 229—231, 234, 235, 249, 272—274, 281, 303, 312, 320, 327, 330, 346
Труда механизация 18, 60, 124, 177, 178, 250, 288—290, 293, 297, 298, 300, 309, 387,
Труда организация 301—303
Труда отрасли 69, 86, 92, 93, 104, 105, 115, 116, 120, 140, 145, 146, 215, 233, 236, 239, 240, 244, 250, 262, 278, 279, 286, 292, 299, 300, 304, 309, 311—313, 317, 323, 325, 326, 340, 349, 372, 373, 387, 410, 427
Труда предметы 259, 260, 265, 315, 318, 321, 409
Труда разделение 13, 14, 52, 64, 150, 164, 165, 240, 263, 323, 345, 384, 397—399
Труда условия 47, 279, 288, 297, 304, 399
Труда экономия 8, 67, 71, 216, 221, 248—250, 271, 273, 284, 289, 293, 298—303, 314, 317, 319, 325, 326
Труда эффективность 71, 315, 350

Удобрения 171, 187, 190, 191, 193, 195—207, 209, 210, 361
Уровень жизни (благосостояние) 30, 31, 34, 36, 39, 40, 42, 82, 84, 85, 126, 144, 149, 152, 155, 226, 265, 266, 268, 318, 342—344, 373, 375, 377, 379, 389, 390, 398, 401, 403, 404, 409, 412—415, 420, 421, 423, 434, 449, 453, 454
Урожай (см. сбор)
Урожайность 187, 192—194, 197, 198, 202—205

Финансы 246, 286
Финансирование 360
Фонд 85, 113, 219, 221, 247, 264, 275, 277, 280, 283, 313, 319, 326, 328, 337, 344
Фонд возмещения 226, 255, 256, 267, 285
Фонд жилищный 343, 416
Фонд заработной платы 266, 285, 286, 297, 312, 315, 321, 353
Фонд накопления 85, 226, 277, 280, 282, 285, 286
Фонд потребления 85, 222, 257, 263, 266, 267, 279, 281, 282, 285, 286, 343, 350, 433
Фонд расширения производства 261—264, 266, 267
Фонд улучшения быта рабочих (ФУБР) 38, 40, 41
Фонды накопления 85, 226, 277, 280, 282, 282, 326
Фонды материальные 259, 262, 266, 267
Фонды модернизации 275—278, 280—282
Фонды оборотные 32, 259, 261, 337, 339
Фонды основные 32, 79, 84, 119, 219, 220, 259, 261, 262, 276, 321, 324, 328, 329, 331, 332, 337, 350, 406, 423
Фонды производственные 247, 321, 327, 333, 423
Фондов строение, 331, 332

Хлеб 23, 32, 102, 103, 124, 146, 147, 164, 175, 179, 193, 202, 203, 205, 238, 245, 248, 339, 346, 369, 383, 384, 399, 414, 415
Хозрасчет 37, 246, 272, 280, 287, 313
Хозяйство 25, 32, 34, 82, 90, 114, 120, 151, 200, 207, 211, 217, 241, 273, 397, 399, 417
Хозяйство домашнее 7, 8, 11, 13, 18, 32, 42
Хозяйство индивидуальное 34, 122, 124
Хозяйство капиталистическое (буржуазное) 14, 46, 140, 270, 235, 284, 297, 358
Хозяйство мировое 72, 74, 92, 235, 437
Хозяйство народное 48, 86, 89, 96, 97, 98, 101, 104, 112—115, 118, 120, 134, 143, 151, 215, 222, 228, 233, 240, 241, 244, 250, 251, 265—267, 271, 279, 286, 299, 300, 311, 313, 314, 325, 326, 331, 333, 341, 342, 344, 352, 353, 360, 364, 368, 400, 437
Хозяйство сельское 15—18, 34, 54, 110, 122, 123, 172, 174, 177, 192, 206, 210, 219, 244, 248—250, 279, 342, 344, 347, 349, 353, 363, 386, 410, 415, 420, 426—428, 431—435, 453
Хозяйство социалистическое (плановое) 44—46, 48, 70, 85, 98, 111—114, 116, 122, 139, 140, 190, 213—215, 219, 240—242, 250, 252, 258, 261, 265, 266, 268, 270—272, 275, 277—279, 282, 284, 285, 293, 294, 303, 325, 349, 352, 355, 356, 360, 362—364, 366, 369, 386, 412, 417, 419, 422, 424, 426, 427, 434, 437, 438, 453, 454
Хозяйство частное 103, 284
Хозяйства отрасли 249, 271, 286, 294, 349, 371

Цена производства 91, 92, 134, 284, 323, 330, 336, 337, 339, 340
Цены 32, 91, 92, 93, 108, 117, 128, 130, 132, 133, 135, 141, 222, 265, 268, 281, 284—286, 304, 313, 322, 335, 339—341, 365, 378, 382, 387, 388, 414, 418, 421
Цены заготовительные 77
Цены международные 91, 382, 388
Цены неизменные 274, 294, 299, 317, 319, 350, 404, 410, 412, 421, 424, 425
Цены оптовые 287, 340
Цены отпускные 77, 114, 215, 218, 228, 279, 286, 329
Цены плановые 279, 325
Цены расчетные 280, 282, 287
Цены розничные 287, 340
Цены рыночные 90, 280, 284
Цены сопоставимые 314, 328
Цены текущие 314, 405, 406, 410, 413
Цен отклонение 286, 313—315, 338
Цен повышение 92, 340, 375, 376, 388
Цен политика 279, 286, 382
Цен снижение (падение) 133, 218, 226, 375, 377, 387, 388, 438
Цен уровень 226, 229, 279, 287, 322, 323, 358
Ценообразование 134, 284, 286, 304, 323, 337, 340, 438
ЦСУ (Центральное статистическое управление) 210, 268, 299, 312, 314, 328

Экономика 72, 73, 77, 79, 89, 102, 104, 114, 135, 141, 142, 148, 149, 157, 160, 266, 280, 286, 345, 347—349, 365, 366, 370, 376, 377, 379, 388—390, 396, 397, 406, 407, 417, 421
Экономика буржуазная (капиталистическая) 79, 85, 161, 184, 295, 297, 303, 425, 427, 431, 434
Экономика военная 72, 77—79, 82, 83, 86, 104, 107, 110, 115, 125, 143, 264, 404

Экономика мирная 72, 77—79, 82, 90, 111, 264, 393, 400
Экономика мировая 74, 77, 146, 288, 368
Экономика советская 85, 161, 162, 253, 269, 270, 280, 283, 336, 350, 364, 375, 393, 400, 414, 419, 421, 422, 424, 428, 429, 431, 435, 454
Экономическая победа 351—354
Экономическая (хозяйственная) политика 294, 385, 412, 420, 447
Экономическая система 390, 391, 401, 421, 425
Экономическая эффективность 226—229, 240, 294
Экономическое устарение (моральный износ) средств труда 21, 115, 269—271, 274—280, 282, 308, 333
Эксплуатация 13, 52, 92, 153, 217, 225, 231, 239, 252, 279, 284, 364, 376, 402, 403, 423, 430
Эксплуатация труда 38, 55, 215, 240, 283, 297, 335, 399, 402
Эксплуатации норма 106, 256, 297
Экспорт (см. ввоз)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамов В. 121, 124
Алави Хатим Алибхай 375
Александер Генри 137, 411
Александр Македонский 432
Александров И. Г. 214
Амарал Рубенс 377
Андреев О. 160, 161
Андрианов С. 57
Анэ Клод 444
Арсеньев К. И. 163
Артюхов Ф. Н. 53, 59

Байков А. 120
Бакмэн Бернард 381
Баранов С. 53
Бачурин А. 285
Белов Н. 67
Белоусов И. 66
Бен С. 445
Берти Фрэнсис Левесон, лорд Тейм 445
Беттл Джон Стюард 363, 394
Бин Невиль Л. 306
Бобровский Л. 53
Боярская А. А. 30, 31
Брыков Б. 67
Буллок Фред 142
Бусыгин А. Х. 57, 58
Бушинский В. П. 204, 205
Бэрен Поль 142
Бэрк Гилберт 402—405, 410—413, 415—420

Вальтер Е. 449
Васильев Д. Н. 57
Великжанин 57
Вернер фон-Браун 424
Викери Оливер 372—374
Вильнер В. В. 173
Вильсон (Уилсон) Вудро 445
Вильсон Чарльз Эрвин 370
Вильямс В. Р. 171, 187
Вильямс (Уильямс) Френсис 452
Виноградова А. Н. 55, 56, 58
Виноградова Е. В. 56, 58
Вишнев С. 75, 86
Власов С. 306
Вознесенский Н. А. 77, 113, 117, 119
Волковский В. 67
Воробьев Н. Я. 105
Ворошилов К. Е. 99, 353

Гаррис Герберт 386—389
Герон Александрийский 234, 235
Гопкинсон Остин 447
Горбатюк А. 53
Гриневецкий В. И. 103, 104
Громов Л. М. 77
Грюнтер Альфред Максимилиан 396
Губерман С. Б. 33
Гувер Герберт Кларк 448
Гувер Кальвин Брис 453
Гуревич Л. Ф. 58

Дайс Мартин 451
Дарвин Чарлз Роберт 248
Дауэс Ч. 118
Дебс Юджин 445
Детердинг Генри 444
Дикушин В. И. 293, 294
Диллон Эмиль Джозеф 444
Диннинг 296
Дмитриев В. В. 28
Драйзер Теодор 451
Друмонд Роско 389
Дуглас Рауль Говард 411, 419
Душенков А. В. 52, 54—58
Дэвис Гарольд 380
Дюканов М. Д. 53

Евстафьев Г. 64
Ефимов А. Н. 418

Жданов А. А. 56

Зайнутдинов 53
Зверев А. 114
Зеленко 28

Изотов Н. А. 53
Исаченко 51
Итон Сайрус 149—151, 159
Ифтикаруддин М. 376

Казарин Т. 58
Карцовник П. Б. 51
Кастро Фидель 157
Кафенгауз Л. Б. 105
Кларк Коллин Грант 419
Книпович Н. С. 169
Ковалев С. 338
Колганов М. В. 429
Коллей Джон 235
Концедалов Д. 53
Коперник Николай 248
Косяченко Г. 122
Кривонос П. Ф. 57
Крицман Л. М. 79, 83
Кронрод Я. А. 83
Кроссмэн Ричард Говард Стаффорд 370
Крумм Генрих 381
Кузнец Симон 405

Кузовков 53
Куйбышев В. В. 454
Кукс Эрнст 430—433
Кумараппа Джозеф Корнел 376
Кураков И. Г. 303—305

Лайл оф Уэстборн, Чарльз Эрнест Леонард 444
Ласки Гарольд 451
Лебедев А. 67
Левенштейн М. 450
Ленин В. И. 14, 44—48, 50, 80, 83, 95, 97, 100, 125, 158, 206, 207, 243, 251, 253, 256—258, 260, 264, 342, 345, 348, 350, 352, 445, 447, 449, 450
Леонардо да Винчи 235
Либерман Е. Г. 434
Лихорадов Г. И. 56
Липпит Генри 453
Лобачевский Н. И. 243
Ллойд Джордж Давид 446, 447
Лысякова М. В. 55, 56
Львов Л. 160, 161
Любимов Н. Н. 117
Людмирский Д. 306
Люц Р. 445

Макарова М. Д. 52, 57
Макартур Дуглас 373
Маккарти Джозеф Раймон 383, 384, 393, 397, 403
Макэлрой Нейл Г. 424
Малышев И. С. 337
Мамай Н. Я. 66, 68
Маркс Карл 13—15, 60, 62, 65, 67, 73, 74, 78, 82—85, 166, 167, 172, 206, 207, 238, 239, 246—248, 250—259, 265, 278, 289, 291, 297, 303, 310, 311, 320, 321, 324, 330, 336—338, 340, 402
Масарик Томаш Гарриг 444
Маслов П. П. 123
Маудслей Генри 234
Мацкевич С. П. 17
Менделеев Д. И. 164
Мид Джеймс Эдвард 358
Минц Л. Е. 18
Михайловский А. Г. 193
Морган Джон Пирпонт 403, 411
Моррисон Герберт Стенли 355, 356, 358, 370
Мэкиндер Хальфорд 444
Мюрдаль Карл Гуннар 394

Нартов А. К. 234
Насер Гамаль Абдель 157
Нго Дин Дьем 400
Неру Джавахарлал 157, 452
Нестеров М. В. 380
Неудахина А. С. 57
Никсон Ричард М. 424
Нкруме Кваме 157
Ноу А. 427, 428
Ньюкомен Томас 235

Образцов В. Н. 22, 122
Олейников 53
Омельянов А. Я. 56, 57
Омон 446
Орджоникидзе Г. К. 58

Паннел Томас Чарльз 296
Панов А. 120, 122
Папен Дени 235
Паркер Сэндфорд 402—405, 410—413, 415, 420
Петраков А. 66
Петти Уильям 167
Пик Джон Эльмер 389
Плотников К. Н. 112, 113
Поиндекстер Линдсей Комфорт 443
Покатаев Ю. Н. 404, 416
Ползунов И. И. 234
Полляк Г. С. 38—40
Попов А. В. 51
Постышев П. П. 51
Прокш Отто 381
Прянишников Д. Н. 191
Пуанкаре Раймон 447
Пузанков 53

Рамсей 235
Рейтер Уолтер 454
Риджуэй Метью Панкер 373
Рикардо Давид 133
Риман Георг Фридрих Бернгард 243
Робинс Рэймонд 449
Роведа Джованни 376
Розенфельд Я. С. 84, 103
Роллан Ромен 451
Рукэйсер 450
Рэнд Г. 149

Савченко 53
Саймингтон Стюарт 149
Сайян Луи 379
Салтыков-Щедрин М. Е. 269
Саммерс 443
Сапрыков 129
Сейерс Майкл 444
Сельдес Джордж 443, 444
Семенов 56
Славникова Н. И. 57
Слассер Чарльз Эдвард 416
Сметанин Н. С. 52, 54—56, 58
Смит Адам 133, 356, 357
Сокхей Сахиб Сингх 152, 153
Сотник 28
Спарго Джон 444
Стадник 57
Сталин И. В. 246
Станулевич В. 67
Стаханов А. Г. 52
Степаненко 53
Стефенсон Джордж 235
Стеффенс Джозеф Линкольн 449
Стригачев В. И. 77
Судоплатов А. 122, 123
Сукарно 158
Сухаревский Б. 121, 123, 124
Сфорца Карло 448
Сэтон Ф. 429

Терпигорев А. 122, 123
Тимофеев Т. 296
Толстой Л. Н. 61
Торникрофт 145
Трапезников В. А. 290
Трумэн Гарри 370, 373, 404
Туре Секу 157
Турецкий Ш. Я. 340

Уатт Джемс 234, 235
Уилер Бертон К. 448
Уилки Уэнделл 452
Уильямс Фрэнсис 452
Уитни Т. 453
Уолтер Эдвард Теодор 448, 449
Урланис Б. Ц. 74
Уэйр Эрнст 396, 400

Фаустов С. А. 54, 58
Флойд Давид 434
Форрестол Джеймс 373
Фортунатов А. Ф. 169
Фош Фердинан 444
Фрейре Фелипе Флоренсио 377
Фрэнсис Давид Роуленд 443
Фултон Роберт 235

Херст Уильямс Рандолф 401
Хрущев Н. С. 138, 139, 147, 149, 152, 154—159, 162, 288, 346, 348, 418, 420
Хэмфри Джордж Мэгодин 411

Циммер 9

Чанд Гьян 376
Черчилль Уинстон Леонард Спенсер 358, 370, 392, 395, 442—444, 446, 451
Чуханов З. Ф. 326, 328—332

Шамбейрон Робер 374
Шарп Вильямс Древз 445
Шашков 64

Щусев А. В. 22, 23

Эвклид 243, 248
Эдвардс 296
Эйзенхауэр Дуайт Давид 130, 147, 154, 410, 454
Элдридж 449
Энгельс Фридрих 13—16, 62, 73, 74, 83, 167, 172, 206, 207, 238, 239, 247, 250—252, 254, 258, 278, 297, 310, 320, 321, 324, 336—338
Энсли Гровер 390, 425
Эттли Клемент Ричард 356, 358, 452

Юнг 118

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

I. Проблемы социалистических городов . . . 7
1. Индустриализация быта . . . 7
2. Город или деревня? . . . 12
3. Транспортная проблема . . . 19
4. Стоимость новых городов . . . 24
5. Новый быт и бюджет рабочего . . . 29
6. Коллективизация зарплаты . . . 37

II. О социалистическом соревновании . . . 44
1. Соцсоревнование и план . . . 44
2. Источники соревнования . . . 45
3. Этапы развития соревнования . . . 49
4. Характер движения новаторов . . . 54
5. О новых формах соревнования . . . 59
6. За коммунистический труд . . . 67

III. Проблемы военной экономики и всеобщего разоружения . . . 72
1. Война и экономика . . . 72
2. Проблемы воспроизводства в условиях войны . . . 78
3. Методы подготовки к войне . . . 89
4. Мобилизация экономики воюющих стран . . . 102
5. Проблемы восстановления . . . 116
6. Налоги и инфляция на службе милитаризма . . . 125
7. Всеобщее разоружение и экономика . . . 135
8. Проблема разоружения на XV сессии ОНН . . . 154

IV. Районирование природных ресурсов земледелия СССР . . . 163
1. Методология работы . . . 163
2. Итоги районирования . . . 174

V. Фактор времени в проектировках капитальных вложений . . . 213

VI. Роль науки в развитии производительных сил . . . 232
1. Что такое наука? . . . 232
2. Исторические корни науки . . . 236
3. Наука и производство . . . 241
4. Наука и производительные силы . . . 246

VII. Баланс народного хозяйства как орудие социалистического планирования 251
1. Схемы воспроизводства Маркса . . . 251
2. От исходных схем к развернутому балансу . . . 256
3. Баланс на службе планирования . . . 263

VIII. Физический и «моральный» износ средств труда . . . 269

IX. О налоге с оборота . . . 283

X. Экономические проблемы автоматизации 288
1. Автоматизация и ее значение в развитии производства 288
2. Эффективность автоматизации производства в условиях СССР . . . 291
3. Степень автоматизации в СССР и капиталистических странах . . . 292
4. Перспективы автоматизации производства в СССР 293
5. Автоматизация и ее последствия в капиталистических странах . . 295
6. Проблема эффективности автоматизации производства . . . 298
7. О методике определения эффективности автоматизации 301
8. Автоматизация производства и кадры 308

XI. К вопросу об измерении производительности труда . . 310

XII. Об эффективности новой техники 318
1. О критериях эффективности 319
2. Дискуссионные вопросы 321
3. О замораживании новой техники 326
4. О факторе времени 333
5. Стоимость или цены производства . . . 336

XIII. Семилетний план на 1959—1965 гг. 342
1. Решающий этап на пути к коммунизму 342
2. О зримых ростках коммунизма 345
3. О реальности семилетнего плана 348

НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕМЫ

I. Экономическая победа СССР 351

II. О лейбористском планировании . 355

1. «Свободное» планирование м-ра Моррисона 355
2. Письмо редактору газеты «Манчестер гардиан» 358

III. О «кризисах» в СССР 360
1. Письмо в редакцию газеты «Обсервер» 360
2. Без кризисов и безработицы (1917—1947 гг.) 361

IV. О Парижской конференции 1947 г. (Письмо в редакцию «Таймса») . . 365

V. Вопросы международной торговли 367
1. Необходимо восстановить международный торговый обмен 367
2. Итоги Московского экономического совещания 1952 г. 371
3. О расширении международной торговли 383

VI. О сотрудничестве и соревновании мировых систем . . . 386
1. Ответ м-ру Герберту Гаррису 386
2. Гонка вооружения или «гонка» повышения уровня жизни 389
3. «Холодная война» или торговля? 391
4. О международном сотрудничестве 395
5. Об экономическом соревновании 398

VII. Соревнование мировых систем продолжается 402
1. С больной головы на здоровую 402
2. Кому же угрожает кризис? 403
3. В «заботах» об СССР 411
4. О целях «немыслимых» 417

VIII. Темпы нашего роста 421

IX. Критикам новой семилетки 426
1. Редактору газеты «Таймс» (1958 г.) 426
2. Редактору газеты «Таймс» (1959 г.) 427
3. Редактору газеты «Таймс» (1960 г.) 428
4. Редактору газеты «Нейе цюрхер цейтунг» (1959 г.) 430
5. В редакцию «Дейли Телеграф энд Морнинг Пост» (1960 г.) 434
6. В редакцию «Фигаро» (1962 г.) 434

X. Новое в экономическом соревновании СССР — США 436
XI. О выступлении журнала «Штерн» 439
XII. Прогнозы западных мудрецов о судьбах СССР 442
1. В борьбе за признание 442
2. На творческом подъеме 447
3. В соревновании двух систем 450
Предметный указатель 455
Именной указатель 462

Станислав Густавович Струмилин

Избранные произведения

Том IV

Утверждено к печати
Отделением экономических наук
Академии наук СССР

Редактор издательства *В. А. Рубе* Художник *Н. Н. Симагин*
Технический редактор *Е. В. Макуни*

Сдано в набор 30/III 1964 г. Подписано к печати 26/V 1964 г.
Формат $70\times108^1/_{16}$. Печ. л. 29.25=40,75 усл. печ. л.
Тираж 4200 экз. Изд. № 3084/64 Тип. зак. 422.

Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Наука»,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства «Наука»,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
16	14 св.	электрический	эклектический
40	15 св.	зарплатам	заплаткам
84	8 св.	$v_{I} + m_{I} = c_{II}$	$v_{I} + m_{I} > c_{II}$
96	2 св.	соседелей	соседей
97	8 сн.	мобилизовывать	мобилизовать
114	5 св.	в этом росте	в этом, рост
147	22 сн.	игрой судьбы	игрой судьбами
148	26 сн.	полуденном	подлунном
193	1 св.	по разному	по равному
205	13 сн.	такого	такого же
219	20 сн.	$c_0 = c_t (1 \times p)^t$	$c_0 = c_t (1 + p)^t$
244	24 сн.	Астрономия	Астрометрия
455	Лев. кол. 11 св.	Автоматизации эффектность 289, 291	Амортизация 32, 36, 84, 111, 217, 221, 229,

С. Г. Струмилин, т. IV

